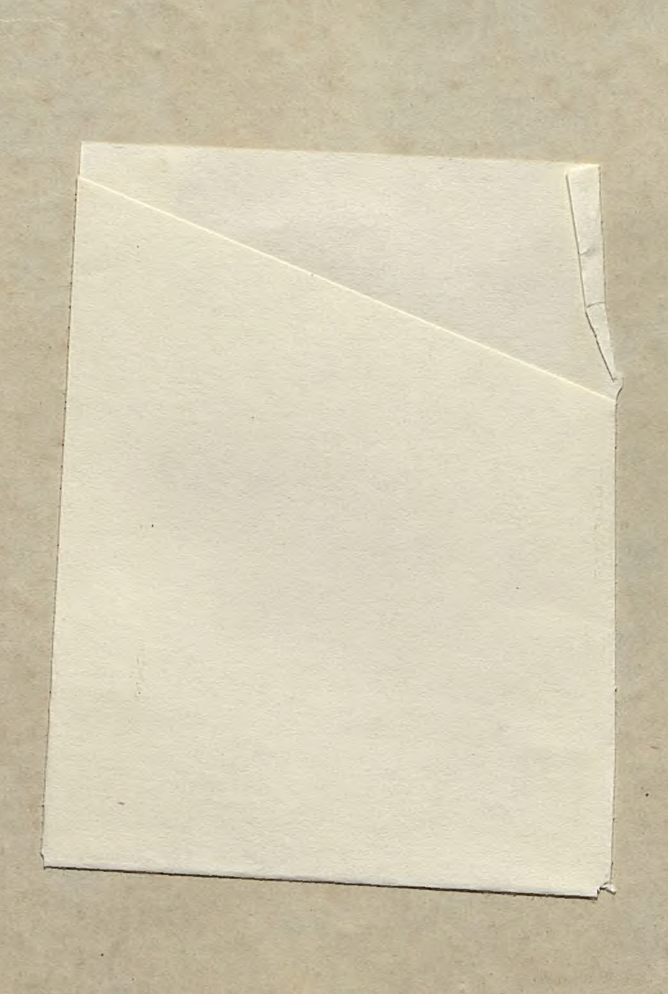
Боровой А.
История личной
свободы

Alexis Borowoï. HISTOIRE DE LA LIBERTÉ INDIVIDUELLE EN FRANCE.
Tome I-er. L'ancien régime et la révolution.

Алексѣй Боровой.

Исторія личной свободы во Франціи.

Томъ I-й.
Старый порядокъ и революція.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„La liberté est le but qui ne doit jamais être sacrifié et auquel tout doit être subordonné..."
E. Renan.

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1910.

Стр.

Чрезвычайныя мѣры Конституанты. Loi martiale. Декретъ о личной, имущественной безопасности и взысканіи налоговъ. 17-е іюля. Законъ 26 іюля—3 августа 1791 г.

Общая оцѣнка дѣятельности Конституанты.............. 273—411.

ГЛАВА IV.

Легислатива.

Общая характеристика обстановки, въ которой дѣйствуетъ Легислатива.

20-е Іюня. Объявленіе отечества въ опасности. Революція 10-го Августа. Сентябрьскіе дни.

Репрессивныя мѣры противъ неприсяжнаго духовенства. Чрезвычайныя мѣропріятія Легислативы. Законъ о паспортахъ. Законъ о безопасности 10-го августа 1792 г.

Общая оцѣнка дѣятельности Легислативы................ 412—470.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА.

Стр.

Предисловіе. Общія вводныя замѣчанія. Характеристика литературы вопроса. „Archives Parlementaires“ и ихъ критики. . . . 1—33.

ГЛАВА I.

Старый порядокъ.

Къ вопросу объ изученіи Стараго Порядка.

Организація дореволюціоннаго правосудія. Общія судебныя инстанціи и исключительныя юрисдикціи.

Матеріальное право Стараго Порядка. Ранніе французскіе ордоннансы. Анализъ ордоннанса 1670 г.

Lettres de cachet. Ихъ формы. Типы наказаній по lettres de cachet. Отношеніе къ нимъ дореволюціонной семьи. Борьба правительства съ административнымъ произволомъ. Инструкція барона де-Бретейля.

Lettres de cachet en blanc. Споры о нихъ въ исторической литературѣ. Lettres de cachet en blanc, какъ чрезвычайная мѣра принужденія. Организація полиціи въ эпоху Стараго Порядка. Борьба съ системой lettres de cachet дореволюціоннаго общества.

Борьба парламента за укрѣпленіе гарантій личной свободы. Политическая роль парламента въ XVIII-мъ вѣкѣ. Lits de justice. Lit de justice 1774 г. Реформа Тюрго и борьба съ нимъ парламента. Созваніе Нотаблей и парламентскія движенія 1787 г. Lit de justice 6-го августа 1787 г. Собраніе 19-го ноября 1787 г. Парламентскія ремонстраціи 1788 г. Декларація 3-го мая 1788 г. Lit de justice 8-го мая 1788 г. Королевская Декларація о созывѣ Генеральныхъ Штатовъ. Парламентъ и передовые слои дореволюціоннаго общества.

Государственныя тюрьмы Старой Монархіи.—Бастилія. Ея репутація и дѣйствительная роль въ послѣдней четверти XVIII-го

Стр.

вѣка.—Венсеннскій замокъ.—Бисетръ.—Провинціальныя тюрьмы.—Правительственныя мѣропріятія по улученію тюремнаго режима.

Неприкосновенность частной корресподенціи въ эпоху Стараго Порядка.

Заключеніе . . . . 34—210.

ГЛАВА II.

Личная свобода въ наказахъ 1789 г.

Общая характеристика наказовъ.

Критика наказовъ, какъ историческаго источника.

Соображенія А. Бретта и А. Ону. Вопросъ о достовѣрности наказовъ. (Позиція, занятая центральнымъ правительствомъ. Роль мѣстной администраціи и судейскаго сословія при составленіи наказовъ. Борьба въ собраніяхъ духовенства и приходахъ. Абсентеизмъ избирателей. Разноязычность и безграмотность французскаго народа наканунѣ революціи. Модели).

Вопросъ о личной свободѣ въ наказахъ. (Декларація правъ. Отношеніе къ системѣ lettres de cachet и проекты семейныхъ трибуналовъ. Государственныя тюрьмы. Реформа уголовнаго правосудія. Жилищная неприкосновенность. Почтовая тайна. Жандармерія).

Заключеніе . . . . 211—272.

ГЛАВА III.

Конституанта.

Декларація правъ человѣка и гражданина. Вопросъ о происхожденіи Деклараціи и общая оцѣнка ея, какъ освободительнаго акта. (Полемика Іеллинека и Бутми. Соображенія Тэна, Фагэ, М. Ковалевскаго и др.). Защита личной свободы въ Деклараціи.

Законодательство Конституанты объ административной юстиціи.

Гарантіи личной свободы въ конституціи 1791 г.

Судебная реформа Конституанты. Декретъ 8—9 октября 1789 г. Законы 16—24 августа и 7—11 сентября 1790 г. Мировыя бюро и семейные трибуналы. Законъ 29 сентября 1791 г. Инструкція 21 октября 1791 г.

Практика Конституанты въ области защиты личной свободы. (Борьба съ lettres de cachet. Заботы о тюрьмахъ. Жилищная неприкосновенность. Почтовая тайна.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга представляетъ собой первый томъ задуманной мною работы по «Исторіи личной свободы во Франціи съ эпохи Стараго Порядка до нашихъ дней».

Невозможность разработать и опубликовать одновременно весь матеріалъ, который удалось мнѣ собрать за время моего пребыванія во Франціи въ 1903—1905 гг., лишаетъ меня возможности опубликовать также и тѣ общіе выводы, къ которымъ я пришелъ на основаніи изученія интересовавшаго меня вопроса.

Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что выпускаемый мною теперь первый томъ, за которымъ въ непродолжительномъ времени должны послѣдовать и остальные, имѣетъ и самостоятельное значеніе въ виду исключительной грандіозности и интереса тѣхъ эпохъ, бѣглой характеристикѣ которыхъ онъ посвященъ.

Подъ «личной» или «индивидуальной свободой» я разумѣю въ моемъ изслѣдованіи такъ-называемую «личную свободу въ тѣсномъ смыслѣ этого слова», къ которой государственники и административисты относятъ a) личную безопасность или неприкосновенность, т. е. совокупность гарантій противъ произвольныхъ арестовъ и произвольныхъ наказаній; b) свободу передвиженія; c) неприкосновенность частнаго жилища и d) неприкосновенность частной корреспонденціи. Послѣдняя является необходимымъ логическимъ результатомъ личной безопасности [1]).

---

[1]) См., напр., *проф. Коркуновъ.* Сравнительный очеркъ Государственнаго права иностранныхъ державъ. Часть 1-я Спб. 1890 г. Стр. 97—107. *Градовскій* подъ „личной свободой въ тѣсномъ смыслѣ“ понимаетъ личную безопасность, т. е. свободу отъ произвольныхъ арестовъ и исключительныхъ судовъ, домашнюю неприкосновенность и письмовную тайну. Свободу передвиженія онъ разсматриваетъ особо. *Градовскій.* Собр. соч. т. V. Государственное право важнѣй-

При томъ необычайномъ богатствѣ литературы, которымъ располагаетъ Франція по самымъ разнообразнымъ проблемамъ государственной и политической жизни, моя книга, посвященная одному изъ наиболѣе животрепещущихъ вопросовъ даже и для настоящей эпохи, какъ-будто, нуждается въ особомъ оправданіи. Казалось бы Франція должна располагать въ этой области не только грудами сырого историческаго матеріала, но и серьезной спеціальной литературой, тѣмъ болѣе, что англійскій Habeas Corpus Act уже съ начала XIX-го столѣтія привлекаетъ вниманіе французскихъ ученыхъ, практическихъ юристовъ, политическихъ дѣятелей.

Но думать такъ было-бы заблужденіемъ! Правда, начиная съ эпохи Великой революціи, Франція накопила величайшее множество памфлетовъ, брошюръ, летучихъ листковъ и трактатовъ, посвященныхъ вопросамъ личной свободы. Правда, что мы затруднились бы указать хотя одну значительную работу по исторіи Фран-

---

нихъ европейскихъ державъ т. II, стр. 24—31. Эсменъ различные виды индивидуальныхъ правъ разбиваетъ на двѣ группы: „Одни изъ нихъ—пишетъ онъ—касаются преимущественно матеріальныхъ интересовъ индивидуума. Это—во-первыхъ, право на личную свободу въ тѣсномъ значеніи этого слова, т. е. не только на свободу безпрепятственно передвигаться съ мѣста на мѣсто, оставаться на территоріи государства или выѣзжать изъ нея, но также и на то, что люди XVIII вѣка называли безопасностью, т. е. гарантіею противъ произвольныхъ арестовъ, заключеній въ тюрьму и наказаній. . . . .; затѣмъ неприкосновенность частнаго жилища, какъ слѣдствіе и продолженіе личной безопасности. . .“. Наконецъ, къ индивидуальнымъ правамъ, касающимся матеріальныхъ интересовъ индивидуума, Эсменъ относитъ еще „право частной собственности“ и „свободу торговли, труда и промышленности“. *А. Эсменъ.* Основныя начала государственнаго права т. I. М. 1898. Стр. 365—366. Французскій административистъ Оріу называетъ эти виды индивидуальныхъ правъ „la liberté de l'être physique“. *M. Hauriou.* Précis de droit administratif et de droit public général. Paris 1897, стр. 198—201. Французскій государственникъ Леонъ Дюги также замѣчаетъ, что „Индивидуальной свободой называютъ обыкновенно свободу, которую, быть-можетъ, было бы точнѣе назвать физической. . .“. Неприкосновенность жилища Дюги разсматриваетъ, какъ „послѣдствіе и какъ-бы продолженіе индивидуальной свободы“. *Л. Дюги.* Конституціонное право. М. 1908. Стр. 711 и 746. Наконецъ, итальянскій государственникъ Орландо пишетъ, что личная свобода проявляется въ 1) свободѣ передвиженія и свободѣ выбора мѣстожительства, предполагающихъ гарантію противъ произвольнаго ареста и заключенія, противъ высылки и назначенія обязательнаго мѣста жительства, 2) въ свободѣ выбора профессіи или промысла, 3) неприкосновенности жилища и 4) въ соблюденіи письмовной тайны. *В. Орландо.* Принципы конституціоннаго права. М. 1907. Стр. 254—256.

ціи за послѣднее столѣтіе, которая такъ или иначе не коснулась-бы и вопроса о личной свободѣ. Но, всѣ эти главы, очерки, этюды отличаются или крайней поверхностностью или тенденціозностью и не могутъ претендовать на какую-либо научную цѣнность. Одни изъ нихъ писались на злобу дня и умерли съ минутой, ихъ породившей, другіе охватываютъ лишь короткій періодъ французской политической исторіи, третьи слишкомъ безцеремонно распоряжаются съ историческимъ матеріаломъ въ угоду своимъ политическимъ или партійнымъ симпатіямъ, четвертые, наконецъ, преслѣдуютъ широкія популяризаторскія цѣли. Работы большинства «корифеевъ» французской исторической литертуры, вродѣ Минье, Тьера, Мишле, Кине, Луи-Блана, Тэна и др., гораздо болѣе являются пламенными памфлетами, изобилующими боевыми лозунгами pro и contra [1]),

[1]) „...L'abondance même de documents—пишетъ одинъ изъ французскихъ историковъ—a quelquefois égaré les écrivains les plus consciencieux. Elle a aussi merveilleusement servi l'esprit de système et l'esprit de parti. Chacun a pu puiser dans cet océan de matériaux ceux qui convenaient à sa thèse, en éliminant les autres, et trancher des questions complexes ou incertaines par un jugement bref, dogmatique et absolu. Les pièces justificatives, on le sait, n'ont jamais manqué pour aucune théorie. Le savant Monteil, un peu exclusif lui-même se moquait de *l'histoire—bataille. Nous avons eu sur la Révolution l'histoire—roman, l'histoire—pamphlet, l'histoire—poëme, l'histoire—synthèse*, que sais—je? Toutes les opinions politiques, philosophiques et même théologiques, ont eu la leur....“ *Louis Combes.* Episodes et curiosités révolutionnaires. Nouvelle édition. Paris. Стр. 91—92. См. отдѣльныя характеристики хотя-бы у *Paul Janet.* Philosophie de la Révolution française. Paris 1875. *Aulard.* Etudes et leçons sur la révolution française, I série. Paris 1893. Leçon d'ouverture. *Эгюжс.* L'éloquence parlamentaire pendant la Révolution française. I—III. *Jaurès.* Histoire Socialiste 1789—1900. T. I. La Constituante (о Тэнѣ) и мн. др. Совершенно уничтожающее значеніе для методологическихъ пріемовъ Тэна имѣетъ новѣйшая работа Олара—„Taine historien de la révolution française“. Paris 1907, представляющая собой резюме публичныхъ курсовъ, читанныхъ авторомъ въ Сорбоннѣ въ 1905—1906 и 1906—1907 акад. годахъ. Оларъ не только прослѣживаетъ шагъ за шагомъ всѣ аргументаціи Тэна, но и занимается поистинѣ каторжнымъ трудомъ—повѣряетъ ссылки на первоисточники и иные матеріалы на всемъ протяженіи монументальной исторіи Тэна. Въ результатѣ такой самоотверженной работы Оларъ приходитъ къ слѣдующимъ тщательно обоснованнымъ и мотивированнымъ выводамъ: Тэнъ всегда и всюду достовѣрность приноситъ въ жертву своимъ личнымъ симпатіямъ, Тэнъ мало и поверхностно работалъ надъ источниками революціи, Тэнъ позволяетъ себѣ широкія обобщенія, не имѣя для нихъ надлежащаго матеріала, Тэнъ передергиваетъ факты, Тэнъ извращаетъ цитаты и цифры. Вотъ нѣкоторыя изъ замѣчаній самого Олара: „...Les sources qui s'offrent à lui au hasard, il y puise

чѣмъ спокойными «научными» изслѣдованіями, ревниво оберегающими факты прошлаго, равнодушными къ битвамъ настоящаго. Великая Революція до сихъ поръ продолжаетъ еще гипнотизировать своихъ изслѣдователей; до сихъ поръ продолжаютъ писаться работы «за революцію» и «противъ» нея; и съ этой точки зрѣнія трактуются и всѣ предшествующія и всѣ послѣдующія событія [1].

---

au hasard deux ou trois petits faits parmi des milliers, et il croit les avoir explorées à fond, il croit s'être complètement documenté...“ (стр. 33)..„...Son choix d'imprimés n'est ni critique, ni méthodique. Il a beaucoup lu, mais au hasard et n'importe quoi..“ (стр. 35)...„... Sur des milliers ou des centaines de cartons, il n'en a vu quelques, - uns, pris au hasard...“ (стр. 39).. „Son défaut le plus criant, c'est de généraliser au hasard...“ (стр. 48)... Il n'y a, dans ce roman philosophique, rien qui ressemble à de l'histoire. C'est aussi inutile que séduisant...“ (стр 64)...„Ces fantaisies n'ont rien d'historique... Ce sont des moyens d'avocat au service de sa cause, au service de sa thèse...“ (стр. 113)...„Les lacunes sont peut-être encore plus graves que les erreurs...“ Sa base documentaire, malgré un luxe de références, est incomplète, insuffisante, quoiqu'il s'imagine et dise avoir lu et vu tout ce qu'il y avait à lire et à voir...“ (стр. 325) „...On peut dire, après une vérification suivie et sans parti pris, qu'en ce livre une référence exacte, une transcription de texte exacte, une assertion exacte, c'est l'exception...“ (стр. 324)... „Cette généralisation abusive, c'est son procédé constant que j'ai dû dénoncer constamment, au risque d'être monotone: je dirais presque que c'est son seul procédé...“ (стр. 326)... „Son livre, tout compte fait, et en ses résultats généraux, me semble presque inutile à l'histoire...“ (стр. 330). Эти убійственныя характеристики, принадлежащія перу лучшаго знатока революціи, можно было-бы увеличить по желанію. Тэновская легенда кончилась. Какъ историкъ онъ болѣе не существуетъ.

Въ новѣйшее время особенно тенденціознымъ историкомъ революціи является *Ad. Wahl*. См. его a) Notabelnversammlung von 1787. Freiburg. 1899. b) Studien zur Vorgeschichte der Französischen Revolution. Tübingen. 1901. Въ нѣкоторыхъ своихъ построеніяхъ Валь идетъ дальше Тэна. Въ болѣе умѣренномъ тонѣ написана его позднѣйшая работа: Vorgeschichte der Französischen Revolution. Ein Versuch т. I—II. Tübingen. 1905—1907. См. т. содержательный очеркъ по исторіографіи французской революціи, принадлежащій перу проф. Карѣева въ 72-мъ полутомѣ Энц. Слов. Брокгауза и Ефрона. Стр. 650—654.

[1]) Я, конечно, слишкомъ далекъ отъ того, чтобы называть „научными“ только тѣ произведенія, въ которыхъ молчитъ личность ихъ авторовъ, въ которыхъ индивидуальныя стремленія и симпатіи затушеваны. Каждое значительное завоеваніе человѣческой мысли невольно несетъ на себѣ печать своего творца и является, поэтому, глубоко субъективнымъ. Продуманная, послѣдовательная и оригинальная работа должна быть индивидуальной, односторонней и смѣлой въ своихъ логическихъ выводахъ. Я совершенно согласенъ съ моимъ уважаемымъ товарищемъ В. А. Савальскимъ, писавшимъ въ своей недавно

Конечно, эта страстность, эта неспособность остаться безпартійной сообщают французской исторической литературѣ тотъ блескъ, напряженность, силу паѳоса, которые не имѣютъ себѣ равныхъ и невольно заражаютъ читателя. Но, единство и цѣльность настроенія, экстазъ и яркая красочность нерѣдко идутъ вразрѣзъ съ тѣмъ, что должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ въ историческомъ изслѣдованіи—достовѣрностью. Наконецъ, что касается монографій, спеціально посвященныхъ интересующему насъ вопросу, то, если не считать многочисленныхъ докторскихъ тезъ, въ лучшемъ случаѣ представляющихъ собой основательную сводку законодательнаго матеріала, и не менѣе многочисленныхъ книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей, обсуждающихъ частные вопросы личной свободы въ французскомъ законодательствѣ и практикѣ за тотъ или другой промежутокъ времени [1]), мы едва можемъ ука-

изданной работѣ: „Основы философіи права въ научномъ идеализмѣ", что „...эта односторонность не есть выраженіе только индивидуальности даннаго писателя,—которую въ такомъ случаѣ часто спѣшатъ охарактеризовать какъ субъективизмъ и, слѣдовательно, какъ нѣкоторую узость кругозора—эта односторонность...есть не выраженіе субъективной индивидуальности, а чистота метода"... И тѣ исторіи—памфлеты, которые намъ оставили Мишле, Л. Бланъ, Тэнъ и мн. др. представляютъ въ этомъ смыслѣ несравненно болѣе глубокій вкладъ въ сокровищницу философско—политической мысли, чѣмъ тысячи, „многогранныхъ", а потому неизбѣжно эклектичныхъ и неудовлетворительныхъ въ методологическомъ смыслѣ трудовъ присяжныхъ историковъ. Но, въ изслѣдованіи, подобномъ моему, гдѣ рѣчь идетъ не столько объ оцѣнкѣ историческихъ фактовъ, сколь о возможно полномъ и точномъ установленіи ихъ, оригинальныя работы, въ указанномъ выше смыслѣ, несмотря на всю ихъ значительность, не могутъ служить матеріаломъ, ибо самые факты, на которыхъ онѣ покоятся, выбраны односторонне. Для моей работы были важны не системы, а сырой матеріалъ.

[1]) Нельзя не отмѣтить здѣсь такихъ превосходныхъ работъ, какъ *A. Esmein.* Histoire de la procédure criminelle en France et spécialement de la procédure inquisitoire depuis le XIII siècle jusqu'à nos jours. Paris 1882. *Carnot.* De l'instruction criminelle T. 1—3. Paris 1830. *Faustin Hélie.* Traité de l'instruction criminelle ou théorie du code d'instr. crim. T. 1—9. Par. 1845—1860. *Coffinières.* Traité de la liberté individuelle à l'usage de toutes les classes de citoyens. T. 1—2. Par. 1828. Послѣдняя работа, дающая чрезвычайно много поучительнаго матеріала изъ судебной практики Имперіи и реставраціи, содержитъ въ себѣ нерѣдко цѣнныя критическія замѣчанія. Въ ней имѣется также обширный очеркъ, посвященный обзору иностранныхъ законодательствъ. Заслуживаютъ вниманія также изслѣдованія и статьи: *Nigon de Berty.* Histoire abrégée de la liberté individuelle chez les principaux peuples

зать двѣ работы, поставившія себѣ аналогичную съ нами задачу, т. е. изслѣдованіе института личной свободы за весь періодъ конституціонной исторіи Франціи.

Къ таковымъ мы относимъ: двухтомную работу Шалльмеля [1]) и изслѣдованіе Декуртэ [2]).

Работа Шалльмеля посвящена исторіи всѣхъ видовъ личной свободы во Франціи. Здѣсь рѣчь идетъ не только о личной безопасности, но также и о свободѣ совѣсти, свободѣ печати, собраній и т. д. Обширность задачи крайне невыгодно отразилась на содержаніи работы. Поверхностность, мѣстами дутый пафосъ, чрезмѣрное пристрастіе къ анекдотическому матеріалу, отсутствіе какой-либо критики источниковъ, лишаютъ ее всякаго научнаго значенія.

Книга Декуртэ, наоборотъ, представляетъ добросовѣстное и содержательное изслѣдованіе, но здѣсь центръ тяжести лежитъ не въ историческомъ анализѣ института личной свободы, а, по преимуществу, въ критикѣ Наполеоновскаго законодательства. Здѣсь, какъ и въ работѣ Шалльмеля, богатѣйшій парламентскій матеріалъ остается вовсе незатронутымъ и самое законодательство разсматривается внѣ исторической обстановки. Наконецъ, самые размѣры работы Декуртэ не позволили ему изслѣдовать судебъ интересующаго насъ института съ той обстоятельностью, какой онъ, по моему мнѣнію, заслуживаетъ [3]).

---

anciens et modernes. Paris 1834. *Ch. Morizot-Thibault.* De l'Habeas Corpus français en ce qui concerne le droit d'arrestation spontanée—въ „Séances et travaux de L'Académie des sciences morales et politiques". 1903. № 7. *Georges Picot.* Les garanties de nos libertés. La liberté individuelle. Paris 1903. *René Payaud.* La liberté individuelle ou fonctionnaires et citoyens devant la loi. Paris. 1904. *Herold et Jozon.* Manuel de la liberté individuelle. 2 éd. Paris. 1868. *G. Defontaine.* De l'arrestation et de la mise en liberté provisoire dans les legislations française et étrangères. Douai. 1886. *Eug. Poitou.* La liberté civile et le pouvoir administratif en France. Paris. 1869. Вообще же эта литература, независимо отъ ея внутреннихъ достоинствъ, чрезвычайно обширна и я считаю болѣе цѣлесообразнымъ дать подробный ея перечень, въ томѣ, посвященномъ характеристикѣ современнаго французскаго законодательства о личной свободѣ.

[1]) *A. Challamel.* Histoire de la liberté en France depuis les origines jusqu'en 1789 (т. I) et depuis 1789 jusqu'à nos jours (т. II) Paris. 1886.

[2]) *Albert Decourteix.* La liberté individuelle et le droit d'arrestation. Paris. 1879.

[3]) Нельзя не отмѣтить также особо очень добросовѣстнаго, написаннаго по первоисточникамъ изслѣдованія *Edmond Seligman'a* „La justice en France pen-

Я думалъ, поэтому, что моя работа, посвященная изслѣдованію одного изъ крупнѣйшихъ моментовъ правовой жизни буржуазнаго государства, можетъ представить и самостоятельный интересъ, тѣмъ болѣе, что въ основу ея былъ положенъ свѣжій, въ значительной мѣрѣ неиспользованный еще матеріалъ.

Мнѣ остается лишь объяснить, почему я темой изслѣдованія избралъ именно исторію *личной безопасности* и притомъ во Франціи.

Занятія мои надъ политической исторіей современнаго буржуазнаго общества привели меня къ убѣжденію, что всѣ извѣстныя намъ формы политической свободы остаются миѳомъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ утверждены на незыблемомъ основаніи гарантіи личной неприкосновенности. Обезпеченіе личной свободы, въ этомъ смыслѣ, есть необходимая основа всякаго правопорядка съ развитой политической свободой; личная неприкосновенность есть жизненный нервъ политическаго организма, неизбѣжное условіе его свободнаго всесторонняго развитія. Отсутствіе или лишеніе гарантій личной неприкосновенности разрушаютъ всю политическую жизнь, ибо всѣ прочія «свободы»—миражъ безъ этой основной гарантіи [1]). Безошибочно можно утверждать, что по тому или другому состоянію личной свободы у извѣстнаго народа въ опредѣленную эпоху можно конструировать весь его политическій организмъ, измѣрить политическую культуру націи. Изъ всѣхъ, напримѣръ, современныхъ намъ буржуазныхъ странъ наиболѣе развитыми формами политической свободы обладаетъ Англія. Только тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи, личность неприкосновенна, гдѣ Habeas Corpus Act ревниво охраняетъ личную свободу каждаго гражданина, независимо отъ его положенія на соціальной лѣстницѣ, только тамъ и могутъ широко расцвѣсть и другія формы полити-

---

dant la Révolution“ (1789—1792). Paris. 1901. Но, помимо того, что это изслѣдованіе обнимаетъ относительно очень короткій промежутокъ времени, оно ставитъ себѣ также спеціальную задачу, расходящуюся съ нашей.

[1]) Съ кристальной ясностью понималъ это Михайловскій, когда на общественномъ распутьѣ въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ писалъ: „...Если мы, въ самомъ дѣлѣ, находимся накануиѣ новой эры, то нуженъ прежде всего свѣтъ, а свѣтъ есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна безъ личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требуетъ гарантій...“ *Н. К. Михайловскій.* Собраніе сочиненій. Т. IV, стр. 952—958.

ческой свободы; только тамъ возможно открытое свободное исповѣданіе своихъ убѣжденій безъ опасенія репрессій со стороны администраціи [1]).

Обратнымъ примѣромъ можетъ служить Франція, даже и современная, съ ея могучимъ правительственнымъ механизмомъ, чрезмѣрной властью администраціи, широкимъ правомъ административныхъ арестовъ, исторически слабымъ уваженіемъ къ правамъ личности.

Таковы соображенія, которыя привели меня къ изученію основной и наиболѣе важной формы личной свободы. Причины же, побудившія меня избрать для изученія именно исторію Франціи, были слѣдующія:

Прежде всего политическая исторія Франціи представляетъ глубокій интересъ, благодаря сложности и разнообразію ея политическихъ режимовъ. Было любопытно прослѣдить эволюцію института въ зависимости отъ характера соціально-политическихъ воззрѣній тѣхъ, кому суждено было послѣдовательно становиться у кормила власти.

Во-вторыхъ, съ самаго начала XIX-го столѣтія до нашихъ дней во Франціи непрерывно раздавались и раздаются голоса о недостаточности гарантій личной свободы, голоса, идущіе не изъ крайнихъ политическихъ лагерей, а изъ умѣренныхъ буржуазныхъ слоевъ французскаго общества [2]). Одна наличность этого недоволь-

---

[1]) Разумѣется, вышесказанное сохраняетъ свою силу лишь до тѣхъ поръ, пока рѣчь не идетъ о посягательствахъ противъ самой сущности современной общественной системы—института частной собственности. Въ послѣднемъ случаѣ всякая, даже и мирная манифестація можетъ кончиться битвой, какъ это и было въ 1887-мъ году въ день „Bloody sunday“ у Трафальгарскаго сквера.

Конечно, и англійская практика—весьма далека отъ совершенства. Неудовлетворительная организація полицейскаго дознанія и по сію пору вызываетъ справедливыя нареканія со стороны общественнаго мнѣнія. См. напр., полную интересныхъ фактовъ статью Діонео въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1904. № 10.

[2]) По поводу знаменитаго § 10-го „Code d'instruction criminelle“, предоставляющаго департаментскимъ префектамъ и Парижскому префекту полиціи, т. е. органамъ администраціи, право совершать аресты, выросла громадная, по преимуществу, журнальная литература. Подавляющее большинство изслѣдователей усматриваетъ въ этомъ параграфѣ Устава Уголовнаго Судопроизводства вопіющее нарушеніе принципа индивидуальной свободы, возглашаемаго цѣлымъ рядомъ французскихъ конституцій и декларацій.

ства болѣе чѣмъ черезъ 100 лѣтъ послѣ революціи, провозгласившей гарантіи личной свободы краеугольнымъ камнемъ «не деспотической» общественной организаціи, показываетъ, что въ Франціи еще и до сихъ поръ не закончепъ элементарный процессъ буржуазной эмансипаціи отъ гнета административнаго произвола [1]). Мнѣ представлялось крайне интереснымъ, поэтому, выяснить причины столь медленнаго созрѣванія французскаго буржуазнаго законодательства, несмотря на его давнишнее теоретическое преклоненіе передъ англійскимъ Habeas Corpus Act'омъ.

---

[1]) Объ этомъ ярко свидѣтельствуетъ хотя-бы уже фактъ существованія во Франціи цѣлыхъ двухъ обществъ, занятыхъ исключительно разслѣдованіемъ случаевъ нарушенія индивидуальной свободы и защитой гражданъ отъ административнаго произвола. Первое общество—„Ligue Française pour la Défense des Droits de l'Homme et du citoyen". Оно было основано 4-го Іюня 1898 г. по инициативѣ литератора Трарье подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ дрейфусіады. Въ 1904 г. оно имѣло уже слишкомъ 50.000 членовъ. Основные параграфы его статута гласятъ: § 1.—Il est constitué une association française destinée à défendre les principes de liberté, d'égalité et de justice énoncés dans la Déclaration des Droits de l'Homme de 1789. § 3.—Elle fait appel à tous les républicains, pour combattre l'illégalité, l'arbitraire et l'intolérance. § 4.—Les moyens d'action de la Ligue sont les réunions, les publications, les pétitions aux chambres, l'intervention, le cas échéant auprès des représentants du pouvoir et des administrations publiques и. т. д. Въ изложеніи принциповъ лиги имѣются слѣдующіе desiderata: „Il faut que les droits d'un accusé, quelles que soient ses opinions religieuses ou politiques, soient respectés par ses accusateurs et par ses juges..... Il faut que la raison d'Etat ne puisse en aucun cas être inovoquée contre lui... Il faut que désormais, si sa liberté est menacée ou si son droit est méconnu, il trouve auprès de la Ligue une aide fraternelle et dévouée..." Лига объявила себя внѣпартійной. (См. объ этомъ особ. въ рѣчи ея президента Francis de Pressensé, произнесенной на юбилейномъ засѣданіи лиги 4-го Іюня 1904 г. и напечатанной въ ея Бюллетенѣ отъ 15-го Іюля 1904 г.). Фактически лига, однако, стояла, по преимуществу, на стражѣ интересовъ лѣвыхъ республиканцевъ, особенно въ эпоху Министерства Комба. Лига имѣетъ цѣлый рядъ пропагандистскихъ изданій и выпускаетъ два раза въ мѣсяцъ „Bulletin officiel". Второе общество стоитъ гораздо дальше отъ политической жизни. Оно носитъ названіе „Ligue pour la défense de la liberté individuelle" и обязано своимъ процвѣтаніемъ, прежде всего энергіи ея президента—выдающагося юриста Henri Coulon. Среди многочисленныхъ работъ послѣдняго (главнымъ—образомъ, въ области гражданскаго права—семейнаго и наслѣдственнаго) выдающееся мѣсто занимаютъ и его труды, посвященные защитѣ индивидуальной свободы. Онъ написалъ: а) Le jury correctionnel. Projet de loi. 2 изд. Par. 1900. в) De la liberté individuelle. Exposé des motifs et projet de loi. Par. 1901 c) idem. въ сокращенн. видѣ d) Article 10 du Code d'instruction criminelle. Son abrogation urgente

Наконецъ, меня привлекала къ себѣ и специфическая художественность французской исторіи, ея красочность, чеканность, доходящая порой до лубочности. Фигуры въ родѣ Руссо, Мирабо, Робеспьера, Наполеона I, Тьера и мн. др. стали классическими въ ихъ яркой законченности.

Я прекрасно понимаю чрезвычайную трудность взятой на себя задачи. Передо мной лежала необъятная литература. Меня могла страшить не скудость, а богатство источниковъ, часто еще не тронутыхъ, неизвѣстныхъ.

Самый хронологическій объемъ моей работы не позволялъ мнѣ сосредоточить вниманія исключительно на какой-нибудь одной эпохѣ. Наконецъ, все время долженъ былъ я тщательно остерегаться, чтобы не повторять того, о чемъ уже раньше трактовалось въ исполненныхъ блеска и таланта трудахъ французскихъ историковъ. Возможно, что много разъ я не сумѣлъ удержать нужнаго равновѣсія, отъ чего пострадала стройность плана, вкрались недосмотры и пробѣлы. Я глубоко сознаю самъ недостатки моей работы и ищу нѣкотораго оправданія лишь въ трудностяхъ поставленной задачи.

Въ немногихъ словахъ я попытаюсь охарактеризовать тотъ матеріалъ, на которомъ построена моя работа.

Въ главѣ, посвященной Старому Порядку, я не занимаюсь этой эпохой en bloc, а останавливаюсь лишь на послѣдней ея порѣ, т. е. царствованіи Людовика XVI-го. Я полагалъ свою задачу въ томъ, чтобы нарисовать состояніе личной свободы въ законодательствѣ и практикѣ наканунѣ революціи; центральнымъ пунктомъ очерка является вопросъ о lettres de cachet. Хотя еще въ XVIII в.

Par. 1902. e) Modifications essentielles à apporter à la Loi de 1897 sur l'instruction criminelle suivi d'un projet de loi. Par. 1902. f) De l'inconvénient devant la justice française de faire éclater son innocence avant le moment opportun. Par. 1904. Пользуюсь случаемъ, чтобы высказать горячую благодарность уважаемому президенту лиги и ея секретарю—адвокату Armand Delhoumeau за драгоцѣнное содѣйствіе, оказанное ими при моемъ изученіи современнаго французскаго законодательства о личной свободѣ.

Дѣятельность этихъ двухъ обществъ, весьма благотворная по своимъ результатамъ, а, слѣдовательно, необходимая—живая укоризна архаическому механизму, претящему современному правосознанію.

Дезессаръ, авторъ извѣстнаго «Dictionnaire Universel de police» увѣрялъ, что о lettres de cachet писалось такъ много, что трудно сказать о нихъ что либо новое [1]), роль административнаго ареста въ различные періоды Старой Монархіи и по сію пору остается далеко не выясненной; на нашихъ глазахъ трудолюбивые архивные изслѣдователи въ пыли провинціальныхъ связокъ находятъ все новые и новые матеріалы, нерѣдко проливающіе неожиданный свѣтъ на извѣстные намъ доселѣ факты; еще болѣе неясными и отрывочными остаются наши свѣдѣнія о всемъ, что касается такъ—называемыхъ lettres de cachet en blanc. Наряду съ категорическими завѣреніями о величайшихъ злоупотребленіяхъ ими, раздаются и теперь еще голоса, упорно отрицающіе самую возможность ихъ существованія. Несмотря, поэтому, на чрезвычайное обиліе литературы, посвященной Старому Порядку, мы далеко не можемъ согласиться съ утвержденіемъ нѣмецкаго историка, что французское королевство эпохъ Людовиковъ XV и XVI-го было изучаемо такъ часто и такъ всесторонне, что едва уже можно различать «zwischen Bekanntem und weniger Bekannten» [2]).

Новѣйшія архивныя изслѣдованія проф. Лучицкаго о крестьянской поземельной собственности наканунѣ революціи [3]), недавнія работы Bord'a, Biollay, и Аѳанасьева о «pacte de famine» [4]), замѣчательная критическая работа A. Brette'a, относящаяся къ созванію Генеральныхъ Штатовъ 1789 г. [5]),наконецъ, громадный архивный матеріалъ, раз-

[1]) *Des Essarts.* Dictionnaire Universel de police. Paris. 1786—1790 т. VI, стр. 27.

[2]) *Eugen Guglia.* Die Konservativen Elemente Frankreichs am Vorabend der Revolution. Zustände und Personen. Gotha. 1890. Предисловіе стр. VIII.

[3]) *Проф. Лучицкому* принадлежитъ цѣлый рядъ работъ, посвященныхъ исторіи крестьянскаго землевладѣнія до революціи: a) Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. Кіевъ 1894. b) Крест. позем. собств. во Франціи до революціи и продажа націон. имуществъ. Кіевъ 1896. c) Нов. изслѣдов. по исторіи крестьянъ во Франціи XVIII в. Кіевъ 1896. d) Крест. землевлад. во Франціи накапунѣ революціи. Кіевъ 1900.

[4]) *Biollay.* Etat économique sur le XVIII siècle. Le pacte de famine. L'administration du Commerce. Paris. 1885. *Bord.* Histoire du blé en France. Le pacte de famine. Histoire. Légende. 1887. *G. Afanassiev.* Le pacte de famine. Paris. 1890.

[5]) *Armand Brette.* Recueil de documents relatifs à la Convocation des Etats Généraux de 1789. T. 1—3. Paris 1894. 1896. 1904. Изд. „Collection de documents inédits sur l'histoire de France“.

работанный проф. Ардашевымъ и А. Ону въ ихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ [1]) и множество другихъ, менѣе значительныхъ работъ, открывающихъ совершенно новыя переспективы, служатъ краснорѣчивѣйшимъ опроверженіемъ вышеприведеннаго мнѣнія нѣмецкаго ученаго.

Наоборотъ, политическія страсти и симпатіи, игравшія всегда значительную роль въ судьбахъ французской исторіографіи, раздирающія ее еще и по сію пору на два враждебныхъ лагеря, породили множество легендъ, нерѣдко извращавшихъ истинный смыслъ историческихъ событій; только въ послѣднее время на почвѣ широкой и вдумчивой разработки архивныхъ данныхъ явилась возможность отдѣлить миѳы отъ истинныхъ фактовъ и медленно, шагъ за шагомъ, возстановлять историческую правду.

Наказы 89-го г. представляютъ, несомнѣнно, одну изъ самыхъ любопытныхъ, но въ то же время одну изъ самыхъ темныхъ, неопредѣленныхъ и мало изученныхъ страницъ французской исторіи [2]). Несмотря на общепризнанное значеніе этого грандіознаго національнаго памятника для оцѣнки дореволюціоннаго режима, несмотря на общее обиліе французской исторической литературы, относящейся къ этой эпохѣ, Франція и до сихъ поръ не имѣетъ истинно научнаго критическаго изданія наказовъ. Только въ самое послѣднее время, съ появ-

---

[1]) *Проф. Ардашевъ.* Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору Стараго порядка. 1774—1789 Т. I—II. Спб. 1900. Кіевъ 1906. III-й томъ представляетъ обширный сборникъ документовъ: „Les intendants de province sous Louis XVI“. Appendice. Première partie: Pièces justificatives. Jouriev (Dorpat) 1903. *А. Ону.* Выборы 1789 г. во Франціи и наказы третьяго сословія съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія истинному настроенію страны. Спб. 1908. Послѣдняя работа печаталась въ теченіе болѣе 10 лѣтъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія. Въ 1895 г. въ Іюльской книжкѣ стр. 116 — 130 была напечатана Ону отдѣльная статья, посвященная трудамъ А. Бретта: „Изданія текстовъ по новой исторіи“.

Оба изслѣдованія проф. Ардашева и А. Ону—и въ методологическомъ отношеніи и по величинѣ затронутаго матеріала являются выдающимися событіями новѣйшей исторической литературы. Это уже отмѣтила и западная ученая критика.

[2]) „..Наказы, въ которыхъ выразилось отношеніе народа и руководящихъ классовъ къ Старому Порядку—пишетъ М. Ковалевскій—еще недостаточно изученный источникъ“. *М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи, т. I. Предислов. стр. VI—VII. „Наказы—пишетъ А. Ону—не только не изучены систематически, но даже не приведены еще надлежащимъ образомъ въ извѣстность“. *А. Ону.* о. с. стр. 440.

леніемъ выдающихся работъ современнаго французскаго историка A. Brette'a, можно надѣяться, наконецъ, что этотъ ощутительный пробѣлъ будетъ восполненъ и драгоцѣнный историческій документъ, оставленный дореволюціонной Франціей, будетъ очищенъ отъ произвольныхъ наслоеній и искаженій, извратившихъ физіономію памятника.

Изданія Cahiers—многочисленны, но немногія изъ нихъ могутъ претендовать на какое либо научное значеніе. Самымъ крупнымъ изъ этихъ изданій, пользующимся наибольшей извѣстностью, являются конечно, наказы, собранные въ первыхъ семи томахъ колоссальной коллекціи «Archives Parlementaires», начатой Лораномъ и Мавидалемъ еще въ 60-хъ годахъ и продолжающей выходить и нынѣ, но уже при сотрудничествѣ другихъ лицъ [1]). Несмотря на свои грандіозные размѣры, обиліе всякаго рода документовъ приложеній, справочныхъ таблицъ, это Собраніе пользуется въ спеціальной французской литературѣ въ общемъ печальной репутаціей.

Въ виду того, что Archives Parlementaires являются для насъ не только главнымъ источникомъ при изученіи наказовъ, но и при знакомствѣ со всей дальнѣйшей парламентской исторіей Франціи, мы считаемъ необходимымъ подробно остановиться на характеристикѣ ихъ.

Первое серьезное нападеніе на Archives Parlementaires было сдѣлано еще въ 1889 г. Одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ историковъ, Гиффре, въ горячей статьѣ, спеціально посвященной этому изданію, стремился показать полную ненаучность всего этого грандіознаго предпріятія [2]).

Составители Archives Parlementaires хотѣли въ своемъ изданіи дать все, что было сказано или представлено въ письменномъ

---

[1]) *Archives Parlementaires* представляютъ собраніе матеріаловъ, относящихся къ дѣятельности законодательныхъ собраній съ 1789 по 1860 г. Это собраніе выходитъ двумя серіями. Первая съ 1789 по 1800, вторая съ 1800 г. ad finem. Мы ознакомились съ 63-мя томами первой серіи и 108-ю второй. I-ый томъ I-ой серіи представляетъ собой перепечатку Предисловія и Введенія, помѣщенныхъ Thuau-Granville'мъ въ 1-мъ томѣ „Moniteur'a" изданія 4-го года. Тома II по VI заключаютъ наказы; т. VII-ой является ихъ „Table Générale". Съ VIII-го тома начинается дѣятельность Конституанты.

[2]) *J. Guiffrey.* Etude sur la collection publiée sous le titre de „Archives Parlementaires". „La Révolution Française". 1889. Janvier 14.

видѣ въ французскихъ палатахъ въ теченіе 60 лѣтъ [1]). Какъ же редакція отнеслась къ своей задачѣ? На этотъ вопросъ и пытается отвѣтить Гиффре.

Съ 12-го Іюня 1789 г.—говоритъ онъ—впервые начали публиковаться протоколы засѣданій, которые съ 17-го Іюня становятся протоколами Національнаго Собранія. Это—единственно полный оффиціальный отчетъ всѣхъ дебатовъ Собранія и онъ долженъ служить основой для всякой окончательной публикаціи о Парламентскихъ Собраніяхъ. Его нужно строго отличать и отъ отчетовъ Moniteur'а—«plus ou moins sincère» замѣчаетъ Гиффре. Но Archives Parlementaires совершенно умалчиваютъ объ источникахъ ихъ позаимствованія и многочисленные случаи обнаруживаютъ, что Archives охотнѣе слѣдуютъ неполному Moniteur'у, чѣмъ подлиннымъ протоколамъ, съ которыми изложеніе ихъ часто не совпадаетъ. Такимъ образомъ, къ тексту, опубликованному Archives, невольно рождается недовѣріе; онъ оставляетъ впечатлѣніе небрежной и случайной работы. Таблицы, помѣщенныя въ Archives, также совершенно неудовлетворительны. И это тѣмъ болѣе удивительно, что составители могли бы до извѣстной степени использовать «превосходныя» — по мнѣнію Гиффре—таблицы изъ «Procès-verbaux des premières Assemblées révolutionnaires», выработанныя подъ руководствомъ Камюса. Нѣсколько ниже Гиффре называетъ эти «Tables» даже chef-d'oeuvr'омъ своего рода. Наоборотъ, таблицы Archives не имѣютъ никакой научной цѣнности. Географическая терминологія даетъ образчики необыкновенной путаницы. То же самое можно сказать о собственныхъ именахъ, гдѣ Гиффре отмѣчаетъ массу пропусковъ; въ концѣ концовъ таблицы Archives не только безполезны, онѣ прямо опасны, ибо легко могутъ сбить неопытнаго или не сумѣвшаго оріентироваться въ изданіи изслѣдователя [2]).

---

[1]) Коллекцію Moniteur'а редакторы „Archives" считали безусловно недостаточной: вопервыхъ, отысканіе полнаго экземпляра коллекціи является дѣломъ чрезвычайной трудности, вовторыхъ, Moniteur не имѣетъ общихъ справочныхъ таблицъ, наконецъ, за періодъ конституціонной монархіи онъ ограничивается только поверхностнымъ изложеніемъ протоколовъ Собраній.

[2]) Извѣстный біографъ Мирабо—А. Штернъ пишетъ, между-прочимъ: „Sogar in dem höchst verdienstlichen Sammelwerke „Archives Parlementaires" finden sich bedeutende Versehen, welche der Biograph Mirabeaus ganz in die

Статья Гиффре вызвала отвѣтъ составителей Archives, которые, признаваясь въ нѣкоторыхъ ошибкахъ, тѣмъ не менѣе защищали свое дѣтище съ точки зрѣнія методы, избранной ими для печатанія парламентскихъ документовъ.

Новый разрушительный разборъ, хотя, правда, только извѣстной части Archives, предпринялъ выдающійся молодой французскій историкъ А. Бреттъ. Предметомъ его разбора были первые семь томовъ изданія, въ которыхъ напечатаны Наказы и документы, относящіеся къ созыву Генеральныхъ Штатовъ. Сперва—пишетъ Бреттъ—Archives рабски перепечатали Moniteur со всѣми его многочисленными ошибками, затѣмъ «Королевскій регламентъ», относящійся къ созыву Генеральныхъ Штатовъ, который былъ уже напечатанъ раньше. Кое-что, при этомъ, оказалось напечатаннымъ два раза, между тѣмъ какъ важнѣйшіе документы, которые могли бы быть извлечены изъ Національныхъ Архивовъ, вовсе не нашли себѣ мѣста. Но, наибольшее количество ошибокъ было допущено при напечатаніи самихъ наказовъ. Прежде всего по коллекціи Archives не только невозможно опредѣлить подлинности того или другого Наказа, но нельзя узнать и его настоящаго назначенія—въ Генеральные ли Штаты, въ главный ли бальяжъ и т. п. Незнакомство составителей Archives съ исторіей созыва Штатовъ вызываетъ у нихъ многочисленныя ошибки, заставляетъ ихъ говорить объ отсутствіи наказовъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было, или наоборотъ. Множество наказовъ имъ осталось неизвѣстнымъ. Благодаря смѣшенію второстепенныхъ избирательныхъ округовъ (baillages secondaires) съ главными (baillages principaux)—въ таблицахъ получается невѣроятная путаница. Въ 4-хъ провинціяхъ, напр.—они полагаютъ—имъ недостаетъ 13 наказовъ; на самомъ дѣлѣ имъ недостаетъ—117. Благодаря незнакомству съ исторіей составленія наказовъ, нерѣдко тетради частныхъ лицъ, ихъ фантазіи и благопожеланія выдаются за подлинные наказы. Источники цитируются небрежно и неточно [1]).

Irre geführt wird, wenn er sie nicht erkennt und berichtigt...“—*Alfred Stern.* Das Leben Mirabeaus. Berlin. 1889. т. I стр. VIII.

[1]) *A. Brette.* o. c. т. I гл. IX. Въ другомъ мѣстѣ Бреттъ называетъ Archives Parlementaires—„déplorables“. См. „La Révolution Française“ 1903 № 2. стр. 117.

Въ столь же неблагопріятномъ смыслѣ для Archives высказался и цѣлый рядъ другихъ писателей — Ланглуа [1]), Валь [2]), Вигье [3]).

Но наиболѣе авторитетнымъ мнѣніемъ является сужденіе Олара, напечатанное имъ въ предисловіи къ «Политической исторіи французской революціи»: «... je ne me suis jamais servi — пишетъ Оларъ — de ces *Archives* pour les débats des Assemblées. Le récit des séances qu'on y trouve est fait sans méthode, sans critique, sans indication de sources. On ne sait ce que c'est. Si ce recueil est officiel par son mode de publication, les comptes rendus de débats qu'il contient ne sont pas officiels, et n'ont aucun caractère d'authenticité» [4]).

Это крайне суровое сужденіе, особенно если его сопоставить съ сравнительно благопріятнымъ отзывомъ Олара же, помѣщеннымъ въ болѣе ранней статьѣ [5]), тѣмъ не менѣе отнюдь не слѣдуетъ считать резюмирующимъ отношеніе всей исторической науки къ этому изданію. Цѣлый рядъ первоклассныхъ авторитетовъ пользовался и продолжаетъ имъ пользоваться и въ настоящее время.

---

[1]) *Langlois* во второмъ выпускѣ „Manuel de bibliographie historique". Paris 1904. называетъ методу Archives — „très défectueuse". Revue Historique LXXXI (1903) стр. 433; т. II стр. 370. § 379.

[2]) Die Veröffentlichung — пишетъ Wahl — ist leider entstellt durch eine Unzahl von Flüchtigkeits-und Druckfehlern, vor allem ist der Indexband, bei dem die Druckfehler schon auf dem Titelblatt anfangen, so unpraktisch, unvollständig und unordentlich, das er als kaum brauchbar bezeichnet werden muss". *Adalb. Wahl.* Studien zur Vorgeschichte der Französischen Revolution. Tübingen. 1901 стр. 4.

[3]) Вигье въ спеціальной работѣ, посвященной созыву Генеральныхъ Штатовъ, воздаетъ должное редакціи Archives за грандіозность поставленной ею себѣ задачи, но считаетъ ея методу „défectueuse". *J. Viguier.* La Convocation des Etats Généraux en Provence. Paris. 1896 стр. 351.

[4]) *A. Aulard.* Histoire politique de la Révolution française. Origines et Développement de la Démocratie et de la République. 1789—1804. Paris 1901. Предисловіе стр. XII. Авторъ обстоятельной монографіи о Кондорсе, Аленгри пишетъ въ предисловіи къ своей работѣ, что онъ пользовался Archives „довольно рѣдко". Въ оправданіе онъ ссылается на сужденіе Олара. *Fr. Alengry.* Condorcet. Guide de la révolution française. Théoricien du Droit constitutionnel et précurseur de la science sociale. Paris 1904 стр. XVIII—XIX.

[5]) „*Révolution Française*". 1889, 14 Mars. Статья была написана по поводу замѣтки Гиффре.

Мы можемъ указать на проф. Эсмена [1]), проф. Дюги [2]). Шассэнъ называетъ Archives—«очень полезной компиляціей» [3]). Лакруа въ своемъ обширномъ изданіи «Акты Парижской Коммуны во время революціи» постоянно пользуется Парламентскими Архивами. Вотъ что онъ говоритъ про нихъ: обычно я обращаюсь за отчетами засѣданій Національнаго Собранія къ Archives Parlementaires, которые представляютъ *наиболѣе удобное собраніе для справокъ* [4]). Правда—добавляетъ онъ—тотъ, кто пожелалъ бы имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о томъ, что говорилось и дѣлалось въ Конституантѣ долженъ сравнить Archives, которые обычно ограничиваются только пополненіемъ Moniteur'а, съ оффиціальными протоколами и «Journal des Débats et Décrets» [5]).

Наконецъ, Жоресъ въ своей «Соціалистической Исторіи Франціи» пишетъ: «Je me suis servi souvent des Archives Parlementaires pour lesquelles *la sévérité de M. Aulard me semble excessive.* Il s'y est glissé beaucoup de fautes d'impression et parfois l'indication des sources n'est pas assez précise. Mais par le rapprochement de textes empruntés aux recueils de lois et décrets, au Moniteur, à la Collection Portiez de l'Oise, elles fournissent *un instrument de travail très commode*» [6]).

Мы лично вполнѣ присоединяемся къ этому мнѣнію Жореса, и положили текстъ, опубликованный Archives, въ основу нашего

---

[1]) *Эсменъ* широко пользуется Archives, какъ въ своихъ раннихъ работахъ („Histoire de la procédure criminelle en France") такъ и позднѣйшихъ (Основныя начала государственнаго права Т. 1—2. М. 1898).

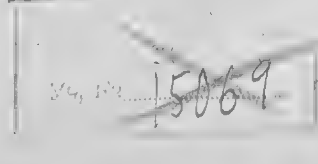
[2]) См. напр., выше цитированную работу *Л. Дюги.* „Конституціонное право. Общая теорія государства". М. 1908.

[3]) *Chassin.* L'église et les derniers serfs". 1880 стр. 211 прим. 1. Ими же онъ пользуется и въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи: „Les élections et les cahiers de Paris en 1789". Т. 1—4. Въ „Collection de documents relatifs à l'histoire de Paris pendant la Révolution française". 1888—1889.

[4]) Курсивъ—мой. А. Б.

[5]) *Sigismond Lacroix.* Actes de la commune de Paris pendant la Révolution. 2 серіи. Мы использовали для своей работы 7 томовъ 1-ой серіи и 1-ый второй. (1905 г.).

[6]) *Jaurès.* Histoire socialiste 1789—1900. Т. I. La Constituante. Отдѣлъ „Errata et observations" стр. II. (Курсивъ—вездѣ мой А. Б.). Того же мнѣнія держится, напр., авторъ хорошей популярной работы о Людовикѣ XVI—Сюріо, сравнивающій Archives съ Moniteur'омъ въ пользу первыхъ, благодаря ихъ

знакомства какъ съ наказами, такъ и парламентскими дебатами Франціи. Мы позволимъ себѣ привести въ защиту Archives еще слѣдующія соображенія.

Прежде всего слѣдуетъ строго отличать тома, посвященные наказамъ отъ всѣхъ послѣдующихъ. Первые, какъ это достаточно показала ученая критика, являются наиболѣе несоотвѣтствующими своему назначенію. Въ эту часть изданія вкралось наибольшее количество ошибокъ, благодаря особой трудности и самаго предмета. Тѣмъ не менѣе, считая эти ошибки капитальными и неизвинительными съ точки зрѣнія критики и полноты текста, мы не считаемъ ихъ значительными настолько, чтобы онѣ лишали возможности пользоваться изданіемъ въ изслѣдованіяхъ нашего рода. Желая намѣтить или охарактеризовать лишь въ общихъ чертахъ ту юридико-политическую тенденцію, которую мы имѣли въ виду прослѣдить, главнымъ образомъ, съ революціонной эпохи, мы, разумѣется, не нуждались ни въ исчерпывающей полнотѣ всѣхъ наказовъ, ни непремѣнномъ знакомствѣ съ мѣстомъ ихъ назначенія. Важнѣе для насъ были смѣшенія произведеній частныхъ лицъ съ наказами отъ цѣлыхъ сословій, но такія ошибки, повидимому, немногочисленны, особенно относительно ко всему громадному количеству наказовъ, напечатанныхъ Изданіемъ. Затѣмъ, главный упрекъ, который дѣлается этому Собранію, что оно вовсе не включаетъ въ себя приходскихъ наказовъ, разумѣется справедливъ, но этотъ недостатокъ мы тщательно восполняли изученіемъ многочисленныхъ приходскихъ наказовъ, усердно издаваемыхъ въ послѣднее время. Кромѣ того, именно приходскіе наказы для занимающей насъ темы представляютъ лишь второстепенный интересъ, такъ какъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ игнорируютъ какъ разъ тѣ вопросы, которые имѣютъ наибольшее значеніе для насъ. Ниже, разсуждая о достовѣрности наказовъ, мы будемъ говорить объ этомъ подробнѣе. Наконецъ, въ цѣломъ рядѣ наказовъ, подлинность коихъ признана несомнѣнной, мы встрѣтили много разъ то отношеніе къ вопросу

полнотѣ и безпартійности. *Souriau.* Louis XVI et la Révolution. Paris 1893. Проф. Герье называетъ собраніе Мавидаля даже „драгоцѣннымъ", хотя и признаетъ, что въ изданіи наказовъ — „много пробѣловъ". *Проф. Герье.* Идея народовластія и французская революція 1789 года. Москва. 1904. стр. 411 и 513.

о личной свободѣ, которое стало въ нашихъ глазахъ характернымъ для наказовъ вообще [1]).

Что же касается документовъ, относящихся собственно къ парламентской исторіи Франціи, то, въ этомъ отношеніи мнѣніе Жореса о чрезмѣрности упрековъ, дѣлаемыхъ Оларомъ этому изданію, кажется намъ еще болѣе справедливымъ.

Разумѣется, тутъ много пропусковъ, часто, но не всегда, отсутствуютъ указанія на источники, много, наконецъ, опечатокъ, которыя могутъ ввести въ заблужденіе [2]), тѣмъ не менѣе удобства, которыя представляютъ «Парламентскіе Архивы» при пользованіи ими значительно перевѣшиваютъ всѣ ихъ недостатки.

Работая надъ Конституантой и Легислативой мы тщательно сближали текстъ Архивовъ съ подлинными протоколами—Procès-verbaux Учредительнаго Собранія, Легислативы, Конвента, съ Moniteur'омъ, Logographe'омъ, Journal des débats et des décrets, Logotachygraphe'омъ и не только не встрѣчались съ какими-либо серьезными разногласіями между Archives Parlementaires и этими, считающимися болѣе достовѣрными источниками, и которые сами, между тѣмъ, нерѣдко являются сомнительными [3]), но не

[1]) Правильную точку зрѣнія по отношенію къ тѣмъ томамъ Архивовъ, которые посвящены наказамъ, устанавливаетъ Зелигманъ. „Cette édition— пишетъ онъ—qui n'est point faite avec la rigoureuse précision qu'exige la science moderne, a donné lieu à de sérieuses critiques. Mais. tant qu'une nouvelle publication d'ensemble n'aura pas remplacé celle de M. M. Mavidal et Laurent leur collection sera le seul recueil ou, l'on puisse étudier les idées développées sur une matière déterminée par les cahiers de 1789“. *Edmond Seligman.* La justice en France pendant la révolution (1789—1792). Paris. 1901 стр. 170.

[2]) Особенно много ихъ въ томахъ, посвященныхъ наказамъ.

[3]) Монитэръ— пишетъ Оларъ—былъ жирондистскимъ до 2-го іюня 93 г., Робеспьеристскимъ до 9-го Термидора и Термидоріанскимъ до конца конвента. Въ началѣ Легислативы съ Октября по Декабрь 1907 г. онъ симпатизируетъ конституціоннымъ роялистамъ (royalistes constitutionnels), на сколько можно судить по точности, съ которой онъ стремится воспроизводить ихъ слова, въ то время какъ „affecte d'entendre mal“ патріотовъ или просто забываетъ ихъ имена..... Вообще первыя засѣданія Легислативы и Конвента были редактированы чрезвычайно путано (avec confusion); для этой эпохи Moniteur значительно уступаетъ въ смыслѣ подлинности и достовѣрности другимъ крупнымъ журналамъ. Въ немъ много ошибокъ, пропусковъ. Его „Comptes-rendus“ слишкомъ часто составляются „au gré du parti vainqueur“. *Aulard.* L'éloquence parlementaire pendant la Révolution française. Les orateurs de

сталкивались и съ настолько существенной разницей въ редакціи отдѣльныхъ рѣчей и преній въ собраніяхъ, что бы это могло обусловить отказъ отъ пользованія Парламентскими Архивами. Наконецъ, чѣмъ далѣе подвигалось изданіе, тѣмъ оно становилось лучше; тома, выходившіе послѣдніе года, далеко превосходятъ первоначальные своей полнотой и внимательнымъ отношеніемъ къ

---

l'Assemblée Constituante. Par. 1882 стр. 16 прим. 2. Les orateurs de la Legislative et de la Convention. т. I стр. 13. „J'ai jugé jour par jour le Moniteur—пишетъ также Мишлэ—que suivent trop MM. Thiers, Lamartine et Louis Blanc. Dès l'origine il est arrangé, corrigé chaque soir par les puissants du jour. Avant le 2 septembre, la Gironde l'altère et le 6, la Commune. De même en toute grande crise..... Histoire parlementaire (par Buchez et Roux) et les autres... souvent estropient encore ce Moniteur estropié". *Michelet.* Histoire de la révolution française. 3 изд. Paris. 1869. т. I стр. X. Весьма жалкую роль играли оба редактора Монитэра—Martainville и Jourdan въ процессѣ „Послѣднихъ Монтаньяровъ". Поставленные на очную ставку съ обвиняемыми они должны были сознаться въ цѣломъ рядѣ передержекъ, допущенныхъ ими въ журналѣ съ цѣлью очерненія ненавистныхъ имъ депутатовъ. См. *L. Thénard et R. Guyot.* Le Conventionnel Goujon (1766—1793). Paris 1908. стр. 214—215.

Болѣе достовѣрнымъ представляется „*Journal des débats et des décrets*". Онъ былъ основанъ 30-го августа 1789 г. и первоначально пользовался незначительнымъ успѣхомъ. Оларъ пишетъ, что его отчеты о засѣданіяхъ Конституанты—въ высшей степени безцвѣтны (il n'y a rien de plus sec, de plus insignifiant) и только съ эпохи Легислативы начинается его слава. Онъ также не даетъ всѣхъ декретовъ Легислативы и Конвента, но все-же даетъ ихъ болѣе, чѣмъ Монитэръ. Съ 10-го августа 92 г. по 9-е марта 93 г. „Журналъ" редактировался, какъ выражается Оларъ, „par le plus passionné des hommes"—авторомъ Фоблаза, жирондистомъ Лувэ (Louvet), но съ 9-го марта Гора рѣшила прекратить печатаніе того, что депутатъ Моръ (Maure) назвалъ „діатрибами Лувэ". Во всякомъ случаѣ, Оларъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе „Журналу" передъ Монитэромъ. Что касается „*Логографа*", то въ первые мѣсяцы существованія до конца Конституанты, онъ былъ достаточно полонъ, (нѣтъ документа „plus piquant, plus instructif" для засѣданій Конституанты—замѣчаетъ Оларъ), но съ первыхъ засѣданій Легислативы онъ начинаетъ страдать многочисленными пропусками и многое выбираетъ произвольно. Оларъ, наконецъ, указываетъ на малоизвѣстный, но, по его мнѣнію, одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ журналовъ революціи „Républicain Universel", переименовавшійся съ 24-го декабря 1792 г. въ „Républicain français". Это—Монитэръ, замѣчаетъ про него Оларъ, но, безпартійный. Онъ не любитъ Робеспьера, котораго еще въ маѣ 93 г. называетъ „Robersрierre", но послѣ Термидора онъ даетъ подлинныя его рѣчи. *Aulard.*, o. c. стр. 14—21. Относительно „Логографа" и „Журнала" мы находимъ въ протоколахъ Собраній слѣдующія любопытныя подробности. Въ засѣданіи Легислативы 12-го августа 1792 г. одинъ изъ депутатовъ обвиняетъ оба журнала въ томъ, что они редактируются въ направ-

тексту. Появляются многочисленные варіанты отдѣльныхъ рѣчей или наболѣе выдающихся эпизодовъ парламентской исторіи. Ссылки на источники становятся очень обильными и новая редакція, повидимому, прилагаетъ всѣ усилія, чтобы искупить старыя прегрѣшенія и поставить грандіозное изданіе на должную научную высоту [1]).

Между тѣмъ, удобства пользованія Парламентскими Архивами—несравненны. Вмѣсто громоздкихъ томовъ Moniteur'а [2]) или безчисленныхъ по количеству книжекъ подлинныхъ Procès-Verbaux или Journal des Débats, безъ какихъ-либо справочныхъ

леніи, враждебномъ принципамъ французской революціи. „Ces journaux—говорилъ ихъ критикъ—*tronquent les faits*, *dénaturent* (курсивъ—мой А. Б.) vos séances et distillent avec l'art le plus perfide, le poison de l'incivisme". Въ заключеніе онъ требуетъ, чтобы мѣста въ Собраніи, отведенныя для представителей „Logographe'а" и „Journal des Débats" были отобраны. Объясненія по этому поводу давалъ Бодуэнъ (Baudouin), ихъ типографъ, который и показалъ, что онъ, какъ и всѣ работающіе въ этихъ газетахъ, не раздѣляетъ убѣжденій редакторовъ и ведетъ въ этомъ смыслѣ съ ними непрестанную борьбу. Дѣло было передано въ Комиссію. 17-го августа въ Собраніи опять былъ поднятъ вопросъ о контръ-революціонномъ направленіи Логографа. Мерлэнъ (Merlin) возмущается его изложеніемъ событій 10-го августа, гдѣ депутаты обвиняются въ трусости. Главный его издатель Лабордъ—придворный банкиръ (banquier de la cour). Собраніе рѣшило не допускать болѣе въ залу засѣданій представителей отъ Логографа. *Archives Parlementaires*. I серія. т. 48 стр. 77, 313. Наконецъ, „Logotachygraphe", издававшійся нѣкіимъ Гиро съ 1-го января по 6-ое мая 93 г. даетъ только резюме рѣчей, произносившихся въ засѣданіяхъ.

Таковы—„первоисточники", обычно предпочитаемые „Архивамъ". Они всѣ безъ исключенія сами—или неполны, или партійны. Неполнота ихъ объясняется, по справедливому указанію Олара, младенческимъ состояніемъ стенографіи. И общее заключеніе Олара относительно „первоисточниковъ" звучитъ довольно пессимистично: „...Nous sommes obligés de nous contenter des comptes rendus approximatifs que donnent les journaux, d'après des notes prises en séance. Les meilleurs de ces comptes rendus sont ceux du Journal des débats et des décrets, du Moniteur, du Républicain français. Ils diffèrent entre eux, sont parfois contradictoires; il faut les rapprocher les uns des autres, et les comparer, pour la marche générale de la discussion, au procès—verbal..." *Aulard*. Histoire politique de la Révolution française. стр. 326.

[1]) Въ томѣ 61-мъ, напр., 2-й серіи наиболѣе выдающіяся парламентскія рѣчи Гара, Робеспьера, Бриссо и др. приводятся въ цѣломъ рядѣ варіантовъ: Moniteur'а, Journal des Débats, Logotachygraphe'а.

[2]) Только для періода 1789—1800 имѣется „Réimpression" in 4° подлиннаго Moniteur'а. Начиная съ 30-го преріаля года IV (18-го іюня 95. г.)

таблицъ, облегчающихъ ихъ пользованіе, въ Archives Parlementaires мы имѣемъ компактное изданіе съ достаточно полнымъ предметнымъ указателемъ для каждаго засѣданія, такъ-что нѣтъ надобности перелистывать и пересматривать каждое засѣданіе въ отдѣльности [1]).

Для всѣхъ тѣхъ, кто, подобно намъ, занимается эволюціей какого-нибудь института за большой хронологическій періодъ и для которыхъ мелкая неточность въ редакціи текста не играетъ рѣшающей роли, Собраніе, подобное Archives—незамѣнимо, дозволяя громадную экономію во времени.

Таковы—соображенія, позволившія намъ положить въ основу нашего изученія парламентской исторіи Франціи Архивы Лорана и Мавидаля.

Вернемся къ наказамъ. Мы уже говорили выше, что Archives Parlementaires далеко не включаютъ въ себя всѣхъ наказовъ, хотя и представляютъ наиболѣе обширную ихъ коллекцію. Въ нихъ, напримѣръ, почти нѣтъ приходскихъ наказовъ. Далеко неполными и въ извѣстной мѣрѣ тенденціозными являются также старые сборники Прюдома [2]) и Дюпона де Немура [3]). Резюме наказовъ, которое мы находимъ въ извѣстной парламентской исторіи Бюшеза и Ру [4])—и неполно и случайно. Совершенно непригоднымъ для

Réimpression даетъ лишь краткіе резюме протоколовъ засѣданій, напечатанныхъ въ подлинномъ Moniteur'ѣ.

[1]) Не отмѣчается только предметъ петицій, что, конечно, при чрезвычайномъ обиліи ихъ, особенно въ революціонную эпоху, могло бы безконечно удлинить справочныя таблицы.

[2]) *Résumé général* ou Extrait des Cahiers de Pouvoirs, Instructions, Demandes et Doléances, remis par les divers Bailliages, Sénéchaussées et pays d'Etats du Royaume, à leurs Députés à l'Assemblée des Etats-généraux, ouverts à Versailles, le 4 Mai 1789. Par une société de gens de lettres. Publié par le sieur Prudhomme. Paris. 1789. T. 1—3.

[3]) *Dupont de Nemours.* Tableau comparatif des demandes contenues dans les cahiers des trois ordres. Remis à MM. les Députés aux Etats—Généraux. 1789. L^{24} e. 3.

[4]) *Buchez et Roux-Lavergne.* Histoire parlementaire de la révolution française ou journal des assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815. T. 1—40. Paris 1834—1838. Томъ I: a) Résumé des cahiers du clergé. Стр. 322—327. b) Rés. des cah. de la noblesse стр. 327—330 c) Rés. des cah. du tiers état стр. 330—335 d) Extrait du Cah. du tiers-état de la ville de Paris. стр. 335—351.

научнаго пользованія является и изданіе Грилля [1]). Авторъ обезцѣнилъ свою двухтомную работу тѣмъ, что не только не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу подлинности того или другого наказа, но и не отмѣчаетъ принадлежности наказа къ сословіямъ [2]).

Въ послѣднее время интересъ къ изданію наказовъ, особенно приходскихъ, усилился. Изъ сборниковъ, посвященныхъ имъ и использованныхъ мною, можно особенно указать слѣдующіе: Ch. L. Chassin, включающій въ себѣ массу драгоцѣнныхъ документовъ; авторъ работалъ не только надъ громадной коллекціей Національной Библіотеки, но и въ Національныхъ Архивахъ [3]), Antonin Proust'a [4]), Hippeau [5]), Batcave'a съ цѣнными примѣчаніями редатора [6]), L. Combarieu [7]), Fleury съ интереснымъ предисловіемъ [8]),

---

[1]) *F. Grille.* Introduction aux mémoires sur la révolution française ou tableau comparatif des mandats et pouvoirs donnés par les provinces à leurs députés aux états-géneraux de 1789. T. 1—2. Paris. 1825. L^{24} e.[4]

[2]) Кромѣ вышеуказанныхъ существуетъ довольно много другихъ сводокъ изъ наказовъ,—но, всѣ онѣ гораздо болѣе характеризуютъ политическія симпатіи и настроенія ихъ авторовъ, чѣмъ даютъ критическій матеріалъ для изслѣдованія наказовъ. Типичнымъ образчикомъ такихъ сводокъ можетъ служить, напримѣръ, „*Accord de la monarchie et de la liberté* ou examen critique des bases de constitution, proposées dans les différents Cahiers". 1789. Вещи же, вродѣ „*Tous les Cahiers* du clergé de France, réduits à un seul". 1789. L^{39} *b.* 1572—просто модели.

[3]) *Ch. L. Chassin.* Les élections et les cahiers de Paris en 1789. T. I—IV.

[4]) *Antonin Proust.* Archives de l'ouest. Recueil de documents concernant l'histoire de la révolution 1789—1800. 1867—1869.

[5]) *Hippeau.* Le gouvernement de Normandie au XVII et au XVIII siècles. T. VII и VIII. Caën. 1867—1868. Колоссальное Собраніе Hippeau, къ сожалѣнію, крайне обезцѣнено небрежной его редакціей. Новѣйшая критика указала въ немъ не только пробѣлы, но и совершенно непозволительныя искаженія текста. См. *А. Ону* о. с. стр. 442—443.

[6]) *Batcave.* Le Cahier des griefs du tiers-état D'orthez. Въ „Bulletin de la société, des sciences, lettres et arts de Pau". 1886—1887. II série т. 16. Стр. 53—132. Pau. 1887.

[7]) *L. Combarieu.* Assembléés des sénéchaussées du Quercy pour l'élection des députés aux Etats Généraux de 1789. Procès - verbal des séances. Liste des députés. Cahiers des doléances publ. par L. C. 2 édit. Cahors. 1889.

[8]) *Elections aux Etats -Généraux de 1789.* Procès verbaux, Doléances, Cahiers et Documents divers publiés par la société académique de Laon. Précis d'une Introduction et suivis de Notices biographiques par *E. Fleury.* Laon. 1872. Le^{23} 230.

Dr'a Larrieu [1]), F. Mireur'a [2]), A. de Mondenard'a [3]), G. Tholin'a [4]), Louis de la Roque [5]), L. Duval'я [6]), A. Labot съ обширнымъ предисловіемъ [7]), Perin'a [8]), Gegout [9]), Chancel'я съ предварительнымъ историческимъ очеркомъ о Національныхъ Собраніяхъ [10]).

Изъ собраній спеціально приходскихъ наказовъ особенно заслуживаютъ вниманія: громадное изданіе Bellée, Duchemin et Dunoyer de Segonzac'a [11]), Francisque Mège'a [12]), A. de Charmasse'a [13]), C. Demay [14]), H. Loriquet съ обширнымъ предисловіемъ, суммирую-

---

[1]) *Dr. Larrieu.* Cahiers des Griefs rédigés par les communautés de Soule en 1789. Въ томъ же Бюллетенѣ, что и работа Баткава.

[2]) *Mireur F.* Etats Généraux de 1789. Cahiers des doléances des communautés de la sénéchaussée de Draguignan. Voeux du clergé et de la noblesse. Draguignan. 1889.

[3]) *Nos Cahiers de 1789.* (Edition du centenaire). Cahiers de d'Agénois avec l'introduction et notes par *A. de Mondenard.* Villeneuve-sur Lot. 1889.

[4]) *Tholin G.* (Notes et commentaires). Cahiers des doléances du tiers état du pays d'Agenais aux états Généraux (1588, 1614, 1649, 1789). Paris Agen. 1885.

[5]) *Louis de la Roque.* Recueil des cahiers de 1789. Clergé, noblesse, tiers état. 1-e livraison. Dauphiné, Forez, Lyonnais, Beaujolais. Paris. 1867.

[6]) *Duval L.* Cahiers de la Marche et assemblée du département de Guéret 1788—1789. Introduction à l'histoire de la révolution dans la Creuse. Paris. 1873.

[7]) *Convocation des Etats-Généraux et législation électorale de 1789.* Cahiers, procès-verbaux, opérations électorales des assemblées du clergé, de la noblesse et du tiers-état du Nivernois et Donziois. Extraits des documents officiels par *A. Labot.* Nevers. 1866. L^{24}e. 216.

[8]) *Cahiers du clergé et du tiers-état du bailliage de Soissons* et diverses pièces concernant leur rédaction recueillis par *M. Perin.* Soissons. 1868.

[9]) *Gegout.* Les Cahiers de la Lorraine aux Etats Généraux de 1789. Nancy. 1889. L^{112} F. 1414.

[10]) *Ch. de Chancel.* L'Angoumois en l'année 1789 ou analyse des documents authentiques.... Les trois ordres de la Province par suite de la Convocation des Etats-Généraux. Angoulême. 1847. L^{23}e. 16.

[11]) *Bellée et Duchemin et Dunoyer de Segonzac* (publ.). Cahiers de plaintes et doléances des paroisses de la province du Maine pour les Etats Généraux de 1789. T. I—IV. 1881—1893.

[12]) *Francisque Mège.* Les Cahiers des paroisses d'Auvergne en 1789. Clermont-Ferrand. 1899.

[13]) *A. de Charmasse* (publ.) Cahiers des paroisses et communautés du bailliage d'Autun pour les Etats Généraux de 1789. Précéd. d'une introduction Montarlot. Autun. 1895.

[14]) *C. Demay.* Cahiers des paroisses du bailliage d'Auxerre pour les

щимъ всѣ требованія, высказанныя въ наказахъ и библіографическимъ указателемъ брошюрной и памфлетной литературы времени составленія наказовъ [1]), А. Hugues [2]), Thénard'a [3]), и др. [4]).

Обширный библіографическій матеріалъ можно найти въ «Catalogue de l'histoire de France» Національной Библіотеки— серіяхъ: Lb^{37}—^{40}, Le^{24} и Lk^{1}—^{15}, книгахъ и замѣткахъ E. Champion [5]), Poncins [6]), Chassin [7]), Lavisse et Rambaud [8]), P. Boissonade [9]) и особенно А. Ону [10]).

Etats - Généraux de 1789. См. „Bulletin de la société des sciences historiques et naturelles de l'Yonne". 1884 и 1885.

[1]) *H. Loriquet.* Cahiers de Doléances de 1789 dans le département du Pas-de-Calais accompagnés d'un glossaire historique et d'une bibliographie spéciale. T. I—II. Arras. 1891.

[2]) *Hugues. A.* Cahiers de doléances des paroisses du Bas-Limousin. Въ „Bulletin de la société des lettres, sciences et arts de la Corrèze". Tulle 1888. Стр. 115—200, 363—447, 532—568, 675—702.

[3]) *Thénard (publ.).* Bailliages de Versailles et de Meudon. Les cahiers des paroisses. Avec commentaires. accompagnés de quelques cahiers de curés 1789—1889. Versailles. 1889. См. т. *Thénard.* Les élections et le cahier du bailliage de Pontoise en 1789. Paris. 1889.

[4]) Сборникъ *Ardouin-Dumazet.* Le Nord de la France (Flandre-Artois-Hainant) en 1789. Paris 1889—представляетъ собой изложеніе наказовъ редакторомъ пунктъ за пунктомъ. Ссылки на другіе сборники и изданія будутъ сдѣланы въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Въ самое послѣднее время во Франціи начало выходить строго-научное изданіе наказовъ подъ общимъ руководствомъ такого знатока предмета, какимъ является А. Бреттъ. Изданіе предпринято на государственный счетъ и образуетъ часть обширной „Collection de documents inédits sur l'histoire économique de la Revolution Française". Къ сожалѣнію, намъ не пришлось воспользоваться вышедшими выпусками.

[5]) *Champion Edme.* La France d'après les cahiers de 1789. Paris 1897. См. его-же очеркъ о „Cahiers des Etats Généraux въ „La grande Encyclopédie" т. VIII.

[6]) *Léon de Poncins.* Les Cahiers de 89 ou les vrais principes libéraux. Paris 1866. Note bibliographique sur les Cahiers de 89. стр. 396—399.

[7]) *Chassin Ch. L.* Le Génie de la révolution. Histoire des idées et des institutions démocratiques 1789—1795 т. I стр. 350—353.

[8]) *Lavisse et Rambaud.* Histoire générale du IV sièclé à nos jours. T. VIII гл. I стр. 51.

[9]) *P. Boissonade.* Les etudes relatives à l'histoire économique de la révolution française 1789—1804. Paris. 1906. Стр. 27—29.

[10]) *А. Ону.* Выборы 1789 во Франціи и наказы третьяго сословія съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія истинному настроенію страны. Часть I. Опытъ установленія метода изслѣдованія и критика наказовъ, какъ историческаго источника. Спб. 1908 стр. XII—XVI. Эта работа представляетъ выдающееся

Изученіе эпохи революціи представляло особенныя трудности. Самый общественный процессъ, подлежавшій нашему анализу, настолько сложенъ, что неизбѣжно всякое сужденіе о немъ становится одностороннимъ, а потому случайнымъ и несправедливымъ.

Изученіе революціи возможно: a) какъ принципа b) какъ историческаго процесса, ликвидировавшаго Старый Порядокъ.

Первый можно принимать или отвергать цѣликомъ, какъ дѣлали и, вѣроятно, еще будутъ дѣлать многіе французскіе и иностранные писатели. Революція, какъ принципъ, можетъ считаться въ главныхъ своихъ основаніяхъ достаточно выясненной въ существующей литературѣ. Уже много разъ были указаны возможные pro и contra принциповъ 89 и 93 годовъ и новѣйшая критика, хотя-бы современнаго французскаго либерализма въ лицѣ Фагэ и другихъ [1], не даетъ, по существу, ничего новаго.

Другое дѣло—изученіе революціи, какъ историческаго процесса. Здѣсь, несмотря на громадную работу, выполненную цѣлыми поколѣніями историковъ, сложившихъ свои традиціи, опредѣлившихъ свои методы—еще и будущему предстоятъ колоссальныя задачи.

До Токвиля французская историографія только нащупывала почву. Классическая работа Токвиля дала программу. Казалось, съ этого момента исторіографія вступаетъ въ спокойное научное русло и сумѣетъ отнестись объективно и трезво къ великимъ событіямъ, волновавшимъ конецъ XVIII-го столѣтія. Но, надеждамъ еще долго не суждено было сбыться. Слишкомъ жива еще была борьба въ народѣ, парламентѣ, литературѣ революціонныхъ и контръ-революціонныхъ движеній; наконецъ, не хватало самаго главнаго. Драгоцѣнный подлинный матеріалъ лежалъ еще подъ спудомъ. Въ ар-

---

критическое изслѣдованіе по исторіи наказовъ; по богатству привлеченнаго и неиспользованнаго еще архивнаго матеріала оно не имѣетъ себѣ равныхъ и во французской литературѣ. Для насъ это изслѣдованіе имѣетъ высокую цѣнность въ смыслѣ рѣшенія вопроса о достовѣрности наказовъ.

[1]) См. напр. *Em. Faguet.* Le libéralisme. Paris 1903. *Yves Guyot.* Les principes de 89 et le socialisme. Paris. 1894. *Ladislas Domantski.* La liberté, l'égalité, la Fraternité. Etudes de critique. Paris. 1897 и мн. др. Оригинальную критику нашли принципы 89 г. въ трудахъ основоположниковъ теоріи солидаризма. См. особ. *Duguit.* L'état, le droit objectif et la loi positive. Paris. 1901. *L. Bourgeois.* Solidarité. 3 éd. Paris. 1902. *Bouglé.* Le solidarisme. Paris. 1907.

хивахъ хранились десятки тысячъ связокъ, которыхъ или вовсе не касались или касались мало и предубѣжденной рукой; между-тѣмъ, онѣ однѣ могли пролить настоящій свѣтъ на событія, интересъ къ которымъ не падаетъ, а растетъ непрерывно въ силу ихъ безсмертнаго значенія не только для французской національной исторіи, но и исторіи человѣческаго самосознанія и человѣческой культуры вообще.

Лишь съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія исторіографія французской революціи вступаетъ на строго научную почву и, оставивъ въ сторонѣ произвольныя конструкціи и близорукія соображенія историковъ революціи героическаго періода ея разработки, центръ тяжести переноситъ въ изученіе сырого архивнаго матеріала [1]). Въ послѣднее время появляются работы, знаменующія собой цѣлую эпоху въ изученіи французской революціи; издаются многотомные сборники доселѣ еще неизвѣстныхъ матеріаловъ. И на очищенномъ, такимъ образомъ, фундаментѣ современная исторіографія пытается возстановить могучее явленіе, еще болѣе грандіозное, благодаря воскресающей его жизненности.

Главнымъ источникомъ моего ознакомленія и съ революціонной эпохой въ области интересующаго меня вопроса оставались, какъ я говорилъ выше, Archives Parlementaires. Въ цѣляхъ провѣрки подлинности документовъ, напечатанныхъ въ Archives, мнѣ приходилось обращаться еще къ слѣдующимъ изданіямъ: A) *Procès verbal* des séances de l'assemblée nationale de France, tenues en l'année 1789 et suivantes; précédé du Récit des Séances des Députés des Communes, depuis le 5 Mai jusqu'au 12 Juin suivant; du Procés-Verbal des Conférences pour la verification des Pouvoirs; et du Procès-Verbal des Séances des Députés des Communes, depuis le 12 jusqu'au 17 Juin 1789. L. ^{27}e. 12. B) *Procès Verbal* de l'assemblée des communes et de l'assemblée nationale imprimé par son ordre. Depuis 12 Juin 1789. L. ^{27}e. 10. [2]). C) *Journal des débats et*

---

[1]) „Après avoir longtemps servi de thème aux passions des partis, l'histoire de la Révolution française semble, depuis une vingtaine d'années, devoir entrer dans le domaine des études objectives“. *P. Boissonade.* o. c. стр. 1.

[2]) Къ „procès verbal“ имѣются: 1) *Table—générale des matières* du procès verbal de l'Assemblée Nationale Constituante. Paris 1792. L^{27}e. 13 и 2)

des décrets ou Récit de ce qui s'est passé aux séances de l'Assemblée Nationale depuis le 17 Juin 1789. D) *Journal de l'Assemblée nationale ou journal Logographique.* E) *Bulletin* imprimé par ordre de l'Assemblée Nationale (Легислативы) F) *Bulletin* de la Convention Nationale, являющійся непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго G) *Procès-Verbal* de la Convention Hationale, imprimé par son ordre [1]). H) *Logotachygraphe* par Guiraut, наконецъ, J) *Moniteur Universel.*

Начиная съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія былъ опубликованъ цѣлый рядъ документовъ, знакомство съ которыми является необходимымъ для каждаго изслѣдователя революціи [2]). Изъ этихъ изданій особаго упоминанія заслуживаютъ слѣдующія: 1) *Aulard.* La société des Jacobins. Recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris par... Tomes I—VI. Collection de documents relatifs à l'histoire de Paris pendant la Révolution française. Publ. sous le patronage du Conseil municipal. Paris 1889—1897 [3]). 2) *Aug.*

Table des matières des noms de lieux et des noms de personnes—contenus dans les procès-verbaux des séances de l'Assemblée Constituante depuis le 5 Mai 1789 jusqu'au 30 septembre 1791 inclusivement. Paris an XIV. L^{27}e. 14. A.

Національное Собраніе желало имѣть двойное изданіе протоколовъ своихъ засѣданій. Первое in 8⁰ предназначалось для членовъ Собранія, второе in 4⁰— должно было быть общедоступнымъ. Декретомъ 27-го августа 1789 г. Національное собраніе назначило 2-хъ изъ своихъ членовъ Emmery и Camus для выполненія этого изданія. Открытіе Генеральныхъ Штатовъ послѣдовало 5-го мая. 3-е сословіе, оставленное привилегированными, вело самостоятельно протоколы своихъ засѣданій съ 12-го іюня 1789 г. Такъ-какъ Національное Собраніе открылось 17-го іюня, то и пришлось перепечатать матеріалъ, накопившійся съ 5-го мая по 12-е іюня. Онъ занимаетъ въ I-мъ томѣ Procès-Verbal стр. 1—296.

[1]) Мы вовсе не пользовались указаннымъ Гильомомъ—„Feuilleton", дававшимъ ежедневно тексты декретовъ, вотированныхъ въ утреннихъ засѣданіяхъ. См. *Aulard.* Histoire politique de la Révolution française. Стр. 326. „Feuilleton" издавался спеціально для депутатовъ. Ibidem см. сужденіе Олара о подлинныхъ „протоколахъ" Конвента: „....les débats y sont résumés sèchement". И все же, по его мнѣнію, это—лучшій документъ не только для исторіи Конвента, но и для исторіи демократической республики вообще.

[2]) Въ перечисленіи, сдѣланномъ мною ниже, отмѣчены нѣкоторыя и болѣе раннія изданія, бывшія особенно полезными для моей работы.

[3]) Собраніе дѣлится на 3 части: a) 1789—по 1-е іюня 1791, эпоха, когда начинаетъ издаваться „журналъ" засѣданій Якобинцевъ b) 1 іюня 1791—по конецъ декабря 1793—моментъ, прекращенія „журнала" и c) съ конца

Challamel. Les clubs contre-révolutionnaires, cercles, comités, sociétés, salons, réunions, cafés, restaurants et librairies par... Изъ той же коллекціи, что и предыдущее собраніе. Paris 1895. 3) *Aulard.* Recueil des actes du Comité de salut public avec la correspondance officielle des représentants en mission et le régistre du Conseil exécutif provisoire, publ. par... Tomes I—XV. Paris. Изъ «Collection de documents inédits sur l'histoire de France, publ. par les soins du ministre de l'instruction publique» [1]. 4) *Aulard.* Paris pendant la réaction Thermidorienne et sous le Directoire. Recueil de documents pour l'histoire de l'esprit public à Paris. Tomes I—V. Paris 1898—1902. Изъ той же коллекціи, что и изданія, помѣченныя выше номерами 1 и 2 [2]) 5) *Aulard.* L'Etat de la France en l'an VIII et en l'an IX. Avec une liste des préfets et des sous-préfets au début du Consulat. Documents publiés par... Paris 1897 [3]. 6) *Felix Rocquain.* L'Etat de la France au 18 Brumaire d'après les rapports

---

декабря 1793—по 11-е ноября 1794 (21 Брюмера, г. III), т. е. до окончательнаго закрытія клуба. Оларъ не перепечатываетъ цѣликомъ „Журнала“ Якобинцевъ, а ограничивается краткой выборкой, но точно воспроизводитъ оригинальный текстъ. Изданіе отличается высокими научными достоинствами. Обширныя библіографическія указанія по исторіи Якобинцевъ, бездна справокъ историческаго и библіографическаго характера, разсыпанныхъ по всему изданію, дѣлаютъ его незамѣнимымъ. Къ сожалѣнію, при изданіи нѣтъ „Table des matières“, что требуетъ тщательнаго пересмотра всѣхъ засѣданій. Необходимо отмѣтить, что подлинные протоколы засѣданій Якобинцевъ исчезли и неизвѣстно когда. Въ „Журналѣ“—много пробѣловъ.

[1]) Въ этомъ изданіи помѣщены 3 серіи текстовъ: a) Совѣщанія и постановленія „Com. de salut public“ со времени его основанія еще подъ именемъ „Com. de defense générale“ 1-го января 93 г. до конца Конвента. b) Корреспонденція „réprésentants en mission“ съ „Comité de défense générale“, „Com. de sal publ“, Конвентомъ. c) Совѣщанія „Cons. exécutif provisoire“ съ его учрежденія 10-го августа 92 г. до его уничтоженія и замѣны 12-ю комиссіями 12-го жерминаля 2-го года (1 апрѣля 94 г.). Эти тексты—указываетъ Оларъ—основа исторіи управленія Франціи за все время существованія Націон. Конвента. Изданіе снабжено обширными библіографическими указаніями.

[2]) Изданіе отличается тѣми же высокими научными достоинствами, что и всѣ изданія, редактируемыя Оларомъ. Въ немъ перепечатаны: a) rapports administratifs ou de police и b) articles de journaux—за соотвѣтствующую эпоху.

[3]) Изданіе заключаетъ въ себѣ: 3 доклада Министра Полиціи Фуше объ общемъ состояніи республики и 6 отчетовъ, редактированныхъ Мин. Вн. Дѣлъ, характеризующихъ Францію за первые мѣсяцы года IX-го.

des consellers d'Etat, chargés d'une enquête. Paris 1874 [1]). 7) *Aulard.* Paris sous le consulat. Recueil de documents pour l'histoire de l'esprit public à Paris. Tome I. 18 Brum. an VIII—30 Brum. an IX. Paris 1903. Изъ предыд. коллекціи [2]). 8) *Charavay E.* Assemblée électorale de Paris. T. I—II Paris. 1890—1894. Изъ предыд. коллекціи. 9) *M. Tourneux.* Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la révolution française. Publications relatives à la révolution française. Ville de Paris. Tomes I—III; Paris 1890—1900 [3]). 10) Вышецитированное собраніе *Sigismond Lacroix.* «Actes de la commune de Paris pendant la Révolution» въ 2-хъ серіяхъ. 11) *Deschiens.* Collection de matériaux pour l'histoire de la révolution de France depuis 1787 jusqu'à ce jour. Bibliographie des journaux. Paris. 1829 [4]). 12) *L. Rondonneau.* Les lois administratives et municipales de la France. T. I—IV. Paris. 1823 [5]).

Наряду съ этими собраніями подлинныхъ документовъ цѣнными пособіями для меня служили мемуары [6]), богатая журналь-

---

[1]) Это—Собраніе документовъ для конца Директоріи и перваго года Консулата. Собраніе состоитъ изъ докладовъ объ общемъ положеніи Франціи, явившихся результатомъ спеціальныхъ анкетъ, предпринятыхъ консульскимъ правительствомъ въ началѣ IX года.

[2]) Изданіе состоитъ изъ документовъ, аналогичныхъ тѣмъ, которые Оларъ использовалъ для Собранія за № 4, т. е. изъ полицейскихъ рапортовъ и выборокъ изъ повременной печати.

[3]) Колоссальное изданіе, пользованіе которымъ очень удобно, благодаря прекрасно составленной „Table des matières". Матеріалы относятся къ эпохѣ отъ созыва Генеральныхъ Штатовъ до 18-го Брюмера. Матеріалы затрагиваютъ всѣ стороны общественной жизни: политику, администрацію, судъ, финансы, военное дѣло, литературу, печать, театръ, образованіе и т. д. Въ томѣ III-мъ гл. V-я § 3 С.—спеціально посвящена вопросу „sûreté ou police politique". Стр. 257—260. См. т. *Alex. Tuetey.* Répertoire général des sources manuscrites de l'Histoire de Paris pendant la Révolution т. I—IV. Paris. 1890.

[4]) Собраніе *Deschiens* дѣлится на 3 части: Hommes, Matières и Journaux. Въ первыхъ двухъ—указанія на соотвѣтствующіе картоны архивовъ, въ третьей—справки относительно указанныхъ журналовъ и газетъ съ многочисленными цитатами, характерными для изданія.

[5]) Очень полезное справочное изданіе. Къ I-му тому имѣется Table des matières.

[6]) Не считая безконечнаго количества мемуаровъ, вышедшихъ отдѣльными изданіями, можно указать три наиболѣе богатыхъ собранія мемуаровъ, особенно цѣнныхъ для характеристики Стараго порядка: a) „*Bibliothèque des mémoires*", relatifs à l'histoire de France pendant le 18 siècle b) „*Collection*"

ная литература [1]), наконецъ, спеціальныя справочныя изданія [2]).

Выходила бы далеко за предѣлы моихъ силъ и моей прямой задачи хотя бы и краткая характеристика того неисчерпаемаго

Michaud et Poujoulat и с) грандіозное изданіе „Société de l'histoire de France". Пользованіе мемуарами, конечно, требуетъ особенной осторожности. Не говоря уже о сомнительной подлинности многихъ, особенно революціонныхъ мемуаровъ, большинство изъ нихъ написано въ интересахъ партіи или того общественнаго круга, къ которому принадлежалъ авторъ. Наконецъ, очень часто, когда мемуары писались черезъ много лѣтъ послѣ пережитыхъ авторомъ событій, память измѣняла и картины прошлаго вставали въ своеобразномъ освѣщеніи послѣдующихъ событій и послѣдующихъ настроеній. Поэтому, одни мемуары представляютъ часто лишь жалкіе обрывки прошлаго, въ другихъ, наоборотъ, прошлому навязывается то, что не могло ему принадлежать.

[1]) Выше мы отмѣтили спеціальную библіографію Deschiens. Изъ журналовъ революціонной эпохи мы имѣли дѣло со слѣдующими: а) журналомъ *Prudhomme'a* „Révolutions de Paris, dédiées à la Nation et au district des petits Augustins". Publ. par P. à l'époque du 12 Juill. 1789. Редакторомъ и главнымъ вдохновителемъ этого журнала, повидимому, былъ Лусталло. См. объ этомъ спеціальное изслѣдованіе *Marcellin Pellet.* Elysée Loustallot et les Révolutions de Paris (Jullet 1789—Septembre 1790). Paris 1872. b) журналомъ *C. Desmoulins.* „La Françe libre". 2 éd. Paris. 1789. c) журналомъ *Peltier et Rivarol.* „Les Actes des Apôtres". d) „*Le père Duchesne*" *Hébert'a.* Подпись послѣдняго на журналѣ появляется съ № 131. e) „*L'orateur du peuple*" *Fréron'a* f) „*Révolutions* de Françe et de Brabant"—*Cam. Desmoulins.* Paris 1789. d) „*Journal* des hommes libres". Подробныя указанія о журналахъ и газетахъ, выходившихъ въ Парижѣ съ 1789 по 1800 г. см. въ вышеотмѣченной библіографіи *Tourneux.* Очень цѣннымъ является современный журналъ, посвященный спеціально революціи: „La Révolution française, revue historique".

[2]) Чрезвычайно полезнымъ, а иногда и незамѣнимымъ пособіемъ при всякаго рода хронологическихъ справкахъ является Собраніе *Duvergier* „Collection complète des lois, décrets, ordonnances, régléments et avis du Conseil d'Etat" съ 1789 г. вплоть до настоящаго времени и являющееся естественнымъ продолженіемъ другой замѣчательной коллекціи—*Isambert'a* „Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420—1789". T. I—29. Очень полезны при раскрытіи анонимовъ 4-хъ томный словарь *Barbier.* „Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes" и 3-хъ томный словарь *Quérard'a.* „Les supercheries littéraires devoilées".

Что касается спеціальнаго словаря французской революціи—*Boursin et Challamel.* Dictionnaire de la révolut. franç. Paris. 1892—то онъ далеко не удовлетворяетъ современнымъ научнымъ требованіямъ. Авторы—по справедливому замѣчанію проф. Ардашева—усвоили не только якобинскую точку зрѣнія, но даже якобинскую фразеологію. См. *П. Ардашевъ.* Новое пособіе по исторіи франц. революціи. „Историческое Обозрѣніе" т. V. Спб. 1892. Стр. 250—259.

монографическаго метеріала, который предлагаетъ, не имѣющая равныхъ по богатству, литература по исторіи французской революціи [1]).

Не могу не отмѣтить лишь двухъ сочиненій, представлявшихъ для меня особую цѣнность: Бюшеза и Ру, давшихъ въ своей «Парламентской исторіи революціи» чрезвычайно много для знакомства съ психологической стороной революціи [2]), и несравненной работы Олара. «Политическая исторія французской революціи» является источникомъ высокихъ художественныхъ наслажденій. Это достигается не паѳосомъ и не реторикой, даже не особымъ мастерствомъ слога, а глубочайшей эрудиціей, строгой логикой, искуснымъ сопоставленіемъ фактовъ, отсутствіемъ хотя бы одного непродуманнаго или не вполнѣ доказаннаго положенія. Работа Олара есть истинное торжество научной исторической мысли, ученый chef-d'oeuvre. [3]).

---

[1]) Общая библіографія исторіи французской революціи—еще дѣло будущаго. Пока приходится считаться лишь съ частными попытками въ этомъ направленіи. Одной изъ наиболѣе цѣнныхъ является вышецитированная работа Boissonade'a, дающая гораздо болѣе, чѣмъ обѣщаетъ ея скромное заглавіе. Въ ней собранъ богатѣйшій библіографическій матеріалъ для знакомства съ экономической, соціальной и политической сторонами французской революціи.

[2]) *Buchez et Roux-Lavergne.* Histoire parlementaire de la révolution française ou journal des assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815. Tomes 1—40. Paris. 1834—1838. Здѣсь перепечатана масса документовъ, мемуаровъ, протоколовъ различныхъ собраній и пр.

[3]) Новая грандіозная „Соціалистическая исторія" французской революціи, принадлежащая *Жоресу* (Жоресомъ написаны 4 тома: La Constituante, la Législative, la Convention I—II. Томъ V, посвященный „Thermidor et Directoire" написанъ *Gabriel Devill'емъ*), имѣла для насъ второстепенное значеніе, такъкакъ главное вниманіе она удѣляетъ соціально-экономическимъ вопросамъ. Крупный упрекъ, который можетъ быть поставленъ этой „Исторіи", заключается въ томъ, что, не будучи, противно обѣщаніямъ, популярной ни по своимъ размѣрамъ, ни по характеру изложенія, ни даже по цѣнѣ, она устраняетъ вовсе научный апаратъ, изгоняетъ всякія ссылки на источники и литературу. Несмотря на этотъ серьезный недостатокъ, „Исторія" представляетъ по богатству использованнаго матеріала выдающійся научный трудъ, что признала уже и ученая критика. Справедливое, по существу, замѣчаніе Ж. Сореля, что Жоресъ часто „пользуется мелодраматическими образами изъ архива старой риторики" не можетъ парализовать научнаго значенія „Соціалистической исторіи". См. *Ж. Сорель.* Размышленія о насиліи. М. 1907 стр. 36. Страсть къ „краснорѣчію" вполнѣ понятна въ выдающіемся ораторѣ и вліятельномъ парламентскомъ дѣятелѣ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть и объ „особой русской школѣ по исторіи французской революціи". „....Эта школа—пишетъ А. Олу—очень род-

Въ заключеніе укажемъ на сокращенія, наиболѣе употребительныя въ нашей работѣ:

Lettres de cachet .... l. d. c.
Lettres de cachet en blanc .... l. d. c. en. bl.
Lit de justice .... l. d. j.
«Archives Parlementaires» .... A. P.
«Moniteur Universel» .... M. U.
«Moniteur» (Réimpression) .... M.
Buchez et Roux. Histoire parlementaire etc.... B. et R.

ственна послѣднему направленію французскихъ историковъ революціи, во главѣ котораго стоятъ Оларъ и Бреттъ.... Въ русской школѣ слѣдуетъ различать: лѣвое крыло (Н. И. Карѣевъ, М. М. Ковалевскій, И. В. Лучицкій) и правое крыло: (В. И. Герье и П. Н. Ардашевъ).... Представители лѣваго крыла внесли громадный вкладъ въ экономическую и классовую исторію революціи, бывшую въ полномъ пренебреженіи до самаго послѣдняго времени...... работы историковъ праваго крыла... представляютъ очень большую важность въ методологическомъ отношеніи"... *А. Ону.* o. c. стр. VIII—IX. Ср. т. *Н. Карѣевъ.* Работы русскихъ ученыхъ по исторіи французской революціи. Отд. оттискъ изъ „Извѣстій Спб. Политехн. Инст." за 1904 г. т. I. Спб. 1904. Къ характеристикѣ А. Ону нельзя не присоединиться; слѣдуетъ лишь указать, что работы М. М. Ковалевскаго, представляютъ цѣнный вкладъ не только въ экономическую исторію революціи, но даютъ также блестящій анализъ политическихъ доктринъ эпохи.

ГЛАВА I.

Старый Порядокъ.

Всякій изслѣдователь Стараго Порядка неизбѣжно сталкивается съ необходимостью рѣшить одинъ важный общій вопросъ, въ значительной мѣрѣ предопредѣляющій и характеръ самаго изслѣдованія: возможно ли изученіе Стараго Порядка en bloc?

На этотъ вопросъ уже отвѣтили отрицательно Токвиль и Тэнъ. Новѣйшіе изслѣдователи вполнѣ присоединяются къ этому рѣшенію.

«Старый Порядокъ—пишетъ проф. Ардашевъ—не есть нѣчто однородное..., его нельзя, поэтому, изучать en bloc, а необходимо расчленить предварительно на его хронологическіе элементы» [1]).

И наши собственныя занятія надъ вопросомъ о личной свободѣ въ эпоху Стараго Порядка убѣдили насъ въ глубокой справедливости подобнаго воззрѣнія. Тамъ, гдѣ на разстояніи 40 лѣтъ, по знаменитому выраженію Токвиля, интенданты были разными лицами, положеніе личности и ея отношенія къ правительству и администраціи не могли остаться одинаковыми. Тамъ, гдѣ свобода была не правомъ, обезпеченнымъ законными гарантіями, а милостью, даруемой съ высоты престола или благосклонной лаской высокопоставленнаго бюрократа, личность была въ зависимости не только отъ самой системы, но и отъ лицъ, ее представлявшихъ. Даже наиболѣе тенденціозные и наиболѣе индифферентные къ истори-

---

[1]) *Проф. П. Ардашевъ.* о. с. т. I. стр. 93. „Старый порядокъ" 1774—1789 годовъ—пишетъ онъ во II-омъ томѣ—во многихъ отношеніяхъ совершенно непохожъ на „Старый порядокъ", взятый столѣтіемъ и даже полустолѣтіемъ раньше". т. II стр. 3.

ческой правдѣ писатели и авторы мемуаровъ въ одинъ голосъ признаютъ, что между неограниченнымъ самодержавіемъ Людовика XIV и обломками абсолютной монархіи въ послѣдней $1/4$ XVIII в. лежитъ цѣлая пропасть. Правда, одинъ и тотъ же ордоннансъ 1670 г. служилъ уголовнымъ кодексомъ для вѣрноподданныхъ обѣихъ монархій; тѣ же формы административныхъ наказаній — ссылки, изгнанія, заточенія, которыя практиковались во второй половинѣ XVII вѣка дѣйствовали и въ концѣ XVIII-го; по прежнему государственныя тюрьмы, Бастиліи служили убѣжищемъ для лицъ, неугодныхъ правительству и чиновной знати—но рядомъ съ этимъ вѣковымъ наслѣдіемъ и традиціями французской монархіи выросла просвѣтительная философія, народилась могучая парламентская оппозиція, окрѣпло правосознаніе самого общества. Эта громадная внутренняя работа не могла пройти безслѣдно, она отразилась и на самой администраціи, на ея пріемахъ управленія. Къ концу XVIII в. уже не рѣдкость встрѣтить чиновника, ставленника администраціи, возвышающаго свой голосъ въ защиту свободы, внушающаго своимъ подчиненнымъ чувство уваженія къ личности гражданина.

Чтобы охарактеризовать Парижскую Бастилію и другія государственныя тюрьмы приходится, напр., невольно обращаться къ болѣе раннему времени, къ болѣе раннимъ документамъ, потому что онѣ пустѣютъ къ послѣднимъ годамъ Старой Монархіи.

Ясно, поэтому, что всякая попытка конструировать Старый Порядокъ en bloc на основаніи образчиковъ законодательнаго творчества или административной техники, взятыхъ безразлично изъ XVII или XVIII вѣка, была бы глубоко ошибочной.

Вотъ почему—въ нашей работѣ мы останавливаемся лишь на послѣднемъ періодѣ «Стараго Порядка», совпадающимъ съ царствованіемъ Людовика XVI-го.

Мы сказали, что личная свобода при старомъ порядкѣ была не правомъ, а милостью. Гарантіи, которыя предлагалъ законъ, уголовный кодексъ были недостаточны, да онѣ были и совершенно парализованы широкой системой административныхъ наказаній. Знаменитыя lettres de cachet, подписанныя королемъ, уже самымъ своимъ происхожденіемъ дѣлали невозможной попытку обжаловать дѣйствія администраціи и она фактически оставалась безотвѣтственной. Тѣ исключительно рѣдкіе случаи, когда вопіющія зло-

употребленія администраціи выплывали наружу, благодаря энергіи ея исконнаго врага—Парламента или ловкости и настойчивости самого потерпѣвшаго—лишь ярче подчеркиваютъ общее правило: полное безправіе личности и всемогущество безконтрольной бюрократіи. Ниже мы увидимъ, что эта система, одинаково пагубная какъ для ея жертвъ, такъ и для тѣхъ, кто ею жилъ и проводилъ ее въ жизнь, настолько глубоко въѣлась въ нравы дореволюціоннаго общества, что рядомъ съ бурными протестами противъ нея и негодованіемъ наиболѣе просвѣщенной части общества, ее поддерживали и считали необходимой многочисленные элементы, которые завтра сами могли стать ея жертвой. На этой почвѣ развилась та уродливая форма административныхъ наказаній, которая извѣстна подъ именемъ семейныхъ l. d. c., гдѣ семья, преслѣдуя или отторгая нелюбимаго ею члена, вмѣшивала администрацію въ свои семейныя дрязги, выпрашивала противъ него королевскій приказъ объ арестѣ и послѣ этого становилась всесильнымъ вершителемъ его судебъ, безжалостно заточая его на долгіе годы въ томительное, нерѣдко одиночное заключеніе. Этимъ семья, казалось ей, спасала себя отъ позора, грозившаго ей въ случаѣ розоблаченій передъ судомъ ея домашнихъ неурядицъ. Увы, этотъ предразсудокъ, унесшій тысячи жертвъ—(по тѣмъ даннымъ, которыя мы имѣемъ сейчасъ, можно составить лишь приблизительное представленіе о размѣрахъ практиковавшейся системы)—жилъ еще и въ Наказахъ. Лишь революція возгласила принципъ личной свободы и, сдѣлавъ его однимъ изъ пунктовъ своей безсмертной декларацiи 89 г., навсегда смела эти взгляды. Отнынѣ нарушеніе личной свободы становилось не прерогативой власти, а ея злоупотребленіемъ.

Чтобы оцѣнить прочность гарантій личной свободы, которыя предлагало дореволюціонное законодательство, намъ необходимо хотя бы бѣгло ознакомиться и съ самой организаціей дореволюціоннаго правосудія.

Судебный строй Старой Монархіи, благодаря пестротѣ территоріальнаго состава, свободной конкурренціи кутюмовъ съ закономъ [1],

---

[1]) На сѣверѣ первенствовали кутюмы, на югѣ—писанное право.

систематическимъ исключеніямъ изъ общаго порядка подсудности, наконецъ, обилію и разнообразію судебныхъ инстанцій [1]), являлъ собой нѣчто столь хаотическое, что общая его характеристика представляетъ величайшія трудности.

Lettres de cachet, эвокаціи, указы «committimus», практика Королевскаго Совѣта, административные акты, получавшіе силу закона и постоянно противорѣчившіе одинъ другому [2]), создавали такую путаницу, въ которой мудрено было разобраться и опытному юристу эпохи. Неудивительно, что проведеніе даже и праваго дѣла въ судѣ представляло непреодолимыя трудности для того истца, который не имѣлъ необходимыхъ связей или не былъ достаточно богатъ, чтобы выдержать дорого стоившій и безконечно тянувшійся процессъ [3]).

Общія судебныя инстанціи располагались въ слѣдующемъ порядкѣ: въ провинціяхъ, непосредственно подчиненныхъ королевской власти, первой инстанціей были «juges royaux» и «juges de seigneurs», апелляціонной—Сенешоссеи и Бальяжи, число которыхъ доходило до

---

[1]) Насчитывали до 40 различныхъ юрисдикцій въ эпоху Стараго Порядка.

[2]) См. напр. *Mounier*. Nouvelles observations sur les états-généraux de France. 1789 стр. 191. L^{39} b. 1180.

[3]) Вотъ какъ характеризуетъ правосудіе Стараго Порядка—*Raudot*, очень дѣльный и добросовѣстный изслѣдователь дореволюціонной эпохи; „...cette extrême diversité dans les juridictions, les compétences, la législation et dans l'étendue des ressorts, cette multiplicité des officiers de justice et ces impôts mis sur les procès, ces formes de justice ordinaire dans les affaires administratives, avaient pour résultat de rendre la jurisprudence une science très compliquée et très incertaine, les procès très lents et très dispendieux, la justice civile impossible pour ainsi dire, au faible et à l'indigent. „*Raudot*. La France avant la Révolution. Son état politique et social en 1787 à l'ouverture de l'assemblée des notables et son histoire depuis cette époque jusqu'aux états généraux. Paris. 1841. стр. 28. Старое Уголовное Законодательство было „obscure, arbitraire et barbare sous la rapport de la pénalité"... *Em. Garet*. Les bienfaits de la révolution francaiçe. Paris. 1880. стр. 246. Проф. Ардашевъ цитируетъ А. Юнга, который писалъ: „Поведеніе парламентовъ было безчестно и преступно. Почти во всякомъ судебномъ дѣлѣ рѣшающій голосъ имѣлъ личный интересъ, и горе тому, кому нечѣмъ было привлечь благоволенія судей". Къ этому Ардашевъ добавляетъ: „Произволомъ грѣшатъ, быть можетъ, не менѣе администраціи тѣ самыя корпораціи, которыя сдѣлали себѣ профессію изъ обличеній административнаго произвола: судебные трибуналы съ парламентами во главѣ". *П. Ардашевъ* о. с. т. II стр. 693.

300 [1]). Въ провинціяхъ, подчиненныхъ еще «grands vassaux de la Couronne» первой инстанціей служили—«cours ordinaires de fièf», апелляціонной—«cours de Pairie» [2]). Наконецъ, для облегченія парламентовъ, вначалѣ малочисленныхъ, были созданы въ XVI в. еще такъ-называемые президіалы (présidiaux), которымъ и были переданы нѣкоторыя дѣла меньшаго значенія изъ парламентской компетенціи. Первоначально ихъ было всего 32 въ крупнѣйшихъ городахъ. Постепенно число ихъ увеличилось и они стали серьезными конкурентами сенешоссей и бальяжей [3]).

Высшей судебной инстаціей были парламенты и такъ-наз. «высшіе совѣты» (conseils supérieurs). Парламентовъ наканунѣ революціи было 14, совѣтовъ 3 [4]). Значеніе парламентовъ было далеко неодинаковымъ. Первенствующее мѣсто занималъ Парижскій парламентъ, компетенція котораго простиралась почти на $^{2}/_{5}$ всей французской территоріи съ 10 милліонами жителей.

---

[1]) Сенешоссеи преобладали на югѣ и западѣ; въ сѣверныхъ провинціяхъ—бальяжи. И сенешоссея и бальяжи—очень древняго происхожденія; первоначальное ихъ возникновеніе относятъ къ эпохѣ Филиппа Августа. Сперва бальи вѣдали одновременно судебныя, военныя и финансовыя дѣла. Ихъ компетенція была урѣзана съ XVII в., когда за ними остаются лишь судебныя функціи. Округа старой Франціи были крайне неравномѣрны. Бальяжъ Вермандуа включалъ въ себя, напримѣръ, 774.500 жителей, сенешоссея Пуатье 690.000 человѣкъ, между-тѣмъ бальяжъ Дурдонъ—только 13.000, а въ одномъ насчитывалось всего до $7^{1}/_{2}$ тысячъ человѣкъ. См. *Eugen Iaeger*. Geschichte der socialen Bewegung und des Socialismus in Frankreich. т. II. Frankreich am Vorabende der Revolution von 1789. Berlin. 1890. стр. 133. *L. de Combes*. Justice et magistrature au XVII et XVIII siècles dans une petite province de France d'après des documents inédits. Le Présidial de Bourg et le bailliage de Bresse. Bourg. 1874. стр. 35—39, 68—73.

[2]) См. *Jean-de-Dieu d'Olivier* (по Barbier). Essai sur la dernière révolution de l'ordre civil en France. Londres. 1780 т. I стр. 27.

[3]) Наканунѣ революціи компетенція президіаловъ была расширена. Они рѣшали безапелляціонно всѣ дѣла на сумму до 2000 ливровъ. Пререканія о подсудности между бальяжами, сенешоссеями и президіалами не прекращались вплоть до революціи. Нѣкоторые изслѣдователи придаютъ крупное значеніе учрежденію президіаловъ, такъ какъ видятъ въ немъ попытку къ судебной децентрализаціи и эмансипаціи, такимъ-образомъ, отъ парламентскаго всемогущества. См. напр., *Edmond Seligman*. о. с. стр. 19.

[4]) Парламенты—въ Парижѣ, Тулузѣ, Греноблѣ, Бордо, Руанѣ, Э., Дижонѣ Реннѣ, Кольмарѣ, Дуэ, Безансонѣ, Нанси, Метцѣ и По. Высшіе судебные совѣты—въ Артуа, Эльзасѣ и Руссильонѣ. *Ed. Laboulaye*. De l'administration française sous Louis XVI. „Revue des cours littéraires de la France et de l'étranger“ под. ред. *E. Alglave*. 1865—1868 (Années 2—5). Paris. стр. 724.

Энциклопедія такъ опредѣляла функціи Парижскаго Парламента: «Le Parlement de Paris est une cour établie à Paris sous le titre de Parlement, composeé de pairs et de conseillers ecclésiastiques et laïcs pour connaître, au nom du roi, qui en est le chef, soit qu'il y soit présent ou absent, *de toutes les matières qui appartiennent à l'administration de la justice en dernier ressort et notamment des appellations de tous les juges inférieurs* qui ressortissent à cette cour» [1]).

Парламентскія мѣста покупались за очень высокую цѣну [2]). Зато, парламентскіе судьи пользовались несмѣняемостью, что обезпечивало независимость ихъ сужденій. Особенно ярко сказалась эта самостоятельность парламента въ борьбѣ съ королевской властью во второй половинѣ XVIII-го вѣка. Вообще, члены парламентовъ были окружены уваженіемъ, котораго не знали представители другихъ судебныхъ учрежденій.

Наконецъ, надъ всѣми этими судебными инстанціями возвышался «Королевскій Совѣтъ» (Conseil du roi)—высшій кассаціонный трибуналъ, высшій административный судъ и въ то же время верховный административный Совѣтъ [3]). «Все сходится въ немъ—пишетъ про него Токвиль—и отъ него исходитъ движеніе, со-

---

[1]) Цит. по соч. *Edmond Seligman*. o. c. стр. 36. Парижскій парламентъ состоялъ изъ 10 палатъ или департаментовъ: Большая Палата (Grande Chambre), Уголовная палата (Tournelle criminelle), гражданская палата (Tournelle civile), 5 слѣдственныхъ палатъ (chambres des enquêtes) и 2 апелляціонныя палаты (chambres de requêtes). Въ составѣ Парижскаго парламента числились: принцы крови, 44 пэра Франціи (6 духовныхъ и 38 свѣтскихъ), докладчики (maîtres des requêtes), участвовавшіе въ числѣ не болѣе 4-хъ въ каждомъ отдѣльномъ засѣданіи, 170 судей, 8 почетныхъ совѣтниковъ и 20 регистраторовъ. Къ парламенту еще принадлежали: 4 секретаря, 330 прокуроровъ, 27 судебныхъ приставовъ (huissiers) и цѣлая армія адвокатовъ—500 человѣкъ. См. „*Almanach royal*". 1789 стр. 294—312. *Charles Desmaze*. Le parlement de Paris. Paris 1859. гл. II—XI. *Raudot*. o. c. стр. 25. Обиліе судейскихъ всякаго рода было однимъ изъ жестокихъ бичей тогдашней процедуры: „..nos pères—пишетъ L. Combes—sont arivés à la révolution avec un véritable sentiment de répulsion pour cette légion d'hommes de robe qui vivaient à leurs dépens".. *L. de Combes*. o. c. стр. 42.

[2]) Не продажнымъ былъ только постъ перваго президента парламента. Король самъ назначалъ на этотъ постъ. Кандидаты поставлялись узкимъ кругомъ фамилій, монополизировавшихъ себѣ эту должность (les d' Aligre, les Le Peletier, les d'Ormesson).

[3]) *E. Laferrière*. Traité de la juridiction administrative et des recours contentieux. t. I. стр. 131—137.

общающееся всему. Между тѣмъ, онъ вовсе не имѣетъ собственной юрисдикціи, рѣшаетъ дѣла одинъ король....члены же Совѣта являются *простыми подавателями мнѣній*» [1]).

Королевскій Совѣтъ не находился ни въ какой органической связи съ низшими судебными учрежденіями и разсмотрѣніе дѣла въ немъ было не правомъ тяжущагося, а королевской милостью [2]).

Необыкновенное разнообразіе юрисдикцій [3]), отсутствіе строго разграниченной компетенціи между отдѣльными трибуналами [4]), вѣчный антагонизмъ между общими судебными установленіями и администраціей (особенно у парламента съ интендантами), наконецъ, продажность судейскихъ должностей [5]) и наслѣдственная ихъ пере-

---

[1]) *Токвиль.* Старый порядокъ и революція. Пер. под. ред. проф. Виноградова. М. 1896. Кн. 2., гл. 2, стр. 50—51. „Посредствомъ указа государственнаго совѣта Король могъ издавать законы, отмѣнять судебные приговоры и дѣлать административныя распоряженія; не было такой мѣры. которую нельзя было принять при помощи указа совѣта....... Министры были сперва простыми секретарями государственнаго совѣта, затѣмъ докладчиками, а при Людовикѣ XIV они руководятъ уже государственнымъ совѣтомъ. Съ этого времени они получаютъ власть и дѣйствительно управляютъ государствомъ“....*Лабулэ.* Государство и его предѣлы въ связи съ современными вопросами администраціи, законодательства и политики. Спб. 1868. Отд. II. стр. 14—15. См. т. *Edmond Seligman.* о. с. стр. 50—54,59.

[2]) Спасительный приказъ—замѣчаетъ Эсменъ—приходилъ часто, но чтобы получить его необходимы были или связи или какой-нибудь счастливый случай, вродѣ проѣзда какого-нибудь крупнаго сановника черезъ провинцію. *Esmein.* о. с. стр. 251.

[3]) „Dans les grands 12 tribunaux de Françe—писалъ Вольтеръ—il y a 12 jurisprudences différentes“. *Voltaire.* Jdées républicaines par un citoyen de Genève. Oeuvres complètes. Paris 1853. т. V стр. XVI.

[4]) „Les luttes des officiers de justice—читаемъ мы у А. Бретта—relatives à leur juridiction remontent à l'origine même de la justice en France..... La convention ne fut en réalité, dans les bailliages, qu'un *combat de ressort.* (Курсивъ автора)...Ce fut aussi un combat de droits, de prérogatives, de préséances. Les fonctions n'étant pas nettement déterminées, chacun se tenait constamment en garde contre les entreprises de son voisin, au point de vue non seulement du territoire à exploiter, mais aussi des privilèges de l'office, une diminution de droits entraînant en même temps une diminution de valeur“. *A. Brette.* о. с. III. т. Avertissement de la quatrième partie. Стр. 12—13. См. т. стр. 22—29.

[5]) Начало продажности нашло себѣ, впрочемъ горячаго защитника уже и въ лицѣ Монтескье: „....Cette vénalité est bonne—писалъ онъ—dans les Etats monarchiques, parce qu'elle fait faire, comme un métier de famille, ce qu'on ne voudrait pas entreprendre pour la vertu; qu'elle destine chacun à son devoir, et rend les ordres de l'Etat plus permanents“... и далѣе возражая

дача—вотъ характерныя черты организаціи дореволюціоннаго правосудія.

Многіе панегиристы Стараго порядка утверждаютъ, что темныя стороны его судебной организаціи въ значительной мѣрѣ компенсируются независимостью и самостоятельностью дореволюціонныхъ судовъ. Это мнѣніе погрѣшаетъ противъ истины. Правда, извѣстны примѣры, когда парламенты, опираясь на свое широкое политическое вліяніе, смѣло вмѣшивались въ распоряженія высшихъ органовъ правительственной власти—главнокомандующихъ, интендантовъ и вырывали жертвы, незаконно отнятыя у правосудія. Но, за исключеніемъ парламентовъ, самостоятельность прочихъ судовъ была лишь кажущейся и фактически была совершенно парализована вмѣшательствомъ Королевскаго Совѣта, эвокаціями и практикой исключительныхъ судовъ и коммиссій, получившихъ чрезвычайное развитіе въ эпоху Старой Монархіи.

Возникновеніе эвокаціи восходитъ еще къ феодальной эпохѣ, когда изъятія изъ мѣстной подсудности мотивировались желаніемъ защитить органы королевской власти отъ непріязни мѣстныхъ судовъ [1]). Губернаторы провинцій, интенданты и другіе представители королевской власти часто возбуждали ходатайства объ эвокаціи, указывая, что они не найдутъ правосудія у провинціальныхъ судовъ [2]).

Платону: „..Or, dans une monarchie où, quand les charges ne se vendroient par un règlement public, l'indigence et l'avidité des courtisans les vendroient tout de-même, le hasard donnera de meilleurs sujets que le choix du prince“. *Montesquieu.* De l'esprit des lois. Livre V. Chap. XIX. „..La magistrature—писалъ позднѣйшій историкъ—grâce à la vénalité des charges, était ouverte aux descendants des familles industrieuses. Ennoblis par leurs charges, les membres nouveaux appartenaient tous à des souches que le travail avait d'abord enrichies...Ne nous étonnons plus que ce recrutement vicieux ait fourni des hommes d'un savoir et d'une vertu qui sont l'une des gloires les plus pures du passé“. *L. de Combes.* o. c. стр. 32 см. т. стр. 43—50

[1]) См. *проф. Герье.* Идея народовластія и французская революція 1789 г. М. 1904 стр. 29.

[2]) Etant obligé—пишетъ, напримѣръ, Маркизъ С. Люкъ, губернаторъ Гаскони—de m'opposer la plupart du temps aux entreprises du Parlement, j'ai cru que je devais prévoir le chagrin des plus emportés, et pour cet effet être muni d'une évocation en faveur de mes domestiques....il serait difficile de voir que sous quelque méchant prétexte on mit la main sur quelq'un de mes gens pour me donner du déplaisir“. См. *Lafferière.* o. c. т. I стр. 132—133 прим. 5.

Эвокаціи были двоякаго типа: a) «*Evocations de grâce*», зависѣвшія исключительно отъ королевской воли и b) «*Evocations de justice*» въ случаяхъ родственныхъ отношеній судьи къ одной изъ тяжущихся сторонъ [1]). Въ томъ и другомъ случаѣ давался спеціальный указъ, начинавшійся словомъ «committimus», откуда пошло и самое названіе указа. Указъ давалъ право извѣстному лицу перенести свое дѣло въ Парижъ на выборъ въ одинъ изъ двухъ судовъ или «requêtes de l'hôtel» или «requêtes du palais», причемъ этимъ правомъ можно было воспользоваться только въ теченіе года [2]).

Постепенно эвокаціи становятся источникомъ широкихъ злоупотребленій, позволяя вліятельнымъ и высокопоставленнымъ лицамъ, такъ же какъ членамъ высшей администраціи, избѣгать кажущихся имъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ опасными судебныхъ мѣстъ, затягивать правосудіе и переносить свое дѣло въ завѣдомо благопріятныя имъ инстанціи [3]). Особенно правомъ этимъ злоупотребляли придворные—«commensaux du roi», причемъ званіе «commensal du roi» получить было очень легко. Званіе давалось не только отдѣльнымъ лицамъ, но цѣлымъ орденамъ. Члены Мальтійскаго ордена, напр., считались всѣ «commensaux du roi». «Королевскій Совѣтъ—пишетъ Токвиль—постоянно вмѣшивается въ

---

[1]) *Le Vicomte De Broc.* La France sous l'ancien régime. Le gouvernement et les institutions. Paris. 1887—1889. т. I стр. 310. „*Lettres de grâce*" были чрезвычайно разнообразны. Наиболѣе извѣстны: a) *Lettres d'abolition.* Давались исключительно рѣдко. Только обвиняемымъ въ преступленіяхъ, которыя по закону влекли смертную казнь. b) *Lettres de rémission.* Давались только нечаяннымъ убійцамъ или лицамъ, совершившимъ убійство въ состояніи необходимой обороны. c) *Lettres de pardon.* Давались въ тѣхъ случаяхъ, когда смертная казнь казалась наказаніемъ чрезмѣрнымъ, а замѣна этого наказанія другимъ по закону была невозможной. Наконецъ, былъ еще цѣлый рядъ lettres, дававшихся уже послѣ суда. Таковы, напр., lettres de réhabilitation, lettres de révision и т. п. См. *Esmein.* o. c. стр. 254—256.

[2]) См. *Guyot.* Répertoire de jurisprudence. *Ed. Laboulaye.* De l'administration française sous Louis XVI. Указы „Committimus" были неодинаковы. „Le Committimus au grand sceau" въ отличіе отъ „Le Committimus au petit sceau" давалъ болѣе широкія полномочія. Въ первомъ случаѣ дѣло можно было перенести прямо въ одну изъ апелляціонныхъ палатъ (la Chambre des Requêtes) Парижскаго Парламента, во второмъ въ парламентъ, ближайшій по мѣстожительству истца.

[3]) См., напр., *Mounier.* o. c.

отправленіе правосудія путемъ эвокаціи. Онъ извлекаетъ изъ рукъ общихъ судей всякое дѣло, въ которомъ заинтересована администрація и переноситъ его къ себѣ. Реестры совѣта наполнены такого рода постановленіями объ эвокаціи. Мало-по-малу, исключеніе становится общимъ правиломъ, фактъ преобразуется въ теорію» . . . . [1]).

Не меньшее зло, чѣмъ эвокаціи, въ судебной практикѣ Старой Монархіи представляли собой весьма распространенные исключительные суды [2]).

Здѣсь на первомъ мѣстѣ стояла сеньёріальная юстиція (la justice seigneuriale), которая въ сельской Франціи сохраняла свое значеніе до самой революціи. Франція за исключеніемъ городовъ дѣлилась на феоды, во главѣ которыхъ стояли сеньеры, обладавшіе и судебными правомочіями. Объемъ послѣднихъ былъ различенъ. Владѣвшіе титулованными феодами сосредоточивали въ своихъ рукахъ т. наз. высшую и среднюю юстицію (justice haute, moyenne), остальные низшую (justice basse). Первые творили судъ и расправу по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, имѣя право присуждать ко всѣмъ тяжкимъ наказаніямъ до смертной казни включительно. Вторые вѣдали деревенскую полицію, разсматривали всѣ дѣла по сбору сеньёріальныхъ налоговъ и рѣшали гражданскіе споры, сумма исковъ которыхъ не превышала 60 су. Штрафъ, налагаемый сеньёріальной юстиціей не могъ превышать 10 су. Судьи или бальи (baillis) избирались самими сеньёрами. Приходы (paroisses) съ

---

[1]) *Токвиль.* о. с. кн. 2., гл. 4., стр. 70. „Компетенція короля въ его Совѣтѣ—замѣчаетъ Дарестъ—была юридически неограничена и можно было бы указать многочисленные примѣры процессовъ, эвоцированныхъ изъ общихъ судовъ въ Королевскій Совѣтъ, но, разумѣется, фактически эта высшая юрисдикція добровольно огрничивалась только извѣстнымъ разрядомъ дѣлъ, главнымъ образомъ, касающихся финансовъ и нужны были очень важныя причины (graves raisons) для эвокаціи“. *Dareste.* La justice administrative en France. 2 édition. Paris. 1898 стр. 75—76. Послѣдней эвокаціей, насколько я знаю, была эвокація Реннскаго парламента въ Январѣ 1789 г. Исторію этой эвокаціи, очень любопытной для характеристики общественныхъ настроеній наканунѣ революціи, см. у *Edmond Seligman.* о. с. стр. 136—142.

[2]) Въ Европѣ—говоритъ Токвиль—не было страны, въ которой *общіе суды* меньше зависѣли бы отъ правительства, чѣмъ во Франціи, но въ то же время не существовало страны, гдѣ бы *исключительные суды* были въ большемъ употребленіи“. *Токвиль.* о. с. кн. II. гл. IV. стр. 69.

феодами не совпадали; нерѣдко въ приходахъ было болѣе одного fief'а. И, такимъ-образомъ, бокъ-о бокъ существовали различныя юрисдикціи. Пестрота усиливалась еще тѣмъ, что многія мѣстности имѣли свои кутюмы. «Во Франціи—писалъ Луазо—почти всякій дворянинъ, даже самый мелкопомѣстный, утверждаетъ, что ему принадлежитъ отправленіе правосудія въ его селѣ или деревушкѣ. Тотъ, у котораго нѣтъ деревни, а есть только мельница или скотный дворъ, хочетъ пользоваться правомъ суда надъ своимъ мельникомъ или скотникомъ. У иного нѣтъ даже ни мельницы, ни скотнаго двора, но и тому хотѣлось творить бы судъ и расправу хоть надъ своей женой или прислугой... Вслѣдствіе этого въ правосудіи господствуетъ такая путаница, которую можно сравнить развѣ только со смѣшеніемъ языковъ во время вавилонскаго столпотворенія.... Очень часто случается, что въ извѣстной провинціи есть какой-нибудь деревенскій судъ, на рѣшенія котораго нужно аппелировать въ другую провинцію, гдѣ находится главное помѣстье господина, отъ котораго зависитъ этотъ судъ» [1]).

Ме́ньшее значеніе, чѣмъ сеньёріальная юстиція, имѣла духовная юрисдикція (la justice ècclesiastique), вѣдавшая брачныя дѣла, дѣла по святотатству и т. д. Впрочемъ, компетенція духовныхъ судовъ (officialités) постепенно уменьшается къ концу Стараго порядка. За ними остаются, по преимуществу, дисциплинарныя дѣла [2]).

---

[1]) *Э. Лабулэ.* „Судъ и полиція во Франціи“ въ Сборникѣ „Государство и его предѣлы“. Спб. 1868 стр. 31—32. Сеньёріальная юстиція была однимъ изъ самыхъ страшныхъ золъ дореволюціонной Франціи. Сеньёры избирали судьями людей не только некомпетентныхъ въ юридической области—хирурговъ, парфюмеровъ, и т. п., но часто и совершенно безграмотныхъ. До 80% апелляцій, принесенныхъ на приговоры деревенскихъ бальи, мотивировались несоблюденіемъ формы. Поэтому, сеньёріальная юстиція встрѣтила единодушное осужденіе въ Конституантѣ. Когда Мерлэнъ, одинъ изъ депутатовъ, давалъ отчетъ избирателямъ въ своемъ мандатѣ, онъ при всеобщемъ одобреніи воскликнулъ. „Національное Собраніе обвиняютъ въ томъ, что оно ничего не сдѣлало для вашего счастья! Но развѣ вы забыли, что оно освободило васъ отъ сеньёріальной юстиціи?“ См. *Baudouin.* Le l'administration de la justice suivant les cahiers de 1789 (Marche et Limousin). „Révolution française“ 1889. стр. 512. *A. Ону.* о. с. гл. II passim. *L. de Combes.* o. c. стр. 189—207. *Edmond Seligman.* o. c. стр. 14—18.

[2]) „Officialités“ не слѣдуетъ смѣшивать съ инквизиціей (l'Inquisition), боровшейся, главнымъ образомъ, съ еретичествомъ, но вѣдавшей также дѣла по святотатству, волшебству, кудесничеству и т. п. Въ ту эпоху, которую мы

Городская юрисдикція (La justice municipale), являвшая остатки былой городской независимости, вѣдала разные полицейскіе проступки и нѣкоторыя изъ уголовныхъ дѣлъ. Гражданская юрисдикція у городскихъ судовъ была отнята [1]).

Консульская юрисдикція (La justice consulaire) вѣдала торговыя дѣла и пользовалась чрезвычайной популярностью, благодаря быстротѣ и дешевизнѣ судопроизводства. Наказы высказывались единодушно не только въ смыслѣ сохраненія дореволюціонныхъ коммерческихъ судовъ (juges consuls), но и дальнѣйшаго ихъ распространенія [2]).

Превотальная юрисдикція (La justice prévôtale, justice militaire), какъ показываетъ и ея названіе, первоначально вѣдала преступленія, совершенныя военными [3]). Но постепенно функціи ея расширились и ея компетенціи стали подлежать всѣ дѣла по разбойничеству, бродяжничеству, преднамѣренное убійство, поддѣлка монеты, вооруженные мятежи, наконецъ, преступленія, совершенныя военными въ походѣ [4]). Превотальный судъ отличался жестокостью; процедура его была—суммарна, приговоръ—безапелляціоненъ. Обычной формой наказаній была смертная казнь и приговоръ немедленно приводился въ исполненіе. Превотальная юрисдикція была надежнымъ средствомъ въ рукахъ правительственной власти для подавленія всякаго рода безпорядковъ и возстановленія общественной безопасности. Жестокость же была въ правахъ общества, да ее и не считали излишней для того сорта людей, которыхъ Старый Порядокъ окрестилъ мѣткимъ прозвищемъ «gibier des prévôts des maréchaux [5])».

изучаемъ, инквизиція фактически болѣе не существуетъ. См. *L. Combes.* о. с. стр. 95—104. Инстанціями духовной юрисдикціи были: „l'officialité diocésaine, l'off. de l'archevêché и l'off. primatiale".

[1]) „Судопроизводство городовъ—échévinage—поясняетъ Лабулэ—основывалось на томъ началѣ, что каждый долженъ быть судимъ своими равными, пэрами: ленный владѣлецъ, зависимый отъ короля—ленными владѣльцами той же степени; мѣщанинъ—мѣщанами, крестьянинъ—крестьянами и т. п." *Лабулэ.* о. с. стр. 35. О судебныхъ функціяхъ. Парижскаго „l'Hôtel-de-Ville" см. у *Edmond Seligman.* о. с. стр. 10 - 14.

[2]) См. *Baudouin.* о. с.

[3]) Превотальной юрисдикціей она называлась потому, что главнымъ судьей въ ней былъ „prévôt des maréchaux". Для образованія превотальнаго суда—прево самъ приглашалъ 7 судей изъ мѣстнаго судейскаго персонала.

[4]) См. *Kaudot.* о. с. главу II-ую.

[5]) Такъ называли, главнымъ-образомъ, бродягъ и „gens d'armes tenant

Превотальная юстиція благодаря своему произволу и жестокости, была наиболѣе ненавистной изъ всѣхъ чрезвычайныхъ юрисдикцій Франціи; наказы единодушно требуютъ ея отмѣны.

Помимо указанныхъ чрезвычайныхъ юрисдикцій существовалъ еще цѣлый рядъ исключительныхъ и привиллегированныхъ судовъ. Таковы были контрольныя палаты (chambres des comptes), разбиравшія дѣла по отчетности; сокращенное судопроизводство чиновниковъ, завѣдывавшихъ солянымъ сборомъ (grenetiers); лѣсной судъ, судившій браконьерство (délits de chasse); монетный судъ, судившій за поддѣлку монеты. Затѣмъ привилегированные суды — городскіе, ремесленные (conseils de prudhommes), университетскіе и т. п. [1]).

les champs et mangeant la poule du bonhomme". *Esmein.* o. c. стр. 218. Отношеніе Стараго Порядка къ нищенству и бродяжничеству—за немногими исключеніями (Францискъ I, Людовикъ XVI) было вообще безпощаднымъ. Церковь и общество относились равнодушно. Въ 1543 г. Парламентъ жалуется, что раздача милостыни въ церквахъ сократилась на три четверти. Королевская Декларація 1724 г. пыталась провести принципъ трудовой помощи, угрожая строгими наказаніями за всякое уклоненіе отъ общественныхъ работъ, установленныхъ для нищихъ и бродягъ. Практически проектировавшіяся мѣры были сведены къ нулю. Клейменіе, высылка изъ столицы и галеры остались единственнымъ средствомъ борьбы противъ нищенства. Нищіе и бродяги, однако, росли въ ужасающей прогрессіи отъ начинавшейся ломки крѣпостныхъ отношеній, безпрерывныхъ войнъ и связанныхъ съ ними разореній и голодовокъ. Декларація 1764 г. затмила своей безчеловѣчностью въ преслѣдованіи нищихъ и бродягъ все предыдущее законодательство. Всѣ работоспособные въ возрастѣ отъ 16 до 70 лѣтъ, занимающіеся нищенствомъ или бродяжничествомъ должны были быть сосланы на галеры: въ первый разъ на 3 года, во второй на 9, въ третій—безсрочно. Отъ этой системы, однако, вынуждены были отказаться вслѣдствіе ея дороговизны. Передъ самой революціей Людовикъ XVI обратилъ вниманіе на чудовищное распространеніе нищенства въ Парижѣ и Версали. Въ письмѣ къ министру Амло (Amelot) отъ 8 Іюня 1777 г. онъ проситъ принять какія либо мѣры для искорененія этого зла. „Ce point est très important — пишетъ онъ—n'y aïant rien qui fist plus d'honneur à une administration que l'extirpation de la mendicité". Тюрго рѣшилъ бороться съ нимъ помощью организаціи особыхъ мастерскихъ, цѣлесообразность которыхъ онъ испыталъ, еще будучи интендантомъ въ Лиможѣ. Революція остановила реформу. См. *Monnier* Histoire de l'assistance publique. Paris. 1866. *L. Parturier.* L'assistance à Paris sous l'ancien régime et pendant la révolution. Paris. 1897. *Lecoq.* L'assistance par le travail en France. Paris. 1900. *Dalesme.* Du Vagobondage. Limoges. 1900. *Rudolf Fenner.* Die französische Gesetzgebung gegen Bettel und Vagabondage bis auf Napoleon. Leipzig. 1906. *Проф. Ардашевъ.* o. c. т. II. стр. 446—476.

[1]) См. *Edmond Seligman.* o c. стр. 54—65.

Наконецъ, эту своеобразную организацію правосудія довершали чрезвычайныя комиссіи, назначавшіяся въ отдѣльныхъ случаяхъ и получавшія неограниченныя полномочія. Онѣ стояли надъ закономъ. Дѣятельность ихъ ослабѣваетъ къ концу XVIII в.; онѣ свирѣпствовали, главнымъ образомъ, въ эпоху религіозныхъ гоненій. Францискъ I-й создалъ знаменитыя «Огненныя Палаты» (Chambres ardentes) [1]), просуществовавшія до конца XVIII вѣка. Первоначально онѣ служили мѣстомъ, гдѣ судили государственныхъ преступниковъ высокаго происхожденія.

При Генрихѣ II-мъ «Огненныя Палаты» стали особымъ отдѣленіемъ при каждомъ парламентѣ для суда надъ лютеранами и кальвинистами. Въ 80-хъ годахъ XVII-го вѣка, онѣ вѣдаютъ исключительно дѣла по отравленію. Наконецъ, въ XVIII-мъ вѣкѣ эти коммиссіи служили нерѣдко апелляціонной инстанціей на приговоры «cour des aides», разсматривая дѣла по контрабандѣ, фальсификаціи соли или табаку, мошеннической торговлѣ.

Всѣ государственныя преступленія, за которыя виновный не подлежалъ административной карѣ, передавались въ чрезвычайныя комиссіи, рѣшеніе которыхъ было извѣстно заранѣе. Не говоря уже о томъ, что можно было заранѣе подобрать любой составъ временнаго суда, вся уголовная юриспруденція Стараго Порядка—по вѣрному замѣчанію Mme de Staël—вообще была исключительно благосклонна къ интересамъ «государства» и чрезмѣрно строга во всемъ, что касалось личности [2]).

Такова была судебная организація Стараго Порядка. Неудивительно, что вся Франція, какъ только явилась возможность возвысить голосъ въ защиту права и законности, прежде всего заговорила о необходимости полной и коренной реформы всего дореволюціоннаго судебнаго строя. Наказы отнеслись къ дореформеннымъ судебнымъ порядкамъ съ полнымъ осужденіемъ. Многіе изъ

---

[1]) Нѣкоторые объясняютъ названіе „Огненныхъ Палатъ“ тѣмъ, что компаты, въ которыхъ онѣ помѣщались, затягивались черпымъ сукномъ и освѣщались факелами. Другіе, что обычнымъ приговоромъ „Огненной Палаты“ было присужденіе къ сожженію.

[2]) *Mme de Staël*. Considérations sur les principaux évenemens de la révolution française. Paris. 1818 т. I стр. 227.

дѣятелей революціи охотно видѣли въ недостаткахъ дореформеннаго правосудія главный импульсъ къ освободительному движенію.

«.... Ce sont eux—говорилъ, напр., Луазо, про старыя судебныя учрежденія въ Якобинскомъ клубѣ—qui nous ont forcés à entreprendre la plus grande et la plus heureuse révolution dont il soit possible d'avoir l'idée ....Мы разрушимъ все дѣло этой замѣчательной революціи, первымъ плодомъ которой является свобода—если мы оставимъ существовать какое-либо изъ судебныхъ учрежденій, имѣвшихъ источникомъ феодальный режимъ ....[1]).

Обратимся теперь къ знакомству съ матеріальнымъ правомъ Стараго Порядка.

Дѣйствовавшимъ уголовнымъ кодексомъ старой монархіи былъ къ концу XVIII вѣка ордоннансъ 1670 г. [2]).

Я не буду останавливаться подробно на болѣе раннихъ ордоннансахъ, такъ какъ моя задача заключается въ характеристикѣ судебнаго строя лишь накапунѣ революціи, но многіе изъ этихъ ордоннансовъ были замѣчательны для своего времени и оказали несомнѣнное вліяніе на все послѣдующее развитіе законодательства о личной свободѣ.

Таковъ, напримѣръ, особенно ордоннансъ 1155 г. Его параграфъ 16-й съ необыкновенной силой и ясностью выразилъ одно изъ величайшихъ завоеваній юридической мысли: «Nullus eorum captus teneatur, si plegium veniendi ad jus dare potuerit».

---

[1]) См. „*Réflexions* sur le plan de constitution judiciaire *de M. du Port*, député à l'Assemblée Nationale lu à la société des amis de la constitution aux Jacobins 24 Mars 1790" въ Собраніи *Aulard*. „La société des Jacobius". Томъ I стр. 45. Въ подлинномъ протоколѣ Національнаго Собранія проектъ Дюпора занимаетъ 114 стр. *Proc. Verb.* т. XVI. „Principes et plan sur l'établissement de l'ordre judiciaire". Въ Пар. Нац. Библ. есть и отдѣльный оттискъ. См. L. e. 29. 535.

[2]) Драгоцѣннымъ пособіемъ для ознакомленія съ практикой ордоннанса и уголовной процедурой можетъ служить сборникъ нѣкоего *Pierre de Combe'a*, Greffier de l'Officialité de Paris—„Recueil tiré des procedures criminelles faites par plusieurs officiaux, et autres juges du royaume; contenant la manière d'instruire les procès par les officiaux seuls sur le délit commun, par les officiaux conjointement avec les juges royaux ..." etc. etc. 2 édit. Paris. 1726. Въ очень смиренномъ предисловіи авторъ объясняетъ свою задачу: „de faire un Recueil des procédures différentes, qui ont passé par mes mains, ou que j'ai trouvées dans ledit Greffe".

Справедливо усматриваютъ нѣкоторые въ этомъ параграфѣ предвосхищеніе англійскаго «Habeas Corpus Act'а» [1]).

Это замѣчательное постановленіе, болѣе строго и точно очерченное, мы встрѣчаемъ позже въ ордоннансѣ Филиппа IV 1303 г., касающемся судебнаго устройства Тулузской сенешоссеи. «On ne tiendra pas en prison—гласитъ его 27-ой параграфъ—ni l'on n'arrêtera pas ceux qui pourront donner caution, si ce n'est pour homicide, pour vol, crime de lèse majesté, rapt et autres crimes formellement exceptés».

Не менѣе поучительны и интересны статьи 43—45 ордоннанса 1327-го г., регулировавшія функціи Парижскаго «Châtelet». Въ нихъ мы также встрѣчаемся съ суровымъ осужденіемъ незаконныхъ арестовъ и заключеній и находимъ формальное предписаніе о немедленномъ доставленіи къ судьѣ всякаго арестованнаго лица, чтобы судья могъ или поддержать принятую по отношенію къ нему мѣру или немедленно его освободить.

Ордоннансы Франциска I-го 1535 и 1539 гг. и ордоннансъ 1648 г. регентши Анны Австрійской достойно увѣнчали эти отдѣльныя попытки утвердить на прочныхъ основаніяхъ гарантіи личной свободы [2]). Не будучи знакомымъ съ подлинными документами, трудно представить, какъ ясно сознавалъ необходимость этихъ

---

[1]) См. *A. S. G. Coffinières.* Traité de la liberté individuelle à l'usage de toutes les classes de citoyens. Paris 1828. Томъ I стр. 192—193. Въ томъ же 1155-мъ году Генрихъ II-ой, Король Англійскій и Герцогъ Нормандскій далъ Нормандіи хартію, въ которой парагр. 38-й „Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur aut dissaisiatur de aliquo libero tenemento suo, vel libertatibus, aut liberis consuetudinibus suis, aut ligetur, aut exulatur, aut aliquo modo destinatur, nec super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per legale judicum parium suorum, vel per legem terrae"—чрезвычайно напоминаетъ 39-ый § Англійской Хартіи Вольностей. Руанскій адвокатъ Давіель, выступавшій въ знаменитомъ процессѣ Изамбера, въ своемъ письмѣ къ послѣднему, справедливо замѣтилъ: „Наша хартія, умершая въ памяти нашихъ отцовъ, между-тѣмъ, имѣла честь служить образцомъ безсмертному памятнику англійскихъ вольностей" *Ibidem.* стр. 219—221.

[2]) „Aucun des sujets du Roi—читаемъ мы въ ордоннансѣ 1648 г.—de quelque qualité et condition qu'il soit ne pourra être détenu prisonier passé vingt - quatre heures, sans être interrogé, suivant les ordonnances et rendu à son juge naturel, à peine d'en respondre, par les geôliers, capitaines et tous autres qui les détiendront . . ."

гарантій законодатель XVI в. Многое изъ того, что 150 годами позже такъ горячо и настойчиво требуютъ наказы, было формулировано уже въ этихъ замѣчательныхъ законахъ—воспрещеніе произвольныхъ арестовъ, освобожденіе отъ предварительнаго заключенія подъ извѣстнымъ обезпеченіемъ (внесеніе залога, отдача на-поруки), ускореніе процедуры и т. п. [1]).

Не слѣдуетъ, однако, и переоцѣнивать значенія этихъ законодательныхъ актовъ. Принципіальное значеніе ихъ огромно и въ этомъ ихъ главная заслуга.

Что-же касается ихъ практическаго значенія, ихъ служенія дѣйствительнымъ жизненнымъ интересамъ и нуждамъ, то на немъ настаивать не приходится. Отдѣльные примѣры, на которыхъ панегиристы Стараго Порядка или партизаны такъ-называемой старой французской «конституціи» пытаются показать царившую, якобы, въ немъ строгую законность—еще ровно ничего не доказываютъ.

Если въ XVII-мъ или началѣ XVIII-го вѣка парламенты иногда съ изумительной энергіей отстаиваютъ либеральныя начинанія старыхъ ордоннансовъ, то, конечно, не вдохновляемые уваженіемъ къ правамъ личности, а изъ безпокойнаго желанія побудировать передъ правительствомъ или насолить администраціи [2]).

---

[1]) „...Pour aucunement pourvoir au bien de notre justice—говоритъ напр. введеніе къ Ордоннансу 1539 г.—abréviation des procès et soulagement de nos sujets“. См. *Isambert*. Recueil géneral des anciennes lois françaises depuis l'an 420—1789. Томъ XII стр. 600. Полный текстъ упомянутыхъ нами выше ордоннансовъ можно также найти въ богатомъ Собраніи Isambert'a. См. также: *Coffinières* o. c., *Esmein* o. c., *A. Challamel*. Histoire de la liberté en France depuis les origines jusqu'en 1789. Tome I. Paris 1886., *Faustin Hélie*. Traité de l'instruction criminelle ou théorie du Code d'Instruction Criminelle. Vol I—III. Paris. 1845—1860, *Garraud*. Traité théorique et pratique du droit pénal français. Vol I—VI. Paris 1898 (2 éd.), *Pailliet*. Manuel complémentaire des Codes français et de toutes les collections de lois antérieures à 1789 et restés en vigueur. Vol. I—II. Paris 1846, *Defontaine*. De l'arrestation et de la mise en liberté provisoire dans les legislations française et étrangères. Douai. 1886. Репертуары *Sirey*, *Dalloz'a*, новѣйшій *Carpentier* и др.

Наконецъ, историческіе экскурсы въ область стараго французскаго законодательства о личной свободѣ, хотя и мало самостоятельные, составляютъ обычную принадлежность многочисленныхъ французскихъ монографій, посвященныхъ вопросамъ судебнаго законодательства и практики.

[2]) Не надо также забывать, что немногія гуманныя постановленія указовъ XVI-го вѣка, также какъ и позднѣйшаго Ордоннанса 1670 г., тонули

Той самой рукой, которой парламентъ подписывалъ протестъ своего генеральнаго адвоката противъ той или другой неправильности въ судебной процедурѣ, онъ, не колеблясь, подписывалъ и приказъ объ уничтоженіи смѣлаго памфлета, направленнаго противъ правительственнаго произвола, системы l. d. c. или дѣлалъ постановленіе о заключеніи автора памфлета въ государственную тюрьму.

Законодательный либерализмъ и судебный произволъ шли рука объ руку. Только къ концу XVIII-го вѣка начинаетъ разсѣиваться эта нудная атмосфера и парламенты обнаруживаютъ дѣйствительную энергію въ борьбѣ съ l. d. c., обращавшими въ ничто самыя свободолюбивыя формулы французскаго законодателя.

Ордоннансъ 1670 года [1]) былъ послѣднимъ значительнымъ памятникомъ уголовнаго законодательства дореволюціонной Франціи и по своему вліянію на все послѣдующее законодательство имѣетъ первоклассное значеніе.

Для насъ особенную важность имѣетъ его десятый раздѣлъ, трактующій объ арестѣ, заключеніи и освобожденіи обвиняемыхъ.

Ордоннансу извѣстны 3 формы судейскихъ приказовъ (décrets): a) L'assignation pour être ouï b) L'ajournement personnel и c) le décret de prise de corps [2]).

«L'assignation pour être ouï» былъ предписаніемъ судьи явиться къ нему безъ точнаго указанія срока [3]). Въ случаѣ неявки давался слѣдующій приказъ, но уже съ точнымъ обозначеніемъ срока [4]). Наконецъ, приказъ, «l'ajournement personnel» могъ быть обращенъ въ приказъ «de prise de corps», если вызываемый все же не являлся въ назначенный срокъ.

Такимъ образомъ, только третій приказъ устанавливалъ предварительное задержаніе (détention préalable) [5]).

въ массѣ другихъ варварскихъ постановленій, игнорировавшихъ свободу личности и каравшихъ пыткой и смертной казнью самыя ничтожныя правонарушенія.

[1]) См: *Isambert* o. c. т. XVIII стр. 371—423.

[2]) Décrets—въ позднѣйшемъ законодательствѣ mandats.

[3]) „Exploit d'assigné pour estre ouï" см. въ *Recueil P. Combe'a* часть I. стр. 198.

[4]) При явкѣ составлялся такъ-наз. „acte de comparution personnelle". Форму его и условія см. *Ibidem*. часть I. стр. 102.

[5]) Разница между этими 3 приказами заключалась еще въ томъ, что только первый изъ нихъ, т. е. „l'ordonnance d'assigné pour être ouï", данный

Ордоннансъ предоставляетъ судьѣ полную свободу въ выборѣ одного изъ этихъ приказовъ. Судья могъ руководиться родомъ преступленія, важностью уликъ или личными качествами обвиняемаго (ст. 2).

Эта статья вызываетъ серьезныя возраженія. Если, съ одной стороны, и желательно, чтобы судья былъ свободенъ въ выборѣ той или иной формы приказа въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о важныхъ преступленіяхъ, то, несомнѣнно, что полномочія его должны быть ограничены, когда дѣло идетъ о незначительныхъ правонарушеніяхъ или проступкахъ. Правда, ст. 19-я Ордоннанса устанавливала извѣстную льготу для всѣхъ, имѣвшихъ опредѣленное мѣстожительство. Именно: приказъ о «prise de corps» могъ быть обращенъ противъ нихъ только въ томъ случаѣ, если они были повинны въ преступленіяхъ, влекшихъ за собой позорящее или безчестящее наказаніе (peine afflictive ou infamante). И это ограниченіе судейскихъ полномочій, подсказанное самой жизнью, теоретически имѣетъ, конечно, серьезное значеніе. Коффиньеръ справедливо усматриваетъ въ немъ одну изъ важнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ гарантій. До 1670 г. подобнаго ограниченія не существовало [1]). Но, едва-ли можно думать, что эта мѣра имѣла какое-либо серьезное практическое значеніе. Крайняя суровость наказаній и фактическая безотвѣтственность судей дѣлала эту гарантію въ большинствѣ случаевъ иллюзорной [2]).

Тотъ, противъ кого былъ данъ судьей первый или второй приказъ не могъ быть подвергнутъ заключенію, если только въ дѣлѣ не являлось новыхъ уликъ (s'il ne survient de nouvelles charges), или, если соотвѣтственное постановленіе о его заключеніи при явкѣ въ судъ не дѣлалъ самъ судъ въ тайномъ засѣданіи (délibération secrète). Единолично этого судья сдѣлать не могъ (ст. 7-я). Про первую половину этого постановленія говорить, конечно, не приходится; ея цѣлеобразность вполнѣ очевидна. Другое дѣло—тотъ

противъ судьи или судебнаго чиновника не влекъ за собой ихъ отрѣшенія отъ должности. (См. ст. 10 и 11).

[1]) *Coffinières*. o. c. т. I стр. 235—236.

[2]) См объ этомъ разсужденіе Наполеоновскаго Министра Руэ при представленіи имъ проекта закона о предварительномъ освобожденіи въ законодательный корпусъ 16-го февраля 1865 г. *Moniteur Universel*. 1865 № 55 стр. 191.

іезуитскій пріемъ, который узаконивает ордоннансъ во второй половинѣ статьи; онъ совершенно несогласимъ съ достоинствомъ прибѣгающаго къ нему учрежденія и невольно вселялъ недовѣріе къ суду [1]).

Слѣдующая ст. 8-я носитъ на себѣ глубокій отпечатокъ времени, разрѣшая судьѣ давать приказъ «de prise de corps» безъ предварительнаго разслѣдованія въ трехъ случаяхъ: a) противъ дуэлянтовъ по одному слуху о состоявшейся дуэли, b) противъ бродягъ по жалобамъ прокуроровъ и c) противъ слугъ по жалобамъ хозяевъ. Эта статья находится въ глубокомъ противорѣчіи съ общимъ принципомъ, недопускавшимъ дачи приказа безъ предварительнаго слѣдствія, за исключеніемъ случаевъ flagrant délit».

Наконецъ, ордоннансъ разрѣшалъ судьѣ давать тотъ-же приказъ «de prise de corps» даже противъ неизвѣстныхъ ему лицъ (personnes non connues) при наличности лишь нѣкоторыхъ внѣшнихъ признаковъ, вродѣ платья подозрѣваемаго лица и т. п. Это постановленіе было, несомнѣнно, въ свое время не малымъ источникомъ судебныхъ ошибокъ.

Статьи, касающіяся собственно уголовной процедуры и освобожденія обвиняемаго носятъ на себѣ еще болѣе мрачную печать времени.

Судопроизводство было инквизиціоннымъ, т. е. тайнымъ и письменнымъ. Въ основу его были положены слѣдующіе принципы: a) презумпція виновности подсудимаго и b) соблюденіе строжайшей тайны во все время судопроизводства [2]). Задача суда заключалась не въ томъ, чтобы дать возможныя средства защиты обвиняемому, а чтобы вырвать у него признаніе въ инкриминируемомъ ему дѣяніи. Поэтому, обвиняемому не сообщали, за что именно собираются его судить, а помощью долгаго предварительнаго заключе-

[1]) Эта мѣра—справедливо замѣчаетъ Эсменъ—хорошо рисуетъ духъ самой процедуры, часто играющей съ обвиняемымъ. *Esmein* o. c. Стр. 225 пр. 3. „... C'est là une sorte de piège, une sorte de justice rusée, indigne des magistrats"—пишетъ *Coffinières* o. c. стр. 231.

[2]) „... Il s'introduisit—пишетъ Монтескье—une forme de procéder secrète. Tout étoit public; tout devint caché: les interrogatoires, les informations, le récolement, la confrontation; les conclusions de la partie publique; et c'est l'usage d'aujourd'hui ..." *Montesquieu.* De l'esprit des lois. Livre XXVIII Chap. XXXIV „Comment la procédure devint secrète".

нія и пытокъ стремились вырвать у самого подсудимаго нужныя для суда свѣдѣнія. Изъ этихъ двухъ основныхъ принциповъ вытекали слѣдующіе: c) доказательства сами по себѣ не имѣли достаточной убѣдительной силы. Они могли быть приняты или отвергнуты въ зависимости отъ свободнаго усмотрѣнія суда; d) для полученія признанія отъ подсудимаго всѣ средства считались дозволенными до пытки включительно; e) выборъ наказанія предоставлялся свободному усмотрѣнію судьи. За одно и то-же преступленіе виновный могъ быть подвергнутъ самой легкой карѣ, какъ и присужденъ къ смертной казни [1]).

Процессъ начинался съ допроса обвиняемаго; первый допросъ долженъ былъ имѣть мѣсто не позже чѣмъ черезъ 24 часа по заключеніи въ тюрьму. Послѣ допроса обвиняемый могъ оставаться въ предварительномъ заключеніи неопредѣленное количество времени. Извѣстны многочисленные случаи, когда въ такомъ заключеніи оставались свыше пяти лѣтъ. Допросъ былъ секретнымъ и обвиняемый долженъ былъ принести клятву, что онъ будетъ показывать правду. (Разд. XIV статьи 6 и 7).

Въ самой коммиссіи, обсуждавшей Ордоннансъ, эти статьи прошли не безъ серьезной борьбы. Одинъ изъ ея наиболѣе либерально настроенныхъ членовъ—первый президентъ Ламуаньонъ горячо протестовалъ противъ внесенія этого инквизиціоннаго пріема во французское законодательство. «Требованіе клятвы—говорилъ онъ—равносильно приглашенію обвиняемаго къ новому преступленію, ко лжи, произносимой передъ лицомъ суда—къ провокаціи клятвопреступленія, неизбѣжнаго въ такой обстановкѣ» [2]). Тѣмъ не менѣе гуманному юристу не удалось сломить упорства и рутины остальныхъ членовъ коммиссіи и статья о принесеніи присяги передъ допросомъ прошла. Отказывавшійся отъ присяги назывался «muet volontaire» и къ нему примѣнялась спеціальная, чрезвычайно суровая процедура.

Столь-же неумолимымъ было старое судопроизводство и по отношенію къ свидѣтелямъ. Разъ сдѣланное свидѣтельское показаніе не могло быть измѣнено, хотя бы свидѣтель впослѣдствіи и

---

[1]) *Лабулэ* o. c. стр. 88—90.
[2]) *Esmein* o. c. стр. 229—230.

призналъ свою ошибку. Такимъ образомъ, дѣло обвиняемаго могло быть безвозвратно проиграно изъ за какой либо ошибки, допущенной свидѣтелемъ на первомъ допросѣ. Въ коммиссіи, вырабатывавшей ордоннансъ, тотъ-же Ламуаньонъ, о которомъ мы говорили выше, пытался отстоять интересы защиты, настаивая на правѣ свидѣтеля измѣнять свое первоначальное показаніе. Однако, и въ этомъ вопросѣ Ламуаньонъ былъ побитъ большинствомъ.

Наконецъ, и вопросъ о защитѣ обвиняемаго, вызвавшій горячую борьбу въ коммиссіи, былъ также рѣшенъ противно интересамъ обвиняемаго [1]). Большинство стояло на точкѣ зрѣнія извѣстнаго юриста и комментатора Жусса (Jousse), утверждавшаго, что дать обвиняемому защитника, значитъ—дать ему соучастника. Защита была устранена при допросѣ обвиняемаго, за исключеніемъ немногихъ случаевъ и каждый разъ съ спеціальнаго разрѣшенія судьи [2]).

---

[1]) *Esmein* o. c. стр. 231—234. Ламуаньонъ говорилъ, между прочимъ: „l'Avocat ou Conseil qu'on avoit accoutumé de donner aux accusés n'est point un privilége accordé par les ordonnances, ni par les Loix; c'est une liberté acquise par le droit naturel, qui est plus ancien que toutes les Loix humaines. La nature enseigne à tout homme qu'il doit avoir recours aux lumières des autres quand il n'en a pas assez pour se conduire, et emprunter du secours quand il ne se sent pas assez fort pour se défendre. Nos ordonnances ont retranché aux accusés tant d'avantages, qu'il est bien juste de leur conserver ce qui leur reste, et principalement l'Avocat qui en fait la partie la plus essentielle...“ См. *Commentaire sur le „Livre des Délits et des Peines“ par Beccaria.* Paris. 1773 стр. 89.

[2]) *Titre XIV art 8.* „Les accusés de quelque qualité qu'ils soient, seront tenus de répondre *par leur bouche, sans le ministère du* conseil, qui ne pourra leur être donné même après la confrontation, nonobstant tous usages contraires, que nous abrogeons, si ce n'est pour crime... (перечисленіе) et autres crimes où il s'agira de l'état des personnes à l'égard desquelles les juges pourront ordonner si la matière le requiert, que les accusés après l'interrogatoire communiqueront avec leur conseil ou leurs commis. Laissons au devoir et à la réligion des juges, d'examiner avant le jugement s'il n'y a point de nullité dans la procédure“. См. *Isambert.* стр. 399.

Въ знаменитомъ процессѣ трехъ крестьянъ—Lardoise, Simare и Brodier, волновавшемъ въ теченіе почти $2^1/_2$ лѣтъ (1785—1787 гг.) общественное мнѣніе Франціи, одинъ изъ лучшихъ практиковъ-юристовъ того времени—Séguier-premier avocat général Парижскаго парламента писалъ въ мемуарѣ: „En matière de grand criminel, de quelle utilité un avocat peut - il être? L'accusé ne sait - il pas ce qu'il a fait ou n'a pas fait aussi certainement que le témoin sait ce qu'il a vu et ce qu'il a entendu? Dans un procès criminel, il n'y a, le

Послѣ допроса королевская прокуратура давала немотивированное заключеніе и начинался собственно судебный разборъ дѣла. При этомъ обвиняемые, которымъ было послано предписаніе о личной явкѣ (décret d'ajournement personnel), согласно ордонансу, должны были быть освобождены немедленно послѣ допроса, если во время самаго допроса не обнаружилось какихъ-либо новыхъ фактовъ противъ обвиняемаго (ст. 21). Однако, какъ мы уже видѣли выше, ст. 7-я давала возможность судьѣ обойти это распоряженіе; для этого было достаточно спеціальнаго постановленія суда въ секретномъ совѣщаніи. Обвиняемые, противъ которыхъ было дано предписаніе о взятіи подъ стражу (décret de prise de corps), не подлежали предварительному освобожденію за исключеніемъ особо указанныхъ случаевъ и только до т. наз. «réglement à l'extraordinaire», которымъ судъ признавалъ, что обвиненіе можетъ повлечь за собой примѣненіе позорящаго наказанія (peine afflictive ou infamante) [1]. Наконецъ, ст. 22-я категорически воспрещала освобожденіе изъ заключенія обвиняемаго въ какомъ либо тяжкомъ преступленіи, прежде чѣмъ не будетъ закончена вся уголовная процедура и не будетъ заслушана гражданская сторона, если таковая имѣется въ процессѣ. Справедливо замѣчаетъ Коффиньеръ, что разумъ и чувство одинаково протестуютъ противъ подобной мѣры [2]. Она связываетъ судью даже и въ томъ случаѣ, когда онъ уже съ первыхъ шаговъ процедуры могъ убѣдиться въ полной невиновности обвиняемаго.

Судебное слѣдствіе было тайнымъ. Напрасно нѣкоторые выдающіеся юристы Стараго Порядка, вродѣ знаменитаго криминалиста XVI в.—Пьера Эйро (Pierre Ayrault), возвышали свой голосъ въ защиту гласности суда. Ни соображенія гуманности, ни

---

plus souvent, qu'un fait principal. Il s'agit d'avouer ou de nier ce fait, de prouver que le crime a été commis par un autre ou que l'accusé n'a pu le commettre. Pour répondre sur un fait si simple, un conseil est inutile". См. т. и другія подробности этого громкаго процесса у *Edmond Seligman* о. с. стр. 98—107. Процессъ этотъ, благодаря участію въ немъ выдающихся представителей тогдашней юриспруденціи, съ одной стороны, способствовалъ широкому распространенію въ дореволюціонномъ обществѣ гуманныхъ воззрѣній Вольтера, Беккаріа и др., съ другой, ярко вскрылъ передъ нимъ всѣ язвы современной уголовной процедуры.

[1]) Титулъ XV ст. 12, титулъ XXVIII ст. 5 и сл.

[2]) *Coffinières* о. с. т. I стр. 239.

историческія справки не въ состояніи были поколебать рутины и традиціонной несправедливости по отношенію къ обвиняемому. И процедура осталась секретной до реформъ Конституанты.

Еще болѣе жестокимъ пособникомъ суда въ дореволюціонной процедурѣ были пытки, которыя по степени своей жестокости раздѣлялись на «question ordinaire» и «question extraordinaire». Выборъ той или другой формы всецѣло зависѣлъ отъ усмотрѣнія судьи [1]). Законъ ничего не говорилъ о самомъ родѣ пытокъ, къ которому могъ прибѣгнуть судъ. И, дѣйствительно, пытки носили различный характеръ по разнымъ судебнымъ округамъ. Наиболѣе часто практиковались испытанія водой и полусапожками (brodequins).

Исторія дореволюціонныхъ судебныхъ процессовъ дала не мало примѣровъ, когда замученные во время пытокъ оказывались впослѣдствіи невинными [2]). Согласно Ордонансу 1670 г. пытка могла быть примѣнена только одинъ разъ за одно и то-же дѣяніе [3]).

Соотвѣтственно характеру процедуры и самыя наказанія поражали своей жестокостью и несоразмѣрностью съ совершеннымъ дѣяніемъ. Контрабанда (напр. провозъ соли изъ одной провинціи въ другую), браконьерство карались или вѣчными галерами или смертной казнью. Участники дуэли, домашніе воры, фальшивые монетчики неминуемо присуждались къ смерти [4]). Лишь въ XVIII

---

[1]) Къ пыткѣ прибѣгали или для того, чтобы вырвать у обвиняемаго признаніе въ совершенномъ имъ преступленіи и тогда она называлась „question préparatoire», или для того, чтобы узнать у осужденнаго имена его соучастниковъ. Послѣдняя форма пытки называлась „question préalable“. Предварительная пытка была уничтожена только при Людовикѣ XVI-мъ 24-го августа 1780 г. Королевская декларація 1788 г. отмѣнила „question préalable“ (болѣе тяжкую форму пытокъ) въ видѣ временнаго опыта. Лишь революція очистила окончательно судебную атмосферу отъ пытокъ, уничтоживъ и „question préalable“ 9-го октября 1789 г.

[2]) Августинъ Никола, одинъ изъ французскихъ юристовъ XVII вѣка, въ сочиненіи, направленномъ противъ пытокъ и напечатанномъ въ 1681 г., писалъ, между-прочимъ: „Марсиль (судья) хвастается тѣмъ, что онъ заставлялъ сознаваться самыхъ крѣпкихъ людей; но онъ не говоритъ того, что мы узнаемъ лишь нѣкогда, и что многіе изъ судей узнаютъ слишкомъ поздно: сколькихъ мучениковъ онъ создалъ, думая встрѣтить преступниковъ. *Лабулэ* o. c. стр. 112. Полное и точное описаніе процедуры „question“ см. въ вышецитированномъ *Recueil P. Combe'a* часть II. гл. VI.

[3]) Тит. XIX ст. 12-я.

[4]) „Les peines—пишетъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ судебныхъ порядковъ Старой Франціи Desjardins—étaient presque toujours excessives, souvent

вѣкѣ начинаются протесты противъ жестокости и несправедливости дореволюціоннаго суда.

Освобожденіе могло состояться только по особому приказу судьи и съ согласія прокурора (ст. 23), причемъ не подлежали освобожденію и оправданные судомъ, въ случаяхъ обжалованія прокуроромъ судебнаго приговора (ст. 24). Послѣдняя мѣра поражаетъ своей несправедливостью. Оправданный, нерѣдко уже потерпѣвшій незаслуженное наказаніе въ формѣ продолжительнаго предварительнаго заключенія, долженъ былъ быть вновь подвергнутъ заключенію на неопредѣленный срокъ.

Наиболѣе либеральными и гуманными статьями ордоннанса были статьи, посвященныя апелляціонной инстанціи.

Апелляція на рѣшеніе суда допускалась по существу и по поводу неправильностей процессуальнаго характера (Раздѣлъ XXVI ст. 1). Судъ апелляціонной инстанціи долженъ былъ состоять по крайней мѣрѣ изъ 7 членовъ (Раздѣлъ XXV ст. 11). Если въ окончательномъ вердиктѣ мнѣнія судей дѣлились такъ, что за болѣе строгую мѣру наказанія высказывались четверо судей изъ семи, то перевѣсъ оставался за мнѣніемъ меньшинства (ст. 12). Процедура апелляціонной инстанціи не была секретной; адвокатура допускалась свободно. Однако, всѣ эти благія начинанія въ значительной мѣрѣ парализовались жестокимъ и нелѣпымъ правиломъ, въ силу котораго судебный приговоръ долженъ былъ быть приводимъ въ исполненіе въ тотъ же день, въ какой и былъ вынесенъ. Исключеніе дѣлалось только для беременныхъ женщинъ (Разд. XXV ст. 21—23). Это постановленіе, шедшее совершенно вразрѣзъ съ либерально настроеннымъ раздѣломъ XXVI-мъ, обращало часто самую возможность прибѣгнуть къ апелляціонной инстанціи въ фикцію; человѣкъ безъ кредита и связей могъ считать свое дѣло погибшимъ. Оставалось, правда, еще одно послѣднее прибѣжище для невинно пострадавшаго—Королевскій Совѣтъ. Но, какъ мы уже выше указывали, онъ не былъ собственно юридической ин-

---

odieuses, quelquefois atroces". *Desjardins.* Les cahiers des etats généraux en 1789 et la législation criminelle. Paris. 1883 стр. VI. Наиболѣе употребительными формами наказанія были—разныя формы смертной казни (la mort par la roue, par la corde, par la hache), пожизненныя или временныя галеры, наказаніе кнутомъ, изгнаніе, заключеніе на разные сроки, штрафъ.

станціей и добиться милости оттуда для бѣднаго и неродовитаго человѣка было дѣломъ почти невозможнымъ.

Въ статьяхъ Ордоннанса, посвященныхъ тюремному заключенію, обращаетъ на себя вниманіе ст. 16-я, въ силу которой, всѣ арестованные должны были быть немедленно доставлены въ мѣста заключенія, спеціально для этого предназначенныя. Строго воспрещалось оставлять ихъ въ частныхъ домахъ кромѣ случаевъ крайней необходимости, о чемъ должна была быть сдѣлана соотвѣтствующая оговорка въ протоколѣ. Неисполненіе этого предписанія влекло за собой для виновнаго штрафъ и отрѣшеніе отъ должности. Эта мѣра, необходимость и разумность которой была признана и послѣдующимъ законодательствомъ, восполнялась еще другой, не менѣе важной, едва-ли нашедшей, однако, себѣ практическое примѣненіе. Именно: прокуроры «des justices ordinaires» должны были 2 раза въ годъ—въ январѣ и іюлѣ доставлять Генеральнымъ Прокурорамъ полный списокъ всѣхъ заключенныхъ въ подвѣдомственныхъ имъ тюрьмахъ съ подробнымъ означеніемъ мотивовъ ихъ заключенія, рода обвиненія, предъявленнаго къ нимъ, и положенія ихъ дѣла. Необходимые акты и документы для этой цѣли должны были быть безпрепятственно выдаваемы тюремщиками и регистраторами подъ страхомъ, въ случаяхъ уклоненія, отрѣшенія отъ должности и ста ливровъ штрафа (ст. 20). Къ сожалѣнію, законъ ничего не говорилъ о средствахъ понужденія къ исполненію этихъ прекрасныхъ правилъ самими прокурорами и мѣра, которая могла бы положить начало дѣйствительному и серьезному контролю за правильностью заключеній и процедуры, по всей вѣроятности, осталась мертвой буквой.

Въ титулѣ XIII-мъ, посвященномъ тюрьмамъ, наиболѣе замѣчательна 16-я статья, которой впослѣдствіи пришлось сыграть видную роль въ исторіи уголовнаго законодательства. Въ силу этой статьи обвиняемые въ какихъ-либо тяжкихъ преступленіяхъ, по предписанію судьи могли быть подвергнуты строжайшему одиночному заключенію (secret) и до и послѣ допроса. Эта мѣра, въ высокой степени отягчающая положеніе заключеннаго, была поставлена въ безконтрольное распоряженіе судьи [1]). За недостаткомъ

---

[1]) Впервые эта мѣра появляется въ ордоннансѣ Карла VII—1452 г. Этого ордоннанса нѣтъ въ собраніи *Isambert'a.* 32-ой параграфъ его гласитъ: „Quand

матеріала мы, конечно, не можемъ судить о томъ, какъ практиковалась эта мѣра при порядкахъ Старой Монархіи; только тѣ безчисленные протесты, которые она вызываетъ уже значительно позже, послѣ революціи въ эпоху реставраціи или іюльской монархіи со стороны выдающихся юристовъ-теоретиковъ и практиковъ, показываютъ, какія чудовищныя злоупотребленія могло породить въ данной области неограниченное право судьи [1]).

Наконецъ, чрезвычайно важное мѣсто было удѣлено Ордоннансомъ превотальной юрисдикціи. Мы уже говорили выше въ общихъ чертахъ объ ея организаціи. Ея широкая компетенція, суровость и безапелляціонность приговоровъ, частыя злоупотребленія встрѣтили суровое осужденіе среди самихъ юристовъ, вырабатывавшихъ ордоннансъ.

Президентъ коммиссіи—Ламуаньонъ замѣтилъ, напримѣръ, что наибольшее количество злоупотребленій, имѣвшихъ мѣсто въ уголовной юстиціи, падаетъ именно на превотальные трибуналы, притѣсняющіе невинныхъ и освобождающіе виновныхъ . . . Большинство превотовъ—таково, что ихъ приходится бояться больше самихъ злоумышленниковъ (voleurs eux-mêmes).

Членъ коммиссіи Талонъ обратилъ ея вниманіе на страшное взяточничество, процвѣтавшее въ превотальныхъ судахъ; другіе

---

aucuns prisonniers seront amenés pour cas criminéls, le geôlier sera tenu de les mettre en prison fermée; en telle manière que nul ne parle avec eux; et en ce point les tenir, tant qu il y ait autre mandement du juge". См. *Coffinières* o. c. I. стр. 207.

[1]) См. напр. петицію *Antoinette Robert* въ Палатѣ Депутатовъ—28 ноября 1816 г. и послѣдовавшія затѣмъ пренія. *A. P.* II-я серія, т. 17, стр. 568—585; Циркуляръ Министра юстиціи отъ 10-го февраля 1819 г. пунктъ 2-ой. *Duvergier.* т. 22 стр.. 109—111; пренія при обсужденіи закона о „личной свободѣ", внесеннаго *Паскье* въ Палату Депутатовъ 15-го февраля 1820 г.; цѣлый рядъ замѣчательныхъ предложеній *Roger'a* относительно обезпеченія „личной свободы", начиная съ сентября 1831 г. *A. P.* II-я серія *т. 69*, стр. 481—482, *т. 74* стр. 3—5, *т. 78* стр. 450, *т. 91* стр. 750—753, *т. 92* стр. 10—18, *т. 93* стр. 405—412, *т. 99* стр. 646. *M. U.* т. 102 стр. 592—596, 600—602. *M. U. 1845* г. №№ 38, 47. *1846* г. №№ 17, 49; докладъ *Mater'a* о реформѣ Уголовнаго Судопроизводства и пренія по докладу въ Палатѣ Депутатовъ въ 1842 г. *M. U.* т. 106 стр. 815 и др. См. т. *Bérenger.* De la justice criminelle en France d'après les lois permanentes, les lois d'exception et les doctrines des tribunaux. Paris. 1818 стр. 388—394. *Dupin* (Avocat à la cour royale de Paris). Observations sur plusieurs points importans

члены коммиссіи также наговорили не мало нелестнаго по ихъ адресу [1]). Тѣмъ не менѣе превотальная юрисдикція спаслась отъ окончательнаго разгрома и просуществовала до революціи.

Раздѣлъ второй ордоннанса, посвященный ей, включаетъ нѣсколько гарантій противъ произвола превотольныхъ судей.

Имъ предоставлялось право ареста въ случаяхъ flagrant délit (ст. 4-я) [2]), но они должны были немедленно вручить задержанному копію протокола объ арестѣ и заключеніи подъ угрозой, въ случаѣ неисполненія, отрѣшенія отъ должности, штрафа и вознагражденія убытковъ потерпѣвшему (ст. 7). При задержаніи въ присутствіи двухъ понятыхъ должна была быть составлена подробная опись всѣхъ вещей, найденныхъ у задержаннаго. Опись должна быть подписана понятыми (ст. 9) [3]). Арестованный доставляется немедленно въ ближайшую тюрьму; во всякомъ случаѣ, не позже чѣмъ черезъ 24 часа (ст. 10). Допросъ долженъ быть сдѣланъ превотомъ въ присутствіи засѣдателя (assésseur) въ теченіе 24 часовъ подъ угрозой 200 ливровъ штрафу. Если дѣло послужившее поводомъ къ задержанію, не подлежало превотальной компетенціи, превоты должны были направить его въ порядкѣ общей подсудности въ теченіе 24-хъ часовъ. [4]).

Споры о компетенціи разрѣшались особымъ собраніемъ судей въ числѣ не менѣе 7. Въ собраніи выслушивался обвиняемый и всѣ объясненія его должны были быть занесены въ протоколъ. Задержанный долженъ былъ получить копію рѣшенія (ст. 18, 19, 20). Въ случаѣ неисполненія этихъ предписаній, процедура считалась

---

de notre législation criminelle. Paris. 1821. стр. 72—74. *Carpentier et G. Frèrejouan du Saint.* Répértoire général alphabétique de Droit français. т. 26 § 35.

[1]) *Esmein* о. с. стр. 219.

[2]) Превотальные солдаты (archers), согласно ст. 6-ой, самостоятельнаго права ареста не имѣли и могли прибѣгнуть къ задержанію только въ силу приказовъ, полученныхъ отъ офицеровъ.

[3]) Ст. 11-я грозитъ жандармскимъ офицерамъ (officiers de maréchaussée), присвоившимъ имущество задержаннаго, отрѣшеніемъ отъ должности, 500-ми ливрами штрафу и обязательствомъ вознаградить потерпѣвшаго въ четверномъ размѣрѣ.

[4]) Ордоннансъ Карла IX-го 1560 г. предписывалъ всякое задержанное лицо, имѣющее опредѣленное мѣстожительство, немедленно препроводить къ судьѣ (ст. 70).

ничтожной, а судьи не только подлежали штрафу и уплатѣ проторей и убытковъ, но и отрѣшались отъ должности. До рѣшенія вопроса о компетенціи задержанный не могъ быть освобожденъ, независимо отъ основаній, по которымъ была примѣнена мѣра пресѣченія (ст. 17) [1]).

Если превотальный судья былъ признанъ некомпетентнымъ, обвиняемый долженъ былъ быть препровожденъ въ ближайшую мѣстную тюрьму вмѣстѣ съ протоколомъ о его задержаніи, допросѣ и всей процедурой въ теченіе двухъ дней (ст. 21). Если-же дѣло было признано подлежащимъ вѣдѣнію превотальной юрисдикціи и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ обвиняемаго возбуждено было бы новое дѣло, ей по общимъ условіямъ (характеръ преступленія) не подсудное, оно все-же присоединялось къ первому и разбиралось въ превотальномъ порядкѣ (ст. 23). Превотальный судъ долженъ былъ состоять, по крайней мѣрѣ, изъ семи судей [2]).

Въ общемъ мы отмѣтили все, заслуживающее вниманія въ ордоннансѣ 1670 г. по вопросу о личной свободѣ.

Ордоннансъ является любопытной смѣсью отжившихъ пріемовъ судебной техники съ новыми болѣе гуманными вѣяніями. Послѣднія не могли воплотиться въ реальныя гарантіи и на судебномъ памятникѣ лежитъ мрачная печать деспотизма.

Судья въ Ордоннансѣ надѣленъ громадной властью: въ его рукахъ безконтрольное пользованіе приказами; въ зависимости отъ его личнаго усмотрѣнія находится свобода цѣлой группы лицъ: дуэлянтовъ, бродягъ, слугъ. Но и эти чрезвычайныя полномочія казались законодателю недостаточными и онъ вводитъ пресловутую ст. 7-ую, разрѣшающую суду прибѣгать къ недостойной его уловкѣ на тотъ случай, если-бы онъ счелъ первоначально употребленную противъ обвиняемаго мѣру недостаточной [3]).

---

[1]) Эта статья являлась, такимъ образомъ, исключеніемъ изъ общаго правила ордоннанса, согласно которому всѣ обвиняемые, противъ которыхъ первоначально не былъ данъ приказъ „de prise de corps“ подлежали освобожденію немедленно послѣ допроса (Раздѣлъ X ст. 21).

[2]) Королевская Декларація 1781 г. „Sur les cas prévôtaux et présidiaux“ была болѣе гуманной, чѣмъ соотвѣтствующія статьи ордоннанса 1670 г. См. *Esmein* o. c. стр. 221.

[3]) Уже въ 1764 г. Беккарія протестовалъ противъ чрезмѣрныхъ полномочій магистратуры. „La sûreté personnelle des Citoyens—писалъ онъ—étant

Еще болѣе беззащитной и безправной становилась личность въ самомъ процессѣ. И время и законъ были равно неумолимы. Надъ головой каждаго обвиняемаго уже висѣла презумпція виновности. Вся процедура была направлена къ тому, чтобы исторгнуть изъ устъ обвиняемаго признаніе въ совершеніи приписываемаго ему преступленія. Къ услугамъ суда были страшныя одиночныя заключенія (secrets); годами накоплявшаяся судейская опытность, превращавшая допросъ въ сложное и тонкое искусство, возбуждавшее судейское самолюбіе, заставлявшее забывать о чувствѣ справедливости; наконецъ, пытки [1]).

Что-же могъ противопоставить обвиняемый всѣмъ этимъ средствамъ нападенія?

Лишенный адвокатской помощи, безъ поддержки родственниковъ и друзей, не имѣя возможности вызвать своихъ свидѣтелей, которые могли бы установить его невинность, обвиняемый былъ беззащитенъ передъ лицомъ суда. Его могло погубить малѣйшее неосторожное слово; признаки нетерпѣнія или слабости передъ пыткой становились въ глазахъ судьи уже достаточнымъ аргументомъ виновности находившейся передъ нимъ жертвы [2]).

Если допросъ кончался благопріятно для обвиняемаго, онъ еще не всегда могъ получить свободу. Мы уже видѣли выше, что

---

le véritable but de la société, comment laisse-t-on aux Magistrats, exécuteurs des loix, le droit d'emprisonner à leur gré, droit funeste dont ils peuvent abuser pour ravir la liberté à leur ennemi, pour la laisser à ceux qu'ils protègent, malgré les indices les plus forts"? *Beccaria.* Traité des délits et des peines. § XXIX De l'Emprisonnement.

[1]) Интересную характеристику уголовной процедуры Старой Монархіи даетъ Seligman. „...L'ancien droit—пишетъ онъ—a fait du procès criminel une opération pour ainsi dire mathématique. Le juge n'a pas à se demander, comme le juré et même comme le magistrat d'aujourd'hui, si, dans son intime conviction, il estime l'accusé coupable; il doit rechercher si la preuve légale de la culpabilité est rapportée. La valeur respective des témoignages, de l'aveu, des écrits, des constations matérielles, des présomptions, avait été calculée à l'aide des analyses les plus subtiles. Chacun de ces éléments avait reçu sa notation propre de façon qu'en présence des résultats d'une information, le juge pût dire, non pas: l'accusé est innocent ou coupable, mais: la preuve de la culpabilité est ou n'est pas rapportée...". *Edmond Seligman* o. c. стр. 28.

[2]) Конечно, для вліятельныхъ людей возможны были исключенія. Извѣстны случаи допущенія защиты даже до допроса. См. напр., *Esmein* o. c. стр. 343—345.

это право принадлежало только тѣмъ, противъ которыхъ былъ данъ приказъ «d'ajournement personnel». Но, во-первыхъ, судья былъ полнымъ господиномъ дать тотъ или другой приказъ, а во-вторыхъ, и невинный человѣкъ, подозрѣваемый въ совершеніи какого-либо тяжкаго преступленія, не могъ получить свободы до окончанія всего процесса. Наиболѣе-же одіозной должна была казаться мѣра, воспрещавшая освобожденіе даже оправданному по суду, если представитель обвинительной власти рѣшалъ обжаловать приговоръ.

Рядомъ съ этими суровыми мѣрами, превращавшими личную свободу въ игрушку судебной власти, немногія гарантіи, которыми располагаетъ Ордонансъ, кажутся ничтожными. Заботы о тюремномъ распорядкѣ, внушенія тюремной администраціи не заниматься вымогательствами, не притѣснять заключенныхъ, не обращаться съ ними жестоко, или платоническія предписанія прокурорскому надзору имѣть неослабное наблюденіе за мѣстами заключенія и немедленно приходить на помощь къ невинно заключеннымъ—разумѣется, не были даже гарантіями въ истинномъ смыслѣ этого слова, а рекомендаціями, совѣтами, надо думать, въ большинствѣ случаевъ, не достигавшими цѣли.

Даже статьи, посвященныя апелляціонной инстанціи, включавшія въ себя нѣкоторыя дѣйствительныя гарантіи, которыя могли бы въ извѣстной степени компенсировать несправедливости слѣдствія и суда первой инстанціи—фактически оставались мертвой буквой; лишь немногія могли ими воспользоваться.

Каково было на дѣлѣ отношеніе дореволюціонныхъ судовъ къ гарантіямъ личной свободы, сказать очень трудно въ виду полнаго отсутствія какихъ-либо достовѣрныхъ данныхъ. Изслѣдователи обычно довольствуются указаніями на отдѣльные случаи, часто противорѣчивые и недостаточно убѣдительные.

Коффиньеръ, быть можетъ, слишкомъ благосклонный къ судебной практикѣ Старой Монархіи, приводитъ цѣлый рядъ парламентскихъ рѣшеній, осуждающихъ незаконные аресты (безъ судейскаго приказа), требующихъ точныхъ указаній въ судейскомъ приказѣ на родъ совершеннаго преступленія, воспрещающихъ, наконецъ, заключеніе подъ стражу безъ соотвѣтствующаго протокола [1]).

---

[1]) *Coffinières* o. c. т. I, гл. IV, стр. 262—283.

Нѣкоторыя изъ этихъ рѣшеній—любопытны.

Такъ, напримѣръ, въ 1783 г. одинъ полицейскій лейтенантъ посадилъ въ тюрьму нѣкоего Геннебона, владѣльца уличнаго кукольнаго театра (joueur de marionnettes), якобы его оскорбившаго, безъ законнаго акта, констатировавшаго его проступокъ. Геннебонъ принесъ жалобу и былъ немедленно освобожденъ. Въ Парламентскомъ рѣшеніи отъ 27-го августа 1783 г. заключеніе было признано «nul, tortionnaire et déraisonnable»; вмѣстѣ съ тѣмъ лейтенанту было сдѣлано строгое внушеніе впредь не подвергать тюремному заключенію кого бы то ни было безъ составленія законнаго акта.

Постановленіе это характерно, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что защищаетъ интересы лица, не имѣвшаго, повидимому, опредѣленнаго мѣстожительства [1]).

Но, рядомъ съ подобной защитой правъ личности возможно было и самое беззастѣнчивое поруганіе ихъ и эта возможность лучше всего подчеркиваетъ случайный характеръ защиты и полное отсутствіе опредѣленныхъ гарантій. Величайшимъ, напримѣръ, зломъ старыхъ судебныхъ порядковъ была непомѣрная продолжительность предварительнаго слѣдствія, затягивавшагося, благодаря письменной процедурѣ, иногда на многіе годы [2]). Лица же, состоявшія подъ

---

[1]) *Coffinières* o. c. т. I, стр. 269—270. Ср. т. *проф. Ардашевъ* o. c. т. II, стр. 629, 696—697. Въ литературѣ и спеціальной и общей уже съ XVI вѣка поднимаются протесты противъ различныхъ недостатковъ судебной организаціи. Montaigne, выдающійся криминалистъ Старой Франціи-P. Ayrault, Lamoignon, которому ордоннансъ 1670 г. обязанъ большинствомъ своихъ либеральныхъ начинаній, Augustin Nicolas-президентъ Дижонскаго парламента, (авторъ любопытнаго разсужденія: Si la torture est un moyen seur à vérifier les crimes secrets". Amsterdam. 1681) энергично возставали въ концѣ XVII вѣка противъ различныхъ сторонъ судебной процедуры. Монтескье, Беккаріа, Вольтеръ, - послѣдній особенно въ своихъ комментаріяхъ на сочиненія Беккаріа, въ которыхъ онъ подробно разбираетъ ордоннансъ 1670 г.—и ихъ многочисленные послѣдователи постепенно расшатали основы стараго судебнаго строя. См. объ этомъ *Esmein* o. c. стр. 354—365 или *Laboulaye* o. c. лекціи XIX и XX.

[2]) Въ 1783 г. въ Парижѣ было совершено загадочное убійство. Все въ этомъ дѣлѣ было такъ запутано, что истиннаго виновника преступленія такъ и не удалось найти. И, тѣмъ не менѣе, лицо, подозрѣвавшееся въ убійствѣ, просидѣло въ предварительномъ заключеніи 7 лѣтъ—съ 1783 по 1789-ый годъ. См. *A. de Gastine.* Une procédure criminelle en 1783. „La France judiciaire. Revue". Première partie. Paris 1879—1880. Стр. 433—439.

предварительнымъ арестомъ, не имѣли никакихъ рессурсовъ къ облегченію своей участи, потому что, помимо возможныхъ злоупотребленій и небрежности со стороны судей, самъ кодексъ относился совершенно безучастно къ судьбѣ лицъ, подвергнутыхъ предварительному заключенію.

Но, какъ ни были незаслуженно суровы наказанія по кодексу Старой Монархіи, какъ ни мало уважалъ онъ личную свободу, все же и съ его неумолимой строгостью и съ различнымъ отношеніемъ его къ богатымъ и бѣднымъ, могла еще мириться совѣсть дореволюціоннаго человѣка [1]. Несправедливый и жестокій приговоръ былъ все-же дѣломъ суда, нерѣдко на глазахъ народа, отстаивавшаго независимость судебнаго сословія, неприкосновенность своихъ прерогативъ и въ парламентскихъ ремонстраціяхъ дававшаго горячую отповѣдь самоуправству разнузданной администраціи [2]. Но величайшимъ зломъ, противъ котораго уже въ XVIII вѣкѣ подымались бурные протесты передовыхъ слоевъ общества, были административныя наказанія и особенно та форма ихъ, которая получила извѣстность подъ именемъ «lettres de cachet».

«Lettres de cachet», «lettres closes» или «encloses» назывались королевскіе приказы, подписанные королемъ, контрассигнованные государственнымъ секретаремъ и запечатанные малой королевской печатью [3]). Парламентскому контролю они не подлежали.

---

[1]) Эсменъ, между-прочимъ, замѣчаетъ: „Les abus qu'elle supprimait ne se fussent point corrigés d'eux-mêmes, les rigueurs qu'elle consacrait s'étaient imposées sans loi“... *Esmein* o. c. стр. 333. Декларація 1780 г., хотя и не уничтожила пытокъ совсѣмъ, отмѣнила, тѣмъ не менѣе, la question préparatoire. Однако, отсюда еще очень далеко до Токвилевской характеристики судебныхъ порядковъ Старой Монархіи: „...если въ монархіи XVIII-го вѣка формы возбуждали ужасъ, то на дѣлѣ наказаніе всегда умѣрялось... Мягкость приговора заслоняла собою весь ужасъ процедуры“. *Токвиль* o. c. кн. III гл. VI стр. 212.

[2]) Мы должны отмѣтить, что „произволъ“ и „деспотизмъ“, въ которомъ упрекаютъ дореволюціонную администрацію не является, какъ пишетъ проф. Ардашевъ, „специфической принадлежностью администраціи, а представляетъ собою начало, проникающее... всѣ поры „стараго порядка“. *Проф. Ардашевъ* o. c. т. II стр. 691.

[3]) Нерѣдко, поэтому, они назывались также „l. du petit cachet ou du petit sceau du roi“. См. *des Essarts*. Dictionnaire universel de police. Paris 1786—1790 т. VI стр. 27.

Поводы для l. d. c. и цѣли, которымъ они служили, были чрезвычайно разнообразны. Ими созывались члены парламентовъ, государственнаго совѣта, кассаціоннаго суда [1]); устанавливался порядокъ нѣкоторыхъ церемоній, процессій; ими приглашалось духовенство для исполненія въ торжественныхъ случаяхъ «Te Deum» и т. д. и т. д. [2]).

Но печальная историческая извѣстность, пріобрѣтенная ими, основывается, конечно, не на этомъ мирномъ служеніи различнымъ государственнымъ надобностямъ. Они были одновременно могучимъ орудіемъ въ рукахъ правительственной власти для подавленія личной свободы, преслѣдованія неугодныхъ лицъ, борьбы съ недовольными и оппозиціей, въ чемъ бы она ни выражалась.

Именно этой формой l. d. c., т. е. l. d. c., какъ особымъ видомъ административнаго ареста или административной ссылки, мы и займемся въ настоящемъ очеркѣ.

---

[1]) Позже, напримѣръ въ эпоху Реставраціи, король созывалъ ими пэровъ и депутатовъ къ открытію сессіи.

[2]) Одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе добросовѣстныхъ изслѣдователей l. d. c.— *Van der Haeghen*, работавшій въ департаментскихъ архивахъ Herault, предлагаетъ слѣдующую классификацію l. d. c. по предметамъ, къ которымъ они могли относиться: „1) Mariages. 2) Contestations matrimoniales. 3) Enlévement. Subornation et séduction. Avortement. 4) Inconduite. 5) Affaires de succession et d'intérêt.—Dettes-Malversations. 6) Police des insensés. 7) Surveillance des étrangers. 8) Mesures d'ordre. 9) Crimes et délits. 10) Espionnage. Contrebande. Faux. Jeux. 11) Motifs divers et inconnus. 12) Convocations. Cérémonies. Préséances. 13) Elargissements“. См. *Van der Haeghen.* „Mémoire sur les l. d. c. dans le Languedoc sous Louis XV et Louis XVI“. въ „Messager des Sciences historiques ou archives des arts et de la bibliographie de Belgique“. Gand. 1881. стр. 111—113. Въ мемуарахъ *M. O. Talon* мы находимъ указаніе, что l. d. c. давались также въ случаяхъ высшихъ назначеній. Въ качествѣ образчика онъ приводитъ l. d. c. отъ 13 дек. 1631 г., посланное графу Суассону съ назначеніемъ его въ Парижъ на все время отсутствія короля. См. *M. Omer Talon*. Mémoires de feu M. O. T. avocat général en la cour de Parlement de Paris. A La Haye. 1632. Наконецъ, l. d. c. нерѣдко служили источникомъ обогащенія казны. Такъ въ 1657 г. на Штатахъ ночью былъ арестованъ одинъ аббатъ за живость (vivacité), съ которой онъ возражалъ противъ королевскаго эдикта. Послѣ многочисленныхъ депутацій духовенству было объявлено, что аббатъ будетъ освобожденъ, если Штаты вотируютъ „don gratuit“ не въ 1.400.000 ливровъ, какъ обѣщали раньше, а въ 2.000.000. Такимъ образомъ, аббатъ обошелся Штатамъ въ 600.000 ливровъ. См. *Comte de Carné*. Les Etats de Bretagne et l'administration de cette province jusqu'en 1789. т. I стр. 328—330.

Обычной формой l. d. c. была слѣдующая: «Monsieur, je vous, fais cette lettre pour vous dire que ma volonté est que vous fassiez telle chose...Si n'y faites faute. Sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait en Sa Sainte et digne garde [1]).

Получавшій подобное посланіе подлежалъ или изгнанію въ провинцію, родовое помѣстье (обычная форма наказанія высокопоставленныхъ лицъ, придворныхъ чиновъ) [2]) или тюремному заключенію, заточенію въ монастырь и т. п.

Когда появились впервые l. d. c., установить очень трудно; нѣкоторые историки относятъ ихъ возникновеніе еще къ началу XIV вѣка. Во всякомъ случаѣ, о l. closes въ отличіе отъ l. patentes [3]) говоритъ уже Ордоннансъ Карла V-го 14 Марта 1358 г. [4]), а терминъ l. d. c. впервые появляется въ Январскомъ Ордоннансѣ Карла IX 1560 г., выпущенномъ въ отвѣтъ на ремонстраціи Орлеанскихъ Штатовъ. О l. d. c. упоминаютъ также и позднѣйшіе орданнансы 1669 и 1682 г. [5]).

Система l. d. c. росла параллельно съ развитіемъ королевскаго абсолютизма и наибольшаго расцвѣта достигла, повидимому, въ царствованія Людовиковъ XIV и XV-го—эпохи наибольшаго

---

[1]) *Block. M.* Dictionnaire de la politique. 2 изд. 1884, т. II стр. 187. Варіанты см. въ статьѣ *Funck-Brentano* о l. d. c. въ „La Grande Encyclopédie" т. 22, стр. 111 или у *Le Vicomte de Broc.* La France sous l'ancien régime. Le gouvernement et les institutions. т. I. стр. 23.

[2]) Изгнаніе почиталось тяжкимъ наказаніемъ. Извѣстны слова, сказанныя однимъ маркизомъ Людовику XIV-му. „Sire, quand on est loin de V. M., non seulement on est malheureux, mais encore on est ridicule". *Taine H.* Les origines de la France contemporaine. L'ancien régime. P. 1891. 16 изд.. стр. 58.

[3]) Всѣ письма и приказы, изготовлявшіеся въ королевской канцеляріи и снабженные большой государственной печатью, назывались l. de chancellerie и были открытыми (patentes). Они направлялись въ парламентъ, который могъ ихъ обсуждать и дѣлать по поводу ихъ представленія или ремонстраціи. Послѣ регистраціи парламента l. patentes пріобрѣтали силу закона. Наоборотъ, l. d. c. были „административнымъ распоряженіемъ" Старой Монархіи.

[4]) См. *Van der Haeghen.* o. c., *Senac de Meilhan.* Le Gouvernement, les moeurs et les conditions en France avant la Révolution. Съ пред. и прим. Lescure. Paris. 1862 стр., 150.

[5]) *Nigon de Berty.* Histoire de la liberté individuelle chez les principaux peuples anciens et modernes. Paris. 1834 стр. 235—238. См. т. выше цитированную статью *Funck-Brentano* въ „La Grande Encyclopédie".

административнаго произвола, когда источникомъ закона становится классическая въ своей откровенности формула—«plaisir du Roi» [1]).

Въ 1705 году Людовикъ XIV издалъ свой знаменитый указъ—«первый документъ произвола», какъ его окрестилъ Мирабо [2]), узаконившій королевскіе приказы объ изгнаніи—такъ-называемыя l. d'exil. Этотъ «документъ» въ такой законченно-яркой формѣ рисуетъ безграничный деспотизмъ французскаго монарха даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ указа, что мы позволимъ себѣ привести изъ него небольшую выдержку.

«De ceux—гласитъ указъ—qu il (le roi) juge quelquefois *à propos* d'éloigner pour un tems, du lieu de leur établissement ordinaire par des ordres particuliers, *pour bonnes et justes causes à lui connues*, qui, oubliant l'obéissance qu'ils doivent à *l'ordre spécial qu'ils ont de lui*, quittent le lieu du séjour qui leur est marqué pour se retirer hors du royaume: *il défend* à ceux qui seront *par lui relégués* en quelque lieu du royaume que ce soit, d'en sortir sans la permission, sous peine de confiscation de corps et de biens, pour raison de leur désobéissance formelle. Il veut que ceux qui quitteront le lieu de leur rélégation, *soient de ce moment morts civilement*; il leur enjoint d'y revenir incessamment, sinon leur procès leur sera fait pour raison de leur désobéissance» [3]).

---

[1]) Королевская власть въ представленіи современниковъ стояла надъ закономъ, что, конечно. плохо вязалось съ правомъ парламентовъ на регистрацію и ремонстраціи и вѣрой въ существованіе неписанной французской „конституціи", лишь попираемой абсолютной властью. Король-гласили старыя формулы-„peut tout"; онъ-„au dessus des lois", „la loi vivante", „le lieutenant de Dieu sur la terre." „Si veut le roi, si veut la loi"—гласитъ древняя максима. Наконецъ, высшее выраженіе абсолютизмъ получилъ въ формулѣ: „L'Etat c'est le roi; la nation n'existe pas. Le roi seul absorbe en lui tous les pouvoirs et jusqu'à la propriété de son royaume." См. *Ch. L. Chassin.* Le Génie de la révolution. Histoire des idées et des institutions démocratiques. 1789—1795. т. I, стр. 6—7. Въ руководствѣ, составленномъ для дофина, Людовикъ XIV говоритъ: „je suis lieutenant de Dieu...Lorsque je prends une résolution, Dieu m'envoie son esprit... La nation réside tout entière dans la personne du monarque"...*Eug. Pelletan.* Décadence de la Monarchie Française. Paris 1860. стр. 4—5. Всѣ эти французскія формулы являются отзвукомъ болѣе раннихъ максимъ: „quod principi placuit legis habet vigorem", „legibus solutus". и т. п.

[2]) *Mirabeau.* Des l. d. c. et des prisons d'état. Ouvrage postume composé en 1778. Hambourg 1782. $L^{39}b^{319}$ т. I, стр. 23.

[3]) Курсивъ—вездѣ мой. А. Б.

Людовикъ XV, сдѣлавшій изъ l. d. c. обычное орудіе борьбы со всѣми протестующими элементами, говорилъ не менѣе рѣшительно Руанскому Парламенту въ отвѣтъ на его представленія въ іюнѣ 1759 г. «Исходя изъ соображеній государственной важности, въ которыхъ судейское сословіе (magistrats) некомпетентно, король можетъ, не нарушая законовъ, дѣйствовать административнымъ путемъ и никто не долженъ оспаривать этого права» [1]).

Послѣдняя четверть XVIII в., т. е. эпоха царствованія Людовика XVI в., которая является главнымъ предметомъ нашего изученія, принципіально, въ области интересующаго насъ вопроса, ничѣмъ не разнится отъ предшествующаго режима. Ниже на страницахъ, посвященныхъ очерку борьбы королевской власти съ парламентомъ, мы увидимъ, какъ унаслѣдованная формула «tel est notre plaisir» всплывала на устахъ даже слабаго и добродушнаго Людовика XVI, хотя, конечно, у него она звучала далеко не такъ гордо и опредѣленно, какъ на устахъ его державныхъ предшественниковъ.

Но практика послѣдняго дореволюціоннаго правительства представляетъ уже разительное отличіе отъ излюбленныхъ пріемовъ раннихъ Бурбоновъ. Конечно, злоупотребленія l. d. c. продолжаются и при Людовикѣ XVI; слабовольный и вялый король, неохотно занимавшійся государственными дѣлами, давалъ полный просторъ личной иниціативѣ своихъ сотрудниковъ, въ большинствѣ случаевъ видѣвшихъ въ l. d. c. одну изъ соблазнительныхъ прерогативъ власти [2]). Конечно, и при немъ администрація помощью l. d. c. продолжала сводить свои личные счеты, разгоняла въ провинціи или сажала въ тюрьмы своихъ личныхъ враговъ, но при немъ нѣтъ и

---

[1]) *Comte de Luçay.* Les secrétaires d' Etat depuis leur institution jusqu'à la mort de Louis XV. Paris 1881, стр. 563. См. т. *Chassin.* o. c. т. II, стр. 24—25. *Ed. Laboulaye.* De l'administration française sous Louis XVI. „Revue des cours littéraires de la France et de l'étranger“, ред. E. Alglave. 1865 г. стр. 11.

[2]) Конечно—замѣчаетъ въ своихъ Анналахъ *Bertrand de Moleville*— l. d. c. легко могутъ стать орудіемъ тиранніи, но уничтожать ихъ совсѣмъ нельзя. Правительство оказалось бы безсильнымъ, если бы у него отняли всѣ тѣ средства воздѣйствія, которыми деспотизмъ можетъ злоупотребить. *Bertrand de Moleville.* Histoire de la révolution de France pendant les dernières années du règne de Louis XVI. Paris 1801. т. I. стр. 344.

номина о тѣхъ грудахъ королевскихъ посланій, которыхъ требовала, напримѣръ, клерикальная политика предшествовавшихъ Бурбоновъ. Только къ концу 80-хъ годовъ, въ эпоху обостренія борьбы правительства съ консервативной оппозиціей, неумѣренное пользованіе ими вновь привлекаетъ къ себѣ общественное вниманіе, вызываетъ ремонстраціи парламентовъ, подымаетъ бури протестовъ въ литературныхъ и оппозиціонныхъ кругахъ [1]).

Быстрое развитіе общественнаго самосознанія, широкое вліяніе просвѣтительной философіи, систематическая оппозиція дореволюціонныхъ парламентовъ, рядъ выдающихся по своей просвѣщенности и гуманности дѣятелей (Тюрго, Мальзербъ), наконецъ, личныя качества монарха, были серьезными факторами, значительно смягчившими атмосферу невыносимаго гнета, въ которомъ жило общество временъ Людовика XIV и XV.

Но общественное правосознаніе росло быстрѣе успѣховъ административной техники Стараго Порядка; вотъ почему борьба съ произволомъ администраціи принимаетъ въ концѣ XVIII вѣка такой ожесточенный характеръ. Именно тогда начинаютъ раздаваться въ обществѣ и въ печати горячіе протесты противъ l. d. c., какъ наиболѣе рѣзкой формы, въ которую отлился произволъ правительства.

Въ настоящее время невозможно сдѣлать даже и приблизительнаго подсчета l. d. c., разосланныхъ въ ту или другую пору Стараго Порядка. Въ подтвержденіе многочисленныхъ легендарныхъ цифръ, разбросанныхъ тамъ и сямъ у разныхъ изслѣдователей, обычно не приводится никакихъ серьезныхъ доказательствъ. Th. de Granville, напримѣръ, напечатавшій извѣстное предисловіе къ Moniteur'у—изд. 4-го года—перепечатанное затѣмъ цѣликомъ въ 1-мъ томѣ 1-ой серіи «Archives Parlementaires», сообщаетъ, что за Министерство Герцога де Ла Врильера [2]) было разослано около 200.000 l. d. c. [3]).

[1]) Ниже мы увидимъ, насколько неправы тѣ изслѣдователи, которые, подобно Э. Шампіону, утверждаютъ, что l. d. c. при Людовикѣ XVI-мъ получались такъ же легко, какъ и при Людовикѣ XV-мъ. См. *Edme Champion*. Esprit de la révolution française. Paris. 1887. стр. 41.

[2]) Louis Phélypeaux, Comte de Saint-Florentin, duc de La Vrillière былъ Министромъ Королевскаго Дома, слѣдовательно, завѣдывалъ и департаментомъ l. d. c. съ 24 Апрѣля 1749 г. по 21 Іюля 1775, когда былъ замѣщенъ Мальзербомъ.

[3]) *Archives parlementaires*. т. I стр. 7.

Откуда онъ взялъ эту цифру—осталось неизвѣстнымъ. Yves Guyot, ссылаясь на какіе-то, никому неизвѣстные, расчеты, опредѣляетъ общее число l. d. c., выпущенныхъ при Людовикѣ XV, въ 150,000, а при Людовикѣ XVI въ 14.000 [1]). Boissy d'Anglas въ своей біографіи Мальзерба считаетъ уже возможнымъ понизить первую цифру до 50.000 [2]). Dufey, послужившій позже источникомъ многочисленныхъ перепечатокъ, утверждаетъ, что въ министерство Ришелье было дано всего 80.000 l. d. c. [3]). Эта цифра имѣла большой успѣхъ и безъ всякой критической провѣрки перешла на страницы многихъ другихъ изслѣдованій [4]). Ту же цифру—80.000 l. d. c., но уже за время царствованія Людовика XIV, даетъ, напримѣръ, Coeuret въ небольшой спеціальной монографіи, посвященной Бастиліи [5]). Эту же цифру мы находимъ, наконецъ, въ извѣстномъ словарѣ французской революціи—Boursin и Chalamell'я [6]).

Несмотря на полную бездоказательность, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и явную выдуманность такого-рода цифръ, несомнѣнно, однако, что l. d. c. не были случайнымъ проявленіемъ произвола того или другого министра, а были системой, органически сросшейся со всѣмъ административнымъ правопорядкомъ дореволюціонной Франціи. Даже Funck-Brentano, одинъ изъ наиболѣе оптимистическихъ изслѣдователей Стараго Порядка, долженъ былъ согласиться

[1]) *Yves Guyot.* Les principes de 89 et le socialisme. Paris 1894. стр. 47. Весьма возможно, что эта цифра заимствована имъ у Garet. См. *Em. Garet* Les bienfaits de la révolution française. Paris 1880. стр. 140.

[2]) *B. d'Anglas.* Essai sur la vie, les opinions et les écrits de M. de Malesherbes. томъ II стр. 24.

[3]) *Dufey.* Lettre de cachet. См. Dictionnaire de la conversation et de la lecture sous la direction de M. W. Duckett. Sec. édit. t. XII. P. 1860.

[4]) Повидимому, главнымъ источникомъ этой цифры послужила парламентская ремонстрація 1759 г., въ которой Людовику XV ставилось на видъ, что число изгнанныхъ при немъ помощью l. d. c. доходило до 80.000.

[5]) *Coeuret Auguste.* La Bastille 1370—1789. Paris 1890, стр. 23. *Lavallée* въ своей „Histoire des Français" утверждаетъ, что только за періодъ съ 1710 по 1715 годъ было выпущено 30.000 l. d. c. Цитирую по *Luçay.* o. c. стр. 137.

[6]) *Boursin et Chalamell.* Dictionnaire de la révolution française. Paris. 1893. Такую исключительную расточительность въ пользованіи l. d. c., якобы, проявилъ тотъ самый кардиналъ Флёри, который, согласно извѣстному анекдоту, по сію пору пользующемуся еще кредитомъ у разныхъ изслѣдователей Стараго Порядка, однажды хвастался въ интимномъ кругу, что за все время своего управленія онъ разослалъ *только* 40.000 l. d. c.

въ одной изъ своихъ раннихъ работъ, что накануне Революціи было мало семействъ, которыя бы не испытали на себѣ ужасовъ этой системы [1]).

Нельзя охарактеризовать ее болѣе лаконично и въ то же время болѣе краснорѣчиво, чѣмъ это сдѣлалъ Мальзербъ, министръ Королевскаго Дома, въ мемуарѣ о. l. d. c., поданномъ Людовику XVI-му. «Уничтожить l. d. c.—писалъ онъ—значило бы лишить короля всей его власти, потому что l. d. c.—единственное средство въ его рукахъ, заставить исполнять свою волю» [2]).

И, если таково было убѣжденіе одного изъ наиболѣе гуманныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей Старой Монархіи, то ясно, что ничто не могло мѣшать самому широкому и безконтрольному пользованію ими подъ маской осуществленія правительственныхъ предначертаній. Къ l. d. c. прибѣгаютъ Тюрго, Неккеръ при проведеніи своихъ реформъ, но ими же пользуется вся сановная администрація для преслѣдованія своихъ личныхъ цѣлей, сведенія личныхъ счетовъ, грубыхъ вторженій въ интимную жизнь частныхъ лицъ и т. д. и т. д.

Разнообразные виды l. d. c. могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ категоріямъ: a) l. d. c., какъ формѣ административнаго понужденія или административной репрессіи и b) l. d. c., какъ формѣ изъятія изъ общей подсудности въ случаяхъ такъ-называемыхъ семейныхъ ходатайствъ.

Дореволюціонная семья, крайне щепетильная къ своей фамильной чести, считала величайшимъ позоромъ для всего рода привлеченіе къ суду одного изъ ея членовъ; въ такихъ случаяхъ пускались въ ходъ всѣ связи, чтобы только спастись отъ судебной огласки. Наоборотъ, дореволюціонная семья не только мирилась съ взысканіями въ административномъ порядкѣ, или предпочитала ихъ судебнымъ, но и чрезвычайно цѣнила ихъ, какъ педагогическое средство,

---

[1]) *Funck-Brentano.* Les l. d. c. „Revue des Deux Mondes". 1892. X.

[2]) *Ibidem* стр. 821. Къ сожалѣнію, этотъ превосходный мемуаръ, съ которымъ мы могли познакомиться по выдержкамъ, приведеннымъ въ работѣ *Funck-Brentano*, до сихъ поръ еще не напечатанъ. По крайней мѣрѣ, мы не нашли никакихъ указаній въ словаряхъ и библіографическихъ сборникахъ *Lorenz'a*, *Joidell'я*, *Vicaire'a*, такъ же какъ и въ каталогахъ Парижской Націон. Библіотеки. Самый манускриптъ находится въ частномъ владѣніи (M. Alfred Begis).

пригодное для исправленія порочныхъ ея членовъ. И для интересующей насъ эпохи, т. е. послѣдней четверти XVIII вѣка, эта послѣдняя категорія l. d. c. является и наиболѣе характерной; львиная доля l. d. c., разосланныхъ министрами и интендантами Людовика XVI, падаетъ именно на удовлетвореніе семейныхъ ходатайствъ [1]). Семья «Стараго Порядка» охотно отдавала на судъ центральнаго правительства самыя интимныя стороны своей жизни.

Всѣ дѣла о l. d. c. были централизованы въ спеціальномъ департаментѣ въ Парижѣ [2]). Управленіе департаментомъ было ввѣрено министру Королевскаго Дома и личныя качества министра играли всегда крупную роль и въ ходѣ дѣлъ самого департамента [3]).

Это особенно ярко сказалось, когда на смѣну Флорентэна (Florentin), прославившагося легкомысленнымъ употребленіемъ l. d. c., въ управленіе министерствомъ вступилъ Мальзербъ.

Уже одно его назначеніе министромъ въ 1775 г. заставило, по картинному выраженію Мирабо, «поблѣднѣть тюремщиковъ» [4]). Получивъ въ свое вѣдѣніе департаментъ l. d. c., Мальзербъ немедленно употребилъ всю свою энергію на борьбу съ укоренившимися тамъ до него злоупотребленіями. Прежде всего онъ горячо настаиваетъ, чтобы Людовикъ XVI категорически отказывалъ подписывать l. d. c., когда ходатайствующіе о нихъ не указываютъ достаточно серьезныхъ мотивовъ или не соглашаются на обсужденіе своихъ ходатайствъ въ

---

[1]) Лабулэ, напр., замѣчаетъ, что при Людовикѣ XVI-омъ l. d. c. уже пользовались сравнительно мало и, если употребляли, то, главнымъ образомъ, въ силу семейныхъ требованій. См. *Laboulaye* o. c. стр. 12.

[2]) О компетенціи департамента, дѣлопроизводство котораго еще не было опубликовано, можно судить по вышеприведенной классификаціи l. d. c.— Van der Haeghen'а. См. стр. 67. пр. 2.

[3]) Почти въ теченіе вѣка управленіе департаментомъ государственныхъ тюремъ и l. d. c. находилось въ рукахъ одной семьи. Chateauneuf'а смѣнилъ его сынъ La Vrillière, послѣдняго его внукъ—Saint-Florentin, умершій въ 1777 г.

[4]) *Mirabeau* o. c. т. I, стр. 270. Въ другомъ мѣстѣ Мирабо называетъ Мальзерба „ministre vertueux". Ibidem. Стр. 271. Такъ же сочувственно относится къ Мальзербу и Лэнгэ (Linguet)—популярный публицистъ и адвокатъ того времени. Въ 1780 г., по многочисленнымъ ходатайствамъ, онъ былъ заключенъ въ Бастилію и просидѣлъ въ ней 20 мѣсяцевъ. См. *Linguet*. Mémoires sur la Bastille". Въ „Collection des mémoires relatifs à la Rév. Franç". avec des notices, des notes et des éclaircissemens historiques par MM. Berville et Barrière стр. 184 пр. *b*. Мальзербъ кромѣ того пріобрѣлъ широкую популярность своимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ печати.

Королевскомъ Совѣтѣ. Въ концѣ 1775 г. Мальзербъ собирается произвести цѣлый рядъ реформъ въ государственныхъ тюрьмахъ и лично обревизовать наиболѣе извѣстныя изъ нихъ, вродѣ Бастиліи, Венсена, Бисетра и нѣк. др. Одного слуха объ этомъ было достаточно, чтобы повсюду въ обществѣ заговорили о разныхъ облегченіяхъ и даже освобожденіи многихъ заключенныхъ [1]). На самомъ дѣлѣ, Мальзербу удалось освободить только двоихъ [2]).

Между прочимъ, Мальзербъ проектировалъ открытіе при департаментѣ спеціальнаго бюро для разслѣдованія ходатайствъ l. d. c. Противъ этого проекта горячо вооружился одинъ изъ тогдашнихъ интендантовъ—способный и умный администраторъ Senac de Meilhan [3]). Въ сочиненіи о дореволюціонной Франціи, гдѣ онъ сумѣлъ остаться довольно безпристрастнымъ критикомъ Стараго Порядка [4]), кото-

---

[1]) См. напр. *Hippeau* o. c. т., IV стр. 102—103. или *Jobez*. La France sous Louis XVI, т. I, стр. 469, т. II, стр. 66.

[2]) Такъ, по крайней-мѣрѣ, впослѣдствіи говорилъ онъ самъ. De Broc замѣчаетъ: Мальзербъ, посѣтившій государственныя тюрьмы, нашелъ только 2-хъ заключенныхъ, заслуживающихъ освобожденія. См. *De-Broc* o. c. т. I. Введ. стр. 23, прим. I. Такъ же передаетъ этотъ эпизодъ и *Luçay* o. c. стр. 564. Chassin разсказываетъ объ этомъ иначе. L. d. c.— по его словамъ— были настолько связаны съ Старымъ Порядкомъ, съ „Монархіей Божьей Милостью", что самъ Мальзербъ, посѣтившій государственныя тюрьмы, могъ выпустить только двоихъ. *Chassin* o. c. т. II, стр. 27.

[3]) Въ Валансьенѣ онъ былъ настолько популяренъ, что въ 1783 г. городъ постановилъ повѣсить его портретъ въ городской ратушѣ. Онъ былъ честолюбивъ и считалъ себя способнымъ замѣнить Неккера. С. Бёвъ ставитъ чрезвычайно высоко и его литературныя заслуги (Главное его сочиненіе: „Considérations sur l'esprit et les Moeurs" 1787). Старый Порядокъ—замѣчаетъ онъ—не успѣлъ оцѣнить его, а въ новомъ ему не было мѣста. См. *Sainte-Beuve*. Causeries du Lundi. Paris 1855 т. X, стр. 74—105. Senac de-Meilhan'у посвящена таже глава XXIII въ очеркѣ *проф. Ардашева*. Администрація и общественное мнѣніе во Франціи передъ революціей. Кіевъ 1905, стр. 93—106. Перепечатано въ „Провинціальной администраціи" т. II. стр. 210—223.

[4]) *Senac de Meilhan*. Le Gouvernement, les moeurs et les conditions en France avant la Révolution. Я пользовался изд. съ пред. и прим. Lescure. Paris 1862. Между-прочимъ, де Мельянъ сурово осудилъ въ своемъ сочиненіи и l. d. c. „Подобное средство—замѣчаетъ онъ—не укрѣпляетъ власть, а лишь возбуждаетъ протесты" (стр. 150). Правда, въ другомъ мѣстѣ онъ дѣлаетъ слѣдующую характерную замѣтку, касающуюся Мирабо: „...въ теченіе одного своего довольно долгаго заключенія, онъ написалъ сочиненіе о l. d. c., которыя для него самого были благодѣяніемъ" стр. 256. Наконецъ, здѣсь же разсказывая о томъ, что Мальзербъ счелъ возможнымъ освободить только двоихъ, замѣчаетъ: „Cette circonstance prouve que les motifs de la détention des autres lui avaient paru fondés".

рому служилъ и съ которымъ кончилась его административная карьера, онъ удѣляетъ довольно много мѣста этому любопытному эпизоду.

Мальзербъ—пишетъ де-Мейльянъ—конечно, хотѣлъ организовать бюро съ самыми чистыми намѣреніями. Но именно въ чистотѣ его намѣреній и крылась главная опасность. Дурной министръ могъ бы сдѣлать изъ этого бюро—замѣчаетъ интендантъ—самый страшный инквизиціонный трибуналъ. Парламентъ необходимо долженъ вооружиться противъ этого учрежденія, въ основѣ котораго лежало бы неуваженіе къ закону. Наконецъ, какъ опытный практикъ, Мейльянъ ссылается еще и на распространенный въ тогдашнемъ обществѣ предразсудокъ, что l. d. c. оставляютъ репутацію пострадавшаго отъ нихъ незапятнанной. Если же l. d. c.—замѣчаетъ онъ—будутъ исходить изъ правильно сформированнаго бюро, то, конечно, и отношеніе къ нимъ общества должно будетъ измѣниться.

Не знаемъ, какъ повліяли доводы интенданта на Мальзерба, потому-что уже въ 1776 г. послѣдній вмѣстѣ съ Тюрго долженъ былъ оставить министерство; но, во всякомъ случаѣ, бюро открыто не было.

Въ любопытномъ письмѣ Людовика XVI-го къ Мальзербу отъ 17-го Апрѣля 1776 г., написанномъ въ отвѣтъ на его просьбу объ отставкѣ, выдающіяся заслуги Мальзерба за его кратковременное управленіе министерствомъ получили полное признаніе.

Письмо это настолько характерно и для автора и для всей системы, которой онъ былъ невольнымъ представителемъ, что я позволяю себѣ привести изъ него небольшую выдержку: «Vous avez commencé votre ministère avec une vigueur qui ne contrariait pas mes principes: on se plaignait des l. d. c., dont *votre prédécesseur* [1]) *disposait au grè de ses favorites, et vous avez refusé d'en faire usage.* La Bastille regorgeait de prisonniers qui après plusieurs années de détention, *ignoraient quelquefois leurs crimes*; et vous avez rendu à la liberté tous les hommes à qui on ne reprochait que d'avoir déplu à ces messieurs en faveur et tous les coupables qui avaient été trop punis . . . » [2]).

---

[1]) *S. Florentin*, о которомъ мы уже упоминали выше. Курсивъ вездѣ —мой. А. Б.

[2]) *Louis XVI*. Oeuvres, précédées d'une histoire de ce monarque. Paris

Это письмо, въ которомъ самъ монархъ признаетъ, что l. d. c. сплошь и рядомъ являются орудіемъ личной мести въ рукахъ придворныхъ фаворитовъ, что при существовавшихъ тогда порядкахъ можно было просидѣть много лѣтъ въ государственной тюрьмѣ, даже не зная истинной причины своего заточенія, является драгоцѣннымъ документомъ для характеристики всего дореволюціоннаго правового строя.

Многочисленныя свидѣтельства современниковъ вполнѣ подтверждаютъ безотрадныя наблюденія монарха.

Мирабо, познавшій на себѣ всю тяжесть дореволюціонныхъ порядковъ, въ увлекательномъ разсказѣ передаетъ намъ свои личныя наблюденія за то время, что онъ просидѣлъ въ Венсеннской тюрьмѣ. При немъ тамъ было всего до 30 заключенныхъ и ни одинъ изъ нихъ, по его словамъ, не имѣлъ даже и отдаленнаго отношенія къ какимъ-либо государственнымъ или политическимъ преступленіямъ. Семеро изъ нихъ были заключены по подозрѣнію въ совершеніи такихъ преступленій, вѣдѣніе которыхъ относилось всецѣло къ компетенціи общихъ судовъ. Остальные были жертвами или недоразумѣній или разнузданности и своеволія придворныхъ угодниковъ [1]).

Мирабо, однако, можетъ показаться слишкомъ тенденціознымъ свидѣтелемъ. Его титаническій темпераментъ и ненависть къ современному ему политическому строю невольно могли заставить его сгустить краски. Но мы имѣемъ и цѣлый рядъ другихъ не менѣе убѣдительныхъ свидѣтельствъ, исходящихъ отъ людей, безпартійность которыхъ—внѣ всякихъ подозрѣній.

Лэнгэ, напримѣръ, веселый и остроумный сатирикъ, никого не щадившій въ своихъ ѣдкихъ памфлетахъ, но горячій въ то же время приверженецъ Людовика XVI-го въ эпоху революціи, откро-

---

1864—1865. Томъ II, стр. 64—65. Въ другомъ письмѣ къ Мальзербу отъ 28 дек. 1786 г. онъ пишетъ „...je sais qu'il y a d'étranges abus dans la manière de faire usage des l. d. c., mais quelle est la chose dont on n'abuse pas?“ *Ibidem*. II. стр. 85.

[1]) *Mirabeau* o. c. стр. 260. Въ Мартѣ 1735 г.—пишетъ Барбье—одна артистка въ письмѣ къ герцогу *Де-Гезвру* назвала его „Monsieur“. Обиженный вельможа ищетъ защиты, получаетъ l. d. c. и запираетъ оскорбившую его артистку въ тюрьму. *Barbier*. Journal ou Chronique de la régence et du règne de Louis XV (1718—1763). Paris. 1866. т. III стр. 8.

венно мирился и съ системой l. d. c. и съ государственными тюрьмами [1]). Онъ не отрицалъ даже необходимости послѣднихъ и только требовалъ, чтобы онѣ служили дѣйствительно для государственныхъ преступниковъ, а не наполнялись случайными жертвами. Изъ любопытной регистратуры, найденной въ Бастиліи, Лэнгэ извлекаетъ рядъ дѣлъ и мотивы заключенія невольно поражаютъ неопредѣленностью и чудовищнымъ легкомысліемъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ: аббатъ Dubois—дурной человѣкъ и сутяжникъ; Vincent—не внушаетъ довѣрія, интриганъ; Mme Besnoit—femme méchante, дерзка на языкъ; Jean Blondeau Hermit—по подозрѣнію (такихъ громадное большинство); Rulland—хотѣлъ отдаться дьяволу, esprit turbulant» [2])

---

[1]) *Linguet* o. c. стр. 117. Самъ Лэнгэ, просидѣвшій въ Бастиліи слишкомъ $1\frac{1}{2}$ г. (27 Сент. 1780 до 17 Мая 1782 г.), былъ жертвой парламентскаго постановленія. Поводомъ послужили смѣлыя статьи Лэнгэ въ „Annales politiques“, издававшихся имъ съ 1777 г. См. объ этомъ *Eugen Guglia*. Die Konservativen Elemente Frankreichs am Vorabend der Revolution. Zustände und Personen. Gotha. 1890. стр. 434.

[2]) *Linguet* o. c. Art. 1, стр. 44—45, 118—120. См. т. чрезвычайно интересный, хотя и не всегда строго провѣренный, матеріалъ въ „*Mémoires* historiques et autentiques sur la Bastille. Publiées par *J. Z. Carra*. Londres et Paris. 1789. L⁷к7693. т. 1—3.

Образчикомъ административной беззастѣнчивости можетъ служить конфиденціальная записка lieutenant de police—Hérault къ губернатору Бастиліи отъ 23-го Декабря 1732 г. „Я получилъ—пишетъ Herault—письмо отъ Le-Maître, жалующагося на тяжелыя условія заключенія. *Такъ какъ его помѣстили въ тюрьму только изъ любезности* (*par complaisance*) къ одному важному сановнику, то вы можете разрѣшить ему всѣ дозволенныя у васъ льготы и можете даже дать ему понять, что его злоключенія скоро кончатся (son aventure ne durera pas longtems). Извлечено *Funck-Brentano* изъ Бастильскихъ Архивовъ. См. *Funck-Brentano*. Les lettres de cachet en blanc Paris 1895. Стр. 9. При аналогичныхъ условіяхъ пострадалъ литераторъ Мореллэ, исторію заключенія въ Бастилію котораго разсказываетъ Руссо въ своихъ „Confessions“. Мореллэ въ статейкѣ „Видѣніе“, направленной противъ нѣкоего Палиссо, между прочимъ оскорбительно отозвался объ одной дамѣ—г-жѣ де Робекъ, имѣвшей при дворѣ связи. Друзья этой дамы засадили Мореллэ съ помощью l. d. c. въ Бастилію. Руссо замѣчаетъ, что сама она была тутъ не при чемъ, такъ какъ вообще была не мстительна по природѣ, да и была въ это время серьезна больна. Д'Аламберъ, очень близкій тогда съ Мореллэ—продолжаетъ разсказъ Руссо—написалъ мнѣ письмо, въ которомъ просилъ похлопотать черезъ г-жу Люксембургъ объ освобожденіи Мореллэ, обѣщая въ случаѣ успѣха расхвалить ее за это въ энциклопедіи. Въ отвѣтъ на просьбу Руссо, г-жа Люксембургъ ему писала, что она видѣла С. Флорентена и говорила съ нимъ. Флорентенъ настроенъ очень благосклонно по отношенію къ Мореллэ; пока онъ

и т. д. и т. д. Этихъ выписокъ достаточно, чтобы охарактеризовать процессъ наполненія дореволюціонныхъ тюремъ [1]).

Въ своихъ знаменитыхъ «Путешествіяхъ» Юнгъ разсказываетъ, между прочимъ, любопытный анекдотъ, заимствованный имъ, якобы, изъ «вѣрныхъ источниковъ». Въ 1753 г. въ Парижъ по дѣламъ американской колоніи пріѣхалъ нѣкій лордъ Альбемарль. Между прочимъ, онъ долженъ былъ сдѣлать визитъ военному министру. Послѣдній былъ занятъ и просилъ гостя немного обождать его въ кабинетѣ. Но кабинетъ былъ такъ малъ, что лордъ невольно обратилъ вниманіе на лежавшій на столѣ списокъ лицъ, заключенныхъ въ Бастилію. Первымъ номеромъ стоялъ нѣкій Гордонъ. По приходѣ министра Альбемарль извинился, что нечаянно проникъ, быть можетъ, въ государственную тайну, но спросилъ, кто такой Гордонъ и за что онъ попалъ въ тюрьму, мотивируя свой интересъ къ нему тѣмъ, что судя по фамиліи, Гордонъ долженъ быть англійскимъ подданнымъ. Министръ отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ о немъ, но что наведетъ справки. Въ слѣдующее же посѣщеніе лорда министръ ему объяснилъ, что никто ему не могъ указать истинной причины заключенія Гордона, продолжающагося уже 30 лѣтъ, что самъ Гордонъ на разспросы, обращенные къ нему, отговорился невѣдѣніемъ своей вины и что въ результатѣ его, конечно, освободили.

Это не требуетъ комментаріевъ—просто замѣчаетъ Юнгъ. Подобныхъ эксцессовъ мы не знаемъ ни въ одной странѣ; правда,

---

еще находитъ нѣкоторыя препятствія къ его освобожденію, но надѣется ихъ преодолѣть въ первый же разъ, какъ будетъ съ докладомъ у короля. Г-жа Люксембургъ писала также, что она просила какъ милости, чтобы Мореллэ не ссылали, такъ какъ объ этомъ была рѣчь—его хотѣли выслать въ Нанси. Въ концѣ письма она прибавляла, что не отстанетъ отъ Флорентена до тѣхъ поръ, пока не устроитъ всего по желанію Руссо. *J. J. Rousseau.* Confessions кн. X. Изъ „Collection complète des oeuvres“. Neuchatel. 1790. т. XXVI, стр. 145—149. Мореллэ вскорѣ освободили. Отношеніе къ нему въ Бастиліи было ультраблагосклоннымъ.

[1]) Превосходную характеристику полной безнаказанности администраціи и знатныхъ мы находимъ въ одномъ изъ „Персидскихъ писемъ“ Монтескьё. „Nous sommes entourés—пишетъ Usbec à Rhédi—d'hommes plus forts que nous; ils peuvent nous nuire de mille manières différentes; les trois quarts du temps ils peuvent le faire impunément“... *Montesquieu.* Lettres persanes. Lettre LXXXIII.

они почти совсѣмъ исчезаютъ (se reduisaient à rien) съ момента восшествія на престолъ настоящаго короля, т. е. Людовика XVI го [1]).

Это оптимистическое заключеніе Юнга, въ значительной мѣрѣ основанное на знакомствѣ съ личными качествами слабаго и отъ природы добраго короля, тѣмъ не менѣе весьма далеко отъ истины. Правда, самому Людовику XVI-му, такъ же какъ и нѣкоторымъ изъ окружающихъ его дѣятелей, l. d. c., какъ способъ административнаго воздѣйствія, былъ глубоко антипатиченъ. Людовикъ XVI, напримѣръ, неоднократно высказывалъ свое несочувствіе системѣ l. d. c. И его декларація 30 авг. 1780 г. [2]), и то письмо къ Мальзербу, которое мы помѣстили выше, достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ, но всѣ эти платоническія антипатіи и добрыя намѣренія короля нисколько не мѣшали его министрамъ и «gens en place» систематически попирать основныя права личности, прикрываясь королевскимъ именемъ.

Есть положенія, въ которыхъ апатія и безразличіе къ совершающимся кругомъ злоупотребленіямъ, являются величайшимъ преступленіемъ и не могутъ быть извиняемы ссылками на косность или преступное недомысліе окружающей среды. Между тѣмъ, въ

---

[1]) *A. Young.* Voyages en France pendant les années 1787, 1788, 1789. Nouv. trad. par M. Lesage précédée d'une introd. par Leonce de Lavergne. Paris. 1860, т. II, стр. 425—426. Аналогичный случай, по относящійся къ болѣе раннему времени, разсказываетъ Барбье въ своемъ „Дневникѣ": „я узналъ—пишетъ онъ—*странную вещь.* На этихъ дняхъ (Декабрь 1722 г.) въ Бастиліи умеръ старѣйшій изъ заключенныхъ; онъ пробылъ въ ней 35 лѣтъ. Заключенъ онъ былъ по подозрѣнію въ намѣреніи отравить Лувуа (Военный Министръ Людовика XIV). На допросѣ этотъ человѣкъ говорилъ на неизвѣстномъ никому языкѣ и никто его не могъ понять; такимъ образомъ, не могли узнать ни его имени, ни его страны и не могли ничего отъ него добиться. Онъ просидѣлъ 35 лѣтъ безъ книгъ и бумагъ. *Barbier.* o. c. т. I. стр. 247. Когда одинъ заключенный—разсказываетъ Мирабо—благодарилъ кардинала Мазарини за свое освобожденіе изъ тюрьмы, послѣдній, будто бы, отвѣчалъ: я былъ убѣжденъ въ вашей невинности, но на моемъ посту слушаешь такъ много, что трудно бываетъ отличить правду отъ лжи. *Mirabeau.* o. c. т. I, гл. XI, стр. 277. См. т. *Desjardins.* Les cahiers des états généraux en 1789 et la législation criminelle. Paris. 1883. стр. 385.

[2]) Въ этой деклараціи Людовикъ XVI говорилъ, между-прочимъ: „ces souffrances inconnues et ces peines obscures, du moment qu'elles ne contribuent point au maintien de l'ordre par la publicité et par l'exemple, deviennent inutiles à notre justice"... *Millin.* Antiquités nationales ou recueil de monuments. Paris. (Съ 1790 года) т. I. стр. 11—12.

публицистической литературѣ XVIII в., даже и у тѣхъ ея представителей, которые явно враждебно относились къ Старому Порядку, ссылки на личную доброту и мягкость французскихъ королей всегда неожиданно выплываютъ послѣ суровой критики существующихъ порядковъ.

«Теперь—пишетъ, напримѣръ, одинъ изъ современниковъ Людовика XVI—когда lettres closes получили широкое распространеніе во всѣхъ частяхъ администраціи, немыслимо предположить, чтобы большая часть ихъ не была подложной. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы они вовсе не соотвѣтствовали намѣреніямъ короля, или что они были бы изготовлены безъ его вѣдома, но они составляются не на его глазахъ; между тѣмъ въ подобныхъ актахъ все должно быть соблюдаемо съ буквальной точностью... Разъ суверенъ судитъ внѣ обычныхъ законныхъ формъ — всѣ, даже мельчайшія, детали наказанія должны быть обсуждаемы и устанавливаемы въ присутствіи короля. Никакія отговорки въ этихъ случаяхъ—недопустимы. Если бы королю принадлежалъ выборъ мѣста изгнанія, не было бы той ненужной безцѣльной жестокости, которую мы видимъ такъ часто теперь, ибо наши короли—заключаетъ монархически настроенный публицистъ — всѣ отличаются мягкимъ характеромъ» [1]).

Эта пресловутая мягкость нисколько не препятствовала въ затруднительныхъ случаяхъ разсылать l. d. c. почти въ неограниченномъ количествѣ. Вотъ что пишетъ парижскій lieutenant de police, баронъ де-Бретейль, къ одному изъ своихъ подчиненныхъ 19 августа 1787 г., въ самый самый разгаръ борьбы короля съ парламентомъ. «...Король желаетъ немедленно закрыть всѣ клубы и сборища. Вы должны принять соотвѣтствующія мѣры.

[1]) *Jean-de-Dieu d'Olivier* (по Barbier). Essai sur la dernière révolution de l'ordre civil en France. Londres. 1780. т. II. стр. 57—59. „На 300 l. d. c.—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—едва ли въ двухъ даютъ отчетъ королю". Т. II. стр. 54. Про эту легендарную мягкость французскихъ королей очень хорошо писалъ Лабулэ: „...короли допускали нѣкоторую свободу вокругъ себя; часто мы видимъ ихъ даже весьма либеральными, но все это ихъ личныя качества, все это ничто иное, какъ малая уступка, которую легко взять назадъ. Короли Франціи не злы, но—лучше оставимъ ихъ: иначе насъ могутъ изгнать или заточить въ тюрьму. Вѣдь свобода у нихъ не право, а милость". *Э. Лабулэ.* о. с. стр. 144.

Сколько бы Вамъ для этого ни понадобилось l. d. c.—всѣ они будутъ немедленно изготовлены» [1]).

Эта небольшая конфиденціальная записка, отдающая въ безконтрольное распоряженіе одного чиновника судьбы десятковъ, а, можетъ-быть, и сотенъ людей—въ своемъ родѣ перлъ административнаго самоопредѣленія Старой Монархіи. Какъ много говоритъ этотъ маленькій клочекъ оффиціальной бумаги рядомъ съ завѣреніями честныхъ публицистовъ, вродѣ Jean, въ традиціонной мягкости французскихъ королей!

L. d. c., какъ форма самостоятельнаго административнаго преслѣдованія, примѣнялись (не считая случаевъ злоупотребленій) къ двумъ категоріямъ лицъ: политическимъ преступникамъ и лицамъ, виновнымъ въ нарушеніи общественнаго порядка и спокойствія.

Къ первой категоріи принадлежали: участники заговоровъ, виновные въ открытомъ сопротивленіи королевской волѣ (напр., члены парламентовъ, отказавшіе въ регистраціи правительственныхъ законопроектовъ), авторы и распространители враждебныхъ существующему порядку памфлетовъ, не въ мѣру усердные защитники мѣстныхъ правъ и привилегій противъ посягновеній центральной власти, наконецъ, религіозные сектанты—словомъ, тѣ, проступки и правонарушенія которыхъ относились къ обширной, но мало опредѣленной группѣ такъ-называемыхъ «délits politiques». Виновные этой категоріи вербовались, по преимуществу, изъ высшихъ слоевъ общества, изъ среды духовенства или литературныхъ круговъ. Высокопоставленныхъ лицъ, представителей высшей магистратуры обычно отправляли въ изгнаніе—въ родовыя помѣстья или какой-нибудь провинціальный городъ,—остальныхъ разсылали по государственнымъ тюрьмамъ. Кліентами Парижской Бастиліи были, напримѣръ, почти исключительно литераторы.

Ко второй категоріи относились: мелкіе злоумышленники, проститутки, сутенеры, завсегдатаи игорныхъ и публичныхъ домовъ, наконецъ, бездомовые и безхозяйственные люди, которыми кишѣла провинціальная Франція XVIII-го вѣка. L. d. c. изгоняли ихъ

---

[1]) *Pierre Manuel.* La police de Paris dévoilée. Paris. 1793. т. I. стр. 62—63.

обычно изъ той мѣстности, которая служила привычнымъ райономъ ихъ дѣятельности [1]).

Основныхъ типовъ наказанія по l. d. c. было два: тюрьма и изгнаніе, но различныхъ оттѣнковъ было много.

Наиболѣе распространенной формой наказанія было заключеніе (prison d'Etat, château, fort, citadelle). Подвергавшіеся ему по l. d. c. могли быть разбиты на четыре основныя группы: a) присужденные къ заключенію по политическимъ мотивамъ, b) по семейнымъ ходатайствамъ, c) въ силу смягченія наказанія (commutation de peines) и, наконецъ, d) тѣ, относительно коихъ уже имѣлся приговоръ общаго суда, но которымъ, въ силу семейныхъ ходатайствъ, наказаніе, назначенное по суду, замѣнялось пожизненнымъ заключеніемъ [2]). Сроки заключенія обыкновенно обусловливались не столько серьезностью и важностью самой вины, сколько настроеніями властей, капризомъ всесильнаго министра или даже степенью настойчивости и ловкости самого заключеннаго. Отъ этого же зависѣлъ и самый тюремный режимъ.

Тяжкими же формами наказанія считались: изгнаніе изъ предѣловъ французскаго королевства или опредѣленной провинціи [3]) и заточеніе въ одномъ изъ замковъ на островахъ, принадлежавшихъ Франціи [4]).

Обычными мѣстами заключенія въ случаяхъ семейныхъ ходатайствъ были монастыри, убѣжища, госпитали (couvents, refuges, hôpitals), по суровости режима иногда не уступавшіе настоящимъ тюрьмамъ. Были попытки организаціи и пенитенціарныхъ колоній, но онѣ не имѣли успѣха [5]).

---

[1]) См. напр., *Duruy* o. c. стр. 161—162.

[2]) *Granier de Cassagnac*. Histoire des causes de la révolution française. Bruxelles. 1850. т. II. стр. 234.

[3]) Различныя формы изгнанія (l'exil, l'expulsion, l'internement) были особенно чувствительнымъ наказаніемъ для лицъ высшаго круга, естественно тяготѣвшихъ къ Парижу.

[4]) Напр., на островахъ „Désidérade" или „Sainte-Marguerite". См. *V. Haeghen*. o. c. стр. 113.

[5]) Когда въ 1763 г. правительство проэктировало устроить на „Désidérade" (одинъ изъ Антильскихъ острововъ) пенитенціарную земледѣльческую колонію для „испорченныхъ и развращенныхъ дѣтей, „при чемъ всѣ расходы по перевозкѣ и содержанію дѣтей" должны были падать на родителей,

L. d. c., дававшіеся въ силу семейныхъ требованій, несомнѣнно, являются значительнымъ и характернымъ эпизодомъ въ жизни дореволюціоннаго общества. Нигдѣ, какъ въ исторіи этихъ l. d. c., не отражается такъ ярко постепенное ослабленіе отцовской власти, ростъ личнаго начала, наконецъ, своеобразная психологія французскаго общества, то протестующаго противъ злоупотребленій и произвола администраціи, то призывающаго ее къ себѣ на помощь и вмѣшивающаго ее въ самыя интимныя стороны своей жизни. Потокъ слезныхъ моленій, ходатайствъ, настойчивыхъ требованій со стороны дореволюціонной семьи былъ такъ силенъ, что даже властная администрація 18-го вѣка, привыкшая смотрѣть на l. d. c., какъ на свой доменъ и недовѣрчиво относившаяся къ семейнымъ ходатайствамъ, должна была уступать и играть роль благодушнаго посредника между разсорившимися членами семьи.

Опредѣлить число случаевъ, въ которыхъ администрація согласилась дать l. d. c., или установить какую-либо пропорцію между числомъ удовлетворенныхъ и неудовлетворенныхъ ходатайствъ, представляется въ настоящее время въ такой же мѣрѣ невозможнымъ, какъ и установить общее число l. d. c. [1]).

Совсѣмъ недавно было сдѣлано нѣсколько попытокъ разобраться въ этой интересной страницѣ въ жизни французскаго общества XVIII-го вѣка. Пришлось перебрать огромный архивный матеріалъ, но въ результатѣ получилась въ высшей степени цѣнная характеристика семьи Стараго Порядка, администраціи и ихъ взаимныхъ отношеній.

Къ концу XVIII-го вѣка эти l. d. c. приняли характеръ постояннаго правильнаго учрежденія. Изъ двадцати, напримѣръ, l. d. c., приходившихся въ среднемъ ежегодно на долю нижней Нормандіи, до пятнадцати давалось на предметъ удовлетворенія семейныхъ ходатайствъ [2]). Поводы, по которымъ они возбуждались,—безконечно разнообразны. Мы уже знаемъ, что дореволюціонное общество вообще не видѣло въ l. d. c. ничего позорящаго. Въ его гла-

---

администрація была буквально завалена разнаго рода родительскими и семейными просьбами. Число послѣднихъ ужаснуло правительство и послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ 1765 г. проектъ былъ оставленъ. См. *Дюрюу* o. c. стр. 183.

[1]) См. выше стр. 71—72.

[2]) *Joly* o. c.

захъ они были мѣрой предосторожности, средствомъ спасти виновнаго отъ судебнаго преслѣдованія. Вотъ почему они вызывали протесты лишь тогда, когда становились орудіемъ политическаго преслѣдованія или административнаго произвола. Наоборотъ, общество очень ими дорожило, когда они могли служить для удовлетворенія семейныхъ нуждъ [1]).

Оно прибѣгало къ нимъ не только тогда, когда хотѣло покарать кого либо изъ недостойныхъ своихъ членовъ, но даже изъ опасеній за будущее его поведеніе. И такъ какъ чувство фамильной чести у дореволюціонной семьи было развито чрезмѣрно, то и подозрительности ея не было предѣловъ. Расточительность, страсть къ азарту и вину, наклонность къ романическимъ похожденіямъ, все это уже достаточные поводы въ глазахъ ближайшихъ родственниковъ для возбужденія передъ правительствомъ ходатайства о l. d. c. противъ невоздержнаго или склоннаго къ увлеченіямъ члена семьи [2]).

Приведемъ въ качествѣ образчиковъ нѣсколько мотивовъ: a) «*le déshonneur* dont sa mauvaise conduite (инкриминируемаго члена) *semble menacer* sa famille», b) «celui-là *aime fort la bonne chère*; s'il était en liberté *il pourrait se porter* à des brigandages ou excés ce qui tiendrait à déshonorer les suppliants et leurs familles», c) «*ce qu'il y a de plus à craindre* pour la famille, c'est qu'ayant mangé tout son bien (дѣло идетъ о разорившемся родственникѣ) la misère fait faire des sottisses de plus d'une espèce» [3]).

---

[1]) Funck-Brentano приводитъ рядъ отзывовъ, въ которыхъ l. d. c. постоянно называются королевской милостью: „ordre du roi est plutôt une faveur qu'une punition“ или „les l. d. c. considéreés de leur principe, ne sont que des grâces particulières, que le roi veut bien accorder aux familles pour les soustraire au déshonneur“... *Funck-Brentano.* Les l. d. c. „Revue des deux mondes“. 1892. Octobre.

[2]) Старшіе представители семьи въ своихъ ходатайствахъ о полученіи l. d. c. въ такихъ случаяхъ нерѣдко старались подчеркнуть, что наблюденіе за поведеніемъ младшихъ членовъ семьи является для нихъ не только правомъ, но и обязанностью. Маркизъ Мирабо, желая получить l. d. c. противъ сына, пишетъ 2-го сентября 1774 г. Герцогу Ла-Врилльеру: „En qualité de son premier juge je crois devoir solliciter sa punition“. *Alfred Stern.* Das Leben Mirabeaus. Berlin. 1889. т. I. стр. 83.

[3]) *Joly* o. c. стр. 23—24. См. т. вышецитированныя сочиненія *Funck-Brentano.* Совершенно анекдотическое ходатайство о l. d. c. отыскалъ, между-прочимъ, Бабо: „On demande de faire enfermer une demoiselle de bonne

Нѣкоторыя ходатайства возбуждаютъ положительное недоумѣніе. Въ 1768 г., напримѣръ, нѣкіе Керваллькъ-отецъ и мать просятъ l. d. c. на тотъ случай, если сынъ ихъ изберетъ себѣ карьеру безъ ихъ согласія [1]). И такіе случаи были нерѣдки.

Вездѣ—боязнь за семейную честь, боязнь, имѣющая очень шаткія основанія! И между-тѣмъ, ея было довольно, чтобы бросить несчастнаго на долгіе годы въ тюрьму, монастырь или изгнать его навсегда изъ привычнаго мѣстожительства [2]).

Надо отдать справедливость администраціи. Она не только предпринимала серьезное разслѣдованіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, послѣ котораго отказывала въ удовлетвореніи легкомысленнымъ и несправедливымъ просьбамъ, но нерѣдко давала жестокую, хоть и заслуженную отповѣдь слишкомъ зарвавшимся въ фамильной щепетильности членамъ семейства [3]).

Самая процедура возбужденія ходатайства l. d. c. заключалась въ слѣдующемъ [4]). Прошеніе подавалось на имя министра; въ немъ должны были быть подробно изложены обстоятельства дѣла и при-

famille qu'on voit journellement rire dans les rues et à l'église". (Inv. Arch. Marne. C. 1309). *A. Babeau.* La province sous l'ancien régime. Paris. 1894. т. II. стр. 106.

[1]) *Dupuy* o. c. стр. 171.

[2]) Неменьшую энергію и настойчивость въ ходатайствахъ l. d. c. обнаруживаютъ епископы и священники въ своихъ приходахъ, сеньёры въ своихъ помѣстьяхъ. Духовенство бдительно слѣдитъ за поведеніемъ и нравственностью своихъ прихожанъ и безжалостно преслѣдуетъ всякую распущенность. Такойже ригоризмъ проявляли и сеньёры по отношенію къ своимъ людямъ. См. *Dupuy* o. c. стр. 167—170. Но, помимо отеческаго попеченія о пасомыхъ овцахъ духовенство прибѣгало къ l. d. c. и изъ болѣе матеріальныхъ побужденій. Такъ *Rozet* въ любопытной книгѣ, посвященной главнымъ образомъ обличенію духовенства, разсказываетъ, что l. d. c. бывали нерѣдко источникомъ обогащенія для епископовъ. Это случалось, когда священникъ имѣлъ несчастіе быть соучастникомъ въ дѣлежѣ десятины съ епископомъ. Епископъ помощью l. d. c. прогонялъ священника съ должности и присвоивалъ себѣ его доходъ. Замѣститель священника исправлялъ только его должность (desservant) и довольствовался умѣреннымъ вознагражденіемъ; всѣ излишки поступали въ карманы прелата. *Rozet M.* (réd). Véritable origine des biens écclesiastiques. Fragments historiques et curieux contenant les différentes voies par lesquelles le clergé séculier et régulier de France s'est enrichi. Paris. 1790. Глава XLV. стр. 409.

[3]) См., напр., рядъ такихъ случаевъ у *проф. Ардашева* o. c. т. II. стр. 632—634.

[4]) Изложено, главнымъ образомъ, по трудамъ *Dupuy*, *Joly* и *Babeau*.

ведены мотивы. Прошеніе подписывалось отцомъ и матерью; за отсутствіемъ ихъ близкими родственниками съ отцовской и материнской стороны, если вопросъ шелъ о дѣтяхъ или малолѣтнихъ; супругами и ихъ близкими родственниками, если вопросъ шелъ о невѣрности или распутной жизни одной изъ сторонъ. Наконецъ, по требованію администраціи нерѣдко привлекались подписи ближайшихъ друзей, сосѣдей и даже наиболѣе уважаемыхъ въ мѣстномъ околодкѣ жителей. Представители власти обращали всегда особенное вниманіе на то, чтобы прошеніе было подписано, по возможности, всѣми близкими родственниками. При отсутствіи подписей нѣкоторыхъ изъ нихъ—какъ можно судить по примѣру, приводимому Joly—интенданты предлагали субделегатамъ познакомиться съ мотивами, помѣшавшими этимъ родственникамъ участвовать въ коллективномъ ходатайствѣ [1]). Особенно необходимой считалась подпись отца, къ ходатайствамъ котораго власть была наиболѣе благосклонной.

Однимъ изъ непремѣнныхъ условій было также точное указаніе въ самомъ прошеніи мѣста заключенія, куда просители хотѣли помѣстить лицо, на которое они жаловались [2]).

Министръ посылалъ обычно интенданту приказъ объ исполненіи, но одновременно рекомендовалъ ему строго провѣрить факты, указанные въ прошеніи, и взвѣсить серьезность приведенныхъ мотивовъ.

Въ большинствѣ случаевъ администрація первоначально отказывала въ удовлетвореніи семейныхъ ходатайствъ, рекомендуя просителямъ преслѣдовать виновнаго въ общемъ судебномъ порядкѣ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда она считала возможнымъ удовлетворить

---

[1]) *Joly* о. с. стр. 18. прим. 1.

[2]) Вотъ образчикъ одного изъ родительскихъ ходатайствъ: „...En conséquence, nous parents, qui connaissons, à fond les faits et les personnes, pour et au nom des deux parentés, dont nous n'avons pas cru devoir multiplier les signatures, nous prions le Ministre, de vouloir bien obtenir du Roi un ordre, pour que le comte de Mirabeau soit renfermé au château de Pierre-en-lise, sans qu'on lui laisse aucune correspondance au dehors ni de vive voix, ni par ecrit; et ce jusques à ce que monsieur son père demande sa liberté". Подписали: Le Marquis de Mirabeau. Covet de Marignane. Le Comte de Valbelle. Le Boilli de Mirabeau. *Alfred Stern* о. с. т. I. стр. 303.

просьбу, она нерѣдко сама назначала наказаніе, стараясь соразмѣрить его съ важностью проступка.

Въ 1773 году, напримѣръ, графиня Гуаслэнъ просила l. d. c. противъ одного изъ своихъ старыхъ слугъ—нѣкоего Баррье, который не только безъ всякаго предупрежденія оставилъ у нея службу и притомъ въ особенно тяжелое для просительницы время, но еще и подбилъ уйти съ собою другого лакея. Министръ посадилъ Баррье на мѣсяцъ въ тюрьму, но въ l. d. c. отказалъ [1]).

Въ 1773-же году одинъ купецъ изъ Геннебона просилъ l. d. c., чтобы наказать свою дочь за связь съ молодымъ человѣкомъ, жившимъ у него на квартирѣ. Письмо интенданта къ министру по этому поводу въ высшей степени любопытно. Реннская тюрьма—писалъ интендантъ—въ которую купецъ хочетъ посадить свою дочь, назначена для нищихъ и бродягъ. Она не можетъ служить мѣстомъ исправленія для соблазненной дѣвушки, которая къ тому же, по словамъ самого отца, была обманута обѣщаніемъ жениться. Во всякомъ случаѣ, отецъ долженъ былъ бы выбрать болѣе подходящее мѣсто для заключенія своей дочери. Всѣ попытки уговорить его отказаться отъ первоначальнаго плана, предпринятыя моимъ субделегатомъ, не имѣли успѣха. На мой взглядъ, это ходатайство не заслуживаетъ уваженія. Заключеніе дѣвушки въ тюрьму можетъ ее только ославить и погубить [2]).

---

[1]) *Dupuy* o. c. стр. 173.

[2]) Заслуживаютъ вниманія многочисленныя просьбы l. d. c. съ цѣлью помѣшать mésaillances, которыя, по словамъ Joly, возрастаютъ въ громадной пропорціи съ 30-хъ годовъ XVIII-го столѣтія. Сперва администрація относится къ этимъ просьбамъ довольно благосклонно, но постепенно получить l. d. c. становится труднѣе и труднѣе. Однако еще въ 1775 году, въ отвѣтъ на ходатайство о l. d. c. родственниковъ одного молодого дворянина, желавшаго жениться на дѣвушкѣ низкаго происхожденія, бывшей ранѣе его любовницей, министръ отказываетъ въ l. d. c., но соглашается на мѣсячное заключеніе, чтобы дать время дворянину „одуматься". Dupuy разсказываетъ и другой—гораздо болѣе трагическій случай. Молодая дѣвушка изъ дворянской семьи влюбилась въ крестьянина и тайкомъ съ нимъ обвѣнчалась. Она была внезапно арестована и заточена въ монастырь, гдѣ пробыла *болѣе 20 лѣтъ*. Получила она свободу по настоянію старой больной матери, сжалившейся, наконецъ, надъ ея страданіями. Вообще, любовь, неугодная родственникамъ, играла часто роль рѣшающаго мотива въ ходатайствахъ о l. d. c. *Dupuy* o. c. стр. 174—176, 261. Наконецъ, къ l. d. c. прибѣгало духовенство, чтобы отнимать дѣтей у протестантовъ и помѣщать ихъ въ католическій пансіонъ при мона-

Чѣмъ ближе подвигаемся мы къ 1789 году, тѣмъ рѣже сталкиваемся мы съ злоупотребленіями l. d. c. На лишеніе свободы начинаютъ смотрѣть, какъ на тяжкое наказаніе, и высшая администрація въ своихъ инструкціяхъ постоянно рекомендуетъ самое серьезное отношеніе къ дѣламъ этого рода.

Еще въ 1761 году герцогъ Фицъ-Джемсъ, исполнявшій функціи губернатора, писалъ: я замѣтилъ, что въ тюрьму сажаютъ иногда по недостаточно серьезнымъ мотивамъ. Такъ какъ свобода людей—слишкомъ драгоцѣнное благо само по себѣ, я предписываю мэрамъ не прибѣгать къ аресту безъ разрѣшенія высшей власти, за исключеніемъ случаевъ flagrant délit [1]).

Попытку бороться съ административнымъ произволомъ мы находимъ и въ обширной инструкціи статсъ-секретаря королевскаго дома, барона де-Бретейля, данной интендантамъ провинцій касательно «lettres de cachet» и «ordres de détention» отъ 25-го октября 1784 г. [2]).

Нѣкоторыя изъ заключеній—писалъ баронъ—относятся уже къ давнему времени и многія изъ нихъ пора прекратить. Прошу, поэтому, немедленно пересмотрѣть соотвѣтствующіе списки и установить, какія изъ заключеній можно прекратить сейчасъ-же и какія желательно продолжить. Въ послѣднемъ случаѣ прошу указать мотивы.

стырѣ Notre-Dame. Ежегодно 12 протестанскихъ дѣтей изъ Béarn получали католическое воспитаніе съ помощью l. d. c. См. *Batcave*. Le Cahier der griefs du tiers-état D'Orthez—въ „Bulletin de la société des sciences, lettres et arts de Pau". 1886—1887. II. série. Tome 16. Pau. 1887. Стр. 83. Прим. I. Въ Béarn вообще отношенія между католиками и протестантами были очень обострены. Такъ, напримѣръ, 18-го мая 1789 г. католическіе жители Béarn въ спеціальномъ совѣщаніи постановили ходатайствовать передъ Генеральными Штатами о томъ, чтобы протестантамъ было воспрещено право собраній и свободы произнесенія проповѣдей. Вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено обратить вниманіе Штатовъ на то, что протестанты на всѣхъ площадяхъ и рынкахъ проповѣдуютъ свое ученіе, „столь несогласное съ интересами всего государства". См. *Cahier des Griefs rédigés par les Communautés de Béarn en 1789 et conservés dans les archives des Basses-Pyrénées*. Въ „Bulletin de la société des sciences, lettres, et arts de Pau". Вышеук. серія. Стр. 296. § 11.

[1]) *A. Babeau*. La province sous l'ancien régime. т. I. стр. 283.

[2]) *De Bachaumont*. Mémoires historiques, littéraires et critiques. Depuis l'année 1762 jusques 1788. Ed. Merle. Paris 1808. т. II. стр. 160—168. Текстъ инструкціи цѣликомъ перепечатанъ проф. Ардашевымъ въ „Les Intendants de province sous Louis XVI". т. III. № 285.

Разнообразіе поводовъ заключенія—продолжаетъ баронъ—различія въ полѣ, возрастѣ, происхожденіи, наконецъ, воспитаніи, не позволяютъ, разумѣется, установить какихъ-либо твердыхъ принциповъ (principes fixes) въ этой области, тѣмъ не менѣе все же можно выработать нѣкоторыя общія правила для приведенія дѣлъ въ порядокъ.

Всѣ заключенные могутъ быть разбиты на три категоріи: a) безумныхъ, которые были лишены свободы, такъ какъ представляли серьезную опасность для общества. Ихъ необходимо всѣхъ освидѣтельствовать вновь. Тѣмъ изъ нихъ, которые находятся въ старомъ положеніи, слѣдуетъ, какъ это ни печально, продолжить заключеніе; освобожденіе ихъ могло бы принести вредъ обществу и въ то же время было бы безполезнымъ благодѣяніемъ для нихъ самихъ. b) Ко второй категоріи могутъ быть отнесены тѣ лица, которыя не совершили какихъ-либо преступленій или даже проступковъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, но которыя повинны въ эксцессахъ, дебошахъ или поведеніе коихъ вообще оскорбляетъ общественную нравственность (l'excés du libertinage, de la débauche et de la dissipation). Я полагалъ бы, что въ этихъ случаяхъ заключеніе не должно продолжаться свыше 2-хъ лѣтъ. Два года лишенія свободы—замѣчаетъ баронъ—достаточный срокъ для исправленія и зрѣлаго размышленія о своемъ поведеніи. Даже отцы и матери, конечно болѣе снисходительные, чѣмъ дальніе родственники, и тѣ склонны нерѣдко преувеличивать вину дѣтей, о наказаніи которыхъ хлопочутъ. Если бы безпрекословно исполнять всѣ ихъ просьбы, то мѣры исправительныя нерѣдко обращались бы въ прямое наказаніе, а это—недопустимо... Во всякомъ случаѣ, заключеніе для лицъ, принадлежащихъ къ этой категоріи, не должно превышать 2—3 лѣтъ; для молодыхъ людей, не достигшихъ двадцатилѣтняго возраста я признаю даже вполнѣ достаточнымъ заключеніе на срокъ не свыше одного года. c) Наконецъ, къ третьей категоріи относятся всѣ тѣ, которые оказались виновными въ нарушеніи общественнаго порядка или безопасности и которые по суду подлежатъ «позорящимъ» наказаніямъ (peines afflictives et déshonorantes). Чрезвычайно трудно установить для нихъ заранѣе какой-либо опредѣленный срокъ заключенія; послѣдній долженъ зависѣть отъ обстановки, въ которой совершено преступленіе, степени нравственной

испорченности самого виновнаго, видовъ на возможность его исправленія и т. п.. Однако, если виновный въ какомъ-либо тяжкомъ преступленіи и долженъ почитать себя счастливымъ, что избѣжалъ судебнаго преслѣдованія—тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ помнить, что *вѣчное, или даже очень продолжительное заключеніе является, несомнѣнно, самымъ суровымъ наказаніемъ для тѣхъ, надежда на исправленіе которыхъ еще не вполнѣ утрачена* [1]).

Далѣе циркуляръ намѣчаетъ цѣлый рядъ мѣръ по отношенію къ находящимся въ заключеніи.

Баронъ Бретейль предлагаетъ интендантамъ имѣть за ними усиленный надзоръ съ самаго момента ихъ заключенія. Всѣ перемѣны, происшедшія въ психикѣ или поведеніи заключенныхъ, должны тщательно регистрироваться, такъ какъ могутъ имѣть значеніе въ вопросѣ о смягченіи или, наоборотъ, усиленіи наказанія. Бретейль, при этомъ, рекомендуетъ не полагаться на свидѣтельства и донесенія лицъ, непосредственно приставленныхъ для надзора за заключенными. Я желалъ бы—пишетъ онъ—чтобы вы сами соблаговолили посѣтить различныя мѣста заключенія въ ввѣренныхъ вамъ провинціяхъ. Я убѣжденъ, что подобныя посѣщенія, сдѣланныя хотя бы разъ въ годъ въ каждое изъ такихъ мѣстъ заключенія, дали бы самое благотворные результаты. Вы бы узнали не только о поведеніи заключенныхъ, но и познакомились съ манерой обращенія съ ними; выслушали бы жалобы, убѣдились бы лично въ соотвѣтствіи пищевого режима и общаго содержанія съ пенсіономъ, который платятъ за заключеннаго; вы бы, наконецъ, на мѣстѣ изыскали мѣры для предупрежденія побѣговъ и покончили съ нѣкоторыми злоупотребленіями... Если вы бы не могли лично осмотрѣть всѣхъ мѣстъ заключенія, посѣтите хотя наиболѣе многолюдныя изъ нихъ; остальныя могутъ обревизовать ваши субделегаты или другія довѣренныя лица (personnes de confiance). Прошу не забыть извѣщать меня ежегодно о результатахъ вашихъ осмотровъ... На основаніи этихъ донесеній я буду представлять королю подробный отчетъ и повергать на его усмотрѣніе намѣченныя вами реформы.

---

[1]) Курсивъ—мой А. Б.

При представленіи семейныхъ ходатайствъ о заключеніи. . . .я просилъ бы васъ высказываться относительно желательной продолжительности срока заключенія..... За исключеніемъ особо серьезныхъ случаевъ, оно не должно, по моему мнѣнію, превышать 2—3-хъ лѣтъ за «libertinage» или «bassesses» и 1-го, 2-хъ лѣтъ за болѣе мелкія провинности, въ родѣ «faiblesse», «inconduite» или «dissipation»...... Фактъ безумія долженъ быть констатированъ ясными и неопровержимыми данными.... До сихъ поръ для заключенія малолѣтнихъ считалось достаточнымъ согласіе на это отца и матери. Но въ виду того, что и родительскія ходатайства бываютъ иногда несправедливы, а иногда чрезмѣрно суровы,.... необходимо требовать, чтобы просьба родителей была подписана, по крайней мѣрѣ, двумя или тремя ближайшими родственниками... Съ величайшей осторожностью слѣдуетъ принимать жалобы мужей на женъ и обратно; въ этихъ случаяхъ подпись ближайшихъ родственниковъ съ обѣихъ сторонъ — совершенно необходима.... *Разумѣется, въ общихъ чертахъ намѣченнымъ принципамъ слѣдовали всегда, но бывали случаи возбужденія ходатайствъ и удовлетворенія ихъ въ обстоятельствахъ, этого не оправдывавшихъ* [1]).

Я сообщилъ мои взгляды—заключаетъ Бретейль свою обширную инструкцію—королю, который вполнѣ ихъ одобрилъ [2]). Его Величество желаетъ неуклоннаго слѣдованія намѣченной программѣ и считаетъ необходимымъ, чтобы взгляды его на этотъ счетъ были доводимы до свѣдѣнія всѣхъ, ходатайствующихъ о l. d. c. Поэтому, король уполномочилъ меня отпечатать этотъ циркуляръ и послать вамъ извѣстное количество экземпляровъ, чтобы и субделегаты ваши, ознакомившись съ нимъ, могли сообразоваться съ инструкціей въ своихъ мѣропріятіяхъ.

Этотъ документъ—яркій и характерный образчикъ административнаго творчества конца XVIII-го вѣка.

Гуманныя начинанія, стремленіе охранять личную свободу и бороться съ разнообразными злоупотребленіями, возникавшими на почвѣ беззастѣнчиваго пользованія королевскими приказами, заботы о мягкомъ режимѣ для заключенныхъ, о стро-

[1]) Курсивъ—мой А. Б.

[2]) Король нашелъ ихъ, гласитъ инструкція „conformes aux vues de justice et de bienfaisance dont elle (т. е. инструкція) est animée“.

гомъ надзорѣ за тюремными учрежденіями, рекомендаціи, наконецъ, особой щепетильности по отношенію къ семейнымъ ходатайствамъ, признаваемымъ самой же администраціей то «несправедливыми», то «чрезмѣрно суровыми», свободно переплетаются въ нёмъ съ потаканіемъ ходячимъ предразсудкамъ, обходомъ правосудія, стремленіями узаконить незаконное.

Дореволюціонная администрація была плодомъ авторитарнаго режима и естественно его духъ передался ей. Поэтому, какими бы прекрасными намѣреніями она ни была одушевлена въ своихъ заботахъ объ общественномъ благѣ, она силою вещей узаконяла произволъ и на мѣсто ясныхъ и безспорныхъ требованій положительнаго закона ставила полную свободу усмотрѣнія «власть имущихъ».

И все же циркуляръ Бретейля является значительнымъ шагомъ впередъ, свидѣтельствующимъ, что въ самую администрацію постепенно проникаетъ сознаніе необходимости болѣе серьезныхъ гарантій личной свободы, чѣмъ это было раньше. Передъ революціей администрація возвращается къ этому вопросу все чаще и чаще.

«Необходимы очень важные мотивы—писалъ тотъ же баронъ де-Бретейль въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ инструкцій въ 1787 г.—чтобы лишить гражданина свободы» [1]. Министры нерѣдко требуютъ представленія списковъ заключенныхъ лицъ съ подробными указаніями на мотивы заключенія, а интенданты предписываютъ субделегатамъ производить періодическія ревизіи и доставлять «возможно подробныя свѣдѣнія о каждомъ заключенномъ лицѣ» [2]. Наконецъ, 31 октября 1785 г. состоялось общее рѣшеніе короля, коимъ была возвращена свобода всѣмъ лицамъ, заключеннымъ въ силу семейныхъ ходатайствъ.

---

[1]) *Joly A.* Les lettres de cachet dans la generalité de Caën au XVIII siècle d'après des documents inédits. Paris 1864. стр. 35. пр. 2. Крупный дѣятель дореволюціонной Франціи—d'Aguesseau на просьбу дать l. d. c., чтобы спасти кого-то отъ безжалостныхъ рукъ правосудія, отвѣчаетъ отказомъ: нѣтъ ничего болѣе несправедливаго и опаснаго по своимъ послѣдствіямъ-говоритъ онъ—какъ вырвать авторитетомъ абсолютной власти виновнаго изъ рукъ правосудія. См. *Desjardins.* Les cahiers des états Généraux en 1789 et la législation criminelle. Paris 1883. стр. 383.

[2]) *Ibidem.* стр. 36.

Но, какъ бы ни относилась администрація къ семейнымъ ходатайствамъ — строго или отечески благодушно, не надо забывать что министры, интенданты, субделегаты—во первыхъ, были дѣтьми своего времени, во-вторыхъ, чиновниками, иногда далеко отстоявшими по своимъ интересамъ, убѣжденіямъ, вкусамъ отъ той среды, которая къ нимъ взывала о помощи. Наконецъ, интенданты были завалены такой массой дѣлъ, что не могли, при всемъ желаніи, удѣлить много времени семейнымъ дрязгамъ и кляузамъ. Между тѣмъ, въ кляузѣ таилась нерѣдко глубокая драма и министру иной разъ приходилось раскрывать глаза интенданту на истинный смыслъ возбуждаемаго ходатайства [1]).

Пусть интенданты Нормандіи и были, какъ это утверждаетъ Joly, людьми достойными, гуманными, искренно желавшими облегчить участь заключенныхъ; пусть они были больше мудрыми посредниками и опекунами, чѣмъ судьями, какъ это утверждаетъ Бабо [2]), писавшій, что въ перепискѣ министровъ съ интендантами отражается «l'âme même de l'administration française, faite de sagesse, d'humanité et d'intégrité» [3]). Пусть, наконецъ, многіе изъ пострадавшихъ заслуживали вполнѣ кары, обрушившейся на нихъ [4])...но сколько могло быть ошибокъ и ошибокъ непоправимыхъ—именно благодаря санкціи верховной власти! Сколько ужасныхъ семейныхъ трагедій схоронено въ тюрьмахъ и монастыряхъ только потому, что администрація, естественно, раздѣляла предразсудки своего времени! Бóльшая или меньшая развязность, небрежность или невниманіе часто рѣшали навсегда участь какого-нибудь лица.

---

[1]) *Joly A.* o. c. стр. 42.

[2]) *A. Babeau.* La Province sous l'ancien régime. т. II. стр. 115.

[3]) *Ibidem* т. II. стр. 337.

[4]) Нѣкоторые изслѣдователи, оправдывая въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребленіе l. d. c., отмѣчаютъ необыкновенное, якобы, количество „enfants prodigues“ въ дореволюціонной семьѣ. Объ этомъ много говоритъ, напримѣръ, Dupuy. Бабо въ своей любопытной книгѣ о буржуазіи Стараго Порядка между прочимъ, пишетъ, что по многочисленнымъ документамъ, по числу l. d. c. и завѣщаніямъ, лишающимъ сыновей ихъ части наслѣдства, можно утверждать, что въ прежнемъ юношествѣ было болѣе увлеченій и даже пороковъ, чѣмъ въ теперешнемъ. См. *A. Babeau.* Les bourgeois d'autrefois. Paris 1866. гл. XI. стр. 301.

И когда пробѣгаешь скорбныя страницы великолѣпной жизненной правдивостью работы Dupuy [1]), невольно чувствуешь горе и слезы, таящіяся за пожелтѣвшими отъ времени архивными связками! И не одни, конечно, предразсудки или ошибки администраціи были виною тяжкихъ страданій. Здѣсь пышнымъ цвѣтомъ взросли злоупотребленія: фальшивые доносы, ложныя свидѣтельства, гнусные комплоты находили себѣ здѣсь богатую добычу [2]).

Если общественное мнѣніе того времени видѣло въ l. d. c. средство къ укрѣпленію семейнаго начала, родительскаго или супружескаго [3]) авторитета, то это было слишкомъ очевиднымъ заблужденіемъ [4]). L. d. c. не только не скрѣпляли семьи, но разрушали ее, селили подозрѣнія, страхъ, ненависть. Если въ отдѣльныхъ случаяхъ они и могли оказаться полезными, то этимъ еще далеко не искупалось ихъ общее губительное вліяніе на общественную нравственность. Въ семьѣ, гдѣ моральный авторитетъ родителей или супруговъ стоялъ не высоко, тюрьма и изгнанія могли вызвать лишь раздраженіе и вражду.

Между тѣмъ, это учрежденіе, надѣлявшее семью почти неограниченною властью, вошло въ плоть и кровь французскаго общества; отголоски его мы услышимъ значительно позже не только въ наказахъ, но и въ государственномъ совѣтѣ первой имперіи.

---

[1]) Цѣнность этой небольшой работы (113 стр.)—въ томъ, что она почти сплошь состоитъ изъ архивныхъ матеріаловъ.

[2]) См., напримѣръ, *Ant. Dupuy.* La Brétagne au XVIII siècle. Bulletin de la société académique de Brest. Deuxième serie. Tome IX. Brest. 1884. стр. 262—264. Наконецъ, о заключенныхъ нерѣдко просто забывали и семья и администрація. Нѣкій Стэпльтонъ, изъ ирландской семьи, былъ запертъ въ тюрьму св. Михаила (въ Нормандіи) 15 лѣтнимъ мальчикомъ. Онъ пробылъ въ ней 24 года. Въ 1773 г. онъ ходатайствовалъ объ освобожденіи. Министръ предписываетъ поконсультировать его родственниковъ. Но уже никого изъ нихъ не оставалось въ живыхъ. Стэпльтонъ былъ освобожденъ. *Ibidem.* стр. 186—187.

[3]) Между прочимъ Брентано дѣлаетъ любопытное наблюденіе, что жены чаще получали l. d. c. противъ мужей; это онъ объясняетъ ихъ бóльшею настойчивостью, такъ какъ администрація охотнѣе давала l. d. с мужьямъ противъ женъ. *F. Brentano.* Les lettres de cachet. „Revue des deux mondes“. 1892 octobre. стр. 840.

[4]) „C'est la famille—говоритъ, напримѣръ, Талейранъ—que l'on aimait, bien plus que les individus, que l'on ne connaissait pas encore“.

Нашъ очеркъ о. l. d. c. былъ бы далеко не полонъ, если бы мы не упомянули еще о такъ называемыхъ l. d. c. en blanc. До настоящаго времени эти l. d. c. остаются самымъ спорнымъ и самымъ неяснымъ пунктомъ въ литературѣ интересующаго насъ вопроса. Въ то время, какъ одни приписываютъ имъ огромную, исключительную важность, видятъ въ нихъ самое яркое проявленіе административной разнузданности и своеволія, другіе и, какъ-будто, съ безспорными доказательствами въ рукахъ, склонны отрицать самое ихъ существованіе.

L. d. c. en bl., какъ показываетъ самое названіе, были королевскими приказами, въ которыхъ мѣсто, гдѣ проставлялось имя подвергавшагося преслѣдованію, оставалось незаполненнымъ; подписанные королемъ, они имѣли обязательную силу. Ясно, какимъ обильнымъ источникомъ злоупотребленій могли стать эти бланкетныя письма въ рукахъ какого-нибудь ловкаго и настойчиваго администратора. Съ этого момента всѣ, кто имѣлъ несчастіе чѣмъ-либо не угодить счастливому обладателю l. d. c., находился всецѣло въ его распоряженіи и онъ могъ казнить и миловать по произволу. Неудивительно, что историки, враждебно относящіеся къ Старому Порядку, посылаютъ наиболѣе ядовитыя стрѣлы по адресу этихъ l. d. c. en bl. Наоборотъ, апологеты Старой Монархіи употребляютъ всѣ усилія, чтобы доказать, что l. d. c. en bl. есть лишь плодъ разстроеннаго воображенія, дутаго пафоса, исторической недобросовѣстности.

Надо сознаться — разрѣшеніе этого вопроса представляетъ серьезныя трудности въ виду незначительности и сомнительной достовѣрности матеріала, съ которымъ приходится оперировать. Тѣмъ не менѣе, все же есть указанія, заслуживающія довѣрія, что l. d. c. en bl существовали, хотя, конечно, не въ такой чудовищной пропорціи, какъ это принято думать въ общей исторической литературѣ.

Начиная съ Мишле, большинство историковъ, характеризуя «Ancien régime», постоянно говорятъ о необычайной распространенности при немъ l. d. c. en bl. Легкость полученія ихъ была просто волшебной. Извѣстный анекдотъ о герцогѣ Лаврильерѣ и его любовницѣ графинѣ де-Ланжакъ, якобы открывшихъ спеціальное бюро

для продажи этихъ l. d. c. [1]), встрѣтилъ полное довѣріе и, переходя изъ рукъ въ руки, сталъ прочнымъ историческимъ достояніемъ. Тотъ, поистинѣ удивительный фактъ, что за 25 луидоровъ можно было свободно покупать l. d. c. en bl. въ этой аристократической лавочкѣ, до послѣдняго времени не подвергался даже сомнѣнію. Нѣкоторые пошли еще дальше. Dufey, утверждалъ уже, что не было куртизана, у котораго не торчало бы изъ кармана l. d. c. en bl. Такъ постепенно создалась легенда, что l. d. c. en bl. были къ услугамъ всѣхъ и каждаго [2]).

Въ послѣднее время цѣлый рядъ изслѣдователей выступилъ противъ этой легенды. Опираясь на свѣжій архивный матеріалъ, они пытаются отрицать самый фактъ существованія l. d. c. en bl.

Во главѣ такихъ отрицателей слѣдуетъ, несомнѣнно, поставить молодого французскаго историка школы Тэна—Funck-Brentano, автора нѣсколькихъ спеціальныхъ работъ о l. d. c. и государственныхъ тюрьмахъ, историка тенденціознаго, быть можетъ, слишкомъ снисходительнаго къ «abus» Стараго Порядка и чрезмѣрно суроваго къ «эксцессамъ» революціи, но имѣющаго и нѣкоторыя серьезныя заслуги [3]). Эти заслуги заключаются въ томъ, что послѣ смерти извѣстнаго Равессона, онъ завѣдуетъ изданіемъ Бастильскихъ архивовъ и, по порученію министерства народнаго просвѣщенія, составляетъ ихъ каталогъ. Въ десять лѣтъ, то его собственному признанію, черезъ его руки прошло около 60.000 папокъ [4]). Если припомнить, что архивы Бастиліи были тайнымъ архи-

---

[1]) „Boutique de l. d. c.“—какъ обычно слыветъ оно въ литературѣ. См., напримѣръ, *Em. Garet.* Les bienfaits de la révolution française. Paris 1880. стр. 142.

[2]) „L. d. c.—писалъ Мирабо—покупаются грудами. Ихъ продаютъ куртизанки. См. *Mirabeau.* Des lettres de cachet et des prisons d'etat. Ouvrage posthume composé en 1778. Hambourg. 1782. Vol 1—2. L³⁹b319. т. I стр. 30. „Ces l. d. c.—пишетъ Мишле — étaient l'objet d'un profitable trafic... Et tout cela par bonté“—добавляетъ онъ. См. *J. Michelet.* Histoire de la révolution française т. I, стр. 79. Этотъ взглядъ перешелъ и въ иностранную литературу. См. напр., *Eugen Iaeger.* Geschichte der socialen Bewegung und des Socialismus. Band II. Frankreich am Vorabende der Revolution von 1789. Berlin 1890. стр. 141.

[3]) Новѣйшія работы Функъ-Брентано вызываютъ также справедливые упреки въ тенденціозности. См., напр., замѣтку, помѣщенную въ „Révolution française“. 1902 стр. 552—556.

[4]) *Funck-Brentano F.* Les lettres de cachet en blanc. Paris. 1895.

вомъ какъ королевскаго дома, такъ и центральнаго полицейскаго управленія, ясно, какую компетентность пріобрѣтаетъ Функъ-Брентано въ рѣшеніи интересующаго насъ вопроса. Къ сожалѣнію, его тенденціозность нерѣдко увлекаетъ его на ложный путь и въ значительной мѣрѣ подрываетъ довѣріе къ его выводамъ [1]).

Не менѣе скептически, чѣмъ Функъ-Брентано, настроены къ самому факту существованія l. d. c. en bl.: Van der Haeghen, очень остроумный и добросовѣстный изслѣдователь и два лучшихъ знатока интересующаго насъ вопроса—Joly и Dupuy, разработавшіе въ своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ огромный архивный матеріалъ.

Въ чемъ же заключаются ихъ доводы противъ общепринятаго взгляда на l. d. c. en bl?

Наиболѣе серьезный аргументъ Функъ-Брентано, которымъ онъ пытается подорвать самую мысль о возможности существованія бланкетныхъ приказовъ, состоитъ въ томъ, что въ громадномъ матеріалѣ Бастильскихъ архивовъ онъ не нашелъ ни единаго упоминанія, ни единой строчки о l. d. c. en bl.

На первый взглядъ, этотъ аргументъ кажется неотразимымъ [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли говорить о широкой распространенности бланкетныхъ приказовъ и даже злоупотребленіи ими въ эпоху Стараго Порядка, если богатѣйшій архивъ учрежденія, спеціально вѣдавшаго всѣ дѣла по l. d. c., не могъ зарегистривать ни одного случая пользованія ими?

Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи этотъ аргументъ теряетъ свою убѣдительность.

---

[1]) Вообще-же Функъ-Брентано является въ настоящее время, несомнѣнно, лучшимъ знатокомъ Бастиліи.

[2]) Заявленіе Функъ-Брентано заслуживаетъ полнаго довѣрія, такъ какъ тщательно пересмотрѣвъ тѣ 18 томовъ, которые составляютъ напечатанную часть Бастильскихъ архивовъ, я также не встрѣтилъ ни разу даже и намека на функціонированіе l. d. c. en bl. См. *Ravaisson Fr.* Archives de la Bastille. Documents inédits recueills et publiés par F. R. Paris. Vol. I—XVIII. (Первый документъ датируется 1659 годомъ). Разумѣется, эти Бастильскіе архивы представляютъ лишь незначительную часть той громадной коллекціи, которая была разграблена въ дни ближайшіе за взятіемъ крѣпости. Когда власти (тогда избирательное собраніе) обратили, наконецъ, вниманіе на безпощадное расхищеніе документовъ, драгоцѣнныхъ для политической исторіи Франціи, было уже поздно. Многое было увезено за границу (напр., С.-Петербургъ). См. объ этомъ *Louis Combes* о. с. глава „La Bastille et le patriote Palloy“.

Прежде всего, можно ли было искать l. d. c. en bl. въ Бастильскомъ архивѣ? Мы думаемъ, что нѣтъ—по слѣдующимъ соображеніямъ: во-первыхъ, если l. d. c. en bl. сослужило свою службу, оно ео ipso переставало быть таковымъ. И если бы даже оно и возвращалось въ архивъ, то по какимъ признакамъ можно было въ немъ угадать бланкетный приказъ? Разъ мѣсто, на которомъ проставлялось имя преслѣдуемаго лица было заполнено, первоначальная природа l. d. c. en bl. утрачивалась и самое опытное инквизиціонное око архивнаго работника не могло бы открыть его первороднаго грѣха. Во-вторыхъ, мы не имѣемъ никакихъ основаній полагать, что неиспользованные бланки поступали обратно. Если они гдѣ-либо и сохранились, то ужъ скорѣе въ глубинѣ семейныхъ архивовъ или провинціальныхъ собраніяхъ, куда они могли поступить послѣ смерти ихъ владѣльца. Наконецъ, есть полное основаніе предполагать, что неиспользованные бланкетные приказы просто уничтожались, такъ какъ, вопреки общепринятому мнѣнію, даже и при безконтрольномъ хозяйничаньи дореволюціонной администраціи, они были своего рода компрометирующимъ документомъ, не имѣвшимъ въ глазахъ современниковъ той авторитетности, которая принадлежала обычнымъ l. d. c., какъ опредѣленнымъ изъявленіямъ высочайшей воли.

Намъ кажется, что эти общія соображенія достаточно колеблютъ аргументъ Функъ-Брентано, который ему самому представляется неотразимымъ. Послѣ всего вышесказаннаго нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что Joly или Dupuy, перебравшіе громадный архивный матеріалъ, также не нашли ни малѣйшихъ указаній на существованіе l. d. c. en bl. Они изучали, по преимуществу, тѣ l. d. c., которые давались въ силу семейныхъ ходатайствъ; между тѣмъ, мы уже знаемъ, что именно въ этой области администрація была особенно щепетильной и, конечно, если и давала бланкетные приказы, то очень рѣдко и съ величайшей осмотрительностью [1]).

[1]) Косвенное подтвержденіе этой мысли мы имѣемъ въ извѣстномъ уже намъ сочиненіи Jean-de-Dieu d'Olivier. „Было время (! !) пишетъ онъ, когда интенданты и епископы имѣли цѣлые портфели l. d. c. en bl. и въ оправданіе ихъ говорятъ, что l. d. c. en bl. спасаютъ честь семьи, избавляютъ ее отъ позора суда, но—замѣчаетъ d'Olivier—правительство даетъ ихъ въ этихъ слу-

Болѣе вѣскимъ представляется намъ соображеніе Функъ-Брентано, раздѣляемое и V. der Haeghen-омъ, о легендарности свободы купли продажи l. d. c. en bl.

Если королевскія посланія, какъ это утверждаютъ многіе историки, продавались чуть ли не придворными лакеями, то чѣмъ объяснить чрезвычайную строгость, съ которой законодательство Старой Монархіи карало поддѣлку l. d. c.? Обычнымъ наказаніемъ была смертная казнь. Брентано приводитъ любопытное рѣшеніе палаты, вѣдавшей этого рода дѣла, которое въ виду его выдающагося интереса мы приводимъ in extenso:

«La chambre a déclaré et déclare la prétendue lettre de cachet, dont est question fausse et faussement fabriquée, déclare ledit Jean Alexandrin Bourges de Coulong duement atteint et convaincu d'avoir faussement fait et fabriqué la Signature *Phelypeaux* [1]), qui souscrit ladite lettre de cachet, pour réparation de quoi et autres cas résultant du procès, le condamne *à estre pendu et estranglé jusqu'à ce que mort s'en suive*, à une potence qui, à cet effet, sera plantée en la place de Grève ayant écriteaux devant et derrière portant ces mots: «Fabricateur du fausse lettre de cachet» [2]).

Какой же смыслъ было рисковать головой, поддѣлывая l. d. c., если его безнаказанно можно было пріобрѣсти за 25 луидоровъ? Могутъ возразить, что для бѣдняка и эта сумма была слишкомъ высокой. Но и поверхностнаго знакомства съ исторіей l. d. c. достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что они были достояніемъ исключительно высшихъ и зажиточныхъ классовъ общества.

Низшіе же слои общества, народъ почти не зналъ l. d. c. [3]). Это особенно подтверждается анализомъ приходскихъ и сельскихъ наказовъ, въ которыхъ нѣтъ и помина о тѣхъ требованіяхъ уничтоженія l. d. c., которыя такъ часто встрѣчаются въ наказахъ другихъ сословій.

чаяхъ очень рѣдко и съ большой неохотой". См. *Jean-de-Dieu d'Olivier* (Barbier). Essai sur la dernière révolution de l'ordre civil en France. T. 1—2. Londres 1780. т. II, стр. 62.

[1]) См. выше стр. 71 пр. 2.

[2]) *Funck-Brentano F.* Les lettres de cachet en blanc. Paris 1895. стр. 6. Извлечено изъ „Bibliothèque de l'Arsenal" № 11.311, „doss. Bourges de Coulong".

[3]) Между прочимъ и Юнгъ, разсказавъ свой анекдотъ про Гордона, прибавляетъ: „массы народа,—я разумѣю низшіе и средніе классы—мало страдали отъ подобныхъ орудій тиранніи", т. е. l. d. c. См. *A. Young.* Voyages

чтоженія l. d. c., которыми переполнены наказы дворянства, духовенства и третьяго сословія.

Такимъ образомъ, если эта ссылка на суровую уголовную кару за поддѣлку l. d. c. и не рѣшаетъ еще вопроса о дѣйствительномъ существованіи бланкетныхъ приказовъ, то, во всякомъ случаѣ, подрываетъ наивную вѣру въ волшебное всемогущество луидоровъ.

Наконецъ, въ качествѣ ultima ratio Ф. Брентано приводитъ подлинное письмо пресловутаго расточителя l. d. c. en bl.—Лаврилльера къ интенданту Пуату—Блоссеку. Въ этомъ письмѣ герцогъ, предписывая интенданту произвести немедленно строгое разслѣдованіе относительно нѣкоторыхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи государственнаго преступленія и рекомендуя ихъ направить въ Бастилію, между прочимъ, добавляетъ: «il ne m'est pas possible de vous en adresser *en blanc*; *cela serait contre toute règle et contre l'usage que j'ai constamment observé depuis que je suis dans le ministère*» . . . [1]). Трудно судить, въ какой мѣрѣ заслуживаетъ довѣрія это письмо. Во всякомъ случаѣ, оно довольно характерно.

Откуда же создалась легенда о l. d. c. en bl? Ф. Брентано объясняетъ это прежде всего той таинственностью, которой администрація Стараго Порядка облекала все, что такъ или иначе соприкасалось съ l. d. c. и государственными тюрьмами; въ напуганномъ воображеніи дореволюціоннаго общества самыя невинныя вещи легко принимали чудовищные размѣры [2]). Быть можетъ, не-

---

en France pendant les années 1787, 1788, 1789. Nouvelle traduction par M. Lesage précédée d'une introduction par Léonce de Lavergne. V. 1—2. Paris 1860. т. II. стр. 426.

[1]) *F. Brentano.* Les lettres de cachet en blanc. Paris 1895. стр. 13. Курсивъ—вездѣ мой А. Б.

[2]) То же самое говоритъ *Granier de Cassagnac.* Histoire des causes de la revolution française. T. I—II. Bruxelles 1850, т. II, стр. 235 „. . . L. d. c.—замѣчаетъ и Мирабо—утрачивали всякую привлекательность даже для тѣхъ, кому могли быть выгодны, благодаря ихъ таинственности. Выгоды не могли перевѣсить томительнаго состоянія неизвѣстности“ „. . . O hommes—восклицаетъ онъ—n'oubliez donc jamais, que *le secret* (курсивъ Мирабо) est la véritable ogide de la tyrannie. C'est au mileu des ténebres, dont elle s'enveloppe, qu'elle aiguise sén glaive et rive vos chaînes“. *Mirabeau.* Des lettres de cachet et des prisons d'Etat. Ouvrage posthume composé en 1778. Hambourg 1782. [illegible] гл. XI, стр. 256.

малую роль въ укрѣпленіи этой легенды сыграло, по мнѣнію Брентано, еще другое обстоятельство. Именно—до послѣднихъ лѣтъ царствованія Людовика XV-го l. d. c. были рукописными. Естественно, оставались свободныя мѣста для имени и подписи. У несвѣдущаго человѣка отсюда легко могло родиться представленіе, что эти незаполненные бланки и есть l. d. c. en bl.

Попробуемъ теперь разобраться въ тѣхъ, правда, немногочисленныхъ свидѣтельствахъ, которыя намъ удалось разыскать въ пользу существованія бланкетныхъ приказовъ. Въ извѣстномъ собраніи «Correspondance des contrôleurs généraux des Finances avec les intendants» имѣется письмо Монтобанскаго интенданта отъ 2 февраля 1700 г., адресованное генеральному контролеру [1]). Интендантъ сообщаетъ въ письмѣ о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ считаетъ необходимыми для умиротворенія провинціи. Я испросилъ—пишетъ онъ, между прочимъ—12 l. d. c. en bl., которыми, конечно, буду пользоваться лишь въ случаяхъ крайней необходимости.

Мы не знаемъ, воспользовался ли интендантъ всѣми или хотя бы частью тѣхъ l. d. c. en bl., о которыхъ онъ сообщаетъ контролеру съ такимъ завиднымъ бюрократическимъ хладнокровіемъ [2]).

---

[1]) „*Correspondance des contrôleurs généraux des Finances avec les Intendants de provinces*“ par M. de *Boislisle*. Paris 1883. т. II. стр. 76.

[2]) Подобныя мѣры, повидимому, практиковались при Людовикѣ XIV. Въ тѣхъ случаяхъ, сообщаетъ, напримѣръ, Лаферрьеръ, когда дебаты въ провинціальныхъ собраніяхъ принимали направленіе, несоотвѣтствующее намѣреніямъ короля, губернаторы и интенданты получали отъ министровъ (между прочимъ и Кольбера) инструкціи, въ которыхъ рекомендовалось сломить оппозицію всѣми возможными средствами, не останавливаясь передъ угрозой пустить въ ходъ l. d. c. Въ 1671 г. нѣкій графъ Гриньо писалъ Кольберу „...было бы чрезвычайно полезно, если бы Вы мнѣ прислали приказъ закрыть собраніе, присоединивъ нѣсколько l. d. c., чтобы покарать наиболѣе упорныхъ“. Отвѣтъ былъ благопріятный. Кольберъ извѣщалъ Гриньо, что король приказалъ изготовить 10 l. d. c., чтобы отправить наиболѣе неблагонамѣренныхъ депутатовъ (les députés les plus malintentionnés) въ форты Нормандіи и Бретани. На этотъ разъ, однако, дѣло не дошло до употребленія l. d. c. Собраніе въ концѣ концовъ пошло навстрѣчу всѣмъ желаніямъ правительства. См. *Laferrière*. Mémoire sur l'histoire et l'organisation comparée des Etats provinciaux aux diverses époques de la monarchie jusqu'a 1789. Въ „Mémoires de l'acad. des sciences morales et politiques de l'inst. impérial de France“. 1862. т. XI. стр. 420—421.

Не знаетъ ничего объ этомъ и Séré, осторожный авторъ статьи о Бастиліи [1]), также цитирующій это мѣсто изъ «переписки». Но несомнѣнно, что разъ существовалъ оффиціально терминъ l. d. c. en bl., долженъ былъ существовать и предметъ, носившій это имя. Въ этомъ насъ еще болѣе убѣждаетъ пикантная инструкція, данная правительствомъ въ 1765 году герцогу Эгильону, главнокомандующему Бретани. Въ инструкціи рекомендовалось поставить параламентъ, будировавшій въ это время противъ правительства, въ извѣстность, что главнокомандующій надѣленъ самыми широкими полномочіями и что, если на другой день совѣщанія опять примутъ характеръ, противный намѣреніямъ Его Величества, то онъ долженъ будетъ силой заставить регистрировать правительственный ордоннансъ. *L. d. c. en bl. готовы (sont toutes prêtes)* и 8 наиболѣе упорныхъ членовъ парламента будутъ высланы въ свои имѣнія или изгнаны изъ провинціи [2]). Для насъ особенную важность имѣютъ даже не столько подлинныя выраженія этой инструкціи, сколько сообщеніе Бабо, что указанные бланкетные приказы не были использованы и хранятся въ настоящее время въ Національныхъ Архивахъ—Archives Nationales H. 625. Это свидѣтельство является рѣшающимъ. Послѣ него оспаривать самое существованіе l. d. c. en bl. — немыслимо [3]). Въ литературѣ, впрочемъ, существуетъ еще не мало указаній на практику l. d. c. en bl. О нихъ говоритъ, напримѣръ, д'Аржансонъ въ своихъ мемуарахъ [4]), Миллэнъ

---

[1]) *Séré Paul.* La Bastille devant l'histoire. Recueil des publications de la société navraise d'études diverses. 1890. I-er trimestre. Le Havre 1890. стр. 43—113.

[2]) См. *A. Babeau.* La Province sous l'ancien régime. T. 1—2. Paris 1894. т. I, стр. 81. Бабо приводитъ и текстъ этихъ писемъ: „Mons., le trouble que Vous causez dans les déliberations de l'assemblée des trois états étant préjudiciable au bien de mon service et aux véritables intérêts de mondit pays, je vous fais cette lettre pour vous dire que vous ayez à sortir de madite ville de Nanfais cette lettre pour vous dire que vous ayez à sortir de madite ville de Nantes aussitôt après la réception de la présente, sans nul délai. Le janvier 1765. Louis и ниже Phelypeaux“.

[3]) Ф. Брентано, который, если и не знаетъ этой работы Бабо, не можетъ не знать о существованіи 8 l. d. c. en bl., хранящихся въ архивахъ, обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ.

[4]) См. *Journal et mémoires du marquis d'Argenson* publiés pour la societé de l'histoire de France par *E. J. B. Rathery* „...говорятъ—пишетъ онъ—что у архіепископа есть въ настоящее время 40 l. d. c. en bl., которыми

въ своемъ многотомномъ собраніи національныхъ древностей [1]), Шовэнъ [2]), Лабулэ въ своихъ лекціяхъ [3]). Шассэнъ въ интересномъ изслѣдованіи о наказахъ духовенства отмѣчаетъ тотъ, по истинѣ, чудовищный фактъ, что среди духовенства l. d. c. нерѣдко служили источникомъ обогащенія. Между дореволюціоннымъ епископомъ и скромнымъ сельскимъ кюрэ лежала соціальная пропасть. Ихъ глубокая вражда сказалась ярко въ предвыборной агитаціи 1789 г. Если демократически настроенный священникъ въ чемъ-либо перечилъ или не угождалъ аристократическому прелату, обычнымъ средствомъ расправы противъ него были l. d. c. Они были соблазнительны тѣмъ, что доходы пострадавшаго секвестровались и епископъ пользовался его рентой и десятиной. Прелаты, хорошо принятые при дворѣ, пишетъ Шассэнъ, заранѣе запасались l. d. c. и, какъ разсказываютъ, у кардинала де-Люинъ послѣ его смерти въ 1788 г. ихъ нашли, будто бы, до 500 [4]).

онъ можетъ располагать по своему усмотрѣнію" т. VII стр. 468. Въ другомъ сочиненіи *d'Argenson* „Considérations sur les Gouvernements anciens et présens de la France" авторъ влагаетъ свой собственный планъ реформъ въ уста короля, который и говоритъ, между прочимъ: „Quant aux ordres, qui s'expédient en notre nom et qui tendent à priver quelques uns de nos sujets de leur liberté et à les éloigner de leur état ou de leur domicile ordinaire, nous ne voulons point qu'il en soit donné sans une approbation précise de notre main, que nous n'accorderons jamais que sur le rapport au moins d'un de nos ministres, secrétaires ou conseillers d'Etat qui nous en garantira la justice et la necessité et signera sur la feuille qui nous sera présentée". Цит. по *Esmein.* Cours élementaire d'histoire de droit français. 5 édition 1903. Paris. Стр. 439, прим. 4.

[1]) „Министры—пишетъ Миллэнъ—утомленные преслѣдованіемъ Янсенистовъ давали l. d. c. en bl. „à quelques gens en place ou en crédit". См. *Millin.* Antiquités nationales ou recueil de monumens. Paris. Съ 1790 г. т. I, стр. 10. За французскими писателями легенду о продажѣ l. d. c. en bl. повторяетъ и Юнгъ: См. *A. Young.* o. c. т. II. стр. 425.

[2]) „По смерти кардинала de Luynes въ 1788—пишетъ Шовэнъ—въ его бумагахъ нашли 500 l. d. c. en bl. См. *Léon Chauvin.* L'Ancien Régime et la Révolution ou revue historique, critique et morale de l'Ancien Régime. Paris 1842. стр. 228.

[3]) *Ed. Laboulaye.* De l'administration française sous Louis XVI. „Revue des cours litteraires de la France et de l'étranger". 1868 г. № 36 стр. 580. „въ 1788 г.—пишетъ Лабулэ—послѣ знаменитаго Майскаго lit de justice, королевскій коммиссаръ въ Бретани получилъ l. d. c. en bl. для подавленія всюду начинавшихся тогда безпорядковъ.

[4]) *Ch. L. Chassin.* Les cahiers des curés. Etude historique d'après les brochures les cahiers imprimés et les procès-verbaux manuscrits. Paris 1882. L³d 318. стр. 60—61, 352.

Наконецъ, кто могъ бы быть лучшимъ судьей въ вопросѣ о l. d. c. чѣмъ тотъ, именемъ котораго совершались всѣ злоупотребленія! А можно ли рѣзче и недвусмысленнѣе говорить о фаворитизмѣ и произволѣ администраціи, чѣмъ говорилъ самъ Людовикъ XVI въ извѣстномъ уже намъ письмѣ къ Мальзербу.

Резюмируя все вышесказанное, мы признаемъ фактъ существованія l. d. c. en bl. доказаннымъ.

По тѣмъ даннымъ, которыми мы располагаемъ, можно заключить, что этотъ видъ l. d. c. игралъ въ эпоху Стараго Порядка роль чрезвычайной мѣры принужденія и, быть можетъ, въ извѣстной степени соотвѣтствовалъ тому, что мы называемъ на современномъ юридическомъ языкѣ чрезвычайными полномочіями администраціи, исключительнымъ положеніемъ и т. п. [1]. L. d. c. en bl. вручались органамъ администраціи въ тѣхъ случаяхъ, когда броженіе по мѣстамъ принимало такой характеръ, что обычныя средства административнаго воздѣйствія становились уже недостаточными. Простыя l. d. c. требовали соблюденія извѣстной процедуры. Такъ или иначе каждое l. d. c. вызывало предварительную переписку—напримѣръ, между интендантами и министрами, иногда требовало совѣщаній въ королевскомъ совѣтѣ, наконецъ, согласія короля [2]. Наоборотъ, l. d. c. en bl. можно было заготовить заранѣе въ неограниченномъ количествѣ и они были незамѣнимы для правительства въ тѣхъ случаяхъ, когда проволочка времени могла стать гибельной для престижа власти или общественной безопасности. Косвенное подтвержденіе высказаннаго нами взгляда мы находимъ въ одной реакціонной брошюрѣ, выпущенной въ моментъ предвыборной агитаціи. Брошюра эта [3], отстаивавшая принципъ неограниченнаго самодержавія,

---

[1]) Кромѣ l. d. c. en. bl. чрезвычайной мѣрой безопасности, къ которой прибѣгало правительство Стараго Порядка, служило также изъятіе дѣлъ изъ общей подсудности и передача ихъ превотальной юрисдикціи. Такой характеръ, носила, напримѣръ, королевская декларація 1775 г., передавшая всѣ дѣла по, такъ называемой, „guerre des farines“ превотальнымъ судамъ.

[2]) „Изготовленіе l. d. c.—пишетъ F. Brentano въ Парижѣ было обставлено довольно сложной процедурой; конечно она не была безусловно необходимой, но она была въ обычаѣ. Вся эта процедура оставалась секретной. *F. Brentano.* Les lettres de cachet „Revue des deux mondes“ 1892. Octobre. стр. 826.

[3]) *Délibération à prendre par le Tiers Etat dans toutes les Municipalités du Royaume de France.* 1788. $Lb^{39}789$. Брошюра почти цѣликомъ перепе-

была осуждена и сожжена парламентомъ, такъ какъ одинъ изъ ея параграфовъ (art VI) протестовалъ противъ какого бы то ни было вмѣшательства судебной власти въ законодательную дѣятельность [1]). Въ XIII параграфѣ этой брошюры неизвѣстный авторъ опредѣляетъ l. d. c., какъ чрезвычайную мѣру ограниченія личной свободы, раціональную тамъ, гдѣ наличность этой свободы является болѣе опасной для государственнаго порядка, чѣмъ примѣненіе самой мѣры. Разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ не прямо о l. d. en bl., но a priori ясно, что только послѣдній типъ l. d. c. и могъ являться дѣйствительно чрезвычайной мѣрой въ рукахъ правительства, такъ какъ, съ одной стороны, l. d. c. en bl., насколько извѣстно, вручались исключительно органамъ администраціи, съ другой стороны, l. d. c. обычнаго типа были слишкомъ общераспространеннымъ явленіемъ въ эпоху Стараго Порядка, что бы о нихъ можно было говорить, какъ о мѣрѣ чрезвычайной.

Вопросъ же о томъ, какъ часто прибѣгали къ этой чрезвычайной мѣрѣ и какъ ею пользовались, остается сейчасъ неразрѣшимымъ. На него можетъ отвѣтить только разработка матеріаловъ въ провинціальныхъ архивахъ.

Но считая фактъ существованія l. d. c. en bl. совершенно доказаннымъ, мы признаемъ, однако, голословными тѣ утвержденія, которыя говорятъ о доступности l. d. c. всѣмъ и каждому или объ открытой торговлѣ ими. Злоупотребленія, конечно, могли быть и здѣсь и мы охотно допускаемъ на основаніи знакомства со всѣмъ правовымъ строемъ дореволюціонной Франціи, что l. d. en bl. могли попадать и въ руки людей, не облеченныхъ никакой административной властью. Исторія бюрократіи всѣхъ странъ показываетъ, какъ легко, безъ надлежаще организованнаго контроля, администрація переходитъ границы даже и чрезвычайныхъ пол-

---

чатана у *Ch. L. Chassin.* Les élections et les cahiers de Paris en 1789. т. I. стр. 48—50.

[1]) Представитель обвиненія въ парламентѣ говорилъ, между прочимъ, что брошюра эта—„le fruit de l'extravagance et du délire d'une imagination trop exaltée". Этотъ пасквиль—„...le premier effort d'une anarchie prête à éclater"...„Les Loix y sont entièrement méconnus, les principes le plus vrais y sont dénaturés, les Corps le plus anciens renversés, les Etats Généraux eux mêmes réduits à une impuissance absolue"...

помочій. Но отъ отдѣльныхъ злоупотребленій еще нельзя умозаключать къ существованію цѣлой системы, къ праву каждаго располагать за небольшую, сравнительно, сумму денегъ свободой и жизнью своего согражданина. Если бы это было такъ, мы не слышали бы о безконечныхъ приставаніяхъ и выклянчиваніяхъ l. d. c. у интендантовъ даже богатыми—буржуазными и дворянскими семьями [1]). Какъ бы то ни было, l. d. c. en bl. остаются однимъ изъ величайшихъ злоупотребленій, порожденныхъ Старой Монархіей. Здѣсь не мѣсто говорить о безплодности употребленія исключительныхъ мѣръ вообще. Необходимость такого употребленія свидѣтельствуетъ прежде всего о процессѣ разложенія, начавшемся въ нѣдрахъ самого общества, а этотъ процессъ не можетъ быть разрѣшенъ чрезвычайными мѣропріятіями администраціи. Установленіе же чрезвычайныхъ положеній какъ полицейская мѣра безопасности, требуетъ такого исключительнаго такта, такого глубокаго пониманія исторической дѣйствительности, на которое неспособна самая вышколенная бюрократія. Чрезвычайными мѣрами можно на время задушить протесты и оппозицію. Но онѣ неуклонно увеличиваютъ счетъ, по которому впослѣдствіи приходится расплачиваться власти.

Попробуемъ подвести итоги нашему очерку о l. d. c.

L. d. c. были широко распространенной формой административнаго ареста, сохранившагося во Франціи и по сію пору, хотя, конечно, въ иныхъ формахъ и иныхъ размѣрахъ. L. d. c. исторгало преступника изъ рукъ судьи и отдавало его въ руки вездѣсущей администраціи. Административныя взысканія, по единодушному отзыву современниковъ, были несравненно мягче безжалостныхъ приговоровъ судовъ Старой Монархіи [2]). Поэтому, въ l. d. c. обычно видѣли смягченіе наказанія; на нихъ смотрѣли нерѣдко, какъ на знакъ особой королевской милости. Ихъ не чуждалось само су-

---

[1]) „L. d. c. были часто предметомъ „d'exagérations romanesques et de declamations mélodramatiques"—пишетъ *Marius Sepet*. Les préliminaires de la Révolution. Paris 1890. стр. 109.

[2]) См., напримѣръ, *Luçay* o. c. стр. 137. „При всѣхъ недостаткахъ-говоритъ онъ—эта система (то есть система административныхъ наказаній путемъ l. d. c.) представляла то удобство, что въ эпоху жестокаго, безчеловѣчнаго законодательства, она давала суверену возможность смягчать наказаніе для лицъ болѣе слабыхъ, чѣмъ преступныхъ.

дебное сословіе. Въ любопытномъ заключеніи одного прокурора мы читаемъ: «... въ слѣдственномъ матеріалѣ нѣтъ достаточныхъ уликъ, чтобы преслѣдовать обвиняемаго въ уголовномъ порядкѣ, но не мѣшало бы его посадить въ тюрьму, испросивъ l. d. c.» [1]). И такое заключеніе представителя судебной власти, объясняющееся, въ значительной мѣрѣ непомѣрной строгостью тогдашняго уголовнаго закона, было довольно обыденнымъ явленіемъ. Между тѣмъ, начиная уже съ Карла IX, королевскіе ордоннансы воспрещаютъ въ той или другой формѣ внѣсудебныя наказанія. «...Défendons—гласитъ напримѣръ «Ordonnance de Moulins», произведеніе знаменитаго Лопиталя—suivant les ordonnances, à tous nos juges, d'avoir aucun égard à nos Lettres closes, qui auront été ou seront ci après expédiées et à eux envoyées pour le fait de la justice» [2]).

Еще въ болѣе общей формѣ ту же мысль выражаетъ «Ordonnance sur le fait de la justice, police et finances» 22 октября 1648 года:...«...voulons aussi qu'aucuns de nos sujets de quelque qualité et condition, qu'ils soient, ne soient à l'advenir traiter criminellement que selon les formes prescrites par les loix de notre royaume et ordonnances, et non par commissaires et juges choisis....que l'on ne pourra plus tenir aucun même particulier du royaume en prison plus de trois jours sans l'interroger» [3]).

Всѣ эти ордоннансы оставались мертвой буквой и нисколько не мѣшали Людовику XIV въ оправданіе чрезмѣрнаго развитія при немъ системы l. d. c. говорить: «ими всегда такъ пользовались» (on en a usé ainsi dans tous les temps) [4]).

---

[1]) *Funck-Brentano.* Les lettres de cachet. „Revue des deux mondes“ 1892. Octobre.

[2]) Ордоннансъ этотъ, пишетъ Jean Olivier, нарушался постоянно и l. d. c. продолжали играть видную роль и въ гражданской и въ уголовной юстиціи. Однажды Бордосскій парламентъ присудилъ къ смерти одного злоумышленника. Послѣдній имѣлъ связи и семьѣ его удалось выхлопотать l. d. c. о пріостановкѣ приведенія въ исполненіе судебнаго приговора. Парламентъ ослушался и повѣсилъ преступника. Президентъ палаты и докладчикъ были истребованы ко двору, но здѣсь имъ въ концѣ концовъ удалось удалось оправдаться. См. *Jean-de-Dieu d'Olivier* o. c. т. II. стр. 53. Сами жалобщики являлись не въ судъ, а къ администраціи. См. *A. Babeau.* La province sous l'ancien regime. m. 1—2. Paris 1894, т. II. стр. 108—109.

[3]) См. *Isambert* т. XVII. стр. 92 пр. I.

[4]) *Mirabeau.* Des lettres de cachet et prisons d'état. т. I. стр. 26.

Подобныя воззрѣнія монарха, разумѣется, еще болѣе укрѣпляли безотвѣтственность дореволюціонной администраціи. Совершенно справедливо замѣтилъ Лабулэ въ одномъ изъ своихъ курсовъ, посвященныхъ Старому Порядку, что «...кромѣ трехъ властей: законодательной, судебной и исполнительной — большую роль въ старой монархіи играла еще четвертая—полицейская (police)»... Подъ ней Лабулэ понималъ власть съ «плохо очерченной компетенціей, распоряжавшуюся въ административномъ порядкѣ» [1]).

Главными органами этой власти кромѣ министровъ были главнокомандующіе и интенданты съ ихъ помощниками субделегатами.

Главнокомандующіе были замѣстителями устраненныхъ отъ фактическаго командованія въ провинціяхъ генералъ-губернаторовъ; имъ, однако, принадлежало не только командованіе и военное управленіе, но рядомъ съ интендантами они принимали самое дѣятельное и живое участіе и въ общемъ управленіи мѣстной администраціи. Главнокомандующій имѣлъ право устанавливать взысканія въ формѣ ареста и тюремнаго заключенія и налагать ихъ въ административномъ порядкѣ [2]). Губернаторы провинцій никакого реальнаго значенія въ эту эпоху уже не имѣли; ихъ мѣста были своего рода почетной, часто наслѣдственной синекурой [3]).

Компетенція интенданта простиралась на всѣ стороны внутренняго управленія кромѣ финансовой. Ему принадлежала вся принудительная и карательная полиція; какъ органъ полиціи безо-

---

[1]) *Ed. Laboulaye.* De l'administration française sous Louis XVI. Эта четвертая полицейская власть, помимо самостоятельнаго существованія, принадлежала понемногу и всѣмъ остальнымъ. Законодательная власть въ эпоху Стараго Порядка по желанію могла быть всѣмъ и осуществляла и полицейскія и судебныя функціи. Судебная власть, въ лицѣ своей высшей инстанціи—парламента, издавна тяготѣла къ присвоенію себѣ функцій и законодательной власти (регистрація законовъ и ремонстраціи). Вмѣстѣ съ этимъ ей принадлежали и многочисленныя полицейскія функціи. Практика Стараго Порядка вручала одновременно парламенту и интендантамъ и исполненіе закона и преслѣдованіе за его нарушеніе. См. *Laferrière.* Traité de la juridiction administrative. т. I. стр. 146.

[2]) *Ардашевъ* о. с. т. I. стр. 414—419.

[3]) Іегеръ называетъ ихъ „nur Repräsentanten des Feodal-Königthums und gut bezahlte Staatsfaulenzer". *Eugen Iaeger.* Geschichte der socialen Bewegund und des Socialismus. т. II. Frankreich am Vorabende der Revolution von 1789. Berlin 1890. стр. 123.

пасности онъ выступалъ помощникомъ и сотрудникомъ главнокомандующаго; онъ имѣлъ надзоръ за всѣмъ, что касалось такъ называемой «высшей полиціи» (haute police); при наличности какихъ либо тревожныхъ признаковъ, указывавшихъ, на возможность народнаго бунта или запрещенныхъ собраній, то есть всего, что могло такъ или иначе касаться государственной и общественной безопасности, интендантъ долженъ былъ немедленно доносить обо всемъ главнокомандующему, который и принималъ соотвѣтствующія мѣры [1]).

Въ нашу задачу, конечно, не входитъ разсмотрѣніе по существу функцій мѣстныхъ органовъ правительственной власти. Бѣглаго абриса ихъ компетенціи, однако, довольно, чтобы видѣть, какими обширными рессурсами они обладали и какое широкое поле для самоуправства открывалось передъ ними—при отсутствіи контроля, разнообразіи и неопредѣленности ихъ функцій [2]) и, наконецъ, невозможности, обжаловать дѣйствія администраціи [3]). «Въ административныхъ судахъ, говоритъ Токвиль, разбирались всѣ процессы, въ которыхъ заинтересована государственная власть. Интенданты очень тщательно заботятся, чтобы эта исключительная юрисдикція непрерывно расширялась» [4]).

---

[1]) См. *Ардашевъ* о. с. I, стр. 580—584. „Дѣйствительная правительственная власть всецѣло принадлежала интенданту“—говоритъ *Токвиль* о. с. кн. II, гл. II, стр. 52.

[2]) Нѣкоторые историки, какъ, напримѣръ, Бабо видятъ въ этомъ сосуществованіи органовъ власти съ неопредѣленными, а потому часто неограниченными полномочіями, какъ губернаторовъ, парламента, интендантовъ—реальныя выгоды. При отсутствіи свободной печати это разнообразіе органовъ власти и неопредѣленность ихъ функцій создавали какъ бы взаимный контроль... Если ихъ согласіе было выгодно для правильнаго теченія дѣлъ, то раздоры могли предупредить, исправить или парализовать въ извѣстныхъ случаяхъ произволъ, пагубный одинаково для государства и управляемыхъ. *A. Babeau.* La province sous l'ancien régime. т. I. стр. 325.

[3]) „Власть интенданта—пишетъ проф. Герье—была похожа на военную администрацію, которой подчинена страна во время осаднаго или военнаго положенія, при чемъ прежнія власти, хотя и не перестаютъ существовать, но принуждены смолкнуть. См. *В. Герье.* Идея народовластія и французская революція 1789 года. 1904. стр. 21. Этимъ, разумѣется, не умаляются положительныя заслуги дореволюціонной администраціи. Объ этомъ см. особенно *A. Babeau.* La province sous l'ancien régime и сочиненіе проф. *Ардашева* о. с.

[4]) *Токвиль* о. с. кн. II. гл. IV. стр. 70.

Центральное правительство нерѣдко должно было вмѣшиваться, чтобы умѣрить пылъ черезчуръ ретивыхъ мѣстныхъ администраторовъ [1]).

Наконецъ, громадной, иногда прямо дискреціонной властью въ Старой Монархіи обладала и собственно-полиція. Французская, особенно Парижская полиція въ XVIII-мъ вѣкѣ пользовалась блестящей репутаціей. Ея организація считалась образцовой и возбуждала всеобщее удивленіе. Екатерина II-я обращалась за совѣтами къ Парижскимъ лейтенантамъ полиціи. Марія Терезія прислала Парижской полиціи рядъ вопросныхъ пунктовъ (16), на что въ отвѣтъ ей былъ отправленъ цѣлый мемуаръ, заимствовавшій общія начала изъ «Esprit des Lois» и показавшій, что лейтенанты полиціи Старой Монархіи дѣйствительно стояли на высотѣ задачи [2]). Значеніе лейтенантовъ полиціи было громадно; оно ни въ чемъ не уступало, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, значенію вліятельныхъ министровъ [3]). Для жителей Парижа лейтенантъ былъ, по выраженію Бабо, одновременно «le despote et le père» [4]). Это вліяніе въ значительной мѣрѣ усугублялось тѣмъ, что на посту лейтенанта полиціи послѣдовательно перебывалъ цѣлый рядъ людей,
если и не талантливыхъ, то, во всякомъ случаѣ, ловкихъ и энер-
гичныхъ. Изъ нихъ особенно можно назвать Сартина, Аржансона,

---

[1]) См., напримѣръ, *Hippeau* o. c. т. II. стр. 201 или *Rousset. C.* Histoire de Louvois. T. I—IV. Paris. 1861—1863. L^{27}n. 13023. т. III. гл. VII.

Фактическая безотвѣтственность мѣстной администраціи породила свое-
образную психологическую диверсію, въ силу которой всѣ неудачныя или не-
популярныя правительственныя мѣры приписывались исключительно тому или
другому министру, никогда—королю. Парламентъ въ разгарѣ своей борьбы съ
королевской властью обвиняетъ постоянно министровъ въ злоупотребленіяхъ
именемъ короля, систематическомъ предательствѣ его, но никогда не рѣшается
выступить непосредственно противъ самого короля. „Despotisme ministeriel"—было
самымъ любимымъ и затасканнымъ выраженіемъ парламентскихъ ремонстра-
цій и оппозиціонно настроенныхъ листковъ. Такое отношеніе, конечно, въ зна-
чительной степени объясняется и безличіемъ самого Людовика XVI-го.

[2]) *„La Police de Paris en 1770"*. Mémoire inédit composé par ordre
de *G. de Sartine* sur la demande de Marie-Thérèse. Въ „Mémoires de la so-
cieté de l'histoire de Paris et et de l'Ile de France" tome V (1878). Paris
1879. см. особенно стр. 4—11.

[3]) См., напримѣръ, *Mercier*. Tableau de Paris. т. 1—2. Paris 1781. т. I стр. 85.

[4]) *A. Babeau.* Paris en 1789. Paris 1889. стр. 424.

Ленуара. Особенной славой пользовался всесвѣтно извѣстный Сартинъ, безконтрольно управлявшій Парижемъ почти въ теченіе 15 лѣтъ [1]). Благодаря ему, благоустройство Парижа поднялось на небывалую до того высоту.

Но рядомъ съ общественными заслугами дореволюціонной полиціи въ ея дѣятельности крылось немало и темныхъ сторонъ, которыхъ не могутъ искупить удачныя мѣры по оздоровленію города или улучшенію его путей сообщенія. И наиболѣе темной стороной было безапелляціонное хозяйничанье полиціи въ области личной свободы и свободы печати.

Не зная никакого контроля, легко добывая королевскіе l. d. c., полиція, въ свою очередь, могла быть страшной угрозой для общественной безопасности. Полицейскій арестъ производился безъ всякихъ стѣсненій [2]), печать преслѣдовалась безпощадно. Сартинъ и особенно Ленуаръ уничтожали цѣлыя изданія, превосходя своей ретивостью и нетерпимостью реакціонный парламентъ [3]).

Содержаніе дореволюціонной полиціи, благодаря обилію агентовъ, поглощало громадныя средства. Ленуаръ, смѣнившій Сартина въ 1774 г., имѣлъ, напримѣръ, въ своемъ распоряженіи до 30.000 полицейскихъ агентовъ. Съ такой арміей Ленуаръ имѣлъ право самодовольно говорить: «Помните, что гдѣ бы васъ ни собралось трое, я буду между вами» [4]). Шпіонили не только за людьми, но и за письмами. При этомъ, въ большинствѣ случаевъ, имѣлись въ виду не государственные или политическіе интересы, а просто удовлетвореніе любопытства какой-нибудь коронованной особы. Однимъ изъ величайшихъ удовольствій, напримѣръ, Людовика XV-го было слѣдить за скабрезными похожденіями или интимными интригами какого нибудь извѣстнаго въ Парижѣ лица.

---

1) Съ 1759 по 1774 г. Про него говорили, что онъ владѣлъ, „en circonspection, en discrétion, en souplesse tous les menus talents de la mediocrité“. См. *Lavisse et Rambaud*. Histoire générale du IV. siècle à nos jours. т. VII гл. VII стр. 365.

2) *Pierre Manuel*. La police de Paris dévoilée. Paris. т. I—II. 1793. т. II. стр. 49—51.

3) *Ibidem* т. I. стр. 23—40.

4) *Le Vicomte de Broc*. La France sous l'ancien régime. Le gouvernement et les institutions т. 1—2. Paris 1887—1889. т. I. стр. 322; см. также *Pierre Manuel* o. c. т. I. стр. 80.

Однимъ словомъ, полиція стояла внѣ законовъ и надъ законами. Въ лицѣ главныхъ лейтенантовъ полиціи (lieutenant général de police) она сама создавала законы подъ именемъ регламентовъ [1]). И личная свобода гражданъ находилась въ ея полномъ распоряженіи.

Жандармерія Стараго Порядка—maréchaussée имѣла кромѣ полицейскихъ и судебныя функціи. Первыя регулировались, главнымъ образомъ, Ординансомъ 28-го апрѣля 1778 г. [2]), вторыя Ордонансомъ 1670 г. Дѣятельность жандармеріи въ качествѣ служебнаго органа юстиціи признавалась очень полезной [3]). Раздѣлъ V-ый Ордоннанса 1778 г. трактовалъ, между прочимъ, о чрезвычайной службѣ жандармеріи, въ которой она выступала исполнителемъ спеціальныхъ приказовъ короля, министровъ, губернаторовъ, интендантовъ. Сюда относились всѣ дѣла по приведенію въ исполненіе l. d. c. Полицейская инициатива жандармеріи была очень широкой; въ ея дискреціонномъ распоряженіи находились всѣ бездомные, бродяги, нищіе и т. п.

Противъ чудовищнаго полицейскаго аппарата Старой Монархіи у всѣхъ невинно пострадавшихъ оставалось только одно прибѣжище—парламентъ, стоявшій со второй половины XVIII-го вѣка почти въ непрестанной оппозиціи къ правительству и для котораго интенданты были всегда только зазнавшимися выскочками [4]).

Основаніемъ для жалобъ, вѣроятно, немногочисленныхъ и о которыхъ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній, служила, повидимому,

---

[1]) Mounier, горячо протестовавшій противъ законодательнаго хаоса Старой Монархіи, произвола и злоупотребленій администраціи, съ негодованіемъ восклицаетъ: „не существуютъ ли генералъ-лейтенанты полиціи, только для того, чтобы ежедневно подъ именемъ регламентовъ издавать законы, продиктованные капризомъ или властолюбіемъ?“ *Mounier.* Nouvelles observations sur les états généraux de France 1789. L³⁹b 1180. стр. 192.

[2]) „*Règlement concernant la maréchaussée*“ en 14 titres, 28 Avril 1778.

[3]) Въ этомъ смыслѣ очень часто раздавались жалобы на малочисленность жандармеріи и на то, что жандармская служба очень дурно оплачивалась. См. напр., *G. F. Letrosne.* De l'administration provinciale et de la réforme de l'impôt. A Basle 1779. L⁹⁵f 18. стр. 537 и гл. XIII книги IX.

[4]) Борьба парламента съ интендантами относится уже къ 1626 г., когда парламенты впервые принесли королю свои doléances по поводу полномочій, данныхъ интендантамъ. См. *Laferrière.* Traité de la juridiction administrative. Томъ I. стр. 124.

91 ст. ордоннанса 1560 г. «et parce qu'aucuns abusant de la faveur de nos prédécesseurs, par importunité ou plutôt subreptilement, ont obtenu quelquefois des l. d. c. closes ou patentes, en vertu desquelles ils ont fait séquestrer des filles, et icelles épousées ou fait épouser contre le gré et vouloir des pères et mères et parens, tuteurs ou curateurs, chose digne de punition exemplaire; enjoignons à tous juges de procéder extraordinairement et comme en crime de rapt, contre les impétrans et ceux qui s'aideraient de telles lettres, sans avoir aucun égard à icelles» [1]).

Уже въ началѣ XVIII в. извѣстны случаи, когда полицейскіе комиссары отвѣчали за незаконныя посягательства на личную свободу гражданъ; на стражѣ частныхъ интересовъ стоялъ уже и тогда парламентъ [2]).

Merlin въ своемъ «Репертуарѣ» [3]) разсказываетъ подробности одного интереснаго процесса, относящагося къ 1769 г. Нѣкая вдова-Конде была заключена въ монастырь по ходатайству сына. Послѣднее было подписано еще нѣсколькими другими лицами; мотивомъ ходатайства было выставлено дурное поведеніе M-me Condé (femme très déréglée dans ses moeurs). Немедленно по заключеніи матери сынъ Конде въ силу ордоннанса, даннаго судьей, былъ утвержденъ въ управленіи имуществомъ своей матери подъ условіемъ представленія ежегоднаго отчета лицамъ, указаннымъ въ ордоннансѣ, и содержанія матери на свой счетъ. Вдова принесла жалобу; сынъ въ своемъ отвѣтѣ на эту жалобу позволилъ себѣ оскорбительные отзывы о матери, обвиняя ее въ проституціи. Черезъ 2 года вдова добилась освобожденія и вступила во второй бракъ. Тогда же она стала хлопотать объ отмѣнѣ судейскаго рѣшенія, въ силу котораго сынъ ея былъ введенъ во владѣніе ея имуществомъ. Въ своемъ прошеніи въ судъ она требовала признанія этого ордоннанса недѣйствительнымъ, и присужденія ей

---

[1]) Lalanne замѣчаетъ, что ст. 91-я не имѣла никакого реальнаго значенія. *L. Lalanne.* Dictionnaire historique de la France. Deuxième edition. Paris 1877, стр. 1130.

[2]) См., напримѣръ, *Peuchet.* Collection des lois, ordonnances et réglements de police. Depuis le 13-e siècle jusqu'à l'année 1818. Многотомн. Серіями. 2-я серія. т. I. Введеніе стр. XIX—XXI прим. 2.

[3]) *Merlin.* Répertoire universel et raisonné de jurisprudence т. IX стр. 801—802.

3000 ливровъ проторей и убытковъ съ сына и 1200 съ тѣхъ лицъ, которыя участвовали въ коллективномъ ходатайствѣ.

Генералъ-адвокатъ парламента Сегье далъ для просительницы въ высшей степени благопріятное заключеніе. Во-первыхъ, онъ призналъ неправильнымъ судейское рѣшеніе, такъ какъ заключеніе въ силу l. d. c. не связано съ потерей или ограниченіемъ имущественныхъ правъ; во-вторыхъ, это рѣшеніе не правильно еще и потому, что управленіе имуществомъ было ввѣрено лицу заинтересованному. Затѣмъ Сегье отнесся съ горячимъ осужденіемъ къ сыну за оскорбительныя выраженія, допущенныя имъ по адресу матери, въ отвѣтѣ на ея жалобу. Наконецъ, онъ призналъ неправильными и дѣйствія прокурорскаго надзора, не обратившаго должнаго вниманія на оскорбительный характеръ жалобы. Парламентъ постановилъ: отмѣнить судейскій ордоннансъ и сдѣлать строгое внушеніе судьѣ съ воспрещеніемъ впредь давать подобные ордоннансы; возстановить честь потерпѣвшей, взыскать въ ея пользу съ сына 600 ливровъ и съ другихъ отвѣтчиковъ—400, сдѣлать надлежащее внушеніе прокурору, судебныя издержки возложить на участниковъ коллективнаго ходатайства.

Въ 1770 г. нѣкая графиня Лансизъ также выиграла процессъ противъ виновниковъ своего заключенія, благодаря заступничеству Парижскаго парламента [1]).

Нерѣдко парламенты выступали съ защитой личной свободы и по собственной иниціативѣ.

Такъ, напримѣръ, въ 1779 г. Руанскій парламентъ постановилъ освободить изъ тюрьмы одно лицо, заключенное по распоряженію главнокомандующаго—герцога д'Аркура. Послѣдній узналъ объ этомъ уже тогда, когда самъ далъ приказъ объ его освобожденіи. Тѣмъ не менѣе рѣшеніе парламента онъ счелъ за личное себѣ оскорбленіе и обратился къ центральному правительству съ жалобой на парламентъ. Королевскій Совѣтъ кассировалъ постановленіе парламента и предписалъ вернуть уже освобожденное лицо опять въ тюрьму; конечно, это объяснялось лишь желаніемъ

---

[1]) См. *Guyot M.* Répértoire universel et raisonné de jurisprudence civile, criminelle, canonique et bénéficiale. Paris 1785. т. X стр. 480. См. также *Merlin* o. c. т. IX, стр. 802.

проучить зарвавшійся парламентъ, такъ-какъ главнокомандующій немедленно же привелъ въ исполненіе свое прежнее распоряженіе [1]).

Но всѣ эти случаи парламентскаго заступничества были, хотя и счастливыми но, вѣроятно, весьма рѣдкими исключеніями. Даже въ послѣдней четверти XVIII-го вѣка, когда нравы администраціи, по отзыву современниковъ, значительно смягчились, когда самоуправство начинаетъ постепенно уступать мѣсто сознательной, планомѣрной дѣятельности правительства и администраціи, послѣдняя была все же слишкомъ защищена противъ безправной личности. И едва ли въ эту вѣками сложившуюся систему могла внести серьезныя измѣненія практика парламента, видѣвшаго въ своихъ заступничествахъ гораздо болѣе ловкій тактическій пріемъ для снисканія себѣ популярности, чѣмъ сознательное и честное служеніе интересамъ личности [2]).

Итакъ, l. d. c. стояли внѣ закона и надъ закономъ. Они глубоко развратили и общество и администрацію. Въ первомъ они систематически воспитывали неуваженіе къ закону и судебной власти, вселяли увѣренность въ возможность ускользнуть отъ правосудія, что, въ свою очередь, вносило неустойчивость въ его отправленіе и утверждало неравенство между родовитымъ и захудалымъ, богатымъ и бѣднымъ [3]). Администрація же привыкала

---

[1]) Этотъ случай, заимствованный у *Hippeau* цитируетъ, между-прочимъ, проф. *Ардашевъ* о. с. т. I. стр. 419. пр. 4.

[2]) Millin справедливо замѣчаетъ, что парламентскіе протесты противъ незаконныхъ заключеній были не столько данью гуманнымъ идеямъ, сколько военнымъ крикомъ (cri de guerre) противъ администраціи. См. *Millin*. Antiquités nationales ou recueil de monuments. Paris. т. I. стр. 11.

[3]) „Обычай пользоваться l. d. c. такъ глубоко вкоренился въ нравы нашего общества—гласила знаменитая ремонстрація (des aides) 14 Авг. 1770 г. устами Мальзерба—что всякій, пользующійся извѣстнымъ значеніемъ, счелъ бы ниже своего достоинства искать защиты и возмездія за какую-нибудь обиду въ общихъ судахъ. Эти приказы, подписанные Вашимъ Величествомъ, часто наполнены такими именами, о которомъ В. В. никогда не могли и знать... Ими располагаютъ не только министры, но и всѣ ихъ помощники“... Ремонстрація кончается фразой, ставшей классической: „Il en résulte, Sire, qu'aucun citoyen dans votre royaume n'est assuré de ne pas voir sa liberté sacrifiée à une vengeance; car personne n'est assez grand pour être à l'abri de la haine d'un ministre, ni assez petit pous n'être pas digne de celle d'un commis des fermes“. См. *Flammermont*. Le chancelier Maupeou et les parlements. Paris 1883 стр. 58—59. См. также *Répertoire général alphabéthique du droit fran-*

считать себя всемогущей. Она смотрѣла сама и пріучала смотрѣть другихъ на личную свободу не какъ на право, равно принадлежащее всѣмъ, а какъ на особую королевскую милость. Своимъ непрестаннымъ вмѣшательствомъ въ домашнюю жизнь она развращала семью. На администрацію привыкли смотрѣть, какъ на необходимаго пособника въ семейныхъ дрязгахъ. И тѣмъ не менѣе, семейные l. d. c., какъ мы уже говорили выше, въ значительной мѣрѣ удовлетворяли потребностямъ тогдашняго общества. Оно ихъ не только терпѣло, но видѣло въ нихъ вѣрное средство для укрѣпленія семейныхъ связей и насажденія добрыхъ нравовъ.

Совсѣмъ иное—тѣ l. d. c., которые, какъ форма административнаго ареста или административной ссылки, примѣнялись по инпціативѣ самой администраціи и служили орудіемъ политическаго преслѣдованія. Уже при Людовикѣ XV-мъ вызываютъ они противъ себя непрестанные протесты. Позже, когда общество и власть открыто становятся въ враждебныя отношенія другъ къ другу, когда всѣ правительственныя начинанія встрѣчаются уже съ недовѣріемъ, l. d. c. становятся въ глазахъ передовыхъ слоевъ тогдашняго общества своеобразной рекламой. Люди, пострадавшіе отъ нихъ, окружаются ореоломъ мученичества [1]). При Людовикѣ XVI-мъ, особенно къ концу его царствованія, многочисленная памфлетная литература, обязанная своимъ происхожденіемъ заграничнымъ станкамъ, постоянно возвращается къ вопросу о l. d. c. и жестоко громитъ эту ненавистную форму деспотизма.

Наиболѣе значительнымъ изъ этихъ памфлетовъ былъ знамени-

çais par Carpentier et Frèrejouan du Saint. Paris 1892. т. XXVI, стр. 438. Въ 1786 г. въ Парижѣ съ большимъ успѣхомъ циркулировало письмо Cogliostro, въ которомъ l. d. c было посвящено нѣсколько патетическихъ строкъ: „Французы, вы имѣете все, чтобы быть счастливыми: благодатную почву, мягкій климатъ, доброе сердце, восхитительную веселость, умъ, ласковость. Вамъ недостаетъ, добрые друзья, права спокойно спать, когда вы безупречны. См. *Hippeau* o. c. т. IV стр. 279. Не лишенъ мѣткости также разсказъ про графа Лорогэ, который, когда ему отвѣтили на вопросъ, гдѣ король — онъ охотится за оленями—сказалъ: „Est que ne les faisait-il arrêter par l. d. c.?“ См. *Barni Jules.* Histoire des idées morales et politiques en France au XVIII siècle. T. 1—2. 1865 - 1867. т. I, стр. 38.

[1]) *Mounier.* Recherches sur les causes qui ont empêché les François de devenir libres. T. I—II. Genève. т. I. стр. 15.

тый двухтомный трактатъ Мирабо, написанный имъ въ Венсенской тюрьмѣ [1]).

Трактатъ, какъ и всѣ произведенія Мирабо, написанъ нѣсколько расплывчато, съ отсутствіемъ той силы и опредѣленности, которыя характеризуютъ Мирабо, какъ оратора [2]). Но и въ немъ сказались нѣкоторыя лучшія стороны его дарованія: искренность, страстность, блескъ изложенія, наконецъ, широкая, хотя и нѣсколько случайная эрудиція [3]).

Не раздѣляя предразсудковъ своего времени, Мирабо назы-

---

[1]) *Mirabeau.* Des lettres de cachet et des prisons d'état. Ouvrage posthume composé en 1778. Hambourg 1782. v. 1—2. $L^{39}b$. 319. Londres—обозначеніе фальшивое, такъ какъ Мирабо въ это время скрывался отъ преслѣдованій. См. объ этомъ трактатѣ также у *Iobez A.* La France sous Louis XVI. т. 1—3. Paris 1877—1893. $L^{39}b$ 11203. т. II. стр. 563—568. Мирабо, конечно, былъ достаточно компетентнымъ судьей въ вопросѣ о l. d. c. Извѣстно, что отецъ его, разрѣшавшій всѣ свои семейныя затрудненія помощью l. d. c., исходатайствовалъ ихъ всего противъ жены и дѣтей—59; изъ нихъ 22 приходилось на долю старшаго сына.

[2]) Необходимо, впрочемъ, имѣть въ виду тѣ исключительно неблагопріятныя условія, въ которыхъ Мирабо писалъ свой трактатъ. Заключеніе его было суровое, бумаги узнику не давали и Мирабо заносилъ свои мысли, на бѣлые листы, вырванные изъ книгъ, которыя онъ получалъ читать. Но и здѣсь, благодаря своему неотразимому обаянію, Мирабо удалось добиться смягченія нѣкоторыхъ строгостей тюремнаго режима. Вынужденное бездѣйствіе позволило Мирабо продѣлать громадную литературную работу. За три года имъ написанъ цѣлый рядъ трактатовъ и мемуаровъ. См., напр.. *А. Мезьеръ.* Мирабо. Спб. 1898. стр. 52—55.

[3]) Какое впечатлѣніе произвело это сочиненіе даже на Людовика XVI можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ его письма 28-го Декабря 1876 г. къ Мальзербу: „...L'ouvrage de M. de Mirabeau sur les prisons d'Etat, que je lu avec attention, renferme des vues profondes: je regrètte vivement que l'auteur par son inconduite m'empêche de croire a ses principes philanthropiques. Il n'en faut pas moins, mon cher Malesherbe, profiter de tout ce que vous trouverez d'utile dans son ouvrage; puis bien se convaincre des abus et rémedier promptement au mal. Présentez-moi donc vos vues régénératrices dans cette partie et je me ferai un devoir de les méditer“. Louis XVI. o. c. т. II. стр. 85—86. О впечатлѣніи, произведенномъ сочиненіемъ Мирабо на общество см. *Francisque Mège.* Les Cahiers des paroisses d'Auvergne en 1789. Clermont-Ferrand. 1899. стр. 30—31. „...Die persönlichen Erfahrungen—пишетъ біографъ Мирабо про его сочиненіе—die der Verfasser auf diesem Felde seit Jahren gemacht hatte, geben seiner Darstellung einer der Nachtseiten des vorrevolutionären Staates eine individuelle Färbung von unwiderstehlicher Kraft“. *Alfred Stern.* Das Leben Mirabeaus. т. I. стр. 130.

ваетъ пользованіе l. d. c., съ какой точки зрѣнія бы ихъ ни разсматривать, тиранніей. «Ихъ кажущаяся польза фиктивна — восклицаетъ онъ—и никогда не можетъ уравновѣсить ихъ «incoveniens terribles» [1]). «Защитники ихъ обыкновенно ссылаются на давнее употребленіе, которое, якобы, является ихъ высшей санкціей. Но—возражаетъ Мирабо—давнишнее злоупотребленіе остается злоупотребленіемъ (un long abus est un abus)...» [2]). ...Наконецъ, эта прерогатива власти всегда оспаривалась наиболѣе просвѣщенными гражданами и высшей магистратурой; лишь къ началу XVIII в. относятся первыя попытки узаконить l. d. c. Менѣе всего служатъ они какимъ либо государственнымъ надобностямъ; они прежде всего—орудіе домашней мести. На 10 заключенныхъ государствомъ приходится 100 заключенныхъ семьей» [3]). Горячо обрушивается Мирабо и на общераспространенный предразсудокъ своего времени, что l. d. c. спасаютъ семью отъ позора. «Но что же—спрашиваетъ возмущенный Мирабо—вызываетъ стыдъ? Преступленіе или наказаніе? [4]). И въ чемъ заключается милость? Въ томъ, чтобы дать умирать медленной смертью, сто разъ болѣе жестокой, чѣмъ топоръ палача? Настоящая милость заключалась бы въ томъ, чтобы дать заключенному всѣ средства законной защиты, а не осудить его на молчаніе мертвыхъ...» [5]).

Но и могучій голосъ Мирабо блѣднѣетъ предъ силою того протеста, который заявляютъ въ послѣдней четверти XVIII-го вѣка

---

[1]) *Mirabeau* o. c. т. I, стр. X. Однако въ другомъ мѣстѣ Мирабо считаетъ возможнымъ сохранить l. d. c. на тотъ случай, когда они „могутъ оказаться полезными". См. т. I. гл. XIV, стр. 347.

[2]) *Ibidem.* т. I, стр. 5.

[3]) *Ibidem.* т. I гл. V стр. 92. Вся VI-я глава I-го тома посвящена вопросу о незаконныхъ заключеніяхъ.

[4]) *Ibidem.* т. I гл. XIV, стр. 349. Незадолго до революціи „Société des Arts" въ Мецѣ предложило тему для конкурса: „Un Essai contre le préjugé qui étend à la famille des condamnés l'opprobre de leur châtiment". Премію получилъ Робеспьеръ. См. *L. Blanc.* Histoire de la Révolution française. т. XI.

[5]) *Ibidem* т. I. гл. XIV стр. 355—357. Между прочимъ, Барбье разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, что въ Апрѣлѣ 1743 г. разнесся слухъ, что l. d. c. уничтожены королемъ. Слухъ этотъ вызвалъ всеобщую радость. *Barbier.* Journal ou Chronique de la régence et du règne de Louis XV. (1718—1763). v. 1—8 Paris. 1866 т. VIII стр. 258.

противъ правительственнаго деспотизма Парижскій, а за нимъ и провинціальные парламенты [1]).

Чтобы уяснить и оцѣнить ту роль, которую сыграли парламенты въ борьбѣ за укрѣпленіе гарантій личной свободы, мы должны хотя бѣгло пересмотрѣть ихъ отношенія къ правительственной власти въ послѣднюю пору Стараго Порядка.

Та громадная политическая роль, которую игралъ парламентъ въ XVIII вѣкѣ, явилась исторически результатомъ своеобразной доктрины, возникающей еще въ концѣ XVI в. Въ 1576 г. на Штатахъ впервые была высказана мысль, что парламентъ есть «une sorte des trois Etats raccourcie et aux petit pied», т. е. парламентъ являлся естественнымъ представителемъ націи на то время, когда не собраны Штаты [2]). Эта идея, первоначально бывшая простой, теоретической формулой, становится знаменемъ, подъ которымъ группируются парламенты съ закрытіемъ послѣднихъ генеральныхъ Штатовъ въ 1614 г. Скоро она получаетъ могучую поддержку въ новой теоріи, выдвинутой въ пылу борьбы съ королевской властью самими парламентами.

Новая теорія заключалась въ томъ, что всѣ парламенты образуютъ какъ бы единый парламентъ и въ отдѣльности принадлежатъ лишь къ разнымъ классамъ. Такимъ образомъ, постепенно сложилась идея о единомъ и постоянномъ представительствѣ націи въ лицѣ совокупности всѣхъ парламентовъ. Общепризнаннымъ вождемъ ихъ былъ, конечно, Парижскій парламентъ [3]). Простую

---

[1]) Въ 1781 г. въ Реннѣ возникло чрезвычайно оригинальное учрежденіе—агентство по освобожденію заключенныхъ по l. d. c. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ функціонировало это своеобразное общество. *Дюрюи* o. c. стр. 265—266. Подобныя же задачи ставили себѣ нерѣдко и масоны. Одинъ изъ членовъ знаменитой масонской ложи „Neuf soeurs“—аббатъ Реми, сдѣлалъ своей спеціальностью даровую защиту невинно пострадавшихъ. Его примѣръ нашелъ въ „Neuf soeurs“ многочисленныхъ подражателей. См. *Louis Amiable*. Une loge maçonnique d'avant 1789. La R.·. L.·. Les Neuf soeurs. Paris. 1897. стр. 207.

[2]) *Jean-de-Dieu-d'Olivier* o. c. т. I. стр. 20—21.

[3]) Разумѣется, это воззрѣніе съ самаго начала встрѣтило горячій отпоръ со стороны королевской власти. Въ lit de justice 7-го Сентября 1770 г. парламентамъ разъ навсегда было запрещено пользоваться терминами „d'unité, d'indivisibilité, de classes“. См. *Voltaire*. Histoire du Parlement de Paris. Глава LXIX стр. 771—772.

формальную процедуру, издавна принадлежавшую парламентамъ, именно регистрацію законодательныхъ актовъ [1]), благодаря умѣлой и настойчивой политикѣ и глубокой солидарности между собой, они превращаютъ постепенно въ чрезвычайно важное право — право контроля за всѣми законодательными актами (droit de vérification). Парламенты начинаютъ провѣрять (vérification) законы, поступающіе къ нимъ для регистраціи и дѣлаютъ такъ называемыя представленія (rémontrances) въ тѣхъ случаяхъ, когда новый законодательный актъ нарушалъ, по мнѣнію парламентовъ, въ чемъ либо исконную «конституцію» страны [2]).

Въ этихъ представленіяхъ парламенты, обосновывая свои протесты на принципахъ естественнаго права, защищаютъ, по преимуществу, свои сословные интересы и привилегіи. Н. тѣмъ не менѣе, ремонстраціи, благодаря энергіи парламентовъ и горячей поддержкѣ ихъ со стороны общественнаго мнѣнія, становятся къ серединѣ XVIII в. самымъ страшнымъ противникомъ королевскаго абсолютизма. Въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство хотѣло сломить до-

---

[1]) Регистрація была необходима въ цѣляхъ широкаго оповѣщенія закона. Ею же правительство пыталось оправдать въ глазахъ народа нѣкоторыя непопулярныя мѣропріятія. Наконецъ, какъ справедливо указалъ одинъ писатель, признаніе правительствомъ парламентской регистраціи имѣетъ и психологическое объясненіе: правительство предпочитало насиловать согласіе, чѣмъ просто обходить его. См. статью „*Jacques de Boisgoslin*“ въ „*Dictionnaire de la politique*“ par *M. Block.* т. II стр. 216.

[2]) „...Le droit d'enregistrement—пишетъ Ж. Симонъ—était tout simplement un droit de véto; et les simples rémontrances, malgré leur nom, étaient un acte d'opposition formidable, quand il émanait d'un corps populaire, où les plus grands seigneurs du royaume et le prince même siégeaient à côté des magistrats sortis du peuple ei rendus illustres par leur caractère et leur talents“... *J. Simon.* La liberté politique. 3 éd. Paris. 1867 стр. 80. Права на контроль за правительственными актами у парламентовъ собственно не было—замѣчаетъ Лабулэ—это былъ просто очень старый обычай, возможный благодаря терпимости (tolérance) или слабости нашихъ королей. См. *Laboulaye.* De l'administration francaise sous Louis XVI. Paris. 1865 стр. 470—471. Политическія полномочія парламента—говоритъ его извѣстный историкъ Глассонъ—никогда не были опредѣлены. См. *Glasson.* Le parlement de Paris. Son rôle politique depuis le règne de Charles VII jusqu'à la revolution. Vol. 1—2. Paris 1901 т. II стр. 509. Однако, „Ordonnance concernant la discipline du parlement“ въ параграфѣ 24-мъ признаетъ за парламентами право ремонстрацій до регистраціи, при условіи, чтобы ими не прерывался обычный порядокъ дѣлъ и безъ права отмѣнять королевскую волю. См. *Isambert* т. XXIII. № 74 стр. 50—57.

садливую оппозицію и король посылалъ въ парламентъ энергическія письма съ требованіемъ немедленной регистраціи новыхъ законодательныхъ актовъ, парламентъ отвѣчалъ ремонстраціей за ремонстраціей; двери парламента закрывались, отправленіе правосудія прерывалось, глухой ропотъ общественнаго мнѣнія переходилъ постепенно въ бурные протесты противъ правительственнаго деспотизма и король... отступалъ [1]).

Правда, въ рукахъ короля оставалось еще одно чрезвычайное средство—пресловутые «lits de justice», но, какъ и всѣ чрезвычайныя мѣры, «l. d. j.» въ конечномъ счетѣ обращались противъ тѣхъ, кто прибѣгалъ къ ихъ помощи. Однако, «l. d. j.» сыграли настолько выдающуюся роль въ политической жизни дореволюціонной Франціи, что мы считаемъ нужнымъ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе [2]).

«Lit de justice» называлось торжественное засѣданіе парламента, въ которомъ присутствовалъ король для совѣщаній по особо важнымъ государственнымъ дѣламъ. Они назначались въ тѣхъ случаяхъ, когда парламентъ, несмотря на приглашеніе короля къ повиновенію (lettre de jussion) [3]), упорно продолжалъ представлять свои ремонстраціи и отказывался повиноваться волѣ короля. Король являлся въ засѣданіе въ сопровожденіи блестящей свиты, изъ

---

[1]) Провинціальные парламенты въ районахъ, подчиненныхъ ихъ юрисдикціи, также могли воспретить опубликованіе эдикта, даже если бы онъ уже получилъ исполненіе въ другихъ мѣстахъ. См. *Eug. Pierre.* Histoire des Assemblées politiques en France du 5 Mai 1789 au 8 Mars 1876. Paris 1877. т. I стр. 4.

[2]) Время возникновенія „l. d. j." историки опредѣляютъ различно, но и d'Alambert въ „Энциклопедіи" и Merlin въ своемъ „Репертуарѣ" указываютъ, что Ордоннансъ 17 Ноября 1318 г. уже предполагалъ существованіе этихъ засѣданій и регулируетъ ихъ порядокъ и форму. См. *Merlin.* Répertoire universel et raisonné de jurisprudence т. X стр. 165. Тамъ же на стр. 167—169 изложена и краткая исторія наиболѣе замѣчательныхъ „l. d. j.". См. также *L. Lalanne.* Dictionnaire historique de la France. Deuxieme édition. Paris 1877 стр. 1148.

[3]) Lettre de jussion—назывался приказъ короля парламенту приступить къ регистраціи какого-нибудь эдикта или ордоннанса или вообще сдѣлать что-либо такое, въ чемъ онъ раньше отказалъ. Если первое письмо не производило надлежащаго дѣйствія, посылались другія, которыя назывались: „itérative jussion, seconde jussion, secondes lettres de jussion" и т. д. См. *Guyot M.* Répertoire universel etc. т. IX стр. 668.

принцевъ, перовъ и придворной знати. Онъ всходилъ на специально приготовленный тронъ подъ балдахиномъ, непремѣнной принадлежностью коего было 5 подушекъ, откуда получило названіе и самое засѣданіе [1]).

Засѣданіе открывалось чтеніемъ указа, который парламентъ отказывался регистрировать, заканчивалось приказомъ короля занести только что прочитанный указъ въ парламентскій реестръ и, такимъ образомъ, совершить ту формальную процедуру, безъ которой изданіе закона по тогдашнимъ представленіямъ считалось невозможнымъ.

Затѣмъ начиналось совѣщаніе; оно велось пониженными голосами. Торжественно возвѣщенная въ началѣ засѣданія воля короля получала осуществленіе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда большинство членовъ парламента и въ этомъ чрезвычайномъ засѣданіи отказывалось принять новый указъ. По окончаніи совѣщанія собирались голоса и читалось постановленіе, согласно формулѣ: «le roi ordonne, qu'il sera procédé à l'enregistrement des lettres, dont il a été delibéré» [2]). Послѣ этого l. d. j. закрывалось и король покидалъ

---

[1]) См. *Encyclopédie* (par Diderot et d'Alambert) t. IX. Neufchaste 1765 стр. 581. *Block M.* Dictionnaire de la politique 2 edition 1884 т. II стр. 215. Впрочемъ, нѣкоторые остряки находили, что засѣданіе называлось „lit de justice“ потому, что въ немъ спало правосудіе. На старомъ французскомъ языкѣ „lit“ называлось всякое сидѣніе, покрытое балдахиномъ.

[2]) Въ „l. d. j.“ 6-го Августа 1787 г. членъ парламента Seguier два раза говорилъ послѣ чтенія эдикта объ учрежденіи „subvention territoriale“ и деклараціи о „timbre“ слѣдующую формулу: „Nous requérons qu'au pied de l'edit, dont lecture vient d'être faite, il soit mis, qu'il a été lu et publié, Votre Majesté séante en son lit de justice, registré au greffe de la cour, pour être exécuté selon sa forme et teneur; et copies collationnées envoyées aux baillages et sénéchaussées du ressort, pour y être pareillement lu, publié et enregistré: enjoint à nos substituts d'y tenir la main et d'en certifier la cour au mois“. На что garde de sceaux оба раза отъ имени короля отвѣчалъ: „Le roi séant en son lit de justice, a ordonné et ordonne que l'edit qui vient d'être lu sera enregistré au greffe de son Parlement, et que sur le repli d'icelui, il soit mis que lecture en a été faite, et l'enregistrement ordonné; ouï et ce requérant son procureur général, pour être le contenu en icelle exécuté selon sa forme et teneur, et copies collationnées envoyées aux baillages et sénéchaussées du ressort, pour y être pareillement lu, publié et registré: enjoint aux substituts du procureur général d'y tenir la main et d'en certifier la cour dans le mois. *M. U.* т. I. стр. 245—246. *A. P.* т. I. стр. 248—249.

собраніе, слѣдуя торжественному церемоніалу, выработанному для всего засѣданія до мельчайшихъ подробностей [1]).

Первоначально вѣра въ законность «l. d. j. основывалась на принципѣ: «adveniente principe cessat magistratus», но къ XVIII в. эта вѣра уже сильно пошатнулась и «l. d. j.», превратившіеся при Людовикѣ XV изъ крайняго средства правительственнаго понужденія въ обычный пріемъ борьбы съ парламентомъ, вызываютъ постоянные протесты, и со стороны самого парламента, и со стороны общественнаго мнѣнія. Члены парламента нерѣдко предпочитаютъ изгнаніе насильственной регистраціи непопулярнаго эдикта [2]).

Такъ какъ нѣкоторые изъ «l. d. j.», имѣвшихъ мѣсто въ царствованіе Людовика XVI-го, являются въ высшей степени любопытными, какъ по характеру мѣръ употребленныхъ правительствомъ для обузданія непокорныхъ членовъ парламента, такъ и по тѣмъ ремонстраціямъ, которыя вызвали эти чрезвычайныя мѣры, то мы и позволимъ себѣ бѣгло остановиться на «l. d. j.» послѣдняго дореволюціоннаго режима.

Первое «l. d. j.» совпадаетъ съ годомъ вступленія на престолъ Людовика XVI-го. Оно происходило 12-го ноября 1774

---

[1]) Подробное описаніе всей процедуры и обстановки „l. d. j.“ см. у *Charles Desmaze* o. c. гл. XVII стр. 111—113. Этому церемоніалу современниками придавалось большое значеніе. Такъ, напримѣръ, Безанваль пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „Louis XIV tint un l. d. j. entre autres, non pas avec cet appareil qui caractérise une cérémonie auguste, mais en bottes, et le fouet à la main, étant en chemin pour une chasse dans le bois de Vincennes. Il y parla de ce ton foudroyant si terrible dans la bouche d'un roi tout-puissant“. См. *Baron de Besenval*. Mémoires du ...avec notes et éclairciss. historiques par M. M. *Berville* et *Barrière*. Изъ Collection des mémoires relatifs à la revolution française. Paris 1821 т. I стр. 358.

[2]) Изгнаніе въ 1753 г. въ Понтуазъ, изгнаніе 16 Января 1771 послѣ „l. d. j.“, изгнаніе 15-го Августа 1787 г. въ Труа. Въ 1757 г., 28-го Января были изгнаны въ свои помѣстья 16 совѣтниковъ изъ Парижа. Барбье безстрастно отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „Quoi qu'il en soit, voila l'état présent: quatre évêques exilés depuis longtemps et qui le sont encore; tous les évêques renvoyés à leurs diocèses; aussi le clergé et l'Eglise sont tranquilles et ne disent mot; seize conseillers exilés et qui n'ont plus d'état, et deux grands ministres exilés. Il faut voir ce que cela produira“. См. *Barbier*. Journal ou Chronique de la régence et du régne de Louis XV (1718—1763) v. 1—8 Paris 1866 т. VI стр. 468.

года и было посвящено возстановленію парламентовъ, уничтоженныхъ въ 1771 г. Это засѣданіе, не носившее насильственнаго характера, а, наоборотъ, возстановлявшее старое «конституціонное» учрежденіе, конечно, прошло не только мирно, но и съ величайшимъ энтузіазмомъ. Рѣчи парламентскихъ ораторовъ были переполнены восхваленіями доброты короля [1]).

Черезъ полгода было назначено второе «l. d. j.» уже при гораздо болѣе тяжелыхъ обстоятельствахъ.

1774 годъ, какъ извѣстно, ознаменовался крупнымъ неурожаемъ. Въ этомъ же году министромъ сталъ Тюрго, издавшій 13-го сентября свой указъ о свободѣ хлѣбной торговли. Указъ былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ всѣми, раздѣлявшими передовыя идеи своего времени и безкорыстно служившими интересамъ народа [2]). Наоборотъ, въ средѣ спекулянтовъ и монополистовъ онъ вызвалъ величайшій переполохъ и въ результатѣ разразилась знаменитая «guerre des farines» [3]), многія стороны которой остаются

---

[1]) См. протоколъ засѣданія у *Isambert* т. XXIII № 83 стр. 73—86.
Тѣмъ не менѣе парламентская оппозиція начинается уже съ этого момента.
Парламентъ вскорѣ представилъ свои ремонстраціи по поводу нѣкоторыхъ §§-въ
„Ordonnance concernant la discipline du parlement“, особенно §§ 31 и 32,
трактовавшихъ объ организаціи временнаго трибунала для суда надъ парла-
ментской магистратурой. См. *Mérilhou.* Les parlements de Françe. Leur carac-
tère politique depuis Philippe le Bel jusqu'en 1789. Paris 1863. стр. 432—
437. „Старые члены—замѣчаетъ Глассонъ—вернулись съ старымъ настроеніемъ“.
„Ils se considéraient comme les adversaires nés et nécessaires de la royauté“
Glasson o. c. т. II стр. 352.

[2]) Извѣстно, что Вольтеръ. прочитавъ введеніе Тюрго къ его указу,
воскликнулъ: „Il me semble que voilà de nouveaux cieux et une nouvelle terre“. Поз-
же Мишле называлъ этотъ указъ „Marseillaise du blé“. См. напр. *Lavisse et*
Rambaud. Histoire générale du IV siècle à nos jours т. VIII стр. 612—614.

[3]) См. главнымъ образомъ въ спеціальной литературѣ, посвященной
Тюрго: *Foncin F.* Essai sur le ministère de Turgot. Paris 1877 (Лучшая ра-
бота о Тюрго), *Oeuvres de Turgot,* réd par Eug. Daire I. Notice historique.
Paris 1844, *Gomel Ch.* Les causes financières de la révolution française. Les
ministéres de Turgot et de Necker. Paris 1892, *A Neymarck.* Turgot et ses
doctrines. V 1—2 Paris 1885, *Аѳанасьевъ.* Очеркъ дѣятельности Тюрго. Одесса.
1886, *Его-же.* Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго. Одесса.
1884. Также *Jobez A.* La France sous Louis XVI т. I стр. 199—209, его
собственныя сочиненія—*Turgot* Lettres sur la tolérance. Oeuvres Vol. I—IX.
Paris 1808—1811 и библіографическій списокъ трудовъ о Тюрго, приводимый

невыясненными и до сихъ поръ. Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ вспыхнули безпорядки, которые приходилось усмирять военной силой.

Толпы народа ходили 2 мая на Версаль, гдѣ напуганный Людовикъ XVI послѣ долгихъ колебаній рѣшилъ появиться народу и обѣщалъ таксировать хлѣбъ, что шло совершенно въ разрѣзъ со всѣми планами Тюрго. Однако, благодаря его энергіи, въ Парижѣ спокойствіе было возстановлено быстро. Казалось, все было улажено, когда въ дѣло вмѣшался парламентъ, несочувствовавшій Тюрго и его реформамъ. Онъ расклеилъ по улицамъ Парижа обращеніе къ народу, въ которомъ приглашалъ его успокоиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ ходатайствовать передъ королемъ объ уменьшеніи цѣнъ на хлѣбъ. Послѣднее было сдѣлано въ пику Тюрго, открыто высказавшагося въ своемъ новомъ указѣ противъ какой бы то ни было регламентаціи. Тюрго велѣлъ уничтожить парламентскія афиши и предписалъ всѣ дѣла по безпорядкамъ изъять изъ вѣдѣнія общихъ судовъ и передать ихъ спеціальной юрисдикціи. Парламентъ представилъ ремонстраціи и выпустилъ новыя афиши. Тогда король, по совѣту Тюрго, рѣшилъ назначить въ Версали на 5 мая 1775 г. «l. d. j.». Въ немъ [1]) была зарегистрирована Декларація «portant attribution aux prévôts généraux des maréchaussées de la connaissance et du jugement en dernier ressort des crimes et excès y énoncés» [2]).

Декларація, останавливаясь подробно на безпорядкахъ послѣдняго времени, указываетъ на необходимость принять быстрыя и рѣшительныя мѣры. Дѣла по безпорядкамъ должны быть изъяты изъ вѣдѣнія общихъ судовъ и переданы превотальной юстиціи.

проф. *Ардашевымъ* въ сочиненіи „Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка 1774—1789". т. II стр. 210 пр. 1.

[1]) Описаніе этого засѣданія см. въ *Remontrances du parlement de Paris au XVIII siècle publiées par J. Flammermont*. V. 1—3. 1768—1788. Изъ Collection de Documents inédits sur l'histoire de France. Paris 1898 т. III стр. 267—273; *Droz*. Histoire du règne de Louis XVI pendant les années où l'on pouvait prévenir ou diriger la révolution française. V. 1—3 Paris 1858 т. I стр. 126. Текстъ Деклараціи см. въ Собраніи *Isambert'а* т. XXIII № 190 стр. 166—167.

[2]) Эта декларація была отмѣнена новой 24 Ноября 1775, регистрированной въ Парламентѣ 9 Декабря 1775 г. См. *Isambert* т. XXIII № 314 стр. 252.

Ей-же передаются начатыя парламентскія процедуры. При этихъ условіяхъ министръ юстиціи (Garde des sceaux) обѣщалъ въ самомъ непродолжительномъ времени открыть истинныхъ виновниковъ народныхъ бѣдствій [1]).

Всѣ эти мѣропріятія, однако, осуществлялись крайне нерѣшительно; слабый король не разъ спрашивалъ Тюрго — не можемъ ли мы упрекнуть себя въ принятыхъ нами мѣрахъ? Уже 11-го мая 1775 г. была издана новая королевская прокламація [2]), которая обѣщала всѣмъ второстепеннымъ участникамъ скопищъ, учинявшихъ безпорядки и грабившихъ рынки, мельницы и частное имущество, помилованіе въ томъ случаѣ, если они немедленно вернутся въ свой приходъ и вознаградятъ ограбленныхъ натурой или деньгами. Этой милости лишались только вожаки и подстрекатели. Взятымъ позже прокламація грозила смертной казнью. Наконецъ, отнынѣ воспрещалось оставлять свой приходъ, не запасшись предварительно отъ священника и синдика общины особой картой, удостовѣряющей ихъ благонадежность (bonne vie et moeurs). Виновные въ нарушеніи этого правила приравнивались къ бродягамъ и подлежали превотальному суду.

Такова — вкратцѣ исторія этого второго «l. d. j.». Оно является въ высшей степени характернымъ, какъ по цѣлямъ, которыя оно преслѣдовало, такъ и по тѣмъ средствамъ, помощью которыхъ правительство хотѣло проводить ихъ въ жизни.

О реформахъ, задуманныхъ Тюрго, не можетъ быть двухъ мнѣній. Онѣ имѣли въ виду самые существенные реальные интересы народнаго хозяйства. Ихъ задачей было—повысить благосо-

---

[1]) Что интрига имѣла свою долю участія въ движеніяхъ 1775 г. въ этомъ, повидимому, сомнѣваться не приходится. Хлѣбъ не присвоивали, а уничтожали. Нѣкоторые искусные маневры во время безпорядковъ по части уничтоженія хлѣба невольно заставляютъ подозрѣвать въ этой войнѣ реакцію монополистовъ противъ новой системы хлѣбной торговли. Вольтеръ прямо писалъ, что возстаніе организовано врагами Тюрго. См. *Foncin P.* Essai sur le ministère de Turgot. Paris 1877 стр. 108. Самъ Foncin и Аѳанасьевъ также склоняются въ пользу этого мнѣнія. Наоборотъ Jobez отрицаетъ существованіе заговора „Il n'y avait de conspiration et de parti pris nulle part". *Jobez A.* o. c. т. I стр. 208. См. также *Guyot M.* Répertoire universel et raisonné de jurisprudence etc. т. I. стр 706.

[2]) „Proclamation concernant les attroupements". См. *Isambert.* т. XXIII № 195 стр. 168.

стояніе народныхъ массъ. Передовые слои тогдашняго французскаго общества высказались за Тюрго и его реформу. Исторія утвердила этотъ приговоръ. Но реформа столкнулась съ интересами вліятельныхъ монополистовъ и спекулянтовъ, забравшихъ въ свои руки хлѣбную торговлю и созидавшихъ свое благополучіе на разореніи народа. Наконецъ, если правительство исполняло свой долгъ, проводя реформу Тюрго, и съ этой стороны заслуживало признанія всѣхъ, кому были дороги національные интересы, то съ другой стороны, оно не только умаляло значеніе своего благодѣтельнаго акта, но вызывало негодованіе и справедливые протесты характеромъ принятыхъ имъ мѣръ.

Тотъ самый консервативный парламентъ, который такъ своеобразно понималъ свою роль блюстителя народныхъ интересовъ, играя въ руку дореволюціоннымъ гешефтмахерамъ, въ тоже время вызывалъ къ себѣ глубокое сочувствіе, протестуя противъ исключительной юрисдикціи и защищая свои судейскія полномочія. Надѣляя одной рукой народъ экономическими гарантіями, правительство другой лишало его судебныхъ гарантій. Вотъ почему это «l. d. j.» въ исторіи личной свободы оставило по себѣ печальную память. И, если въ эту раннюю эпоху, напуганное безпорядками, буржуазное общество и не поддержало своимъ сочувствіемъ протестовавшаго парламента, то позже, къ концу царствованія Людовика XVI-го, самыя благодѣтельныя правительственныя реформы разбиваются о могучій протестъ всего общества за неправомѣрный характеръ ихъ проведенія [1]).

Въ январѣ 1776 г. Тюрго представилъ Людовику XVI-му на утвержденіе 6 эдиктовъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательными были: эдиктъ объ отмѣнѣ натуральной повинности (corvée) и за-

---

[1]) Я, разумѣется, далекъ отъ мысли писать исторію парламентскихъ столкновеній съ правительственною властью вообще и на „lits de justice" я останавливаюсь лишь какъ наиболѣе крупныхъ эпизодахъ парламентской оппозиціи, интересной для меня не столько an und für sich, сколько для характеристики той напряженной атмосферы, которой жила Старая Монархія въ послѣдніе годы своего существованія и той двусмысленной роли, которую играла консервативная оппозиція вплоть до самой революціи. „L. d. j." 1776 г., напримѣръ, ничѣмъ не замѣчательно въ спеціально интересующей насъ области личной свободы, но въ ряду многихъ другихъ явленій оно подготовило то мощное движеніе, въ которомъ исчезла монархія.

мѣнѣ ея общимъ поземельнымъ налогомъ, не исключая и земель привиллегированныхъ [1]) и эдиктъ объ уничтоженіи цеховъ (suppression des jurandes et maitrises) [2]).

Каждый эдиктъ Тюрго сопровождалъ объяснительнымъ мемуаромъ. Основной задачей реформы было утвердить свободу труда [3]).

Въ средѣ своихъ товарищей, за исключеніемъ Мальзерба, Тюрго не встрѣтилъ сочувствія. Въ королевскомъ совѣтѣ реформа вызвала рѣзкіе протесты. Особенно нападалъ на реформу мин. юст. Мироmenиль, ставленникъ Морепа, вошедшій заблаговременно въ соглашеніе съ парламентомъ относительно дальнѣйшаго похода на Тюрго. Послѣдній энергично защищалъ свою программу и, благодаря поддержкѣ короля, подписавшаго эдикты, оказался побѣдителемъ. Но главная оппозиція сосредоточилась въ парламентѣ. Изъ 6 эдиктовъ, отосланныхъ въ парламентъ, только одинъ былъ зарегистрированъ, всѣ остальные встрѣтили упорное сопротивленіе, при чемъ особеннымъ панегиристомъ старыхъ порядковъ явился тотъ самый Сегье, который былъ однимъ изъ самыхъ испытанныхъ и блестящихъ бойцовъ парламента за гарантіи личной свободы, давшій въ разное время цѣлый рядъ цѣнныхъ заключеній по дѣламъ о незаконныхъ арестахъ, неправильныхъ заключеніяхъ и т. п. [4]). Въ парламентѣ сословные интересы взяли верхъ и Сегье съ жаромъ возражалъ противъ ликвидаціи цеховъ, которой третье сословіе непрестанно требовало уже съ 1614 года.

Нѣсколько ранѣе, 23-го февраля, тотъ же Сегье свирѣпо обрушился на брошюру нѣкоего Бонсерва «Inconvenients des droits féodaux», написанную въ защиту идей Тюрго, а, какъ нѣкоторые

---

[1]) По прежнему были освобождены отъ налоговъ только земли духовенства, чтобы по выраженію Тюрго, „ne pas se faire deux querelles à la fois“.

[2]) Исключеніе было сдѣлано для аптекарей, дрогистовъ, ювелировъ, типографовъ, книгопродавцевъ, цирюльниковъ и парикмахеровъ.

[3]) Для исторіи этой реформы кромѣ литературы о Тюрго, указанной выше. см. *Remontrances du parlement de Paris au XVIII siècle publiées par J. Flammermont.* т. III стр. 275—324, *Martin* Histoire de France depuis les temps le plus reculés jusqu'en 1789. 4 éd. t. I—XXV т. XVI стр. 367—374, *Chérest A.* La chute de l'Ancien régime. 1787—1789. T. 1—3. Paris 1884—1886. L[39]b 11359, особенно *Gomel* o. c. гл. V и VI *и Léonce de Lavergne.* Les assemblées provinciales sous Louis XVI. Paris 1864. L[15] k 2.

[4]) См. напримѣръ, *Coffinières* o. c. т. I стр. 269—272.

полагаютъ, даже подъ его редакціей [1]). Въ этой брошюрѣ, посвященной критикѣ феодальныхъ правъ, Бонсервъ доказываетъ, что благоденствіе государства находится въ зависимости отъ свободы лицъ, вещей и дѣятельности; съ противоположнымъ порядкомъ нераздѣльно слиты мракъ, застой и невѣжество [2]). Сегье квалифицировалъ книгу Бонсерва какъ опасную и вредную.. Она способна, по его мнѣнію, возмутить общественное спокойствіе и поколебать институтъ частной собственности [3]). Парламентъ осудилъ брошюру на сожженіе и привлекъ Бонсерва къ отвѣтственности. Но въ дѣло вмѣшался Тюрго и авторъ былъ спасенъ. 4-го марта король выразилъ желаніе парламенту, чтобы дѣло Бонсерва не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій [4]).

---

[1]) См. *Martin* о. с. стр. 371. Болѣе осторожный Chérest замѣчаетъ про эту брошюру „que l'on croit inspirée par Turgot". *Chérest* о. с. т. I стр. 48.

[2]) См. *Boncerf*. Les inconvéniens des droits féodaux ou Réponse d'un avocat au Parlement de Paris, à plusieurs Vassaux des seigneuries de...de...etc Paris 1788. Lb³⁹/₂₀₃ стр. 17. Протестуя противъ крѣпостничества, Бонсервъ между прочимъ, замѣчаетъ: „Россія также изыскиваетъ способы освободить и сдѣлать собственниками своихъ рабовъ". *Ibidem* стр. 45.

[3]) См. *Iobez*. о. с. т. I стр. 344.

[4]) Парламентъ вообще отличался неутомимостью въ преслѣдованіи литературы, враждебной порядкамъ и традиціямъ Старой Монархіи. Объ отношеніи его къ свободѣ печати, а также отдѣльнымъ писателямъ см. особенно—*Monin*. Le Parlement juge des écrits et des hommes de lettres гл. VIII. 1775—1789., см. также *Barni Jules*. Histoire des idées morales et politiques en France au XVIII siècle. Т. 1—2. 1865—1867 т. I. стр. 36—37. Однако, въ послѣдніе дни Старой Монархіи, парламентъ, вступившій на оппозиціонную почву, строго осуждалъ и реакціонныя брошюры, въ массѣ появившіяся въ эпоху избирательной борьбы 1788—89 г. Такъ 17 Декабря 1788 г. Парламентъ осудилъ между прочимъ „*Délibération à prendre par le Tiers Etat dans toutes les Municipalités du Royaume de France*". 1788. Lb³⁹ 789—„à être laceré et brulé par l'executeur de la haute Justice". Въ горячей обвинительной рѣчи Сегье характеризовалъ реакціонную брошюру, какъ „le fruit de l'extravagance et du délire d'une imagination trop exaltée"... какъ „...premier effort d'une anarchie prête à éclater...Les Loix y sont entièrement méconnus, les principes les plus vrais y sont dénaturés, les corps les plus anciens renversés, les E. G. eux mêmes réduits à une impuissance absolue..." Параграфами возбудившими особенное негодованіе парламента, были очевидно: § 6 доказывавшій, что утвержденіе законовъ или отказъ въ регистраціи ихъ со стороны судовъ— чужды желаніямъ народа, такъ какъ суды вовсе не являются его представителями; § 10, гласившій, что всякое судейское постановленіе, противное волѣ, возвѣщенной королемъ, есть покушеніе на суверенную власть; наконецъ, § 13—видѣвшій въ l. d. c. *чрезвычайное* средство ограниченія лич-

Эдиктъ объ уничтоженіи барщины произвелъ среди заинтересованныхъ дворянъ и духовенства еще бо́льшую сенсацію. Въ пылкихъ ремонстраціяхъ парламентъ доказывалъ, что отъ обложенія привиллегированнаго сословія новымъ поземельнымъ налогомъ — одинъ шагъ до того, чтобы признать его подлежащимъ и натуральной повинности, а, слѣдовательно, сравнять съ податнымъ сословіемъ, ибо «nul n'est corvéable s'il n'est taillable». Такимъ образомъ, нарушаются самыя священныя права дворянъ, попирается основной принципъ «le peuple français est taillable et corvéable à volonté» [1]).

4-го марта парламентъ снарядилъ къ королю спеціальную депутацію. Людовикъ XVI ее не принялъ. Парламентъ не унывалъ и 7-го марта отправилъ вторую. На этотъ разъ Людовикъ XVI заявилъ, что, познакомившись съ парламентскими ремонстраціями, онъ не нашелъ въ нихъ ничего такого, чего бы раньше не предвидѣлъ и не обдумалъ. Этотъ отвѣтъ короля вызвалъ слѣдующую резолюцію парламента: представить Его Величеству, что Его парламентъ проникнутъ глубокою скорбью, но что вѣрность его и преданность королю и долгу службы заставляютъ его писать почтительнѣйшія обратныя ремонстраціи, дабы умолить короля, чтобы онъ соблаговолилъ лично разсмотрѣть ихъ вновь, согласно съ своей обычной благосклонностью и справедливостью [2]). Людовикъ XVI, однако, отказался слушать чтеніе обратныхъ ремонстрацій и назначилъ на 12-е марта «lit de justice». Въ этомъ l. d. j., названномъ Вольтеромъ «lit de bienfaisance», оба эдикта были зарегистрированы. Но и тутъ король со свойственной ему нерѣшительностью и непослѣдовательностью поспѣшилъ сдѣлать уступку раздраженному парламенту, сказавъ при закрытіи засѣданія, что, если опытъ обнаружитъ какія-

---

ной свободы. Все это изложено въ формѣ совѣщанія фантастическаго собранія отъ 3-го сословія. Эта брошюра почти цѣликомъ перепечатана вмѣстѣ съ относящимся къ ней постановленіемъ парламента у *Chassin*. Les élections et les cahiers de Paris т. I стр. 48—55. Главнымъ парламентскимъ цензоромъ, съ одинаковой энергіей преслѣдовавшимъ и новыя и реакціонныя идеи, былъ первый „avocat général" Парижскаго парламента—Сегье.

[1]) *Remontrances* о. с. т. III. стр. 275—324.

[2]) *Foncin* о. с. стр. 442.

либо неудобства отъ новыхъ распоряженій, онъ самъ позаботится о ихъ исправленіи (j'aurai soin d'en rémédier) [1]).

И на этотъ разъ правительство въ лицѣ Тюрго вышло изъ борьбы побѣдителемъ. Но—увы—побѣда была непрочной. 12-го мая 1776 г. Тюрго уже уходилъ въ отставку, а въ августѣ новый податливый министръ финансовъ Клюньи вернулъ къ жизни и цехи, и натуральную повинность.

Но оставаясь горячимъ блюстителемъ классовыхъ, узко-эгоистическихъ интересовъ привиллегированныхъ сословій и вѣрнымъ хранителемъ политическихъ традицій старой монархіи, парламентъ, въ области личной свободы, несомнѣнно, стоялъ на высотѣ передовыхъ идей тогдашняго общества. Ему принадлежало, какъ мы видѣли выше, либеральное толкованіе многихъ статей устарѣвшаго ордонанса. Независимо отъ соображеній, имъ руководившихъ, онъ всегда горячо протестовалъ противъ внѣзаконныхъ посягательствъ на личную свободу. L. d. c. нашли въ немъ непримиримаго врага. Какъ образчикъ его дѣятельности въ этомъ направленіи, мы можемъ указать на слѣдующій эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ августѣ 1778-го года.

24-го іюля 1778 г. въ парламентъ поступаетъ заявленіе отъ одного изъ его членовъ, въ которомъ онъ указываетъ на возмутительный случай лишенія личной свободы. Въ Montjeron 4-го іюня въ силу l. d. c. былъ внезапно арестованъ одинъ мелочной лавочникъ. На него надѣли цѣпи и бросили въ тюрьму, въ которой онъ пробылъ болѣе мѣсяца. Пострадавшій вышелъ изъ тюрьмы совершенно больнымъ и горько жаловался на суровое обращеніе съ нимъ въ тюрьмѣ и на дурное общество, которое приходилось ему въ ней раздѣлять. Авторъ заявленія горячо протестуетъ и противъ принципа пользованія l. d. c. и противъ даннаго факта насилія. Парламентъ, разсмотрѣвъ жалобу, отправляетъ къ королю сво-

---

[1]) См. исторію этого „l. d. j." и ремонстрацій въ *Remontrances* o. c. т. III. стр. 324—356 и 368—385. Вальполь, непосредственный свидѣтель реформъ Тюрго, писалъ, что „сопротивленіе парламента реформѣ—болѣе скандалёзно (scandaleuse), чѣмъ самый жестокій капризъ деспотизма", а на Вольтера это сопротивленіе дѣйствовало такъ, что, по его словамъ „его старая кровь кипѣла въ его старыхъ жилахъ". См. *F. Rocquain*. L'esprit révolutionnaire avant la révolution 1715—1789. Paris 1878 стр. 347.

его президента съ порученіемъ подробно описать Его Величеству это вопіющее дѣло. «Обязанный въ силу служебнаго долга—говорилъ парламентъ королю устами своего президента—блюсти за всѣмъ, что имѣетъ касательство къ безопасности и свободѣ вѣрноподданныхъ, особенно же тѣхъ, которые, по незначительности своего званія и положенія, могутъ найти защиту и покровительство только въ судѣ, парламентъ умоляетъ Ваше Величество сдерживать въ границахъ рѣшительной необходимости и очевиднѣйшей пользы употребленіе приказовъ, исходящихъ отъ высочайшей власти». Король отвѣтилъ, что онъ имѣлъ *свои основанія* дать l. d. c. въ данномъ случаѣ. Но что онъ даетъ теперь и будетъ давать впредь свои приказы лишь тогда, когда сочтетъ ихъ безусловно необходимыми [1]).

Эта двойственная роль парламента, съ одной стороны, энергично боровшагося противъ всякой новой правительственной инициативы, посягавшей на его сословные или имущественные интересы, съ другой, не менѣе энергично отстаивавшаго законный порядокъ противъ административнаго произвола, является характерной для дѣятельности всей консервативной оппозиціи и ея участія въ революціонномъ движеніи. Именно эта послѣдняя сторона въ дѣятельности парламента и снискала ему ту широкую популярность, которой онъ пользуется въ концѣ 80-хъ годовъ и которая часто, вопреки собственной его волѣ, влекла его къ разрушенію Стараго Порядка.

Это особенно сказалось въ парламентскихъ движеніяхъ, начинающихся съ 1787 г., и собраніи нотаблей [2]).

Созваніе нотаблей является однимъ изъ значительнѣйшихъ событій предреволюціонной Франціи [3]).

---

[1]) См. *Rémontrances* o. c. т. III стр. 442—444.

[2]) Для исторіи собранія нотаблей мы пользуемся въ нашемъ изложеніи кромѣ подлиннаго *Procès verbal de l'assemblée de notables tenue à Versailles en l'année 1787.* Paris 1788 и общихъ сочиненій эпохи—главнымъ образомъ *Gomel.* Les causes financières de la révolution française. Les derniers contrôleurs généraux. Paris 1893 и матеріалами, собранными *Тюо де Гранвиллемъ* въ первомъ томѣ коллекціи Moniteur'a (перепечат. въ I т. 1-ой серіи *A. P.* и I т. „Парламентской исторіи" *Бюшеза* и *Ру*). См. т. работы *A. Wahl'я:* a) Die Notabelnversammlung von 1787 Freiburg. 1899 и b) Vorgeschichte der französischen Revolution. Tübingen. 1907 т. II гл. 1.

[3]) „27-го Декабря 1786—пишетъ Шере — когда Людовикъ XVI рѣшилъ созвать нотаблей, открывается въ сущности первый актъ революціон-

Имъ правительство признало свою несостоятельность, свою неспособность управлять страной безъ той или иной формы національнаго представительства. Запутавшееся въ собственныхъ противорѣчіяхъ, непослѣдовательное, не имѣвшее силъ и твердости провести въ жизнь какую-либо серьезную реформу, не смѣвшее конечно, и мечтать о бюрократической диктатурѣ или какой-либо чрезвычайной мѣрѣ, способной, если не раздавить, то заглушить на время голосъ общественнаго мнѣнія, правительство должно было, наконецъ, прибѣгнуть къ своеобразной самозащитѣ—созванію quasi — народнаго представительства. И, тѣмъ не менѣе, этимъ актомъ правительство вступало на путь революціонный, что ясно сознавало и современное общество. Впечатлѣніе, произведенное на него созывомъ нотаблей, было чрезвычайное. Сегюръ сказалъ свою знаменитую пророческую фразу о томъ, что король даетъ свою отставку, а Мирабо писалъ своему другу аббату Перигору: «Я смотрю на день созванія нотаблей, какъ на прекраснѣйшій день моей жизни; онъ безъ сомнѣнія предшествуетъ созыву Національнаго Собранія [1]).

ной драмы. Эпоха съ 1781 г.—1786 г. характеризуется реакціей и безпорядкомъ наверху, страданіями и отчаяніемъ внизу“. См. *Chérest* о. с. I. Введеніе стр. V и VI. Наоборотъ, *Beugnot* въ своихъ мемуарахъ рисуетъ Францію 1784 и 1785 г. въ самомъ розовомъ свѣтѣ: внѣшняя безопасность, богатство, урожаи, обиліе капитала въ странѣ, постепенное исчезновеніе l. d. c. изъ административнаго обихода и т. д. Цит. по *Eugen Guglia.* Die Konservativen Elemente Frankreichs am Vorabend der Revolution. Zustände und Personen. Gotha. 1890 стр. 83.

[1]) *Gomel* о. с. стр. 269. Lescure писалъ по поводу собранія нотаблей: „Mit ebensoviel Bewunderung als Dankbarkeit sieht man unseren Monarchen die Nation zu sich berufen, wie ein Vater seine Kinder kommen lässt, um ihnen seine Absichten mitzutheilen....“ *W. Oncken.* Das Zeitalter der Revolution, des Kaiserreiches und der BefreiungsKriege. Berl. 1884 т. I, стр. 54. Иностранцы смотрѣли на совершавшіяся во Франціи событія далеко не такими восторженными глазами. Умный и проницательный Mercy d'Argenteau называетъ въ письмѣ къ Кауницу первое собраніе нотаблей „....appareil assez inutile...“ *Correspondance secrète du comte de Mercy—Argenteau avec l'empereur Ioseph II et le prince de Kaunitz*—publiée par. *A. D'Arneth et J. Flammermont.* Изъ „Collect. des Documents inédits sur l'histoire de France“ т. II, стр. 68. Въ отвѣтномъ письмѣ Кауницъ пишетъ, что онъ смотритъ на это собраніе „....comme une vraie arlequinade cette ridicule chose, qu'on fait adopter au Roi....Cette assemblée est donc selon moi ce que l'on appele, sauf respect, une cacade dans toutes les formes...“ *Ibid* т. II, стр. 74. Наконецъ, Импе-

Цѣль созыва нотаблей, какъ гласило правительственное сообщеніе, заключалась въ обсужденіи мѣръ къ облегченію народа, утвержденіи порядковъ въ финансахъ, устраненіи нѣкоторыхъ злоупотребленій [1]).

Въ разъясненіи же, выпущенномъ министромъ финансовъ Калонномъ, главнымъ вдохновителемъ и лидеромъ тогдашняго правительства, собраніе оповѣщалось, что его созываютъ вовсе не затѣмъ, чтобы просить у него помощи въ томъ или другомъ видѣ, а что король, какъ милостивый отецъ, желаетъ посовѣтоваться съ избранниками своего народа объ обширныхъ мѣропрія-

---

раторъ Іосифъ II-ой въ письмѣ къ Мерси 18 марта 1787 г. пишетъ: „Il parait que cette assemblée ne pourra guère se terminer que par un coup d'autorité ou par la chute du Controleur Général, en finissant toutefois par ne rien faire“. *Ibid.* т. II, стр. 83. Въ своихъ „Considérations“ *M-me de-Staël* дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе о нотабляхъ: „Ces Assemblées de notables n'avoient d'autre pouvoir que de dire au roi leur avis sur les questions que les ministres jugeaient à propos de leur adresser. Rien n'est plus mal combiné, dans un temps ou les esprits sont agités, que ces réunions d'hommes dont les fonctions se bornent à parler; on excite ainsi d'autant plus l'opinion qu'on ne lui donne point d'issue“. *Considérations sur les principaux événemens de la révolution française.* т. I, стр. 113. Въ исторической литературѣ очень часто называютъ министерство Калонна уже эпизодомъ революціи. Проф. Герье, напр., въ прекрасной статьѣ „Народъ и правительство Франціи на исходѣ стараго порядка“ пишетъ „Министерство Калонна принадлежитъ уже къ исторіи революціи, но не потому только, что онъ предложилъ Королю созвать нотаблей, т.-е. обратился къ содѣйствію управляемыхъ, а потому, что проэктируемыя имъ реформы представляютъ рѣшительный ударъ правительственной системѣ Стараго Порядка“. *Пр. Герье* о. с. стр. 323. Противоположнаго мнѣнія придерживается, напр., извѣстный нѣмецкій изслѣдователь—Wahl. Онъ горячо оспариваетъ Сегюра, называя безсмысленными (gedankenlose Aeusserung) его вышеприведенныя слова. Нотабли—по его мнѣнію—были призваны добровольно, а потому и всегда могли быть распущены королемъ. Но, конечно, разъ король думалъ найти въ нихъ поддержку въ борьбѣ съ парламентомъ, онъ долженъ былъ дозволить имъ и нѣкоторыя вольности, сильно противорѣчившія ихъ „verfassungsmässigprekären Stellung“. *Adalbert Wahl.* Die Notabelnversammlung von 1787. стр. 17. Еще ранѣе ту же мысль высказывалъ Лоренцъ Штейнъ. „Vor allem aber—писалъ онъ—waren die Notabeln nur ein Rath für den König; sie hatten keine Art von gesetzgebender Gewalt....., das Königthum blieb absolut“. *L Stein.* Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Leipzig 1850. т. I, стр. 47. Нѣкоторые выражаются гораздо болѣе рѣзко. Собраніе нотаблей было, по мнѣнію одного французскаго писателя, „véritable escroquerie de la représentation nationale au profit du pouvoir royal.... C'étaient des élus du bon plaisir“. См. *Em. Garet.* о. с. стр. 18.

[1]) *Procès verbal* стр. I; *M. U.* т. I, стр. 175; *A. P.* т. I, стр. 182.

тіяхъ, которыя онъ хочетъ предпринять для общаго благоденствія. Такимъ образомъ, и тутъ правительство проявило свойственную ему нерѣшительность; испугавшись смѣлости своего первоначальнаго рѣшенія, оно пыталось всячески ограничить и урѣзать его послѣдующими оповѣщеніями и разъясненіями. Предполагалось, что нотабли будутъ имѣть только совѣщательный голосъ, что они легко дадутъ свое согласіе на всѣ, проектируемыя правительствомъ, мѣры и такимъ образомъ, обезоружатъ парламентъ и оппозицію. Между тѣмъ, талантливый, но необычайно безпечный Калоннъ, сочинившій чуть ли не всю реформу накапунѣ созыва нотаблей [1]), подобралъ такой составъ ихъ, что заранѣе можно было предсказать крушеніе всѣхъ правительственныхъ упованій, не говоря уже о томъ, что и самое собраніе нотаблей не освобождало правительства отъ необходимости регистрировать свои проекты въ парламентѣ.

Нотабли были созваны въ Версаль на 29-ое января 1787 г. въ количествѣ 144 человѣкъ. Господствующую группу составляли принцы, архіепископы и епископы, герцоги, пэры и маркизы Франціи. Ихъ было всего 57 человѣкъ. Затѣмъ члены и докладчики Королевскаго Совѣта и 38 представителей магистратуры, большинство которыхъ принадлежало къ парламенту. Наконецъ, остальные были депутатами провинцій или муниципальными чиновниками [2]). Такимъ образомъ, руководящее вліяніе въ собраніи принадлежало консервативной оппозиціи. Третье сословіе фигурировало въ ничтожномъ числѣ; между тѣмъ, только въ немъ правительство могло

---

[1]) Талейранъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, какъ онъ и еще нѣсколько лицъ всего за недѣлю до собранія нотаблей, по приглашенію Калонна, изготовляли его проекты. Кондорсе считалъ Калонна талантливымъ, но легкомысленнымъ. Калоннъ—пишетъ онъ—не былъ настоящимъ государственнымъ дѣятелемъ, но, онъ не былъ способенъ и на „noires machinations“. *Condorcet.* Mémoires de C. sur la révolution française extraits de sa correspondance et de celles de ses amis. Paris 1824. т. I, стр. 231. Ни одинъ человѣкъ—писала Мадамъ де Сталь—не можетъ считаться виновникомъ революціи во Франціи, но если бы хотѣли объяснить великое событіе вліяніемъ отдѣльной личности, то, конечно, революція своимъ происхожденіемъ обязана, главнымъ образомъ, ошибкамъ Калонна. См. „*Considérations*“ т. I, стр. 110.

[2]) См. *Procès-Verbal.* „Liste des Notables convoqués“ стр. 3—24; см. также *Droz* о. с. т. I, стр. 336 прим. I; *Martin* о. с. т. XVI; *Chérest A.* о. с. т. I, стр. 132—133. Шере прибавляетъ, что муниципальные представители были или дворянами или примыкали къ нимъ.

разсчитывать найти друзей реформы. Все было подготовлено для того, чтобы нанести рѣшительный ударъ правительственнымъ планамъ.

Первое собраніе нотаблей происходило 22-го февраля [1]). Мы не будемъ подробно излагать его исторіи, такъ же какъ и слѣдующихъ собраній; это выходило бы далеко за предѣлы нашей задачи. Мы попытаемся лишь вкратцѣ охарактеризовать положеніе обѣихъ борющихся сторонъ, чтобы выяснить, какъ возникали правительственные «l. d. j.» и въ какую форму отливались протесты оппозиціи.

Въ первомъ собраніи Калоннъ, какъ извѣстно, призналъ казну совершенно истощенной, и указалъ на громадный дефицитъ, расгущій ежегодно,съ которымъ, по его мнѣнію, было бы немыслимымъ бороться далѣе путемъ займовъ или мелочной экономіи. Онъ предложилъ цѣлый рядъ реформъ—уничтоженіе денежныхъ привилегій, непропорціональности въ взиманіи налоговъ въ отдѣльныхъ частяхъ государства, произвола при взиманіи «taille» и т. д. Vingtièmes онъ предложилъ замѣнить всеобщимъ поземельнымъ налогомъ, что боялся сдѣлать когда-то Тюрго. Далѣе въ программѣ Калонна стояли: свобода торговли, переложеніе натуральной повинности на денежную и пр. [2]).

Признаніе громаднаго дефицита и новая налоговая программа [3]) глубоко раздражили собраніе. Довѣріе и сочувствіе къ Калонну исчезли разомъ [4]). Когда на другой день въ засѣданіи были прочтены шесть длинныхъ мемуаровъ, посвященныхъ подробному изложенію и мотивировкѣ правительственныхъ законопроектовъ,

---

[1]) 29-го Января собраніе не могло состояться по болѣзни самого Калонна; вскорѣ послѣдовала смерть вліятельнаго члена собранія — графа Vergènes, одного изъ немногихъ, поддерживавшихъ правительство. Слѣдующія засѣданія происходили 23 февраля, 12 марта, 29 марта, 23-го апрѣля, 25-го мая.

[2]) *Procès-Verbal* o. c. стр. 44—67; *M. U.* т. I. стр. 182—191; *A. P.* т. I. стр. 189—198. *Buchez et Roux* o. c. т. I, стр. 181—204.

[3]) См. критику этихъ налоговъ съ точки зрѣнія финансовой техники у *Gomel* o. c. стр. 282—284.

[4]) „Aucun discours—справедливо замѣчаетъ Stourm—n'a condamné plus énergiquement la situation irrégulière de la noblesse et du clergé". См. *R. Stourm.* Les finances de l'ancien régime et de la révolution. Origines du système financier actuel. T. 1—2. Paris 1885, т. I, стр. 116—117.

нотабли отнеслись къ нимъ крайне враждебно [1]). Общественное мнѣніе ихъ горячо поддерживало.

Нотабли, справедливо замѣчаетъ Токвиль, были популярны не тѣмъ, что они *противились той или другой королевской реформѣ, а самымъ фактомъ сопротивленія.* Такое отношеніе націи остается неизмѣннымъ въ теченіе всей борьбы парламентской оппозиціи съ королевскою властью вплоть до созыва Генеральныхъ Штатовъ [2]).

Однако послѣ четырехъ засѣданій страсти понемногу улеглись и правительство могло уже разсчитывать на нѣкоторыя уступки со стороны нотаблей, когда Калоннъ, неожиданно для всѣхъ, опубликовалъ свою програму съ подробной мотивировкой, въ рѣзко полемическомъ тонѣ, съ грозными филиппиками противъ своихъ политическихъ противниковъ и съ апелляціями къ народу. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространился слухъ, что Калоннъ испросилъ у короля 33 l. d. c., чтобы покарать нотаблей, наиболѣе враждебно настроенныхъ къ реформѣ [3]). Все это вызвало новый взрывъ негодованія противъ Калонна, который былъ искусно использованъ, несочувственно къ нему относившимися, придворными элементами и Калоннъ палъ 8-го апрѣля [4]).

Преемникъ его Фурке просуществовалъ на своемъ посту только 21 день. Положеніе было критическое. Въ обществѣ раздавались голоса, требовавшіе созыва Генеральныхъ Штатовъ.

Вновь назначенный начальникомъ Королевскаго финансоваго совѣта (chef du Conseil royal des Finances) тулузскій архіепископъ Бріеннъ былъ умный и способный человѣкъ, но интриганъ и

---

[1]) Реформы отталкивали нотаблей не столько практической своей стороной, такъ какъ поземельный налогъ не могъ быть особенно обременительнымъ для привилегированныхъ сословій, сколько своимъ политическимъ значеніемъ— попыткой установить принципъ равнаго обложенія.

[2]) *Al. de Tocqueville* Mélanges fragments historiques et notes sur l'ancien régime, la révolution et l'Empire. Paris 1865. т. VIII стр. 78. и *Glasson* o. c. т. II, стр. 447—448.

[3]) См. *Iobez* o. c. т. III, стр. 184.

[4]) Сейчасъ-же за паденіемъ Калонна Неккеръ опубликовалъ оправдательный мемуаръ по поводу тѣхъ обвиненій, которыя Калоннъ въ обиліи расточалъ по его адресу въ засѣданіяхъ нотаблей. Такъ какъ публикація была сдѣлана, вопреки формальному приказу короля, Неккеръ былъ изгнанъ 18-го Апрѣля изъ предѣловъ Франціи. Извѣстіе объ этомъ было встрѣчено въ обществѣ съ негодованіемъ.

лишенный настоящаго чутья исторической дѣйствительности [1]). Онъ не могъ и не умѣлъ предложить иной программы, чѣмъ та, которую развивалъ Калоннъ, между тѣмъ, нотабли изъ одной боязни утратить популярность продолжали относиться къ ней такъ же отрицательно, какъ и при Калоннѣ. Наконецъ, они объявили себя некомпетентными въ установленіи новыхъ налоговъ.

Среди этихъ неурядицъ нотабли разошлись. Законопроекты предстояло провести еще черезъ парламентъ. Спачала все шло гладко: парламентъ безъ труда согласился регистрировать эдикты о свободѣ хлѣбной торговли, объ организаціи провинціальныхъ собраній и переложеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя, что уже было значительнымъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ той позиціей, которую онъ занималъ въ 1776 г. Но слѣдующій эдиктъ о «гербовыхъ пошлинахъ» возбудилъ его рѣшительное сопротивленіе. Онъ энергично протестуетъ противъ необходимости введенія новыхъ налоговъ, а въ засѣданіи 16 іюля аббатъ Сабатье при всеобщемъ одобреніи заявляетъ о необходимости для этого созыва Генеральныхъ Штатовъ. Въ этомъ смыслѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ ремонстрацій и всѣ кончаются требованіемъ созыва народныхъ представителей. Растерявшееся правительство не знало, что предпринять. Вмѣсто провалившагося эдикта о гербовыхъ пошлинахъ оно попробовало предложить парламенту регистрировать эдиктъ объ общемъ поземельномъ налогѣ въ расчетѣ, что парламентъ согласится на него изъ боязни похоронить въ противномъ случаѣ свою популярность въ широкихъ кругахъ населенія. Но правительство забыло, что у парламента теперь былъ новый могучій рессурсъ — въ видѣ требованія созыва Генеральныхъ Штатовъ. Это требованіе, находившее восторженный откликъ въ населеніи, совершенно заслоняло отъ постороннихъ глазъ тѣ реальные, эгоистическіе мотивы, которые руководили парламентомъ въ его отрицательномъ отношеніи ко всѣмъ реформамъ, посягавшимъ такъ или иначе на его сословныя преимущества. Дѣйствительно, парламентъ усмотрѣлъ въ внесеніи новаго эдикта прямой вызовъ и вотировалъ постановленіе, въ которомъ почтитель-

[1]) См. его любопытную характеристику у *L'abbé Sicard* L'ancien clergé de France. V. 1—3. Paris 1893—1903. т. II, стр. 47—50, гдѣ ему удѣлено мѣсто въ ряду другихъ „Mauvais Evêques“ (sic!).

нѣйше просилъ собрать Генеральные Штаты для установленія новаго налога. Первоначально Людовикъ XVI хотѣлъ обратиться къ излюбленному и много разъ испытанному средству—l. d. c. противъ вождей парламентской оппозиціи, но отказался отъ этой мысли подъ вліяніемъ Мальзерба и назначилъ на 6-е августа 1787 г. l. d. j. [1]). Послѣ краткаго заявленія короля, что онъ съ величайшими колебаніями рѣшился на эту крайнюю мѣру и что къ этому его понудилъ самъ парламентъ и заботы о благоденствіи государства, слово было предоставлено хранителю печатей. Изложивъ вкратцѣ исторію новыхъ налоговъ, послѣдній указалъ на значительный дефицитъ, признанный еще нотаблями. Правительству—говорилъ онъ—оставалась альтернатива: или измѣнить систему обложенія или нарушить обязательства по отношенію къ кредиторамъ. Правительство избрало первый путь. Многое изъ того, что говорилъ хранитель печатей, было, конечно, справедливо, но никакая правительственная программа уже не могла импонировать парламенту, прекрасно понимавшему, что въ своемъ требованіи Генеральныхъ Штатовъ онъ опирается на сочувствіе не только образованныхъ классовъ, но и большинства населенія Франціи. Отъ парламента говорили президентъ Алигръ и Сегье. Оба старались набросать мрачную картину положенія страны при новой налоговой системѣ.

Эдикты были регистрированы. Но уже на другой день противъ l. d. j. повсюду поднялись жестокіе протесты [2]). 7-го и 10-го августа парламентъ устроилъ спеціальныя засѣданія для обсужденія правительственной политики, а 13-го августа, послѣ долгаго совѣщанія, призналъ большинствомъ 80 голосовъ противъ 40 регистра-

[1]) См. *Remontrances,* т. II, стр. 676—688; *M. U.* т. I. стр. 241—246; *A. P.* т. I, стр. 244—249. 29-го іюля 1787 г. баронъ Безенваль писалъ Ламуаньону, министру юстиціи, о необходимости принятія рѣшительныхъ мѣръ по отношенію къ парламенту. Онъ рекомендовалъ, между прочимъ, изгнать парламентъ въ другой конецъ королевства и воспретить ему корреспонденцію. „Le coup est hardi—добавляетъ онъ—mais il en étonnera davantage et il sera d'un succès plus assuré....“ См. *Baron de Besenval.* Mémoires. o. c. т. II, стр. 237—243.

[2]) Какъ раньше, такъ и въ послѣдующемъ изложеніи мы останавливаемся исключительно на крупныхъ эпизодахъ борьбы королевской власти съ консервативной оппозиціей и, по преимуществу, на тѣхъ, которые такъ или иначе связаны съ ограниченіями гарантій личной свободы.

цію 6-го августа ничтожной. Общественное мнѣніе съ энтузіазмомъ привѣтствовало эту резолюцію. Въ ней звучалъ тотъ боевой лозунгъ, который объединялъ теперь самые разнородные слои французскаго общества—требованіе національнаго представительства. Версаль зашевелился; 13-го и 14-го шелъ совѣтъ, а въ ночь на 15-е всѣ члены парламента получили l. d. c., предписывавшіе имъ немедленно удалиться въ городокъ Труа [1]). Члены парламента безропотно покорились и встрѣтили въ Труа восторженный пріемъ [2]).

Въ Парижѣ, между тѣмъ, броженіе начиналось уже всюду. Къ протестамъ парламента присоединились протесты Cour des aides, также настаивавшаго на необходимости созыва Генеральныхъ Штатовъ и упрекавшаго правительство въ непослѣдовательности: съ одной стороны, оно созываетъ нотаблей, организуетъ провинціальныя собранія, т.-е. хочетъ такъ или иначе стать въ болѣе непосредственныя отношенія къ народу и въ то же время упорно отказывается отъ организаціи истиннаго народнаго представительства. Первоначально Бріеннъ хотѣлъ изгнать и членовъ Cour des aides съ помощью l. d. c., но этотъ планъ встрѣтилъ горячее сопротивленіе въ лицѣ Мальзерба и приведенъ въ исполненіе не былъ. 27-го августа члены парламента въ спеціальномъ постановленіи подвергли безпощадной критикѣ новый курсъ правительственной политики. Къ этому постановленію, присоединились 7 другихъ парламентовъ и въ ихъ протестахъ впервые послышались грозныя предостереженія по адресу правительства, что близорукая политика его можетъ кончиться полнымъ разрывомъ между королемъ и народомъ [3]).

---

[1]) Вотъ-содержаніе этихъ 170 l. d. c. «Mons. N. je vous fais assavoir que vous aiez à rester chez vous, à quitter Paris dans vingt-quatre heures et à vous rendre dans quatre jours à Troyes, ou je vous ferai connaître mes intentions. Sur ce, je prie Dieu, Mons. N., qu'il vous ait en sa sainte et digne garde. A Versailles, ce 14 Août 1787. Louis». См. *Monin* L'état de Paris en 1789 o. c. стр. 393.

[2]) См. *Babeau A.* Histoire de Troyes pendant la Révolution. v 1—2. Paris 1873 — 1874. L^7к 16585 т. I. стр. 33 — 50. „Il n'est pas possible— писалъ одинъ членъ парламента—d'être mieux tractés, excepté par les marchands de tout genre qui vendent tout à un prix exorbitant“ *Ibidem* стр. 43. См. т. *Emile Dard.* Un épucurien sous la Terreur. Hérault de Séchelles (1759 —1794). D'après des Documents inédits. Paris. 1907 стр. 77—78.

[3]) Въ постановленіи Безансонскаго парламента мы находимъ, напримѣръ, слѣдующее мѣсто: „des coups d'autorité sans cesse renouvelés pourraient rom-

Въ отвѣтъ на эти заявленія король назначилъ Бріенна главнымъ министромъ, а Королевскій Совѣтъ 2-го сентября кассировалъ всѣ постановленія парламентовъ съ 7-го по 27-е августа включительно. Члены парламента въ силу lettres patentes были оставлены на все время «vacances» въ Труа. Не ждавшіе такой рѣшительности отъ правительства, изгнанные члены парламента рѣшили вступить съ нимъ въ переговоры и отправили 11-го сентября отъ себя депутацію въ Версаль. Правительство было чрезвычайно довольно такимъ исходомъ дѣла и за нѣкоторыя, сравнительно ничтожныя, уступки, которыя сдѣлалъ парламентъ,—взиманіе second vingtième со всѣхъ земель,—согласилось отказаться отъ проведенія эдиктовъ о гербовыхъ пошлинахъ и поземельномъ налогѣ [1]). Парламентъ былъ возвращенъ и встрѣченъ оваціями Парижскаго населенія [2]).

Финансовое положеніе Старой Монархіи въ это время было отчаяннымъ; полумѣры и частичная экономія, которой занимался Бріеннъ, разумѣется, не могли наполнить истощенной казны; необходимость новыхъ займовъ была совершенно очевидной. Правительство было вынуждено вступить въ новую сдѣлку съ парламентомъ. Парламентъ долженъ былъ регистрировать эдиктъ о пяти послѣдовательныхъ займахъ на сумму до 420 милліоновъ, за это правительство обѣщало созвать Генеральные Штаты не позже, чѣмъ черезъ пять лѣтъ.

Заключенію этой сдѣлки и было посвящено знаменитое засѣданіе 19-го ноября 1787 г. [3]). Вначалѣ оно шло очень мирно. Хранитель печатей рисовалъ парламенту соблазнительныя картины будущаго; члены парламента, если и не настроенные особенно радужно, все же были склонны идти на уступки, памятуя свое недавнее изгнаніе и торжествуя побѣду, въ формѣ вырваннаго у правительства обѣщанія

---

pre les liens qui attachent le souverain aux sujets et les sujets au souverain". *Gomel. Ch.* Les causes financières de la révolution française. Les derniers contrôleurs généraux. Paris. 1893 стр. 375—376.

[1]) Королевскій Указъ объ отмѣнѣ этихъ 2 эдиктовъ, регистрированныхъ парламентомъ 19 сентября 1787. см. *M. U.* т. I, стр. 255—256; *A. P.* т. I, стр. 257—258.

[2]) См. *Glasson* o. c. т. II. стр. 459.

[3]) См. *Chérest'a, Iobez'a, Droz'a, M. U.* т. I, стр. 262—269; *A. P.* т. I, стр. 264—270.

созвать Генеральные Штаты не позже 1792 г. Когда длинное совѣщаніе, продолжавшееся около 7 часовъ, подходило уже къ концу и парламентъ былъ занятъ подсчетомъ голосовъ, произошло нѣчто неожиданное. Людовикъ, не дождавшись конца баллотировки, благопріятной для правительственныхъ плановъ, напуганный, повидимому, ораторскими пріемами нѣкоторыхъ членовъ оппозиціи внезапно произноситъ формулу объ обязательной регистраціи, какъ это дѣлалось только въ l. d. j. Сильнѣйшее волненіе охватываетъ собраніе. Простое засѣданіе превращалось въ l. d. j. Напрасно возражаетъ Герцогъ Орлеанскій о незаконности такой регистраціи. Людовикъ XVI категорически заявляетъ: «L'enregistrement est légal puisque j'ai entendu les avis de tous» [1]).

По уходѣ короля парламентъ объявилъ совѣщаніе незаконнымъ и отказался отъ регистраціи правительственныхъ актовъ. Правительство немедленно приняло свои мѣры. Герцогъ Орлеанскій былъ изгнанъ изъ Парижа, а противъ нѣкоторыхъ наиболѣе рьяныхъ членовъ парламента были даны l. d. c.. 21-го ноября къ королю была отправлена парламентомъ депутація, чтобы исходатайствовать возвращеніе свободы принцу и 2 совѣтникамъ. Король высказалъ удивленіе, что парламентъ отказался отъ регистраціи

---

[1]) Существуетъ много варіантовъ этого эпизода. Въ „*Fastes civils de la France depuis l'ouverture de l'assemblée des notables.*“ т. I, стр. 451 онъ передается слѣдующимъ образомъ. Герцогъ Орлеанскій, будто бы, спросилъ: Sire, j'ose demander à Votre Majeste si la séance presente est un lit de justice?“ Король отвѣчалъ: „c'est une séance royale“. Въ „*Annales françaises*“ (стр. 128—129)—герцогъ Орлеанскій прерывающимся голосомъ замѣчаетъ: „Sire,... такая регистрація мнѣ кажется незаконной“, на что Людовикъ XVI сконфуженно бормочетъ „...Это для меня безразлично. Регистрація законна, потому что я такъ хочу“. Той же редакціи придерживается *Louis Blanc* Histoire de la révolution française. T. 1—2. Paris т. I, стр. 78. (Ниже мы цитируемъ другое—полное изданіе Луи Блана). „Но—замѣчаетъ *Martin* o. c. т. XXI, стр. 596,—la rudesse despotique du langage cachait mal l'hésitation du coeur“. „Людовикъ XVI—замѣчаетъ Ламартинъ—былъ смущенъ голосомъ, исходившимъ отъ члена его собственной семьи, и цѣлую минуту молчалъ „intimidé lui-même par l'appareil de sa propre souveraineté“... *A. de Lamartine.* Histoire des Constituants. Paris 1855. т. I, стр. 78. Нельзя, не согласиться съ тонкимъ замѣчаніемъ М. Ковалевскаго, что „Герцогъ Орлеанскій, объявляя незаконность внесенія эдикта въ протоколъ безъ предварительнаго голосованія былъ дальше отъ требованія *историческаго права*, чѣмъ Людовикъ XVI съ его: „...si...c'est légal, parce que je le veux...“ *М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи т. I, стр. 265.

акта, послѣ того, какъ совѣщаніе, продолжавшееся въ теченіе семи часовъ, показало съ полной очевидностью, что большинство было за нее. Что же касается освобожденія принца совѣтниковъ Людовикъ XVI заявилъ, что, если онъ поступилъ съ ними опредѣленнымъ образомъ то, слѣдовательно, имѣлъ достаточно къ тому вѣскія основанія [1]).

Но королевскія основанія уже не казались въ это время достаточно сильнымъ аргументомъ. И въ литературѣ и въ жизни начиналась серьезная борьба. Еще въ концѣ сентября въ Парижѣ вспыхнули уличные безпорядки [2]).

Послѣ отвѣта короля «Pairs du royaume» 24-го ноября 1787 г. представили королю длинный мемуаръ [3]), въ которомъ жалуются на воспрещеніе короля свободно посѣщать имъ засѣданія парламента, между тѣмъ какъ они въ этомъ правѣ видятъ «одну изъ самыхъ драгоцѣнныхъ прерогативъ пэріи». Въ заключеніе они требуютъ возстановленія этого права и ходатайствуютъ о возвращеніи принца и совѣтниковъ. [4]). Король счелъ нужнымъ уступить и пэры не только присутствовали въ засѣданіи парламента 7-го декабря, но и принимали участіе въ составленіи на другой день новыхъ парламентскихъ ремонстрацій. Эти ремонстраціи представляютъ для насъ крупнѣйшій интересъ. Въ нихъ парламентъ энергично протестуетъ противъ

---

[1]) Веберъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, между прочимъ, любопытный эпизодъ, заимствуемый имъ у Sallier, имѣвшій мѣсто на пріемѣ парламентской депутаціи. Генералъ-адьютантъ Сегье, состарившійся въ привычномъ почитаніи короля, сказалъ совсѣмъ тихо: „Mais cette réponse n'est cependant pas aussi dure qu'on aurait pu le craindre". Hérault de Séchelles, захлебываясь отъ смѣха, воскликнулъ: „O mon Dieu! oui! Vive notre bon roi!" *Weber*. Mémoires concernant Marie-Antoinette. T. 1—2 Nouv. édition. Paris 1822. т. I стр. 195.

[2]) О Парижскихъ безпорядкахъ и столкновеніяхъ съ вооруженной силой см. *Monin*. L'etat de Paris en 1789. стр. 482—496.

[3]) *M. U.* т. I, стр. 269—271. *A. P.* т. I, стр. 270—272.

[4]) Какимъ языкомъ говорили пэры того времени можно судить, напримѣръ, по слѣдующей тирадѣ изъ мемуара: „Les droits de la pairie sont inaltérables; ils appartiennent plus à la nation, qu'aux pairs mêmes. Les pairs seraient répréhensibles s'ils négligeaient de s'opposer aux moindres innovations dans les droits et les fonctions d'une dignité si essentielle, liée à la constitution de la monarchie".

системы l. d. c. и вообще административныхъ наказаній[1]). Не милости мы просимъ у Васъ—писалъ парламентъ въ ремонстраціи,—а правосудія.... Одна изъ аксіомъ его гласитъ: не судить, не выслушавъ обвиняемаго. Это правило—универсально... Оно также обязательно для короля, какъ и для всякаго изъ его подданныхъ. Судъ не есть функція Монарха; карая, онъ лишаетъ себя самъ своей драгоцѣннѣйшей прерогативы—права миловать[2]). Дѣло парламента судить своихъ изгнанныхъ членовъ[3])... Онъ долженъ установить ихъ вину; въ этомъ заинтересованы всѣ!... Всѣ эти сужденія—не есть измышленія парламента! Они—голосъ самой природы, голосъ священнѣйшаго изъ законовъ, того закона, который запечатлѣнъ въ сердцѣ каждаго...., закона, который ставитъ личную безопасность во главѣ всѣхъ гарантій». Въ заключеніе парламентъ требовалъ или суда надъ заключенными или ихъ немедленнаго освобожденія[4]).

Эта ремонстрація легко объясняетъ намъ ту громадную популярность, которую стяжалъ парламентъ, несмотря на свои ретроградныя тенденціи въ вопросахъ соціальной политики. Въ этотъ моментъ, когда всѣ общественныя силы готовились вступить въ напряженную борьбу съ принципомъ неограниченнаго самодержавія, всякая принципіальная оппозиція во имя свободы личности, во имя огражденія общества отъ административнаго произвола, является

---

[1]) *M. U.* т. I, стр. 272. *A. P.* т. I, стр. 279.

[2]) Судъ—гласила ремонстрація—cette pénible et dangereuse fonction, le roi ne peut l'exercer que par ses juges et les personnes qui se plaisent à voir sortir de la bouche de Votre Majesté cet redoutable mot de punition, qui lui conseillent de punir sans entendre de punir elle même d'ordonner des exils, des enlèvements, des emprisonnements, qui supposent que la bonté peut se mêler à ces actes effrayants, blessent également l'eternelle justice les lois du royaume et la plus douce prérogative de Votre Majesté"...

[3]) Изгнаніе или заключеніе судьи въ административномъ порядкѣ было въ глазахъ современниковъ не только нарушеніемъ личной свободы, но и посягательствомъ на право собственности: „Exiler le juge—пишетъ, напримѣръ, Оливье—l'arracher de sa patrie, de sa famille, de ses possessions, l'envoyer dans lieux affreux, l'emprisonner même sans lui faire son procès, et par une simple l. d. c.; c'est violer la propriété de la personne, et par conséquent la liberté!" *Jean-de Dieu d'Olivier* o. c. т. II, стр. 197.

[4]) Арестъ принца Орлеанскаго и 2 совѣтниковъ вызвалъ соотвѣтствующія ремонстраціи также и отъ провинціальныхъ парламентовъ.

знаменемъ, подъ которымъ охотно идутъ рядомъ люди самыхъ различныхъ, нерѣдко противоположныхъ имущественныхъ и сословныхъ интересовъ.

Отвѣтъ короля очень лаконичепъ: онъ сказалъ, что внимательно прочелъ ремонстраціи, но ничего не можетъ на нихъ сказать другого, чего бы отъ него не слышали раньше.

Такой отвѣтъ, разумѣется, парламента удовлетворить не могъ и въ совѣщаніи 4-го января 1788 г. онъ выработалъ новыя ремонстраціи, которыя и были представлены королю черезъ 5 дней [1]). «Не къ милости короля обращаемся мы—гласили опять ремонстраціи—а требуемъ осуществленія права. L. d. c. должны быть признаны незаконными и противными общественному правопорядку». На это 17-го февраля послѣдовалъ раздраженный отвѣтъ Людовика XVI: «Свобода моихъ подданныхъ — писалъ онъ—мнѣ также дорога, какъ и вамъ самимъ. Но я не потерплю, чтобы парламентъ возвышалъ голосъ противъ той мѣры, которой требуютъ интересы семействъ и государственное спокойствіе (l'intérêt des familles et la tranquillité de l'Etat), о которой ходатайствуютъ нерѣдко и члены судейскаго сословія и которой настоящее правительство пользуется умѣреннѣе всѣхъ предыдущихъ. Въ заключеніе король строго осудилъ выраженія парламентской ремонстраціи отъ 4-го января и запретилъ разъ навсегда представлять ему что либо подобное. Разумѣется, такое запрещеніе подлило только масла въ огонь и уже 11-го марта, парламентъ выпустилъ новую ремонстрацію, которая является важнѣйшимъ документомъ въ исторіи личной свободы предреволюціонной Франціи [2]). Еще болѣе энергично чѣмъ въ ремонстраціяхъ 8-го декабря и 9-го января парламентъ требуетъ здѣсь совершеннаго уничтоженія l. d. c.

«При одномъ этомъ словѣ—писалъ парламентъ сердца сжимаются отъ ужаса, мѣшаются мысли. Что сказать о власти, располагающей людьми безъ суда, бросающей ихъ по капризу въ густой мракъ, куда также не проникаетъ лучъ дня, какъ око закона, крикъ природы, голосъ дружбы! Той власти, душа которой—тайна, право—насиліе... И этой властью безконтрольно хозяйничаютъ министры,

---

[1]) См. *Droz* o. c. т. II стр. 47. Также *Laboulaye*. De l'administration française sous Louis XVI etc. Paris 1868. № 32.

[2]) *Remontrances*. т. III стр. 713—720.

чиновники, полицейскіе агенты... Человѣкъ рожденъ свободнымъ. Свобода не привиллегія, а неотъемлемое право каждаго и уважать это право—долгъ всякаго правительства! Правосудіе и свобода! Въ нихъ—основа всякаго общества, фундаментъ закономѣрной власти... L. d. c. обращаютъ правосудіе и свободу въ химеру, пустой звукъ. Максима французской монархіи гласитъ: ни одинъ гражданинъ не можетъ быть заключенъ въ тюрьму безъ соотвѣтственнаго постановленія судьи. Ордоннансъ 1670 г. требуетъ чтобы арестованный былъ допрошенъ не позже, чѣмъ черезъ 24 часа. A l. d. c. вырываютъ у правосудія серьезныхъ преступниковъ и устрашаютъ невинныхъ». Въ заключеніи парламентъ говоритъ уже настоящимъ языкомъ революціи: «.. Ce n'est plus un prince de Votre sang, ce ne sont plus deux magistrats que Votre Parlement redemande au nom des lois et de la raison, ce sont trois Français, ce sont trois hommes»!

Такъ говорилъ тотъ самый парламентъ, который съ страстнымъ упорствомъ отстаивалъ сословныя привиллегіи противъ Тюрго и Калонна. Казалось, старое было забыто. Парламентъ усваивалъ роль естественнаго вождя революціи [1]).

16-го марта послѣдовалъ отвѣтъ короля. Правительство не могло болѣе бороться съ оппозиціей ссылками на историческое право или традиціи Французской Монархіи, да оно уже и само не вѣрило въ силу и чистоту этихъ аргументовъ. Оно сдѣлало то, что всегда дѣлало и дѣлаетъ слабое правительство въ отчаянныхъ попыткахъ самозащиты. Оно попробовало дать грубый окрикъ, запретивъ парламенту возвращаться къ ремонстраціямъ 9-го января [2]). Однако, черезъ нѣсколько дней, испугавшись своего рѣзкаго

---

[1]) Въ массахъ населенія революціонныя идеи распространялись очень быстро, не только благодаря обширной летучей литературѣ, но и клубамъ. Особенное значеніе имѣлъ популярный „клубъ 30-ти“ (la société des trente), хотя 3-е сословіе было представлено въ немъ, какъ и въ другихъ политическихъ обществахъ этой эпохи, очень слабо. Въ сентябрѣ 1787 г., по требованію Бретейля, всѣ клубы были закрыты, но это вызвало повсюду такіе протесты, что Неккеръ разрѣшилъ открыть ихъ вновь. Скоро излюбленнымъ мѣстомъ пропаганды революціонныхъ идей становятся кафе. См. *Chérest.* o. c. т. II, стр. 165—172 или *Monin.* o. c. стр. 354.

[2]) „Парламентъ долженъ—гласилъ, между прочимъ, королевскій отвѣтъ—„s'en reposer avec respect et dans le silence sur ma sagesse“.

тона и не полагаясь болѣе на свои силы, оно само вернуло изъ изгнанія герцога Орлеанскаго, а заключеніе совѣтниковъ Сабатье и Фрето замѣнило изгнаніемъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, т. е. отстаивая на словахъ неограниченное право на жизнь и свободу своихъ подданныхъ и фактически уступая постоянно послѣдовательной политикѣ парламента, правительство само наносило себѣ ударъ за ударомъ. Умирающее самодержавіе не находило въ себѣ мужества отказаться отъ системы l. d. c. и въ то же время чувствовало невозможность управлять далѣе чрезъ нихъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что само правительство, какъ намъ приходилось говорить выше, къ концу монархіи все рѣже и рѣже пользуется внѣзаконными способами административнаго воздѣйствія и, слѣдовательно, отстаивало ихъ лишь принципіально, какъ остатки своего историческаго права.

Въ жалкихъ слѣдахъ былыхъ неограниченныхъ полномочій самодержавіе видѣло часть себя и потому судорожно хваталось за эти, никого уже не пугавшіе, но всѣхъ равно возмущавшіе и всѣмъ равно ненавистные пріемы абсолютной монархіи.

Новымъ поводомъ къ нападеніямъ парламента на правительство послужило представленіе Бріенномъ Людовику XVI-му отчета о финансахъ [1]). Громадный и неудержимо растущій дефицитъ уже давно сталъ вопросомъ дня и парламентъ рѣшилъ использовать всеобщее недовольство, послѣдовавшее за опубликованіемъ росписи, чтобы открыть новый походъ на правительство. 11-го апрѣля 1788 г. онъ вновь обрушивается на засѣданіе 19-го ноября 1787 г. [2]). Эта ремонстрація является важнымъ шагомъ въ развитіи предреволюціонной оппозиціи. Парламентъ уже не только заявляетъ себя открытымъ врагомъ самодержавія, но и сообщаетъ правительству, что въ борьбѣ съ нимъ онъ не остановится ни передъ какими средствами.

Подробно возстановивъ всѣ детали пресловутаго засѣданія 19-го ноября, парламентъ категорически утверждаетъ, что настоящее мнѣніе парламента констатировано не было; поэтому все объявленное

---

[1]) Штурмъ называетъ роспись Бріенна лучшей изъ оставленныхъ намъ Старымъ Порядкомъ. См. *R. Stourm.* o. c. стр. 433—438.

[2]) *Remontrances.* т. III, стр. 721—734; *M. U.* т. I, стр. 278—284; *A. P.* т. I, стр. 279—284.

отъ его имени—есть ложь. Для изданія закона недостаточно воли короля. Необходима свободная парламентская регистрація закона и распубликованіе его парламентомъ. Если эта часть ремонстраціи и была еще до извѣстной степени перепѣвомъ того, что парламентъ много разъ говорилъ и раньше, отстаивая свои права на законодательную роль и выступая блюстителемъ неписанной «конституціи», то во второй части онъ вступаетъ на новый, гораздо болѣе опасный и страшный для правительства путь. Перейдя къ вопросу о займахъ, парламентъ выражаетъ опасеніе, чтобы не были обмануты капиталисты, ввѣряющіе государству большія суммы. Лишь созваніе Генеральныхъ Штатовъ, по мнѣнію парламента, можетъ дать кредиторамъ достаточныя гарантіи.

Правительство поняло опасность и поспѣшило отвѣтить на ремонстрацію [1]), но никогда еще безсиліе правительства не сказалось такъ ярко, какъ въ этомъ отвѣтѣ, имѣвшемъ претензію быть суровымъ и бывшимъ, въ сущности, попыткой слабой самозащиты отъ неугомонной оппозиціи [2]).

Послѣ реабилитаціи своего поведенія въ засѣданіи 19-го ноября, гдѣ, по мнѣнію короля, и безъ голосованія дѣло представлялось совершенно яснымъ, Людовикъ XVI-й съ паѳосомъ восклицаетъ: сколько полезныхъ законовъ дали Франціи ея короли, заставляя парламенты ихъ регистрировать, не только не соображаясь съ результатами голосованія, но и невзирая даже на прямое сопротивленіе парламентовъ. Если бы простое большинство членовъ парламента было выше королевской воли, монархія обратилась бы въ своеобразную аристократію, столь же противоположную интересамъ націи, какъ и суверенной власти.

Наконецъ, правительство рѣшилось на послѣдній шагъ. 1-го мая оно издаетъ цѣлый рядъ декларацій, имѣвшихъ задачей коренную судебную реформу [3]). Послѣдняя должна была положить конецъ всемогуществу парламента.

Парламентъ немедленно устраиваетъ два экстренныхъ совѣ-

---

[1]) *Remontrances.* т. III, стр 734—736.

[2]) Едва ли можно согласиться съ Гомелемъ, называющимъ слабое правительственное резонерство „суровымъ отвѣтомъ“. *Gomel.* о. с. стр. 440.

[3]) *Isambert.* т. XXVIII. стр. 525—532 и 534—567.

щанія и вырабатываетъ въ нихъ замѣчательную декларацію [1]), въ которой многіе изслѣдователи хотятъ видѣть зерно будущей Деклараціи 1789 г. [2]).

Въ введеніи, предваряющемъ декларацію, парламентъ, признавъ себя некомпетентнымъ въ вопросахъ о субсидіяхъ и новыхъ налогахъ, требуетъ созванія Генеральныхъ Штатовъ и провозглашенія личной свободы гражданъ. Собственно въ декларацію вошли слѣдующіе принципы: участіе народнаго представительства въ обсужденіи и вотированіи налоговъ, несмѣняемость судей, уничтоженіе исключительныхъ юрисдикцій, наконецъ, право, «безъ коего всѣ остальные были бы безполезны»—требовать немедленнаго доставленія къ компетентному судьѣ въ случаяхъ личнаго задержанія, независимо отъ рода приказа [3]).

Послѣдній пунктъ, безчисленное число разъ повторенный позже наказами, былъ рѣшительнымъ осужденіемъ не только системы административныхъ наказаній, но, и, современной парламенту,

---

[1]) *M. U.* т. I, стр. 284—288. *A. P.* т. I, стр. 284—288 (Ниже въ случаяхъ совпаденія страницъ этихъ двухъ изданій, я ограничиваюсь ссылкой на Moniteur Universel). *Isambert.* т. XXVIII, стр. 532—534.

[2]) Нѣмецкій историкъ Guglia рѣшительно оспариваетъ подобныя утвержденія. „Въ Деклараціи 3 мая—говоритъ онъ—рѣчь идетъ не о правахъ человѣка, а о правахъ французскихъ бюргеровъ, отдѣльныхъ провинцій, магистратовъ, сословій и т. д. О свободѣ и равенствѣ въ ней нѣтъ и помина.... Всѣ требованія 3 мая твердо стоятъ на почвѣ историческаго права, только въ 2 послѣднихъ пунктахъ, трактующихъ объ обезпеченіи личной свободы гражданъ—чувствуется отзвукъ конституціонныхъ доктринъ... Разница между этой Деклараціей и Деклараціей 1789 громадна. Не только отдѣльныя постановленія не имѣютъ сходства, но духъ ея совсѣмъ иной". См. *Eugen Guglia* о. с. стр. 70—71. На нашъ взглядъ, Guglia слишкомъ умаляетъ значеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ постановленій Деклараціи 3 мая. Требованія уничтоженія исключительныхъ юрисдикцій, несмѣняемости судей, и защита гражданъ отъ произвольнаго ареста, конечно, не носятъ того сословнаго характера, который хочетъ видѣть въ нихъ нѣмецкій историкъ. Но въ послѣднемъ своемъ утвержденіи, что духъ Деклараціи 1789 г.—„совсѣмъ иной", онъ, конечно, безусловно правъ. Что общаго могло быть между революціоннымъ энтузіазмомъ конституанты и красивой позой дворянскаго парламента?

[3]) „Le droit de chaque citoyen de n'être traduit en même matière par devant d'autres que ses juges naturels, qui sont ceux que la loi lui désigne.... Et le droit, *sans lequel tous les autres sont inutiles* (курсивъ нашъ) de n'être arrêté par quelque ordre que ce soit que pour être remis sans délai entre les mains de juges compétents".

общесудебной волокиты съ ея исконнымъ пренебреженіемъ къ интересамъ обвиняемаго, безконечно длящейся процедурой и чрезвычайной пестротой юрисдикцій, вызывавшей нескончаемые споры о компетенціи. Высокій практическій смыслъ сказался въ оговоркѣ парламента, что безъ реализаціи этого права—всѣ остальныя становятся фикціей; тамъ, гдѣ нѣтъ прочно утвержденныхъ гарантій личной свободы, нѣтъ и не можетъ быть свободы вообще.

Эта декларація, въ которой судейская знать, казалось, отрѣшалась отъ своихъ классовыхъ, сословныхъ, родовыхъ интересовъ, была утверждена единогласно. Единогласно же было рѣшено, что ни одинъ изъ членовъ парламента не только не долженъ вводить въ нее какихъ либо измѣненій, но также занимать какое-либо другое мѣсто кромѣ той палаты, къ которой онъ принадлежитъ сейчасъ.

На слѣдующій день, то есть 4-го Мая, парламентъ составилъ ремонстрацію на королевскій отвѣтъ отъ 17-го апрѣля. Съ прискорбіемъ мы читали отвѣтъ Вашего Величества—писалъ парламентъ [1])—но онъ не поколебалъ нашего мужества. Деспотизмъ—«единственный рессурсъ, къ которому прибѣгаютъ враги народа и истины и успѣхи ихъ повлекли бы за собой великія бѣдствія. . . Поэтому, предупрежденіе послѣднихъ должно стать главнымъ предметомъ заботъ парламента. Политика честолюбивыхъ министровъ всегда одна и та-же: цѣль—расширить власть, прикрываясь именемъ короля; средство—клеветать на парламентъ. Вотъ почему ему приписываютъ безумные проекты бунта и основанія какой-то аристократической олигархіи... Наоборотъ, оглядываясь на свою прошлую дѣятельность, парламентъ съ удовлетвореніемъ констатируетъ, что она была всегда посвящена стремленію освободить націю и добиться скорѣйшаго созыва Генеральныхъ Штатовъ... Гдѣ же тутъ аристократическіе планы?....Non, sire, point d'aristocratie en France, mais *point de despotisme. Telle est la constitution*, tel est aussi le voeu de Votre Parlement et l'intérêt de Votre Majesté [2])».

Въ рукахъ короля—чудовищная власть. Можно ли утверждать, что король никогда не злоупотребитъ ею, что онъ всегда останется справедливымъ? «Нѣтъ—отвѣчаетъ парламентъ, короли—люди, а

---

1) *M. U.* т. I, стр. 285—288.
2) *M. U.* т. I, стр. 286. Курсивъ—мой. А. Б.

людей непогрѣшимыхъ нѣтъ». Вотъ почему парламентъ требуетъ *совѣщательныхъ* палатъ! Если бывали случаи, что парламентъ, отказывалъ въ регистраціи полезныхъ законовъ, это—еще недостаточный мотивъ для нарушенія конституціи... да, наконецъ, и самое это утвержденіе—невѣрно [1]). Отповѣдь королю кончалась патетической фразой, что парламентъ раньше прекратитъ свое существованіе, чѣмъ нація перестанетъ быть свободной [2]).

Но еще прежде чѣмъ декларація была представлена королю, произошли новыя событія, еще болѣе обострившія отношенія между королемъ и парламентомъ.

Въ концѣ засѣданія совѣтники Duval d'Epremesnil и Goislard de Montsabert сообщаютъ парламенту, что въ эту ночь ихъ хотѣли арестовать. Однако, они во-время были предупреждены и успѣли скрыться. Парламентъ приходитъ въ сильнѣйшее возбужденіе.

Немедленно обсудивъ инцидентъ, онъ выноситъ слѣдующую резолюцію: принимая во вниманіе, что единственнымъ преступленіемъ двухъ членовъ палаты могло быть только усердіе, съ коимъ они защищали священныя права націи, что нарушеніе домовой неприкосновенности гражданъ есть грубое нарушеніе закона etc. etc., парламентъ ставитъ Дюваля, Гуаслара и другихъ магистратовъ и гражданъ подъ охрану короля и закона [3]). Послѣ этого парламентъ

---

[1]) Слѣдуетъ обширная историческая справка.

[2]) Въ вышедшемъ въ 1788 г. мемуарѣ d'Антрэга—*C. d'Antraigues* Mémoire sur les Etats Généraux, leurs droits, et la manière de les convoquer. 1788.—старый принципъ французской монархіи „si veut le roi, si veut la loi" былъ подвергнутъ жестокой критикѣ. „Ce principe—писалъ будущій непримиримый врагъ революціи—sort du cloaque affreux de la plus basse flatterie et du plus effroyable despotisme". Мемуаръ имѣлъ громкій успѣхъ. Это, впрочемъ, не мѣшало парламенту въ отдѣльныхъ случаяхъ выражать королю самыя горячія вѣроподданническія чувства. Когда, напримѣръ, парламентъ узналъ, что въ его постановленіе отъ 3-го мая 1788 г. вмѣсто словъ: „Les entreprises des ministres sur la magistrature", вкралось выраженіе: „Les entreprises de S. Majesté" —онъ постановилъ немедленно сжечь этотъ отпечатокъ, приписывающій палатѣ чувства и выраженія, несогласныя съ тѣмъ глубокимъ почтеніемъ къ священной особѣ короля, которое питаетъ это учрежденіе.

[3]) *M. U.* т. I, стр. 289. Между прочимъ, согласно тексту парламенской резолюціи, депутаты должны были умолять короля выслушать „dans sa sagesse, d'autres conseils que ceux, qui sont près *d'entraîner l'autoritè législative et la liberté publique dans un abîme* dont il deviendrait aux magistrats peut être impossible de les tirer". Курсивъ—мой. А. Б.

вотируетъ непрерывность засѣданія и отряжаетъ депутацію въ Версаль съ своимъ протестомъ. Въ 11 часовъ вечера, является вооруженная сила и занимаетъ всѣ дворы и выходы дворца. Начальникъ отряда-d'Agoult представляетъ королевскій приказъ объ арестѣ Дюваля и Гуасляра и требуетъ ихъ выдачи. Парламентъ отказалъ; со всѣхъ сторонъ слышатся крики: «берите насъ всѣхъ, мы всѣ Дювали и Гуасляры». D'Agoult удаляется за полученіемъ новыхъ инструкцій, а въ это время возвращается депутація изъ Версаля сообщившая, что король ее не принялъ, на томъ, якобы, основаніи, что онъ не былъ заблаговременно извѣщенъ объ этомъ въ законной формѣ. Выполненіе этого требованія становится теперь для парламента фактически невозможнымъ, такъ какъ выходъ изъ парламента былъ строго воспрещенъ кому бы то ни было. Между тѣмъ, возвращается d'Agoult и вновь требуетъ выдачи двухъ совѣтниковъ. Въ результатѣ долгихъ колебаній парламентъ рѣшилъ уступить насилію [1]). Дюваль заявляетъ, что онъ не назвалъ себя до сихъ поръ, лишь потому, что законъ воспрещаетъ ему повиноваться lettres closes. Ему необходимо знать, будетъ ли употреблена сила противъ него въ томъ случаѣ, если онъ откажетъ въ повиновеніи?—Да!—Въ такомъ случаѣ онъ уступаетъ насилію. Послѣ этого Дюваль держитъ небольшую, прочувствованную рѣчь къ собранію. Онъ умоляетъ парламентъ не безпокоиться о немъ, а служить лишь общественному благу. Онъ даетъ торжественную клятву не измѣнять принципамъ палаты, не взирая ни на какія обѣщанія, угрозы, муки и даже смерть [2]). Послѣ этого онъ былъ уведенъ, сопровождаемый рыданіями собранія. Та же исторія повторилась черезъ часъ съ Goislard'омъ, который держалъ себя съ неменьшимъ достоинствомъ, стараясь подражать во всемъ своему старшему собрату. Остальные были объявлены свободными, но парламентъ былъ закрытъ. Уставшіе отъ тридцатичасового, полнаго волненій засѣданія, магистраты имѣли еще

---

[1]) Подробности засѣданія см. *M. U*, т. I, стр. 289—294; *A. P.* т. I. стр. 289—293; *A. Wahl.* Vorgeschichte der Französischen Revolution т. II, стр. 207—208.

[2]) Несмотря на явныя преувеличенія, звучавшія въ словахъ Дюваля, и чрезмѣрную переоцѣнку имъ какъ реальныхъ силъ противника, такъ и собственныхъ прегрѣшеній передъ властью, это засѣданіе все же могло примирить съ собою нѣкоторыхъ заклятыхъ враговъ сословнаго парламента.

статочно мужества, чтобы составить протестъ. Выразивъ свою глубокую печаль по поводу всего происшедшаго, парламентъ останавливается на заслугахъ своихъ пострадавшихъ членовъ. Дюваль—выдающійся дѣятель, извѣстный своимъ неутомимымъ рвеніемъ во славу Монарха, закона и свободы. Второй совѣтникъ—молодой еще человѣкъ, но подаетъ блестящія надежды. Парламентъ считаетъ себя глубоко оскорбленнымъ употребленіемъ противъ него военной силы и умоляетъ вернуть свободу своимъ достойнымъ членамъ [1]). Правительство на этотъ разъ рѣшило не уступать и 7-го мая парламентъ получилъ l. d. c. съ приглашеніемъ явиться въ l. d. j., назначенный въ Версали на 8 мая.

Lit de justice 8-го мая [2]) открылось рѣчью короля, выразившаго свое крайнее неудовольствіе парламенту. «Il n'est point d'écart—говорилъ онъ—auquel mon Parlement de Paris ne se soit delivré depuis une année». Провинціальные парламенты позволяли себѣ то-же ослушаніе, что и Парижскій. Я могъ бы ихъ закрыть и наказать отдѣльныхъ магистратовъ, но акты строгости мнѣ тягостны. Далѣе король подробно разъяснялъ свою судебную реформу и обѣщалъ созывать Генеральные Штаты, каждый разъ, какъ этого потребуютъ государственныя нужды.

Послѣ рѣчи короля послѣдовалъ рядъ замѣчательныхъ discours, прочитанныхъ хранителемъ печатей. Первый былъ посвященъ вопросу объ общей организаціи правосудія и состоялъ, по преимуществу, въ жестокой критикѣ существующихъ порядковъ. Министръ юстиціи отмѣтилъ крайнюю медленность и дороговизну судебной процедуры, нецѣлесообразное распредѣленіе судебныхъ округовъ,

---

[1]) Насиліе надъ Дювалемъ и Гуасляромъ вызвало горячее осужденіе и протесты Cour des aides. См. его засѣданіе 8-го мая 1788 г. *M. U.* т. I, стр. 328—339; *A. P.* т. I, стр. 334—335. „La question générale des l. d. c. avait survécu à la délivrance des individus qui en avaient été frappés quelque temps“ говорилъ, между прочимъ, де-Роллэнъ, генеральный адвокатъ парламента Дофинэ въ засѣданіи 21-го октября 1788 г. См. *Desjardins.* Les cahiers des états généraux en 1789 et la législation criminelle. Paris 1883. стр. 391.

[2]) Для исторіи этого l. d. j. см. *Remontrances.* т. III, стр. 750—777; *M. U.* т. I, стр. 294—320; *A. P.* т. I, стр. 294—318; *Buchez et Roux.* o. c. т. I, стр. 230—250. Оцѣнку судебной реформы см. также у *Desjardins.* o. c., стр. XXVII—XXIX.

чѣмъ объясняются постоянные споры о компетенціи, чрезмѣрное обиліе и разнообразіе судовъ, наконецъ, продажность должностей. Правительство стояло передъ альтернативой: усилить власть высшихъ инстанцій или, наоборотъ, ограничить ее въ пользу судовъ 2-го порядка. Правительство избрало послѣдній путь. Отнынѣ всѣ уголовныя дѣла и гражданскія, цѣна исковъ коихъ не превышаетъ 20.000 ливровъ, будутъ разсматриваться въ бальяжахъ. Дворянство и духовенство будутъ по прежнему подлежать парламентской юрисдикціи. Второй discours проектировалъ отмѣну всѣхъ исключительныхъ судовъ. Третій подвергъ безпощадной критикѣ Ордоннансъ 1670 г. По мнѣнію правительства необходимо установить болѣе раціональныя средства защиты, облегчить обвиняемому возможность доказать свою невинность, уничтожить правило о немедленномъ приведеніи въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Послѣднее тѣмъ болѣе необходимо, что при настоящемъ порядкѣ вещей утрачивается самая драгоцѣнная прерогатива монарха—миловать осужденнаго. Строгость наказаній была признана чрезмѣрной; пытки проектировалось уничтожить вовсе. Слѣдующій discours былъ направленъ противъ парламента. Онъ предлагалъ сократить число его членовъ, хотя правительство весьма предупредительно добавляло, что всѣ уволенные члены получатъ спеціальное вознагражденіе. Распоряженіе объ этомъ уже сдѣлано, фонды готовы и уплаты будутъ произведены безъ промедленія. Наконецъ, пятая реформа, которой было суждено стать краеугольнымъ камнемъ всего законопроекта, заключалась въ организаціи высшаго государственнаго учрежденія «Cour Plenière», къ участію въ которомъ изъ парламента будетъ допущена только одна Большая Палата (Grand, Chambre). Въ «Cour Plenière» должны были войти: принцы крови, пэры, нѣкоторыя высокопоставленныя лица, прелаты, маршалы, начальники провинцій, представители парламента, 2 представителя отъ «Chambre des comptes» (казначейство) и 2 отъ «Cour des aides de Paris». Cour Plenière долженъ быть высшей инстанціей для суда надъ членами парламента, которые доселѣ подлежали суду самого короля. Для проведенія въ жизнь новаго учрежденія правительство предполагаетъ временно пріостановить дѣятельность парламента. Послѣ чтенія discours послѣдовала новая рѣчь короля, въ которой онъ говорилъ о твердости, съ которой должна быть

проведена реформа и выражалъ увѣренность въ усердіи и преданности дѣлу будущихъ членовъ «Cour Plenière».

Такова была новая правительственная программа, предложенная не только парламенту, но всей странѣ, ибо общественное мнѣніе, выражавшее всячески свое сочувствіе оппозиціи парламента, чутко прислушивалось къ каждой новой фазѣ въ развитіи ея борьбы съ королевскою властью. Восьмое мая должно было стать своего рода «быть или не быть» для одной изъ враждующихъ сторонъ. И какъ бы мы ни смотрѣли на правительство стараго порядка въ эту критическую для него минуту, мы должны признать, что оно оказалось далеко не на высотѣ положенія. Это былъ моментъ, когда правительство могло еще выйти съ достоинствомъ изъ своего тяжелаго положенія. Если оно и не хотѣло изъ ложно понимаемаго самолюбія или ложно понятыхъ интересовъ страны идти на уступки парламенту, во всякомъ случаѣ, оно не должно было дразнить оппозиціи и общественнаго мнѣнія. Между тѣмъ, оно вступило именно на послѣдній путь своимъ планомъ реформъ.

Многіе правительственные законопроекты, несомнѣнно, должны были имѣть самое благотворное вліяніе. Необходимость судебной реформы назрѣла до такой степени, что о ней говорила не одна литература и передовые круги, а весь народъ. Всѣ наказы, за исключеніемъ развѣ приходскихъ, въ одинъ голосъ требовали измѣненія судебныхъ порядковъ [1]). Дороговизна, медленность и формализмъ процедуры были одной изъ самыхъ страшныхъ язвъ, разъѣдавшихъ дореволюціонную Францію. Въ этихъ вопросахъ правительство шло навстрѣчу самымъ искреннимъ желаніямъ, самымъ насущнымъ потребностямъ народа. Но уже въ первомъ эдиктѣ рядомъ съ безжалостной критикой существующихъ порядковъ правительство въ ряду мѣръ, предназначенныхъ уврачевать больное мѣсто монархіи, предлагаетъ двѣ разныхъ юрисдикціи: одну для разночинцевъ, другую для привилегированныхъ сословій. Какъ только могла родиться такая несчастная, глубоко несправедливая и политически бестактная мысль! И въ ту минуту, когда вся нація ждала освѣжающаго слова отъ правительства, когда самыя

---

[1]) См., напр., *Desjardins* o. c. или *Champion Edme.* La France d'après les cahiers de 1789. Paris. 1897. Глава IX. La justice, стр. 119—132.

понятія привиллегій, исключеній, благодаря успѣхамъ революціоннаго движенія и вліянію просвѣтительной философіи, стали звучать ненавистно въ ушахъ измученнаго и рвавшагося къ свободѣ и равенству дореволюціоннаго человѣка. Правительство же не нашло ничего лучшаго, какъ вновь рыть пропасть между сословіями, ставить новыя перегородки тамъ, гдѣ послѣ трудовъ Монтескье, Беккаріа и др. равенство было признано необходимымъ условіемъ для правильнаго функціонированія всего аппарата. Ни въ чемъ такъ ярко не могла сказаться политическая близорукость правительства, его полное непониманіе условій времени, какъ въ этомъ нелѣпомъ предложеніи. Оно заранѣе осудило свою столь страстно ожидавшуюся реформу.

Четвертый эдиктъ о реорганизаціи парламента и увольненіи нѣкоторыхъ его членовъ былъ прямымъ и циничнымъ вызовомъ, брошеннымъ въ лицо всему учрежденію. Нетерпѣливое желаніе правительства раздѣлаться какъ можно скорѣе съ безпокоившей его оппозиціей сказалось тутъ въ полной мѣрѣ. Оно не позаботилось даже замаскировать свои желанія какими нибудь общими фразами, вродѣ государственной необходимости, насущныхъ интересовъ страны и т. п. Оно просто и ясно заявляло о своемъ желаніи отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ безпокойныхъ членовъ парламента; правительственный цинизмъ не остановился даже передъ мыслью о подкупѣ увольняемыхъ путемъ спеціальнаго денежнаго вознагражденія. Правительство ни одной минуты не подумало ни о достоинствѣ учрежденія ни о самолюбіи его членовъ. Оно забыло ту торжественную клятву, которой связало себя въ засѣданіи 3-го мая. Наконецъ, каковъ бы ни былъ источникъ того пафоса, которымъ жилъ въ послѣдніе дни парламентъ, нельзя же было думать, что денежной подачкой, можно будетъ зажать ротъ всей этой избалованной, богатой и независимой знати. Въ этомъ сказалась уже не только близорукость правительства, но и его политическое безвкусіе. Мѣрой же, переполнившей чашу терпѣнія, были два послѣдніе эдикта: о новой «Верховной палатѣ» (Cour Plenière) и роспускѣ парламента. Въ то время, какъ все кругомъ кипѣло мыслью о созывѣ Генеральныхъ Штатовъ—этой общепризнанной панацеи противъ всѣхъ соціальныхъ и финансовыхъ неурядицъ старой Франціи, правительство предлагало новое верховное учрежденіе съ аристо-

кратическимъ составомъ, [1]) съ неопредѣленной, почти неограниченной компетенціей. [2]) При этомъ право назначеній находилось цѣликомъ въ рукахъ правительства [3]). Если, такимъ образомъ, нѣкоторые эдикты и были серьезнымъ шагомъ впередъ, то вся реформа въ общемъ была неудачнымъ Coup d'Etat. Правительство показало себя безсильнымъ разобраться въ требованіяхъ момента и упустило лишній разъ возможность стать во главѣ движенія, собравъ по собственной иниціативѣ Генеральные Штаты [4]).

Сквозь задуманную реформу глядѣло лишь откровенное до цинизма стремленіе правительства раздавить оппозицію, раздавить не брезгая никакими средствами. Низвести парламентъ до роли простого трибунала — такова была основная цѣль реформы. Конечно, это лучше всего понималъ самъ парламентъ, пріѣхавшій въ

---

[1]) См. выше стр. 155.

[2]) Главную задачу Cour Plenière правительство видѣло въ устраненіи конфликтовъ между правительствомъ и магистратурой. Парламенты лишались права вмѣшательства въ законодательство и финансы. Регистрація и распубликованіе законовъ отнынѣ должны были принадлежать „Верховной Палатѣ". Путемъ организаціи такого центральнаго учрежденія правительство разсчитывало внести единство и порядокъ въ исполненіе своихъ предначертаній на всей территоріи королевства (unité de vues, какъ выразился король въ своей рѣчи).

[3]) Эдикты 8-го мая были жестоко осмѣяны въ Парижской шуточкѣ, получившей широкое распространеніе: Ломени, архіепископъ Сенскій предполагалъ благословить блестящій бракъ г. Deficit съ г-жею Cour Plenière. Къ несчастью для прелата бракъ состояться не могъ, такъ какъ женихъ отличался чудовищными размѣрами (monstrueux), а невѣста была плохо сформирована (mal conformée). См. *Monin.* o. c. стр. 641.

Въ письмѣ отъ 24-го іюля 1788 г. Джефферсонъ говоритъ о предстоящемъ открытіи Cour Plenière, какъ о несомнѣнномъ признакѣ обращенія французской монархіи въ чистую деспотію. См. *М. Ковалевскій.* Англоманія и американофильство во Франціи XVIII в. Вѣстн. Евр. 1892 г. стр. 10. Перепечатано въ „Происхожд. соврем. демократіи". Т. I, стр. 543—611.

[4]) По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, сочувственно относящихся къ старому порядку, реформы Людовика XVI-го имѣли одинъ существенный практическій недостатокъ „...Quoique libérales, justes—говоритъ, напримѣръ Гранье де Кассаньякъ—et pratiques les réformes du gouvernement de Louis XVI portaient en elles un vice considérable: elles changeaient trop de choses à la fois, et elles les changeaient trop vite. Comme l'a dit plus tard l'abbé Siéyès à l'Assemblée Constituante *le bien même elles le faisaient mal*". *Granier de Cassagnac.* Histoire des causes de la révolution française. T. I—II. Bruxelles. 1850 г. т. I, стр. 514—515.

Версаль съ воинственными намѣреніями. Немедленно по прочтеніи эдиктовъ, парламентъ горячо протестовалъ противъ нихъ въ лицѣ своего перваго президента. Его аргументы покоились, главнымъ образомъ, на ненарушимости «основныхъ законовъ» Франціи, незыблемости ея «конституціи». Правительственная власть—говорилъ онъ—можетъ быть любима постольку, поскольку она умѣряется справедливостью и желаніемъ блюсти старыя формы. Эта консервативная струя, крѣпкое держаніе старыхъ обычаевъ было доминирующей нотой всей его рѣчи.

Оставляя l. d. j., члены Большой Палаты составили королю особое письмо, въ которомъ отказывались принять какое либо участіе въ проведеніи правительственной реформы. Однако, 9-го мая они были вызваны въ первое засѣданіе Cour Plenière и здѣсь король подтвердилъ свою волю относительно организаціи этого высшаго государственнаго учрежденія. Конечно, и это засѣданіе не внесло желаннаго успокоенія и съ 9-го мая къ хранителю печатей поступилъ цѣлый рядъ писемъ отъ членовъ парламента, въ которыхъ одни увѣдомляли его, что не могутъ изъявить согласія на какое-либо измѣненіе своихъ функцій (таковы—lettres des non supprimés), другіе, что они не желаютъ и не могутъ признать своей отставки (lettres des supprimés) [1]). Правительство отвѣчало репрессіями. Парламентъ былъ закрытъ и отправленіе правосудія было прервано почти на 5 мѣсяцевъ; только 5-го сентября 1788 года первый президентъ парламента получилъ, наконецъ, приказъ извѣстить прочихъ магистратовъ о немедленномъ возвращеніи въ Парижъ [2]).

---

[1]) *M. U.* т. I., стр. 321. *A. P.* т. I., стр. 319.

[2]) Въ промежуткѣ между закрытіемъ и возстановленіемъ парламента былъ изданъ Королевскій указъ (5 іюля), которымъ, свѣдущіе люди приглашались сообщить хранителю печатей свои взгляды и мнѣнія, относительно будущаго созыва Генеральныхъ Штатовъ. (См. *Isambert* XXVIII, стр. 601—604; особенно § 8). Если этотъ актъ былъ встрѣченъ съ истиннымъ энтузіазмомъ тѣми, кто связывалъ съ созывомъ Генеральныхъ Штатовъ начало новой эры соціально-политическаго существованія и самый актъ толковалъ, какъ возглашеніе полной свободы печати, то тѣмъ большее раздраженіе вызвалъ онъ среди привилегированныхъ. Веберъ, въ своихъ мемуарахъ, назвалъ его даже „однимъ изъ самыхъ безумныхъ и пагубныхъ актовъ, которые когда либо выходили изъ рукъ правительства". (*Weber.* Mémoires concernant Marie-Antoinette, т. 1—2 Nouv. édition Paris. 1822 т. I. стр. 144 — 145). Этотъ актъ въ извѣстной

13-го сентября послѣдовало приглашеніе явиться на 15-е число въ Версаль; это приглашеніе было поводомъ къ новымъ протестамъ со стороны судей, нисколько несклонныхъ уступать правительству послѣ продолжительнаго изгнанія. Парламентъ—писали они—продолжаетъ упорно протестовать противъ всѣхъ эдиктовъ, внесенныхъ въ l. d. j. 8-го мая, какъ противныхъ началамъ собственности, общественной свободы и основнымъ законамъ монархіи. Неразумно предпринимать какія либо серьезныя реформы непосредственно передъ созывомъ Генеральныхъ Штатовъ; послѣдніе должны самостоятельно высказаться по всѣмъ насущнымъ вопросамъ.

14-го сентября палъ Ламуаньонъ [1]), а 24-го сентября члены парламента были въ Версали на Королевскомъ Засѣданіи. Здѣсь, наконецъ, была прочитана королевская декларація о созывѣ Генеральныхъ Штатовъ на январь 1789 г. Она была прежде всего оффиціальнымъ признаніемъ своего пораженія. «Король—гласилъ указъ—руководился въ своихъ послѣднихъ реформахъ искреннимъ желаніемъ создать болѣе совершенный порядокъ и способствовать благу своихъ подданныхъ, но представленія, сдѣланныя ему, вскрыли цѣлый рядъ неудобствъ, которыхъ онъ не замѣтилъ раньше и въ виду близкаго созыва Генеральныхъ Штатовъ король считаетъ возможнымъ временно отложить осуществленіе задуманной реформы и временно же возстановить старый судебный порядокъ. «Le bien est difficile à faire—сентиментально замѣчалъ король—nous en acquérons chaque jour la triste expérience» . . . [2]) Декларація была, такимъ образомъ, отступленіемъ правительства предъ оппозиціей по

степени былъ дипломатическимъ ходомъ со стороны Бріенна. Онъ хотѣлъ обратить вниманіе консервативной оппозиціи на новаго, общаго врага—3-е сословіе. Но этимъ самымъ актъ лишній разъ засвидѣтельствовалъ и полную несостоятельность самого правительства. См. по этому поводу интересныя соображенія у *Chérest A.* La chute de l'ancien régime. 1787—1789. т. II, стр. 50—54.

[1]) Отставка Ламуаньона сопровождалась настолько серьезными безпорядками въ Парижѣ, что для прекращенія ихъ были вынуждены прибѣгнуть къ военной силѣ. Оказалось довольно много убитыхъ и раненыхъ. Парламентъ игралъ въ этихъ событіяхъ двусмысленную роль. Первоначально онъ привлекъ къ отвѣтственности усмирителей, но когда безпорядки разыгрались, онъ регистрировалъ новый правительственный указъ противъ мятежныхъ скопищъ. *M. U.* т. I. стр. 329 и 374; *A. P.* т. I. стр. 326 и 368.

[2]) *A. Brette* o. c. т. I, стр. 25—28.

всѣмъ пунктамъ. На этотъ разъ оно дѣйствительно выходило въ отставку. II парламентъ не пощадилъ въ этомъ засѣданіи своего недавно суроваго врага. Послѣ Декларацiи Сегье произнесъ обширную рѣчь, въ которой подвергъ безпощадной критикѣ королевскій проектъ судебной реформы. Онъ называлъ послѣднюю «l'anéantissement de toute justice en France». Особенно характерной для парламентской оппозиціи и въ этомъ случаѣ была совершенно нескрываемая ею боязнь какихъ либо нововведеній [1]). Рѣжущимъ противорѣчіемъ въ тактикѣ парламента было, поэтому, его настойчивое требованіе созыва Генеральныхъ Штатовъ, которое въ данныхъ обстоятельствахъ имѣло глубокій революціонный смыслъ. Палата просила короля вернуть свободу всѣмъ пострадавшимъ за безпорядки послѣдняго времени, и ходатайствовала о возстановленіи Chambre des vacations. Если прежде такія ходатайства вызывали суровый отпоръ со стороны короля, то теперь уступчивость правительства уже не знала границъ и желанія палаты получили полное удовлетвореніе [2]).

Этимъ засѣданіемъ кончаются тѣ страницы въ исторіи борьбы королевской власти съ парламентской оппозиціей [3]), которыя пред-

---

[1]) „...Les abus naissent du sein des innovations"... говорилъ онъ, напримѣръ, или въ другомъ мѣстѣ: „...C'est cette immutabilité de la loi que les magistrats ne cesseront jamais de réclamer..." См. *M. U.* т. I, стр. 323—329; *A. P.* т. I, стр. 320—326.

[2]) Въ этомъ же засѣданіи членъ парламента Bodkin de Fietz-Gérald произнесъ настоящую обвинительную рѣчь противъ министровъ и, главнымъ образомъ, Бріенна съ Ламуаньономъ. Онъ формулировалъ обвиненіе въ 11 пунктахъ. Между ними: министры повинны въ незаконномъ засѣданіи 19 Ноября 1787 г.: они главная причина королевской немилости, обрушившейся на принца и обоихъ совѣтниковъ; они стремились къ возстановленію самодержавія (seule volonté); они учинили насиліе надъ Дювалемъ и Гуасляромъ; они, наконецъ, пытались поколебать основныя права въ lit de justice 8-го мая. Въ виду ихъ высокаго общественнаго положенія Fietz-Gérald требовалъ для нихъ примѣрнаго наказанія. См. *M. U.* т. I, стр. 331—333; *A. P.* т. I, стр. 328—330.

[3]) Разумѣется, эту оппозицію представлялъ не одинъ Парижскій парламентъ. Многіе изъ провинціальныхъ парламентовъ не только поддерживали своими ремонстраціями старшаго собрата, но и далеко еще превосходили его смѣлостью тона и настойчивостью (см., напр., *M. U.* т. I, стр. 321—355; *A. P.* т. I, стр. 337—350. Библіографія мѣстныхъ парламентовъ очень обширна. Кромѣ общихъ работъ по исторіи французскихъ парламентовъ см. *Карѣевъ* о. с. т. III, стр. 43, пр. 1). На арену политической борьбы въ это время выступаютъ наряду съ парламентами также различныя собранія и

ставляли для насъ интересъ, характеризуя, съ одной стороны, пріемы борьбы абсолютнаго правительства, съ другой, ремонстраціи парламента. Именно въ послѣднихъ формулировались впервые тѣ гарантіи личной свободы, которыя годомъ позже получили такое

корпораціи, какъ, напримѣръ, Университетъ. (см. напр. „Protestation de la faculté de droit de Rennes“ 6-го мая 1788 г. по поводу готовившейся судебной реформы и др. *M. U.* т. I, стр. 510—523; *A. P.* т. I, стр, 499—511). Но, конечно, передовая роль оставалась за парламентами, какъ благодаря ихъ политическому значенію, такъ и благодаря ихъ организованности, солидарности и заинтересованности во всѣхъ реформахъ послѣдняго времени. Когда въ Версальскомъ l. d. j. были зарегистрированы эдикты, проводившіе судебную реформу, въ цѣломъ рядѣ городовъ: Бордо, Тулузѣ, Дижонѣ разразились серьезные безпорядки, а въ Реннахъ вспыхнулъ бунтъ, при чемъ во главѣ движенія стояло дворянство (см. *Carné.* Les Etats de Bretagne т. II, стр. 236—246; *Gomel* o. c. стр. 459—464; *M. U.* т. I, стр. 523—528; *A. P.* т. I, стр. 511—516). Нигдѣ слабость правительства не сказалась такъ ярко, какъ въ Дофинэ. Послѣ насильственной регистраціи эдиктовъ дворянство отрядило спеціальную делегацію въ Версаль, требуя отмѣны этихъ актовъ и созыва Генеральныхъ Штатовъ, а нѣсколько дней спустя парламентъ сдѣлалъ постановленіе, въ которомъ съ небывалой смѣлостью заявлялъ, что, если эдикты не будутъ взяты обратно, Дофинэ будетъ считать себя освобожденнымъ отъ клятвы вѣрности своему суверену. Правительство рѣшило прибѣгнуть къ l. d. c., но за парламентъ, горой встало городское населеніе, подкрѣпленное крестьянскими толпами, среди которыхъ распространили слухъ, что парламенты противятся увеличенію налоговъ. Правительственныя войска, которымъ запрещено было стрѣлять, должны были отступить передъ возмутившимися гражданами. Принуждены были взять l. d. c. обратно, вернуть войска и возстановить функціи парламента. Эта крупная побѣда провинціальной оппозиціи произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на всю Францію. Еще большій энтузіазмъ вызвало знаменитое Витильское засѣданіе, состоявшееся 21 іюля 1788 г. (см. особенно *La Roque.* Résumé des cahiers, стр. 1—7 и *Laboulaye* o. c. 1868 г., № 36, стр. 581). Въ этомъ засѣданіи, длившемся съ 9 часовъ утра до 12 часовъ ночи, участвовало нѣсколько сотъ депутатовъ, болѣе половины которыхъ были избраны третьимъ сословіемъ; въ немъ впервые выступилъ въ качествѣ оратора и секретаря собранія знаменитый впослѣдствіи Мунье. Главное мѣсто было удѣлено, конечно, вопросу о созваніи и организаціи будущихъ Генеральныхъ Штатовъ, но „Très réspectueuses représentations de 3 ordres de la province de Dauphiné“ говорятъ еще о возстановленіи провинціальныхъ Штатовъ, и объ эдиктахъ, зарегистрированныхъ въ l. d. j. „Новые эдикты—гласитъ представленіе—занесенные насильственно въ реэстръ не могутъ быть названы закопами... Законъ долженъ быть выраженіемъ общей воли; если народъ его не принимаетъ, онъ—болѣе не законъ... Между тѣмъ, вся Франція съ негодованіемъ отвергаетъ эдикты за исключеніемъ немногихъ продажныхъ людей, желающихъ построить собственное благополучіе на развалинахъ общественнаго благоденствія“. Въ заключеніе они просятъ возстановить суды и вернуть членовъ гренобльскаго парламента, заслужившихъ сопротивленіемъ министрамъ

блестящее выраженіе въ Деклараціи правъ. Дальнѣйшая исторія есть уже исторія Генеральныхъ Штатовъ, исторія борьбы дворянства и духовенства съ 3 сословіемъ. Въ этой борьбѣ консервативная оппозиція, наконецъ, открыла свои карты и недвусмысленно показала, что интересы націи ей дороги постольку, поскольку они связаны съ ея сословными преимуществами. Вопросъ о голосованіи на будущихъ Генеральныхъ Штатахъ разбилъ оппозицію на двѣ враждебныхъ группы [1]) и парламентъ въ этой

похвалы, а не преслѣдованія и т. д. Никто не можетъ быть лишенъ свободы за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ закономъ и судимъ долженъ быть съ соблюденіемъ закономъ установленныхъ формъ. L. d. c. должны быть изгнаны изъ употребленія. Протоколъ этого засѣданія былъ опубликованъ и редакторъ его Мунье въ нѣсколько дней пріобрѣлъ громадную популярность. Правительство отвѣчало репрессіями; для подавленія сопротивленія, по словамъ *Jobez'a* (с. с. III, стр. 367) Бріеннъ и Ламуаньонъ послали интендантамъ и военнымъ начальникамъ l. d. c. en bl. Въ оппозиціонное движеніе было вовлечено и духовенство, которое въ чрезвычайной ассамблеѣ въ іюнѣ 1788 г. энергично протестовало противъ общаго направленія правительственной политики за послѣднее время и ничѣмъ не обнаружило желанія помочь правительству въ критическую для него минуту. Ремонстраціи духовенства носили особенно ретроградный характеръ, такъ какъ духовенство высказалось не только за сохраненіе всѣхъ старыхъ порядковъ, но даже противъ единства судебныхъ порядковъ и равенства передъ закономъ. Болѣе всего, разумѣется, оно заботилось о неприкосновенности своихъ правъ и преимуществъ; интересы націи совершенно недвусмысленно отодвигались на задній планъ. Но и духовенство требовало Генеральныхъ Штатовъ (*M. U.* т. I, стр. 379—394; *A. P.* т. I, стр. 373—387). О реакціонномъ характерѣ этого собранія см. небольшую, но обстоятельную статью *Mautouchet P.* Les questions politiques à l'assemblée du clergé de 1788. „La Révolution française". 1902. Janvier.

[1]) Второе собраніе нотаблей (6-го ноября—12-го декабря 1788 г.), цѣлью котораго были совѣщанія относительно будущаго состава Генеральныхъ Штатовъ и ихъ организаціи, было подобрано такъ, чтобы обезпечить полный успѣхъ аристократической системѣ голосованія, то-есть посословной. И, дѣйствительно, всѣ бюро Ассамблеи единогласно отвергли поголовное голосованіе; только одно и то большинствомъ 13 голосовъ противъ 12 допустило удвоеніе числа членовъ 3-го сословія. (*M. U.* т. I, стр. 396—497; *A. P.* т. I, стр. 389—486). Въ знаменитомъ памфлетѣ Сіейсъ цитируетъ слова Черутти: „что дѣлали Нотабли въ 1787 г.? защищали свои привилегіи противъ трона. Что дѣлали Нотабли въ 1788 г.? защищали свои привилегіи противъ народа. (*E. Sieyès.* Qu'est ce que le tiers état? précédé de L'Essai sur les privilèges. Edit. critique avec une introduction par Edme Champion. Изд. „Soc. de l'histoire de la révolution française". Paris 1888, стр. 52—53). Кромѣ того королю былъ представленъ дворянами мемуаръ, подписанный Гр. Артуа, Пр. Конде, Герц. Бурбонскимъ, Герц. Энгіеномъ и др. съ протестомъ противъ успѣховъ 3-го сословія и противъ вотированія par tête. Письмо получило широкую гласность и естественно должно было настроить друзей новаго порядка въ высшей степени

борьбѣ также быстро утратилъ свою популярность, какъ нѣкогда пріобрѣлъ ее. Въ 1789 г. не только народъ, но и буржуазія видѣла въ немъ уже своего злѣйшаго врага [1]). Правда, еще въ самый разгаръ увлеченія парламентомъ, раздавались трезвые голоса, указывавшіе на настоящій характеръ этой оппозиціи и вскрывавшіе ея истинныя настроенія и планы, но ихъ тогда не слушали [2]). Наиболѣе безжалостнымъ и непримиримымъ врагомъ парламента

враждебно противъ дворянства, мечтавшаго сохранить свои привилегіи. Манифестъ повсюду сжигали въ кафе и по поводу его сложили пѣсенку: „Le quintuor sérénissime. Perd à jamais. Son honneur, l'amour et l'éstime. Des coeurs français. Mais il lui reste ses écuries. Ses bas valets. Ses chiens, ses capitaineries. Et nos soufflets“. (*M. U.* т. I, стр. 497—500; *A. P.* т. I, стр. 487—489). Вмѣстѣ съ тѣмъ для наиболѣе проницательныхъ людей было ясно, что Генеральные Штаты не могутъ быть ни отводнымъ каналомъ для претензій оппозиціи, какъ на это надѣялось правительство, ни безопасной подачкой 3-му сословію, какъ надѣялся парламентъ и вообще вся консервативная оппозиція. „Генеральные Штаты будутъ мятежны и, можетъ быть, зайдутъ слишкомъ далеко—писалъ Мирабо книгопродавцу Levrault. Налоги и займы, гражданская свобода, періодическія собранія—вотъ главные пункты. Остальное придетъ само собой очень быстро“. (*Gomel* o. c., стр. 476—477). Но въ томъ же 1788 г. онъ писалъ Montmorin, что созывъ Генеральныхъ Штатовъ успокоитъ все. (*D. Loménie.* Les Mirabeau т. IV, стр. 114).

[1]) См., напр., *Droz* o. c. т. II, стр. 111.

[2]) Еще въ концѣ октября 1788 г. парламенты пользовались необыкновенно широкой популярностью „Никогда Людовикъ XIV во всей своей славѣ—пишетъ Токвиль—не былъ предметомъ столь всеобщаго поклоненія, если можно дать это имя чрезмѣрнымъ похваламъ, которыми можетъ наградить лишь истинное и безкорыстное чувство“. Объ этомъ свидѣтельствуютъ безчисленныя рѣчи и адреса, обращенные къ нимъ въ эту эпоху. Парламентъ, как король, отвѣчалъ на всѣ эти привѣтствія немногими словами: „il assure celui qui a parlé de la bienveillance de la cour“. См. *Al. de Tocqueville* Mélanges fragments historiques et notes sur l'ancien régime, la révolution et l'Empire. Paris. 1865. т. VIII, стр. 113—115 Разумѣется, не всѣ смотрѣли на парламентъ съ такимъ обожаніемъ. Въ XVIII в., говоритъ нѣмецкій изслѣдователь Wahl, „...standen die Parlamente da, überaus populär und popularitäts begierig, nur den philosophen wegen ihrer schwankenden Stellung zum Spott“. Вольтеръ называлъ ихъ: „Ces bourgeois insolents et indociles“. См. *Adalbert Wahl.* Die Notabelnversammlung von 1787. Freiburg 1899, стр. 7. Наконецъ, въ литературѣ парламентъ имѣлъ такихъ же горячихъ поклонниковъ, какъ и противниковъ. Такъ, напримѣръ, Olivier съ негодованіемъ говоритъ о „cette multitude d'écrits *moqueurs ou furieux, de libelles menteurs* et burlesques qu'un ésprit de bassese et de lâcheté, garant certain de l'avilissement des Empires et l'avant-coureur de leur chûte, a enfantés et répandus de toutes parts“. Правда, онъ говорилъ это еще въ 1780 г. См. *Jean-de-Dieu d'Olivier* o. c. т. I, стр. 330. Но въ 1789 г. въ одномъ изъ многочисленныхъ, циркулировавшихъ

былъ Мирабо, но сила его памфлетовъ была въ значительной степени парализована слухами о его продажности и вообще двусмысленной репутаціей. Въ одномъ изъ своихъ раннихъ памфлетовъ[1]), нарисовавъ тяжелое положеніе страны, Мирабо восторженно восклицаетъ: «....Дайте конституцію! О какія громадныя, неистощимыя богатства дастъ тогда вамъ почва, которую вы считаете истощенной, народъ, который вы называете отчаявшимся!».... И затѣмъ, обращаясь мыслью къ парламентамъ: война парламентамъ—говоритъ онъ—можетъ быть объявлена только въ присутствіи народа... Только тогда они будутъ принуждены занять свое настоящее мѣсто... Вся сила ихъ въ томъ, что правительство находится въ бѣдѣ (détresse), а народъ недоволенъ... Но разсѣйте общественное недовольство, уничтожьте стѣсненія фиска созывомъ Національнаго Собранія и парламенты, только дѣлающіе видъ, что хотятъ его, станутъ «un hors-d'oeuvre» въ національной конституціи [2]).

тогда, летучихъ листковъ подъ именемъ „списокъ друзей народа", имѣвшемъ цѣлью указать Парижскому населенію на время выборовъ достойныхъ кандидатовъ, читаемъ, между прочимъ: Falconet—*ennemi des Parlements* (курсивъ нашъ) martyr du despotisme de l'ordre des avocats!" или ниже: „Esmangard-le jeune ami du Tiers Etat, *quoique Parlementaire* (id)". Такимъ образомъ, враждебное отношеніе къ парламенту было въ это время уже рекламой для кандидата на выборахъ. См. *Ch. L. Chassin.* Les élections et les cahiers de Paris en 1789. т. II, стр. 312—313, перепечатано изъ Archives Nationales. A. D'. 9. Превосходную характеристику парламента, какъ сословнаго учрежденія, мы находимъ у проф. Ардашева. Онъ указываетъ, что въ эпоху Стараго Порядка „всѣ сколько-нибудь значительныя судейскія должности обладали привилегіей сообщать своимъ обладателямъ наслѣдственное дворянское достоинство. Такихъ должностей въ послѣднюю пору стараго порядка насчитывалось болѣе 4.000, изъ которыхъ около половины приходилось на парламенты и прочіе высшіе трибуналы.... Парламенты, а за ними и другія судебныя учрежденія, обладавшія одворянивающими должностями, превратившись фактически въ дворянскія учрежденія, стали допускать въ свою среду тоже лишь людей изъ дворянскаго сословія..... Фактъ одворяненія магистратуры достаточно объясняетъ ту солидарность, которая проявляется въ позднѣйшую пору стараго порядка между дворянствомъ и парламентской магистратурой". *Проф. Ардашевъ* о. с. т. II, стр. 16—24.

1) *Mirabeau.* Suite de la dénonciation de l'agiotage. 1788. $L^{39}b$ 494. ч. VIII. Remède général aux maux de l'Etat.

2) *Ibidem.* стр. 73—74. „При первомъ словѣ о Національномъ Собраніи—добавляетъ онъ—всѣ добрые граждане сконцентрируются около власти. Французы никогда не откажутся отъ монархіи, ибо знаютъ, что Франція—

Во второмъ памфлетѣ—«Réponse aux alarmes de bons citoyens»; написанномъ Мирабо по заказу Ламуаньона [1]) послѣ знаменитаго собранія 19-го ноября 1787 г., онъ еще болѣе рѣзокъ. На цѣломъ рядѣ историческихъ справокъ онъ доказываетъ несправедливость парламентскихъ претензій и сурово осуждаетъ его вмѣшательство въ законодательную область. Онъ цитируетъ слова одного изъ президентовъ парламента, сказанныя еще въ 1484 г.: парламентъ долженъ отправлять правосудіе; финансы, война и внутреннее управленіе не подлежатъ его вѣдѣнію [2]). Парламентъ узурпировалъ эти области, усвоивъ себѣ право регистрацій и ремонстрацій [3]). Это началось при Францискѣ I, когда всѣ судейскія должности были объявлены продажными. Постепенно подготовлялась худшая изъ всѣхъ аристократій. Людовикъ XV изгналъ парламентъ, Людовикъ XVI вернулъ его и первый же шагъ своей новой дѣятельности онъ

„géographiquement monarchique“. (Этотъ перепѣвъ мысли Руссо о невозможности чистой демократіи въ большихъ государствахъ, былъ тогда очень въ ходу).

[1]) Услугами Мирабо благодаря его стѣсненному денежному положенію, нерѣдко пользовался и Калоннъ. См. *Droz* о. с. I, стр. 345 прим. I, Manuel въ своихъ очеркахъ Парижской полиціи XVIII в. сообщаетъ, между прочимъ, любопытное письмо Калонна къ Крону отъ 16 Марта 1787 г. Я очень благодаренъ—пишетъ Калоннъ—за присылку экземпляра произведеній Мирабо... Борясь противъ ажіотажа, онъ вполнѣ содѣйствуетъ видамъ правительства. Но... его заслуги меркнутъ передъ его неизвинительными поступками, его преступною смѣлостью, съ которой онъ критикуетъ королевскіе акты... Въ своемъ послѣднемъ произведеніи онъ злоупотребляетъ своимъ талантомъ и нашимъ терпѣніемъ“... 18-го марта Кронъ получилъ уже приказъ объ арестѣ Мирабо и доставленіи его въ крѣпость. Баронъ-де-Бретейль, посылавшій этотъ приказъ, добавляетъ, между прочимъ: „надо выбрать изъ полицейскихъ агентовъ самаго толковаго (sage) для ареста Мирабо“. *Pierre Manuel.* La Police de Paris devoilée, т. I, стр. 56—58. О сношеніяхъ Мирабо съ Калонномъ см. также *Alfred Stern.* о. с. т. I, гл. X, XII. О попыткахъ созданія дореволюціоннымъ правительствомъ оффиціальной прессы см. глава VIII въ очеркѣ *проф. Ардашева.* Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка стр. 36—42.

[2]) См. *Mirabeau.* Réponse aux alarmes de bons citoyens 1788. $L^{39}b$ 1199, стр. 21.

[3]) Однако, нельзя отрицать, что эта узурпація стала прочной традиціей французской монархіи. Даже Бріеннъ, пытавшійся учинить организацей „Cour Plenière“ своего рода Coup d'Etat, не могъ отказаться отъ мысли о необходимости и законности извѣстнаго контроля надъ законодательной дѣятельностью правительства.

ознаменовалъ нелѣпой борьбой противъ реформы великаго министра (Тюрго). Почему земельный налогъ вызвалъ такое энергичное сопротивленіе съ его стороны? Потому что члены парламента должны были платить новый налогъ, какъ всѣ. Однимъ словомъ, они защищали свои собственные интересы. О Генеральныхъ Штатахъ парламенты заговорили послѣ всѣхъ и Тулузскій парламентъ не постѣснился заявить, что, какова бы ни была роль Штатовъ въ организаціи налоговъ, ни одинъ законъ не можетъ стать таковымъ безъ парламентской регистраціи. Но—восклицаетъ Мирабо—«c'est un charlatanisme ridicule de vouloir faire regarder comme inséparablement unis les intérêts de la Magistrature et de la Nation!» [1]). Нація никогда не ставила наравнѣ—парламентъ и Генеральные Штаты. Тамъ, гдѣ судъ и законодательная власть слиты воедино, тамъ жизнь и свобода гражданъ находятся въ зависимости отъ каприза частныхъ интересовъ. Только потому парламентъ—замѣчаетъ Мирабо — и пользуется популярностью, что правительственный деспотизмъ есть величайшее зло и, поэтому, всякое другое зло, его ограничивающее, уже кажется благомъ [2]). Но—съ геніальной прозорливостью восклицаетъ онъ—«...les privilèges finiront mais le peuple est éternel!»... [3]).

Въ этихъ памфлетахъ Мирабо—лучшая характеристика парламента. Геніальный государственный человѣкъ сумѣлъ не только точно опредѣлить роль парламента въ революціонномъ движеніи и заклеймить его глубоко корыстную политику, но и предсказалъ его будущее паденіе [4]).

---

[1]) *Ibidem* стр. 30—33.

[2]) *Ibidem* стр. 40.

[3]) См. *Mirabeau.* Réponse aux protestations faites au nom des prélats et des possédans—fiéfs de l'Assemblée des Etats actuels de Provence contre le discours du comte de Mirabeau sur la représentation de la Nation provençale dans les Etats actuels, et sur la necéssité de convoquer une Assemblée générale des trois ordres; et contreprotestation 1789. L[39]b 1122 стр. 17.

[4]) Новый великолѣпный ударъ парламентскому тщеславію Мирабо удалось нанести значительно позже—въ 1790 г. Національное Собраніе издало декретъ, въ силу котораго парламентскія вакаціи были продолжены. Однако, Реннскій парламентъ отказалъ въ повиновеніи этому декрету. 8-го января 1790 г. въ Національное Собраніе явилась его депутація для представленія соотвѣтствующихъ объясненій. Ораторъ ея Ла-Гуссэ (de la Houssaye) въ обстоятельной рѣчи (*А. Р.* т. XI, стр. 125—127) пытался объяснить, почему Реннскій

До тѣхъ поръ, пока парламентъ протестовалъ противъ l. d. c. и требовалъ созыва Генеральныхъ Штатовъ, онъ естественно стоялъ во главѣ оппозиціи и революція видѣла въ немъ своего наиболѣе авторитетнаго вождя. Но, когда побѣжденное правительство принуждено было уступить и на очередь былъ поставленъ вопросъ

парламентъ отказался отъ регистраціи декрета 3-го ноября 1789 г. о продленіи вакацій всѣхъ парламентовъ. Главная причина — говорилъ ораторъ — въ томъ, что у парламентовъ сложилась традиція, что не только измѣненія налоговой системы, но и всякія вообще перемѣны въ общественномъ порядкѣ Бретани могутъ быть производимы исключительно съ согласія штатовъ этой провинціи... Наши вольности — права, а не привилегіи... Регистрація парламентомъ вашихъ законовъ безъ согласія штатовъ была бы равносильна его отказу отъ своихъ правъ и вольностей (franchises et libertés). Пренія по дѣлу Реннскаго парламента продолжались 9-го и 11-го января (*А. Р.* т. XI, стр. 128—168). Выступалъ цѣлый рядъ ораторовъ, изъ которыхъ одни защищали парламентъ (Викомтъ Мирабо, Ламберъ-де-Фрондевилль, Дюваль д'Епремениль и др.), указывая на то, что одна chambre des vacations не могла замѣнить цѣлаго парламента и регистрировать декретъ, другіе, какъ Шапелье или Барнавъ, наоборотъ, сурово нападали, упрекая парламентъ за стремленіе сохранить вольности, когда ихъ оставляетъ вся Франція, за смуты и раздоръ, которые они сѣютъ по всей странѣ. Но, дѣйствительно, великолѣпную рѣчь, полную силы, красоты и блеска сказалъ Мирабо. Когда во вчерашнемъ засѣданіи—говорилъ геніальный ораторъ—я слышалъ слова, отъ которыхъ вы отучили уже уши французовъ—„ordres privilégiés", когда частная корпорація одной изъ провинцій королевства говорила здѣсь о невозможности повиноваться вашимъ декретамъ, санкціонированнымъ королемъ, когда судьи вѣщали здѣсь, что „ихъ совѣтъ и ихъ честь" не позволяетъ имъ исполнять вашихъ законовъ—я спрашивалъ себя: Что это—суверены, лишенные трона, которые въ припадкѣ неблагоразумія, по благородной гордости говорятъ о счастливыхъ узурпаторахъ? Нѣтъ! Это—люди, претензіи которыхъ давно уже оскорбляли всякую идею общественнаго порядка, это—частица тѣхъ учрежденій, которыя, поставивъ себя между монархомъ и его подданными, чтобы поработить народъ, управляя королемъ, играли, угрожали, предавали другъ друга по прихоти своего корыстолюбія и задержали на нѣсколько вѣковъ день разума и свободы (de la raison et de la liberté)! Это—горсть судей, которые „sans caractère, sans titre, sans prétexte" говорили представителямъ суверенной власти: мы не повиновались и мы должны были неповиноваться; мы неповиновались и это неповиновеніе прославитъ наши имена; потомство намъ воздастъ за него, наша борьба будетъ предметомъ его сочувствія и уваженія!.. Нѣтъ! память о такомъ безумствѣ не перейдетъ въ потомство! Что всѣ усилія пигмеевъ, пытающихся стереть самую прекрасную, самую великую изъ революцій, революцію, которой суждено измѣнить лицо земного шара (la face du globe) и судьбу человѣческаго рода...... Напрасны—ежедневныя поздравленія, восторги, радости всей страны—11 бретонскихъ судей не желаютъ, чтобы вы были благодѣтелями ихъ отечества!...... „Ils n'ont pas dû enregistrer! Eh! qui leur

о реальной организаціи Генеральныхъ Штатовъ, тогда всѣмъ стало ясно, что парламентъ лишь игралъ въ революцію, по существу же оставался глубоко реакціоннымъ и враждебнымъ широкому освободительному движенію [1]). Стало ясно, что борьба парламентовъ противъ абсолютизма въ 1787-мъ и 1788 г. была не безкорыстнымъ служеніемъ интересамъ «французовъ» или даже «человѣка», какъ говорили ихъ хлесткія ремонстраціи, а узкой эгоистической политикой и перлы патетическаго краснорѣчія прикрывали очень реальные карманные интересы [2]).

---

parle d'enregistrer? qu'ils inscrivent, qu'ils transcrivent, qu'ils copient, qu'ils choisissent parmi ces mots ceux qui plaisent le plus à leurs habitudes, à leur orgueil féodal, à leur vanité nobiliaire, mais qu'ils obéissent à la nation quand elle, leur intime ses ordres sanctionnés par son roi..... Etes-vous justes? comptez les voix; n'êtes vous que prudents? Comptez les hommes, comptez les bras et ne venez plus parler des deux tiers de la province devant une Assemblée qui a décrété une réprésentation nationale, la plus équitable qui existe encore sur la terre...“ Въ заключеніе Мирабо предлагаетъ признать членовъ „chambre des vacations de Rennes“ неспособными къ занятію какихъ-либо общественныхъ должностей до принесенія ими клятвы вѣрности новой конституціи. Дѣло же о преступленіи „lèse—nation“, выразившемся въ неповиновеніи декретамъ Національнаго Собранія, немедленно направить въ компетентный судъ. Рѣшеніе Національнаго Собранія состоялось въ смыслѣ перваго предложенія Мирабо (компромиссъ между предложеніями Камюса и Клермонъ-Тоннерра).

[1]) Конечно, въ лицѣ лучшихъ и наиболѣе безкорыстныхъ своихъ представителей парламентъ былъ увлеченъ силой общественнаго мнѣнія. „Парламенты—пишетъ пр. Ардашевъ—испытываютъ на себѣ вліяніе того самаго общественнаго мнѣнія, руководить которымъ они хотѣли; и чѣмъ болѣе крѣпнетъ сила общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе парламенты утрачиваютъ по отношенію къ нему роль руководителей и тѣмъ явственнѣе становится испытываемое послѣдними вліяніе его силы. Въ 1787 г. Мальзербъ въ докладной запискѣ королю прямо объясняетъ „возбужденное состояніе парламента—вліяніемъ публики“. *П. Ардашевъ.* Администрація и общественное мнѣніе во Франціи передъ революціей. Кіевъ 1905 г. стр. 18—19.

[2]) Историческая литература сурово осудила парламенты. „On doit considérer—писалъ въ своихъ мемуарахъ Кондорсе — que le parlement, en partageant avec le roi la puissance législative et en gardant l'administration de la justice, tendait à introduire l'éspèce de gouvernement le plus tyrannique.... Ceux qui comme M. de Voltaire vivent dans les provinces, savent combien la justice du parlement était funeste au peuple ...“ *Condorcet.* Mémoires. т. I, стр. 21—22. „Were the King weak—пишетъ Карлейль—always (as now) has his Parlement barked, cur—like, at his heels; with what popular cry there might be. Were he strong, it barked before his face; hunting for him as his alert beagle...“ *Th. Carlyle* The French Revolution A history. London. Изд. J. M. Dent. т. I. ч. I. кн. III. The parlement of Paris. стр. 70. „Les parlements—

Таковы итоги парламентской борьбы съ королевской властью!

Несомнѣнно, парламентамъ принадлежала крупная и благотворная роль въ борьбѣ за законность противъ системы l. d. c. Имъ удалось

пишетъ историкъ революціи Габуръ—se trouvaient subitement déshérités de cette popularité sans racine qu'ils avaient conquise en prenant parti contre 2 ou 3 ministres, aimés de la cour..." *Gabourd.* Histoire de la Révolution et de l'Empire. Paris. 1846. т. I. стр. 113. Они хотѣли—резюмируетъ дѣятельность парламентовъ Кассаньякъ—не уничтожить тиранію, а присвоить себѣ монополію распоряженія свободой личности. *Granier de Cassagnac.* Histoire des causes de la révolution française, т. II. стр. 242. У одного изъ историковъ парламента мы читаемъ: „поведеніе магистратуры въ послѣдніе годы Монархіи представляетъ разительный контрастъ между жаждой, съ одной стороны, популярности, преклоненіемъ передъ правами народа; съ другой, упорной привязанностью къ самымъ ненавистнымъ привилегіямъ и несправедливому распредѣленію податной тягости". *Simonnet.* Les parlements sous l'ancienne monarchie, leurs grandeurs et leurs faiblesses. Extrait изъ „Revue historique de droit français et étranger". 1858. Juillet—Août. Paris. 1858. L[25] f. 5. стр. 44. „Ces défenseurs opiniâtres ce palladium de l'ancien régime"—говоритъ про парламентъ Шере. *Chérest.* o. c. т. I. стр. 5. Еще болѣе рѣзко отзывается Martin, называя его „le quartier général de tous les intérêts stationnaires ou rétrogrades". *Martin.* o. c. т. XVI. стр. 369. Лабулэ называетъ парламентскую оппозицію „intraitable et personelle". *Ed. Laboulaye.* o. c. 1868 № 45. Парламентъ—пишетъ Шампіонъ—поддерживалъ деспотизмъ только до тѣхъ поръ, пока видѣлъ въ этомъ для себя выгоду. *Edme Champion.* Esprit de la révolution française. Paris. 1887. стр. 43. „Sie kämpften—пишетъ Валь—bei ihrer Opposition gegen die Reformen nur für ihre Macht und ihr Ansehen.... oft zum Verderben des niederen Volkes, dessen Beschützer sie sonst sein wollten..." *Wahl.* o. c. стр. 8. „C'est un mort qui parle—пишетъ про парламентъ Даръ. Il suscite et conduit la suprême réaction aristocratique qui précéde et prépare l'action révolutionnaire, comme le reflux précède et prépare le flux..." *E. Dard.* o. c. стр. 74 и вообще вся глава IV-я, посвященная парламенту. Не менѣе строго осудили парламентъ русскіе изслѣдователи. Проф. Герье называетъ парламентъ „однимъ изъ самыхъ консервативныхъ учрежденій въ исторіи, съ необыкновенной послѣдовательностью противившимся всякой полезной реформѣ, задуманной правительствомъ", „главнымъ тормазомъ всякихъ нововведеній". *Пр. Герье.* o. c. стр. 128, 319. Проф. Ардашевъ пишетъ: „Въ своемъ далеко не всегда безкорыстномъ сословно-корпоративномъ консерватизмѣ, парламенты—враждебны всякой разумной и гуманной реформѣ въ существующемъ строѣ..." *Пр. Ардашевъ.* o. c. стр. 463. „Парламенты—пишетъ В. Хорошунъ—обнаружили чисто революціонный фанатизмъ въ борьбѣ съ властью. Это сословіе, жившее всѣми мыслями въ прошломъ, также хотѣло произвести своими хилыми руками тѣ самыя молніи, которыя должны были истребить его, какъ древняго римскаго царя, со всѣми признаками существованія на землѣ". *В. Хорошунъ.* Дворянскіе наказы во Франціи въ 1789 г. Т. I. Соціальная и экономическая программа наказовъ. Одесса. 1899. стр. 9.

дискредитировать въ глазахъ общества королевскіе приказы [1]). И въ послѣдній разъ, когда въ парламентѣ шла рѣчь о l. d. c.—въ засѣданіи 5 декабря 1788 г. [2]) между цѣлымъ рядомъ постановленій, которыя парламентъ какъ бы желалъ видѣть въ основѣ будущихъ работъ Генеральныхъ Штатовъ, мы видимъ также спеціальный параграфъ, посвященный вопросу объ обезпеченіи личной свободы. Это парламентское постановленіе, въ которомъ Шере усматриваетъ сложное вліяніе Епремениля и нѣкоторыхъ членовъ общества 30-ти—особенно Мирабо и Лафайета—осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Оно казалось правительству тогда слишкомъ радикальнымъ и преждевременнымъ [3]).

Въ знаменательномъ засѣданіи Королевскаго Совѣта 27-го декабря 1788 г., которому принадлежитъ окончательная выработка принциповъ и программы организаціи Генеральныхъ Штатовъ, программы вызвавшей, несмотря на свою неопредѣленность и противорѣчивость, величайшій энтузіазмъ во всей Франціи [4]), Неккеръ читалъ обширный докладъ. Его Величество—говорилъ онъ, между прочимъ,—въ своемъ милостивомъ вниманіи ко всему, что можетъ такъ или иначе способствовать общему благоденствію, имѣетъ намѣреніе идти впереди законныхъ желаній своихъ подданныхъ, приглашая Генеральные Штаты высказаться по важному вопросу (grande question) о l. d. c., дабы Е. В., просвѣщенное совѣтами Штатовъ, утвердилось въ познаніи правилъ, необходимыхъ въ этой части управленія [5]).

Такъ сходилъ со сцены Старый Порядокъ и когда все кру-

---

[1]) Поэтому, намъ представляется неполной и односторонней характеристика дѣятельности парламентовъ Шовена, когда онъ пишетъ: „La résistance des magistrats *était sans force et sans résultat* devant les moyens employés pour la combattre; les moyens merveilleux étaient les reproches, l'injure, la menace, l'exil, les l. d. c., la destitution individuelle, la destitution en masse, et finalement la suppression ou la désorganisation complète de cette haute magistrature". *Léon Chauvin.* L'Ancien Régime et la Révolution ou revue historique, critique et morale de l'A. R. стр. 8.

[2]) См. *M. U.* т. I. стр. 565. *A. P.* т. I. стр. 551.

[3]) Шере полагаетъ, что временные политическіе союзники имѣли въ виду этимъ постановленіемъ натолкнуть Людовика XVI-го на мысль дать „октроированную хартію". *Chérest.* o. c. т. II. стр. 186—195.

[4]) *A. Brette,* o. c. т. I. стр. 38.

[5]) *M. U.* т. I. стр. 507.

гомъ предвѣщало уже близкую бурю, онъ устами просвѣщеннѣйшаго своего министра все еще лепеталъ о l. d. c., не имѣя твердости отказаться отъ нихъ, не вѣря въ скорую гибель всего режима [1]).

Ниже мы увидимъ, что сказали наказы о l. d. c. и какъ отвѣтила революція на тираду Неккера.

Въ ряду государственныхъ тюремъ дореволюціонной Франціи особое мѣсто занимаетъ Бастилія. Невольно при одномъ упоминаніи о ней, въ воображеніи встаютъ высокія мрачныя стѣны, неприступныя башни, глубокіе сырые казематы, отвратительныя и страшныя орудія пытки. Къ концу XVIII-го вѣка Бастилія становится символомъ деспотизма, именемъ нарицательнымъ для обозначенія всевозможныхъ ужасовъ не только во Франціи, но и далеко за ея предѣлами. Памфлеты и устныя легенды населяютъ ее всѣми страхами, на изобрѣтеніе которыхъ была только способна рабская психика дореволюціоннаго человѣка. Все, что соприкасалось такъ или иначе съ Бастиліей, принимало баснословные размѣры, чему не мало способствовала таинственность, которой правительство облекало все, касавшееся государственной тюрьмы [2]). Постепенно Бастилія обращается въ сплошную легенду, гдѣ правда и вымыселъ переплетаются такъ тѣсно, что даже и теперь, слишкомъ 100 лѣтъ спустя по ея разрушеніи, невозможно опредѣлить достовѣрность того или другого извѣстія.

Литература о Бастиліи—громадна, но значительная ея часть носитъ совершенно апокрифическій характеръ. Изъ бездны разсказовъ, исходившихъ то отъ самихъ заключенныхъ и потому невольно грѣшившихъ нѣкоторыми преувеличеніями, то отъ ихъ дру-

---

[1]) Въ августѣ 1787 г. русскій посланникъ въ Парижѣ—Симолинъ доносилъ правительству, что событія во Франціи не должны внушать особаго безпокойства и что гр. Монморэнъ успокаиваетъ его, говоря, что въ этой странѣ народныя движенія—не опасны. Тотъ-же Монморэнъ еще въ ноябрѣ 1788 г. завѣрялъ, что къ лѣту 1789 г. все успокоится. См. „*Recueil des Traités et Conventions conclus por la Russie avec les puissances étrangères*“ publié par *F. Martens*. T. XIII. 1717—1807. SPB. 1902. стр. 237.

[2]) При выходѣ изъ Бастиліи давалась клятва безусловнаго молчанія относительно всего пережитóго въ ней. Эта клятва, конечно, не помѣшала явиться на свѣтъ десятку мемуаровъ.

зей или почитателей, у которыхъ преувеличенія первыхъ возводились уже въ обязательное правило, то отъ беззастѣнчивыхъ аферистовъ, разсчитывавшихъ на легковѣріе публики, ловившей жадно всякіе слухи о ненавистной тюрьмѣ, мы едва можемъ выдѣлить нѣсколько свидѣтельствъ, на безпристрастіе и правдивость коихъ можно положиться.

Легенды, переходя изъ рукъ въ руки, нашли внимательную аудиторію и въ рядахъ представителей исторической науки и Бастилія дошла до насъ съ страшнымъ клеймомъ «l'enfer vivant», которое запечатлѣли на ней благородные энтузіасты Мишле и Луи Бланъ.

Попробуемъ разобраться въ этомъ пестромъ матеріалѣ.

Бастилія XVIII вѣка была тюрьмой для благородныхъ, знати, аристократовъ. Изъ разночинцевъ одни лишь литераторы пользовались своеобразной привилегіей искупать свои прегрѣшенія передъ властью въ этой тюрьмѣ [1]). Бастилія находилась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ того министра, который имѣлъ Парижъ въ своемъ департаментѣ. Ежедневно ему доставляли свѣдѣнія какъ о числѣ новыхъ заключенныхъ, такъ и мотивахъ ихъ заключенія [2]).

Мотивы заключенія, перѣдко поражаютъ неожиданностью и легкомысліемъ. Мы съ ними знакомились уже выше, когда говорили

---

[1]) „La Bastille est la prison des nobles, la maison centrale des aristocrates“. *Couret.* La Bastille depuis ses origines jusqu'à sa chute 1369 — 1789. Revue du Monde latin, т. XVII стр. 59; также *Senot de la Londe.* La prison poiitique de la monarchie. Vannes 1899. *La Bastille devoilée ou recueil de pièces authentiques pour servir à son histoire.* T. 1—3. Paris. 1789—1790. L⁷к 7691 — называетъ Бастилію „noble château“, вып. VI, стр. 14. Luçay называетъ Бастилію „l'hôtel des grands seigneurs“, „l'hôtel des gens de lettres“. *Comte de Luçay.* Les secrétaires d'Etat depuis leur institution jusqu'à la mort de Louis XV. Des origines du pouvoir ministeriel en France. Paris. 1881. Стр. 563. Число заключенныхъ литераторовъ при старомъ режимѣ было значительнымъ. Они нашли спеціальнаго біографа въ лицѣ Delort'a, давшаго болѣе 50 біографій поэтовъ, ученыхъ, журналистовъ, памфлетистовъ и т. п. *Delort. J.* Histoire de la détention des philosophes et des gens de lettres à la Bastille et à Vincennes précédé de celle de Foucquet Pelisson et de Lauzun. T. 1—3. Paris. 1829. L⁷к 7696. Когда Бастилія пала, въ Парижѣ шутили: „Voilà donc les hommes de lettres sans logement dans Paris“. *E. et J. de Goncourt.* Histoire de la société française pendant la révolution. 3 éd. Paris. 1864. стр. 34.

[2]) См. *Ravaisson,* o. c. т. I. Введеніе.

o lettres de cachet. Наибольшая цифра заключеній падаетъ, по преимуществу, на время религіозныхъ гоненій.

Вообще же всѣ статистическія цифры, касающіяся Бастиліи, которыми мы располагаемъ, глубоко противорѣчатъ разнымъ легендамъ о, якобы, баснословной легкости заключенія въ нее.

При Людовикѣ XIV и Людовикѣ XV, напримѣръ, среднее число заключенныхъ въ Бастиліи, никогда не превышало 43-хъ. Число же заключенныхъ по чисто политическимъ мотивамъ никогда одновременно не было выше 4-хъ, по религіознымъ выше 2-хъ [1]). Въ продолженіе 46 лѣтъ, замѣчаетъ Ленгэ, въ Бастиліи было не болѣе 2000 заключенныхъ, то-есть менѣе 44-хъ въ годъ. При Людовикѣ XV въ ней бывало иногда не болѣе 7 человѣкъ [2]). При Людовикѣ XVI-мъ это число еще падаетъ. За все время его царствованія Бастилія получила 240 новыхъ кліентовъ, то-есть около 16 человѣкъ въ годъ. За періодъ съ 1783 г. по 1789 г. Бастилія оставалась почти пустой [3]). Извѣстно, что 14 іюля 1789 г. въ Бастиліи нашли и освободили всего 7 человѣкъ [4]). Изъ нихъ чет-

---

[1]) См. *M. U.* Засѣданіе Законодательнаго Корпуса 18 февраля 1858 г. № 51, стр. 218, рѣчь Granier de Cassagnac'а. За преступленія общаго характера въ Бастилію впервые стали заключать при Людовикѣ XIV-мъ.

[2]) *Linguet.* Mémoires sur la Bastille. Стр. X. art. I.

[3]) *Funck-Brentano.* Légendes et archives de la Bastille. Paris. 1898. Свѣдѣнія о числѣ заключенныхъ по годамъ вплоть до 1761 г. съ указаніемъ мотивовъ заключенія, имѣются въ одномъ изъ наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ о Бастиліи—„*La Bastille dévoilée*". (Авторство по Барбье принадлежитъ Шарпантье. См. *Barbier.* Dictionnaire des ouvrages anonymes. 3 изд. Paris. 1872. т. I., стр. 386.). Цифры, которыя даетъ *Boiteau P.* Etat de le France en 1789. 2 édition. Paris. 1889—явно невѣрны.

[4]) *Carra*—автору извѣстнаго сочиненія *Mémoires historiques et authentiques sur la Bastille.* T. 1—3. Londres et Paris. 1789. L⁷к 7693. (Авторство установлено *Barbier,* о. с. т. III., стр. 225)—принадлежитъ легенда еще о 8-мъ заключенномъ въ Бастилію, будто бы освобожденномъ 14 іюля 1789 г. Этотъ 8-й—нѣкій гр. де Лоржъ, якобы, пробылъ въ заключеніи 32 года—съ 1757 г. Гр. де-Лоржъ, однако, оказался лицомъ миѳическимъ, несуществовавшимъ вовсе. Это доказалъ *Alf. Bégis* въ „*Intermédiaire des chercheurs et des curieux*" N⁰ отъ 10 апр. 1889 г. См. объ этомъ *Seré Paul* La Bastille devant l'histoire. Recueil des publications de la société havraise d'études diverses 1890. I trimestre. Le Havre 1890. стр. 103—104. См. также *Vict. Fournel.* Les hommes du 14 Juillet. Gardes-françaises et vainqueurs de la Bastille. Paris. 1890. Фурнель видитъ въ гр. де-Лоржъ тенденціозную выдумку—„mensonge voulu et systématique". Это баснословное существо по остроумному предполо-

веро сидѣло за подлогъ векселей, двое страдали психическимъ разстройствомъ и седьмой—графъ de Solage, былъ посаженъ по семейному ходатайству за преступленіе противъ нравственности [1]).

Болѣе спорнымъ является вопросъ о Бастильскомъ режимѣ. Уже изъ того, что мы знаемъ о числѣ заключенныхъ и ихъ общественномъ положеніи можно было бы a priori заключить, что режимъ тюрьмы не могъ отличаться особенной суровостью. Но въ то время, какъ одни послѣ пребыванія въ Бастиліи, дѣйствительно, не выносили оттуда мрачныхъ впечатлѣній, а наоборотъ, расхваливали ея порядки и даже не жалѣли о времени, проведенномъ въ ней, другіе разсказывали про тысячи ненужныхъ стѣсненій, которымъ ихъ подвергалъ драконовскій режимъ тюрьмы, вспоминали съ ужасомъ время, проведенное въ ея стѣнахъ, и призывали проклятія потомства на Бастилію и деспотизмъ, запиравшій въ нее невинныя жертвы. Многое, разумѣется, быть можетъ даже, бо̀льшая половина этихъ жалобъ, должна быть отнесена на долю фальшивой риторики, разсчитанной на ореолъ мученичества, если не въ глазахъ современниковъ, то въ глазахъ потомства, но если во всѣхъ ужасахъ, разсказанныхъ о Бастиліи и ея порядкахъ, справедлива хоть одна десятая часть, то и тогда намъ будетъ вполнѣ понятна та страшная репутація, съ которой тюрьма жила и погибла. Обратимся къ свидѣтельствамъ современниковъ.

женію Фурнеля образовалось изъ комбинаціи нѣсколькихъ реальныхъ лицъ. Отъ Солажа былъ взятъ аристократическій титулъ, отъ Тавернье—длинная борода и т. д. См. особенно главу IV-ую стр. 117 — 138. Ср. также *Beffroy de Reigny* (Cousin Jacques) Histoire de France pendant trois mois depuis le 15 Mai jusqu'au 15 Août 1789. Paris. 1789. Lb^{39} 2218 стр. 83.

[1]) Тавернье былъ посаженъ въ Бастилію въ 1759 г. за участіе въ заговорѣ противъ Людовика XV. Былъ сумасшедшимъ еще до заключенія. Уайтъ де-Маллевиль былъ посаженъ въ 1784 г. какъ психически больной. Солажъ сидѣлъ съ 1765 г. за „crimes atroces et notoires“. *Vict Fournel*, o. c. стр. 122. Ср. также *Mémoires Linguet; Bastille devoilée*, 2 вып., стр. 69, *Fr. Funck-Brentano.* La Bastille d'après ses archives. Revue Historique 1890. т. 42., стр. 38—73 и стр. 278—316; *A. Babeau.* La province sous l'ancien régime. стр. 405—406; *Seré Paul*, o. c.; *Ch. L. Chassin.* Les élections et les cahiers de Paris en 1789, т. III, стр. 522—527; 535—536. „...Cette forteresse (Bastille)—говоритъ Ламартинъ — si hermétiquement fermée et si solidement murée, n'etait, en réalité qu'un corps sans âme depuis qu'elle avait été convertie presque exclusivement la prison d'Etat“. *A. de Lamartine.* Histoire des constituants. Paris. 1855 г., т. II, стр. 11.

Прежде всего насъ поражаетъ заявленіе нѣкоторыхъ изъ заключенныхъ въ Бастилію въ послѣднюю пору ея существованія, что болѣе ранній режимъ былъ несравненно мягче того, которому подвергались они. Такъ, напримѣръ, Ленгэ, заключенный при Людовикѣ XVI [1]), въ своихъ мемуарахъ, сравнивая прошлое тюрьмы съ настоящимъ, пишетъ: «въ прежнее время Бастилія была раемъ въ сравненіи съ тѣмъ, что она теперь;. . .тогда заключенныхъ можно было навѣщать, они видѣлись постоянно другомъ съ другомъ, вмѣстѣ гуляли; Laporte [2]) говорилъ даже о «libertés de la Bastille» [3]).

На первый взглядъ это кажется необъяснимымъ. Какимъ образомъ при болѣе гуманномъ и просвѣщенномъ правительствѣ, какимъ, несомнѣнно, было правительство Людовика XVI въ сравненіи со всѣми предшествовавшими, тюремный режимъ могъ быть болѣе суровымъ чѣмъ раньше?

Объяснить это пытается авторъ «Bastille devoilée». «Прежде, говоритъ онъ, въ Бастилію попадали одни государственные преступники и по отношенію къ нимъ довольствовались простымъ заключеніемъ; позже Бастилія становится убѣжищемъ для всѣхъ неугодныхъ администраціи, а съ ними всякую щепетильность стали считать излишней» [4]).

Едва ли это объясненіе правильно. Прежде всего безусловно невѣрно то, что въ раннюю пору существованія Бастиліи въ нее попадали одни государственные преступники, а не жертвы также личныхъ счетовъ или настроеній временщиковъ. Конечно, первыхъ было несравненно больше—одна клерикальная политика правительства требовала тысячъ жертвъ, но, во-первыхъ, лишь ни-

---

[1]) Ленгэ былъ въ Бастиліи съ 27 сентября 1780 г. по 19 мая 1782 г.

[2]) Лапортъ (1603—1680) недалекій, но хитрый и самоувѣренный лакей Анны Австрійской, попалъ въ Бастилію вслѣдствіе придворныхъ интригъ. Своимъ упорнымъ молчаніемъ въ тюрьмѣ онъ оказалъ важную услугу королевѣ и въ этомъ смыслѣ содѣйствовалъ ея примиренію съ Людовикомъ XIII. Впослѣдствіи Лапортъ гордо называлъ Людовика XIV „l'enfant de son silence". Въ Бастиліи Лапортъ пробылъ съ 12 августа 1637 г. по 12 мая 1638 г. См. *Mémoires inédits de l'abbé Morellet*. Deux. edition т. 1—2. Paris 1822 (L^{33}a89). Предисловіе.

[3]) См. *Linguet* о. с. стр. 4—5. См. т. „*La Bastille devoilée*", второй выпускъ. стр. 52—54.

[4]) „*Bastille dévoilée*" гл. I, стр. 6.

чтожная часть ихъ, попадала въ Бастилію, а во вторыхъ—и это главное—почти всѣ мемуары, оставшіеся намъ отъ добраго стараго времени Бастиліи, по преимуществу XVII вѣка, написаны лицами, бывшими исключительно жертвами придворныхъ интригъ [1]). По мнѣнію автора «Bastille dévoilée», они должны были бы подвергаться особенно суровому режиму, между тѣмъ именно имъ принадлежитъ цѣлый рядъ подчасъ удивительныхъ апологій той тюрьмы, которая послѣ казалась такой страшной и ненавистной политическимъ преступникамъ или литераторамъ, состоявшимъ въ оппозиціи. Наконецъ, если и говорить объ административной щепетильности въ эпоху Стараго Порядка, то, конечно, она шла, нарастая по мѣрѣ приближенія къ революціи, а никакъ не обратно. Бастилія питалась жертвами l. d. c., а мы уже знаемъ, какъ пало употребленіе ихъ въ послѣдніе годы Старой Монархіи; параллельно въ замирающемъ темпѣ шла и жизнь самой Бастиліи.

Намъ кажется, что жалобы на возраставшія, якобы, строгость и жестокость тюремнаго режима имѣютъ чисто психологическое объясненіе. Лишеніе свободы по l. d. c. становится къ концу XVIII вѣка наказаніемъ ненавистнымъ и то, что охотно прощали, а быть можетъ, и просто не замѣчали вѣрноподанные Людовика XIII и Людовика XIV, вызываетъ уже страстное негодованіе и протесты со стороны воспитавшагося на просвѣтительной философіи и оппозиціонно настроеннаго «гражданина» послѣдней монархіи [2]). Громадное значеніе для оцѣнки тюремнаго режима имѣетъ также бо̀льшая или меньшая продолжительность заключенія. Человѣкъ, отбывшій продолжительное тюремное заключеніе смотритъ на тюремный режимъ иными глазами, чѣмъ тотъ, который пробудетъ въ тюрьмѣ нѣсколько недѣль или даже дней. Между тѣмъ, продолжительность заключенія въ Бастиліи фактически колебалась между 3 днями и 30 годами. Между положеніемъ Латюда, провед-

---

[1]) Напр., мемуары Лапорта, Гурвилля, Стааль и др.

[2]) Уже въ 1712 году лейтенантъ полиціи Аржансонъ писалъ Мадамъ Ментенонъ, что обращеніе въ Бастиліи съ заключенными—хорошее, пища—достаточная. Во время болѣзни оказываютъ не только тѣлесную, но и моральную помощь, но самый фактъ лишенія свободы вызываетъ недовольство и наполняетъ мемуары отбывшихъ наказаніе жалобами на административный и тюремный режимъ. См. *Mirabeau*. Des lettres de cachet et des prisons d'état, т. II, стр. 8.

шаго почти всю жизнь въ тюремныхъ казематахъ, и Мармонтеля, отсидѣвшаго въ Бастиліи едва 11 дней, разница настолько очевидна, что должна была сказаться и въ ихъ послѣдующемъ отношеніи къ тюремнымъ порядкамъ. Главное же то, что режимъ Бастиліи вообще никогда не былъ одинаковымъ; онъ измѣнялся постоянно и не только во времени, но и въ отношеніи къ отдѣльнымъ заключеннымъ. Режимъ Бастиліи, разумѣется, настолько же зависѣлъ отъ воли и наставленій центральной власти, какъ и отъ капризовъ и настроеній ея непосредственнаго начальства, т. е. губернатора и его помощника—королевскаго лейтенанта (lieutenant de roi). Несмотря на многочисленныя свидѣтельства о томъ, что для удовлетворенія самой ничтожной просьбы заключеннаго требовалась сложная процедура, вслѣдствіе необходимости для мѣстнаго начальства сноситься каждый разъ съ центральной властью, тѣмъ не менѣе во многихъ вопросахъ тюремнаго распорядка начальникъ Бастиліи оставался полнымъ и безконтрольнымъ хозяиномъ и отъ его личныхъ качествъ зависѣло облегченіе или отягченіе участи заключеннаго. Мемуары отбывшихъ наказаніе очень ярко подтверждаютъ это: въ то время, какъ одни губернаторы Бастиліи пріобрѣли репутацію палачей, другіе сумѣли и на этотъ тяжеломъ и непопулярномъ посту снискать себѣ общую любовь и уваженіе [1]). При долговременномъ же заключеніи играютъ большую роль не только личныя качества начальника тюрьмы, но и смотрителей и даже сторожей, которые входятъ ежедневно въ непосредственное общеніе съ заключеннымъ. Ясно, какая пестрота сужденій должна была получиться въ зависимости только отъ перемѣнъ въ служебномъ составѣ Бастиліи. Наконецъ, тюремный режимъ, какъ мы сказали, мѣнялся не только во времени, но и въ отношеніи къ отдѣльнымъ

---

[1]) Когда Мармонтель въ 1761 году попалъ въ Бастилію, начальникомъ ея былъ нѣкій M-r Abadie. Въ разговорѣ съ слугой Мармонтеля одинъ изъ тюремныхъ служащихъ выразился про него такъ: О, это—чудный человѣкъ! Онъ только и принялъ на себя эту обязанность, чтобы утѣшать заключенныхъ. У него былъ дурной предшественникъ, но съ нимъ точно лучъ солнца проникъ въ нашу тюрьму. См. *Mémoires de Marmontel* sécr. perp. de l'acad. franç. préc. d'une introduction par M. Fs. Barrière. Paris 1846. въ „Bibl. des mem., relatives à l'hist. de France pendant le XVIII s. avec avantpropos et notices par Barrière“, т. V, стр. 253. $L^{45}{}_{24}$. Губернаторы Saint-Mars и de Berneville пользовались среди заключенныхъ большой популярностью. См. *Seré Paul* o. c.

заключеннымъ. Bournon, написавшій лучшую по объективности и полнотѣ работу о Бастиліи, различаетъ двѣ главныхъ категоріи заключенныхъ: 1) имѣвшихъ такъ называемую «la liberté de la cour» и 2) «qui sont renfermés». Первые, по его словамъ, были обставлены со всевозможнымъ комфортомъ, вторые умирали съ голоду и мерзли въ темныхъ башняхъ [1]). Такое неравенство въ условіяхъ заключенія, разумѣется, не мало способствовало разнорѣчивымъ и даже противоположнымъ сужденіямъ о Бастиліи.

Резюмируя вышесказанное, мы приходимъ къ заключенію, что едва-ли авторъ «Bastille dévoilée» былъ правъ, утверждая, что режимъ Бастиліи прогрессировалъ въ суровости и жестокости. Для этого ни онъ и никто другой не привелъ никакихъ серьезныхъ доказательствъ, между тѣмъ какъ отдѣльныя указанія и апріорныя соображенія говорятъ скорѣе въ пользу противоположнаго.

Какъ бы то ни было, къ послѣдней четверти XVIII вѣка репутація Бастиліи была установлена и эта репутація была поистинѣ ужасной. Самые невѣроятные слухи о ней встрѣчали полное довѣріе; общественные толки и пересуды искажали ихъ еще болѣе и пріукрашали самыми фантастическими подробностями. Когда Ленгэ былъ посаженъ въ Бастилію, разнесся слухъ, что его тамъ повѣсили и, несмотря на явную нелѣпость этого извѣстія, въ него немедленно увѣровали [2]).

Въ народѣ постоянно ходили упорные слухи о пыткахъ, которымъ, якобы, подвергали заключенныхъ въ Бастиліи. Въ его возмущенномъ воображеніи Бастилія была населена полуживыми стра-

---

[1]) *F. Bournon.* La Bastille, изъ серіи „Histoire générale de Paris“ 1893. стр.. 139. Послѣднее, впрочемъ, имѣетъ мѣсто, по словамъ того же Bournon, лишь до второй половины 18 вѣка, съ которой начинается наиболѣе короткій, но и наиболѣе извѣстный періодъ Бастиліи. См. стр. 140 и слѣд. Въ провинціальныхъ монастыряхъ и госпиталяхъ, служившихъ тюрьмами, режимъ, которому подвергались заключенные, находился всецѣло въ зависимости отъ степени состоятельности ихъ семей или тѣхъ родственниковъ, которые исходатайствовали l. d. c. Въ зависимости отъ пенсіона, который они платили, мѣнялись помѣщеніе и столъ, конечно, и самое обращеніе съ заключеннымъ.

[2]) Le procédé—замѣчаетъ Ж. Симонъ, разсказывая про этотъ случай—paraissait violent, mais il ne paraissait pas complétement invraisemblable“. *J. Simon.* La liberté civile 1867, стр. 357. См. подобный же случай въ примѣчаніи 1-мъ на той же стр.

дальцами, прикованными цѣпями къ ледянымъ каменнымъ стѣнамъ, съ трудомъ отбивающимися отъ жадныхъ крысъ, полуослѣпшими отъ вѣчнаго мрака, умирающими отъ голода [1]). Отъ поры до времени въ печати появлялись какія-нибудь разоблаченія; разсказывали чудовищныя вещи про таинственную тюрьму. Въ настоящее время кредитъ такихъ, въ свое время очень популярныхъ, документовъ сильно пошатнулся.

Наиболѣе убійственными для репутаціи Бастиліи были 2 изданія: 5-ти томный трактатъ Ренневиля, вышедшій въ Амстердамѣ въ 1724 году [2]) и знаменитые мемуары Латюда [3]). Повѣствованія Ренневиля носятъ настолько баснословный характеръ, что уже Ленгэ въ своихъ мемуарахъ квалифицировалъ его трудъ, какъ «tissu de grossièretés dégoutantes et de fables absurdes». Да и самая личность автора—французскаго посланника при голландскомъ дворѣ, продававшаго государственные секреты своей родины, внушаетъ мало довѣрія [4]). Тюремныя одиссеи Латюда, продолжавшіяся 35 лѣтъ съ 1749 по 1784 г. [5]), являются, правда, едва ли не самымъ за-

---

[1]) Cachots совершенно не функціонировали при Людовикѣ XVI-омъ. *Vict. Fournel* o. c. стр. 16, 34.

[2]) *Constantin de Renneville.* L'inquisition française ou l'histoire de la Bastille. T. 1—5. Amsterdam 1724. L⁷к. 7675.

[3]) „*Le despotisme dévoilé ou mémoires de Henri Masers de Latude*". rédigés sur les pièces originales par M. Thierry. См. въ „Bibliothèque des mémoires relatifs à l'histoire de France pendant le 18 siècle" avec avant-propos et notes par *M. Barrière.* T. XXVIII, Paris 1866. $L^{45}{}_{24}$. См. также его повѣствованія о бѣгствѣ изъ Бастиліи въ 1756 г. въ „*Mémoires historiques et authentiques sur la Bastille*". Publ. par J. L. Carra, стр. 286—320.

[4]) См. *Fr. Funck-Brentano.* La Bastille d'après ses archives. Revue Historique 1890, т. 42, стр. 38—73, 278—316.

[5]) Латюдъ сидѣлъ въ Бисетрѣ, Шарантонѣ, Венсеннахъ и Бастиліи. Впервые въ Бастилію Латюдъ попалъ совсѣмъ молодымъ. Желая сдѣлать быструю карьеру, онъ вздумалъ отправить маркизѣ Помпадуръ безвредный порошокъ, предупредивъ ее въ другомъ письмѣ, что онъ открылъ заговоръ противъ ея жизни и что ей будетъ посланъ опасный порошокъ съ намѣреніемъ лишить ее жизни. Путемъ сличенія почерковъ, мистификатора удалось открыть и, хотя Латюдъ чистосердечно признался во всемъ, разгнѣванная фаворитка посадила его въ Бастилію. Здѣсь почти наканунѣ освобожденія онъ нацарапалъ стихи, оскорбительные для чести маркизы, какъ женщины. Въ результатѣ заключеніе стало безсрочнымъ. Послѣ этого начались его знаменитые побѣги, которые, однако, каждый разъ кончались неудачей, благодаря его безпечности и легкомыслію. Во всякомъ случаѣ, терпѣніе его и энергія—удивительны. Въ Парижскомъ Музеѣ Carnevalet собраны различные предметы,

мѣчательнымъ образчикомъ деспотизма Старой Монархіи, отдавшаго человѣческую жизнь въ руки оскорбленной придворной фаворитки. Но записки Латюда, свидѣтельствующія о необыкновенной энергіи и смѣлости ихъ автора, представляютъ въ то же время такую смѣсь потрясающей жизненной правды съ явными вымыслами, мелкимъ хвастовствомъ и, полнымъ пренебреженіемъ къ истинѣ, что, конечно, не могутъ считаться надежнымъ источникомъ для ознакомленія съ Бастиліей и другими государственными тюрьмами Старой Монархіи [1]).

Гораздо бóльшей основательностью и безпристрастіемъ отличаются мемуары Ленгэ, который, какъ мы видѣли выше, не возражалъ даже принципіально противъ государственныхъ тюремъ [2]).

посвященные памяти Латюда. Между ними находится та полотняная лѣстница, съ помощью которой Латюдъ бѣжалъ въ первый разъ изъ Бастиліи. Эта лѣстница является однимъ изъ лучшихъ свидѣтельствъ противъ жалобъ на чрезмѣрную суровость Бастильскаго режима: она отличается такими грандіозными размѣрами, что мудрено было бы ее не замѣтить при существованіи строгаго надзора. Съ другой стороны, обиліе полотна, которое извелъ Латюдъ на лѣстницу показываетъ, что въ Бастиліи можно было жить съ комфортомъ. Послѣ бѣгства Латюда было дано распоряженіе о бóльшей экономіи и болѣе строгомъ контролѣ за выдаваемымъ бѣльемъ. См. объ этомъ *Paul Sér* o. c. стр. 96. 7-го мая 1790 г. Латюдъ былъ допущенъ въ Національное Собраніе, гдѣ Тьерри произнесъ въ честь его рѣчь. Въ этой рѣчи онъ называлъ Латюда „malheureuse et trop célèbre victime du despotisme". Національное Собраніе отнеслось къ Латюду крайне сочувственно. См. *A. P.* т. XV. стр. 422.

[1]) Критикѣ мемуаровъ Латюда посвящена, напр., VI глава изслѣдованія Функъ-Брентано „Légendes et archives de la Bastille". Къ сожалѣнію, Функъ-Брентано, тенденціозный вообще, впадаетъ здѣсь мѣстами въ истинный шаржъ, значительно умаляющій цѣнность матеріала, находившагося въ его распоряженіи. Критика его иногда переходитъ въ грубую апологію Бастиліи. Предисловіе Сарду, никакого отношенія къ исторической наукѣ не имѣющаго, вызываетъ также недоумѣніе.

[2]) См. *Linguet.* Mémoires sur la Bastille въ „Coll. des mémoires relatifs à la Rév. fr. и его же мемуары, напечатанные вмѣстѣ съ мемуарами Латюда въ „Bibl. des mém. rel. à l'hist. de France". Второе изданіе разнится отъ перваго только тѣмъ, что въ немъ выпущены первыя $11^1/_2$ страницъ его мемуаровъ. См. т. *Monin.* Mémoires sur la Bastille Linguet-Dusaulx. Publiés avec préface, notes et tables par Monin. Paris 1889. Bournon называетъ мемуары Ленгэ и Латюда одинаково „habilement perfides". *Bournon* o. c. Введеніе, стр. 1. Далѣе перваго упрекаетъ онъ въ лживости, а второго въ преувеличеніяхъ. Фурнель называетъ Ленгэ „versatile et déclamatoire". *Vict. Fournel* o. c. стр. 8.

На что же жалуется Ленгэ? Всѣ стороны тюремной жизни равно вызываютъ его негодованіе. Помѣщенія для заключенныхъ ужасны: погреба зимой, они обращаются въ сырыя печи лѣтомъ. Столъ—дурной, причинявшій, по его словамъ, желудочныя страданія; докторской же помощи добиться было трудно, особенно ночью [1]). Далѣе Ленгэ жалуется на отсутствіе книгъ и бумаги, распечатываніе получаемыхъ писемъ, абсолютное воспрещеніе свиданій и прогулокъ [2]), убійственныя формальности при удовлетвореніи самой обыденной просьбы [3]), наконецъ, взяточничество тюремной администраціи. Ленгэ вспоминаетъ свой ужасный страхъ при всякомъ ночномъ шумѣ, о чемъ говорятъ въ мемуарахъ и нѣкоторые другіе заключенные [4]). «Весь режимъ Бастиліи—заключаетъ онъ—какъ бы спеціально приноровленъ къ тому, чтобы мучить заключенныхъ..... Это—воистину адскій режимъ» [5]).

Но, рядомъ съ Ленгэ, мы имѣемъ цѣлый рядъ другихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ мы выносимъ впечатлѣніе совершенно обратное тому, которое получили сейчасъ.

---

[1]) См. по этому поводу разногласія между Bournon и F. Brentano. *Bournon* o. c. стр. 153.

[2]) При Ленгэ начальникомъ Бастиліи былъ de Launay, который сдалъ находившійся при Бастиліи фруктовый садъ въ аренду и не пускалъ въ него гулять заключенныхъ.

[3]) Ленгэ приводитъ любопытную переписку тюремнаго начальства съ высшей администраціей по вопросу о бритьѣ итальянца Pizzoni. Послѣ цѣлаго ряда донесеній воспослѣдовала, наконецъ, милостивая резолюція лейтенанта полиціи отъ 3 іюня 1756 г. „....Je veux bien qu'on le rase et qu'il m'écrive". *Linguet.* Mémoires etc. стр. 78, прим. 1.

[4]) Barrière въ предисловіи къ мемуарамъ Латюда справедливо замѣчаетъ, что тѣ страданія, которыя претерпѣвали заключенные, были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чего они могли опасаться. Въ своемъ воображеніи они естественно создавали въ тысячу разъ сильнѣйшія муки, чѣмъ тѣ, которыя они дѣйствительно переживали. Это являлось часто источникомъ тѣхъ преувеличеній, которыя позже стали общимъ мѣстомъ въ литературѣ вопроса.

[5]) *Linguet* o. c. стр. 125—127. Въ любопытномъ примѣчаніи, посвященномъ Россіи, Ленгэ отдаетъ предпочтеніе русской Сибири передъ французской Бастиліей. Тамъ—говоритъ онъ—можно хоть жить съ семьей, дѣлиться впечатлѣніями; въ Бастиліи каждый предоставленъ самому себѣ съ своими горькими мыслями". Ibidem стр. 162—163. Ленгэ, между прочимъ, упрекалъ Launay и за то, что онъ заперъ его въ помѣщеніи, украшенномъ фресками „représentant des scènes de passion, ce qui affectait sa sensibilité". См. *Gustave Bord.* La prise de la Bastille et les conséquences de cet événement dans les provinces jusqu'aux journées des 5 et 6 octobre 1789. Paris 1882, стр. 70.

Прежде всего оказывается, что Бастилія, открывала свои двери иной разъ даже и тѣмъ изъ своихъ кліентовъ, которые еще не успѣли отбыть наказанія. При Людовикѣ XIV-мъ, напримѣръ, одному заключенному для устройства его дѣлъ разрѣшаютъ на честное слово поѣхать въ Голландію на 3 недѣли (въ 1709 г.). Такой же отпускъ на честное слово получилъ нѣкій Langlin при Людовикѣ XV-мъ [1]).

Эти факты, быть можетъ,—лишнее свидѣтельство въ пользу того, съ какой легкостью сажали въ Бастилію совсѣмъ неопасныхъ людей, но въ то же время они находятся въ полномъ противорѣчіи съ утвержденіемъ Ленгэ объ абсолютномъ воспрещеніи заключеннымъ свиданій и вообще сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Сношенія заключенныхъ между собой по общему правилу были воспрещены, но это было одно изъ тѣхъ правилъ, которое нарушалось безпрестанно и видѣться заключеннымъ между собой было, несомнѣнно, гораздо легче, чѣмъ получить свиданіе извнѣ [2]). Совершенно изолированы были только дѣйствительно важные государственные преступники, но такихъ въ Бастиліи всегда было немного. Нѣкоторые изъ родовитыхъ заключенныхъ имѣли при себѣ своихъ слугъ и устраивались съ большимъ комфортомъ. Въ Бастиліи разыгрывались даже романы. Громкую извѣстность, получилъ, напримѣръ, романъ дѣвицы Делонэ, разсказанный ею самой въ ея мемуарахъ [3]).

---

[1]) См. *Aubert*. Le Parlement et les prisonniers. Pièce. Paris 1893. $L^{25}f$. 239, стр. 7.

[2]) „Въ Бастиліи — говоритъ Равессонъ — рѣдко подвергали одиночному заключенію; обыкновенно каждому заключенному подбирали товарища или по профессіи, или по характеру совершеннаго преступленія—напримѣръ шпіона къ шпіону, вора къ вору и т. п. См. *Ravaisson*. Archives de Bastille, т. I. Введеніе. Разсказы же слишкомъ пылкаго Dusaulx о томъ, что въ Бастиліи дѣвочку 7 лѣтъ запирали рядомъ съ столѣтнимъ старцемъ, повидимому, должны быть отнесены къ области чистыхъ вымысловъ. См. *Dusaulx*. De l'insurrection parisienne et de la prise de Bastille. Въ „Coll. des mém. relatifs à la Rev. française". L^7к. 7679., стр. 399. Имѣется также немало свидѣтельствъ о разрѣшеніи заключеннымъ внѣшнихъ свиданій. Вотъ—два примѣра наудачу изъ Бастильскихъ Архивовъ: 1) 24 октября 1663 г. король разрѣшаетъ нѣкоему Делорму *постоянно* видѣться съ С. Мартеномъ, 2) 25 октября 1663 г., то-есть на другой день, король лишаетъ нѣкоего Jeannin de Castille права свиданій съ родственниками и друзьями до новаго ордера. См. *Ravaisson* о. с. т. II, стр. 154 и 155.

[3]) *Mémoires de madame de Staal* въ „Nouvelle Collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIII siècle jusqu'à là fin du XVIII".

Столъ по свидѣтельству цѣлаго ряда заключенныхъ, вопреки завѣреніямъ Ленгэ, былъ превосходный [1]). Даже Ренневиль, наполнившій по выраженію Равессона [2]), свои книги пасквилями и выдумками, говоритъ объ обиліи ѣды, вина и даже шампанскаго. Да иначе и быть не могло. Содержаніе заключеннаго въ Бастиліи по l. d. c. оплачивалось изъ королевской казны. Суммы, которыя отпускались на этотъ предметъ были настолько значительны, что несмотря на злоупотребленія со стороны администраціи, заключенный всегда могъ составить себѣ нѣкоторую экономію.

Каждому заключенному, напримѣръ, полагалось вино, причемъ въ Бастилію вино поставлялось хорошее. Многіе изъ заключенныхъ отказывались отъ вина и стоимость его выдавалась имъ въ деньгахъ при выходѣ изъ тюрьмы. Можно было условиться также и о болѣе простомъ содержаніи и, такимъ образомъ, экономить на пищѣ. Нѣкоторымъ такимъ путемъ удалось скопить порядочное состояніе [3]).

Даже Ренневиль, враждебно настроенный къ порядкамъ Бастиліи, замѣчаетъ, что нѣкоторые стремились попасть именно въ

Précédés de notices par Michaud et Poujoulat, т. X. Paris. 1839. Mad. Delaunay, въ замужествѣ Mad. de Staal (1693—1780) находилась при дворѣ герцогини du Maine. Блиставшая талантами, окруженная многочисленными поклонниками, она сдѣлалась жертвой придворныхъ интригъ и въ результатѣ очутилась въ Бастиліи. Здѣсь она сразу завоевала симпатіи одного изъ офицеровъ Бастиліи—Мезоружа (Maisonrouge), которыя постепенно перешли въ болѣе горячее чувство. Прекрасная плѣнница была окружена всевозможнымъ комфортомъ, имѣла при себѣ свою прислугу. Мезоружъ только и говорилъ съ заключенными о своей пассіи. Своими разсказами онъ заинтересовалъ одного изъ заключенныхъ—молодого дворянина de Menil, который черезъ посредство того же Мезоружа началъ съ ней переписку, а затѣмъ добился и свиданія Мезоружъ, несмотря на муки ревности, не только не преслѣдовалъ влюбленныхъ за нарушеніе тюремной дисциплины, но терпѣливо сносилъ ихъ свиданія. Романъ кончился вмѣстѣ съ освобожденіемъ влюбленныхъ. Delaunay пробыла въ Бастиліи съ 29-го сентября 1718 г. по февраль 1720 г. и называетъ это время счастливѣйшимъ временемъ своей жизни. См. мемуары. Стр. 737.

[1]) См., напр. *Morellet* о. с., *Marmontel* о. с. стр. 252. Только въ 1709—1710 г. режимъ былъ плохой и то потому, что тогда вездѣ было плохо, вслѣдствіе голода. *Ravaisson* о. с. XXI. См. также предисловіе Barrière къ мемуарамъ *Linguet* и *Dusaulx* о. с. стр. VIII.

[2]) *Ravaisson* о. с. стр. XX.

[3]) Гр. Морло скопилъ, напримѣръ, за 13 лѣтъ—2000 экю. См. *Paul Séré* о. с. стр. 92—94. *Ravaisson* о. с. Введеніе стр. XXI.

нее, чтобы скопить нѣкоторую сумму денегъ [1]). Наконецъ, администрація очень внимательно слѣдила за столомъ заключенныхъ. 28-го сентября 1708 г. министръ Поншартрэнъ писалъ, напримѣръ, начальнику Бастиліи, чтобы онъ заботился о хорошей пищѣ для заключенныхъ и о вѣжливомъ съ ними обращеніи. Табакъ запрещенъ не былъ; позволялось держать домашнихъ животныхъ — собакъ, кошекъ; были даже голуби, хотя они и принадлежали къ числу запрещенныхъ предметовъ въ тюремномъ обиходѣ, изъ опасенія, конечно, возможности сношеній при ихъ помощи съ внѣшнимъ міромъ [2]).

Въ книгахъ и письменныхъ принадлежностяхъ, повидимому, отказа не было; требовался только отчетъ въ употребленіи бумаги. Въ 1783 г. была устроена библіотека, разрѣшалось даже покупать книги. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ про ученыя и литературныя занятія многихъ изъ заключенныхъ въ Бастиліи. Вольтеръ, Морелле, Ленгэ, Бомелль усердно работали въ ней. Выше мы говорили о перепискѣ заключенныхъ (Делонэ съ Менилемъ, Аллегра съ Бомеллемъ). Нѣкоторые занимались музыкой: Латюдъ, напримѣръ, упражнялся на флейтѣ, Ренневиль игралъ на скрипкѣ и т. п. Въ ходу были также шашки и шахматы.

Поэтому, не приходится удивляться, когда Лапортъ называлъ свое пребываніе въ Бастиліи легкимъ время - препровожденіемъ. Ему принадлежитъ и знаменитое выраженіе «libertés de la Bastille» [3]). Гурвилль писалъ, что въ Бастиліи ему было весело: онъ свободно велъ корреспонденцію, развлекался бесѣдой съ товарищами, игралъ въ trictrac [4]). Делонэ, какъ мы уже видѣли, имѣла менѣе другихъ

---

[1]) *Renneville* o. c. т. I, LXXV. „Нѣкоторые—говоритъ онъ—se faisaient mettre en prison pour faire bonne chère et gagner de l'argent". Правда, въ другомъ мѣстѣ хорошій столъ въ Бастиліи онъ объясняетъ желаніемъ тюремной администраціи подольше сохранить жизнь заключеннымъ, за которыхъ хорошо платили (sic!!).

[2]) *Ravaisson* o. c.

[3]) *Mémoires de P. de La Porte*, premier valet de chambre de Louis XIV въ „Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIII siècle jusqu'à la fin du XVIII. Précédé des notices par Michaud et Poujoulat, т. VIII. Paris. 1839, стр. 34—35. Подъ „libertés de la Bastille" понимали собственно совмѣстныя прогулки съ разрѣшеніемъ разговаривать.

[4]) *Gourville* (1625—1703) — финансистъ и политическій агентъ. Въ Бастиліи былъ недолго. См. *Mémoires de Gourville*, publiés pour la société de l'histoire de France par *Léon Lecestre* v. 1—2. Paris. 1894., т. I, стр. 123—124.

причинъ жаловяться на тяжесть заключенія. Я позволю себѣ привести ея подлинныя слова, резюмирующія ея отношеніе къ Бастиліи: «....hors quelques circonstances affligeantes, que je découvrais de temps en temps, *ma vie était douce et tranquille*; j'y trouvais même plus de liberté, que je n'en avais perdu. Il est vrai, qu'en prison l'on ne fait pas sa volonté; mais aussi l'on n'y fait point celle d'autrui: c'est au moins la moitié du gagné. ....Au fond de mon coeur j'etais fort éloignée de désirer ma liberté» [1]). Аббатъ Мореллэ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» пишетъ, что шесть недѣль, проведенныя имъ въ 1760 г. въ Бастиліи, промелькнули такъ быстро и пріятно для него, что онъ и теперь еще съ удовольствіемъ вспоминаетъ это время [2]). Мармонтель, правда находившійся на особомъ положеніи, пишетъ, что всѣ малѣйшія желанія его удовлетворялись и что онъ былъ всѣмъ очень доволенъ въ Бастиліи [3]).

Разумѣется, и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ пребываніе въ Бастиліи не было идилліей и тюрьма съ самымъ гуманнымъ и усовершенствованнымъ режимомъ остается тюрьмой. Одно неоспоримо, что Бастилія была страшна не своими внутренними распорядками или спеціальными мучительствами. Конечно, въ Бастиліи, были и пытки, онѣ были тогда во всеобщемъ употребленіи, и Бастилія не могла быть исключеніемъ [4]). Но, разумѣется, онѣ не были особенностью именно Бастиліи.

Послѣ 1720 г. не встрѣчается уже никакихъ указаній на примѣненіе пытокъ [5]). 14-го іюля 1789 г. вошедшіе побѣдители

---

[1]) *Mémoires de madame de Staal*, o. c. стр. 721, 736—737.

[2]) *Morellet*. o. c. т. I, гл. IV, стр. 95. Ниже онъ прибавляетъ.... „je n'y ai éprouvé aucune des duretés, qu'on a reprochées à l'ancien régime" (стр. 97). Аббатъ попалъ въ Бастилію по жалобѣ одной дамы, задѣтой имъ въ памфлетѣ. См. объ этомъ выше стр. 78. прим. 2.

[3]) *Marmontel*, o. c. стр. 250—251. Мармонтель—поэтъ, романистъ и критикъ былъ посаженъ въ Бастилію въ 1761 г. по жалобѣ герцога Омона (Aumont), приписавшаго ему одну пародію, гдѣ онъ былъ осмѣянъ. На самомъ дѣлѣ авторомъ пародіи былъ не Мармонтель, а интендантъ Кюри (Cury). Спасая послѣдняго, Мармонтель смолчалъ и пострадалъ за свой благородный поступокъ. Онъ пробылъ въ Бастиліи всего 11 дней, при чемъ за нимъ особенно ухаживали. Губернаторъ Бастиліи ему какъ то говорилъ: „qu'il aurait soin lui même de couper ses morceaux".

[4]) *Ravaisson*. o. c. т. I, стр. XXXIII.

[5]) *Bournon*. La Bastille, стр. 139. Делонэ разсказываетъ, между прочимъ, въ своихъ мемуарахъ, какъ ее напугалъ въ первую же ночь странный

не нашли ни труповъ, ни скелетовъ, о которыхъ ходило столько легендъ въ народѣ, ни орудій пытокъ [1]).

Все, что намъ извѣстно о Бастиліи и другихъ тюрьмахъ Старой Монархіи, наоборотъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что Бастилія была, несомнѣнно, наиболѣе легкимъ мѣстомъ заключенія [2])

Почему же именно она пользовалась такой всеобщей ненавистью? Почему на нее обрушился первый народный гнѣвъ? Народъ Бастиліи не зналъ. Входъ въ нее открывало только высокое происхожденіе или видное общественное положеніе. Народъ зналъ ее лишь по мрачнымъ стѣнамъ, да по зловѣщимъ слухамъ, ходившимъ о ней повсюду.

Но тѣмъ и драгоцѣнно великое событіе 14 іюля, что народъ разрушилъ тюрьму, отъ которой не страдалъ самъ, но которая въ его глазахъ была оплотомъ деспотизма, олицетворяла гнетъ той системы, въ которой самое благодушіе и отеческое попеченіе власти становилось преступленіемъ и вызывало про-

---

шумъ, раздававшійся въ Бастиліи. Въ ея заранѣе приготовленномъ воображеніи рисовались уже страшныя картины пытокъ. Позже оказалось, что шумъ происходилъ въ кухнѣ. Лапортъ утверждаетъ, что онъ видѣлъ орудія пытокъ. Фурнель безусловно отрицательно относится къ слухамъ о пыткахъ въ Бастиліи. *Vict. Fournel* o. c. стр. 3.

[1]) См. *„La Bastille dévoilée“* o. c. стр. 82. Charpentier разсказываетъ, что сгоряча за орудія пытокъ приняли хирургическіе инструменты. Но басню о нихъ повторяютъ многіе. Луи Бланъ, не особенно разборчивый въ матеріалѣ для своей Исторіи Революціи также разсказываетъ о какихъ-то орудіяхъ, употребленіе которыхъ было неизвѣстно. Millin заявляетъ даже, что нашли много костей въ cachots. „Rien ne pouvait — прибавляетъ онъ — égaler l'atrocité de ces peines arbitraires, que la dureté des gardiens de cette forteresse....“ См. *Millin* o. c. т. I, стр. 15—20. Неизвѣстно, откуда почерпнулъ онъ эти подробности. Тѣ же ужасы воспроизводитъ, извѣстный своей тенденціозностью въ духѣ стараго якобинства словарь *Boursin et Challamel* o. c., стр. 65.

[2]) См. *Funck-Brentano.* Légendes et archives de la Bastille стр. 378. примѣч. 2. „Ознакомившись съ политической исторіей всѣхъ странъ — пишетъ Séré — не найдешь, гдѣ и когда бы въ другомъ государствѣ заключенные были бы такъ обезпечены во всемъ необходимомъ, и съ которыми бы такъ гуманно обращались, какъ въ Бастиліи“. *Séré* o. c. стр. 102. Правительство Людовика XVI-го было серьезно занято мыслью о ликвидаціи, въ сущности, ненужной и въ то же время очень дорого стоившей тюрьмы. Неккеръ подымалъ вопросъ объ ея упраздненіи. Наканунѣ самой революціи въ 1788 г. былъ выработанъ даже планъ разрушенія тюрьмы и устройства на этомъ мѣстѣ площади Людовика XVI-го.

тесты патронируемыхъ. Именно въ силу этого взятіе Бастиліи стало не только Парижскимъ или даже общефранцузскимъ, но міровымъ событіемъ. Оно было истиннымъ взрывомъ революціоннаго генія [1]). Не въ освобожденіи изъ Бастиліи четырехъ мошенниковъ и двухъ сумашедшихъ, хотя бы и посаженныхъ внѣсудебнымъ порядкомъ, и не въ стратегическомъ успѣхѣ, достигнутомъ, благодаря штурму,—лежитъ историческое значеніе взятія Бастиліи. Событіе 14 іюля имѣетъ болѣе высокое, болѣе универсальное значеніе; оно гораздо болѣе, чѣмъ знаменитая ночь 4-го августа, невозможная безъ него,—есть начало грозной ликвидаціи Стараго Порядка [2]). Паденіе Бастиліи есть всемірно истори-

---

[1]) *J. Jaurès.* Histoire socialiste 1789—1900, т. I., стр. 263. „...Que signifie cette date 14 Juillet 1789 г.—спрашиваетъ Кинэ. „Ce jour là, la Revolution attaqua le pouvoir absolu à la tete..... La prise de la Bastille fut pour tous la délivrance de l'esprit humain"! *Edgar Quinet.* La Révolution т. 1—2. Paris 1865 т. I, стр. 66—67. Многіе изъ иностранцевъ, жившихъ тогда въ Парижѣ, прекрасно понимали значеніе великаго событія, совершившагося на ихъ глазахъ „...Un grand et sage peuple—писалъ докторъ Ригби—luttait pour la liberté et les droits de l'humanité. Son courage, sa prudence et sa persévérance ont été récompensés par le succès..." *L. G. Pitra.* La journée du 14 Juillet 1789. Fragment des mémoires inédits de Paris avec introduction et notes par *J. Flamermmont.* Ed. „Societé de l'histoire de la Révolution française". Paris 1892. стр. *CCLXXIV.* Лафайетъ былъ правъ, говоря, что взятіе Бастиліи было сигналомъ къ европейской эмансипаціи.

[2]) Въ любопытнѣйшей афишѣ Мецскаго Муниципалитета отъ 22 Мессидора года 7-го по поводу юбилейнаго празднованія взятія Бастиліи, рядомъ съ напыщенными фразами о самой Бастиліи, мы читаемъ: „Ce premier coup porté à la tyrannie (т.-е. взятіе Бастиліи) fut l'essai du génie de la France, qui désormais libre, s'est élancé et a enfanté les merveilles de la révolution française". См. хранящійся въ Національной Библіотекѣ сборникъ in f^{0}— „*Brochures et placards révolutionnaires imprimés à Metz*". $L^{32}a$ 721. № 124. „Eh bien! citoyens,—читаемъ мы въ протоколахъ одного революціоннаго собранія—sans le 14 Iuillet 1789, vous n'auriez éprouvé aucune de ces jouissanses; la Bastille, cette prison d'enfer, existerait encore et renfermerait vos plus intrépides défenseurs; un roi oppresseur boirait encore votre sang dans une coupe d'or et le boirait avec impunité; vos bras nerveux seraient entravés dans de honteuses chaines"... *Eug. Le Roy.* La societé populaire de Montignac pendant la Révolution. 1793—1794. Procès—verbaux des séances. Publiés avec des notes et des éclaircissements par... *Bordeaux* 1888, стр. 186. „Dès le 14 Juillet—пишетъ реакціонный историкъ революціи *De Bauchesne*—la révolution était faite". См. *De Bauchesne.* Louis XVII, sa vie, son agonie, sa mort, captivité de la famille royale au temple. 16. éd. Paris 1894, т. I, стр. 32. „La prise de la Bastille n'est que le symbole, peu glorieux en lui—même, de la véritable action historique qui s'est accomplie à cette date, la substi-

ческое событіе, исторгшее одновременно вопли ужаса и взрывы энтузіазма всюду, куда проникла вѣсть о немъ [1]). Событіе готовилось давно, ибо озлобленіе и ненависть росли годами. Довольно было искры, чтобы возжечь пламя народной мести. Не важно, что Бастилію взяла случайная горсть смѣльчаковъ изъ народа, никогда отъ нея не страдавшаго [2]); не важно то, каковы были первоначаль-

---

tution de l'ordre de choses ancien, brusquement effondré". *Edmond Seligman.* o. c. стр. 190. Что касается ближайшихъ мотивовъ, толкнувшихъ народъ къ Бастиліи, они—общеизвѣстны: энергичное стягиваніе войска королемъ къ Парижу и тайное образованіе новаго реакціоннаго министерства, во главѣ котораго должны были стать маршалъ де-Брогли и баронъ де-Бретейль—оба крайніе монархисты.

[1]) Не только Гумбольдтъ и Гегель—одинъ сказалъ свою библейскую фразу, другой посадилъ свое древо свободы, услышавъ вѣсть о паденіи монархической крѣпости—далекій Петербургъ, Петербургъ Екатерины II-й, дѣлилъ энтузіазмъ Франціи „Quoique la Bastille—писалъ Сегюръ, французскій посланникъ въ Петербургѣ въ 1789 г.—ne fût assurement ménaçante pour personne à S. Petersbourg, je ne saurais exprimer l'enthousiasme qu'excitèrent parmi les négociants, les marchands, les bourgeois et quelques jeunes géns d'une classe plus élevée, la chute de cette prison d'Etat et le premier triomphe d'une liberté orageuse. Français, Russes, Anglais, Danois, Allemands, Hollandais, tous dans les rues se félicitaient, s'embrassaient, comme si on les eût delivrés d'une chaîne, qui pesait sur eux...." *J. Simon.* La liberté politique, 3 édition, стр. 23, прим. 1. Милюковъ въ „Очеркахъ по исторіи русской культуры" подробно останавливается на этомъ свидѣтельствѣ Сегюра и приходитъ къ заключенію, что едва ли можно считать основательнымъ скептицизмъ историковъ по отношенію къ правдивому разсказу Сегюра. См. *П. Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры, часть III, вып. II, стр. 374—376. См. также *J. Michelet.* Histoire de la révolution française, 3 ed., т. I, стр. VI и 177. Особенное впечатлѣніе произвело паденіе Бастиліи въ деревняхъ „....il restait aux paysans—пишетъ Жоресъ—à prendre les leurs, toutes ces Bastilles féodales". *J. Jaurès.* Histoire socialiste 1789—1900. т. I, стр. 271. Наоборотъ Тэнъ, цитируя сочувственно Малуэ, что „pour tout homme impartial, la Terreur date du 14 Juillet..." прибавляетъ: „on adore le nouveau souverain... il a toutes les vertus, tous les droits, tous les pouvoirs.... On aperçoit le monarque veritable—le peuple, c'est à dire l'attroupement, 100, 1000, 10000 personnes rassemblées au hasard sur une motion, sur une alarme et tout de suite irrésistiblement, législateurs, juges et bourreaux..." *Taine.* Les origines de la France contemporaine. La Révolution. T. I, six. éd. Paris 1878, стр. 65—66.

[2]) На этомъ вопросѣ часто останавливаются нѣкоторые французскіе историки. Еще Тэнъ съ удовольствіемъ цитировалъ изъ дневника *Marat.* „L'ami du peuple". № 53. „Lorsqu'un concours inoui de circonstances eut fait tomber les murs mal deféndus de la Bastille, les Parisiens se presentèrent devant la forteresse: la curiosité seule les y amena". См. также особенно *Funck-Brentano.* Légendes et archives de la Bastille. О взятіи Бастиліи суще-

ныя намѣренія этой горсти—овладѣть ли пушками, угрожавшими кварталу и предмѣстьямъ С. Антуана, разграбить ли Бастильскій арсеналъ, не важно то, кого освободилъ народъ—смыслъ событія иной! Съ паденіемъ Бастиліи палъ административно-полицейскій механизмъ Старой Монархіи, разсыпалась тускнѣвшая формула «tel est notre plaisir» и рядомъ съ волей неограниченнаго монарха неожиданно рѣзко зазвучала воля новаго проснувшагося суверена—народа! [1]). Ни одна его побѣда, быть можетъ, не была ни раньше, ни послѣ столь дешевой по числу оставленныхъ жертвъ, столь дорогой по достигнутымъ результамъ [2])!

Старая Монархія была уязвлена въ самое чувствительное мѣсто. Въ Бастиліи былъ пораженъ принципъ неограниченной и безконтрольной власти, принципъ произвола, бывшій системой и правомъ стараго порядка. Съ паденіемъ Бастиліи не исчезаетъ административное самоуправство. Административные аресты, зато-

---

ствуетъ спеціальная громадная литература, которая требуетъ чрезвычайно осторожнаго къ ней отношенія въ виду массы вымысловъ и прямыхъ извращеній событій, дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто. Добросовѣстный критическій анализъ этой литературы и выясненіе нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ см. въ монографіяхъ *Flammermont* (publ.). Relations inédites de la prise de la Bastille par Le duc de Dorset, Ambassadeur d'Angleterre en France et Le comte de Mercy-Argentau, Ambassadeur de l'Empereur d'Allemagne, publiés avec une introduction par J. Flammermont. Paris 1885. $L^{39}b$ 11355.

[1]) „...*c'est toute une nation*—пишетъ Monin—*qui a résolu de la détruire. Ce n'est plus une révolte, c'est la Révolution.* Il ne s'agit ni d'occuper un château fort ni d'ouvrir une prison, mais bien de renverser et de fouler aux pieds le *temple monstrueux du gouvernement déspotique*". *Monin.* Mémoires sur la Bastille. Linguet-Dusaulx. Publiés avec préface, notes et tables par Monin Paris. 1889. Введеніе стр. VII. Вообще же въ введеніи—много дутаго пафоса.

[2]) „Ainsi—пишетъ, напримѣръ, герцогъ Дорсе 16 іюля 1789 въ своемъ „Tableau de la révolte générale"—s'est accomplie la plus grande révolution dont l'histoire ait conservé le souvenir, et relativement parlant, si l'on considère l'importance des résultats, elle n'a couté que bien peu de sang. De ce moment nous pouvons regarder la France comme un pays libre, le Roi comme un monarque dont les pouvoirs sont limités, et la noblesse comme réduite au niveau du reste de la nation". См. *Flammermont* (publ.). Relations inédites de la prise de laBastille, стр. 20. „Бастилія пала—читаемъ мы у Лависса и Рамбо—„...après une bataille sanglante ou beaucoup de citoyens périrent héroiquement". *Lavisse et Rambaud* o. c. т. VIII., стр. 64. Точно установить число жертвъ Бастильскаго штурма до сихъ поръ не удалось; во всякомъ случаѣ, согласно многочисленнымъ источникамъ, оно не достигаетъ сотни.

ченія, изгнанія мы видимъ и въ эпоху революціи и въ эпоху первой Имперіи и эпоху Реставраціи и позже; ни одинъ буржуазный режимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ доселѣ не разстался съ ними, но послѣ 1789 г. они не могли быть методомъ управленія; въ нихъ могли видѣть только частную, исключительную мѣру, ихъ могли терпѣть, какъ необходимое зло. Конечно, въ практикѣ пореволюціонныхъ правительствъ было немало лицемѣрія и въ общемъ она стояла не выше практики Стараго порядка, но ни одно изъ нихъ уже не могло осмѣлиться объявить беззаконіе и явную несправедливость нормальнымъ и законнымъ пріемомъ управленія [1]).

Произволъ въ эпоху Стараго Порядка былъ возведенъ въ принципъ; отнынѣ принципъ этотъ былъ низринутъ и въ этомъ — безсмертная заслуга 14 іюля 1789 г. [2]).

Кромѣ Парижской Бастиліи во Франціи, въ предреволюціонную эпоху существовали еще другія государственныя тюрьмы, однако далеко не пользовавшіяся такой же славой. Наиболѣе извѣстными были Венсеннская крѣпость и Бисетръ [3]). О нихъ, какъ и о Бастиліи, ходили самые противорѣчивые слухи.

Венсеннскій замокъ (Donjon de Vincennes) для политическихъ преступниковъ впервые утилизировалъ Людовикъ XI. До 1784 г. онъ служилъ въ качествѣ «succursale» Бастиліи. Съ этого года, онъ былъ упраздненъ и трое заключенныхъ въ немъ были переведены въ Бастилію. Въ 1790 г. Парижскій муниципальный совѣтъ образовалъ специальную коммиссію для осмотра замка, предполагая

---

[1]) Исключеніе представляетъ развѣ предисловіе къ знаменитому Наполеоновскому декрету 1810 г. о государственныхъ тюрьмахъ.

[2]) Для исторіи 14 іюля 1789 г., см. *L. G. Pitra.* La journée du 14 Juillet 1789, o. c. съ блестящимъ по эрудиціи предисловіемъ Фламмермона—изданіе строго научное, *Procédure criminelle instruite au châtelet de Paris sur la Dénonciation des faits arrivés à Versailles dans la journée du 6 octobre 1789.* Paris 1790, *Georges Lecoq.* La prise de la Bastille et ses anniversaires d'après des documents inédits, Paris 1881—не все заслуживаетъ довѣрія, *Boucheron* Récit de ce qui s'est passé sous mes yeux le Mardi 14 Juillet 1789 à 11 heures du matin. Paris 1789. $L^{39}b$ 7372, *Buchez et Roux.* Histoire parlamentaire—сочувственное отношеніе къ защитникамъ Бастиліи, *Gustave Bord* o. c., *Vict. Fournel* o. c. и мн. др.

[3]) „Во Франціи—замѣчаетъ Мишле—было до 20 Бастилій, изъ которыхъ только въ шести въ 1775 г. сидѣло триста заключенныхъ. Въ Парижѣ въ 1779 г. было 30 тюремъ. *J. Michelet.* Histoire de la révolution française т. I. стр. 78.

вновь воспользоваться пустовавшей тюрьмой. Коммиссія нашла его пригоднымъ и коммуна обратилась къ Національному Собранію съ ходатайствомъ о переводѣ части заключенныхъ изъ переполненнаго Шатле (Châtelet) въ Венсеннъ. Отвѣтъ былъ благопріятный. Но уже въ началѣ 1791 г. въ народѣ стали распространяться зловѣщіе слухи о назначеніи этой крѣпости, о желаніи правительства сдѣлать изъ нея вторую Бастилію и 28-го февраля Венсеннскій замокъ былъ взятъ приступомъ и разграбленъ разъяренной толпой. Отъ окончательнаго разрушенія онъ былъ спасенъ во́ время подоспѣвшей національной гвардіей [1]). Въ 1804 г. во рвахъ Венсеннскаго замка былъ разстрѣлянъ герцогъ Энгіенскій; въ 1810-мъ послѣ Наполеоновскаго декрета замокъ сталъ государственной тюрьмой [2]).

Въ эпоху Стараго Порядка Венсеннскій замокъ не игралъ особо важной роли—въ него запирали второстепенныхъ преступниковъ [3]). Режимъ его напоминалъ режимъ Бастиліи. И здѣсь, рядомъ съ лишеніями всякаго рода, возможенъ былъ комфортъ и даже роскошь [4]); комендантами не всегда были люди «féroces et barbares», какъ выразился Millin; нѣкоторые, какъ Гюйоннэ, успѣли завоевать общія симпатіи. Зато знаменитый Ружемонъ, на котораго такъ горько жаловался Мирабо, отличался непомѣрной скупостью и жестокостью [5]).

Мирабо, отсидѣвшій въ Венсеннахъ 3½ года [6]), оставилъ намъ нѣсколько любопытныхъ страницъ, посвященныхъ описанію тюремнаго режима [7]). Онъ указываетъ на чрезвычайную доходность мѣстъ внутренней администраціи. На каждаго заключеннаго ежедневно отпускалось 6 франковъ на ѣду, освѣщеніе и стирку бѣлья

---

[1]) См. *Millin* о. с. т. II, стр. 30—31.

[2]) Изъ крупныхъ общественныхъ дѣятелей въ Венсеннскій замокъ были заключены—Полиньякъ, Барбесъ, Распайль.

[3]) См. *Bournon* о. с. стр. 103.

[4]) См. напр. „*Journal et mémoires du marquis d'Argenson publiés pour la société de l'histoire de France par E. J. Rathery* т. 1—9. т. V, стр. 313, или *Chéruel A.* Histoire de l'administration monarchique en France v. 1—2. Paris 1855, т. II, приложеніе II, стр. 453.

[5]) См. *Millin* о. с. т. II, стр. 36.

[6]) Съ 7-го іюня 1777 г. до 13 декабря 1780 г.

[7]) *Mirabeau.* Des lettres de cachet et des prisons d'état. т. II.

(отопленіе особо). Такъ какъ въ тюрьмѣ процвѣтала экономія, то не только заключенные успѣвали скопить за время своего заключенія небольшія суммы, но наживалась и тюремная администрація. Обильнымъ источникомъ доходовъ были дисциплинарныя взысканія, вродѣ помѣщенія въ карцеръ на хлѣбъ и на воду. Правительственныя ассигновки поступали по прежнему и доходы тюремной администраціи быстро шли въ гору. Заключеннымъ нерѣдко приходилось жаловаться на слишкомъ щедрое содержаніе, ибо оно косвенно вліяло на отягченіе тюремнаго режима. Пища въ Венсенскомъ замкѣ, по отзыву Мирабо, была часто недоброкачественной, такъ-что даже окрестные крестьяне не покупали ея остатковъ. Отправленіе письма, полученіе книги требовали сложной процедуры. Письмо запечатать было нельзя; предварительно оно прочитывалось начальствомъ. По прочтеніи книги ее просматривали сперва надзиратель (porte-clef), потомъ начальникъ, чтобы убѣдиться, что заключенный не сдѣлалъ гдѣ нибудь на поляхъ какой-либо компрометтирующей надписи. Такой контроль требовалъ много времени, между тѣмъ безъ выполненія этой формальности получить другую книгу было нельзя. И такихъ мелочныхъ притѣсненій было немало. Такъ, напримѣръ, абсолютно воспрещалось употребленіе зеркала изъ опасенія, что заключенные будутъ съ его помощью какъ нибудь переговариваться съ людьми извнѣ. Прогулки были коротки и допускались только при соблюденіи абсолютнаго молчанія.

При Мирабо начальникомъ тюрьмы былъ нѣкто Ружемонъ, грубый самодуръ, искусившійся въ придиркахъ къ заключеннымъ, на всѣ просьбы лаконически бросавшій: «это—не въ правилахъ». Конечно, на него можно было бы принести жалобу лейтенанту полиціи, ревизовавшему замокъ. Но, во-первыхъ, посѣщенія лейтенанта были рѣдки—не болѣе одного раза въ годъ и такъ мимолетны, что едва удавалось поговорить о главномъ дѣлѣ, то есть освобожденіи. Во вторыхъ, и мудрено было жаловаться на начальника, присутствовавшаго при бесѣдѣ ревизора съ жалобщикомъ. Конечно, онъ сумѣлъ бы отплатить сторицей жалобщику за малѣйшую непріятность.

Еще болѣе мрачное описаніе оставилъ намъ Мирабо относительно другой тюрьмы—Бисетра.

Бисетръ (Bicêtre) былъ Бастиліей для бѣдныхъ разночинцевъ. Сюда попадали, главнымъ образомъ, жертвы семейныхъ преслѣдованій. Эта тюрьма была всегда переполнена. Первоначальный пенсіонъ въ 100 ливровъ, который платили родственники, скоро повысили до 300 и все таки требованіямъ не было конца. Тюремной администраціи приходилось прибѣгать даже къ насильственному удаленію нѣкоторыхъ засидѣвшихся кліентовъ, чтобы очистить мѣсто для новыхъ пришельцевъ [1]).

Самая тюрьма и условія жизни въ ней были ужасны. «Бастилія — пишетъ одинъ изслѣдователь — была раемъ въ сравненіи съ Бисетромъ или Шатле, о которыхъ, между тѣмъ, имѣлъ попеченіе парламентъ» [2]). Тюрьма въ Бисетрѣ соединена съ больницей—пишетъ англичанинъ Samuel Romilly. Больница распространяетъ заразу, тюрьма насаждаетъ преступленія [3]). Ужасы тюремной больницы не поддаются описанію. Воздухъ, постели, бани—все заражено; безумные остаются безъ лѣченія, впадаютъ въ новыя, болѣе тяжкія формы заболѣванія. Въ тюрьмѣ англичанинъ былъ пораженъ видомъ крошечныхъ дѣтей. Ихъ было не менѣе 70. На его вопросъ, какъ можно наказывать малолѣтнихъ, которые не понимаютъ и не могутъ знать законовъ, ему отвѣчали, что не законъ преслѣдуетъ дѣтей, а родители, которые ихъ сюда посадили за различныя домашнія провинности (fautes purement domestiques). Разумѣется, они выходятъ отсюда въ 10 разъ болѣе испорченными, чѣмъ сюда вошли [4]). Далѣе Мирабо описываетъ ужасныя подземныя камеры, въ которыя никогда не проникаетъ свѣтъ и, между тѣмъ, эти живыя гробницы обычно предпочитались общимъ помѣщеніямъ,

---

[1]) См. *Joly A.* o. c.

[2]) *Monin.* o. c. предисловіе стр. XVIII. См. также *Mirabeau.* Des lettres de cachet et des prisons d'état. стр. 280 и *Boiteau.* Etat de la France en 1789. Deux. édition. Paris 1889. Авторъ, впрочемъ, не всегда достаточно объективенъ—см. *Buchez et Roux* o. c. стр. 84.

[3]) *Comte de Mirabeau.* Observations d'un voyageur anglais sur la Maison de Force appelée Bicêtre suivies de réflexions sur les effets de la sévérité des peines et sur la Législation Criminelle de la Grande-Bretagne. Imité de l'anglais par le........ Avec une lettre de *B. Franklin.* Paris 1788. R. 44019, стр. 4. Samuel Romilly былъ лѣтомъ 1788 г. въ Парижѣ. См. исторію этой книжки у *Alfred Stern.* Das Leben Mirabeaus B. 1—2 Berlin 1889. т. I. стр. 255.

[4]) *Mirabeau* o. c. стр. 10—11.

гдѣ царилъ самый разпузданный развратъ [1]). Въ такихъ условіяхъ томились люди, имѣвшіе несчастіе раздражить своихъ родственниковъ или совершившіе какой нибудь полицейскій проступокъ.

Немало такихъ же ужасныхъ тюремъ было разбросано по провинціямъ. Нормандская Бастилія—Le Mont-Saint-Michel была и государственной тюрьмой и исправительнымъ домомъ вмѣстѣ. Помѣщенія сырыя и холодныя походили на клѣтки; толстыя каменныя стѣны промерзали такъ, что однажды вслѣдствіе стужи въ тюрьмѣ не могли продолжать допроса заключеннаго. Обращеніе было жестокое, хотя оно находилось въ зависимости отъ общественнаго круга, къ которому принадлежалъ заключенный. Ревизія 1786 г., тѣмъ не менѣе, пришла къ заключенію, что помѣщеніе и режимъ въ тюрьмѣ—удовлетворительны, но надзоръ организованъ плохо. Побѣги были, дѣйствительно, часты [2]). Самой страшной тюрьмой былъ, несомнѣнно, колодезь въ Каенѣ, лишь по недоразумѣнію носившій названіе «tour Chatimoine». Описаніе башни Joly — просто невѣроятно. Она была абсолютно темной; дно ея заливало водой, заключенные нерѣдко сидѣли по поясъ въ водѣ. Башня вызывала постоянныя сѣтованія самой администраціи; въ 1785 г. она, наконецъ, уничтожена была королевскимъ указомъ [3]).

Разумѣется, далеко не всѣ тюрьмы Старой Монархіи были таковы. Dupuy, описывая мѣста заключенія въ Бретани, между прочимъ, и дома, которые содержали монашескіе ордена, [4]) указываетъ

---

[1]) „..... On doit encore préférer cette obscurité—пишетъ Мирабо—ce silence, cette solitude de mort, à la peine d'être renfermé dans la salle commune de la prison, car les excès les plus infâmes s'y commettent sur la personne même du prisonnier....“ *Mirabeau* o. c. стр. 14—15. Мирабо передаетъ какъ слухъ, что въ одной изъ ужасныхъ клѣтокъ этой тюрьмы мыши доходили до такой смѣлости, что грызли ноги журналисту, сидѣвшему въ ней. *Mirabeau.* Des l. d. c. et des prisons d'etat o. c. стр. 280. § 12. На одной постели мужчины спали нерѣдко по 3 и по 4, женщины даже по 7 и по 8. См. *Hipp. Gautier.* L'an 1789. Paris 1888. (650 reproductions) стр. 89—90.

[2]) См. *Joly A.* o. c. Изъ тогдашнихъ тюремъ бѣжать вообще было легко. Въ 1766 г. въ Тулузѣ заключенные бѣжали 3 раза. См. *Babeau A.* La ville sous l'ancien régime. 2 édition v. 1—2. Paris. 1884 г. стр. 323. См. также *Dupuy* o. c. стр. 193—194.

[3]) *Joly A.* o. c. стр. 10—12.

[4]) Монастыри за недостаткомъ тюремъ были обычными мѣстами заключенія для разночинцевъ.

на нѣкоторые изъ нихъ, какъ на образчикъ чистоты и комфорта. Такъ убѣжище Св. Іоны въ Руанѣ, находившееся на попеченіи братьевъ «de la Doctrine chrétienne», славилось своимъ великолѣпіемъ. Въ этомъ домѣ былъ образцовый порядокъ и рядомъ съ заключенными охотно селились добровольцы за опредѣленную плату. Еще лучше были устроены дома въ Montjean и Pontorson [1]). Въ послѣднемъ за повышенную плату (обычный пенсіонъ былъ 500 ливровъ въ годъ) можно было имѣть не только отдѣльное помѣщеніе, но и свою прислугу. Разумѣется, высокая плата была подъ силу не всѣмъ семьямъ и бѣдные должные были довольствоваться худшими условіями. Поэтому, въ дома съ недорогимъ пенсіономъ наплывъ добровольцевъ былъ особенно великъ и многимъ изъ желающихъ помѣстить своихъ несчастныхъ протеже приходилось отказывать. Женскіе монастыри также были переполнены заключенными. Но монашенки неохотно имѣли дѣло съ заключенными административнымъ путемъ, такъ какъ онѣ причиняли много хлопотъ и требовали болѣе строгаго досмотра. Въ случаѣ ихъ побѣга, всѣ расходы жандармеріи на поимку бѣглянокъ падали на монастырь. Поэтому, и пенсіонъ для этой категоріи заключенныхъ стоилъ всегда дороже, чѣмъ для всѣхъ остальныхъ. Такъ, напримѣръ, въ Монбарейлѣ за содержаніе заключенныхъ по суду монастырь взималъ отъ 120—150 ливровъ, заключенныхъ административнымъ путемъ—отъ 200—250 ливровъ [2]).

Въ положеніи заключенныхъ государствомъ или семействомъ была большая разница. Если въ судьбѣ первыхъ главную роль игралъ капризъ вельможи или соображенія высшаго порядка и за-

---

[1]) *Дюрюи* о. с. Стр. 181—182. Богатые монастыри неохотно принимали заключенныхъ, да большинство изъ нихъ и не были приспособлены для этихъ цѣлей. Положеніе заключенныхъ въ общемъ было легкое, надзоръ слабый, побѣги очень часты. Мирабо, напр., заключенный въ фортъ Жу, пользовался большой свободой. См. *Мезьеръ* о. с., стр. 38. Granier de Cassagnac утверждаетъ даже, что при Людовикѣ XVI монастыри были пусты, потому что церковь энергично осуждала произвольныя заключенія, а Бенуа XIV-й въ 1756 г. грозилъ даже анаѳемой и отлученіемъ отъ церкви всѣмъ тѣмъ, которые были замѣшаны въ дѣлахъ o. l. d. c. *Granier de Cassagnac*. Histoire des causes de la révolution française. T. II, стр. 236 и особ. прим. 2-е. Все это мало вяжется съ той неутомимой жаждой l. d. c., которую проявляло мѣстное духовенство въ своихъ благочестивыхъ походахъ противъ прихожанъ.

[2]) *Дюрюи* о. с., стр. 184—185.

ключенный, поэтому, не могъ разсчитывать на чье либо заступничество, вторые, какъ мы уже говорили выше, нерѣдко находились подъ своеобразнымъ покровительствомъ министровъ и интендантовъ и жалобы ихъ нерѣдко вызывали разслѣдованія и облегченіе участи.

Ужасное состояніе тюремъ въ XVII и XVIII в. [1]) нѣсколько разъ привлекало къ себѣ вниманіе правительства, особенно при Людовикѣ XVI-мъ [2]).

Еще Ордоннансъ 1670 года пытался въ своемъ XIII-мъ титулѣ [3]) внести нѣкоторыя улучшенія въ тюремный распорядокъ. Первый параграфъ этого титула касается санитарнаго состоянія тюремъ: «Voulons—гласитъ онъ—que les prisons soient sûres, et disposées en sorte que la santé des prisonniers n'en puisse être incommodée». Въ слѣдующихъ параграфахъ Ордоннансъ предписываетъ слѣдить за доброкачественностью пищи для заключенныхъ, требуетъ полной изоляціи больныхъ, правильнаго веденія книгъ и т. п. Не малое вниманіе было удѣлено законодателемъ на устраненіе взяточничества, широко процвѣтавшаго во всѣхъ тогдашнихъ тюрьмахъ; борьба съ нимъ была особенно трудна, потому что взяточничество питалось самимъ режимомъ, не имѣвшимъ правильно организованнаго контроля за дѣятельностью чиновниковъ. Наконецъ, § 35-й возлагалъ на прокуроровъ обязанность еженедѣльно ревизовать подвѣдомственныя имъ тюрьмы и принимать жалобы заключенныхъ. Къ сожалѣнію, этотъ параграфъ остался, повидимому, мертвой буквой. По крайней мѣрѣ, нигдѣ въ литературѣ мы не встрѣтили указаній на систематическія ревизіи. Наоборотъ, большинство заключенныхъ горько жалуется на крайнюю рѣдкость посѣщеній ревизующей власти.

Сами суды, повидимому, хорошо сознавали недостаточность гарантій, установленныхъ закономъ и прибѣгали къ разнымъ пал-

---

[1]) Вольтеръ въ „Idée de la justice et de l'humanité" говоритъ про современныя ему тюрьмы: „...On se plaint que la plupart des gêoles en Europe soient des cloaques d'infection, qui répandent des maladies et la mort, non seulement dans leur enceinte, mais dans le voisinage... Le jour y manque, l'air n'y circule point. Les détenus .. éprouvent un supplice cruel avant d'être jugés..." Цит. по *Esmein* o. c. стр. 227. См. также, *Mercier*. o. c., т. II, стр. 101—115.

[2]) См. *Babeau A.* La ville sous l'ancien régime. T. I. кн. IV, гл. I.

[3]) См. *Isambert*. T. XVIII. стр. 393—398.

ліативамъ, чтобы бороться съ глубоко укоренившимся зломъ. Такъ, напримѣръ, Парижскій парламентъ (la Tournelle) устраивалъ ежегодно, наканунѣ праздника Вознесенія, спеціальное засѣданіе, въ которомъ разсматривалъ жалобы заключенныхъ [1]). Улучшенію положенія заключенныхъ были посвящены и нѣкоторые парламентскіе регламенты. Въ Регламентѣ, напримѣръ, отъ 19-го февраля 1782 г., касательно тюрьмы для неисправныхъ должниковъ [2]), Парижскій парламентъ предписываетъ тюремной администраціи заботиться о чистотѣ и удобствахъ помѣщенія, объ отдѣленіи мужчинъ отъ женщинъ (§§ 2, 3...); разрѣшаетъ доставлять заключеннымъ пищу извнѣ (§ 13); строго воспрещаетъ тюремнымъ смотрителямъ заниматься у заключенныхъ вымогательствомъ денегъ подъ угрозой двойного штрафа, отрѣшенія отъ должности и даже тѣлеснаго наказанія (§ 18). Параграфъ 19-й рекомендуетъ гуманное обращеніе съ заключенными.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ, быть можетъ, всѣ эти регламенты, ревизіи и засѣданія и достигали цѣли, но, конечно, они были безсильны, если имъ приходилось сталкиваться съ органическими недостатками цѣлой системы. Могли ли исчезнуть злоупотребленія тамъ, гдѣ чувства законности и справедливости попирались на каждомъ шагу. Развращающая система lettres de cachet, пріучавшая смотрѣть на заключеннаго, какъ на жертву личной мести, жертву лишенную къ тому же возможности законнымъ порядкомъ преслѣдовать своего обидчика, разумѣется, не могла воспитать чувства законности въ тюремной администраціи или внушить ей строгое и честное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Лихоимство, несмотря на строгія запрещенія закона и не взирая даже на отдѣльные случаи ужасныхъ наказаній, процвѣтало, ибо тюремная администрація фактически считала себя безотвѣтственной. Она чувствовала себя въ безопасности, такъ какъ вѣрой и правдой служила той власти, которая своими королевскими посланіями сама смѣялась надъ закономъ и сводила на нѣтъ всѣ гарантіи тогдашняго законодательства. Если неправильное заключеніе подъ стражу

---

[1]) *Esmein* o. c. стр. 228.

[2]) „Arrêt du parlement portant réglement pour la prison de la Force". См. *Isambert* т. XXVII. № 1618. стр. 149—153.

было результатомъ судебнаго приговора, пострадавшій могъ еще найти нѣкоторую защиту при извѣстной настойчивости или связяхъ. Жертвы же «королевскихъ приказовъ» были безправны въ полномъ смыслѣ этого слова и могли молить только о милости [1]). Наконецъ, грубость нравовъ стараго общества, допускавшаго вплоть до послѣдней четверти XVIII в. пытки въ общей судебной процедурѣ, невольно должна была сказаться и на всей постановкѣ тюремнаго дѣла.

Лишь наказы впервые отъ лица всего народа заговорили о необходимости общей тюремной реформы и уничтоженіи государственныхъ тюремъ.

Среди разнообразныхъ посягательствъ на личную свободу, извѣстныхъ дореволюціонной Франціи, немаловажное мѣсто занимало и систематическое нарушеніе письмовной тайны. Вскрывать частныя письма началъ еще Людовикъ XI, но на широкую ногу это дѣло было поставлено впервые Ришелье и затѣмъ усовершенствовано Людовикомъ XIV и его достойнымъ сотрудникомъ въ этой области—Лувуа. Людовикъ XIV первый создалъ спеціальное бюро, занимавшееся перлюстраціей писемъ; въ своемъ «Черномъ Кабинетѣ» онъ узнавалъ не только дворцовыя интриги, но и секретную корреспонденцію чужихъ дворовъ. Бурбонская Монархія шпіонила за всей Европой. Многочисленныя свидѣтельства показываютъ, что открытіе и дешифрированіе писемъ постепенно обратилось въ одно изъ любимѣйшихъ королевскихъ развлеченій [2]). Осо-

---

[1]) Поэтому, намъ представляется платонической бравадой разсужденіе одного ученаго криминалиста Старой Монархіи. „L'obéissance est relative au droit de commander; si le supérieur passe les bornes de son pouvoir dans ce qu'il ordonne, on n'est point obligé de se soumettre à ses ordres.... Serait-il donc possible d'imputer à crime et désobéissance le refus du citoyen irréprochable, qui aurait le courage de ne pas exécuter librement une l. d. c. surprise à la religion de son souverain“? Цит. по *Coffinières*. o. c. т. I. стр. 280.

[2]) *Bruno Emil König*. Schwarze Cabinette. Neue Auflage. Berlin 1899. стр. 13.

бенно широкіе размѣры перлюстрація писемъ приняла при Людовикѣ XV, который далеко превзошелъ своихъ предшественниковъ и въ самомъ искусствѣ дешифрированія. Его Cabinet Noir, въ которомъ служили шесть спеціально обученныхъ, искусныхъ чиновниковъ (interceptes) [1], стоившихъ ежегодно министерству иностранныхъ дѣлъ до 50.000 фр., сталъ настоящимъ пугаломъ для иностранныхъ дворовъ. Послы и прочіе представители иностранныхъ державъ всѣ болѣе и менѣе важныя ноты должны были пересылать черезъ курьеровъ, такъ какъ почта вызывала уже общее недовѣріе.

«Sans risquer de compromettre le bien du service — пишетъ, напримѣръ, 16-го іюня 1773 г. австрійскій дипломатъ — Mercy d'Argentau Императору Іосифу II-му—il serait impossible de confier à la voie ordinaire de la poste une correspondance qui contiendrait des particularités qui devraient rester secrètes. Je sais de toute certitude que l'on a ici des déchiffreurs si habiles qu'il n'y a aucun chiffre dont ils ne parviennent en fort peu de temps à se procurer la clef.» [2]). Этимъ же онъ объясняетъ далѣе сухость и сдержанность посылаемыхъ имъ сообщеній. Правда, такого рода злоупотребленія, практиковались тогда при всѣхъ дворахъ [3]) и Франція не представляла какого либо исключенія въ этомъ смыслѣ [4]). Но, Черный Кабинетъ, даже и при Людовикѣ XV, то-есть

---

[1]) *Lavisse et Rambaud.* Histoire générale du IV siècle à nos jours, т. VII, гл. VII, стр. 331. D'Argenson, между прочимъ, замѣчаетъ въ 1748 г.: „Rien de si dangereux que ce ministère secret quand il n'est pas servi par d'honnêtes gens; cependant je n'y vois que des roués, et notre maître ne s'en défie pas assez". См. *Le Vicomte De Broc.* La France sous l'ancien régime. Le gouvernement et les institutions. Съ этой практикой мирно уживался суровый Ордоннансъ 1742 г., грозившій смертною казнью или галерами за вскрытіе чужихъ писемъ.

[2]) *Corréspondance secrète du comte de Mercy d'Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince de Kaunitz, publiée par A. D'Arneth et J. Flammermont.* T. 1—2. Paris. 1889. Изъ Collection des Documents inédits sur l'histoire de France. T. I, стр. 469. см. Введеніе стр. LXXVII.

[3]) Въ перепискѣ, напримѣръ, Іосифа II съ Mercy, первый посылаетъ ему копіи съ дипломатической прусской корреспонденціи. (о. с. т. I. стр. 9). Въ другихъ письмахъ онъ часто жалуется на „mensonges de Goltz" или „mensonges du roi de Prusse".

[4]) Но, отсюда еще очень далеко до слѣдующихъ необъяснимыхъ словъ *Евг. Пельтана*: „....Во всѣ эпохи, при всѣхъ режимахъ, даже дореволюціон-

въ самую горячую пору его дѣятельности, отнюдь не ставилъ своей главной и тѣмъ болѣе единственной задачей проникновеніе въ политическія тайны чужихъ дворовъ. Кабинетъ служилъ прежде всего для развлеченія короля. Людовикъ XV чрезвычайно любилъ проникать въ домашнія тайны, слѣдить за частными интригами и т. п. [1]). Надо отдать справедливость правительству Людовика XVI. Оно обнаружило въ этой области, какъ и въ другихъ, болѣе просвѣщенные вкусы, чѣмъ его предшественники. Однако, и при Людовикѣ XVI почты побаивались не только простые смертные, но и сановники, облеченные высшимъ довѣріемъ правительства. Тюрго однажды говорилъ Кондорсе, находившемуся съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ: «Напрасно Вы отправляете мнѣ письма почтой. Этимъ Вы можете только повредить себѣ и своимъ друзьямъ. Когда будете мнѣ писать, посылайте или оказіей или съ курьеромъ [2]). 18-го августа 1775 г. Королевскій Совѣтъ формально воспретилъ пользоваться вскрытыми письмами въ судебномъ процессѣ [3]). «....Tous les principes — гласитъ текстъ этого постановленія — mettent la correspondance secrète des citoyens au nombre des choses sacrées, dont les tribunaux, comme les particuliers, doivent détourner leurs regards....» Людовикъ XVI счелъ необходимымъ для утвержденія торговой и гражданской безопасности приказать преслѣдовать всѣхъ виновныхъ въ посягновеніи на тайну чужой корреспон-

---

ной Франціи, письмовная тайна разсматривалась во Франціи—„cette terre classique de la loyauté“ (!?), „comme la seconde religion“ (sic!). Затѣмъ онъ ссылается на постановленіе парламента 1775 г., о которомъ мы будемъ говорить ниже. См. Засѣданіе Законодательнаго Корпуса 22-го февраля 1867 г. *M. U.* № 54, стр. 195.

[1]) См., напримѣръ, *J. Chauvet*. Le secret et la propriété de la correspondance. Grenoble 1891. Thèse pour le doctorat. стр. 9. Богатѣйшій матеріалъ въ этомъ отношеніи даетъ *Journal des inspecteurs de M. de Sartines. Documents inédits sur le règne de Louis XV*. Première série 1761—1764. Paris. 1863. Лейтенанты полиціи—сперва Беррье, потомъ Сартинъ ежедневно утромъ занимали Людовика XV разсказами о скабрезныхъ похожденіяхъ въ Парижѣ. Для полученія свѣдѣній по этой части полиція не останавливалась ни передъ вскрытіемъ корреспонденціи, ни передъ подкупомъ слугъ и широко организованнымъ шпіонствомъ.

[2]) *Em. Garet*. o. c., стр. 165.

[3]) См. *Isambert*. т. XXIII. стр. 229—230.

денціи [1]). Въ этомъ же духѣ высказывалась при Людовикѣ XVI и парламентская практика [2]).

Еще и по сію пору вопросъ о томъ, можно ли было бы избѣгнуть революціи путемъ проведенія мирной реформы—волнуетъ историковъ и публицистовъ [3]). Обычно вопросъ этотъ рѣшается въ зависимости отъ партійныхъ симпатій, принадлежности изслѣдователя къ одному изъ двухъ враждебныхъ лагерей: сторонниковъ или противниковъ «революціи». Первые утверждаютъ, что никакая реформа не могла спасти Старой Монархіи [4]); вторые, наоборотъ, полагаютъ, что благопріятный исходъ могъ быть обезпеченъ— не будь сплоченной консервативной оппозиціи, губившей лучшія правительственныя начинанія. Рѣшеніе подобнаго вопроса, конечно, выходитъ за предѣлы нашей задачи; мы позволимъ себѣ высказать лишь нѣкоторыя соображенія, имѣющія отношеніе къ нашей главной темѣ.

Было бы глубокимъ заблужденіемъ—думается намъ—видѣть одну изъ непосредственныхъ причинъ Великой Революціи въ возстановленіи парламента въ 1774 г. [5]). Что это событіе должно было ускорить революціонное движеніе, дать ему болѣе яркую и значительную форму, облекая смутныя и неясныя желанія народа въ опредѣленное требованіе Генеральныхъ Штатовъ—въ этомъ не можетъ быть, конечно, никакого сомнѣнія. Парламентъ вдвойнѣ послужилъ революціи. Съ одной стороны, онъ систематически тормозилъ всѣ наиболѣе смѣлыя и либеральныя правительственныя

---

[1]) См. *Ernest Semichon*. Les réformes sous Louis XVI. Assemblées provinciales et parlements. Paris. 1876., стр. 95—96.

[2]) Разумѣется, парламенты оставались безсильными въ тѣхъ случаяхъ, когда вскрытіе чужой корреспонденціи прикрывалось соображеніями государственной необходимости. См., напримѣръ, *R. Péret*. De l'inviolabilité du secret des lettres. Thèse. Paris. 1895.

[3]) Ему посвящаются университетскіе курсы. Проф. Эсменъ на Парижскомъ „Faculté dé Droit“ въ 1903—1904 г. удѣлилъ этому вопросу очень много времени.

[4]) См., напримѣръ, *F. Rocquain*. L'esprit révolutionnaire avant la révolution. Введеніе, стр. VIII.

[5]) См., напримѣръ., *Ernest Semichon* o. c. гл. III, стр. 17.

реформы, видя въ нихъ посягновеніе на свои сословныя привилегіи и имущественные интересы. Чрезъ броню парламентскихъ ремонстрацій даже самыя благотворныя начинанія правительства не могли пробиться къ народу и послѣдній продолжалъ страдать отъ экономическихъ и соціальныхъ неурядицъ, не понимая, что парламентъ, на который онъ привыкъ смотрѣть, благодаря его пышнымъ фразамъ, какъ на своего естественнаго защитника, былъ, по существу, его врагомъ и врагомъ болѣе упорнымъ и болѣе серьезнымъ, чѣмъ слабое, неспособное, а иногда и благодушное правительство. Съ другой стороны, парламентъ былъ признаннымъ вождемъ оппозиціи, когда въ ремонстраціяхъ защищалъ личную свободу, отстаивалъ независимость суда или требовалъ организаціи народнаго представительства [1]). Въ этомъ смыслѣ парламентскія ремонстраціи были истинной школой революціоннаго воспитанія. Для насъ—несомнѣнно, что сама Конституанта, несмотря на пропасть, отдѣляющую ее отъ реакціонныхъ по существу парламентовъ, многое унаслѣдовала изъ ихъ практики.

Такова—роль французскихъ парламентовъ въ исторіи развитія революціоннаго движенія. Нѣтъ сомнѣнія, она—значительна. Но отъ этого признанія еще далеко до того, чтобы думать, что возстановленіе парламентовъ рѣшило «быть или не быть» революціи. Къ тому же парламентскія регистраціи, пріобрѣтающія настоящую силу и значеніе къ концу 80-хъ годовъ, были лишь гребнями тѣхъ волнъ, которыми клокотало уже все общество. Эти волны

---

[1]) Въ любопытнѣйшихъ „*Les Soupirs de la France esclave, qui aspire après la liberté*". 1689 L[37]b 3954., авторъ которыхъ остался неизвѣстенъ (см. по этому поводу интересныя соображенія у *Barbier* o. c. т. IV, стр. 537—539), имѣется, между прочимъ, превосходная характеристика парламента. „Les Parlements—читаемъ мы въ I-мъ мемуарѣ, помѣченномъ 10-го августа 1689 г.—sont la plus auguste partie de l'état, ce sont naturellement les Temples de la justice, les Asiles de l'innocence persecutée et les protecteurs de la liberté publique... Aujourd'hui ce sont des Compagnies sans authorité et quasi sans honneur, à cause des bassesses et des injustices qu'on les obligeait de faire pour plaire à la Cour"... „Нынѣ—продолжаетъ извѣстный авторъ—нѣтъ нужды ни въ Кодексѣ, ни Дигестахъ, ни Кутюмахъ. L. d. c. вотъ—право французовъ... Когда то парламентъ былъ защитой отъ тиранніи, теперь онъ самъ ея первое орудіе"... стр. 10—11. Эти мемуары, по справедливому замѣчанію Шассена, наряду съ трудами Вобана, Буагильбера, Фенелона, были первымъ признакомъ надвигавшейся грозы противъ абсолютизма. *Chassin Ch. L.* o. c. т. I, стр. 5—6.

добѣгали до правительства—стоитъ припомнить хотя бы народныя движенія въ Дофинэ въ 1788 г. Были болѣе глубокія и могучія причины, дѣлавшія революцію неизбѣжной даже въ томъ случаѣ, если бы правительству и удалось провести нѣкоторыя изъ своихъ реформъ.

И первой среди этихъ причинъ было, несомнѣнно, то, что всѣ правительственныя реформы должны были неизбѣжно въ глазахъ населенія носить незаконный характеръ. Вся правительственная политика, всѣ пріемы управленія находились въ непримиримомъ противорѣчіи съ тѣми историческими учрежденіями страны, въ которыхъ народъ видѣлъ свою «конституцію», свой основной государственный законъ. Не только общество смотрѣло на Генеральные Штаты, какъ на исконную форму національнаго представительства, а въ парламентѣ хотѣло видѣть ихъ естественнаго продолжателя, но и правительство лишь въ минуты крайняго раздраженія на оппозицію могло оспаривать «конституціонность» правъ регистраціи или парламентскихъ представленій [1]).

Поэтому, борьба парламента за право регистраціи, его энергичное сопротивленіе королевскимъ «lits de justice»—въ глазахъ населенія было борьбой за законность, за «конституцію». Только въ возвращеніи къ этой «конституціи»—періодическому созыву Генеральныхъ Штатовъ, населеніе видѣло панацею отъ тѣхъ золъ и бѣдствій, съ которыми не могло справиться «неконституціонное» правительство.

Такимъ образомъ, Старая Монархія должна была рухнуть

---

[1]) Даже въ эпохи наибольшаго расцвѣта абсолютной власти правительство никогда не оставалось вполнѣ индифферентнымъ въ общественному мнѣнію. Эту психологическую особенность абсолютизма очень хорошо изобразилъ Бабо въ небольшой, но очень остроумной работѣ: „*Les préambules des ordonnances royales et l'opinion publique*“. Paris 1896 г. „Съ XIV в.—пишетъ онъ—формула „car tel est notre plaisir“ пользовалась уже всеобщимъ признаніемъ, между тѣмъ король въ введеніяхъ къ своимъ указамъ постоянно даетъ какъ бы отчетъ въ своихъ мотивахъ, отмѣчаетъ полезность или необходимость той или другой мѣры“.... Такое изложеніе мотивовъ имѣло мѣсто не только въ публично оглашаемыхъ актахъ, но также въ l. patentes, l. de justice, l. de rémission и др. Проф. Ардашевъ справедливо называетъ эти предваренія къ королевскимъ эдиктамъ своеобразнымъ „суррогатомъ политической свободы“ и „данью общественному мнѣнію“. *Проф. Ардашевъ* о. с. т. II, стр. 147—149. См. т. главу II-ю.

въ силу своей «неконституціонности». При всей сбивчивости и неясности этого понятія у дореволюціоннаго человѣка, оно прочно жило въ немъ.

Требованіями о дарованіи «конституціи» или возвращеніи къ старой (sic!), Франція наполнила свои наказы; о конституціи она раньше всего начинаетъ говорить въ Учредительномъ Собраніи. Могли ли при такомъ настроеніи какія бы то ни было реформы примирить общество съ правительствомъ Стараго Порядка? Разумѣется, нѣтъ! Даже то, что могло быть истиннымъ благодѣяніемъ для націи, что обусловливало ея дѣйствительный прогрессъ, вводилось правительствомъ насильно и потому естественно пріобрѣтало въ глазахъ общества ненавистный характеръ.

Правительство пыталось столковаться съ людьми, не желавшими реформъ, заинтересованными въ сохраненіи statu quo и не смѣло подойти къ народу, не могло заручиться его симпатіями, его поддержкой. Къ изумленію правительства, его суетливая бѣготня за реформами, его судорожная смѣна министровъ [1]) не только не приближали народныя массы къ трону, но еще болѣе растили пропасть, отдѣлявшую благодѣтелей отъ благодѣтельствуемыхъ! Между-тѣмъ, причины этой, казалось бы, черной неблагодарности представляются совершенно ясными. Онѣ заключаются въ непониманіи правительствомъ историческаго смысла развертывавшагося передъ нимъ движенія. Народъ не могъ уже идти на тѣ подачки, которыя ему бросали благодѣтели; онъ требовалъ коренной реформы, желалъ не милости, а права. «Malumus periculosam libertatem, quam quietum servitium» [2])—таковъ былъ его лозунгъ. Ему было тѣсно подъ временами суровой, временами благодушной, опекой абсолютизма. Нотабли

---

[1]) Не лишены мѣткости лаконическія характеристики Лаверня наиболѣе выдающихся министровъ эпохи Людовика XVI: Turgot—systématique et hautain. Malesherbes—indécis et inactif, Necker—vaniteux et emphatique, Maurepas—frivolité, Calonne—folies, Brienne—l'étourderie présomptueuse. Между тѣмъ, Лавернь принадлежитъ къ горячимъ защитникамъ Стараго Порядка; Людовика XVI онъ называетъ лучшимъ изъ французскихъ королей, а его царствованіе лучшей эпохой французской исторіи. См. *Léonce de Lavergne* o. c. Введеніе. стр. VIII.

[2]) Слова Jean-Charles Opolinski, кастеллана Познани, тестя Станислава, короля польскаго. См. *C. d'Antraigues.* Mémoire sur les Etats Généraux, leurs droits, et la maniére de les convoquer. 1788.

или члены парламента, безконечно далекіе отъ народной массы, совершенно чуждые ея интересамъ, тѣмъ не менѣе пользовались громадной популярностью именно за свою борьбу съ правительствомъ, борьбу quand même. Довѣріе къ правительству было утрачено навсегда. Timeo Danaos et dona ferentes—говорили прогрессивные слои общества.

Вторая причина заключалась въ проистекавшихъ отъ непониманія исторической дѣйствительности, случайности и неустойчивости правительственныхъ мѣропріятій. Потерпѣвъ неудачу въ парламентѣ, правительство начинало репрессіи; затѣмъ, доведя до апогея общественное раздраженіе, быстро становилось на путь уступокъ и тѣмъ самымъ, съ одной стороны, открывало широкое поле критикѣ его случайныхъ мѣропріятій, съ другой, жалобамъ и сѣтованіямъ сочувственно настроенныхъ ему элементовъ на неумѣнье довести реформу до конца. Правительство было безсильно вполнѣ. Его безсиліе подчеркивалось ярко при каждой потугѣ на новую реформу. Между тѣмъ, казалось — громадная еще власть находится въ рукахъ короля и его чиновниковъ. Однимъ росчеркомъ пера король могъ изгнать цѣлый парламентъ, въ l. d. j. раздавить оппозицію. Это несоотвѣтствіе громадныхъ средствъ съ фактическимъ безсиліемъ невольно звали на протесты и борьбу. Обычные споры историковъ о томъ, какой путь надлежало выбрать правительству, чтобы выйти съ честью изъ критическаго положенія, создавшагося къ концу XVIII в., безплодны уже потому, что они всегда предполагаютъ за дореволюціоннымъ правительствомъ свободу выбора, то есть именно то, чего не было и не могло быть у него на самомъ дѣлѣ. На путь террора правительство вступить не могло. Для этого оно было слишкомъ слабо технически, да и не имѣло за собой принципа, на который могло бы опереться въ такой борьбѣ. Вступить на путь реформъ, значило—придти къ мысли о созывѣ народныхъ представителей. Правительство вступило на этотъ путь, но не имѣло мужества пройти его до конца. Оно ограничилось лишь полумѣрами. Кромѣ того этотъ путь былъ страшенъ не только самодержавному правительству, но и всей консервативной оппозиціи, бившейся съ нимъ. Пусть ея ремонстраціи переполнены аргументами изъ неписанной «конституціи» Франціи, разукрашены витіеватыми фразами объ обездоленномъ народѣ. Истинный характеръ

ихъ сталъ ясенъ, когда впервые вопросъ объ организаціи Генеральныхъ Штатовъ былъ поставленъ на реальную почву. Политиканствовавшій парламентъ былъ силенъ лишь до тѣхъ поръ, пока ему приходилось защищать свои привилегіи и оказался внѣ времени и пространства, когда Франція захотѣла получить, наконецъ, настоящую конституцію, вмѣсто той, въ дырявые лохмотья которой драпировались послѣдніе могикане сходившей со сцены noblesse [1]).

Наконецъ, о неизбѣжности революціи говоритъ еще одно соображеніе, кажущееся намъ неотразимымъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на правительство Людовика XVI, нельзя отказать ему въ томъ, что порой его одушевляли высокія стремленія, роковымъ образомъ не умѣвшія найти исхода. Правительство Людовика XVI было, все же, правительствомъ реформъ. «Между тѣмъ, глубокомысленно замѣтилъ еще Токвиль, для дурнаго правительства—наиболѣе опаснымъ является обыкновенно тотъ моментъ, когда оно начинаетъ преобразовываться» [2]). То же самое писалъ Чичеринъ: «....Когда неограниченная власть, вынужденная неотразимыми жизненными потребностями, водворяетъ, наконецъ, либеральныя начала, она тѣмъ самымъ полагаетъ основаніе своему упраздненію» [3]). Правительство Людовика XVI-го, «дурное» по существу, наполнившее свое недолгое существованіе проектами полумѣръ, неудовлетворявшихъ своей умѣренностью однихъ, раздражавшихъ своимъ радикализмомъ другихъ, должно было погибнуть. Въ борьбѣ различныхъ интересовъ наиболѣе уязвимой стороной оказалось само правительство и оно пало.

«Законъ суровъ, а практика снисходительна»—такъ характеризовалъ Токвиль Старый Порядокъ [4]). Но и самъ онъ принужденъ

---

1) „On a beaucoup discuté pour savoir si la France, *sous l'ancien régime*, possedait une *constitution*. Le fait est qu'on aurait pu fouiller les archives les plus secrètes du royaume sans en découvrir le texte, que les rois n'y croyaient point, et que leurs légistes en niaient l'existence". *A. Sorel.* L'Europe el la Révolution française. T. I. 2 éditon. Paris. 1887, стр. 187. См. также относящіяся сюда замѣчанія *проф. Герье* о. с. стр. 439—443.

2) *Токвиль* о. с. кн. III, гл. III стр. 196—197.

3) *Чичеринъ.*

4) *Токвиль.* о. с. кн. II, гл. VI. стр. 83 или въ другомъ мѣстѣ: „законодательство по прежнему (въ 1780 сравнительно съ 1740) проникнуто духомъ неравенства, произвола и жестокости; но всѣ его пороки умѣряются на практикѣ..." Кн. III, гл. IV, стр. 192. Токвиль цитируетъ также *Mollien* — „между буквой закона и его примѣненіемъ существуетъ такая же разница,

былъ сдѣлать оговорку, что, «если изображать Старый Порядокъ какимъ онъ былъ въ послѣдніе годы своего существованія, то портретъ вышелъ бы сильно прикрашеннымъ и мало похожимъ....» [1]. Мы уже знаемъ, что и другіе изслѣдователи присоединяются къ мнѣнію Токвиля [2]). Дѣйствительно массовыя гоненія и заточенія, ставшія обычнымъ явленіемъ въ царствованія Людовика XIV и Людовика XV, исчезаютъ къ концу Стараго Порядка, Бастилія пустѣетъ, l. d. c. en bl., повидимому, утрачиваютъ всякое реальное значеніе. Развѣ только періодъ ожесточенной борьбы Людовика XVI-го съ парламентомъ въ 87 и 88 г. напоминаетъ нѣсколько пріемы его державныхъ предшественниковъ [3]).

какъ между правами финансоваго вѣдомства въ прежнее время и теперь. ...Если въ монархіи XVIII в. формы возбуждали ужасъ, то на дѣлѣ наказаніе почти всегда умѣрялось.... мягкость приговора заслоняла собою весь ужасъ процедуры....“ Кн. III. гл. VI, стр. 212. Эта же мысль проходитъ красной нитью черезъ всѣ работы Бабо. „La monarchie пишетъ онъ, напримѣръ, въ „La province sous l'ancien régime“—telle que l'a faite Louis XIV est beaucoup moins absolue dans ses actes que dans ses formules et ses doctrines“. Наоборотъ, суровый критикъ стараго порядка—Шовэнъ, характеризуетъ дореволюціонный строй слѣдующими словами: „Orgueil. Avidité. Corruption. Obscurantisme. Oppression“. *Léon Chauvin.* o. c., стр. 2.

[1]) *Ibidem.* кн. III, гл. III, стр. 193.

[2]) См. выше стр. 33—35. „Выраженіе Токвиля—une règle rigide, une pratique molle — пишетъ проф. Ардашевъ — *безусловно вѣрно относительно лишь позднѣйшей эпохи* Стараго Порядка, отнюдь не относительно Стараго Порядка вообще...“ o. c., стр. 91, прим. 1. Одинъ изъ тенденціозныхъ историковъ эпохи Людовика XVI, враждебно настроенный къ революціи, Ernest Semichon, пишетъ даже въ предисловіи къ своей работѣ „что задача его труда—показать, что Людовикъ XVI создалъ эру совершенно новую, отличающуюся въ гораздо болѣе сильной степени отъ предшествовавшихъ эпохъ, чѣмъ отъ послѣдующихъ“. Въ королѣ и его министрахъ онъ видитъ настоящихъ глашатаевъ революціи. „Стоитъ почитать его указы и введенія къ нимъ, которыя онъ нерѣдко редактировалъ самъ, чтобы убѣдиться въ этомъ — прибавляетъ онъ“. *Ernest Semichon.* o. c. Пред. стр. VII. Вступ. замѣч. стр. 2. Laboulaye въ своемъ сужденіи о Старомъ Порядкѣ присоединяется къ мнѣнію Токвиля, обнаруживая чрезмѣрный оптимизмъ: „...Pour gouverner violemment il faut un ministre violent, un roi violent; cela est rare dans notre histoire...“ Но тотъ же Лабулэ въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ: „...Il est certain, qu'avec une l. d. c. un ministre pouvait sous l'ancienne monarchie envoyer le premier venu à la Bastille“. *Laboulaye.* o. c. 1865., стр. 13 и 440.

[3]) Совершенно правильно характеризуетъ Старый Порядокъ эпохи его паденія А. Ону: „Конецъ Стараго Порядка былъ временемъ довольно широкой свободы, водворившейся явочнымъ порядкомъ, въ виду безсилія власти, всеоб-

Но, пусть всѣ ужасы этой поры Стараго Порядка преувеличены въ тенденціозныхъ разсказахъ враждебно настроенныхъ къ нему историковъ, пусть «enfers des vivants» существовали и не только въ воображеніи энтузіастовъ, вродѣ Луи Блана или Мишле, въ жизни Стараго Порядка и въ эту пору было нѣчто худшее, чѣмъ самыя тяжелыя муки, чѣмъ самое несовершенное и жестокое законодательство. Это худшее—была атмосфера произвола, неожиданностей, полной необезпеченности личной свободы [1]). Неосторожно сказанное слово, ссора съ вліятельнымъ лицомъ, рѣзко написанная книга, ходатайство семьи—все это были достаточные поводы, чтобы подвергнуть провинившагося долгому заключенію, иногда кончавшемуся забвеніемъ о немъ. При Людовикѣ XVI-мъ главнымъ источникомъ l. d. c. были семейныя ходатайства. Но, можно ли было класть на вѣсы на одну чашку—свободу человѣка, а на другую — мелочные уколы сословнаго самолюбія, боязнь неравныхъ браковъ или родственное раздраженіе? Администрація Старой Монархіи на этотъ вопросъ отвѣчала утвердительно и этимъ подписывала смертный приговоръ тому режиму, который не могъ жить безъ употребленія внѣзаконныхъ средствъ. Конечно, l. d. c. подъ другими именами продолжали существовать и позже, но тогда ихъ называли злоупотребленіемъ, чрезвычайной мѣрой —

———

шаго безначалія, общей сумятицы и неразберихи, наконецъ, въ связи съ платонически либеральнымъ и, такъ-сказать, маниловскимъ настроеніемъ властей, лишенныхъ творческаго почина, но полныхъ растерянности передъ надвигавшейся бурей и робкаго смущенія передъ безнадежной пустотой Королевской казны...... Старый Порядокъ во Франціи, накапунѣ своего крушенія, былъ самымъ мягкимъ и безобиднымъ изъ всѣхъ отживнихъ и потому негодныхъ режимовъ... Мы видимъ въ 1789 г. не ужасы деспотизма, а хаосъ, анархію, сумятицу и безтолочь". *А. Онуф.* о. с. стр. 13—21.

[1]) 8 января 1791 г. Національное Собраніе принимало депутацію Парижскаго Университета съ ректоромъ во главѣ. Въ патетической напыщенной рѣчи, характерной для этого времени, ректоръ, между прочимъ, говорилъ ....par une bizarrerie digne de toutes celles qu'offre le cahos que vous avez débrouillé, notre éducation était en contradiction avec nos moeurs et nos usages; nous parlions de Patrie et de Liberté et nous n'apercevions autour de nous ni Liberté ni Patrie. *Au sortir de nos mains, nos élèves allaient se confondre dans la foule des opprimés ou des oppresseurs, des esclaves ou des tyrans..*" (Курсивъ—мой. А. Б.). Далѣе шли привѣтствія „Новому Законодателю, Монарху—Гражданину" и пр. См. *Brochures et placards révolutionnaires imprimés à Metz.* L^{32}a 721.

при Старой Монархіи они были правильно функціонировавшимъ учрежденіемъ. То оправданіе l. d. c., которое обычно приводятъ защитники Стараго Порядка, что они спасали многихъ отъ жестокости и несправедливости современнаго имъ уголовнаго закона, не заслуживаетъ вниманія уже потому, что l. d. c. были удѣломъ лишь богатыхъ и вліятельныхъ людей, и потому вносили неравномѣрность въ отправленіе правосудія, т.-е. нѣчто еще болѣе одіозное, чѣмъ самое несовершенное и суровое законодательство. Наконецъ, въ системѣ l. d. c. есть еще одинъ внутренній порокъ, парализующій всѣ ея, якобы благотворныя, послѣдствія. Всякое наказаніе, конечно, не такъ страшно само по себѣ, какъ страшно его ожиданіе. И въ этомъ смыслѣ l. d. c. были самымъ тяжкимъ наказаніемъ. Вырывая преступника изъ рукъ суда, спасая его отъ грозной кары закона, они обрекали его обычно на долгіе годы томленія въ тюрьмѣ, въ полной неизвѣстности относительно дальнѣйшей своей участи. Милость превращалась въ мучительнѣйшее наказаніе, которое Мирабо недаромъ назвалъ медленной смертью.

Однимъ словомъ, l. d. c., какъ всякое административное наказаніе во всѣ времена и при всякомъ режимѣ — являлись актомъ правительственнаго насилія. Они были терпимы, пока правительство могло опереться на широкія общественныя массы, или лично заинтересованныя въ поддержкѣ существующаго порядка или вѣрившія въ силу и безкорыстіе правительственнаго творчества. Въ моментъ же, когда правительственное безсиліе стало ясно всѣмъ, и неспособность самоличнаго управленія страной была оффиціально признана правительствомъ—насилія его должны были исчезнуть [1]. Начиналась революція.

«Un grand destin s'achève, un grand destin commence!».

---

[1] „Haïr le pouvoir arbitraire—писалъ Мабли—n'est ce pas commencer à aimer la liberté et les lois?.... Un prince met froidement à la tête de ses ordonnances: que tel est son bon plaisir: quelle raison, quel motif, quel titre pour exiger mon obéissance!...“ *Abbé de Mably.* Des droits et des devoirs du citoyen. Kell. 1789. E. 373. A., стр. 150 и 243.

ГЛАВА II.

Личная свобода въ Наказахъ 1789 г.

Наказы представляютъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ, и грандіозныхъ страницъ французской исторіи. Мощь этого величайшаго памятника національнаго творчества [1]) не рѣшаются отрицать даже тѣ французскіе историки и публицисты, которые, сочувствуя традиціямъ старой монархіи, враждебно относятся къ «принципамъ 89 года». Дѣйствительно, какъ бы мы ни смотрѣли на достовѣрность наказовъ, на ихъ непосредственность—о чемъ рѣчь будетъ

---

[1]) *Токвиль* называетъ наказы „документомъ единственнымъ въ исторіи". о. с. Предисловіе стр. 9. *Шере* видитъ въ наказахъ „истинный памятникъ національной мысли, памятникъ не имѣющій себѣ ничего подобнаго ни въ одной странѣ". *Chérest*. о. с. т. II, стр. 399. „Наказы 1789 г. — говоритъ *Лавернь*—одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ когда либо народомъ во славу человѣчества" *Léonce de Lavergne*. о. с. Предисловіе. стр. III. Авторъ „Fastes civils de la France" замѣчаетъ, что потомство въ наказахъ увидитъ самое славное дѣяніе основателей французской свободы. т. I, стр. 322. Аналогичные отзывы о наказахъ мы находимъ у *Шатобріана*, *Гизо*, *Кинэ*, *Мартэна* и мн. др. „Les Cahiers du tiers - état—пишетъ Жоресъ—sont admirables d'ampleur, de vie, de netteté et d'unité.... Or je ne connais rien de plus plein, de plus solide, de plus substantiel que ces C. du Tiers — état, qui sont comme l'expression suprême de la littérature française du XVIII siècle...." *J. Jaurès*. Histoire socialiste 1789—1900. T. I. Стр. 155. „Знаменитые наказы 1789 г.—пишетъ А. М. Ону—этотъ огромный по объему и совершенно исключительный по своей цѣнности историческій источникъ все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Въ настоящее время ни одинъ историкъ, затрагивающій вопросъ о крушеніи стараго порядка во Франціи, не можетъ обойтись безъ изученія наказовъ". *А. Ону*. о. с., стр. 3. „...Всѣ великіе и малые интересы Франціи—пишетъ В. Хорошунъ—всѣ запросы, всѣ потребности страны съ поразительной полнотой вылились и запечатлѣлись въ этомъ замѣчательномъ и, можетъ-быть, единственномъ документѣ. Необходимы разностороннія знанія даже для простого пониманія наказовъ, не говоря о ихъ научномъ освѣщеніи и о научныхъ выводахъ". *В. Хорошунъ*. о. с. Предисловіе, стр. IX.

ниже—нельзя не признать, что наказы въ значительной степени были выраженіемъ воли всего французскаго народа, что, если крестьянскіе наказы и слагались нерѣдко подъ вліяніемъ или даже давленіемъ духовенства, дворянства или буржуазіи, то наказы послѣднихъ трехъ сословій въ громадномъ большинствѣ случаевъ были дѣйствительнымъ отраженіемъ ихъ интересовъ и настроеній [1]). Мы увидимъ ниже, какъ вылилась въ наказахъ дореволюціонная жизнь съ ея безправіемъ, неуваженіемъ къ личности, ея жестокостью... Мы увидимъ, какъ въ новомъ человѣкѣ живетъ еще старый съ его предразсудками, привычками, смутными порывами, подчасъ рѣшительно неспособный порвать навсегда старыя путы. Но на этомъ хаосѣ реформъ, неумолкаемой струей бившихъ изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Франціи — лежитъ печать творчества цѣлаго народа. Принципы, извѣстные подъ именемъ «принциповъ 89 г.», шагъ за шагомъ создавались изъ этихъ единственныхъ, въ своемъ родѣ, челобитныхъ. Отдѣльными струями наказы собирали то, что позже могучимъ потокомъ разлила Великая революція. «Les Cahiers—пишетъ взволнованный ими Шассэнъ—contiennent et la Révolution réalisée et même sur plus d'un objet capital—faut il rougir et l'avouer?—la Révolution à réaliser...» [2]). Ту же мысль повторяетъ Жоресъ [3]). «...Пробѣгите наказы 3-го сословія, особенно Парижа — восклицаетъ Карно — вы найдете въ нихъ и Декларацію Правъ, и конституцію 91 года и декреты 4 августа; въ этихъ наказахъ можно отыскать все вплоть до самого имени «Національнаго Собранія», изобрѣтеніе котораго отнюдь не принадлежитъ Леграну или Сіейсу...» [4]). «Нѣтъ ни одного вида сво-

---

[1]) „Въ наказахъ — пишетъ проф. Герье — отразилось съ небывалой въ исторіи рельефностью все французское общество съ его политическимъ образованіемъ, его идеалами и бреднями.... громадная нація въ самыхъ тонкихъ и разнообразныхъ своихъ расчлененіяхъ была этимъ способомъ какъ бы подвергнута дѣйствію фотографическаго аппарата, который увѣковѣчилъ ея духовный обликъ въ этотъ важный моментъ ея жизни съ его малѣйшими оттѣнками....“ *Проф. Герье.* o. c. стр. 410—411. „C. de 1789 — говоритъ *Hippeau* — expression libre et sinsère des sentiments et des besoins de toutes les classes de la société...“ *Hippeau.* o. c. т. VII. стр. I, VI и др.

[2]) *Chassin Ch. L.* Le Génie de la révolution. T. I, стр. 337.

[3]) „Ainsi toute la Révolution était contenue dans les Cahiers: les moyens étaient marqués comme le but“.... *J. Jaurès,* o. c. т. I, стр. 160.

[4]) *Hippolite Carnot.* Mémoires sur Carnot par son fils. T. I, стр. 176.

боды, ни одного принципа современнаго общества, которыхъ бы нельзя было найти въ наказахъ»—говоритъ Де-Брокъ [1]). Наказы дали формулу — пишетъ ихъ изслѣдователь Дюваль,— изъ которой вышла вся революціонная идея со всѣми ея благими и дурными послѣдствіями [2])». «Челобитныя и ходатайства — пишетъ ученый собиратель наказовъ Гиппо—сдѣлали легкой задачу Національнаго Собранія. И въ деклараціи и конституціи 91 г. Конституанта только слѣдовала тѣмъ завѣтамъ и инструкціямъ, которыя она получила отъ своихъ довѣрителей» [3]).

Разумѣется, Cahiers слишкомъ многочисленны и многообразны по своему происхожденію, чтобы быть однородными въ своихъ требованіяхъ, чтобы въ нихъ нельзя было усмотрѣть противорѣчій или прямо противоположныхъ тенденцій. Но въ этомъ — ихъ и главное достоинство, какъ источника народной воли: ихъ противорѣчивость есть лишнее свидѣтельство ихъ оригинальности. Этимъ объясняется и то, что изслѣдователи самыхъ различныхъ политическихъ идеаловъ, нерѣдко ищутъ и находятъ подтвержденіе своимъ воззрѣніямъ въ наказахъ [4]).

«Изученіе наказовъ—пишетъ Бреттъ — можетъ привести къ самымъ противоположнымъ заключеніямъ, въ зависимости отъ метода, которымъ пользуются.... Въ нихъ такъ же легко найти оправданіе какъ и осужденіе любой доктрины» [5]). Здѣсь мы подходимъ къ вопросу, котораго не можетъ обойти ни одно изслѣдованіе о

---

[1]) *Le Vicomte De Broc.* o. c. т. I, стр. 24.

[2]) *Duval L.* o. c., стр. 193. „Какъ ни смотрѣть на наказы—говоритъ другой провинціальный изслѣдователь Меджъ — необходимо признать, что въ нихъ зерно всѣхъ реформъ, предпринятыхъ революціей. *Francisque Mège.* o. c. стр. 1. „....Les Cahiers—пишутъ Бюшезъ и Ру—accusent tous les vices et tous les abus de l'organisme social existant....c'est le préambule nécessaire de la révolution française..." *Buchez et Roux.* o. c. т. V, стр. 322.

[3]) *Hippeau.* o. c. т. VII. стр. XXXV—XXXVI. Ср., напр., „*Résumé des cahiers sur la réforme judiciaire établi par la Chancellerie*". (Arch. nat., B^A. 89., Etats généraux de 1789). Цит. по *Seligman.* o. c. стр. 489—505.

[4]) Наиболѣе любопытный образчикъ въ спеціальной литературѣ представляютъ въ этомъ смыслѣ два извѣстныхъ ученыхъ изслѣдователя наказовъ: консервативный *Понсэнъ* и радикальный *Шассэнъ.* Первый видитъ главное достоинство наказовъ въ ихъ умѣренности и практичности, второй въ рѣзкомъ осужденіи ими старыхъ порядковъ. См. объ этомъ особенно *Ону А.* Изданія текстовъ по новой исторіи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1895 г. Іюль, *проф. Герье.* o. c. стр. 413—417.

[5]) *Armand Brette.* o. c. т. I, стр. LXXV.

наказахъ, вопросу о довѣріи къ нимъ, какъ историческому источнику. Въ специальной литературѣ, посвященной наказамъ, мы сталкиваемся съ безчисленнымъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ рѣшеній, свидѣтельствующихъ гораздо болѣе о политическихъ симпатіяхъ ихъ авторовъ, чѣмъ дѣйствительно уясняющихъ дѣло. Съ одной стороны, передъ нами груды документовъ, ярко рисующихъ широкое вліяніе образованныхъ классовъ—передовой буржуазіи или радикально настроенныхъ слоевъ первыхъ двухъ сословій—на огромныя, инертныя крестьянскія массы; передъ нами необъятная брошюрная литература конца 88-го и начала 89-го года; модели, десятками тысячъ расходившіяся по отдаленнѣйшимъ угламъ Франціи, забиравшіяся въ приходскія собранія и вырывавшія неожиданно—смѣлыя великолѣпныя фразы у бѣднаго мужика, безпомощно ставившаго крестъ подъ своей блестящей челобитной. Но рядомъ съ наказами, вышедшими задолго до собраній изъ кабинетовъ юристовъ, убогихъ хижинъ сельскихъ кюрэ или гордыхъ замковъ радикальныхъ феодаловъ, мы видимъ простыя челобитныя, въ которыхъ отразился безыскусственный міръ простого человѣка, въ которыхъ онъ спокойно, безъ ухищреній и риторики обращается къ далекой отъ него власти, проситъ помочь его нуждамъ, довѣрчиво раскрываетъ свое сердце въ надеждѣ, что рухнетъ, наконецъ, то средостѣніе, которое столько лѣтъ мѣшало его голосу дойти до Монарха. Эти наказы — истинный перлъ непосредственности, свѣжести, глубокой жизненной правды. Въ нихъ говоритъ настоящее краснорѣчіе нужды и страданій. Теперь, когда время унесло далеко этихъ маленькихъ, неизвѣстныхъ людей съ ихъ безпросвѣтной нуждой, тяжелыми заботами, чтеніе ихъ завѣтовъ доставляетъ высокое наслажденіе, превосходящее своей силой тѣ впечатлѣнія, которыя оставляютъ блестящіе наказы, созданные руками лучшихъ людей предреволюціонной Франціи [1]).

---

[1]) „Sous le rapport du style—пишетъ историкъ Оксеррскихъ Наказовъ—de l'orthographe, de l'ecriture même, ces cahiers laissent souvent bien à désirer, mais ces défauts sont amplement rachetés par la vigueur de la pensée, l'energie de l'expression et la naïveté des sentiments“. *C. Demay*, o. c. т. 38. (Bulletin). стр. 65. Въ прекрасномъ предисловіи къ сборнику общинныхъ наказовъ сенешоссеи Драгиньянъ—Мирeръ пишетъ: „Всѣ прекрасно знаютъ, что думали и чего хотѣли въ 1789 г. публицисты и политики. Но что думала и чѣмъ волновалась деревня? Только наказы общинъ могутъ просвѣтить на этотъ

Въ какой же степени возможно довѣріе къ наказамъ. Гдѣ начинается истинный голосъ народа и гдѣ кончается агитація? Рѣшеніе этого вопроса не только трудно; оно, вѣроятно, невозможно. Одинъ изъ лучшихъ, новѣйшихъ изслѣдователей наказовъ А. Ону пишетъ, что народный или крестьянскій характеръ не только окружныхъ, но и приходскихъ наказовъ «вызываетъ во всякомъ случаѣ сомнѣнія, доселѣ не устраненныя, быть можетъ, и неустранимыя». «Рѣшеніе этого вопроса—справедливо добавляетъ онъ—требуетъ коллективной работы; оно не подъ силу одному человѣку. Необходимо пересмотрѣть всѣ подлинныя связки, сличить почерки, присмотрѣться къ цвѣту чернилъ, которыми написаны эти пожелтѣвшіе листы и т. д. и т. д.» [1]).

Чрезвычайно плодотворную мысль для выясненія вопроса о подлинности наказовъ высказалъ французскій историкъ—Арманъ Бреттъ. По его мнѣнію, при рѣшеніи этого вопроса необходимо считаться съ протоколами собраній, въ которыхъ составлялись и редактировались наказы. Только здѣсь можно прослѣдить борьбу

счетъ. „Les idées—продолжаетъ онъ—que la sénéchaussée disséqua et souvent résuma d'un mot plus ou moins incolore, se retrouvent là avec leur expression originale, dans le cadre de leurs commentaires encore chaudes et vibrantes de la discussion d'où elles jaillirent". *Mireur F.*, о. с. Введ. стр. IX. „Ces doléances—говоритъ Fleury, разумѣя приходскіе наказы—ingénues souvent dans leur expression, toujours vraies et sincères dans les tableaux qu'elles déroulent, *rarement immodérées* dans les sentiments, qu'elles expriment: *jamais déclamatrices*.... nous montrent pris sur le vif le pays, ses idées, ses instincts, ses répugnances, ses tendances bien dirigées ou fausses et aussi ses erreurs économiques et philosophiques, ses aspirations, parfois instinctifs plutôt que refléchies, en matière d'impôt, de liberté, de politique, de religion et d'instruction.... Les désirs iront souvent en sens contraire. C'est l'éducation du peuple, l'adolescence si l'on veut, mais manquant d'éducation, de direction....". *E. Fleury,* о. с. стр. IV. „Приходскіе Кайе—пишетъ М. Ковалевскій—несравненно болѣе, чѣмъ общіе вводятъ насъ въ реальную обстановку сельской жизни". *М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи. Т. I, стр. 370.

[1]) Трудности кажутся непреодолимыми уже благодаря самому объему подлежащаго изученію матеріала. „Матеріалы по выборамъ и наказы 1787 г.—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ у А. Ону—далеко еще не всѣ приведены въ извѣстность, будучи разбросаны въ полномъ безпорядкѣ въ сотняхъ крупныхъ и мелкихъ архивовъ: судебныхъ, департаментскихъ, городскихъ и даже сельскихъ—по всей поверхности Франціи. Основательно изучить этотъ поистинѣ неисчерпаемый матеріалъ.... потребовало бы нѣсколькихъ десятковъ человѣческихъ жизней". *А. Ону* о. с. стр. 9—12. О методахъ изученія наказовъ см. *ibidem*. стр. 692—698.

партій, группъ, вліяній, только здѣсь можно и опредѣлить, въ какой мѣрѣ тотъ или другой наказъ явился выраженіемъ самого собраній или сложился подъ вліяніемъ какого либо посторонняго воздѣйствія. Необходимо — замѣчаетъ онъ — сблизить протоколы собраній съ наказами.....Иногда наказъ нельзя отдѣлить отъ протоколовъ собранія, составлявшаго его, потому-что первый представляетъ неотъемлемую органическую часть послѣднихъ. Такіе протоколы собраній, позволяя сблизить даты, подписи, даютъ ключъ къ рѣшенію вопроса о подлинности наказа»... [1]).

Самый процессъ образованія наказовъ проходилъ слѣдующія стадіи [2]). Участіе въ первичныхъ избирательныхъ собраніяхъ, согласно регламенту 24-го января 1789 г., было правомъ каждаго француза, даже и крѣпостного, достигшаго 25 лѣтняго возраста и внесеннаго въ податной списокъ. Такимъ образомъ, регламентъ 89-го года открывалъ народу болѣе широкія избирательныя права, чѣмъ послѣдующія реакціонныя конституціи. Для избранія депутатовъ и составленія наказовъ вся Франція была подѣлена на округи, пріуроченные къ судебнымъ—бальяжамъ и сенешоссеямъ [3]). Главный судья округа распоряжался организаціей выборовъ въ городахъ и деревняхъ. Первой ступенью были такъ называемыя первичныя приходскія собранія (assembleés primaires, a. de paroisse). Здѣсь вырабатывались наиболѣе оригинальные наказы—приходскіе и избирались выборщики для окружного собранія. Послѣднее въ зависимости отъ того—былъ ли данный бальяжъ или данная сенешоссея главной (principale) или второстепенной (secon-

---

[1]) *Armand Brette* o. c. т. I, стр. LXX. „...Прежде всего—пишетъ А. Ону—нужно изучить обстановку составленія наказовъ, иначе говоря, произвести систематическое изученіе выборовъ 1789 г. съ цѣлью подготовки критическаго разбора cahiers“. *А. Ону* о. с. стр. 7.

[2]) См. *А. Ону* о. с. гл. I и II или статьи *Edme Champion* въ „La grande Encyclopédie“ т. VIII или *L. de Poncins*. Les cahiers de 89. Paris 1866, гл. I. Уже съ 1560 г. во Франціи сложилось обыкновеніе предпосылать каждой сессіи Генеральныхъ Штатовъ родъ публичной анкеты. Каждое сословіе представляло свои пожеланія отдѣльно. Пожеланія 3-го сословія были извѣстны подъ именемъ: „Cahiers des plaintes, remontrances et doléances“.

[3]) Въ 1789 г. слово бальяжъ служило вообще для обозначенія избирательнаго округа (circonscription électorale) даже въ томъ случаѣ, если созывъ (convocation) происходилъ исключительно внѣ судебныхъ округовъ. *А. Brette* o. c. т. I, стр. XXXIII—XXXV.

daire)—или избирало депутатовъ непосредственно въ самые Генеральные Штаты, или первоначально въ Главный Округъ, гдѣ уже окончательно избирались депутаты въ Штаты и утверждался окружной наказъ. Тамъ же, гдѣ главнымъ округамъ были подчинены второстепенные, излюбленные люди приходскихъ собраній образовывали, такъ-называемыя, предварительныя собранія (assemblées préliminaires). Здѣсь приходскіе наказы служили матеріаломъ для составленія изъ нихъ общаго наказа отъ судебнаго округа. Наконецъ, въ послѣднемъ общемъ собраніи главнаго округа (assemblée générale du baillage principal) окончательно редактировался наказъ изъ всѣхъ городскихъ и окружныхъ наказовъ [1]).

Въ какой же мѣрѣ выработанные, такимъ образомъ, наказы могли служить выраженіемъ подлинной воли всего французскаго народа? Обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ цѣнное изслѣдованіе А. Ону, собравшаго громадный матеріалъ по вопросамъ избирательной борьбы и исторіи самаго составленія наказовъ [2]). Остановимся на его выводахъ.

Многочисленные документы отмѣчаютъ полную нейтральность позиціи, занятой центральнымъ правительствомъ въ процессѣ избирательной борьбы. Прежде всего центральное правительство отно-

---

[1]) *А. Бреттъ* предлагаетъ расположить весь матеріалъ, относящійся къ избирательнымъ собраніямъ и ихъ наказамъ по слѣдующимъ группамъ. Къ 1-й группѣ должны быть отнесены протоколы и наказы, предназначенные для Генеральныхъ Штатовъ и исходящіе изъ „главныхъ бальяжей“ (baillages principaux) или приравненныхъ имъ юрисдикцій. Названіямъ самихъ наказовъ—замѣчаетъ Бреттъ—не слѣдуетъ довѣрять. Многіе городскіе и даже приходскіе наказы имѣли въ заголовкѣ: „pour être porté aux Etats Généraux“. Это было—лишь pium desiderium. Вторую группу должны образовать протоколы и наказы, предназначенные для собраній главныхъ бальяжей или приравненныхъ имъ (assemblées des baillages principaux ou assimilés) и исходившіе изъ второстепенныхъ бальяжей (baillages secondaires). Въ третью серію должны войти наказы, назначенные для второстепенныхъ бальяжей, исходящіе отъ городовъ или приходовъ. Наконецъ, четвертая и послѣдняя группа составилась бы изъ протоколовъ и наказовъ, назначенныхъ для собраній городовъ, мѣстечекъ и приходовъ и исходившихъ отъ корпорацій, общинъ и т. д. *A. Brette* o. c. т. I, стр. LXX—LXXV. Драгоцѣннымъ и незамѣнимымъ пособіемъ для изученія избирательнаго процесса является III-й томъ работы Бретта. О трудностяхъ этого изученія см. особенно его „Avertissement de la quatrième partie“.

[2]) Въ этомъ смыслѣ изслѣдованіе Ону, какъ и монументальная работа Бретта, открываютъ новую эру изученія предреволюціонной Франціи.

сплось съ чрезвычайнымъ довѣріемъ къ исходу самихъ выборовъ. Съ одной стороны, оно не боялось «послѣдствій народнаго голосованія, такъ какъ не считало себя зависимымъ отъ воли народа» и хотѣло принять только «къ свѣдѣнію» мнѣнія вѣрноподданныхъ. Съ другой, правительство было убѣждено, что народъ въ главной его массѣ—на его сторонѣ, тѣмъ болѣе, что объ организованной оппозиціи въ то время не могло быть и рѣчи [1]). Наконецъ, немалую роль въ этомъ настроеніи правительства сыграло и то его «платоническое доброжелательство», съ которымъ оно въ эту пору относилось къ простому народу. Да и Франція этой эпохи была еще глубоко монархической. Этихъ соображеній достаточно, чтобы понять, почему центральное правительство не только ставило себѣ задачей, но, по возможности, и осуществляло начало полнаго невмѣшательства въ выборы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его распоряженія, вся правительственная переписка съ агентами мѣстной судебной и административной власти. «По мысли правительства, обязанности мѣстныхъ властей сводились исключительно къ охраненію порядка и разъясненію избирателямъ сложнаго механизма избирательнаго дѣла» [2]). Въ этомъ отношеніи правительство, проявило чрезвычайную внимательность ко всѣмъ запросамъ, ходатайствамъ, или требованіямъ разъясненій, исходившимъ отъ мѣстныхъ жителей и мѣстныхъ властей. Оно страдаетъ, по временамъ даже

---

[1]) *А. Ону* о. с. стр. 26—27.

[2]) *Ibidem* стр. 30—33. А. Ону горячо опровергаетъ слухи о распространявшихся, якобы, среди избирателей министерскихъ моделяхъ. „Говорили о какихъ-то „monita secreta“—пишетъ онъ—тайныхъ циркулярахъ, ослабляющихъ, будто-бы, на дѣлѣ принципъ громко провозглашеннаго невмѣшательства, ходили слухи о какихъ-то свыше утвержденныхъ образцахъ—cahiers ministeriels. Все это ни на чемъ не основано и отвергается серьезными изслѣдователями“. Стр. 33. „Почему—спрашиваетъ знатокъ дореволюціонной Франціи Шере—отъ министерскихъ образцовъ не осталось никакого слѣда? Отчего другія модели дошли до насъ, а эти нѣтъ? Правда, у правительства было намѣреніе составить и распространять свои модели. Извѣстны, напримѣръ, широкіе планы умнаго, энергичнаго Малуэ, настаивавшаго на томъ, что правительство должно было вмѣшаться въ борьбу, и выставить свою програму. Съ этой цѣлью Малуэ составилъ самъ пробный наказъ, но нерѣшительный, какъ всегда, Неккеръ, сидѣвшій между двумя стульями, не сумѣлъ предпринять ничего и въ этомъ случаѣ. И правительство отказалось отъ мысли участвовать въ избирательной борьбѣ. *Chérest A.* La Chute de l'Ancien régime 1787—1789. T. II. стр. 409—414.

какъ-будто, чрезмѣрной «нерѣшительностью и уступчивостью». Это объясняется, конечно, «безпомощностью, безтолковостью и растерянностью, обнаруженной парижскими министерскими чиновниками въ моментъ созыва народныхъ представителей». Центральная власть оказалась не въ силахъ самостоятельно сорганизовать новое грандіозное дѣло и «въ рѣшительный часъ выборовъ» должна была стать не «руководителемъ, а пассивнымъ зрителемъ того, что совершалось» [1]).

Такимъ образомъ, нейтральная позиція центральнаго правительства являлась невольнымъ результатомъ его «наивности», его миролюбивыхъ настроеній, его полной дезорганизованности; ближайшее руководительство должно было попасть въ другія руки и, такъ какъ выборы 1789 г. были пріурочены къ судебной организаціи, они и попали въ судейскія руки. «...Сверху до низу—пишетъ А. Ону—судьба выборовъ была въ рукахъ судебнаго сословія, настроеніе котораго во многомъ предупредило ходъ дальнѣйшихъ событій» [2]). Оно по своему толкуетъ королевскую волю въ провинціи, довольно безцеремонно обращается съ его регламентомъ, не останавливается передъ понужденіями и насиліемъ, въ экстренныхъ случаяхъ любитъ прибѣгать и къ вооруженной силѣ. Лейтенанты не только критикуютъ наказы, но и прибѣгаютъ къ разнообразнымъ мѣрамъ для того, чтобы исключить изъ нихъ неугодныя для правительства статьи [3]). Однимъ словомъ, вмѣшательство судебной власти «проявлялось такъ или иначе въ формахъ, несоотвѣтствующихъ идеалу невмѣшательства, которое предписывалъ регламентъ и о которомъ такъ искренне мечталъ Неккеръ» [4]).

Гораздо менѣе значительной была роль мѣстной администраціи, фактически устраненной отъ выборовъ. Интенданты и субделегаты въ эпоху избирательной компаніи были настолько непопулярны, что правительству не разъ приходилось вступаться за своихъ

---

[1]) *Ibidem* стр. 42—48 passim.

[2]) *Ibidem* стр. 40, 49—91.

[3]) Такъ одинъ лейтенантъ въ докладѣ министру сообщаетъ, что онъ „добился своимъ вліяніемъ исключенія изъ наказа неугодной правительству статьи о такъ—наз. mandat impératif..“; другой пишетъ хранителю печати: „..Мнѣ удалось допустить въ наказъ моего бальяжа только тѣ пожеланія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ общее благо“. *Ibidem* стр. 64—65.

[4]) *Ibidem* стр. 82.

чиновниковъ. Въ особенно трудномъ положеніи оказались субделегаты, которые въ собраніяхъ подвергались оскорбленіямъ. Въ этомъ яростномъ походѣ на провинціальную бюрократію дворянство шло вмѣстѣ съ другими сословіями. Только въ рѣдкихъ округахъ чиновники получали избирательные голоса [1]).

Посмотримъ, что дѣлалось въ приходахъ? Если уже окружные наказы слагались подъ непосредственнымъ и живымъ вліяніемъ мѣстнаго судейскаго персонала, то казалось бы, что для самостоятельности первичныхъ наказовъ совершенно нѣтъ мѣста. Чтобы имѣть объ этомъ правильное сужденіе, необходимо бросить хотя бы бѣглый взглядъ на матеріальныя условія, въ которыхъ протекали выборы и процессъ составленія наказовъ.

Здѣсь прежде всего приходится коснуться вопроса объ абсентеизмѣ избирателей. Несмотря на чудовищные промахи, которые надѣлало правительство при организаціи выборовъ, промахи, проистекавшіе и отъ общей его неподготовленности и отъ совершеннаго незнанія мѣстныхъ условій, выборы, все-таки, произошли всюду, хотя и съ нѣкоторымъ запозданіемъ. Ону полагаетъ, что число непредставленныхъ вовсе приходовъ было крайне незначительнымъ. «Случаи уклоненія собирательныхъ единицъ—пишетъ онъ—сельскихъ обществъ отъ исполненія гражданскихъ обязанностей представляютъ положительно каплю въ морѣ». Ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ довѣряться показаніямъ о неявкахъ, которыя носятъ чрезмѣрно преувеличенный характеръ. Такъ какъ организація выборовъ, какъ сказано выше, была пріурочена къ судебнымъ округамъ, то въ прямыхъ интересахъ бальяжей и сенешоссей было расширеніе сферы своей компетенціи на счетъ своихъ сосѣдей. Право юрисдикціи было непосредственно связано съ денежнымъ интересомъ и округа въ буквальномъ смыслѣ слова старались оттянуть себѣ лишній приходъ, лишняго избирателя. Къ выборамъ привлекались нерѣдко даже несуществующіе приходы и несуществующіе жители—иногда, по недоразумѣнію, а иногда изъ дипломатическихъ соображеній. Конечно, отсюда еще нельзя заключать, что первичныя собранія были вѣрнымъ отраженіемъ воли большинства французскаго народа, хотя бы уже потому, что число лично

---

[1]) *Ibidem* стр. 91—111.

уклонившихся избирателей было довольно значительнымъ. И причины такого уклоненія были многообразны. Извѣстную роль сыграли здѣсь климатическія условія—распутица, бездорожье, но главное, что удерживало мелкіе приходы отъ выборовъ или посылки наказа, была бѣдность, невозможность безъ серьезнаго ущерба своему убогому хозяйству отлучиться отъ нужной работы.

Во всякомъ случаѣ, успѣшность созыва приходскихъ собраній въ настоящее время является общепризнанной [1]).

Гораздо бо́льшія сомнѣнія относительно сознательности наказовъ вызываютъ два характерныхъ явленія народной жизни этой эпохи: незнаніе массами населенія государственнаго языка и поголовная безграмотность.

Всѣ наказы составлены на французскомъ языкѣ, между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что въ 1789 г. «около половины всего населенія Франціи не только не говорила на томъ языкѣ, который принято называть французскимъ, но не понимала этой рѣчи». Отсюда совершенно очевидно, что если «даже наказы были первоначально составлены на мѣстныхъ нарѣчіяхъ» и «что содержаніе обмѣна мыслей, бывшаго на приходскомъ собраніи, прямо записывалось по французски, то, во всякомъ случаѣ, у избирателей не было никакого оружія для противодѣйствія злонамѣренности редактора, никакихъ средствъ для контроля надъ точностью передачи въ наказѣ смысла всего сказаннаго темными мужиками на мѣстномъ нарѣчіи» [2]). Въ 1794 г., во Франціи насчитывалось еще до 30 говоровъ и Грегуаръ въ своемъ докладѣ Конвенту 16-го мая 1795 г. указалъ, что, по крайней мѣрѣ, 6 милліоновъ крестьянскаго населенія вовсе не понимаютъ національнаго языка, 6 милліоновъ неспособны вести на немъ связный разговоръ и едва 3 милліона говорятъ чисто по французски [3]). Еще 20-го іюля 1794 г. (1-е Термидора, года II-го) Конвентъ издалъ спеціальный законъ объ обязательномъ

---

[1]) *Ibidem.* гл. III, стр. 203—276 passim.

[2]) *Ibidem.* стр. 401, 414 и др.

[3]) *Ibidem.* стр. 405—406. См. т. *C. Richter.* Staats und Gesellschaftsrecht der französischen Revolution von 1789—1804. Berlin 1865—1866т. I, стр. 41—43. „Eine Sprache—пишетъ Рихтеръ—ward hier gesprochen, die von jener des benachbarten gebietes ganz verschieden war“. См. т. докладъ *Ролана* Конвенту. особенно гл. 25 „De l'esprit public“. *A. P.* т. LVI. стр. 633—704.

употребленіи французскаго языка въ школахъ, церквахъ, судахъ и прочихъ общественныхъ мѣстахъ. Повинные въ нарушеніи закона, чиновники подлежали отрѣшенію отъ должности и шестимѣсячному тюремному заключенію. С. Жюстъ при отъѣздѣ изъ Страсбурга велѣлъ выпустить 2000 заключенныхъ, которыхъ первоначально хотѣлъ потопить въ Рейнѣ и все преступленіе которыхъ заключалось въ томъ, что они говорили по нѣмецки [1]).

Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, наказы, благодаря разноязычности населенія и могли избѣгнуть вліянія брошюръ, моделей и листковъ, печатавшихся на французскомъ языкѣ, то, съ другой, составители челобитной именно изъ-за незнанія государственнаго языка, неизбѣжно попадали въ полную кабалу къ редактору. Избѣгнувъ «книжной риторики» модели, они должны были украсить свой наказъ риторикой редактора.

Наряду съ разноязычностью при сужденіи о достовѣрности наказовъ необходимо имѣть въ виду и другое упомянутое нами явленіе—безграмотность народа. Конечно, здѣсь какъ и по многимъ другимъ вопросамъ, касающимся Стараго Порядка, точнаго отвѣта дано быть не можетъ за отсутствіемъ достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ. Въ большинствѣ случаевъ вопросъ рѣшается въ зависимости отъ политическихъ симпатій изслѣдователя. Но многочисленныя конкретныя данныя позволяютъ, во всякомъ случаѣ, утверждать, что дореволюціонная Франція была глубоко невѣжественной [2]). Въ пользу этого мнѣнія особенно богатый матеріалъ дали выборы 1789 г. Если даже оставить въ сторонѣ мѣстности съ сплошной безграмотностью и тогда придется констатировать, что почти «повсемѣстно наблюдалось неумѣніе подписать даже свое имя. Это являлось конкретнымъ, точно исчислимымъ и осязательнымъ показателемъ народнаго невѣжества» [3]). Эти безотрадныя данныя невольно заставляютъ Ону даже поставить капитальный вопросъ, разрѣшеніе котораго, впрочемъ, онъ считаетъ

---

[1]) *Richter* o. c. т. I. стр. 43.

[2]) См. напр., *Duval L.* o. c. стр. 174 и дал. *А. Ону.* o. c. стр. 415—439.

[3]) *А. Ону.* o. c. стр. 436. Наказы единодушно требуютъ: „Школъ! школъ доступныхъ для всѣхъ“! См. *Chassin.* Le Génie de la révolution, т. II, глава IV.

сейчасъ невозможнымъ: «Могутъ-ли мысли и желанія невѣжественнаго народа лежать въ основаніи этого замѣчательнаго памятника политической мысли XVIII-го вѣка?» [1]).

Это—и есть тотъ вопросъ, который насъ сейчасъ занимаетъ. Поэтому, послѣдуемъ далѣе за г. Ону въ его критическомъ изслѣдованіи. Посмотримъ, какія вліянія испытывало въ собраніяхъ при составленіи наказовъ разноязычное и безграмотное населеніе?

Прежде всего ему приходилось вступать въ постоянное соприкосновеніе съ судейскимъ сословіемъ. Предсѣдателями первичныхъ собраній по регламенту были мѣстные судьи, т.-е. низшая судебная власть. Поэтому, одно изъ самыхъ вопіющихъ злоупотребленій Стараго Порядка—его судебная организація, была отдана подъ надежную защиту судей, лично заинтересованныхъ въ ея сохраненіи.

Но ограниченіе свободы критики дореволюціонныхъ судебныхъ порядковъ было связано еще съ другимъ, еще болѣе важнымъ ограниченіемъ. Такъ какъ значительная часть судей, предсѣдательствовавшихъ въ первичныхъ собраніяхъ, были сеньеріальными судьями, то естественно они отстаивали не только вотчинную юрисдикцію, но и вообще всѣ феодальныя права, которыя, между тѣмъ, должны были быть главнымъ пунктомъ нападеній со стороны первичныхъ избирателей [2]). Поэтому, многіе наказы, составленные руками сеньеріальныхъ агентовъ, не только не считались съ желаніями мѣстныхъ жителей, но и откровенно шли противъ нихъ. Иногда избиратели должны были подписывать пустые бланки, которые позже заполняли, по своему усмотрѣнію, сеньеріальные судьи, агенты, синдики и пр. [3]). Нѣкоторымъ коррективомъ могло служить лишь то, что судей, конечно, не хватало для первичныхъ собраній и во многихъ случаяхъ они замѣнялись представителями мѣстнаго самоуправленія. Въ послѣднемъ, впрочемъ, также было изобиліе прямыхъ ставленниковъ провинціальной администраціи или даже сеньеровъ.

---

[1]) *Ibidem.* Стр. 439.

[2]) *А. Ону.* о. с. стр. 114. О вліяніи юристовъ въ деревняхъ вообще, см. хотя бы *Carejew.* Les paysans et la question paysanne en France dans le dernier quart du XVIII siècle. Paris. 1899. стр. 408—409 или *проф. Герье.* о. с. стр. 417—418.

[3]) *Ibidem.* Гл. II, пунктъ 1 passim.

Менѣе значительной въ избирательной кампаніи была роль самихъ сеньеровъ. «...Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ — пишетъ А. Ону—личность помѣщика почти совершенно стушевалась.... Это объясняется отчасти абсентеизмомъ знати, отчасти и тѣмъ, что прямое вмѣшательство сеньера въ выборы третьяго сословія являлось бы прямымъ нарушеніемъ закона» [1]. Наконецъ, въ дворянствѣ были элементы, мечтавшіе о союзѣ съ крестьянствомъ противъ буржуазіи; поэтому, и защиту феодальныхъ правъ они охотнѣе предоставляли своимъ ставленникамъ или сеньеріальнымъ судьямъ, чѣмъ брали на себя въ формѣ непосредственнаго давленія на своихъ крестьянъ. Но все же, феодальныя повинности были центромъ горячей борьбы. Здѣсь крестьянинъ имѣлъ противъ себя и дворянина, и многочисленныхъ представителей буржуазіи, начиная со своего брата, выбившагося въ люди мужика, ставшаго сеньеріальнымъ агентомъ, и кончая богатымъ купцомъ, живущимъ по-барски на купленной у дворянина землѣ» [2].

Немало въ этой избирательной борьбѣ должна была смущать бѣднаго деревенскаго жителя и открытая подача голосовъ, противъ которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздавались протесты; наконецъ— не только угрозы репрессаліями, но и подлинныя репрессаліи, въ формѣ привлеченія къ суду, усиленнаго взысканія недоимокъ и пр. и пр. [3].

Однимъ словомъ, какъ и слѣдовало ожидать, выборы 1789 г. обратились въ кипучую борьбу разнородныхъ интересовъ и упованій. Одни стремились выбросить наружу то, что таилось подъ спудомъ цѣлыми вѣками, торопились повѣдать о своихъ страданіяхъ, протестовать противъ вѣковыхъ несправедливостей, просить, молить или требовать облегченія своей участи, другіе, опираясь на свои монополіи, употребляли всѣ усилія, чтобы помѣшать этимъ

---

[1]) *Ibidem.* Стр. 138—139., т. стр. 142, 144 и др.

[2]) *Ibidem.* Стр. 117., т. стр. 202.

[3]) *Ibidem.* Стр. 145—152. Г. Ону извлекъ изъ архивовъ даже слѣдующій любопытный эпизодъ. Въ Шинонѣ одна *городская корпорація* включила въ свой наказъ требованіе относительно реформы судопроизводства. Однако, судейскіе сумѣли ее припугнуть и корпорація „хотѣла взять наказъ обратно, но отказано, ибо наказъ нуженъ былъ въ качествѣ улики *на случай, если возбуждено будетъ преслѣдованіе противъ подписавшихся*“. (Курсивъ — г. Ону).

голосамъ вырваться наружу и, требуя новыхъ привилегій для себя, не брезгали никакими средствами, чтобы зажать ротъ всѣмъ, искавшимъ сбросить съ себя ихъ иго. Въ борьбѣ участвовалъ весь народъ; неудивительно, что въ нее влагалось глубоко жизненное, но пестрое и разнородное содержаніе [1]). Сильные давили слабыхъ. Насилія имѣли мѣсто всюду: въ собраніяхъ дворянства, 3-го сословія, духовенства и особенно въ приходахъ.

Менѣе всего они были возможны, конечно, въ средѣ дворянства. Разумѣется, и тутъ борьба различныхъ группъ и партій могла породить серьезные конфликты; соперничество — какъ замѣчаетъ Бреттъ — между «possédant-fief» и «non possédant» или «noblesse de robe» и «noblesse d'épée» принимало иногда острыя формы, но самая организація дворянства предохраняла его отъ закабаленія одной партіи другой [2]).

---

[1]) „Выборы 1789 г.—пишетъ *А. Ону*—были своего рода драмой. Выступавшій въ ней французскій народъ желалъ, чтобы король всю правду его вѣдалъ, но эта правда не всѣмъ была по сердцу—отсюда столкновенія и борьба, полная глубокаго содержанія...“ о. с. стр. 182 и далѣе. „C'est dans une fièvre extraordinaire de pensée, que se firent les élections“—пишетъ Жоресъ. *J. Jaurès.* Histoire socialiste т. I стр. 146. См. т. *A. Brette* о. с. Противоположнаго мнѣнія держится *проф. Карѣевъ.* Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ XVIII в. М. 1879. или *Gegout*, о. с особенно стр. 15—16.

[2]) Извѣстно, что дворянство и духовенство наканунѣ революціи не представляли собою гомогенной массы съ однородными интересами и стремленіями. Оба сословія разбивались на рѣзко обособленныя группы съ нерѣдко противоположными интересами. „...Въ моментъ революціоннаго взрыва—читаемъ мы у Каутскаго—вся „реакціонная масса“ французовъ была глубоко разъединена и распадалась на самыя разнообразныя группы“. *К. Каутскій.* Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Спб. 1902. стр. 17. См. т. *М. Ковалевскій.* о. с. т. II, стр. 203 и дал. *А. Ону.* о. с. стр. 177—182. *Georges Bussière.* Etudes historiques sur la révolution en Périgord. 1-re partie Bordeaux. 1877. стр. 53. Классовая борьба и групповая борьба въ предѣлахъ одного класса нашли въ наказахъ и брошюрной литературѣ, предшествовавшей имъ, яркое отраженіе. Взволнованный Бургиньонскій дворянинъ пишетъ, между прочимъ, другому: „3-е сословіе ополчается противъ насъ и судя по той манерѣ, съ какой мы защищаемся, мы должны быть побѣждены, но что станетъ тогда съ свободой націи? (sic!). Духовенство—продолжаетъ онъ—дѣйствуетъ болѣе мудро: оно объединяется. Намъ необходимо тоже объединиться и привлечь къ себѣ землевладѣльцевъ и жителей деревень (les laboureurs, les cultivateurs de toute espèce)... Тогда мы заставимъ задрожать 3-е сословіе“. См. *Lettre d'un gentilhomme Bourguignon à un gentilhomme Breton sur l'attaque du tiers Etat, la division de la Noblesse, et l'interêt des Cultivateurs.* 1789. стр. 6, 7, 25. (Написано *Vicomte de Chastenay-Saint-George* по „Barbier“). Мечты о соз-

Картина мѣняется, если обратиться къ собраніямъ и наказамъ 3-го сословія. Здѣсь, пишетъ Бреттъ, преобладаніе принадлежало землевладѣльческой группѣ. Особенно сильно это сказалось въ деревняхъ. Въ городахъ же бюрократія въ лицѣ интендантовъ

данія 4-го и даже 5-го сословія и ихъ особыхъ представителей въ созываемыхъ штатахъ нашли также откликъ въ агитаціонной предвыборной литературѣ. Такъ въ одномъ изъ памфлетовъ анонимный авторъ требуетъ организаціи крестьянскаго сословія для штатовъ. Рекомендуя воспользоваться конституціями англійской, шведской, датской, онъ совѣтуетъ взять изъ шведской дѣленіе на 4 сословія: 4-е—cultivateurs. По его мнѣнію, необходимо сорганизовать и 5 сословіе изъ женщинъ, которыя могли бы составить свой наказъ. См. *Le plus fort des pamphlets. L'ordre des paysans aux états-généraux.* Noilliac. 26 Févr. 1789. L[39]*b* 1235. Восторженные панегирики народу мы находимъ въ памфлетахъ нѣкоего Bérenger: „...leur sueur, leur sang.... ils (народъ) expriment avec joie pour vous satisfaire. Ils font croitre le pur froment et ne se nourissent que d'un pain de douleurs, ils cultivent la vigne et ne s'abreuvent que du jus de plus âpres buissons". Затѣмъ слѣдуетъ изображеніе деревни во вкусѣ счастливой Аркадіи. Чистота нравовъ, благочестіе, любовь и счастье—избрали поля своимъ убѣжищемъ. Все это плохо вяжется съ ламентаціями автора на полное раззореніе деревни и глубокую нищету народа. Авторъ совѣтуетъ беречь народъ и не отнимать сразу всего мёда. *Bérenger* (d'après Barbier). Les quatre états de la France. 1789. L*b*[39] 1281. Нѣчто аналогичное представляетъ трогательный „*Cahier des pauvres*" (*par Lambert*). L*b*[39] 1588, съ гимномъ труду... „or presque jamais—замѣчаетъ авторъ—les instituts civils n'ont été que pour la sûreté du riche et au détriment du pauvre"... (стр. 14) Защиту интересовъ крестьянства и бѣдныхъ ремесленниковъ см. также въ *Doléaances du cultivateur journalier.* L[39]*b* 1587. Pièce. *Doléances du pauvre peuple, adressés aux Etats Généraux. 25 Avr. 1789. Cahiers du quatrième ordre celui des pauvres Journaliers, des Infirmes, des Indigens etc... l'ordre sacré des infortunés—par Dufourny de Villiers.* Paris. 25 avril 1789. L[39]*b*. 1583. *Le cri de la nation ou les doléances de vingt trois millions des François.* L[39]*b*. 1585. Послѣдній памфлетъ отличается особенной горячностью „...Сплотимся—восклицаетъ авторъ—около Людовика XVI, нашего Суверена, Отца и Друга и спасемъ Его, какъ и себя, отъ преступнаго и деспотическаго владычества „des grands". Сбросьте ваши цѣпи!... Вашъ король не желаетъ больше царствовать надъ рабами! Откройте глаза! Вы—люди, лучшее созданіе творца!.. Будьте свободными и счастливыми... Аристократы, „tyrans du roi, tyrans de la Nation" существуютъ только нашимъ трудолюбіемъ". „Noblesse—говорилъ еще Сійесъ—это imperium in imperio". *E. Sieyès.* Qu'est-ce que le tiers état? précédé de L'essai sur les privilèges. Edition critique avec une introductiou par *Edme Champion.* Изд. „Soc. de l'histoire de la révolution française". Paris. 1888. Стр. 31. См. т. *Marcel Bruneau.* Les débuts de la révolution dans les départements du Cher et de l'Indre (1789—1791). Paris. 1902. стр. 43. О женскихъ наказахъ см. хотя бы *Chassin Ch.L.* Le Génie de la révolution, т. I стр. 476—482. L[32]*a* 428.

или субделегатовъ не брезгала никакими средствами, чтобы повліять на избирателей или коммиссіи для составленія наказовъ, въ смыслѣ благопріятномъ для стараго порядка [1]).

Еще болѣе безотрадную картину представляли собранія духовенства. Наибольшая сумма воздѣйствія и давленія, по мнѣнію А. Бретта, была оказана именно здѣсь, но объ этомъ ничего нельзя узнать ни изъ наказовъ, ни изъ протоколовъ собраній. Чтобы получить истинное представленіе о методахъ избирательной борьбы надо читать письма и мемуары. Между высшимъ и низшимъ духовенствомъ шла борьба не на жизнь, а на смерть [2]). Епископы, скрѣпя сердце, должны были выслушивать, какъ ежечасно оспаривались самыя дорогія ихъ сердцу и карманамъ прерогативы. Они горько жалуются на «недисциплинированность» низшаго духовенства, на ихъ вызывающее поведеніе. «Кюре — пишетъ одинъ епископъ—держатъ себя въ собраніяхъ, какъ на площади» [3]). Разумѣется, епископы не оставались въ долгу, стѣсняя всячески свободу слова, оказывая давленіе на наиболѣе податливыхъ, или индифферентныхъ, на что, въ свою очередь, жаловались кюре. Яркой иллюстраціей къ этой неравной борьбѣ можетъ служить любопытное письмо нѣкоего аббата Жалле къ Неккеру, отъ 8-го апрѣля 1789 г. [4]). Въ виду его исключительнаго интереса мы позволимъ себѣ привести изъ него нѣкоторыя выдержки.

Жалле былъ однимъ изъ семи депутатовъ отъ духовенства въ Пуату. Въ письмѣ къ Неккеру Жалле горько жалуется, что правительство не подумало о бѣдности низшаго духовенства, и не назначило имъ субсидіи на неизбѣжные расходы, связанные съ

---

[1]) См. *A. Brette* o. c. т. I, стр. LXXII. Въ противоположномъ смыслѣ говоритъ о роли администраціи *L. de Poncins*, o. c. гл. I. См. т. у насъ выше стр. 219—220.

[2]) См. напр. *J. Wallon*. Le clergé de quatre-vingt-neuf. Paris. 1876. гл. III, стр. 203—215.

[3]) *A. Brette*. o. c. т. I, стр. LXXXV.

[4]) *„Une lettre de l'abbé Jallet à Necker“*. *„La Révolution française“* 1893. Juillet, стр. 81—88. См. также *Jallet. Journal inédit de J. Curé de Cherigné député du clergé du Poitou aux Etats Généraux de 1789*, précédé d'une notice historique par. *J. J. Brethé*. Fontenay-la-Comte. 1871. Этотъ журналъ имѣетъ важное значеніе; онъ впервые познакомилъ съ тѣмъ, что происходило въ „Chambre du Clergé“ на Генеральныхъ Штатахъ 1789 г. до окончательнаго сліянія 3-хъ сословій.

разъѣздами и проживаніемъ въ чужомъ мѣстѣ. Жалле описываетъ, между прочимъ, и свое собственное плачевное положеніе въ бѣдномъ приходѣ, состоящемъ всего изъ 19 полураззоренныхъ неурожаемъ семействъ. Онъ говоритъ о необходимости остаться для него въ приходѣ, чтобы не лишить помощи бѣдныхъ прихожанъ. Я прошу васъ монсиньоръ—пишетъ онъ—не гнѣваться на то, что я свой первый долгъ, долгъ пастыря предпочелъ безполезной, быть можетъ, для моего отечества чести увеличить число представителей сословія на Генеральныхъ Штатахъ. Но, чтобы уплатить мой долгъ народу, счастье котораго будетъ дѣломъ вашихъ рукъ, я представляю вамъ точный отчетъ въ томъ, какимъ образомъ составлялся наказъ отъ нашего сословія, такъ какъ я имѣлъ честь быть однимъ изъ его редакторовъ.

Я полагаю — пишетъ Жалле — что наша задача заключалась не въ томъ, чтобы включать въ наказъ свои собственныя пожеланія, а чтобы угадать общую волю (voeu général), поскольку она выразилась въ запискахъ, поступившихъ въ бюро комиссіи. Поэтому, ознакомленіе съ этими мемуарами и записками представлялось мнѣ первой операціей, къ которой мы должны были приступить. На дѣлѣ оказалось иначе. Епископъ, предсѣдательствовавшій въ комиссіи, составилъ собственный обширный проектъ, который и предложилъ обсудить собранію. Послѣднее рѣшило разсмотрѣть его параграфъ за параграфомъ, а затѣмъ баллотировать. Такимъ образомъ, наказъ, редактированный комиссіей, не считался вовсе съ частными пожеланіями, поступившими въ нее, а исключительно съ желаніями предсѣдателя комиссіи—епископа. Мемуары, соображенія, проекты, представленные духовными чинами различныхъ степеней, даже не были прочитаны въ комиссіи; ихъ бѣгло просмотрѣли нѣкоторые изъ ея членовъ и кое-что выбрали, надѣясь включить это позже въ общій наказъ. Однако, послѣ обсужденія епископскаго наказа, къ нему уже невозможно было прибавить что либо, принципіально съ нимъ несогласное. Такимъ образомъ, наказъ отъ духовенства Пуату далеко не выражаетъ того, къ чему стремилось большинство членовъ этого собранія.

Совершенно въ аналогичныхъ условіяхъ вырабатывался «Cahier commun des trois ordres du baillage de Langres» [1]). Этотъ

[1]) *A. Brette* o. c. т. I. стр. LXXXVII—XC.

наказъ — не апокрифиченъ, какъ полагаютъ Archives Parlementaires [1]), а принадлежитъ цѣликомъ епископу Лангрскому. Добавленія, предложенныя третьимъ сословіемъ и дворянствомъ, въ него не вошли вовсе и въ то время, какъ личныя пожеланія епископа получили широкую извѣстность, желанія двухъ другихъ сословій остались мало извѣстными до настоящаго времени [2]).

Валлонъ въ своей работѣ, посвященной французскому духовенству наканунѣ революціи, разсказываетъ также немало эпизодовъ, свидѣтельствующихъ о необыкновенной напряженности борьбы въ періодъ избирательной кампаніи. Составленіе наказовъ протекало въ приподнятой атмосферѣ, а протоколы засѣданій, замѣчаетъ Валлонъ, сохранили слѣды «transactions forcés». Изъ за одного, напримѣръ, наказа происходила ожесточенная борьба между просвѣщеннымъ и демократически настроеннымъ викаріемъ и монахами, отстаивавшими рутину и традиціи старой монархіи. Викарій былъ побѣжденъ и долженъ былъ послѣдовательно выкинуть изъ редактируемаго имъ наказа всѣ параграфы, трактовавшіе о ненарушимости почтовой тайны, равенствѣ наказаній, періодическомъ созывѣ Генеральныхъ Штатовъ и т. п. и т. п. [3]). Аббатъ Грегуаръ публично обвинялъ своего епископа въ томъ, что онъ похитилъ и извратилъ наказъ своего бальяжа и вернулъ его только послѣ угрозъ отобрать его у него силой [4]). Такимъ образомъ, епископскіе наказы, изготовленные заблаговременно въ ихъ покояхъ, фальсифицировали не только волю духовенства, но и въ собраніяхъ изъ трехъ сословій проводили вожделѣнія аристократическихъ элементовъ духовенства [5]). Очевидно, замѣчаетъ Валлонъ, что при такихъ усло-

---

[1]) *A. P.* т. III. стр. 428.

[2]) Подлинный наказъ, указываетъ Бреттъ, находится въ Британскомъ музеѣ; „Pétition particulière du tiers état du bailliage de Langres" — въ Національномъ архивѣ (B. III 70, стр. 551 — 580); дворянская же часть наказа остается неразысканной.

[3]) *Wallon.* o. c. стр. 215.

[4]) *Ibidem.* стр. 225.

[5]) Характернымъ образчикомъ стѣсненій, которымъ подвергались избирательныя собранія, могутъ служить, напримѣръ, любопытные „*Réclamations et protestations du Sr. Goulliant*" — одного изъ депутатовъ 3-го сословія отъ города Суасона, напечатанныя въ сборникѣ Перэна. *Perin.* o. c. стр. 110—123.

віяхъ наказы низшаго духовенства не могли служить выраженіемъ его истинныхъ настроеній.

Въ виду этого депутаты отъ духовенства получали еще тайныя инструкціи, которыя не могли себѣ найти мѣста въ наказахъ. Подобныя инструкціи, разумѣется, имѣли далеко не одни депутаты духовенства. Въ концѣ наказа 3-го сословія сенешоссен «Mont de-Marsan»—указываетъ Бреттъ—мы читаемъ, напримѣръ, что депутаты получатъ еще частную инструкцію, гдѣ каждый параграфъ наказа будетъ развитъ съ бо́льшими подробностями и съ бо́льшей ясностью, чѣмъ это можно было сдѣлать въ самомъ наказѣ.

Мы не останавливаемся на вопросѣ о борьбѣ въ первичныхъ собраніяхъ, съ одной стороны потому, что на этотъ вопросъ отвѣчаетъ въ значительной своей части капитальное изслѣдованіе Ону, съ другой и потому, что уже изъ общей характеристики первичныхъ собраній и ихъ участниковъ можно составить себѣ достаточное представленіе о томъ, какъ протекала избирательная борьба въ приходахъ. Необходимо коснуться лишь одного — весьма спорнаго, но и весьма важнаго вопроса: о роли образцовъ, моделей въ избирательной кампаніи 1789 г.

Брошюрная литература конца XVIII-го вѣка представляла изъ себя, по выраженію Шере, настоящій «потопъ писаній» (déluge d'écrits). Модели изготовлялись грудами и въ Парижѣ и въ провинціи и распространялись отсюда по всей Франціи. Отдѣльныя мѣропріятія правительства, пытавшіяся задержать этотъ потокъ, оказались безрезультатными и лучшіе публицисты Франціи разносили модныя политическія теоріи по самымъ захолустнымъ ея угламъ [1]).

---

[1]) О размѣрахъ этой брошюрной эпидеміи можно составить приблизительное представленіе по каталогу Пар. Нац. Библ., конечно, далеко неполному. „Catalogue de l'histoire de France". Paris. 1855, т. II подъ рубрикой Lb^{39}. Библіографію моделей наказовъ см. также *Chassin Ch. L.* Le Génie de la révolution, т. I, стр. 410—416 или *Его-же.* Les élections et les cahiers de Paris en 1789. т. II, стр. 257—290 или Carejew o. c. гл. VII. См. т. библіографію *Tourneux.* A. Ону нашелъ въ архивахъ любопытное письмо одного генеральнаго лейтенанта къ министру, въ которомъ онъ жалуется, что „не можетъ добиться быстрой перепечатки недостающихъ экземпляровъ регламента: до того всѣ типографіи завалены большимъ количествомъ политическихъ писаній, наводняющихъ публику" o. c. стр. 285.

Меджъ въ изслѣдованіи, посвященномъ приходскимъ наказамъ Оверни, указываетъ, что въ концѣ 88-го и началѣ 89-го года модели распространялись въ такомъ количествѣ, особенно по городамъ, что трудно было бы найти буржуа или даже ремесленника, который бы былъ съ ними незнакомъ [1]). Образцы попадали въ самыя отдаленныя деревни. Въ Оверни изъ брошюръ нерѣдко дѣлались сплошныя заимствованія. То же самое происходило, конечно, и во многихъ другихъ мѣстахъ [2]).

Въ этой предвыборной горячкѣ принимали участіе и высокопоставленныя лица. Громадную роль, по отзывамъ современниковъ, сыграли, напримѣръ, знаменитыя инструкціи Герцога Орлеанскаго [3]), сопровождавшіяся проектомъ «Délibérations à prendre par les assemblées de baillages», составленнымъ Сіиесомъ. Послѣдній тоже, повидимому, оказалъ крупное вліяніе [4]).

Въ небольшомъ предисловіи къ инструкціи, Герцогъ рекомендуетъ своимъ агентамъ возможно шире распространять его инструкцію, поддерживать высказанные въ ней взгляды и убѣжденія, стараться вліять на бальяжи въ томъ смыслѣ, чтобы они подали свои голоса за кандидатовъ герцога.

Наконецъ, агенты, гласила инструкція, должны употребить и возможныя усилія, чтобы въ наказы вошли редактированныя имъ требованія. Мы отмѣтимъ сейчасъ же изъ этой инструкціи все то,

---

[1]) *Francisque Mège* o. c. стр. 11—14. Тѣмъ не менѣе весьма характерно отмѣтить, что ремесленники-сапожники, портные, столяры, парикмахеры и др. по даннымъ, сохранившимся, по крайней мѣрѣ, для Лиможа, въ своихъ наказахъ вовсе не занимаются вопросами, не имѣющими прямого отношенія къ ихъ дѣлу. Исключеніе представляютъ пространныя „*Observations des entrepreneurs d'ouvrages, des maitres charpentiers, charons, sabottiers et maçons de Limoge*“, которыя въ параграфѣ 20-мъ требуютъ, напримѣръ, уничтоженія lettres de cachet, оставляя ихъ на извѣстныхъ условіяхъ лишь на случай семейныхъ требованій. См. *Doléances des corporations et corps constitués de Limoges 1789.* въ „Archives historiques de la Marche et du Limousin, publiées sous la direction de M.M. *Alfred Leroux et René Fage.* Tome I. Limoges 1887.

[2]) Ср. напр., *Thénard* (publ.) Bailliages de Versailles et de Meudon. Предисловіе.

[3]) *Le duc d'Orléans.* 1) Instructions envoyées par S. A. S. Monseigneur Le d. d'O... s. 1789. 2) Instruction donnée par.... à ses Représentans aux Bailliages. Suivie de Déliberations à prendre dans les Assemblées. Seconde édition, corrigée. 1789. L³⁹*b*. 1379. 1380.

[4]) См. *Champion Edme.* La France d'après les cahiers de 1789.

что имѣетъ непосредственное отношеніе къ интересующей насъ темѣ, чтобы не возвращаться къ ней въ другомъ мѣстѣ. 1-й же параграфъ инструкціи трактуетъ о гарантіяхъ личной свободы. Всѣмъ гражданамъ должны быть обезпечены: 1) Свобода передвиженія; слѣдовательно, должны быть уничтожены паспорта, цертификаты и прочіе документы, ограничивающіе эту свободу. 2) Неприкосновенность личности. Арестъ и заключеніе въ тюрьму могутъ имѣть мѣсто только въ силу постановленія компетентнаго судьи. 3) Въ тѣхъ случаяхъ, когда Генеральные Штаты сочтутъ необходимымъ подвергнуть лицо временному задержанію, оно должно быть доставлено къ судьѣ въ теченіе сутокъ. 4) Покушеніе на личную свободу должно быть строго наказуемо. Инструкція предлагаетъ на выборъ—смертную казнь или тѣлесное наказаніе. Параграфъ 2-й инструкціи трактуетъ о свободѣ печати, параграфъ 3-й объ обезпеченіи письмовной тайны и т. д. и т. д. Въ «Délibérations», слѣдующихъ за инструкціей [1]), третье сословіе, къ которому они обращаются, какъ единственному сословію, представляющему Францію, приглашается выполнить двѣ главныя миссіи: 1) раціонально организовать исполнительную власть, чтобы устранить всякую возможность злоупотребленій, 2) твердо опредѣлить функціи министровъ и обезпечить общество какъ отъ произвола со стороны представителей центральной власти такъ и отъ претензій привилегированныхъ. Во второмъ раздѣлѣ, гдѣ Сіиесъ говоритъ о «самыхъ неотложныхъ національныхъ нуждахъ» (besoins nationaux les plus pressans)—на первомъ мѣстѣ онъ ставитъ необходимость особой декларацін правъ, посвященной защитѣ принциповъ свободы и частной собственности.

Учесть вліяніе моделей на наказы представляется сейчасъ дѣломъ—рѣшительно невозможнымъ.

Можно конститировать фактъ, что многочисленные наказы представляли изъ себя точную копію моделей, обращавшихся въ данномъ мѣстѣ, но была ли, такимъ образомъ, заимствована только

---

[1]) „Délibérations“ распадаются на 3 части: 1) „Délibérations de l'Assemblée sur elle même“ стр. 13—26. 2) „Délibérations concernant les besoins publics“ стр. 26—60 и, наконецъ, 3) „Délibérations concernant l'Eléction des Députés, pouvoirs, etc“. стр. 60—66. Брошюра написана очень популярнымъ языкомъ.

форма челобитной или моделью опредѣлялась и самая сущность ея сказать немыслимо. Рабскія заимствованія изъ чужихъ наказовъ или моделей [1]) свободно чередуются съ вполнѣ самостоятельными наказами или сознательной передѣлкой образцовъ.

Тожественность многихъ наказовъ далеко еще не свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ они списаны съ одной модели. Эта тожественность легко могла быть, какъ справедливо указываетъ А. Ону, «плодомъ сознательнаго уговора» или «совмѣстнаго обсужденія наказа» [2]). Близкія сосѣдскія отношенія облегчали, конечно, возможность переговоровъ; однородныя нужды легко порождали однородныя требованія.

Возьмемъ примѣръ наудачу. Въ сборникѣ приходскихъ наказовъ Мирера наказъ общины «des Arcs» гласитъ слѣдующее: «Nous devons solliciter: La suppression et l'abolition de tous les autres droits seigneuriaux, qui ne sont que le droit du plus fort sur le faible et le reste de l'oppression féodale, tels que le droit d'hommage, qui n'est dû, qu'au souverain, *de servitude personelle, de corvée, de prélation, de chasse, de pêche, de régale, des rivières, sources et ruisseaux, de patûrages sur les propriétés des particuliers, de justice et toutes autres chaînes féodales*, sauf le droit utile du lods» [3]). Наказъ общины «Taradeau»: «....ils demandent la suppression des droits de banalité, de directe, *de prélation, d'hommage, de servitude personelle, de corvée, de chasse, de pêche, de régale, des rivières, sources, et ruisseaux, de patûrages sur les propriétés des particuliers, de justice, et de tant d'autres chaînes féodales*, qui oppriment les pauvres habitants de la campagne....» [4]).

---

[1]) *Legrand* и *Marquis*, напр., изучавшіе этамскіе наказы пришли къ убѣжденію, что всѣ наказы вышли изъ канцелярій судей и были готовы еще до приходскихъ собраній. На послѣднихъ собирали только подписи. По крайней мѣрѣ, изъ 92 разнообразныхъ наказовъ, едва 12 носятъ печать нѣкоторой независимости. См. *А. Ону.* о. с. стр. 374 — 375, т. стр. 362 — 372 passim. О простой перепискѣ наказовъ съ моделей говоритъ рядъ изслѣдователей. См., напр., *Babeau.* Histoire de Troyes. т. I. стр. 113.

[2]) *А. Ону* о. с. стр. 362—363.

[3]) *Mireur F.* о. с. стр. 28. Курсивъ, какъ и далѣе—мой. А. Б.

[4]) *Ibidem* стр. 439. См. т. почти тожественные наказы приходовъ „des Jonquerets" и „de Livet en—Ousche" въ Нормандіи. *Hippeau* о. с. т. VIII, стр. 245 и 255—257. См. т. *А. Ону.* о. с. стр. 362—372. *Adalb. Wahl.* Studien zur Vorgeschichte der Französischen Revolution.

Съ чѣмъ мы имѣемъ здѣсь дѣло—съ сознательнымъ ли заимствованіемъ, совмѣстной ли работой или, наконецъ, случайнымъ совпаденіемъ—сказать трудно. Едва ли допустимо, впрочемъ, послѣднее. Возможно, что оба наказа—продуктъ творчества одного и того же лица или переписывались съ небольшими варіантами съ одной и той же модели.

Въ многочисленныхъ случаяхъ самый характеръ пожеланій обнаруживаетъ полную несамостоятельность наказа.

Такъ, напримѣръ, когда среди единодушныхъ требованій уничтоженія сеньеріальной юстиціи мы слышимъ голоса, высказывающіеся за ея сохраненіе [1]), и знаемъ, что голоса эти принадлежатъ не дворянству, что было бы понятно, а жалкимъ забитымъ членамъ прихода, мы можемъ съ полной увѣренностью сказать, что наказы эти писались рукой сеньера или его агента—судьи. Только изъ рукъ сеньера могъ выйти знаменитый приходскій наказъ «de Brue», въ которомъ избиратели смиренно умоляли объ одномъ, чтобы король уплатилъ ихъ господину 6.140.000 ливровъ, которые онъ ему долженъ [2]). Рѣзко, конечно, бросается въ глаза и несамостоятельность тѣхъ *«слишкомъ красивыхъ»* наказовъ, которые поставлялись въ изобиліи не только окрестностями столицы, но и мелкими городками и даже деревушками [3]).

Составителями или редакторами приходскихъ наказовъ были, по преимуществу, судейскіе, которые и по смыслу регламента стояли ближе всего къ избирателямъ. «Эта общественная группа—пишетъ г. Ону—далеко не была однородной: въ составъ ея входили люди съ самыми противоположными общественными симпатіями, съ самыми противорѣчивыми, взаимно переплетающимися интересами и профессіональными традиціями» [4]). Въ этой группѣ было развѣ лишь единство политическаго міросозерцанія, въ соціальномъ отношеніи отдѣльные представители сословія встрѣча-

---

[1]) См. напр., *Ch. de Chancel.* L'Angoumois en l'année 1789 ou analyse des documents authentiques... des trois ordres de la Provence par suite de la convocation des Etats—Généraux. Angoulême.

[2]) „Cahier des habitants de la paroisse de ce lieu de Brue". *A. P.* т. VI. стр. 265—266.

[3]) *А. Ону* о. с. гл. VI. § 2. „Политическіе наказы"—passim.

[4]) *Ibidem.* стр. 302.

лись врагами. И излагая въ наказахъ народныя желанія, они вносили въ нихъ и свою струю, говорили о своихъ желаніяхъ, нерѣдко далекихъ и чуждыхъ народу, а иногда враждебныхъ ему. Имъ принадлежатъ тѣ риторическіе наказы, которые были народу недоступны и по содержанію и по формѣ [1]). Ближе и вѣрнѣе народныя нужды передавало духовенство, жившее нерѣдко одной съ нимъ жизнью, страдавшее отъ однихъ и тѣхъ же неурядицъ. Конечно, таковымъ было только сельское духовенство—«паріи своего сословія» [2]). Хозяйственные интересы народа были и его интересами и сельскіе кюрэ сослужили немалую службу, протестуя наравнѣ съ крестьянствомъ противъ сеньеріальнаго режима. Редакторы наказовъ выходили, разумѣется, не только изъ рядовъ судейскихъ и духовенства; дворяне, разночинцы, люди свободныхъ профессій также играли извѣстную роль въ качествѣ истолкователей народной воли, но уже значительно меньшую. Не они опредѣлили физіономію первичныхъ наказовъ.

Если такіе редакторы со стороны нерѣдко извращали истинную волю избирателей, то во многихъ случаяхъ, благодаря невѣжественности и разноязычности населенія, они были самой необходимостью. Въ наказахъ, напримѣръ, не рѣдкость—встрѣтить заявленіе, что избиратели не могли высказать своихъ желаній за отсутствіемъ «образованныхъ» редакторовъ. Наконецъ, неподготовленность французской администраціи къ моменту избирательной компаніи и чрезмѣрная торопливость, въ которой послѣдняя протекала, невольно должны были вызвать крайнюю нужду въ людяхъ, которые бы сумѣли въ сравнительно короткій промежутокъ времени изложить въ болѣе или менѣе литературной формѣ пожеланія первичныхъ избирателей [3]).

---

1) *Ibidem.* стр. 397—400. Ср. *M. Bruneau.* o. c. стр. 25—27.

2) *Ibidem.* стр. 319.

3) *Ibidem.* стр. 336 и отд. IV гл. 4-й, посвященный вопросу о „Свѣдности составленія наказовъ“. Стр. 352—362. Нѣкоторые изслѣдователи въ открытой борьбѣ сословій какъ и въ широкомъ распространеніи моделей видятъ результатъ политики самого правительства. Въ своемъ обращеніи отъ 5-го іюля 1788 г. послѣднее приглашало всѣ сословія принести посильную помощь въ предстоящей работѣ обновленія страны. Впослѣдствіи въ правительственныхъ сферахъ отношеніе къ этому вопросу измѣнилось. Въ постановленіи отъ 25-го февраля 1789 года („*Arrêt du Conseil, contenant des mesures pour*

Въ моемъ бѣгломъ очеркѣ невозможно останавливаться на глубокихъ и остроумныхъ методологическихъ соображеніяхъ г. Ону, которыя онъ кладетъ въ основу своего изученія текста наказовъ [1]). Поэтому, мы попробуемъ резюмировать все вышесказанное, чтобы перейти къ непосредственно интересующей насъ темѣ.

Въ литературѣ о наказахъ существуетъ два рѣзко очерченныхъ мнѣнія по вопросу о ихъ достовѣрности. Одно изъ нихъ, признавая наказы драгоцѣннымъ завѣщаніемъ старой Франціи, тѣмъ не менѣе, отрицаетъ ихъ истинно народное происхожденіе, другое, наоборотъ, видитъ въ нихъ яркое и полное выраженіе народной воли.

Первое мнѣніе было высказано очень рано, еще современникомъ выборовъ 1789 г. — нѣкіимъ Beugnot. Послѣдній, быть можетъ, подъ вліяніемъ личныхъ неудачъ — онъ былъ забаллотированъ на выборахъ—утверждаетъ, что наказы въ большинствѣ случаевъ просто списывались съ моделей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣлались добавленія мѣстнаго характера, но именно эти-то добавленія и подчеркиваютъ несамостоятельность всего остальнаго наказа [2]).

---

assurer la liberté des suffrages dans les assemblées de bailliage". Собраніе *Isambert'a*. т. XXVIII № 2551, стр. 649) Совѣтъ, указавъ, что въ провинціи многія лица пытаются склонить другихъ подписывать проекты и програмы въ качествѣ инструкцій будущимъ представителямъ націи на Генеральныхъ Штатахъ и тѣмъ самымъ стѣсняютъ свободу избранія, строго воспрещаетъ прибѣгать къ подобнымъ пріемамъ. Разумѣется, постановленіе это осталось мертвой буквой. Съ одной стороны, и безъ правительственнаго приглашенія всѣ наиболѣе активные и просвѣщенные элементы общества, какъ революціонно, такъ и реакціонно настроенные, энергично бросились въ горячку избирательной борьбы, съ другой, никакое постановленіе центральнаго правительства въ эту пору чрезвычайнаго общественнаго напряженія не могло бы удержать избирателей въ рамкахъ корректности и благоразумія.

[1]) Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляютъ отдѣлъ VI-й главы IV-й.—„О степени сознательности избирателей", глава V-я.—„Достовѣрность первичныхъ наказовъ" и отдѣлъ I-й заключенія—„Методы изученія наказовъ".

[2]) *Beugnot*. Mémoires. Paris. 1866. т. I, стр. 115—116. Ниже мы будемъ имѣть случай остановиться на нѣкоторыхъ своеобразныхъ наказахъ, въ которыхъ книжная мудрость сочеталась самымъ страннымъ и безпорядочнымъ образомъ съ простодушными пожеланіями далекихъ отъ политики и агитаціи мѣстныхъ жителей.

Народъ—пишетъ одинъ ученый аббатъ—собственно не принималъ никакого участія въ редакціи городскихъ наказовъ; она была всецѣло въ рукахъ судей, адвокатовъ, негоціантовъ, врачей—однимъ словомъ, буржуазіи, не знавшей ни десятины, ни сеньеріальныхъ правъ, ни наиболѣе обременительныхъ тягостей стараго порядка. Буржуазія же стремилась, главнымъ образомъ, къ завоеванію политическихъ правъ и гражданскаго равенства. Изготовивъ городской наказъ, интеллигентскіе разночинцы редактировали затѣмъ его для цѣлаго судебнаго округа, собирая и резюмируя вмѣстѣ требованія городовъ и деревень.

Для ходатайствъ послѣднихъ главными вдохновителями, конечно, были наказы первыхъ. Поэтому то, наказы третьяго сословія отъ городовъ и бальяжей такъ сходны, что иной разъ достаточно прочесть одинъ, чтобы знать всѣ [1]).

Современная историческая наука также признаетъ, что модели, политическіе памфлеты конца XVIII вѣка и личное участіе буржуазіи и вообще интеллигенціи сыграли въ общемъ значительную роль въ редактированіи приходскихъ наказовъ. «Подчасъ невозможно распознать подъ политической фразеологіей вѣка настоящія мысли и подлинныя чувства тѣхъ самыхъ избирателей, отъ имени которыхъ наказы составлены ...— читаемъ мы у Ону — ...съ большой только натяжкой можно называть крестьянскими и народными значительное большинство приходскихъ наказовъ 1789 г.... Народность.... приходскихъ наказовъ, крестьянскій ихъ характеръ вызываетъ во всякомъ случаѣ сомнѣнія, доселѣ не устраненныя, быть можетъ и неустранимыя» [2]).

Однако, такой въ высшей степени добросовѣстный и осторожный въ своихъ конечныхъ выводахъ, изслѣдователь, какъ г. Ону, тщательно предостерегаетъ отъ той «огульно-отрицательной» критики наказовъ, печальный образчикъ которой далъ нѣмецкій историкъ Ad. Wahl. Печальный тѣмъ болѣе, что отрицаніе Валемъ за наказами значенія источника, носитъ чисто апріорный характеръ и

---

[1]) *L'abbé D. Mathieu.* L'ancien régime dans la province de Lorraine et Barrois d'après des documents inédits (1698—1789). Paris. 1878. Глава XIII. Les Cahiers. 2⁰. Cahiers des villes et cahiers généraux du tiers. Стр. 433.

[2]) *А. Ону.* о. с. стр. 352, 395, 475.

не опирается ни на глубокое знакомство съ самими наказами, ни на основательное изученіе литературы предмета. Справедливо замѣчаетъ по его адресу Ону, что «нельзя отрицать значеніе историческаго источника раньше, чѣмъ его изучить» [1]).

Но, наряду съ теченіемъ, относящимся скептически къ наказамъ, существуетъ, какъ мы выше указали, и другое, обратное, склонное видѣть въ нихъ историческій источникъ первостепеннаго значенія, погрѣшающее нерѣдко другой крайностью—некритичностью.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ остановиться на соображеніяхъ авторитетнаго историка Стараго Порядка—Шере.

Нѣкоторые изслѣдователи — пишетъ Шере—стараются умалить интересъ наказовъ, по крайней мѣрѣ, 3-го сословія тѣмъ, что пытаются доказать, что эти наказы—не результатъ свободнаго и добровольнаго движенія народной мысли, а простая копія моделей, пущенныхъ раньше заинтересованными кругами, и что Франція (народъ) машинально повторяла только то, что ей втолковали со стороны. Разумѣется, моделей было множество и не только въ Парижѣ, но и въ провинціяхъ, и избиратели, конечно, далеко не всегда сами сочиняли наказы, однако, имъ всегда принадлежало право выбора. Простымъ людямъ, конечно, оказывали помощь юристы, помѣщики, духовенство и многіе другіе. Но, какое же все это можетъ имѣть значеніе? Развѣ могло бы быть иначе? Развѣ въ какихъ-нибудь серьезныхъ собраніяхъ бываютъ совѣщанія безъ предварительнаго ознакомленія съ программами, проектами и т. п.? Если это всегда дѣлали и дѣлаютъ просвѣщенные люди, то, какимъ образомъ можно требовать иного отъ крестьянъ? Наконецъ, вліяніе моделей не замалчивается, о немъ говорятъ открыто въ самихъ наказахъ [2]). Между тѣмъ, непосредственное знакомство съ ними до-

---

[1]) *А. Ону* удѣляетъ разбору взглядовъ Валя на наказы весь отдѣлъ IV-ый V-ой главы. Стр. 477—512. Въ послѣдней своей работѣ Валь выражается о наказахъ нѣсколько сдержаннѣе: „...So leicht es ist—пишетъ онъ—aus ihnen (Cahiers von 1789) das oder jenes herauszulesen, wenn man an sie mit vorgefasster Meinung herantritt, so schwer ist es, ein wissenschaftlich gesichertes Ergebniss aus ihnen zu gewinnen...“ *A. Wahl*. Vorgeschichte der Französischen Revolution. т. II, стр. 377—378.

[2]) См. напр., *А. Р.* т. II, стр. 282., т. III. стр. 702 и др.

статочно убѣждаетъ въ томъ, что они сохраняютъ свою собственную физіономію, что на нихъ лежитъ мѣстный отпечатокъ, что временами между ними наблюдаются крупныя отличія. Кромѣ революціонныхъ моделей были и реакціонныя; однако, послѣднія были отвергнуты.

И, въ конечномъ счетѣ, Шере рѣшительно высказывается за самостоятельность Cahiers [1]).

Не менѣе горячимъ защитникомъ самостоятельности наказовъ является ихъ новѣйшій историкъ Эдмъ Шампіонъ [2]).

Онъ, разумѣется, также не отвергаетъ вліянія брошюръ и моделей на редакцію наказовъ; между ними инструкція Герцога Орлеанскаго, несомнѣнно, сыграла значительную роль, но отсюда—замѣчаетъ онъ—еще далеко до утвержденія Beugnot, что въ общинахъ, гдѣ сеньеромъ былъ Герцогъ Орлеанскій, благоговѣйно переписывали наказъ, редактированный Сійесомъ. Если бы нѣкоторые наказы, имѣя передъ собой образецъ, текстуально воспроизводили всѣ его параграфы, тогда еще можно было бы говорить о вліяніи моделей, но если рядомъ съ рабски, повидимому, скопированными параграфами, имѣются и самостоятельные, это тѣмъ рѣзче подчеркиваетъ внимательное и серьезное отношеніе къ своей задачѣ. Между тѣмъ, мы наблюдаемъ подобное отношеніе въ очень многихъ случаяхъ. Есть также положительныя свидѣтельства въ пользу того, что приходскіе жители серьезно дебатировали проектъ и наказъ составлялся послѣ всесторонняго обсужденія. (См., напр., замѣчанія о десятинѣ въ инструкціи прихода de Chevannes. *А. Р.* т. IV, стр. 218). Есть и такіе наказы, которые не заботятся ни о какой редакціи, а лишь воспроизводятъ подрядъ мнѣнія отдѣльныхъ лицъ, участвовавшихъ въ совѣщаніи. (См. напр., *А. Р.* т. V, стр. 52). Въ нѣкоторыхъ наказахъ есть указанія на разногласія въ собраніи по отдѣльнымъ вопросамъ и приводятся мотивы различныхъ мнѣній. Наконецъ—заключаетъ Шампіонъ—при рабскомъ копированіи моделей, невозможны были бы такіе наказы, даже не крестьянскіе, какъ, напримѣръ, Cahier du clergé du Forez (*А. Р.* т. III, стр. 382), гдѣ за

---

[1]) *Chérest A.* o. c. т. II, стр. 399—409.

[2]) *Edme Champion.* La France d'après les cahiers de 1789. Глава „La rédaction des Cahiers". Стр. 21—28.

параграфомъ о нездоровыхъ прудахъ непосредственно слѣдуетъ параграфъ о гарантіяхъ индивидуальной свободы [1]).

Эти соображенія Шере и Шампіона заслуживаютъ серьезнаго вниманія, ибо вопросъ о достовѣрности наказовъ, по крайней мѣрѣ, сейчасъ, какъ уже и было замѣчено выше, принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, на которые не можетъ быть дано не только математически, но и приблизительно точнаго отвѣта.

Мы не будемъ останавливаться на изложеніи воззрѣній другихъ изслѣдователей на значеніе наказовъ, какъ историческаго источника—съ одной стороны, потому, что это бы отвлекло насъ слишкомъ далеко отъ нашей прямой задачи, съ другой, потому, что въ изслѣдованіи Ону мы находимъ не только обстоятельный сводъ мнѣній различныхъ историковъ по вопросу о достовѣрности наказовъ, но и критику ихъ воззрѣній [2]).

Позволимъ лишь вкратцѣ изложить нѣкоторыя наши общія соображенія.

«...Число первичныхъ наказовъ, *сплошь* неискреннихъ..., бывшихъ послѣдствіемъ невѣжества избирателей, равнодушія, обмана, непониманія государственнаго языка, давленія.... чрезвычайно незначительно»—пишетъ А. Ону [3]). И къ этому выводу почтеннаго изслѣдователя мы присоединяемся всецѣло по слѣдующимъ соображеніямъ.

Къ концу XVIII-го вѣка послѣ блестящей формулировки идей правового государства въ трудахъ просвѣтительныхъ философовъ, глубокой критики экономическихъ и финансовыхъ порядковъ въ работахъ Буагильбера, Вобана, Форбоннэ, физіократовъ, послѣ неудачныхъ попытокъ правительственныхъ реформъ въ послѣднее царствованіе, послѣ горячей борьбы парламента съ королевскимъ абсолютизмомъ—всѣ центральные пункты революціонной программы стояли такъ ясно въ сознаніи народа, что можно считать вполнѣ естественными

---

[1]) Этотъ наказъ является вообще образцомъ несистематичности. Параграфу о прудахъ предшествуетъ ходатайство о сохраненіи равнаго числа голосовъ съ дворянствомъ. См. подобнаго же рода безпорядочные наказы: *А. Р.* т. V, стр. 149, 709.

[2]) См. отдѣлъ VI-й главы IV-й и отдѣлъ III-й главы V-й. Стр. 372—401, 469—477.

[3]) *А. Ону.* о. с., стр. 524. Курсивъ—А. Ону.

совпаденія въ содержаніи наказовъ съ моделями. Нельзя, напримѣръ, усматривать рабство и несамостоятельность тамъ, гдѣ клеймились наиболѣе позорныя и темныя стороны Стараго Порядка, давно вызывавшія протесты [1]).

Если еще для изслѣдователя—экономиста наказы остаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сомнительнымъ историческимъ источникомъ, изъ котораго можно черпать матеріалъ лишь съ чрезвычайной осторожностью [2]), то изслѣдователь политико - юридическихъ институтовъ имѣетъ лишній и чрезвычайно вѣскій аргументъ въ пользу довѣрія къ наказамъ. Приступивъ къ подлинному изученію ихъ по интересующему насъ вопросу, мы невольно были поражены глубокой разницей между наказами окружными и городскими, съ одной стороны, и сельскими и первичными городскими, съ другой. Въ то время какъ среди первыхъ мы едва ли найдемъ хоть одинъ, который бы со всѣмъ жаромъ революціонной риторики не обрушивался на злоупотребленія Стараго Порядка, не клеймилъ lettres de cachet, исключительныхъ судовъ, государственныхъ тюремъ, крестьянскіе наказы обходятъ все это полнымъ молчаніемъ. Чрезвычайно рѣдки такіе приходскіе наказы, которые бы рядомъ съ жалобами на экономическія неустройства, податныя тяготы, притѣсненія господъ, обмолвливались и указаніями на стѣсненія правъ личной свободы. И это странное, на первый взглядъ, молчаніе, молчаніе, когда кругомъ все говорило о конституціи,

---

[1]) Нельзя не согласиться съ Шассэномъ, когда онъ говоритъ: „Франція не повторяла, какъ ребенокъ, слово за слово урокъ, котораго она не понимала. Она читала по складамъ, потомъ научилась читать бѣгло, обсуждала въ своихъ тысячахъ избирательныхъ собраній программы пунктъ за пунктомъ и въ концѣ концовъ принимала то, что ей рекомендовали, но съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ и логикой“. *Chassin Ch. L.* о. с. т. I, стр. 147—150.

[2]) См. напр., *Лучицкій.* Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. *Его-же.* Крестьянская поземельная собственность во Франціи до революціи и продажа національныхъ имуществъ. Кіевъ. 1894 и 1896 гг. *А. Онои.* „La valeur des Cahiers de 1789 au point de vue économique et social“. Въ журн. „La Revolution française“. 1905 № 5. Замѣчаніе Валя, что во Франціи существуетъ „eine Schule, welche die Cahiers „herabsetst“ und eine Reihe namhafter Forscher, welche sie kritiklos weiter - benützen“ представляется далеко необоснованнымъ. См. *Ad. Wahl.* Studien zur Vorgeschichte der Französischen Revolution. стр. 7.

ответственности исполнительной власти, необходимости гарантій правъ личности, на нашъ взглядъ, есть фактъ громадной важности, гораздо болѣе говорящій въ пользу достовѣрности наказовъ и ихъ неподдѣльности, чѣмъ свидѣтельства современниковъ или панегирики тенденціозныхъ изслѣдователей.

Въ предыдущей главѣ мы уже видѣли, что, несмотря на глубоко-безправное положеніе, народъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, страдалъ всего менѣе отъ Бастилій, lettres de cachet, исключительныхъ судовъ и т. п. [1].

Казалось бы, легко было наполнить крестьянскіе наказы протестами противъ административнаго произвола при возможности широкаго вліянія и даже прямого руководительства со стороны судейскихъ и буржуазныхъ круговъ. И разъ этого нѣтъ, это уже лишнее и притомъ очень серьезное доказательство въ пользу достовѣрности наказовъ [2].

Въ приходскихъ наказахъ разговоръ идетъ, по преимуществу, объ истинныхъ нуждахъ деревни; здѣсь менѣе всего мы встрѣтимъ риторики.

Въ собраніи, напримѣръ, Оксеррскихъ приходскихъ наказовъ, числомъ 140, изданныхъ Demay, мы едва находимъ семь, подымающихъ въ той или иной формѣ вопросъ объ индивидуальной свободѣ, включая сюда и два наказа, говорящіе объ уничтоженіи рабства [3]. Въ громадномъ четырехтомномъ сборникѣ приходскихъ наказовъ провинціи du Maine мы находимъ требованія и ходатай-

---

[1]) Отдѣльные случаи преслѣдованія крестьянъ помощью l. d. c., однако. извѣстны. Одинъ сельскій наказъ печалуется, что въ отвѣтъ на жалобу крестьянъ объ уничтоженіи ихъ посѣвовъ сеньёрами, противъ нѣкоторыхъ было возбуждено преслѣдованіе и сеньёры получили противъ нихъ l. d. c. См. *Thénard*. o. c. стр. 203. C. de Cergy.

[2]) Если, съ одной стороны, низкій уровень французскаго крестьянства конца XVIII-го вѣка былъ благопріятной почвой для вліяній на него извнѣ, то, съ другой, нерѣдко онъ служилъ обратно тормазомъ для пропаганды политическихъ идей въ его средѣ. Въ этомъ смыслѣ, мы готовы согласиться съ Валемъ, когда онъ признаетъ за „den Cahiers der zwei ersten Stände mehr Gewicht zu als denen der ländlichen Gemeinden wenigstens was die Wünsche und Forderungen betrifft“. *A. Wahl.* Studien zur Vorgeschichte der Französischen Revolution. стр. 8.

[3]) *C. Demay.* o. c. *т. 38.* стр. 192, 272, 287, 352. *т. 39.* стр. 109 и 122.

ства гарантій личной свободы: въ I-мъ томѣ—въ 5 наказахъ, во II-мъ—въ 11-ти, въ III-мъ—въ 4-хъ и, наконецъ, въ IV-мъ—въ 3-хъ [1]). Въ сборникѣ приходскихъ наказовъ Нижняго Лимузена только три наказа скромно упоминаютъ о необходимости обезпеченія личной свободы [2]).

Этихъ примѣровъ довольно. Въ тѣхъ относительно рѣдкихъ случаяхъ, когда приходскіе наказы возвышаютъ свой голосъ въ защиту личной свободы, услужливая рука чувствуется сейчасъ же и подлинность наказа становится сомнительной. Но такіе случаи, повторяемъ—рѣдки. Нѣсколько характерныхъ примѣровъ можно извлечь изъ грандіознаго, но, къ сожалѣнію, не стоящаго на высотѣ научныхъ требованій, сборника Hippeau.

Приходскій наказъ Ревилля обращается къ «отеческой добротѣ» короля и проситъ обезпеченія личной свободы для каждаго изъ его дѣтей; для этого необходимо уничтожить разъ навсегда lettres de cachet — «*par une loi naturelle*» (!!)... «Пусть самое имя lettres de cachet изгладится навсегда изъ памяти французовъ, пусть отнынѣ виновный будетъ наказываемъ лишь мечемъ правосудія». Переходя затѣмъ къ вопросу о печати и требуя ея неограниченной свободы, наказъ торжественно вопрошаетъ: «*Le Titus de la France, pourrait il craindre cette liberté?*» [3]).

Несомнѣнные слѣды чужой руки носитъ, напримѣръ, приходскій наказъ Шербурга, трактующій о сохраненіи lettres de cachet на случай семейныхъ требованій. Тонкая казуистика, терминологія, языкъ обнаруживаютъ руку захолустнаго юриста, быть-можетъ, бывшаго на службѣ мѣстнаго сеньера [4]).

Такъ какъ нѣтъ ничего болѣе драгоцѣннаго — разсуждаетъ третій приходскій наказъ—чѣмъ свобода, то никакой гражданинъ

---

1) *Bellée et Duchemin et Dunoyer de Segonzac* (publ.). o. c. т. I—стр. 213, 235, 266, 434 § 27, 468; т. II—стр.4 § 8, 7, 57 § 2, 229 § 2, 266 § 3, 283, 370, 412, 472, 507, 514; т. III—стр. 115, 139 §§ 4—6, 160 § 26, 428 § 3; т. IV—стр. 75 § 3, 242 § 2, 292.

2) *Hugues A.* Стр. 168 § 11, 445 § 10, 564 § 6.

3) *Hippeau.* т. VIII, стр. 459—460. Cahiers de la paroisse de Réville. Курсивъ вездѣ—мой. А. Б.

4) *Ibidem.* т. VIII, стр. 400. Cahiers de la paroisse de Cherbourg. Art. 25. Очень подозрительны и многіе другіе параграфы, напримѣръ, § 37—о свободѣ печати.

не можетъ быть ни арестованъ, ни подвергнутъ заключенію, иначе, какъ въ случаѣ совершенія имъ преступленія. Исключенія, въ которыхъ арестъ можетъ быть допущенъ безъ суда (мятежъ, бунтъ и пр.), должны быть точно перечислены закономъ [1]). Эти же desiderata буквально воспроизводятся другимъ наказомъ, чѣмъ и обнаруживается ихъ общее авторство. Здѣсь несомнѣнна чужая рука [2]).

Такимъ образомъ, въ приходскихъ наказахъ вопросамъ личной свободы отведено относительно ничтожное мѣсто. Гнетъ податныхъ тягостей, нищета, какъ результатъ нераціональной финансовой политики правительства, вотъ — господствующіе мотивы этихъ челобитныхъ.

Конечно, и здѣсь раздаются жалобы на дурную судебную организацію, отъ которой приходилось страдать и крестьянамъ. Но, главное мѣсто все же занимаетъ экономическое неустройство. Прежде всего нужно было думать и заботиться о прокормленіи; требованіе же гарантій личныхъ правъ предполагаетъ уже нѣкоторую сытость и нѣкоторую политическую зрѣлость.

Этотъ крикъ о своихъ нуждахъ и умолчаніе о томъ, что должно было составить душу грядущей революціи, есть одинъ изъ серьезнѣйшихъ аргументовъ въ пользу достовѣрности приходскихъ наказовъ. Что въ нихъ бьется воля не одного только 4-го сословія, это—вѣроятно, но несомнѣнно также, что *они не продиктованы* буржуазіей [3]).

Подводя итоги всему вышесказанному, мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, которые, подобно Шассэну, Меджу, Ону и многимъ другимъ, признавая постороннія вліянія,

---

[1]) *Ibidem.* т. VIII, стр. 245 — 247. Cahiers de la paroisse des Jonquerets.

[2]) *Ibidem.* т. VIII, стр. 255—257. Cahiers de la paroisse de Liveten Ousche. Единственное отличіе отъ перваго наказа представляютъ незначительныя добавленія въ § 22-мъ. См. также явно несамостоятельные наказы: т. VIII, стр. 133, 217, 254 и нѣк. др. Нѣкоторые отдѣлываются глухими и короткими замѣчаніями, вродѣ: „D'abolir les lettres de cachet"—приходскій наказъ Нейльи. стр. 140.

[3]) Я не говорю уже о *наивныхъ* крестьянскихъ наказахъ, коихъ — великое множество. Въ одномъ просители хлопочутъ за сестру одного изъ земляковъ, якобы несправедливо посаженную въ тюрьму. Въ другомъ жалуются на сеньёра, убившаго собаку. *N. Karéiew.* о. с. гл. VII. Les élections aux Etats-Généraux et les cahiers de 1789. стр. 396. Прим. 2.

иногда прямую фальсифицированность желаній и настроеній избирателей, тѣмъ не менѣе въ цѣломъ считаютъ наказы вѣрнымъ отраженіемъ истинныхъ нуждъ французскаго народа [1]). Пусть многочисленные наказы были продуктомъ личнаго творчества заинтересованныхъ лицъ, партій или сложились подъ исключительнымъ вліяніемъ моделей! Фальсифицировать духъ всего національнаго памятника было бы не подъ силу никакимъ вліяніямъ и никакимъ моделямъ. И какъ ни были разнообразны политико-юридическія воззрѣнія гражданъ французской монархіи, какъ ни было различно ихъ соціальное и экономическое положеніе, какъ ни сильно, наконецъ, по мѣстамъ было давленіе судейскихъ—вездѣ, гдѣ былъ поставленъ вопросъ о ликвидаціи Стараго Порядка, отношеніе къ нему было единодушнымъ. Всѣ по своему желали новой жизни. И ея созиданіе должно было идти черезъ разрушеніе стараго.

Перейдемъ теперь непосредственно къ изученію наказовъ въ области интересующихъ насъ вопросовъ.

Вопросу о личной свободѣ въ наказахъ дворянства, духовенства и третьяго сословія—удѣлено чрезвычайно широкое мѣсто. Трудно было бы указать ходатайство или челобитную, въ которой требованіе гарантій правъ личности не нашло бы себѣ выраженія въ той или иной формѣ. Прекрасно понимая, что обезпеченіе

[1]) „...Если брать наказы... въ исторической переспективѣ... и умѣть при этомъ читать иногда между строкъ, то окажется, что они удивительно вѣрно отразили сущность той работы, которая происходила во французскихъ умахъ, и то направленіе, которое принимала ихъ воля наканунѣ великаго переворота. Сводные наказы отразили, какъ въ зеркалѣ, руководящую программу буржуазіи и передовой безсословной интеллигенціи. Первичные наказы отражаютъ различныя теченія, въ зависимости отъ той основной группы, къ которой они принадлежать. ......Наказы представляютъ, съ одной стороны *„завѣщаніе“* старой Франціи, какъ выразился Токвиль, или послѣсловіе стараго порядка. Съ другой стороны, политическіе наказы являются *откровеніемъ новой Франціи* и ключомъ къ пониманію, какъ ея политическихъ треволненій, такъ и ея соціальной устойчивости, начиная съ 1789 г. и до нашихъ дней“. *А. Ону.* о. с. стр. 702, 706. Курсивъ — А. Ону. „Само правительство—замѣчаетъ проф. Герье—искало въ наказахъ выраженія воли Франціи и Генеральные Штаты должны были руководиться ими въ своей преобразовательной дѣятельности; потому нельзя ихъ не считать важнѣйшимъ источникомъ для исторіи и оцѣнки французскаго общества при переходѣ къ новой политической жизни“. *Проф. Герье.* о. с. стр. 426.

индивидуальной свободы въ различныхъ ея формахъ есть необходимая предпосылка правового строя и непремѣнное условіе для спокойнаго и всесторонняго обсужденія дальнѣйшихъ вопросовъ государственнаго устройства, нѣкоторые наказы особенно подчеркиваютъ важность рѣшенія этого вопроса раньше всѣхъ другихъ. Дворянство Нижняго Лимузэна, напримѣръ, обращается къ своимъ депутатамъ съ требованіемъ, чтобы они поставили на обсужденіе собранія вопросъ объ индивидуальной свободѣ ранѣе всѣхъ другихъ и добавляетъ, что, если депутаты этого не сдѣлаютъ, то дворянство формально откажется отъ ихъ представительства и будетъ считать ихъ сложившими свои полномочія [1]).

То же самое рекомендуетъ своимъ депутатамъ Бордосское дворянство и другія [2]). «Que la libérté générale et individuelle des citoyens—читаемъ мы въ одномъ изъ дворянскихъ наказовъ—soit reconnue pour être la base du contrat social de cette monarchie» [3]).

Центральное мѣсто вопросъ о личной свободѣ занимаетъ и въ проектахъ декларацій, которые мы встрѣчаемъ въ наказахъ всѣхъ сословій. Дореволюціонное французское общество понимало и высоко цѣнило значеніе декларацін. Оно видѣло въ ней не только изложеніе «священныхъ принциповъ» общежитія, но и могучее практическое средство, преслѣдующее воспитательныя задачи [4]). Декларація должна была дать положительную руководящую программу какъ для будущей дѣятельности собранія, такъ и для всѣхъ во-

---

[1]) *А. Р.* т. III. Стр. 538. С. de la noblesse du Bas-Limousin art. 12. См. также вышецитированный сборникъ *Fleury.* стр. 101. Cahiers de Doléances de l'ordre de la Noblesse du baillage de Vermandois § IV.

[2]) *А. Р.* т. II. стр. 395. С. de la Noblesse de Bordeaux. „Прежде всего—говоритъ 3-е сословіе въ Пуату—необходимо утвердить свободу, равно полезную для народа и суверена, ибо болѣе почетно править надъ свободными подданными, которые его любятъ, чѣмъ рабами, которые его боятся. См. *Beauchet-Filleau.* Tiers-état du Poitou en 1789. Procès verbaux, cahier des doléances et liste des électeurs. Fontenay-le-Comte. 1888. стр. 92.

[3]) *Саина.* т. I—Armorial des Landes précédé des Cahiers du tiers-état et de la noblesse des Lannes en 1789. Bordeaux 1863; т. II—Arm. des Lan. précédé des assemblées de la noblesse et du clergé de Dax et des Cahiers de la noblesse d'Albret. Bord. 1865; т. III—Arm. des Landes. Paris. 1869. т. II, стр. 113. Cahiers de la noblesse du duché d'Albret au siège de Tartas.

[4]) „Наканунѣ революціи—говоритъ *Шассэнъ*—всѣ публицисты были согласны насчетъ необходимости Деклараціи правъ человѣка и гражданина" *Chassin Ch. L.* Le Génie de la révolution. т. II. стр. 3—20.

обще гражданъ. Такой взглядъ на декларацію сквозитъ нерѣдко даже въ простодушныхъ челобитныхъ сельскихъ жителей: «Священникъ говорилъ, что всѣ люди братья—трогательно начинаютъ свой наказъ прихожане св. Сульпиція.—Поэтому, пусть депутаты сперва изложатъ права, общія всѣмъ людямъ—богатымъ и бѣднымъ, извѣстнымъ и неизвѣстнымъ и потомъ составятъ изъ нихъ декларацію, которая будетъ читаться во всѣхъ приходахъ всѣ первыя воскресенья каждаго мѣсяца». Переходя къ отдѣльнымъ пунктамъ деклараціи, они скромно указываютъ на свое неискусство, но тѣмъ не менѣе въ нѣсколькихъ параграфахъ удачно отмѣчаютъ все главное, что терзало дореволюціонный правопорядокъ. Они протестуютъ противъ административныхъ арестовъ, требуютъ суда надъ заключенными, предлагаютъ вознаградить неправильно заключенныхъ за счетъ обвинителей, а въ случаѣ ихъ несостоятельности за счетъ государства [1]).

Собраніе, читаемъ мы въ наказѣ дворянъ сенешоссеи Безье, прежде всего должно заняться декларацiей правъ человѣка и гражданина. Она послужитъ основой всѣхъ политическихъ и гражданскихъ законовъ, которые когда либо будутъ исходить какъ отъ этого собранія, такъ и всѣхъ будущихъ. Затѣмъ слѣдуетъ проектъ деклараціи изъ 23 параграфовъ [2]). «Декларація естественныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ въ томъ видѣ, какъ она будетъ утверждена на Генеральныхъ Штатахъ, должна стать національной хартіей и основой французскаго управленія», гласитъ наказъ 3-го сословія города Парижа [3]). «Депутаты на Генеральныхъ Штатахъ начнутъ свою работу подробной деклараціей основныхъ правъ гражданина и націи—рекомендуетъ Реннскій «народъ»—тѣхъ правъ, которыя не должны и не могутъ быть отняты никакимъ человѣческимъ закономъ. Въ основу деклараціи должны быть положены: безопасность личности и равенство всѣхъ передъ закономъ, обложеніемъ, коро-

---

[1]) *А. Р.* т. IV. стр. 216. С. de la paroisse de S. Sulpice de Chevannes. Ср. также *Ch. de Chancel* o. c. стр. 604.

[2]) *А. Р.* т. II. стр. 348. С. de la noblesse de la sénéchaussée de Béziers. См. также *А. Р.* т. II, стр. 661—662. С. de la noblesse des bailliages de Mantes et de Meulan.

[3]) *А. Р.* т. V. стр. 281—282. С. du tiers-état de la ville de Paris.

лемъ и представителями власти [1]). Въ томъ же духѣ высказываются многіе другіе наказы [2]).

Наказы были вѣрнымъ слѣпкомъ ходячихъ взглядовъ и привычекъ тогдашняго общества. Наряду съ категорическими революціонными

---

[1]) *А. Р.* т. V. стр. 538. C. du peuple de la Sénéchaussée de Rennes. Ренскій наказъ является вообще однимъ изъ самыхъ радикальныхъ. Онъ, какъ извѣстно, отказалъ королю даже въ суспензивномъ вето.

[2]) См. напр. *А. Р.* т. II. стр. 368, т. IV. стр. 161, т. IV. стр. 275, 282, 447, 554, 682—683, т. V, стр. 154, 182, т. VI, стр. 687. См. т. *Ch. L. Chassin.* Les élections et les cahiers de Paris en 1789. т. III, стр. 321—322, 334—335. Между прочимъ, 1 мая 1788 г. Бриссо де Варвилль адресовалъ общему собранію избирателей города Парижа „Précis pour servir à la rédaction du Cahier des doléances de cette ville". Въ немъ § 2-ой—посвященъ декларація правъ, начинающейся съ обычнаго положенія: „Ils (tous les hommes) sont libres et par conséquent"... . См. *Chassin* o. c. томъ III. стр. 212. Декларація въ большинствѣ случаевъ были только частью болѣе обширныхъ проектовъ государственнаго устройства, вписанныхъ въ наказы подъ разнообразными именами: „контрактовъ", „договоровъ", „конституцій" и проч.

Выше на стр. 204 — 207 мы уже отмѣчали что̀ собственно понимали французы того времени подъ „конституціей". Въ наказахъ по этому вопросу полная путаница представленій. Конституція понимается то какъ „собраніе основныхъ законовъ" или даже „прецедентовъ" старой французской монархіи, то какъ новый политическій актъ, долженствующій установить правовыя основанія государственного строя. Одни хлопочутъ о возстановленіи (régénérer) конституціи, другіе объ ея упроченіи (assurer, raffermir), наконецъ, третьи настаиваютъ на необходимости получить ее впервые. Наряду съ совершеннымъ непониманіемъ и наивными просьбами разъяснить, что слѣдуетъ разумѣть подъ французской конституціей (духовенство Этампа), или требованіями прекращенія въ будущемъ lits de justice и вообще всякой насильственной регистраціи (*А. Р.* т. II, стр. 129. C. de la nobl. du baill. d'Auxois. art. 12) мы встрѣчаемъ требованія „пересмотра, по крайней мѣрѣ, черезъ каждые 10 лѣтъ конституціи, путемъ созыва чрезвычайнаго собранія представителей націи". (*А. Р.* т. IV, стр. 34 § 8 C. du t. ét. de la sénéch. de Mars). Несомнѣнно одно— „даже тѣ наказы, которые говорятъ о возстановленіи стараго, въ сущности хотятъ новаго" (См. *проф. Герье* o. c. стр. 438 — 446). „Реформъ не достаточно—говорило дворянство изъ Блуа—зло требуетъ болѣе радикальнаго лѣченія. Какой смыслъ бороться противъ „abus", если не изсякаетъ самый ихъ источникъ". *А. Р.* т. II. стр. 384. Noblesse de Blois. „Въ древней Франціи—пишетъ Лабулэ—власть законодательная, исполнительная, административная и судебная были сосредоточены въ однѣхъ рукахъ...слѣдовательно, старая монархія не имѣла конституціи въ современномъ смыслѣ"... или „...въ старой монархіи не было гарантій для свободы, слѣдовательно, не существовало и конституціи". См. *Лабулэ.* „Современные вопросы администраціи, законодательства и политики" въ сборникѣ „Государство и его предѣлы". Спб. 1868. стр. 7 и 26.

заявленіями, предвосхищавшими самыя смѣлыя реформы будущаго, мы сплошь и рядомъ наталкиваемся на наивныя и робкія попытки «влить вино новое въ мѣха старые», примирить требованія новой философіи, новаго права, новой морали съ обветшавшими формами Стараго Порядка. Поэтому, равно несправедливыми представляются намъ какъ утвержденія тѣхъ писателей, которые прочли въ наказахъ только рѣшительное и поголовное осужденіе старыхъ порядковъ, такъ и и тѣхъ, которые, обратно имъ, думаютъ найти въ наказахъ лишь заявленія, враждебныя тому, что позже осуществила революція. Наказы глубже и выше тѣхъ партійныхъ схемъ, съ которыми подходило къ нимъ большинство историковъ. Какъ истинно народный памятникъ, они отличаются жизненностью и непосредственностью и не легко укладываются въ партійныя программы. Самая пестрота наказовъ—лучшее доказательство если не ихъ полной самостоятельности, то, во всякомъ случаѣ, непринужденнаго трактованія предмета.

Центральное, напримѣръ, мѣсто въ ряду требованій гарантій личной свободы занимаетъ въ наказахъ, за исключеніемъ приходскихъ, требованіе уничтоженія l. d. c. Однако, и наказы не безповоротно осуждали ихъ. Многіе изъ нихъ, особенно дворянскіе, не только говорятъ о возможности сохраненія ихъ при извѣстныхъ условіяхъ, но намѣчаютъ даже цѣлый рядъ случаевъ, въ которыхъ l. d. c. съ точки зрѣнія этихъ наказовъ представляются желательными и даже необходимыми. Сословные предразсудки, привычка къ бюрократической опекѣ, вѣками воспитавшееся неуваженіе къ правамъ личности слишкомъ сильно въѣлись въ природу дореформеннаго человѣка, чтобы онъ могъ отъ нихъ отстать сразу. То, что было ненавистнымъ произволомъ или чудовищнымъ предразсудкомъ для однихъ, сохраняло силу и важность традиціи для другихъ. Старый режимъ представлялъ слишкомъ неблагопріятную среду для развитія правосознанія. И все же въ громадномъ большинствѣ случаевъ l. d. c. нашли въ наказахъ осужденіе [1]). «L. d. c.—гласитъ дворянскій наказъ изъ Каркассона—не могутъ быть полезны никому. Они нужны только министрамъ для сведенія личныхъ счетовъ [2]).

---

[1]) „...n'est il pas une seule assemblée d'électeurs—пишетъ Понсенъ—qui ne demande au moins d'une manière générale l'abolition de cette erreur légale" (т. е. l. d. c.) *Poncin* o. c. стр. 133—134.

[2]) *А. P.* т. II, стр. 528. C. de la noblesse de la sénéch. de Carcasonne. art. 16.

«L. d. c.—читаемъ въ челобитной одного мѣстечка около Парижа—вызываютъ презрѣніе къ французамъ со стороны всѣхъ другихъ народовъ [1]). Въ третьемъ наказѣ послѣ горькихъ жалобъ на систематическія злоупотребленія l. d. c. возмущенные челобитчики клеймятъ подобный порядокъ вещей и заявляютъ, что передъ закономъ долженъ склониться самый тронъ [2]). «Nulle l. d. c!»—восклицаетъ духовенство изъ Шатильона [3]). «Il y a—читаемъ въ скромномъ приходскомъ наказѣ—dans le gouvernement une sorte d'inquisition qui attente ouvertement à la liberté des citoyens du tiers état» [4]).

Алансонскіе дворяне въ своемъ наказѣ посвятили цѣлыхъ девять параграфовъ вопросу о личной свободѣ. Всякій человѣкъ—писали они—независимо отъ рожденія, званія или состоянія долженъ пользоваться всей полнотой индивидуальной свободы подъ охраной закона. Онъ отвѣчаетъ только передъ послѣднимъ. Никто не можетъ быть изгнанъ, задержанъ или взятъ подъ стражу въ административномъ порядкѣ. Исходя изъ этихъ принциповъ, собраніе рекомендовало своимъ депутатамъ защищать слѣдующіе основные пункты своей программы:

§ 1) Настаивать на уничтоженіи l. d. c.

§ 2) Требовать, чтобы всѣ лица, за исключеніемъ судей и полицейскихъ офицеровъ (offic. de pol.), которые подписали бы приказъ объ арестѣ или привели его въ исполненіе,—подвергались судебному преслѣдованію и подлежали не только отвѣтственности за причиненные убытки, но и спеціальному наказанію.

§ 4) ...всякій былъ судимъ только законными судьями.

§ 5) ...всѣ чрезвычайныя коммиссіи, были уничтожены, а судьи, принявшіе какія либо чрезвычайныя полномочія были преслѣдуемы, какъ измѣнники и нарушители свободы.

§ 6) ...всякое задержанное или взятое подъ стражу лицо,

---

[1]) *А. P.* т. IV, стр. 474. C. des habitants de Courbevoie près Paris. Paris hors les murs. art. 7.

[2]) „Les trônes mêmes doivent s'abaisser". *А. P.* т. I, стр. 722—723. C. du baill. second. de Domfront, art. 5. Этотъ C. имѣется также и въ изданіи Hippeau. т. VII. стр. 52.

[3]) *А. P.* т. II, стр. 700 art. 7.

[4]) См. *Hippeau* o. c. т. VIII. стр. 254. Dol. et. rem. de la paroisse de la Vespière. § 7.

отъ какой бы власти ни исходилъ соотвѣтствующій приказъ, въ опредѣленный срокъ было препровождено къ законному судьѣ.

§ 7) ...члены Генеральныхъ и Провинціальныхъ Штатовъ пользовались личной неприкосновенностью и не подлежали отвѣтственности за рѣчи, произнесенныя въ собраніи или за дѣянія, совершенныя тамъ же.

§ 8) ...Штаты реформировали Уголовный Кодексъ (Code pénal) и Уставъ Уголовнаго Судопроизводства (C. criminel).

§ 9) ...превотальные суды были уничтожены [1]).

Этотъ наказъ, являющійся образцомъ ясности и законченности, далеко не единственный въ своемъ родѣ. Онъ замѣчателенъ только въ томъ отношеніи, что сумѣлъ сконцентрировать всѣ важнѣйшія гарантіи личной свободы въ одной челобитной. Многіе наказы, не давая столь всесторонне разработанной программы, какъ только что приведенная, развиваютъ отдѣльныя предложенія и останавливаются, по преимуществу, на соображеніяхъ практическаго характера.

Жители прихода Fontenay—les Louvres, напримѣръ, тщательно разработали вопросъ объ отвѣтственности администраціи въ случаяхъ пользованія l. d. c. Всякое лицо, воспользовавшееся l. d. c. въ той или иной формѣ, подлежитъ, по мысли наказа, штрафу въ 60.000 ливровъ; половина идетъ въ національную кассу, половина въ пользу пострадавшихъ отъ приказа. Исполнитель приказа долженъ быть наказуемъ 20-ю годами тюремнаго заключенія [2]). Нѣкоторые наказы идутъ еще далѣе. Дворяне провинціи Кверси въ депутатской инструкціи проектируютъ тѣлесныя наказанія какъ противъ тѣхъ кто будетъ ходатайствовать о полученіи l. d. c., такъ и противъ приводящихъ ихъ въ исполненіе [3]). Нѣкоторые наказы полагаютъ,

---

[1]) *A. P.* т. I. стр. 713. C. de la noblesse du baill. d'Alençon. art. 7.

[2]) *A. P.* т. IV. стр. 558. C. de la paroisse de F.-les L. en Paris Paris hors les murs. art. 7—8. См. напр. *H. Loriquet* o. c. т. I, стр. 493—494. C. du tiers—état de la ville de Saint—Omer.

[3]) L. *Combarieu*, o. c. стр. 86. C. des plaintes et doléances de la noblesse du Quercy. То же самое говоритъ знаменитый наказъ 3-го сословія отъ города Парижа въ своемъ проектѣ конституціи: „Aucun citoyen ne pourra être, arrêté, ni son domicile violé, en vertu de l. d. c. ou de tout ordre, émané du pouvoir éxécutive, à peine contre toutes personnes qui les auraient sollicités, contre - signés, éxecutés, d'être poursuivies extraordinairement et punies de

что преслѣдованіе за употребленіе l. d. c. можетъ исходить не только отъ самого пострадавшаго, но и отъ всякаго третьяго лица [1]).

Наряду съ требованіями уничтоженія l. d. c. [2]), установленія законныхъ формъ ареста и отвѣтственности за пользованіе незаконными приказами объ арестѣ, наказы обращаютъ горячее вниманіе и на то, что можно было бы назвать «душой» всякаго законодательства о личной свободѣ. Мы разумѣемъ вопросъ о срокѣ, въ теченіе котораго арестованный долженъ быть препровожденъ къ его законнымъ судьямъ (juges ordinaires, j. naturels).

Вопросъ этотъ разрѣшается наказами различно. Въ то время, какъ одни останавливаются на максимальной цифрѣ въ 8 дней [3]), другіе понижаютъ эту цифру до 3 дней [4]), 48 часовъ [5]), однихъ сутокъ [6]), 12 часовъ [7]) или просто ограничиваются терминами

---

peine corporelle, sans préjudice des dommages et interêts, pour lesquels elles seront solidaires envers les parties". „Les mêmes peines auront lieu contre quiconque aura sollicité, accordé ou éxécuté des arrêts du propre mouvement." *A. P.* т. I, стр. 553—559. Всякое лицо—гласитъ, наконецъ, одинъ изъ наказовъ 3-го сословія—за исключеніемъ судей, подписавшее приказъ о заключеніи подъ стражу, должно не только уплатить пострадавшему протори и убытки, но и можетъ быть „puni corporellement, s'il y a lieu". См. *Hippeau* o. c. стр. 343—344. § 51.

[1]) См. напр. *A. P.* т. II, стр. 627. C. de la noblesse de Chartres. § 1.

[2]) Мы не видимъ особой необходимости дать полный списокъ тѣхъ наказовъ, которые требуютъ уничтоженія l. d. c.: во-первыхъ, такое перечисленіи заняло бы слишкомъ много мѣста; во-вторыхъ, значительнымъ подспорьемъ въ этомъ смыслѣ можетъ служить предметный указатель, помѣщенный въ VII мъ томѣ Archives Parlementaires, правда, неполный и изобилующій опечатками. Наконецъ, исчерпывающій указатель было бы невозможно дать въ виду отсутствія научнаго критическаго изданія наказовъ.

[3]) *A. P.* т. III, стр. 506 art. 6. C. de la nobl. de Libourne.

[4]) *Hippeau.* o. c. томъ VII стр. 36. C. des pl., dol. et remontr. de l'ordre du T. E. du bailliage d'Alençon. Ch. III art. 5. См. т. *A. P.* т. II. стр. 387. C. du t. ét. de Blois art. 11; т. II. стр. 486. C. du clergé de Caën (Const. fr.); т. II. стр. 520. C. du t. ét. de la prov. du Combrésis. art 12.

[5]) *A. P.* т. VI. стр. 39. C. d. la nobl. du bailliage de Touraine. Ch. I art. I (Deux fois vingt-quatre heures.).

[6]) Требованіе сутокъ — 24 часовъ повторяется громаднымъ большинствомъ наказовъ.

[7]) *Ch.-L. Chassin.* Les élections et les cahiers de Paris en 1789. т. II стр. 449. C. du t. ét. du distr. de S. Joseph, quartier des Halles art. 5.

«aussitôt» [1]), «à l'instant même» [2]), «dès à présent» [3]), «le plus bref délai» [4]).

Но регламентируя срокъ доставленія арестованнаго къ законнымъ судьямъ, наказы не устанавливаютъ самой процедуры, помощью которой могъ бы осуществить свое право неправильно задержанный. Въ наказахъ мы не найдемъ и подобія того Habeas Corpus Act'a, который составляетъ силу англійскаго законодательства. Вина, разумѣется, не въ недомысліи или небрежности составителей наказовъ; среди редакторовъ ихъ можно было бы найти не мало людей, политически образованныхъ и знакомыхъ съ англійскими учрежденіями, хотя бы изъ вторыхъ рукъ. Наконецъ, въ наказахъ работалъ цвѣтъ тогдашней интеллигенціи; въ составленіи программъ и моделей принимали участіе—писатели, публицисты, лучшіе представители тогдашней юриспруденціи, адвокатуры. Эта странная, на первый взглядъ, небрежность происходила отъ того, что общество было совершенно увлечено новой открывавшейся передъ нимъ эрой. Казалось, что съ паденіемъ старыхъ устоевъ разсѣется мгла произвола, давившаго дореволюціоннаго человѣка. Казалось, открытаго исповѣданія политической вѣры, простого возглашенія свободы и братства довольно, чтобы сразу наступило царство мира, свободы и правды. Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ тотъ экстазъ, тотъ оптимизмъ, который ключемъ бьетъ въ сотняхъ наказовъ. Крикъ свободы долженъ былъ сокрушить всѣ цѣпи. Въ эти минуты никто еще не задумывался надъ вопросами о санкціяхъ или гарантіяхъ. Наконецъ, наказы и не предполагали дать законченнаго и въ деталяхъ разработаннаго законодательства. Они должны были лишь намѣтить основные принципы новаго устройства, донести до представителей народа пожеланія городской и сельской Франціи. И эта задача была выполнена наказами блестяще.

Законными поводами для ареста и заключенія наказы признаютъ: а) судейскій приказъ и b) случаи «flagrant délit». Въ

---

[1]) *А. Р.* т. II. стр. 33. C. de la nobl. d'Anjou. Ch. I art. 9.

[2]) *А. Р.* т. II. стр. 214. C. de la nobl. du baill. d'Etain 2⁰ или *А. Р.* т. II стр. 658. C. de la nobl. de Château—Thierry. art. 9.

[3]) *А. Р.* т. IV. стр. 257. C. du t. ét. du bailliage du Nivernais. Очевидно, для тѣхъ, которые уже пострадали.

[4]) *E. Fleury.* o. c. стр. 266. Cah. gén. de dol. et remontr. du T. E. du Bailliage de Vermandois siège présidial de Laon. § 30.

этомъ смыслѣ высказывается подавляющее большинство наказовъ [1]). Нѣкоторые наказы прибавляютъ еще—«rumeur publique» [2]), «clameur publique» [3]) или допускаютъ исключенія для нѣкоторыхъ тяжкихъ преступленій, вродѣ убійства, поджога и т п. [4]). Наконецъ, наказъ 3-го сословія отъ Алансонскаго бальяжа допускаетъ и спеціальный королевскій приказъ (ordre du Roi), но подъ условіемъ доставленія взятаго подъ стражу въ мѣстную тюрьму, указанную закономъ, въ теченіе сутокъ и предъявленія задержанному обвинительнаго акта не позже трехъ сутокъ со времени его взятія подъ стражу [5]). Этотъ «ordre du roi», весьма недвусмысленно выводившій вновь на сцену, казалось, осужденныя l. d. c. показываетъ лишній разъ, какъ трудно было отстать отъ вѣками въѣвшихся привычекъ.

Мы уже говорили выше, что l. d. c. не встрѣтили въ наказахъ такого рѣшительнаго осужденія, какое можно было ожидать, наблюдая практику старой монархіи. Громадное число наказовъ не только отнеслось къ нимъ вполнѣ терпимо, но во многихъ случаяхъ признало ихъ рѣшительную необходимость, аргументируя ее или сословными предразсудками, или соображеніями государственной надобности. Такъ, напр., одинъ изъ наказовъ третьяго сословія разражается горячей филиппикой противъ l. d. c.: «Que d'injustices révoltantes n'ont pas occasionné de nos jours les captures illégales et les détentions arbitraires! Que d'époux arrachés à leur femmes, de pères à leurs familles, de citoyens à leurs amis, d'innocents à leurs foyers!..» Но послѣ этихъ патетическихъ восклицаній, наказъ спокойно оставляетъ l. d. c. на случай семейныхъ требованій [6]). Также примиряются съ ними и другіе наказы

---

[1]) *Desjardins.* o. c. стр. 394—402.

[2]) См., напр., *E. Fleury.* o. c. стр. 266.

[3]) *Antonin Proust.* o. c. Série A. № IV. стр. 279. C. de la nobl. de la prov. du Berry—„...flagrant délit, clameur publique ou autres imprévus...“

[4]) *A. P.* т. V. стр. 15. Paris hors les murs de la paroisse de Perroy. Chap. VII. Нѣкоторые наказы причисляютъ сюда еще отсутствіе вида на жительство. *A. P.* т. III. стр. 740. art. 3.

[5]) *Hippeau.* o. c. т. VII, стр. 36. C. des pl., doléances et remontr. de l'ordre du T. E. du bailliage d'Alençon. Ch. III. art. 5.

[6]) *A. P.* т. V. стр. 672. C. du t. ét. de la sénèch. de Saintes.

послѣ длинныхъ разсужденій о драгоцѣнности и необходимости для всякаго свободы [1]).

Вообще же наказы допускаютъ или рекомендуютъ оставленіе l. d. c. въ двухъ случаяхъ: 1) въ цѣляхъ государственной надобности (Intérêt de l'Etat, sûreté de l'Etat, crime de lèse—majesté, crime de haute trahison) и 2) въ интересахъ семьи. Первая группа малочисленнѣе второй и не занимается той мелочной регламентаціей, которая характеризуетъ защитниковъ l. d. c. на случай семейныхъ требованій.

Между защитниками l. d. c., какъ средства государственной необходимости, можно намѣтить двѣ группы. Одна, болѣе либеральная настаиваетъ, чтобы виновный былъ въ возможно короткій срокъ переданъ въ руки правосудія. Образчикомъ такихъ заявленій можетъ служить хотя бы цитированный выше наказъ третьяго сословія изъ Ниверпэ. Онъ допускаетъ l. d. c. въ случаяхъ государственной измѣны или оскорбленія Величества. Указаніе другихъ случаевъ и регламентацію процедуры онъ оставляетъ на долю Генеральныхъ Штатовъ, но считаетъ необходимымъ, чтобы всѣ задержанные въ теченіе сутокъ были представлены къ судьѣ и чтобы въ роли суда не могла фигурировать какая-либо чрезвычайная комиссія, даже и при согласіи на нее самого пострадавшаго [2]). Вторая группа, гораздо болѣе многочисленная, считаетъ лишними и эти элементарныя гарантіи. Достаточной гарантіей, по мысли наказовъ этой группы, является отвѣтственность того административнаго учрежденія, которое будетъ завѣдывать этого рода дѣлами. Одинъ дворянскій наказъ разсуждаетъ, напр., слѣдующимъ образомъ: въ томъ случаѣ, если королю благоугодно будетъ арестовать извѣстное лицо въ административномъ порядкѣ въ цѣляхъ безопасности государства или трона, соотвѣтствующій приказъ долженъ быть подписанъ королемъ и контрассигнованъ всѣми членами Государственнаго Совѣта, куда препровождается мотивированный приказъ. Въ этихъ случаяхъ члены совѣта являются отвѣтственными передъ собра-

---

[1]) *A. P.* т. III. стр. 308. C. du baill. second. de Beau-mont-le-Roger. art. 25. *A. P.* т. IV. стр. 63. C. de la nobl. du baill. de Montreuil-sur Mer.

[2]) *A. P.* т. IV. стр. 257. art. 6.

піемъ Генеральныхъ Штатовъ, до свѣдѣнія которыхъ доводятся всѣ подобныя дѣла [1]).

Мы знаемъ лишь одинъ наказъ, который, предусматривая принципіальную возможность, а въ извѣстныхъ случаяхъ, и необходимость внѣсудебнаго ареста въ цѣляхъ возможно быстраго предупрежденія или устраненія опасности, тѣмъ не менѣе, категорически высказался противъ вершенія подобнаго рода дѣлъ въ чисто административномъ порядкѣ. Хотя и бываютъ обстоятельства—разсуждаетъ наказъ—правда, весьма рѣдкія, когда быстрое задержаніе человѣка можетъ послужить на благо государства, однако, подобнаго рода акты заключаютъ всегда въ себѣ извѣстный элементъ произвола, поражающаго гражданъ наиболѣе тяжкимъ образомъ. Поэтому, слѣдуетъ разъ навсегда отказаться отъ подобныхъ мѣръ, чтобы была устранена самая возможность произвола [2]).

Такому воззрѣнію, разумѣется, въ то время суждено было оставаться одинокимъ. Даже въ настоящее время до него не доросли многія изъ культурныхъ странъ.

Наказы, ратующіе за сохраненіе l. d. c. на случай семейныхъ требованій — чрезвычайно многочисленны. Извѣстный уже намъ предразсудокъ дореволюціоннаго общества нашелъ въ наказахъ самыхъ ретивыхъ защитниковъ. L. d. c. не слѣдуетъ уничтожать вовсе—говоритъ одинъ изъ Орлеанскихъ наказовъ. Если злоупотребленіе ими и опасно, то полное уничтоженіе ихъ было бы не менѣе опасно въ странѣ, гдѣ предразсудокъ, что безчестіе отъ наказанія по судебному приговору падаетъ на семью виновнаго, пользуется полнымъ правомъ гражданства. Необходимо лишь принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, чтобы предупредить возможныя злоупотребленія. Въ этихъ цѣляхъ слѣдуетъ организовать спеціальный совѣтъ, куда и должны поступать требованія подобнаго рода. Наказанія же по суду за нѣкоторыя преступленія гораздо болѣе деморализуютъ общество, чѣмъ приносятъ ему пользу [3]). Другой

---

[1]) *А. Р.* т. II. стр. 33. C. de la nobl. d'Anjou. Ch. I. art. 10, или *А. Р.* т. II. стр. 426. C. de la nobl. du Boulonnais. Ср. также *Desjardins* o. c. стр. 417—419.

[2]) „...Que la possibilité doit en être détruite jusque dans ses plus légères apparences". *А. Р.* т. II. стр. 751. C. de la nobl. du bailliage de Clermont en Beauvoisis.

[3]) *А. Р.* т. VI. стр. 669. C. de l'université d'Orléans, art. 4. Генераль-

наказъ не довольствуется констатированіемъ вышеуказаннаго предразсудка, но пытается также вскрыть его психологическую природу. Партизаны l. d. c.—гласитъ наказъ—защищаютъ ихъ ссылкой на спеціальныя семейныя нужды. Это—правильно, потому что боязнь безчестія для семьи въ случаѣ судебнаго осужденія одного изъ ея членовъ—не есть предразсудокъ. Развѣ не вѣрно, что безчестіе поражаетъ семью виновнаго въ силу простой презумпціи, что семья пренебрегла своевременно воспитаніемъ его. Безпутство почти всегда бываетъ результатомъ дурного воспитанія. Нерѣдко пагубное вліяніе оказываютъ дурные примѣры, почерпнутые изъ семейной жизни. Однимъ словомъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ l. d. c. могутъ оказаться очень полезными. Для устраненія злоупотребленій необходимо лишь соблюдать извѣстныя гарантіи, и далѣе наказъ переходитъ къ детальному проекту семейнаго трибунала для разрѣшенія вопроса о выдачѣ l. d. c. Въ совѣщаніи, обсуждающемъ инкриминируемый поступокъ члена семьи, помимо родственниковъ должны участвовать три спеціально назначаемыхъ адвоката. Обвиняемый также можетъ имѣть двухъ представителей. Получивъ копію съ рѣшенія суда, онъ долженъ въ извѣстный срокъ представить свои объясненія. За нимъ остается также право ходатайствовать о назначеніи второго собранія и вызовѣ тѣхъ родственниковъ, которые не были въ первомъ. Мотивированный приговоръ передается королю и только въ случаѣ его утвержденія выдается l. d. c. Такія гарантіи наказу представляются достаточными и онъ совѣтуетъ не пренебрегать l. d. c., какъ важной исправительной мѣрой [1]).

ные штаты должны изыскать средства для предупрежденія „crimes et l'éclat des désordres domestiques“ замѣчаетъ одинъ дворянскій наказъ. *A. P.* т. I. стр. 740. C. de la nobl. du bailliage d'Amiens. art. 9. См. также *Hippeau.* o. c. т. VII. стр. 343—344. art 48.

[1]) „Un tel moyen de purger la société n'est pas à négliger“. *A. P.* т. IV. стр. 336—7. C. des habitants de la paroisse et baronnie de Ballainvilliers, art. 36. Въ мемуарѣ Маркиза Мирабо, адресованномъ къ Мальзербу, еще въ серединѣ 1776 г. мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „...Je suis né en pays soumis à la loi du droit écrit, dont les constitutions principales portent sur la puissance paternelle. Elle y est fort grande, et loin que ce soit matière à scandale, cette loi salutaire y maintient les maisons et les moeurs...“ *Alfred Stern.* Das Leben Mirabeaus. т. I. стр. 298.

Еще болѣе сложный и детально разработанный проектъ трибунала предлагаетъ наказъ трехъ сословій Лангрскаго бальяжа, который считаютъ апокрифическимъ. Но и будучи выраженіемъ мнѣній одного лица или извѣстной группы лицъ, онъ представляетъ для насъ значительный интересъ, такъ какъ по духу своему совпадаетъ вполнѣ съ многими изъ консервативныхъ наказовъ.

Открывается наказъ обширнымъ разсужденіемъ о l. d. c. L. d. c.—орудіе мести въ рукахъ заинтересованныхъ лицъ. Съ помощью ихъ злоупотребляютъ именемъ короля и вводятъ его въ заблужденіе. Конечно, они найдутъ себѣ всегда защитниковъ, которые будутъ доказывать ихъ необходимость ссылками на семейныя нужды, желаніемъ избѣжать постыдной огласки, наконецъ, соображеніями полицейскаго характера, и многое въ этихъ ссылкахъ будетъ правильно. Но выгоды отъ сохраненія l. d. c. не перевѣшиваютъ ихъ вреда. Поэтому, ихъ слѣдуетъ окончательно упразднить. Вмѣсто нихъ наказъ рекомендуетъ слѣдующія средства: ввѣрить юстицію, занимающуюся общественной безопасностью, спеціальному постоянному трибуналу съ строго опредѣленной компетенціей. Судьи избираются отъ всѣхъ трехъ сословій и утверждаются Высочайшей властью. Дѣла рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. Составъ суда не долженъ быть особенно многочисленнымъ, иначе многіе изъ страха передъ оглаской будутъ избѣгать его. Такъ какъ кругъ дѣлъ, которыя будетъ вѣдать новый судъ, не требуетъ никакихъ спеціальныхъ познаній, то и члены этого суда могутъ не обладать спеціальнымъ юридическимъ цензомъ. По поступленіи въ судъ жалобы на какое-либо лицо, послѣднее должно представить въ суточный срокъ свои объясненія. Послѣ этого судъ рѣшаетъ—взять обвиняемаго подъ стражу или отпустить его. Во всякомъ случаѣ, его постановленіе можетъ быть обжаловано или непосредственно къ королю, или въ Совѣтъ. Къ компетенціи новаго суда относились бы—во-первыхъ, всѣ дѣла по семейнымъ ходатайствамъ, во-вторыхъ, нѣкоторыя полицейскія дѣла и, наконецъ, нѣкоторыя дѣла изъ области уголовной юстиціи. Отцовская власть—разсуждаетъ наказъ—слишкомъ ослабѣла въ послѣднее время. Между тѣмъ, при извѣстномъ ея усиленіи она могла бы предостеречь многихъ дѣтей отъ пагубныхъ проступковъ и избавила бы, такимъ образомъ, родителей, отъ необходимости прибѣгать къ строгимъ наказаніямъ. Проектируемый же трибуналъ мо-

жетъ поднять авторитетъ упавшей родительской власти [1]). Съ другой стороны, онъ—небезполезенъ и тѣмъ, что будетъ умѣрять родительскій гнѣвъ, ибо родители, въ свою очередь, не всегда справедливы и умѣренны. Наконецъ, многія преступленія, которыя теперь остаются нераскрытыми и тщательно скрываются въ нѣдрахъ семьи изъ стыда передъ общественнымъ мнѣніемъ, тогда легко выйдутъ наружу. Осуществленіе нѣкоторыхъ полицейскихъ мѣропріятій требуетъ чрезвычайной быстроты, особенно въ столицѣ и большихъ городахъ. Но сейчасъ полиція обладаетъ дискреціонной властью, а тогда она должна будетъ сноситься съ новымъ трибуналомъ. Такимъ образомъ, будетъ положенъ конецъ многимъ вопіющимъ злоупотребленіямъ. Наконецъ, наказъ подробно регламентируетъ условія выдачи приказа о взятіи подъ стражу [2]).

Варіанты такого трибунала—безконечны. Въ нихъ участвуютъ: родственники, друзья, сосѣди, духовенство, нотабли, юристы, даже просто люди «испытанной честности» [3]). Число членовъ колеблется въ предѣлахъ отъ 6 до 18. Одинъ наказъ требуетъ десяти подписей родственниковъ или наиболѣе уважаемыхъ друзей на ходатайствѣ о l. d. c., которое должно быть направлено въ мѣстные штаты [4]). Другой настаиваетъ на участіи, въ такомъ ходатайствѣ, по крайней мѣрѣ, шести ближайшихъ родственниковъ съ отцовской и материнской стороны [5]). Духовенство города Лилля проектируетъ созданіе спеціальнаго трибунала, члены котораго должны были бы каждые три мѣсяца посѣщать взятаго подъ стражу и немедленно

---

[1]) О необходимости поднять авторитетъ родительской власти говорятъ и приходскіе наказы. Въ дошедшихъ къ намъ только въ отрывкахъ (8 параграфовъ изъ 23-хъ)—„Plaintes, doléances et voeux du clergé de la paroisse de Notre-Dame de Caën“ — мы читаемъ: § 9. Que l'autorité des pères et mères sur leurs enfants leur soit rendue et conservée afin de réprimer et d'arrêter des désordres scandaleux, fruits malheureux de la licence et de l'insubordination des enfants. *Hippeau.* o. c. т. VII. стр. 161.

[2]) *Cayer commun des trois ordres du bailliage de Langres.* Paris. 1789. Le[24]86, или *A. P.* т. III. стр. 447—451.

[3]) *A. P.* т. III. стр. 658—659. C. du clergé des bailliages de Mantes et Meulon. art. 6.

[4]) *A. P.* т. III. стр. 37. C. de la nobl. de la sénéch. de Condom. § II. art. 1.

[5]) *A. P.* т. III. стр. 308. C. du baill. second. de Beau-mont-le-Roger, art. 25.

освободить его съ прекращеніемъ причинъ, повлекшихъ за собой задержаніе [1]). Другой наказъ отъ духовенства проектировалъ организацію двухъ спеціальныхъ бюро съ шестью государственными совѣтниками въ каждомъ. Первое бюро рѣшало вопросъ о лишеніи свободы, причемъ для рѣшенія въ положительномъ смыслѣ требовалось не менѣе четырехъ голосовъ. Второе бюро должно было служить апелляціонной инстанціей [2]). Въ одномъ дворянскомъ наказѣ мы находимъ проектъ трибунала съ слѣдующимъ составомъ: 6 членовъ отъ высшей магистратуры, 6—отъ дворянъ и 6—отъ духовенства [3]). Наказъ дворянства Вермандуа высказывается за образованіе особаго секретнаго комитета изъ 3-хъ нотаблей, которымъ бы и принадлежало исключительное право высказываться относительно продолжительности срока заключенія [4]).

Всѣ эти проекты, рекомендаціи, инструкціи повторяются безчисленное число разъ, по преимуществу, конечно, въ наказахъ первыхъ двухъ сословій.

Но нерѣдко можно встрѣтить горячую отповѣдь и защитникамъ отжившаго предразсудка. Тотъ самый дворянскій наказъ Клермонтскаго бальяжа, который защищалъ идею свободы противъ близорукихъ практиковъ, отстаивавшихъ l. d. c. соображеніями государственной необходимости, выступилъ и горячимъ борцомъ противъ устарѣлыхъ предразсудковъ. Напрасно оправдываютъ — говорилъ онъ — употребленіе l. d. c. соображеніями семейной чести. Всѣ граждане, независимо отъ происхожденія, имѣютъ равныя

---

[1]) *A. P.* т. III. стр. 523. C. du clergé de Lille. art. 12. См. также *A. P.* т. I. стр. 769. art. 1., т. III. стр. 563., т. IV. стр. 107. art. 17 и мн. др.

[2]) *A. P.* т. V. стр. 352. C. du clergé de Péronne, Montdidier et Roye. Нѣкоторые наказы требуютъ для лишенія свободы согласія 4/5 всего наличнаго состава трибунала. См. напр. *Doléances des corporations et corps constitués de Limoges.* 1789. въ „Archives historiques de la Marche et du Limousin, publiées sous la direction de M. M. Alfred Leroux et René Fage. Limoges 1887. т. I. стр. 24. C. du corps des officiers de la Monnoie de Limoges.

[3]) *A. P.* т. III. стр. 401. C. de la nobl. du baill. de Gien.

[4]) См. сборникъ *E. Fleury.* стр. 101—102. C. de Dol. de l'ordre de la nobl. du baill. be Vermandois. § VI. C. du T. E. de la prov. de Perche—рекомендуетъ комитетъ изъ трехъ муниципальныхъ чиновниковъ. *Hippeau.* o. c. т. VII. стр. 102.

права на покровительство законовъ. Нельзя за одно и то же преступленіе судить и наказывать различно. Преступленіе остается преступленіемъ и законъ ни для кого не можетъ дѣлать исключеній. Воззрѣніе же, что наказаніе по суду одного изъ членовъ семьи порочитъ ее всю, есть предразсудокъ, съ которымъ незнакома ни одна другая нація. Если законы не будутъ въ своемъ исполненіи встрѣчать препятствій, то этотъ предразсудокъ исчезнетъ скоро, какъ бы ни было это трудно на первыхъ порахъ [1]). Еще болѣе энергичнымъ и непримиримымъ противникомъ l. d. c. выступилъ нѣкій аббатъ Торне, давшій любопытную сводную работу о наказахъ въ 1789 г. [2]). Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя небольшія выдержки изъ нея, такъ какъ въ общемъ она не разнится ничѣмъ по духу отъ радикально настроенныхъ наказовъ. Разсужденія о личной свободѣ начинаются горячей филиппикой противъ l. d. c., для которыхъ исчерпанъ цѣлый лексиконъ позорящихъ выраженій. Авторъ называетъ ихъ «les abus crians», «infractions monstrueuses du pacte social», «l'arme la plus odieuse du pouvoir tyrannique», «l'opprobre des loix», «la honte du législateur», la poison des moeurs civiles des politiques»... etc. etc. [3]). Въ благоустроенномъ обществѣ—разсуждаетъ аббатъ—гражданинъ можетъ быть взятъ подъ стражу только въ силу законнаго постановленія судьи, за исключеніемъ случаевъ «sédition, émeute или flagrant délit», но даже и въ этихъ послѣднихъ случаяхъ арестованный не позже трехъ сутокъ долженъ быть доставленъ въ судъ. Тѣ, которые находятся сейчасъ въ государственныхъ тюрьмахъ, должны

---

1) *A. P.* т. II. стр. 751.

2) *L. T. (l'abbé Torné après Barbier).* L'ésprit des cahiers, présentés aux états—généraux de l'an 1789, augmenté de vues nouvelles ou projets complets de la régénération du royaume de France. 1789. L^{24}*e* 2. Первоначально авторъ, по его словамъ, хотѣлъ просто дать квинтъ—эссенцію изъ важнѣйшихъ пожеланій наказовъ. Но такъ какъ ему удалось собрать лишь отрывки, то явилось желаніе высказать нѣкоторыя и свои общія соображенія. Наказы, по его мнѣнію, преслѣдовали исключительно разрушительныя цѣли. Очень рѣдко въ нихъ можно найти попытки возведенія новаго зданія; въ большинствѣ случаевъ они ограничиваются критикой стараго. Тысячу разъ говорятъ они о конституціи, но нигдѣ не даютъ ея законченнаго проекта. Въ этомъ — заключаетъ аббатъ — я пошелъ дальше ихъ; хорошо или дурно—рѣшать не мнѣ. Надо лѣчить Францію. Лѣченіе будетъ долгимъ и труднымъ.

3) *Ibidem.* стр. 154—156. § 330.

быть немедленно судимы и то время, которое они провели въ тюрьмѣ до суда, должно быть имъ зачтено въ наказаніе. Что касается чести семьи, это — дурной предлогъ для сохраненія l. d. c. «Что станетъ съ честью семействъ»? Этотъ вопросъ задаютъ одни министры, желающіе раздѣлаться съ своими противниками. Это—крикъ варваровъ, извращенныхъ семей (dénaturées), не понимающихъ чувства собственнаго достоинства, попирающихъ свою честь въ угоду мелкимъ гнуснымъ интересамъ. Это—крикъ рабовъ, прикованныхъ къ господамъ или нуждой, или природной низостью души; рабовъ, которые не могутъ вынести сіянія свободы, какъ не могутъ устоять предъ блескомъ утренняго солнца, вышедшіе недавно изъ темницы. Невѣжественный предразсудокъ, что приговоръ суда позоритъ честь семьи, рухнетъ съ утвержденіемъ конституціи. Достаточно будетъ показать, что безчестіе за преступленіе падаетъ исключительно на виновнаго, и всѣ забудутъ этотъ предразсудокъ [1]).

Такимъ образомъ, мы чувствуемъ какъ въ наказахъ въ вопросѣ о l. d. c. бьется сама жизнь съ ея пестрыми, неровными запросами, съ ея одновременно возвышенными и грубыми интересами. Просвѣщенные слои общества, которымъ идея свободы была дорога не только на страницахъ энциклопедистовъ или подмосткахъ вольнодумныхъ театровъ—смѣло отреклись отъ солидарности съ царившимъ доселѣ режимомъ и не побоялись пойти противъ устарѣвшихъ предразсудковъ. Другіе, развращенные долгими годами безправія, угодничества, придворнаго фаворитизма, хоть и протестуютъ

---

[1]) Нѣкоторые наказы требуютъ энергичной борьбы съ отжившимъ предразсудкомъ. Такъ, напр., C. des plaintes, doléances, rémontr. et représent. des habitants, composant le t. ét. de la par. de Mont—Soult, пишетъ: „D'abolir l'injuste et ridicule préjugé qui condamne à la honte et à l'infamie quantité de familles „honnêtes, à cause de la punition exemplaire d'un mauvais sujet". См. *А. Р.* т. IV. стр. 737. § 12. Другіе предлагаютъ Генеральнымъ Штатамъ изыскать иное средство „plus juste de prévenir le déshonneurs de toutes les familles". См. *Hippeau.* т. VII. стр. 69. C. du baill. second. de Verneuil. Уже значительно позже въ Національномъ Собраніи при обсужденіи законопроекта объ уголовномъ судопроизводствѣ въ засѣданіи 9 окт. 1789 г., одинъ изъ членовъ собранія Гильйотенъ предлагаетъ внести § о томъ, что наказаніе виновнаго не влечетъ позора для его семейства. Честь послѣдняго остается незапятнанной и всѣ члены семьи будутъ безпрепятственно допускаемы къ занятію разнаго рода должностей и службъ. См. *А. Р.* т. IX. стр. 393.

противъ насилій и произвола администраціи, но стремятся сохранить за собой право вершать свои личныя дѣла подъ густымъ покровомъ, куда бы не могъ проникнуть свѣтъ и контроль общественнаго мнѣнія. Эта часть общества въ изобиліи предлагаетъ проекты трибуналовъ—чисто семейныхъ и смѣшанныхъ, съ спеціальной компетенціей, стоящихъ внѣ связи съ прочими судебными учрежденіями страны.

Наконецъ, помимо вышеуказанныхъ соображеній въ защиту l. d. c., нѣкоторые наказы выступаютъ ихъ поборниками еще и въ спеціальныхъ цѣляхъ. Одни, напримѣръ, проектируютъ сохранить ихъ на предметъ удаленія тѣхъ, которые могли бы тѣмъ или другимъ поступкомъ навлечь на себя немилость короля [1]). Другіе предлагаютъ ихъ оставить на исключительные или особые случаи, не опредѣляя точно, что понимаютъ они подъ этими терминами [2]). Наконецъ, очень многіе наказы оставляютъ вопросъ о l. d. c. открытымъ, предоставляя Генеральнымъ Штатамъ высказаться окончательно по поводу ихъ. «M. M. les députés aux E. G.—говоритъ, напр., одинъ изъ наказовъ 3-го сословія—doivent juger les l. d. c., apprécier ce qu'elles ont d'illégal, avec les ressources qu'elles présentent à des familles respectables et au gouvernement lui même pour arrêter des projets formés contre lui par des personnes qu'il ne peut livrer au glaive des loix. Mais alors il faudrait détérminer les cas et la manière dont on pourrait en faire usage, sans que la liberté des citoyens fût exposée aux abus qui naîtront toujours du pouvoir de les employer au gré de ses désirs.... [3]).

---

[1]) *A. P.* т. II. стр. 268. C. de la nobl. de la sénéch. de Bazas, art. 8 или *Hippeau*, o. c. т. VIII. стр. 41. C. des pl., dol., réprésent., et dem. du t. ét. du baill. de Saint-Sauveur-le-Vicomte.

[2]) Такъ „Paroisse de Vernouillet-sur-Seine—Paris hors les murs" допускаетъ употребленіе l. d. c. въ исключительныхъ случаяхъ, но оговариваетъ, что ихъ нельзя употреблять противъ магистратуры въ ея цѣломъ или ея отдѣльныхъ представителей за высказанныя ими мнѣнія въ совѣщаніяхъ. *A. P.* т. V. стр. 175. Другой наказъ допускаетъ ихъ въ „cas privilégiés". *A. P.* т. V. стр. 775 art. 25 и т. п.

[3]) *Francisque Mège.* o. c. стр. 380. C. des dol. de l'Ass. Génér. du t. ét. de la ville d'Ambert. См. т. *A. P.* т. I стр. 703 art 4, т. II стр. 426, т. III стр. 180. § 14, т. V стр. 266 art. 4, (этотъ наказъ парижскаго духовенства—intra muros перепечатанъ также въ „*La Révolution française*". 1893. № 25, стр. 347—370 и у *Chassin.* Les élections et les c. de Paris.

L. d. c. en bl. наказы обходятъ совершеннымъ молчаніемъ. По крайней мѣрѣ, мы не встрѣтили ни одного упоминанія о нихъ.

Ратуя за гарантіи личной свободы, наказы не забыли также и тѣхъ, которые томились уже въ заключеніи иногда безъ всякихъ законныхъ поводовъ. Наказы нерѣдко подымаютъ свой голосъ въ защиту всѣхъ пострадавшихъ отъ административнаго произвола или судейской недобросовѣстности. Дворянскій наказъ изъ Тимерэ ходатайствуетъ, чтобы черезъ мѣсяцъ по открытіи Генеральныхъ Штатовъ всѣ изгнанные въ административномъ порядкѣ были возвращены въ отечество, а всѣ заключенные или отданы въ руки провосудія или отпущены на свободу [1]).

Многіе наказы требуютъ ревизіи тюремъ. «Депутаты—говоритъ Парижское дворянство—должны со всей твердостью настоять, чтобы государственная тюрьма и другія мѣста заключенія были немедленно обревизованы какъ въ Парижѣ такъ и въ провинціяхъ особыми избранными коммиссарами. Всѣ находящіеся въ заключеніи должны быть или немедленно освобождены или отданы подъ судъ [2])». Гіенское дворянство удѣляетъ этому вопросу въ своемъ наказѣ очень много мѣста. Оно требуетъ, чтобы Генеральные Штаты образовали спеціальный комитетъ для тщательнаго разслѣдованія состоянія всѣхъ тюремъ, находящихся внѣ юрисдикціи трибуналовъ. Оно поручаетъ своимъ депутатамъ ходатайствовать передъ Его Величествомъ о снятіи оковъ съ наказанныхъ и ввергнутыхъ въ тюрьму

т. III. стр. 305—320), т. VI стр. 215 art 6 и др. Ср. также *Antonin Proust* o. c. стр. 87 и сборникъ *E. Fleury* стр. 266.

[1]) *A. P.* т. II стр. 640—641, стр. 625 art. 2 и др. „Свобода каждаго гражданина—пишутъ священники изъ Кверси—должна находиться подъ защитой закона. L. d. c. и прочіе акты деспотизма — недопустимы... Духовенство Кагора настоятельно ходатайствуетъ о возвращеніи его изгнанныхъ членовъ. Это, однако, не мѣшало представителямъ духовенства нѣсколько выше ополчиться противъ свободы печати. „Ils (депутаты)—пишутъ они—solliciteront une loi pour le rétablissement des moeurs publiques, audacieusement outragées. Le moyen le plus efficace serait de réprimer la trop grande liberté de la presse, d'arrêter la circulation des livres qui attaquent la foi, les moeurs, l'autorité royale, par la poursuite sévère des auteurs, imprimeurs et colporteurs...“. *L. Combarieu* o. c. стр. 60, 67. C. des dol. des curés de la prov. de Quercy. §§ 3 и 17.

[2]) *A. P.* т. V. стр. 237. C. de la nobl. de Paris intra muros; art. 29. См. также *A. P.* т. IV. стр. 96 art. 58. т. V. стр. 273. *Hippeau* o. c. т. VII. стр. 307. art. 13 и др.

безъ суда, и о помилованіи и возвращеніи свободы тѣмъ славнымъ, достойнымъ уваженія воинамъ (illustres et respectables), которые послѣ изданія эдиктовъ 8-го мая, не забывали, что они граждане и предпочли немилость позорнымъ наградамъ [1]).

Если l. d. c. еще могли въ извѣстныхъ случаяхъ найти себѣ защитниковъ, то государственныя тюрьмы и между ними, конечно, на первомъ мѣстѣ Бастилія, были единодушно осуждены.

Цѣлый рядъ наказовъ требуетъ разрушенія Бастиліи. Бастилія должна быть сравнена съ землей—говоритъ наказъ 3-го сословія Парижа—а на свободной площади долженъ быть поставленъ памятникъ благородной и простой архитектуры съ надписью: «A Louis XVI réstaurateur de la liberté publique» [2]). Наказъ отъ 3-хъ сословій бальяжей Монфоръ-Амори требуетъ немедленнаго срытія Бастиліи и всѣхъ другихъ замковъ и тюремъ, именуемыхъ государственными. Земля, на которой они стояли, должна быть продана или употреблена на какія-нибудь общеполезныя цѣли. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла Бастилія, надо воздвигнуть памятникъ во славу свободы и Людовика XVI-го [3]). Бастилія должна быть разрушена—

---

[1]) *Antonin Proust* o. c. Série A. Opérations éléctorales de 1789. № III—Guyenne, Bretagne. т. II. Стр. 93—94. C. de la nobl. de la Sénech. de Guyenne.

[2]) *A. P.* т. V. стр. 290. C. du t. ét. de la ville de Paris. art 40. См. т. *Ch.-L. Chassin.* Les élections et les cahiers de Paris en 1789 т. III стр. 233—238.

[3]) *A. P.* т. IV стр. 40. C. de trois ordres des bailliages de Montfort—l'Amaury. Въ этомъ же родѣ, т. е. о срытіи Бастиліи и употребленіи свободнаго мѣста для какой-нибудь общеполезной цѣли, а также о возведеніи памятника, увѣковѣчивающаго эпоху, говоритъ цѣлый рядъ наказовъ. См. напр. *A. P.* т. IV. стр. 337. art 37, т. IV. стр. 410. art 47, т. V. стр. 149 art. 16, т. V. стр. 298. 4⁰, т. V. стр. 312 и мн. др. Одинъ наказъ предлагаетъ продать матеріалы въ пользу короля—*A. P.* т. VI. стр. 343, art. 14. Вообще же король надѣляется самыми лестными эпитетами: „Louis XVI, roi d'un peuple libre", „juste, bienfaisant, ami du peuple" и т. п. Одинъ наказъ проектировалъ на будущемъ монументѣ выбить надпись: Бастилія, бывшая государственной тюрьмой при „Louis le Tyran" была разрушена при „Louis le patriote". *Chassin* o. c. т. II стр. 496. Особенно сильное расположеніе къ королю выражаютъ приходскіе наказы. Его называютъ „лучшимъ изъ королей, котораго вся нація любитъ и почитаетъ", „великимъ королемъ, который все дѣлаетъ для счастья своихъ подданныхъ", „отцомъ", „bien—aimé". Одинъ приходскій наказъ вкладываетъ въ уста королю даже Евангельскія слова: „Придите ко мнѣ"... и т. д. См. напр. *Ch. de Chancel.* o. c. стр. 407—408, 410.

восклицаетъ патетически наказъ 3-го сословія дистрикта Св. Іосифа —пусть эта земля, орошенная слезами жертвъ произвола, отнынѣ орошается только слезами радости и благодарности; пусть эта площадь, обезчещенная продолжительнымъ существованіемъ живой могилы, будетъ облагорожена національнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ во славу нашего добраго короля, пусть этотъ памятникъ свидѣтельствуетъ потомству о его доблести и любви къ французамъ—его дѣтямъ. Матеріалъ этой обширной могилы долженъ послужить фундаментомъ для храма свободы, памятника Генеральнымъ Штатамъ. Подобно мужественнымъ американцамъ, перековавшимъ въ оружіе статую своего притѣснителя, преобразуемъ мѣсто тиранніи и слезъ въ пріютъ свободы и согласія; будемъ французами, т. е. будемъ свободными, будемъ оплотомъ трону и отечеству [1])!

Остальныя государственныя тюрьмы—по единодушному требованію наказовъ—должны были испытать ту же участь, что и ненавистная всѣмъ Бастилія. Государственныя тюрьмы—«ce monument de l'abus du pouvoir et des vengeances ministérielles», должны исчезнуть—говорили дворяне [2]). Приблизительно то-же самое писало—третье сословіе [3]); ни одинъ наказъ не высказался въ пользу сохраненія этихъ тюремъ. Помимо моральнаго отвращенія, которое онѣ внушали, онѣ вызывали ужасъ своимъ антисанитарнымъ состояніемъ. Многіе наказы настоятельно требуютъ ихъ оздоровленія до утилизаціи ихъ въ какихъ либо иныхъ цѣляхъ.

Нѣкоторые наказы, помимо изложенія общихъ принциповъ, намѣчаютъ и ближайшія задачи будущей тюремной реформы [4]).

Такимъ образомъ, старая Франція рѣшительно осудила госу-

---

[1]) *Chassin.* o. c. т. II стр. 449—450. C. du t. ét. du distr. de Saint-Joseph, quartier des Halles.

[2]) *A. P.* т. II. стр. 507. C. de la nobl. du Calaisis et de l'Ardrésis. См. т. т. III стр. 322. art. 30, т. IV стр. 40, стр. 282. chap. III art. 1, стр. 648. art 22, т. V стр. 184 art. 88, стр. 357 art 12, стр. 540 art. 41, стр. 566 sect. VI. art 6, т. VI стр. 129 chap. III art. 9 и др., ср. т. *Chassin,* o. c. т. II стр. 420 chap. II § 23.

[3]) *A. P.* т. V стр. 452. C. du t. ét. des baill. de Provins et de Montereau. art 4.

[4]) См. напр. въ вышецит. сборникѣ *A. Labot*—C. de remontr. et dol. du t. ét du baill. de Nivernois et Donziois à Nevers. art. VI стр. 384—385.

дарственныя тюрьмы. Всѣ сословія единодушно протестовали противъ нихъ.

Справедливы ли послѣ этого французскіе историки реакціонной группы, которые до сихъ поръ пытаются утверждать, что взятіе Бастиліи было дѣломъ случайной горсти уличныхъ проходимцевъ. Ознакомившись съ настроеніемъ наказовъ, мы вправѣ утверждать, что событія 14-го іюля были исполненіемъ одного изъ самыхъ завѣтныхъ желаній Франціи. Въ этомъ вопросѣ между сословіями не было разногласій.

Не менѣе единодушно высказались наказы и за полную реформу всего уголовнаго правосудія. Здѣсь они также съ полнымъ основаніемъ говорили отъ имени всей страны[1]. «La longueur des procés—восклицаетъ одинъ изъ провинціальныхъ наказовъ—l'artifice des incidents, la tortuosité des formes, les détours de la chicane, la prolixité des écritures, l'avidité des praticiens—tant de maux qui ont á défendre leurs droits, fixeront sans doute l'attention des états généraux».[2])

Мы еще въ предыдущей главѣ говорили о дефектахъ дореволюціонной судебной организаціи; ихъ не оспаривали и лица, принадлежавшія къ судебному сословію[3]).

Наказы требуютъ вообще радикальной судебной реформы. Они протестуютъ противъ изъятій въ порядкѣ общей подсудности, противъ эвокацій, «committimus», сеньеріальной юстиціи[4]), суда интен-

---

[1]) Наказы въ критикѣ уголовнаго законодательства—пишетъ Эсменъ—являются вѣрнымъ отраженіемъ современныхъ имъ общественныхъ настроеній. Въ нихъ можно найти все, что позже проводила Конституанта. *A. Esmein.* Histoire de la procédure criminelle en France etc. стр. 404—409.

[2]) См. C. général des dol., pl. et remontr. du baill. royal, prévôté et gouv. de Chauny. Chap. XIII. Administration de la justice—въ сборникѣ *Fleury* стр. 329.

[3]) См., напр., *Cahier d'un magistrat du Châtelet de Paris sur les justices seigneuriales et l'administration de la justice dans les campagnes.* Paris 1789 (*Boucher d'Argis*, Conseiller au Châtelet). Большинство наказовъ относится, впрочемъ, крайне осторожно къ предполагаемой реформѣ. У анонимнаго автора одной изъ летучихъ брошюръ, вышедшихъ ко времени созыва Генеральныхъ Штатовъ, среди разныхъ, рекомендуемыхъ вниманію депутатовъ, вопросовъ, читаемъ: „...*si on ne peut empêcher* l'administration de la justice d'être vénale"... etc. etc. См. „*Le bréviaire des deputés aux états généraux. 25 Avril 1789*". (Курсивъ—мой. А. Б.).

[4]) Разумѣется, дворянскіе наказы высказываются за сохраненіе вотчин-

дантовъ, чрезвычайныхъ коммиссій. Нѣкоторые наказы высказываются противъ парламентовъ[1]. Очень многіе требуютъ болѣе гуманной системы наказаній, прекращенія ссылки въ колоніи, освобожденія отъ предварительнаго заключенія при условіи внесенія залога[2] и т. д. и т. д.

Въ число гарантій личной свободы многіе наказы включаютъ также требованіе неприкосновенности частнаго жилища. Обыски по требованію администраціи не должны имѣть вовсе мѣста—читаемъ въ одномъ изъ наказовъ третьяго сословія; ихъ можно производить исключительно въ силу постановленія компетентной судебной власти, послѣ тщательнаго разслѣдованія дѣла и непремѣнно въ присутствіи судьи, давшаго приказъ и лица, подвергаемаго обыску[3].

Столь же горячо отстаиваютъ наказы необходимость соблюденія почтовой тайны. «Письма, брошенныя въ общій ящикъ—говоритъ, напримѣръ, духовенство Аміенскаго балльяжа—предметъ священный, подлежащій общественной охранѣ. Никакія соображенія не могутъ извинить нарушенія ихъ тайны»[4]. Письмовная тайна—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ—должна быть строго соблюдаема; гражданинъ не можетъ быть преслѣдуемъ или обыскиваемъ за мнѣнія и размышленія, высказанныя въ письмахъ и домашнихъ бумагахъ, до тѣхъ поръ пока они не преданы предосудительной гласности (publicité condamnable)[5]. Нѣкоторые наказы требуютъ уни-

---

ныхъ судовъ, „прикрывавшихъ... фискальное орудіе въ рукахъ помѣщика". См. *В. Хорошунъ* о. с. стр. 221—222.

[1]) См., напр. *А. Р.* т. V стр. 215. C. du t. ét. de Quimper.

[2]) См. особ. „C. des pl. de la nobl. du Quercy"—инструкція депутатамъ въ сборникѣ *L. Combarieu* о. с. стр. 89. Въ моделяхъ наказовъ духовенства мы встрѣчаемъ также протесты противъ тайной процедуры въ духовныхъ трибуналахъ. Въ наказахъ эти протесты исчезаютъ, вѣроятно, подъ давленіемъ высшаго духовенства. Шассэнъ среди картоновъ Лувра нашелъ модель, въ которой поставлены требованія: мотивировать рѣшенія епископскихъ судовъ и покончить съ тайной въ дѣлопроизводствѣ. См. *Ch. Chassin.* Les Cahiers des curés. Etude historique d'après les brochures, les cahiers imprimés et les procés—verbaux manuscrits. Paris. 1882. L[3] d. 318. Стр. 179.

[3]) *А. Р.* т. III. стр. 745. C. du t. ét. des baill. de Melun et Moret art. 43.

[4]) *J. Wallon.* Le clergé de quatre-vingt-neuf. Paris. 1876. стр. 542—543. Dol. du clergé du baill. d'Amiens § IV.

[5]) *H. Loriquet.* о. с. т. II. стр. 53. C. du t. ét. du baill. de Montreuil-sur-Mer. art. 29.

чтоженія секретныхъ бюро на королевскихъ почтахъ, служившихъ, очевидно, для перлюстраціи писемъ [1]).

Взрывы негодованія вызываетъ въ наказахъ одна изъ гнуснѣйшихъ язвъ автократическаго режима — шпіонство. «Plus d'espionnage!»—восклицаетъ цѣлый рядъ наказовъ [2]).

Не менѣе рѣзкій отпоръ встрѣчаетъ старый порядокъ и по вопросу о пользованіи противъ гражданъ вооруженной силой. Нѣкоторые наказы точно указываютъ случаи, въ которыхъ они считаютъ дозволительнымъ для правительства или администраціи прибѣгать къ ея помощи. Такъ наказъ третьяго сословія изъ Артуа предполагаетъ пользованіе военной силой возможнымъ только въ случаяхъ возмущенія или вооруженнаго возстанія (insurrection ou révolte armée.). [3]). Въ другомъ наказѣ требуютъ, чтобы военная сила, употребляемая противъ гражданъ, слѣдовала инструкціямъ гражданскаго начальства (officiers civils), которые и являются отвѣтственными за употребленіе оружія; военные же не могутъ прибѣгать къ силѣ, не получивъ на то спеціальнаго приказа отъ гражданской власти, подъ страхомъ смертной казни [4]).

Нѣкоторые наказы требуютъ удаленія съ французской территоріи всѣхъ иностранныхъ войскъ, опасаясь злоупотребленій, которыя могутъ быть совершены при ихъ помощи министрами [5]).

Рядъ наказовъ касается вопроса о жандармеріи. Большинство признаетъ полезность этого учрежденія и высказывается за увели-

---

[1]) См. напр., *Ch. L. Chassin.* Les élections et les cahiers de Paris en 1789. т. II. стр. 420. C. du t. ét. du distr. de Saint-Etienne du Mont. Одинъ дворянскій наказъ допускаетъ нарушеніе письмовной тайны въ военное время для писемъ идущихъ изъ-за границы или заграницу и объявленныхъ министерствомъ подозрительными. *A. P.* т. II. стр. 605. C. de la nobl. du baill. de Châlon-sur-Saône.

[2]) *Ch. L. Chassin.* Les élections et les cahiers de Paris en 1789. т. II. стр. 478.

[3]) *Ardouin—Dumazet.* o. c. стр. 285. См. т. *A. P.* т. I стр. 680., т. II. стр. 40, 473., т. III. стр. 156., т. IV. стр. 275 и др.

[4]) См. напр., *Ch. L. Chassin.* Les élections et les Cahiers de Paris en 1789. т. II. стр. 478 или *Его же.* Le Génie de la révolution. т. II. стр. 67—70.

[5]) *Cahiers des griefs rédigés par la communauté de Pau en 1789* — въ „Bulletin de la société des sciences, lettres et arts de Pau“. 1887—1888. Série II. т. XVII. Livraison I. стр. 419. Doléances gén. de la ville de Pau § 19. См. т. *Chassin* o. c. или *Chérest.* o. c. соотвѣтств. главы.

ченіе ея комплекта и болѣе правильное порайонное распредѣленіе въ цѣляхъ поддержанія порядка. Наоборотъ, нѣкоторые наказы останавливаются, по преимуществу, па отрицательныхъ сторонахъ дореволюціонной жандармеріи, и требуютъ радикальной ея реформы, а нѣкоторые сельскіе даже и полнаго ея упраздненія [1]). Болѣе всего протестовъ вызываетъ въ наказахъ право жандармеріи производить аресты безъ соблюденія какихъ бы то ни было сроковъ относительно доставки арестованнаго къ судьѣ. Если наказы не оспариваютъ за жандармеріей самаго права ареста, то требуютъ извѣстныхъ гарантій въ закономѣрности ея дѣйствій. Многіе наказы жалуются, что жандармерія отказывается исполнять нѣкоторыя полицейскія функціи, ссылаясь, якобы, на свою принадлежность къ военному вѣдомству. Наказы требуютъ полной безвозмездности услугъ жандармеріи и протестуютъ противъ продажности ея мѣстъ [2]). Наконецъ, недостаточная и дурная организація жандармеріи и полиціи вообще вызываетъ въ нѣкоторыхъ наказахъ требованіе права свободнаго ношенія оружія, какъ для личной защиты, такъ и защиты собственности [3]).

Отношеніе стараго общества къ его администраціи ясно уже изъ его ожесточенныхъ нападокъ на l. d. c., государственныя тюрьмы, секретныя почтовыя бюро и т. п. и т. п.

Мысль объ уничтоженіи «средостѣнія» между «добрымъ» королемъ и народомъ была одной изъ любимыхъ идей предреволюціоннаго общества. Борьба съ бюрократіей, какъ обособившимся классомъ людей-паразитовъ, строго блюдущихъ лишь свои собственные интересы, упорно игнорирующихъ общественное благо и «злоупотребляющихъ» именемъ «добраго» короля, стала однимъ изъ лозунговъ ранняго революціоннаго движенія. Король былъ объ-

---

[1]) См. напр. *H. Loriquet* o. c. т. I. стр. 322 и 422. Дореволюціонная жандармерія отличалась крайней распущенностью. Вмѣсто поддержанія порядка жандармы нерѣдко сами вызывали безпорядки. Они не боялись вступать въ открытое столкновеніе съ судебной властью и L. Combes даже повѣдалъ намъ изумительный случай, когда одинъ жандармскій офицеръ публично разбилъ тюрьму, чтобы освободить своего родственника. *L. de Combes.* Le présidial de Bourg et le bailliage de Bresse стр. 58—63.

[2]) См. напр. *Desjardins.* o. c. стр. 358—360.

[3]) См. напр. вышецит. сборникъ *A. de Mondenard.* стр. 336 или сборникъ *Tholin G.* стр. 183.

явленъ безвиннымъ страдальцемъ, монархическій принципъ оставался непоколебленъ, за все должна была отвѣтить одна бюрократія. Мы уже познакомились съ этой выгодной для короля диверсіей на отношеніи общества къ системѣ l. d. c., въ которой оно упорно отказывалось видѣть логическое слѣдствіе автократическаго режима, преступную слабость или небрежность короля, а видѣло лишь злоупотребленія чиновной знати. Нуженъ былъ долгій революціонный опытъ, чтобы дать обществу ключъ къ пониманію всей политической системы и объяснить, что старая монархія и то, что называлось ея «abus»—было органическимъ цѣлымъ, взаимно питавшимъ другъ друга.

Наряду съ многочисленными требованіями упраздненія нѣкоторыхъ административныхъ должностей, вродѣ интендантской, мы находимъ нерѣдко и горячую отповѣдь администраціи, обвиняемой въ «négligence», «vexations odieuses», «déprédations», «abus d'autorité...» [1]).

Очень часто наказы поднимаютъ вопросъ объ отвѣтственности администраціи, по преимуществу, объ отвѣтственности министровъ. Подъ ней наказы обычно понимаютъ право преслѣдованія министра въ общемъ уголовномъ порядкѣ за злоупотребленія, совершенныя имъ при отправленіи служебныхъ обязанностей. Право преслѣдованія, по мысли наказовъ, должно принадлежать Генеральнымъ Штатамъ [2]). Понятіе политической отвѣтственности въ наказахъ, конечно, не существуетъ.

Подводя итоги нашему очерку о гарантіяхъ личной свободы въ наказахъ, мы должны повторить еще разъ мысль, высказанную нами раньше.

Наказы дали намъ широкое отраженіе дореволюціонной жизни. Если неправы тѣ, кто въ наказахъ видитъ лишь плодъ преступной агитаціи оппозиціонныхъ элементовъ, то одинаково неправы и тѣ, которые упорно не хотятъ видѣть въ наказахъ разрушительныхъ тенденцій и приписываютъ все «зло» самовластной и «беззаконной революціи». Наказы были продиктованы самой жизнью. Въ нихъ

---

[1]) См. напр. сборникъ *A. Labot.* стр. 252—259. C. de la par. et du curé d'Asnan. Отдѣлъ—„l'Administr. de la Justice et la police" или сборникъ *E. Fleury.* стр. 267. C. du t. ét. du baill. de Vermandois. § 33.

[2]) См. напр., *Ch. de Chancel.* o. c. стр. 417.

отразились настроенія, вкусы, обычаи и пережитки цѣлаго народа. Самые разнообразные слои общества приняли участіе въ этой грандіозной коллективной работѣ и въ результатѣ получилась великолѣпная нестираемая картина Стараго Порядка. Никакой трактатъ, задуманный по самой широкой программѣ, не могъ бы выполнить такой блестящей критической работы, какую сдѣлали наказы [1]). Пусть нѣкоторыя изъ темныхъ сторонъ старой монархіи нашли себѣ простодушныхъ, а иногда и сознательныхъ защитниковъ въ рядахъ составителей наказовъ, но изъ этихъ же рядовъ вышли тѣ смѣлые и убѣжденные бойцы, которые громко заговорили о язвахъ дореволюціоннаго режима и требовали ихъ немедленнаго и радикальнаго лѣченія.

Наказы—говорятъ—не дали положительной, всесторонне разработанной программы. Но наказы осудили Старый Порядокъ. Какую лучшую программу могли они дать? Можно ли было овладѣть напередъ подробностями новой жизни, которая открывалась тогда передъ Франціей? Задача наказовъ только и могла быть разрушительной [2]). И эту задачу они исполнили блестяще. Въ этомъ—ихъ право на безсмертіе!

---

[1]) Что можетъ быть убійственнѣе слѣдующей характеристики старыхъ порядковъ въ дворянскомъ наказѣ Де-ла-Рошель: „Налоги отягощаютъ собственность; привилегіи стѣсняютъ свободу дѣятельности; l. d. c. убиваютъ гражданскую свободу, спасая виновныхъ и надѣвая оковы на невинныхъ; чрезвычайныя судилища и комиссіи не считаются съ закономъ и обходятъ правосудіе; министры уничтожаютъ все, созданное ихъ предшественниками; расточительность принимаетъ чудовищные размѣры; огромные „pensions prostitués“ раздаются кому ни попало; лишь ревностнымъ слугамъ отечества отказываютъ и въ маломъ; финансы приведены въ самое жалкое состояніе....“ Совершенно естественно въ перепискѣ дипломата Мерси съ Іосифомъ II-мъ мы находимъ слѣдующую характеристику наказовъ: „...on y voit les demandes les plus absurdes et les plus choquantes contre l'autorité royale“. Далѣе Мерси предсказываетъ близкое и полное крушеніе монархіи, если суверенъ попрежнему будетъ проявлять уступчивость и слабость. См. вышецит. „*Correspondance secrète du comte de Mercy—Argentau avec l'empereur Ioseph II et le prince de Kaunitz*“. т. II. стр. 230.

[2]) Аналогичный характеръ носятъ наши „русскіе наказы“. „Въ наказахъ—читаемъ мы въ предисловіи къ любопытному сборнику русскихъ революціонныхъ Cahiers Самарской губерніи—меньше всего предложеній положительнаго характера—рѣдко говорятъ о томъ, что надо установить — всегда и вездѣ о томъ, что надо уничтожить....“ *А. Васильевъ и В. Кудрявцевъ* (ред.). Крестьянскіе наказы Самарской губерніи. Опытъ собиранія матеріаловъ русской революціи. Самара 1906. стр. 23.

ГЛАВА III.

Конституанта.

Изъ всѣхъ міровыхъ историческихъ драмъ, когда либо пережитыхъ человѣчествомъ, несомнѣнно, наиболѣе грандіозной является Великая Французская Революція. Ни одна другая эпоха не отразила съ такой силой и яркостью страстныхъ исканій человѣкомъ общественныхъ идеаловъ. Пусть новѣйшія изслѣдованія показали, что не всѣ слова, брошенныя міру революціей, были новы; пусть вся предыдущая исторія по зернамъ собирала тотъ драгоцѣнный матеріалъ, который мы привыкли считать достояніемъ революціи! Она была и остается апостоломъ, впервые возвѣстившимъ міру новую правду; она дорога намъ тѣмъ, что, не удовлетворяя запросовъ современнаго, далеко ушедшаго отъ нея человѣчества, она все же сумѣла затронуть такія общечеловѣческія струны, которымъ суждено безсмертіе.

Въ ряду требованій, выставленныхъ пробудившимся обществомъ, быть можетъ, ни одно не заслуживаетъ такого вниманія и сочувствія, какъ требованіе гарантій личной свободы. Свобода совѣсти, союзовъ, собраній, печати—лишь призрачныя свободы и призрачныя права, пока не утверждены на незыблемыхъ основаніяхъ гарантіи личной неприкосновенности [1]).

Мы знаемъ уже, что въ эпоху Стараго Порядка, даже наканунѣ Революціи—личная свобода была не правомъ, а милостью,

[1]) Правильно замѣчаетъ Фагэ, что на личную свободу слѣдуетъ смотрѣть, какъ на самую существенную форму свободы, какъ на свободу „въ себѣ“ (la liberté en soi); всѣ остальныя свободы являются ея развитіемъ. *E. Faguet.* Le libéralisme. Paris. 1903 стр. 45.

даруемой съ высоты престола. Гарантіи закона были фикціей; немногое, что въ этой области было сдѣлано старымъ правительствомъ, парализовалось фактической безотвѣтственностью администраціи.

Уже наказы громко вопіяли объ избавленіи Франціи отъ злоупотребленій стараго режима. Естественно, что первой заботой новаго общества было водворить законъ и право тамъ, гдѣ доселѣ царило лишь административное усмотрѣніе.

Результатомъ этихъ стремленій явился одинъ изъ величайшихъ памятниковъ человѣческой мысли, воздвигнутый на пьедесталѣ всего освободительнаго движенія XVIII вѣка, памятникъ, въ созиданіи котораго незримо участвовали умъ, воля и чувства всего французскаго народа—Декларація Правъ Человѣка и Гражданина. Декларація была политическимъ принципомъ революціи, ея политической программой. Ничто, разумѣется, не походитъ менѣе на положительное законодательство этого торжественнаго возвѣщенія ряда универсальныхъ истинъ, казавшихся въ ту эпоху всеобщаго энтузіазма такими ясными и простыми [1]. Цѣлью деклараціи, по мысли Конституанты, было нанести смертельный ударъ абсолютизму, набросать принципы грядущаго революціоннаго творчества, предопредѣлить будущую конституцію [2].

---

[1] „Декларація — пишетъ проф. Градовскій — явилась совокупностью принциповъ, поставленныхъ не только надъ обыкновенными законами, но и надъ самою *конституціею*...она явилась самимъ *естественнымъ закономъ*, поставленнымъ надъ всякимъ положительнымъ правомъ, независимымъ отъ условій мѣста и времени, примѣнимымъ ко всѣмъ людямъ, и, по авторитету своему, высшимъ, чѣмъ авторитетъ самой *учредительной* власти“. *Градовскій*. Собр. сочиненій т. IV. Государственное право важнѣйшихъ Европейскихъ Державъ, т. I стр. 453. Курсивъ—вездѣ автора.

[2] См. напр. *A. Aulard*. Histoire politique de la Révolution française. стр. 39. Лафайетъ въ засѣданіи 11-го іюля 1789 г., доказывая необходимость Деклараціи, говорилъ: необходимо провозгласить эти вѣчныя истины. Изъ нихъ выйдутъ наши учрежденія; онѣ будутъ нашимъ вѣрнымъ спутникомъ и приведутъ насъ къ самимъ источникамъ естественнаго права. См. *A. P.* т. VIII. стр. 221—222. *M. U.* т. I. стр. 148—149. *Journ. de Déb.* т. I стр. 160—163. Всѣ тѣ, кто въ Учредительномъ Собраніи стоялъ за помѣщеніе Деклараціи передъ Конституціей, въ безчисленныхъ варіантахъ развивали потомъ эту мысль Лафайета. Изъ Деклараціи—говорили они—какъ изъ источника должны вытечь всѣ положительные законы. Организація власти должна быть естественнымъ результатомъ теоретическихъ принциповъ, принятыхъ Деклараціей.

Декларація, какъ всякій великій памятникъ человѣческаго творчества, продолжаетъ вызывать и по сію пору къ себѣ самое страстное отношеніе. У нея имѣются такіе же восторженные почитатели, какъ и непримиримые враги.

До послѣдняго времени большинство ея историковъ и изслѣдователей склонны были ее разсматривать не какъ продуктъ соціально-политической мысли опредѣленной исторической эпохи, а какъ абстрактный универсальный принципъ. Поэтому, и сужденія о Деклараціи отличаются удивительной противорѣчивостью.

Въ то время какъ одни, протестуютъ противъ чрезмѣрнаго индивидуализма, коимъ, якобы, пропитана Декларація и упрекаютъ ее въ забвеніи интересовъ государства [1]), другіе, разбирая ее съ съ точки зрѣнія индивидуалистическаго міросозерцанія, видятъ въ ней, наоборотъ, рѣшительный тріумфъ общественныхъ началъ надъ личнымъ, и судятъ ее за полное забвеніе интересовъ личности [2]).

Въ то время какъ одни, какъ Бентамъ, Боркъ, Карлейль, Тэнъ, Фагэ и множество другихъ обвиняютъ Декларацію въ метафизичности, искусственности, оторванности отъ жизни, непрактичности, въ то время, какъ они склонны половину бѣдъ, обрушившихся на Францію за революціонную эпоху, объяснить существованіемъ именно этой Деклараціи [3]), другіе, видятъ въ ней, наоборотъ,

---

Конституція должна быть лишь развитіемъ Деклараціи. (См. рѣчи депутатовъ, записавшихся въ засѣданіи 1 августа 1789 года). „...La constitution—писалъ современникъ первой французской конституціи 1791 г.—n'est toute entière que dans la Déclaration des droits de l'homme. Je soutiens que tous les décrets qui ne l'auront pas pour base seront ruineux“... *Louis La Vicomterie.* Les droits du peuple sur l'assemblée nationale. Paris. 1791. Предисловіе.

[1]) См., напр., предисловіе *проф. Ларнода* къ французскому изданію Іеллинековскаго этюда „Декларація правъ человѣка и гражданина“. Изд. 1902 г.

[2]) „Cette déclaration —, пишетъ анархистъ Paraf-Javal—...est en réalité non pas l'énonciation des droits de l'individu, mais l'établissement du droit du plus fort, la justification specieuse de l'écrasement de l'individu par la societé“. См. „*Les Temps Nouveaux*“. Supplément littéraire. т. III № 30. *Paraf-Javal* „Des Droits de l'homme“. стр. 301.

[3]) „...die Anarchie—пишетъ, напр., нѣмецкій историкъ—die bereits thatsächlich in ganz Frankreich herrschte durch die Gesetze der Versammlung auch zum Staatsrecht Frankreichs erhoben worden ist. Jetzt schon wissen wir, dass dies, wenn es geschah, nichts andres war, noch sein konnte, als die strenge unentrennbare Consequenz der Menschenrechte“. *W. Oncken.* Das Zeitalter der Revolution, des Kaiserreiches und der Befreiungskriege. Berlin 1884, стр. 234—235.

реализацію самыхъ задушевныхъ стремленій французскаго народа, полный и рѣшительный отвѣтъ на его запросы, называютъ ее маякомъ, свѣтившимъ революціонному обществу въ тревожную и бурную эпоху государственнаго переустройства.

Въ то время какъ одни считаютъ Декларацію 89 г. лишь рабской копіей съ ранѣе созданныхъ американскихъ образцовъ, другіе называютъ ее самымъ яркимъ выраженіемъ французскаго генія.

Попробуемъ разобраться въ этихъ противорѣчивыхъ сужденіяхъ.

Въ 1895 г. Іеллинекъ выпустилъ небольшой этюдъ о происхожденіи Деклараціи правъ человѣка и гражданина, которому вскорѣ суждено было занять исключительное мѣсто въ литературѣ о Деклараціи [1]).

«Господствующее мнѣніе—пишетъ Іеллинекъ—склоняется къ тому, что ученія «Общественнаго Договора» послужили толчкомъ къ составленію Деклараціи, и что Декларація Независимости тринадцати Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки послужила образцомъ для нея» [2]). Но, безпристрастный анализъ показываетъ, что центральная идея «Общественнаго Договора» о народномъ суверенитетѣ, какъ единомъ верховномъ началѣ, изъ коего истекаютъ всѣ индивидуальныя права, находится въ глубокомъ противо-

---

Не менѣе строго осудилъ Декларацію другой нѣмецкій изслѣдователь — Рихтеръ. „....In Frankreich—пишетъ онъ—wurden die Menschenrechte verkündigt als ein zwingendes Gesetz, als eine Aufgabe, die der Staat für den Letzten des Volkes zu lösen habe........und darum.. waren es selbst diese Menschenrechte an sich nicht, aber gegenüber diesen der Mangel jeder Kräftigen Staatsgewalt das war es, was aus den einfachsten Grundsätzen, deren Wahrheit heute Niemand mehr bezweifeln wird, für Frankreich damals die furchtbarste Waffe der Tyrannei und des Schreckens schmiedete“. *Carl Richter.* Staats und Gesellschaftsrecht der französischen Revolution von 1789—1804. Berlin 1865—1866 т. I. стр. 55. Боркъ презрительно трактуетъ „новую“ французскую систему, построенную „sur les droits supposés de l'homme et sur l'égalité absolue de la race humaine“. См. его „Remarques sur la politique des alliés relativement à la France, commencées en Octobre 1793“ въ „Trois mémoires sur les affaires de France“. Trad. de l'anglois. Londres. 1797. стр. 13—14.

[1]) *G. Iellinek.* Die Erklärung der Menschen und Bürgerrechte. Ein Beitrag zur modernen Verfassungsgeschichte. Въ „Staats und Völkerrechtliche Abhandlungen“ hrsg. von Iellinek und G. Meyer B. I. Heft 3. Leipzig 1895. Ниже мы цитируемъ русск. пер. подъ ред. А. Вормса. 2 изд. М. 1905 г. Этотъ пер. сдѣланъ со второго изданія 1904 г.

[2]) *Іеллинекъ* о. с. стр. 5.

рѣчіи съ «естественными, неотчуждаемыми, священными правами человѣка», провозглашенными Декларацией. Руссо не знаетъ иныхъ правъ личности въ обществѣ, кромѣ тѣхъ, которыя ему даруются общей волей, Декларація, наоборотъ, желаетъ поддержать во всей неприкосновенности цѣлый рядъ изначальныхъ человѣческихъ правъ. Слѣдовательно, «Общественный Договоръ» и Декларація 1789 года проистекаютъ изъ различныхъ источниковъ. Въ одномъ провозглашенъ суверенитетъ общества, въ другой, хотя бы и несовершенно, суверенитетъ личности. Мысль о происхожденіи Деклараціи изъ «Общественнаго Договора» приходится отвергнуть.

Не менѣе несостоятельнымъ считаетъ Іеллинекъ и другое мнѣніе, желающее видѣть источникъ Французской Деклараціи въ Деклараціи Независимости Сѣверо-Американскихъ Штатовъ 7-го Іюля 1776 года. Нѣкоторое сходство въ общихъ положеніяхъ обѣихъ декларацій Іеллинекъ считаетъ недостаточнымъ, чтобы обосновать на немъ происхожденіе одной деклараціи отъ другой. Истинными источниками Французской Деклараціи были тѣ деклараціи отдѣльныхъ штатовъ Союза, начиная съ Виргинской, которыя служили образцомъ для Лафайета, по его собственному признанію, когда онъ вносилъ предложеніе въ Конституанту и подъ вліяніемъ которыхъ еще ранѣе находились наказы.

«Всѣ проекты Французской Деклараціи—пишетъ Іеллинекъ—начиная съ тѣхъ, которые были изложены въ наказахъ, и кончая двадцать однимъ проектомъ, внесеннымъ въ Національное Собраніе, представляютъ, лишь болѣе или менѣе близкія, краткія и пространныя, удачныя и неудачныя варіаціи положеній, высказанныхъ въ американскихъ bills of rights или declarations of rights... Самостоятельныя добавленія сводятся къ общимъ доктринальнымъ разсужденіямъ или къ положеніямъ, которыя относятся къ области политической метафизики» [1]).

Свое мнѣніе Іеллинекъ подкрѣпляетъ тщательнымъ построчнымъ сличеніемъ Французской Деклараціи съ деклараціями отдѣльныхъ штатовъ [2]), которое позволяетъ ему заключить, что «французы усвоили себѣ не только мысли американцевъ, но и самую форму,

---

[1]) *Іеллинекъ* o. c. стр. 15 и 16.
[2]) *Ibidem*. стр. 19—31.

въ какую онѣ были облечены по ту сторону океана [1]). Французы въ сравненіи съ американцами не изобрѣли ни одного новаго «права свободы», наоборотъ, Французская Декларація не знаетъ свободы собраній, свободы коалицій, передвиженія, права петицій, которыя имѣются въ американскихъ декларацiяхъ.

Очевидно отсюда, что Французская Декларація все же не рабски копировала американскія, хотя уже потому, что политическія условія Франціи 1789 г. были иными чѣмъ въ Америкѣ въ 1776 году [2]). Наконецъ, между французской и американскими декларацiями лежитъ одно колоссальное различие, тонко отмѣчаемое Іеллинекомъ. Въ то время какъ «американскія деклараціи правъ лишь выразили въ опредѣленныхъ общихъ положеніяхъ фактически установившiяся раньше юридическія отношенія..., французы хотѣли создать то, чего у нихъ еще не было, именно учрежденія, которыя соотвѣтствовали бы воспринятымъ основнымъ положеніямъ...» [3]) То, что было для американца необходимой жизненной привычкой, для француза конца XVIII вѣка было лишь принципомъ, идеаломъ, который онъ мечталъ воплотить въ жизни.

«Принципы 1789 года—заключаетъ Іеллинекъ—это на самомъ дѣлѣ принципы 1776 года» [4]). Но, конечно, самъ Іеллинекъ признаетъ громадную роль Франціи въ популяризаціи идей и принциповъ, впервые брошенныхъ міру англо-саксонской націей... «Они не получили бы признанія внѣ Америки—говоритъ онъ—если бы Франція не восприняла и не распространила ихъ...» [5]).

Блестящій этюдъ Іеллинека вызвалъ страстныя возраженія со

---

[1]) *Іеллинекъ.* о. с. стр. 32.

[2]) *Ibidem.* стр. 33.

[3]) *Ibidem.* стр. 72—73.

[4]) *Іеллинекъ* о. с. стр. 74. „Въ 1783 году Франклинъ, жившій въ Пасси перевелъ и обнародовалъ всѣ конституціи своей страны въ сборникѣ, вскорѣ сдѣлавшемся знаменитымъ. Ихъ страстно обсуждали въ салонахъ, клубахъ, при дворѣ, въ столицѣ, въ провинціи... Въ 1787 году сталъ извѣстенъ проектъ федеративной конституціи. Новая пища для разсужденій философовъ, для дебатовъ въ свѣтѣ. Французы оказываются даже болѣе ревнивыми къ политической свободѣ, чѣмъ конвентъ въ Филадельфіи. Они безпокоятся, не находя въ федеративномъ актѣ, результатѣ обсужденія въ конвентѣ, деклараціи правъ человѣка“. *Боржо.* Учрежденіе и пересмотръ конституцій въ Европѣ и Америкѣ. Изд. Библ. „Просвѣщенія“ Вып. I. стр. 21—22

[5]) *Іеллинекъ.* о. с. стр. 74.

стороны одного изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ государственниковъ—Бутми [1]).

Для Бутми обидна самая мысль о возможности отнять у французскаго генія авторство Декларацій [2]) и онъ горячо защищаетъ вліяніе Руссо на драгоцѣнный для него историческій документъ [3]). «Contrat social»—аргументируетъ Бутми—предполагаетъ двѣ формы соглашеній: а) абстрактную—всей совокупности индивидовъ, взятыхъ коллективно и b) конкретную, невозможную для реализаціи—всѣхъ индивидовъ, по взятыхъ порознь. Въ результатѣ соглашенія организуется опредѣленное политическое тѣло изъ государства или суверена и гражданъ или подданныхъ, вступающихъ между собой въ опредѣленныя отношенія. Здѣсь наблюдаются два момента: моментъ, заключающійся въ полномъ отчужденіи личностью своей воли, правъ и имущества въ пользу верховнаго суверена—государства и моментъ, въ который происходитъ реституція со стороны государства индивиду всего необходимаго, чтобы каждый пользовался совершенно равными правами. Такимъ образомъ, гражданинъ становится болѣе свободнымъ по заключеніи договора чѣмъ былъ до него. Поэтому, по мнѣнію Бутми, нѣтъ не только никакого противорѣчія между Декларацией и доктриной Руссо, но и невозможно оспаривать вліянія послѣдняго на освободительный актъ.

Это разсужденіе Бутми—едва-ли правильно. Какъ бы ни былъ свободенъ гражданинъ послѣ надѣленія его всевозможными благами со стороны государства,—онъ свободенъ не въ силу «естествен-

---

[1]) *E. Boutmy.* La déclaration des droits de l'homme et du citoyen et M. Iellinek. Annales des Sciences politiques. 1902. № XVII стр. 415—443.

[2]) Признавая вмѣстѣ съ Іеллинекомъ, что религіозная свобода является какъ бы первоисточникомъ всѣхъ другихъ свободъ и, возводя такимъ образомъ первыя освободительныя попытки къ реформаціоннымъ движеніямъ XVI-го вѣка, Бутми съ чувствомъ уязвленнаго національнаго самолюбія замѣчаетъ: «Я не буду касаться вопроса, насколько Іеллинекъ желалъ „*de faire remonter à une source allemande la plus éclatante manifestation de l'esprit latin à la fin du XVIII siècle*“ о. с. стр. 415. Іеллинекъ не оставилъ въ своемъ отвѣтѣ этой инсинуаціи безъ возраженія. (Курсивъ—мой. А. Б.).

[3]) Изслѣдователь американской конституціи видитъ вліяніе Руссо на нѣкоторыхъ параграфахъ Виргинской деклараціи. „Le 12 Juin 1776—пишетъ C. Ellis Stevens—la Virginie fit une Déclaration des Droits, laquelle débute par une série de paragraphes impliquant la théorie du „Contrat Social“. *C. Ellis Stevens.* Les sources de la constitution des Etats-Unis. Trad. par L. Vossion. Paris 1897 стр. 262.

ныхъ, священныхъ, прирожденныхъ и неотъемлемыхъ» правъ личности, какъ гласитъ объ этомъ Декларація, а въ силу договора, опредѣляющаго и обусловливающаго всѣ права индивида, зависимаго отъ него и совершенно безправнаго передъ верховнымъ суверенитетомъ общей воли. Такимъ образомъ, если Декларація и Руссо и стремились равно къ счастью личности, къ обезпеченію за ней наибольшей суммы свободы, которой она можетъ пользоваться въ обычныхъ условіяхъ общежитія, то источники происхожденія правъ и пути обезпеченія ихъ указываются Руссо и Декларацiей совершенно различно. И если можно говорить о вліяніи доктрины Руссо на Декларацію 89 г., то развѣ въ смыслѣ образованія нѣкоторыхъ ея частностей, а не въ смыслѣ общаго руководства, вдохновившаго весь освободительный актъ [1]).

---

[1]) Удачно раскрываетъ это капитальное противорѣчіе, проистекающее изъ сознательнаго смѣшенія индивидуалистическаго и коллективистическаго принциповъ, Анри Мишель въ своей извѣстной работѣ „Идея Государства“. Справедливо онъ замѣчаетъ, что „воображаемый соціализмъ Руссо былъ ни чѣмъ инымъ, какъ первоначальной, очень несовершенной и если угодно, очень опасной формулой индивидуализма, не только не исключавшей вмѣшательства Государства, а напротивъ того, обращавшейся къ его содѣйствію для обезпеченія наиболѣе благопріятныхъ, легче достижимыхъ и болѣе надежныхъ условій развитія индивидуальности“. Руссо—полагаетъ Мишель—хочетъ сказать, что государство должно быть сильно не *„ради самаго себя“*, а *„ради индивида“*. „Это та „чрезмѣрная зависимость“—пишетъ онъ—каждаго отъ государства, которая одна создаетъ „полную независимость“ каждаго по отношенію ко всѣмъ остальнымъ членамъ общества“... „Руссо—продолжаетъ онъ—не допускаетъ, чтобы Государство, съ моральной, политической и экономической стороны оставалось безразличнымъ къ формированію индивида“... Ясно, какой дѣйствительно „опасной“ формулой индивидуализма оперируетъ Руссо. Личность становится хотя и цѣлью, но не „цѣлью въ себѣ“ Канта, а цѣлью Государства и должна питаться его милостями. Это чудовищное искаженіе индивидуалистическаго принципа еще рѣзче подчеркиваетъ другой изслѣдователь—Горнунгъ, котораго Мишель называетъ однимъ изъ писателей, наилучше понявшихъ Руссо и наиболѣе проникнувшихъ въ его мысль. „Руссо—пишетъ Горнунгъ—имѣетъ въ виду субъекта, личность, внутреннее моральное существованіе... *Личность, верховная власть и самобытность*—въ этомъ его центральная идея“.. Такимъ образомъ, личность, верховная власть и самобытность примиряются въ одномъ высшемъ синтезѣ. См. *А. Мишель*. Идея государства. Спб. 1903 стр. 74—75. На этомъ противорѣчіи останавливается также проф. Новгородцевъ въ своемъ анализѣ доктрины Руссо и принциповъ 89 г. „Самой существенной особенностью индивидуалистической доктрины XVIII вѣка является предположеніе о возможности гармоническаго соотношенія личности и государства... Глубочайшимъ мотивомъ этого взгляда (Руссо) служитъ убѣжденіе, что въ государствѣ человѣкъ полу-

Гораздо болѣе удачны возраженія Бутми противъ утвержденія Іеллинека о происхожденіи французской Декларацін изъ декларацій отдѣльныхъ американскихъ Штатовъ.

Сперва Бутми разсматриваетъ косвенныя, потомъ прямыя доказательства Іеллинека.

Косвенныя доказательства Іеллинека заключаются: 1) въ указаніи на то мѣсто въ мемуарахъ Лафайета, гдѣ онъ дѣлаетъ сближеніе между своимъ первоначальнымъ проектомъ деклараціи и Виргинской конституціей и 2) ссылкѣ на наказы, якобы уже находившіеся подъ вліяніемъ американскихъ декларацій.

Относительно перваго доказательства Бутми замѣчаетъ, что если бы Лафайетъ находился, дѣйствительно, подъ непосредственнымъ обаяніемъ американскихъ декларацій, онъ, навѣрное, сдѣлалъ бы о нихъ хоть краткое упоминаніе, выступая съ своимъ проектомъ въ Конституантѣ. Если же онъ много лѣтъ спустя въ своихъ мемуарахъ дѣлаетъ сближеніе своей Деклараціи съ Виргинской конституціей—это ровно ничего не доказываетъ. Такая мысль могла прійти въ голову Лафайету гораздо позже того момента, когда онъ впервые предложилъ свой проектъ деклараціи [1]).

Въ наказахъ, на которые ссылается Іеллинекъ, замѣчаетъ Бутми, нѣтъ ни одного упоминанія объ американскихъ билляхъ, а основаніемъ выставленныхъ въ нихъ требованій указываются—«разумъ, здравый смыслъ, необходимость» (raison, le bon sens, la nécéssité). Въ преніяхъ, которыя происходили въ Учредительномъ Собраніи по поводу представленія 21-го проекта декларацій о Виргинской конституціи упомянули только одинъ разъ—и то мимоходомъ. Всѣ эти умолчанія были бы болѣе чѣмъ странны, еслибы американскія деклараціи были истинными моделями французскихъ проектовъ [2]).

чаетъ полный эквивалентъ того, что онъ теряетъ, отказываясь отъ своей естественной свободы... Но... противорѣчіе между идеей „правъ человѣка и гражданина" и „Общественнымъ договоромъ" несомнѣнно. Никакихъ *неотчуждаемыхъ* правъ личности Руссо не признаетъ; трактатъ его исходитъ изъ мысли о необходимости *полнаго отчужденія* всѣхъ естественныхъ правъ въ пользу государства.... Во французской деклараціи правъ были несомнѣнно и свои мѣстные мотивы, но *идея неотчуждаемости* пришла со стороны и изъ другого источника". *П. Новгородцевъ.* Кризисъ современнаго правосознанія. Москва. 1909. стр. 249—251, 255. Курсивъ—автора.

[1]) *Boutmy* о. с. стр. 420.

[2]) *Ibidem* стр. 421.

Еще болѣе неубѣдительными и ненаучными кажутся Бутми прямыя доказательства Іеллинека, заключающіяся въ непосредственномъ сличеніи подлинника текста Французской Декларацін съ текстами декларацій отдѣльныхъ Штатовъ. Іеллинекъ—говоритъ Бутми—вырвалъ и сопоставилъ наиболѣе похожіе тексты и совершенно умалчиваетъ о тѣхъ, которые непохожи вовсе. Такимъ образомъ можно доказать все что угодно.

Возмущаетъ Бутми и пренебрежительное отношеніе Іеллинека къ стилю самой декларацін, хотя Іеллинекъ весьма осторожно говоритъ объ этомъ отъ имени третьяго лица: «Иногда съ похвалой отмѣчаютъ краткую сжатую редакцію американскаго заявленія, а также ея положительный характеръ, въ отличіе отъ туманнаго набора словъ и доктринальнаго характера Французской Декларацін» [1]).

Какъ можно — восклицаетъ Бутми—обвинять Декларацію въ туманномъ наборѣ словъ (verbiage obscur) [2]), не умѣть оцѣнить и восхититься ея «style sobre, simple, nerveux, vibrant, un style digne de Révolution» [3]).

Бутми готовъ согласиться, что между французской и американской деклараціей есть сходство. Этимъ сходствомъ обязаны онѣ духу времени; поэтому, не сближать ихъ нужно между собой, а приближать къ одному общему источнику... Но между декларацiями лежитъ и глубокое различіе, проистекающее изъ разницы въ цѣляхъ, которыя онѣ ставили себѣ. Американскія декларацін имѣли своей задачей дѣйствительную защиту пріобрѣтенныхъ уже правъ, онѣ должны были дать юридическія гарантіи, пригодныя для судебной защиты, Французская Декларація должна была возвѣстить міру универсальныя истины... Французы писали для

---

[1]) *Іеллинекъ* о. с. стр. 10. При этомъ Іеллинекъ ссылается, между прочимъ, на Тэна.

[2]) У Іеллинека въ подлинникѣ: „der unklare Wortschwall" о. с. стр. 7.

[3]) *Boutmy* о. с. стр. 421. Гораздо ранѣе въ другой своей работѣ Бутми писалъ: „On ne peut pas être sûr de comprendre la Révolution, si l'on ne distingue pas le corps de leurs actes du langage à la mode dont ils l'ont revêtu". *E. Boutmy.* Etudes de droit constitutionnel. France—Angleterre—Etats Unis. 2 ed. Paris 1888. Стр. 280. То же самое говоритъ Жане: „...la forme plus ou moins métaphysique donnée à ces principes (révolutionnaires) ne fait pas grand'chose à l'affaire. Cette forme est le cachet du temps". *P. Janet* о. с. стр. LV.

просвѣщенія всего міра, американцы для удобства и обезпеченія правъ своихъ согражданъ — отсюда глубокое различіе и въ тонѣ и намѣреніяхъ обоихъ историческихъ документовъ... Во всемъ мірѣ—патетически восклицаетъ Бутми—не найдешь двухъ болѣе несходныхъ документовъ! [1]) И далѣе въ подробномъ сличеніи текстовъ обѣихъ декларацій Бутми старается показать, что всюду, во всѣхъ отдѣльныхъ положеніяхъ французской Деклараціи—чувствуется законодатель-философъ, американской—юристъ.

Іеллинекъ въ своемъ отвѣтѣ Бутми подробнѣе останавливается на нѣкоторыхъ изъ высказанныхъ имъ ранѣе соображеній [2]).

Если Бутми правъ, замѣчаетъ Іеллинекъ, что французская Декларація есть продуктъ чисто французскаго генія, то почему же о деклараціяхъ начинаютъ говорить только со времени американской революціи? Почему Франція ждала цѣлыхъ 25 лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ «Общественнаго Договора» (1762 г.), чтобы ассимилировать доктрину и обратить ее въ списокъ различныхъ правъ? Да, развѣ, наконецъ, Руссо, котораго столь произвольно интерпретируетъ Бутми, показалъ себя гдѣ-либо защитникомъ религіозной свободы? Не изгоняетъ ли онъ, наоборотъ, изъ своего государства всѣхъ, кто откажется исповѣдывать «гражданскую религію»—продуктъ общей воли? Правда, французская просвѣтительная философія во главѣ съ Руссо была апостоломъ «Свободы» вообще, но пусть укажутъ хоть одного французскаго мыслителя, который

---

[1]) *Boutmy* o. c. стр. 423 — 424. Этого же мнѣнія придерживается Бутми и въ другомъ своемъ вышецитированномъ сочиненіи. Указавъ, что въ американской Деклараціи Независимости 1776 года по существу нѣтъ ничего метафизическаго, кромѣ двухъ заявленій о равенствѣ людей и существованіи неотчуждаемыхъ правъ—Бутми заключаетъ, что эта Декларація ничѣмъ не напоминаетъ „l'air de *bravoure* métaphysique", звучащей во французской Деклараціи 1789 г. *E. Boutmy.* Etudes de droit constitutionnel. стр. 289—290. Бутми, такимъ образомъ, далеко расходится съ П. Жане, который, защищая Французскую Декларацію отъ упрековъ въ метафизичности и апріорности, замѣчаетъ, что, если есть большая разница между американской революціей и революціей французской, то между деклараціями обѣихъ странъ разницы нѣтъ никакой. Французская декларація въ большей части была простымъ переводомъ американскихъ декларацій. *Paul Janet.* Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale. 3 éd. т. I. стр. XIII.

[2]) *G. Jellinek.* La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Réponse à M. Boutmy. Revue du Droit Publique et de la Science politique en France et à l'Etranger. 1902. Nov.-Déc. стр. 385—400. (Trad. Fardis).

бы до Виргинской Декларацiи заговорилъ о частныхъ свободахъ, перечисляемыхъ французской Декларацiей? Однѣ философскiя идеи не могли родить Декларацiи; она могла вырости лишь на почвѣ крупнаго историческаго событiя, какимъ и была американская революцiя. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что французы забываютъ вспомнить объ американскомъ первоисточникѣ. Американская революцiя, ея конституцiи и декларацiи были слишкомъ общеизвѣстны во французскомъ обществѣ той эпохи, особенно въ тѣхъ слояхъ его, которые потомъ стояли у самаго горнила законодательства. Наконецъ, самое яркое доказательство въ пользу несамостоятельности французской Декларацiи заключается въ томъ, что въ ней не указано ни одной формы свободы, которая не была бы формулирована въ американской Декларацiи.

Ниже намъ придется еще вернуться къ вопросамъ, послужившимъ поводомъ къ любопытной полемикѣ между Iеллинекомъ и Бутми, а теперь коснемся вкратцѣ другого вопроса, имѣющаго отношенiе къ происхожденiю декларацiи, вопроса объ ея апрiорности.

Упреки въ апрiорности и безпочвенности по адресу Французской Декларацiи раздаются, конечно, изъ рядовъ тѣхъ, кто не вѣритъ въ ея самостоятельность или даже видитъ въ ней, подобно Тэну, простое искаженiе американской. Наоборотъ, тѣ, кто отвергаетъ самую мысль о возможности «изобрѣтенiя» декларацiи, видятъ въ ней осуществленiе реальныхъ нуждъ страны, отвѣтъ на ея насущнѣйшiе запросы. Напрасно говорятъ, замѣчаетъ П. Жане, что американскiя декларацiи были защитой положительныхъ интересовъ, нуждавшихся въ установленiи юридическихъ гарантiй, а французская чисто рацiоналистической попыткой, бросившей сѣмена непрерывной революцiи, породившей секту крайнихъ революцiонеровъ, желавшихъ пригвоздить все общество къ Прокрустову ложу своихъ теорiй [1]). На самомъ дѣлѣ французы не «изобрѣли» ничего новаго. Они дали только философскую обработку тому, что создали американцы. Въ сущности, вся Декларацiя Правъ заключена уже въ Декларацiи Независимости, вотированной Филадельфiйскимъ Конгрессомъ въ Iюлѣ 1774 г., между тѣмъ эта амери-

---

[1]) *P. Janet.* o. c. Introduction. Rapports du droit et de la politique. Les déclarations du droit en Amérique et en France. стр. VII.

канская Декларація едва ли не метафизичнѣе и уже, во всякомъ случаѣ, гораздо радикальнѣе французской. Въ ней, напримѣръ, сопротивленіе незаконнымъ требованіямъ власти почитается не только правомъ, но и долгомъ всякаго гражданина, что было признано только самой радикальной и демагогичной изъ всѣхъ французскихъ конституцій, притомъ никогда не примѣнявшейся — конституціей 1793 года [1]).

Всѣ американскія деклараціи представляютъ изъ себя, какъ и французская — громкія возвѣщенія «естественныхъ, прирожденныхъ и неотчуждаемыхъ» правъ. Быть можетъ, Франція неблагоразумно, не предвидя будущихъ трудностей, воспроизвела въ Европѣ идеальныя максимы, прекрасныя въ Америкѣ и нереализуемыя на континентѣ, но зачѣмъ видѣть непремѣнно во французской Деклараціи «метафизическія измышленія, идеологическую манію.., причину всѣхъ нашихъ политическихъ кризисовъ, капитальную ошибку нашей Великой Революціи?» Французы всегда оказываются виноватыми. Если они называютъ Декларацію продуктомъ французскаго генія — ихъ обвиняютъ въ утопичности, если они говорятъ, что идея Деклараціи заимствована ими изъ Америки, ихъ обвиняютъ въ рабской подражательности [2]). Нѣтъ, не метафизика произвела на свѣтъ французскую Декларацію, а реальныя конкретныя нужды, неудовлетвореніе которыхъ стало, наконецъ, невыносимымъ для французскаго народа [3]).

---

[1]) *P. Janet.* o. c. стр. VII, XI, XIV—XVI. Ср. также *E. Blum.* La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Texte avec commentaire. Paris. 1902. стр. 25—26.

[2]) *Ibidem.* o. c. стр. XXXIII—XXXV.

[3]) *P. Janet.* o. c. стр. XI. Изслѣдованіе фактовъ — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — показываетъ, что каждое изъ правъ, утвержденныхъ деклараціей, отвѣчало насущной потребности въ немъ. Свобода передвиженія и личной неприкосновенности были защитой отъ Бастиліи и l. d. c..., равенство передъ закономъ — отъ чрезвычайныхъ, исключительныхъ судовъ. Лучше всего практичность и жизненность деклараціи доказывается тѣмъ, что въ нее вовсе не вошли нѣкоторыя права и свободы, которыя позже становятся политическимъ достояніемъ французовъ. Таковы, напримѣръ, — свобода обученія, свобода союзовъ. Очевидно, это объясняется тѣмъ, что указанныя формы свободы въ то время не представляли еще изъ себя дѣйствительно реальной потребности французскаго общества. *Ibidem.* стр. XLVI—XLIX. См. т. *E. Blum.* o. c. стр. 13. Другому изслѣдователю Бюке — Декларація представляется, какъ „le résumé très concret, trop concret pour nous des Griefs que les hommes

О практичности и жизненности французской Деклараціи говоритъ другой ея изслѣдователь М. Ковалевскій. Указавъ на англо-американскій характеръ происхожденія Деклараціи, М. Ковалевскій замѣчаетъ, что, если составители Деклараціи и не имѣли представленія объ органическомъ ростѣ конституціи и смотрѣли на себя какъ на всемірныхъ законодателей для всѣхъ временъ и народовъ, то, все-же они создали Декларацію достаточно трезвую и практичную. Они не увѣровали слѣпо, напримѣръ, въ теорію Руссо о неограниченномъ суверенитетѣ. Послѣдній, наоборотъ, представлялся имъ источникомъ деспотизма [1]). Такимъ образомъ, они были достаточно надѣлены политическимъ здравымъ смысломъ и пониманіемъ жизненныхъ вопросовъ времени, чтобы эмансипироваться отъ соціальныхъ химеръ Руссо. Наконецъ,— пишетъ М. Ковалевскій въ другомъ мѣстѣ—тѣ же пышныя фразы, какъ, напримѣръ, о правѣ людей на жизнь и счастье, за которыя обвиняютъ французскую Декларацію «можно встрѣтить и въ американской Деклараціи Независимости. Тѣ, кто прибѣгалъ къ нимъ, были, однако, людьми практическими, а не ревнителями отвлеченныхъ началъ модной въ ихъ время политической философіи Руссо. Фразы, которыя намъ кажутся пустыми и безсодержательными, въ то время, когда онѣ впервые были написаны, выражали собою соціальное и политическое credo народныхъ массъ»... [2]).

éclairés d'alors... faisaient au régime qu'ils subissaient ou dont ils ne profitaient qu'en partie..." Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ Декларацію „un document tout réaliste... expérimental". *Paul Buquet.* La Déclaration de 1789 et le socialisme. „La Revue socialiste". 1901. Mars. Paris. 1906. Conférence въ народномъ университетѣ. стр. 324—325, 329.

[1]) *М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи. т. II. стр. 63—64.

[2]) *М. Ковалевскій.* Ученіе о личныхъ правахъ. Москва 1905 г. стр. 14—15. Въ болѣе ранней работѣ М. Ковалевскій, возражая противъ мнѣнія, что французская Декларація является лишь простымъ подражаніемъ американской федеративной конституціи, замѣчаетъ: Въ федеративной конституціи нѣтъ никакихъ метафизическихъ обоснованій принциповъ свободы и равенства, какъ во французской Деклараціи. Тамъ—просто сжатая передача „Habeas Corpus Act" или англійскаго же „Libel act". Прототипомъ французской Деклараціи—является Джефферсоновская декларація. Онѣ различаются только въ способахъ формулировки принциповъ. *М. Ковалевскій.* Англоманія и американофильство во Франціи XVII вѣка. Вѣстникъ Европы. 1892 г. №№ XI и XII. стр. 452.

Послѣднее замѣчаніе прекрасно подчеркиваетъ ту методологическую ошибку, въ которую обычно впадаютъ критики Декларацiи, требуя отъ нея того, чего она не могла дать и осуждая ее за то, что она только и могла дать—по историческимъ условіямъ эпохи.

Но наряду съ защитниками Декларацiи, признающими ея глубокій жизненный смыслъ и высокую практическую цѣнность, въ литературѣ уже издавна раздавались многочисленные голоса, обвинявшіе Декларацію въ догматизмѣ, безсодержательности, болтливости.

Еще мадамъ де-Сталь писала, что Конституанта была охвачена философскимъ энтузіазмомъ, однимъ изъ источниковъ котораго былъ примѣръ Америки, и что французская Декларація впитала въ себя все лучшее, что только было въ англійскихъ и американскихъ декларацiяхъ, но было бы не въ примѣръ полезнѣе—добавляетъ она—заимствовать только то, что—безспорно и не могло подлежать опаснымъ толкованіямъ... Когда Декларація правъ появилась въ Конституантѣ среди дворянчиковъ, еще недавно бывшихъ придворными, послѣдніе наперерывъ всходили на трибуну съ философскими фразами, изощряясь въ мелочныхъ дебатахъ по поводу редакціи той или другой максимы, истинность коей, между тѣмъ, была настолько очевидна, что ее легко можно было бы выразить въ самыхъ простыхъ словахъ на всѣхъ языкахъ. Уже тогда было ясно, что ничего прочнаго не выйдетъ изъ труда, которымъ такъ быстро овладѣло пустое и бунтарское тщеславіе [1]).

Среди огульныхъ хулителей, не жалѣвшихъ мрачныхъ красокъ для Декларацiи, несомнѣнно, первое мѣсто занимаетъ Тэнъ. Французская Декларація—пишетъ онъ—не похожа на ясныя и точныя американскія декларацiи, на эти строгія предписанія, которыя могутъ служить основаніемъ для судебнаго иска... Большинство параграфовъ Декларацiи Національнаго Собранія представляетъ абстрактные догматы, метафизическія тонкости, болѣе или менѣе ложныя, туманныя или противорѣчивыя положенія» [2]).

---

[1]) *Madame la baronne de Staël.* Considérations sur les principaux événemens de la révolution françoise. стр. 267, 273—274.

[2]) Декларація — говоритъ онъ еще — „c'est une . . simple décoration, sorte d'enseigne pompeuse, inutile et pesante. . . . On a proclamé des droits

Еще болѣе несправедливой и придирчивой критикой, неспособной или не желающей встать на историческую точку зрѣнія, являются новѣйшіе выпады противъ Декларацін одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ истолкователей либеральной доктрины— Фагэ.

Обѣ наши хартіи свободы (très belles chartes de liberté) и 89 и 93 г.—заявляетъ Фагэ—представляютъ изъ себя туманный вздоръ [1]). «Правъ человѣка и гражданина» вообще не существуетъ [2]) и, когда хотятъ о нихъ говорить, приходится ихъ изобрѣтать и тутъ невольно или изобрѣтаютъ слишкомъ много или недостаточно. Поэтому, и перечисленіе правъ въ Декларацін является спутаннымъ и произвольнымъ. Въ Декларацін, напримѣръ, нашли себѣ мѣсто—право мыслить, право говорить, писать, но права обученія нѣтъ. Является ли оно естественнымъ слѣдствіемъ пре-

---

indéfinis et discordants sans pourvoir à leur interprétation, à leur application, à leur sanction. On ne leur a point ménagé d'organe spécial". *Taine.* Les origines de la France contemporaine. La Révolution. т. I. стр. 274—275. Какимъ антиподомъ этимъ холоднымъ строкамъ звучатъ воодушевленныя слова нѣмецкаго философа „..Im Gedanken des Rechts ist also jetzt eine Verfassung errichtet worden und auf diesem Grunde sollte nun Alles befreit sein. Solange die Sonne am Firmament steht und die Planeten um sie herumkreisen, war das nicht gesehen worden, dass der Mensch, sich auf den Kopf, das ist auf den Gedanken stellt und die Wirklichkeit nach diesem erbaut. Anaxagoras hatte zuerst gesagt, dass der νοῦς die Welt regiert; nun aber erst ist der Mensch dazu gekommen zu erkennen, dass der Gedanke die geistige Wirklichkeit regieren soll. Es war dieses somit ein herrlicher Sonnenaufgang. Alle denkenden Wesen haben diese Epoche mitgefeiert. Eine erhobene Rührung hat in jener Zeit geherrscht, ein Enthusiasmus des Geistes hat die Welt durchschauert, als sei es zur wirklichen Versöhnung des Göttlichen mit der Welt nun erst gekommen". *Hegel.* Werke. т. IX. стр. 535. Кинэ, далекій отъ восторженнаго преклоненія передъ декларацiей восклицаетъ: „La constituante ne pouvant s'appuyer sur les précédents historiques de la France, prit pour base la tradition des penseurs. Mais que d'incertitudes! que de tâtonnements! que la lumière a de peine à se faire. Comme on sent dans ce laborieux enfantement un peuple désorienté, sans aïeux, sans passé!.." *Edgar Quinet.* La Révolution. т. I. стр. 194.

[1]) *Em. Faguet.* Le libéralisme. стр. 7.

[2]) Философы естественнаго права—писали еще Бюшезъ и Ру, болѣе демократически настроенные, чѣмъ либералъ Фагэ — всегда говорятъ о „человѣкѣ", „людяхъ", никогда о Франціи и французахъ. Въ соціальномъ смыслѣ выраженіе „человѣкъ" звучитъ такъ же фальшиво, какъ „естественное состояніе", „естественное право", „первобытный договоръ". *Buchez et Roux.* o. c. т. XI. стр. 485.

дыдущихъ и потому осталось неупомянутымъ—неизвѣстно. Быть можетъ, творцы декларацiи хотѣли упомянуть только о тѣхъ правахъ, которыхъ не зналъ Старый Порядокъ, и такъ какъ при немъ существовала свобода обученiя, то было рѣшено ее игнорировать? Также неизвѣстно! Права союзовъ—нѣтъ! Права рабочихъ коалицiй — нѣтъ! [1]) Наоборотъ, авторы Декларацiи утверждаютъ, что собственность и равенство суть права человѣка! Что хотятъ они этимъ сказать? Что каждый человѣкъ имѣетъ право быть собственникомъ? Очевидно, нѣтъ, потому что они тогда должны были бы перейти къ коллективизму! Что тотъ, кто выше въ томъ или другомъ отношенiи другого—нарушаетъ его право? Конечно, нѣтъ! Такимъ образомъ, всѣ эти заявленiя — не болѣе какъ пустыя и смѣшныя фразы, лишенныя всякаго реальнаго содержанiя. Какой смыслъ, въ самомъ дѣлѣ, въ равенствѣ передъ закономъ, если люди съ самаго дня рожденiя попадаютъ въ разныя условiя, благодаря разницѣ въ происхожденiи, воспитанiи, степени состоятельности, связяхъ и. т. д. Ясно, что права на равенство нѣтъ, потому что оно нереализуемо. Я только тогда имѣю право на равенство, когда могу быть равнымъ. Если нѣтъ, то и права на равенство не существуетъ [2]).

Вся эта грубая и наивная критика бьетъ, слишкомъ очевидно, мимо цѣли. Никто никогда и не думалъ видѣть въ Декларацiи соцiалистическаго акта, который бы своей задачей имѣлъ дѣйствительное уравненiе гражданъ не только въ политическихъ, но и имущественныхъ правахъ. Нежеланiе Фагэ понять это—тѣмъ болѣе странно, что въ самой декларацiи институтъ частной собственности получаетъ полное признанiе [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно что́

---

[1]) *E. Faguet.* o. c. стр. 9—10. Интересно сравнить съ этой удивительной антиисторической критикой правильное замѣчанiе Жане, приведенное выше.

[2]) *Em. Faguet.* o. c. стр. 12. Заявленiе Декларацiи о правѣ на равенство равносильно тому, какъ если бы въ Декларацiю было вписано право́ каждаго быть умнымъ, какъ Ренанъ. „On ne met pas de pareilles niaiseries— добавляетъ Фагэ—dans un texte destiné à être immortel“.

[3]) Любопытно сопоставить критическiя замѣчанiя Фагэ съ протестами Робеспьера въ засѣданiи 25 января 1790 г. противъ ограниченiя активнаго избирательнаго права имущественнымъ цензомъ. Робеспьеръ усматривалъ рѣзительное противорѣчiе между заявленiями Декларацiи и конституцiей, урѣзывающей права, возвѣщенныя ей. *A. P.* т. XI. стр. 320—325.

именно хотѣли сказать творцы Декларацiи своимъ требованiемъ «равенства передъ закономъ». Въ памяти ихъ было живо воспоминанiе о томъ вопiющемъ неравенствѣ въ отправленiи правосудiя, которое составляло одну изъ самыхъ печальныхъ особенностей Стараго Порядка. Члены Конституанты, знавшiе и сеньёрiальную юстицiю и другiя исключительныя судбища, ложившiяся тяжкимъ гнетомъ на плечи бѣднаго населенiя, едва-ли творили «безсодержательное» право, когда вписывали въ Декларацiю свое требованiе равенства всѣхъ передъ закономъ. И правъ ли Фагэ, требуя отъ людей 89 г. того, противъ чего категорически высказывается самъ въ XX-омъ столѣтiи въ качествѣ приверженца либеральной доктрины [1]?

Резюмируемъ все вышесказанное. Декларацiя есть результатъ чрезвычайно сложныхъ и противорѣчивыхъ историческихъ влiянiй. Было бы величайшимъ заблужденiемъ видѣть въ ней исключительно продуктъ нацiональнаго творчества, было бы не меньшимъ заблужденiемъ, конечно, выводить ее прямо изъ американскихъ декларацiй. Самъ Iеллинекъ совершенно убѣдительно показалъ, что мысль «установить законодательнымъ путемъ рядъ неотчуждаемыхъ, прирожденныхъ, священныхъ правъ личности—вовсе не политическаго а религiознаго происхожденiя», слѣдовательно и самая мысль восходитъ не ко времени французской или американской освободительной революцiи, а гораздо болѣе раннему времени—эпохѣ религiозныхъ движенiй и религiозной революцiи, т. е. реформацiонной эпохѣ [2].

---

[1]) Буржуазный характеръ судебной организацiи, конечно, превосходно понимали и современники революцiи. Роялистъ Мунье, напримѣръ, въ правѣ судей постановлять безапелляцiонные приговоры по всѣмъ дѣламъ, не превышающимъ цѣнностью тысячи ливровъ, видѣлъ пренебреженiе интересами бѣдныхъ классовъ, у которыхъ не оставалось никакихъ средствъ защиты въ случаяхъ ошибки судебной власти. *Mounier*. Recherches sur les causes qui ont empeché les François de devenir libres. т. II. гл. XXXV.

[2]) *Iеллинекъ*. о. с. стр. 60. Заслуга французской освободительной философiи XVIII вѣка—пишетъ Жанэ—заключалась въ томъ, что она сконцентрировала въ одно освободительные принципы, разсѣянные на пространствѣ вѣковъ, очистила ихъ отъ теологическихъ и послѣдующихъ наслоенiй, обратила ихъ въ общечеловѣческiе принципы и провела ихъ въ человѣческое сознанiе... Чтобы понять и объяснить это движенiе надо обратиться къ христiанству, стоицизму, Сократу... Самая Декларацiя—вовсе не есть только конституцiонный

Такимъ образомъ, самая идея «свободы, «освобожденія», а отсюда и перечня «неотчуждаемыхъ» правъ—не есть плодъ умственной спекуляціи конца XVIII вѣка, а гораздо болѣе ранняя идея. Тамъ, гдѣ борьба народа, сословія, класса съ государствомъ, властью, правительствомъ принимала острыя формы, тамъ гдѣ она становилась борьбой за независимость,—тамъ неминуемо должно было явиться стремленіе и къ укрѣпленію завоеваннаго въ той или иной формѣ. Естественно, что документъ, закрѣплявшій свободу побѣдителя, принималъ видъ освободительнаго акта, деклараціи, торжественнаго возвѣщенія завоеванныхъ правъ [1]). Такова Великая Хартія, «Соглашеніе англійскаго народа», Act of Habeas cor-

актъ. Это—актъ „человѣческой совѣсти, общественнаго разума“.,. *P. Janet.* o. c. стр. XXXVIII — XXXIX. — Такъ же широко оцѣниваетъ историческіе факторы, участвовавшіе въ созданіи Деклараціи другой ея изслѣдователь Бертранъ. „Traditions antiques et platoniciennes—пишетъ онъ—vaguement conservées; formes judiciaires usitées dans les considérants des jugements et des arrêts et devenus jusque dans le peuple une seconde nature; réaction énergique et indignée contre la formule du bon plaisir; habitudes philosophiques consistant à creuser jusqu'aux premiers principes, idées innées ou contrat social; exemple récent et populaire des Américains; voeux nombreux et très explicites des cahiers: telles étaient les causes qui concouraient à donner à l'idée de la Déclaration des droits de l'homme et du citoyen une impulsion qui devait briser toutes les résistances“... *A. Bertrand.* La déclaration des droits de l'homme et du citoyen de 1789. Paris 1900.

[1]) Декларацію—пишетъ Оларъ—можно разсматривать или какъ разрушающую прошлое, или созидающую новое. Въ настоящее время ее обыкновенно разсматриваютъ именно съ этой второй точки зрѣнія, т. е. какъ политическую и соціальную программу Франціи, начиная съ 1789 года. Люди революціи, наоборотъ смотрѣли на нее болѣе съ первой точки зрѣнія, какъ на символъ крушенія Стараго Порядка, какъ на орудіе противъ возможности его возвращенія, подобно тому какъ и американцы обратили свою Декларацію въ военное оружіе противъ англійскаго короля и деспотической системы. *A. Aulard* o. c. стр. 45. Декларація — говоритъ М. Ковалевскій — важна какъ манифестъ, связывавшій руки правительству. *М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи. т. II стр. 91. „...Дѣятели Учредительнаго Собранія—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — преслѣдовали задачи чисто практическія..., разъ королемъ утвержденъ былъ текстъ Деклараціи, послѣ октябрскихъ событій, всѣ пути къ контръ-революціи были отрѣзаны“... *М. Ковалевскій.* Ученіе о личныхъ правахъ. Стр. 19. Л. Штейнъ, сурово отнесшійся къ Деклараціи, полагаетъ, что ея роль была—чисто отрицательнаго характера и сводилась исключительно къ разрушенію феодальнаго правительства. „... allein diese Declaration—писалъ онъ — ist trotzdem rein negativ. Sie constituirt nichts; sie enthielt nichts als eine systematisch vollendete Vernichtung der alten feudalen Rechte. Mit der reinen Negation aber bildet man keine Gesellschaft; die Dec-

pus, американскія и французскія деклараціи. Всюду великія событія, великіе общественные перевороты порождали и соотвѣтствующіе великіе историческіе акты. Вотъ почему, несмотря на національныя особенности, несмотря на печать времени, которое неизбѣжно отражается на общей физіономіи каждаго такого памятника—въ немъ всегда живетъ и универсальная мысль, не національная только, но общечеловѣческая. Неудивительно, поэтому, если на континентѣ американская освободительная борьба вызывала общій энтузіазмъ и на нее смотрѣли не какъ на домашнее дѣло американцевъ, а какъ на дѣло всего человѣчества [1]).

Такимъ образомъ, и Французская Декларація впитала въ себя незримо множество историческихъ струй. Въ ней одновременно говорятъ раннія историческія событія, идеологи ранней эпохи и современныя ей соціально-философскія настроенія. Отсюда ея противорѣчія и та пестрота, за которую ее такъ легко обвиняютъ изслѣдователи, критически настроенные къ принципамъ 89-го года.

Въ литературѣ стало уже трюизмомъ указаніе на противорѣчивое вліяніе на французскую революцію двухъ враждебныхъ доктринъ: одной—индивидуалистической, либеральной, списанной съ конституціонныхъ образцовъ Англіи, принадлежащей Монтескье и другой—подчиняющей личность обществу, глубоко-государственной, демократической, породившей впослѣдствіи якобинизмъ, принадлежавшей Руссо. Но въ ту эпоху, когда явилась первая Декларація, эти доктрины равно владѣли умами и сердцами своихъ современниковъ. Неудивительно, что, начавъ въ духѣ Руссо, Декларація продолжаетъ въ духѣ Монтескье. Дѣятели Конституанты въ первый и наиболѣе страстный періодъ своего разрушительнаго творчества не продумывали обѣихъ философій до конца. Предъ ними стояла только одна великая задача — похоронить разъ навсегда

laration konnte nur der Beginn des neuen socialen Rechts sein“... *L. Stein.* Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Leipzig. 1850 т. I стр. 63.

[1]) Франклинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ въ маѣ 1777 года, говоритъ о томъ необычайномъ энтузіазмѣ, который вызывала на континентѣ героическая борьба американцевъ за свою независимость. Здѣсь—общее мнѣніе, писалъ онъ, что наше дѣло есть дѣло всего человѣчества (la cause du genre humain) и что наша борьба за свободу есть борьба за свободу всей Европы. См. *A. Aulard* o. c. стр. 20.

старые порядки и водворить счастье на землѣ. Средства выбирались тѣ, которыя казались лучшими въ данную минуту, которыя были подъ рукой. Справедливо замѣтилъ Фагэ, что авторы французскихъ декларацій, даже и Деклараціи 89 г. были заразъ и демократы и либералы, заразъ вѣрили и въ торжество личной свободы и суверенитетъ народа. Этимъ самымъ въ ихъ дѣло вкралось гигантское противорѣчіе, такъ какъ ясно, что оба начала легко могутъ вступить въ непримиримый конфликтъ. Права народа, принципъ народовластія можетъ отмѣнить или пріостановить права личности [1]).

Декларація 89-го года явилась, такимъ образомъ, какъ бы компромиссомъ между признаніемъ «естественныхъ и неотчуждаемыхъ» правъ личности и идеей народнаго суверенитета. Въ дальнѣйшемъ развитіи революціи формула «Salut public» выростаетъ до громадныхъ размѣровъ и поглощаетъ незащищенную формулу личной свободы. Въ Деклараціи жили рядомъ два противоположныхъ принципа и она одной рукой отнимала то, что давала другой.

Но Декларація была отвѣтомъ, котораго ждала давно изстрадавшаяся страна. Этотъ отвѣтъ — непослѣдователенъ, непродуманъ, порывистъ, носитъ на себѣ многочисленные слѣды импровизацій [2]). Этотъ отвѣтъ создавался въ моменты горячечнаго творческаго увлеченія, въ атмосферѣ, столько же насыщенной энтузіазмомъ, какъ и враждой [3]), но въ немъ воинствовавшее Собраніе излило весь баль-

---

[1]) *Em. Faguet.* o. c. стр. 8—9.

[2]) Кажется совершенно невѣроятнымъ—пишетъ Оларъ—что 1200 депутатовъ, неспособные выработать точную и ясную редакцію Деклараціи, когда они работали отдѣльно или по группамъ, нашли настоящія, краткія и благородныя формулы только въ шумѣ публичнаго обсужденія. Изъ импровизированныхъ поправокъ въ одну недѣлю выросла Декларація Правъ. *A. Aulard.* o. c. стр. 42.

[3]) Если самая мысль о предвареніи конституціи деклараціей нашла въ Учредительномъ Собраніи горячихъ сторонниковъ, о чемъ свидѣтельствуетъ хотя бы число проектовъ Деклараціи или восторженныя рѣчи отдѣльныхъ депутатовъ, то извѣстно, что эта мысль нашла не мало и враговъ. См. хотя бы *A. Aulard.* o. c. стр. 41—42. Мунье въ своихъ „Изслѣдованіяхъ", написанныхъ четыре года спустя, разсказываетъ, что многіе порицали его за то, что онъ способствовалъ выработкѣ Деклараціи. Оправдываясь, онъ пишетъ, между прочимъ: ...„j'eusse mieux fait sans doute de soutenir, comme quelque députés,

замъ на раны старой Франціи, какой могла. Декларація—велика не тѣмъ, что первая возвѣстила человѣчеству освободительные принципы, но тѣмъ, что практическія и трезвыя формулы американцевъ силой своего философскаго генія, темперамента и блеска претворила въ великіе соціально-моральные постулаты [1]). Мѣстныя хартіи, мѣстныя вольности были обращены въ катехизисъ, изъ котораго строящее человѣчество еще и въ настоящее время черпаетъ принципы благоустроеннаго человѣческаго общежитія [2]). Пусть

que toute idée abstraite sur les droits des hommes admise en législation, peut être mal interprêtée et produire de funestes conséquences. *Mounier* o. c. т. II стр. 23 пр. 1. Въ многочисленныхъ засѣданіяхъ послѣ 1-го Августа 89 г., въ которыхъ обсуждался вопросъ о предвареніи конституціи Деклараціей, особенно 3-го и 4-го Августа, многіе депутаты говорили, что возвѣстить народу его права, не организовавъ власти—значило бы дать опасное оружіе въ руки людей, не привыкшихъ къ свободѣ, что слѣдовало бы одновременно возгласить и естественныя права человѣка и принципы Монархіи, иначе придется дѣлать многочисленныя отступленія отъ Деклараціи. См. напр., рѣчи: *Mounier* (1-ый отчетъ комитета для выработки конституціи) 9-го Іюля 89 г. *А. Р.* т. VIII стр. 214—216, *Lally-Tollendal'я* 11-го Іюля. *А. Р.* т. VIII стр. 222—223, *Delandine'а* 1-го Августа *А. Р.* т. VIII стр. 323—325, *Malouet А. Р.* т. VIII стр. 323, *Лангрскаго епископа de La Luzerne* *А. Р.* т. VIII стр. 322 и мн. др. Только въ засѣданіи 4-го Августа было единогласно рѣшено предпослать конституціи декларацію. См. *А. Р.* т. VIII стр. 341. Въ бумагахъ, найденныхъ у Делапорта—„administrateur de la liste civile“ въ 92 г. подъ № 61 значился „Plan d'une Constitution libre et heureuse selon justice, raison et sagesse“ —рѣзко консервативнаго оттѣнка. Делапортъ горячо критикуетъ проектъ деклараціи Сіиеса, находя ея принципы „vicieux et d'une généralité dangereuse et inconséquente“. „A Dieu ne plaise—прибавляетъ онъ—que nous attribuions la faute à M. Sieyès, car ce serait le regarder comme le plus grand scélérat qui ait jamais été, d'autant que, sans le penser, ses oeuvres tant vantées et si peu dignes de confiance ont produit les plus grands maux dans les mains des perfides, des ambitieux qui les ont si mal interprétées au vulgaire ignorant, qui pouvait servir leurs passions et renverser pour eux l'ordre social, et ruiner et perdre le plus bel empire de la terre“... Въ детальномъ анализѣ разбросано много софистическихъ ухищреній. Нѣкоторые аргументы могли бы цѣликомъ принадлежать Фагэ. *А. Р.* т. XLVIII стр. 243—261.

[1]) Декларація—пишетъ Блюмъ—„oeuvre essentiellement français par la frappante concision et la lumineuse clarté de l'expression, par son caractère exclusivement rationaliste, qui consacre la séparation de la politique et de la théologie, par l'identification des droits de l'homme et du citoyen, devenus désormais inseparables et puisant à la même source une même vitalité“... *Blum* o. c. стр. 14.

[2]) „Если бы отъ всей конституціи 91 г.—говорилъ извѣстный дѣятель революціи—Rabaut St. Etienne—не осталось ничего кромѣ Деклараціи, и этого

англійскимъ биллямъ и американскимъ декларацiямъ принадлежатъ хронологическія преимущества, Французская Декларація остается апостольской проповѣдью [1])!

Именно этотъ характеръ проповѣди и сообщаетъ всему акту непреходящую историческую цѣнность. Декларація не могла имѣть серьезнаго юридическаго значенія, не давъ истиннаго обезпеченія правамъ, не снабдивъ ихъ надлежащими гарантіями [2]), но воспитательное значеніе Деклараціи — неизмѣримо. Оно не поддается учету.

Предшествовавшіе Деклараціи освободительные акты другихъ странъ далеко превосходятъ ее своимъ практическимъ смысломъ и

одного было бы достаточно для ея безсмертія. Подобно Евангелію, она должна была сдѣлаться предметомъ изслѣдованія, ибо что она, какъ не благовѣстіе малымъ симъ". Цит. по *М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи т. II. стр. 56. Въ Деклараціи заключена—пишетъ Оларъ—вся демократическая и соціальная республика; далеко не всѣ ея принципы еще были осуществлены, ея программа будущаго далеко превосходитъ не только границы нашего собственнаго существованія, но, вѣроятно, еще и слѣдующихъ за нами поколѣній". *A. Aulard* o. c. стр. 48. „La Déclaration de 1789—говоритъ Блюмъ—est-elle restée pour le monde civilisé la Déclaration par excellence, celle qui devat énoncer des principes pour l'humanité et les faire rayonner à jamais dans la conscience universelle". *Blum* o. c. стр. 14—15. Историкъ Конституанты Ламетъ вмѣняетъ Деклараціи въ заслугу уже самое ея названіе: „Декларація—говоритъ онъ—уже не есть болѣе „петиція" англичанъ.., французы не требуютъ болѣе милости"... *Alex. Lameth.* Histoire de l'Assemblée Constituante. Paris. 1828. т. I. стр. 119.

[1]) „Dans un langage plus élevé, plus magnifique (чѣмъ въ англійской экономіи второй половины XVIII-го вѣка), le génie de la France plaidait devant l'humanité tout entière la même cause de l'individu opprimé, en invoquant le droit de nature, en faisant appel à la raison et à la justice. Bientôt la fondation de la république américaine et la Révolution française font de l'idée une réalité. La déclaration des droits de l'homme et du citoyen annonce au monde ce fait. La bonne nouvelle est accueillie en Angleterre avec enthousiasme dans plus d'un milieu". *M. Ostrogorski.* La démocratie et l'organisation des partis politiques. Paris 1903. т. I. стр. 27—28.

[2]) Въ одной изъ своихъ раннихъ работъ Бутми говоритъ про Декларацію: „...la valeur juridique et pratique en est nulle. Les tribunaux ne connaissent point des infractions à ce texte *supraconstitutionnel.* Aucune autre garantie que sa propre majesté ne le protège contre les entreprises de l'administrateur et du législateur. Le caractère le plus distinctif de notre déclaration des droits est précisément cette prodigieuse foi des hommes de 1789 dans l'empire de la vérité simplement énoncée"... *E. Boutmy.* Etudes de droit constitutionnel 2. éd. Paris 1888. стр. 298—299. То-же самое говоритъ и *Эсменъ.* См. его выше цит. „Основныя начала государственнаго права". т. I. стр. 376—377.

тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе на міровую культуру, было несравненно меньшимъ, чѣмъ вліяніе Декларацiи, принципы которой для цѣлаго ряда поколѣній служили руководящимъ лозунгомъ политической и общественной дѣятельности. Французская Декларація должна была дѣйствовать не силой принужденія, а силой убѣжденія. Декларація не дала защиты, но была, сообразно условіямъ своего времени, конечно, самымъ смѣлымъ, искреннимъ и сильнымъ протестомъ противъ угнетенія, который дотолѣ знало человѣчество [1]). Крупнѣйшую методологическую ошибку, поэтому, совершаетъ тотъ, кто критикуетъ ее съ точки зрѣнія послѣдовательной соціалистической или анархистической программы. Декларація 89 г.—есть откровенный буржуазный актъ [2]). На долю народа (peuple), націи (toute la nation) досталось очень немного изъ блестящихъ завоеваній буржуазіи, но отсюда еще далеко до

---

[1]) Вотъ почему—по словамъ Эсмена—послѣдующія деклараціи „не оставили слѣда въ національномъ самосознаніи, между тѣмъ какъ Декларація 89 г. останется документомъ, уваженіе къ которому сохраняется неизмѣнно“. *Эсменъ* o. c. т. I. стр. 380. Еще въ засѣданіи 8 Августа 1791 года при обсужденіи окончательной редакціи Декларацiи, Туре, горячо ратовавшій за оставленіе ея безъ всякихъ измѣненій, говорилъ, между прочимъ: „Déclaration des droits... a, en quelque sorte acquis un caractère sacré et religieux. Elle est depuis deux ans devenue le symbole de tous les Français... elle a servi et sert à apprendre à lire aux enfants“. *А. Р.* т. XXIX. стр. 266—267.

[2]) Совершенно справедливо пишетъ Maxime Leroy: „Bentham, le jour où il à anathématisé les articles de la Déclaration des droits de l'homme de l'épithète *d'anarchiques*, combattait dans les rangs des monarchistes; il ne voyait pas que ces articles ne méritaient une pareille critique....., cette „anarchie“, c'était l'oeuvre spécifique du Tiers-Etat; c'était la démocratie, c'était déjà notre régime parlementaire..“ *Maxime Leroy*. La loi. Essai sur la théorie de l'autorité dans la démocratie. Paris. 1908. стр. 100. Въ еще болѣе общей формѣ ту же мысль выражаетъ А. Лихтенберже. „Если разсматривать Французскую революцію въ цѣломъ и въ ея принципахъ, то окажется, что она совершенно свободна отъ сознательныхъ соціалистическихъ стремленій.... Можно сказать, что революція вообще не обнаружила большого новаторства въ идейной области; она просто излагала менѣе удачнымъ стилемъ обычныя положенія философовъ XVIII вѣка и съ неодинаковой разсудительностью примѣняла принципы, уже изложенные въ ихъ сочиненіяхъ. Это особенно справедливо въ примѣненіи къ соціалистическимъ идеямъ... Онѣ не представляютъ почти ничего оригинальнаго. Относительно каждаго соціалиста или псевдо-соціалиста революціонной эпохи можно было бы указать того писателя XVIII вѣка, у котораго онъ заимствуетъ свои положенія“. *А. Лихтенберже*. Соціализмъ и французская революція. Пер. Ю. Стеклова. СПБ. 1907. стр. 225—227.

утвержденія, что народъ перемѣнилъ только хозяина. Есть разница въ положеніи раба, униженно просящаго милости у господина и принужденнаго довольствоваться его случайными подачками и гражданина, имѣющаго возможность, если не осуществлять при буржуазномъ режимѣ, фактически свои права, то, по крайней мѣрѣ, говорить о нихъ и протестовать во имя ихъ противъ насилій и произвола. Декларація 89-го года была освободительнымъ актомъ опредѣленной исторической эпохи и было бы наивнымъ осуждать или критиковать ее за то, что она не возгласила соціалистическихъ или анархистическихъ принциповъ, несмотря на ихъ очевидныя преимущества передъ конституціонными соблазнами буржуазіи [1]).

Послѣ общей оцѣнки Деклараціи, какъ освободительнаго акта, мы можемъ перейти къ непосредственно интересующему насъ вопросу: что же собственно сдѣлала Декларація для защиты личной свободы?

Защитники самой идеи Деклараціи видѣли въ ней могучее средство борьбы противъ злоупотребленій стараго режима — системы l. d. c., произвольныхъ арестовъ, ссылокъ, изгнаній и т. п. [2]). Поэтому, почти во всѣхъ ихъ проектахъ, внесенныхъ въ Учредительное Собраніе, есть всегда одинъ или нѣсколько параграфовъ, устанавливающихъ гарантіи личной неприкосновенности [3]).

---

[1]) Поэтому, мы не можемъ согласиться съ Ж. Сорелемъ, когда онъ пишетъ: „Въ теченіе долгаго времени наши отцы смотрѣли почти съ религіозной точки зрѣнія на Декларацію правъ человѣка, которая намъ теперь кажется не болѣе, какъ довольно пошлымъ сборникомъ формулъ, отвлеченныхъ, неясныхъ и не имѣющихъ большого практическаго значенія". *Ж. Сорелъ* Размышленія о насиліи стр. 126. И развѣ, съ точки зрѣнія самого Сореля, Декларація 89 г. не можетъ быть истолкована какъ „соціальный миѳъ", лозунгъ, въ свое время одушевлявшій массы?

[2]) См. напр.. *A. Aulard.* o. c. стр. 41.

[3]) Лафайетъ въ своемъ проектѣ выражается очень лаконично: „Tout homme naît avec des droits inaliénables et imprescriptibles; tels sont... le soin de son honneur et de sa vie.... la disposition entière de sa personne"... *A. P.* т. VIII. стр. 222. 20-го и 21-го Іюля 89 г. въ комитетѣ читали проектъ Сіейеса „Préliminaire de la constitution. Reconnaissance et exposition raisonnée des droits de l'homme et du citoyen", который гарантіямъ личной свободы удѣлилъ гораздо больше мѣста, чѣмъ Лафайетовскій проектъ. Въ отдѣлѣ „Garantie de la liberté" Сіейесъ говоритъ: личная свобода въ большомъ обществѣ можетъ быть угрожаема съ трехъ сторонъ: 1) со стороны дурныхъ гражданъ—

27-го Іюля 89 года графъ Станиславъ Клермонъ-Тоннерръ представилъ Собранію отъ имени «Конституціоннаго Комитета» докладъ

врага наименѣе опаснаго, такъ какъ для защиты отъ него достаточно обычной власти 2) со стороны органовъ управленія, уже гораздо болѣе опасныхъ и противъ злоупотребленій которыхъ можно искать защиты лишь въ хорошей конституціи 3) со стороны внѣшнихъ враговъ, для защиты отъ коихъ необходима армія. Послѣдняя ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть употреблена противъ согражданъ при внутреннихъ безпорядкахъ. Затѣмъ въ цѣломъ рядѣ параграфовъ Сіéесъ защищаетъ свободу передвиженія, требуетъ гарантій противъ произвольныхъ арестовъ въ формѣ привлеченія къ судебной отвѣтственности всѣхъ лицъ, давшихъ или исполнившихъ незаконный приказъ о задержаніи, говоритъ о письмовной тайнѣ, наконецъ, о правѣ каждаго гражданина отвѣчать на насиліе насиліемъ. См. art. 5, 7, 20—22. *А. Р.* т. VIII. стр. 256—261. Окончательный проектъ деклараціи Сіéеса „Déclaration des droits de l'homme en société" остался безъ существенныхъ измѣненій, несмотря на значительное увеличеніе числа параграфовъ. Въ первоначальномъ проектѣ ихъ было 32, въ окончательномъ—42. См. *А. Р.* т. VIII стр. 422—424. Въ его „Projet de constitution, soumis à l'Assemblée Nationale" § 9-ый титула I-го гласитъ, что каждый гражданинъ долженъ быть судимъ „своими" судьями, а § 13-й титула III-го требуетъ уничтоженія всѣхъ исключительныхъ судовъ. *А. Р.* т. VIII. стр. 424—427. Въ комитетскомъ проектѣ, читанномъ Мунье въ засѣданіи 27-го Іюля 89 г. только 2 параграфа представляютъ интересъ: 11 и 12 главы 2-ой (Въ 1-ой главѣ личной свободѣ посвящены §§ 4, 9, 17, 22). 11-й параграфъ гласилъ, что заключенія, изгнанія и другія формы преслѣдованія въ силу l. d. c. отнынѣ воспрещаются. Тѣ, кто будетъ выдавать, подстрекать къ выдачѣ или исполнять подобные приказы подлежатъ тюремному заключенію, тройному противъ того, которое они допустили, а также присуждаются къ возмѣщенію убытковъ. Параграфъ 12-ый предоставлялъ королю право въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ найдетъ это нужнымъ, не соблюдать вышеозначенныхъ правилъ, однако на срокъ, не превышающій сутокъ. Во всякомъ случаѣ, если судъ признавалъ заключеніе незаконнымъ, потерпѣвшій могъ преслѣдовать министра или другого представителя власти, получившаго отъ короля приказъ объ арестѣ. *А. Р.* т. VIII. стр. 285—287. Ср. также проекты: *Тарже.* art. 7, 21 *А. Р.* т. VIII. стр. 288—289; *Мунье.* art. 11 *А. Р.* т. VIII. стр. 289—290; *Сервана. А. Р.* т. VIII. стр. 306; „Analyse des idées principales sur la reconnaissance des droits de l'homme en société et sur les bases de la constitution"—*Тýре. А. Р.* т. VIII. стр. 325—331; *Гужъ Карту.* art. 11, 12, 44, 45. *А. Р.* т. VIII. стр. 427—431; *6-го бюро*, въ засѣданіи 19 Августа получившаго большинство голосовъ—art. 4, 14, *А. Р.* т. VIII. стр. 431—432; *комитета пяти* (Comité des cinq), которому было поручено резюмировать работу касательно декларацій. Этотъ проектъ былъ почти единогласно отвергнутъ въ засѣданіи 19 Августа. Art. 6, 7, 9. *А. Р.* т. VIII. стр. 438—440; „Articles proposés, pour entrer dans la déclaration des droits"—*Буаландри*, особ. art. 25 и 28. Согласно послѣднему параграфу, всякій заключенный въ тюрьму долженъ быть судимъ

съ изложеніемъ выводовъ, къ которымъ пришелъ комитетъ въ результатѣ изученія наказовъ [1]).

Всѣ наши довѣрители—говорилъ Клермонъ — согласны въ одномъ пунктѣ: всѣ хотятъ возрожденія государства. Но одни ждутъ его отъ простого устраненія нѣкоторыхъ злоупотребленій и желаютъ сохраненія основныхъ устоевъ строя, существующаго уже болѣе 14 вѣковъ... Другіе же требуютъ радикальныхъ перемѣнъ, новой «конституціи», не посягая, однако, на монархію, которая живетъ въ сердцѣ каждаго француза... Тѣ, которые высказываются за коренное общественное переустройство, непремѣнно требуютъ, чтобы конституція включала бы въ себя Декларацію Правъ человѣка.—«Весь французскій народъ (toute la nation francaise)—продолжалъ онъ—требуетъ обезпеченія основныхъ гражданскихъ правъ: личной свободы и собственности... Съ негодованіемъ протестуетъ онъ противъ l. d. c., противъ нарушенія письмовной тайны—«гнуснаго порожденія деспотизма»...

Въ докладѣ Клермонъ отмѣтилъ какъ требованія, которыя раздѣлялись болѣе или менѣе всѣми наказами такъ и тѣ относительно которыхъ не было достигнуто единогласія [2]). Къ числу первыхъ, между прочимъ, принадлежали:

5) Представители власти должны быть отвѣтственны.

11) Личная свобода каждаго должна быть священна.

Къ числу вторыхъ:

17) Должны ли l. d. c. быть уничтожены вовсе или только реформированы?

Таково было наслѣдіе наказовъ. Разумѣется, ни одно другое ихъ требованіе не могло встрѣтить такого сочувственнаго отклика въ Національномъ Собраніи, какъ требованіе гарантій личной свободы, отъ отсутствія которыхъ равно страдали всѣ.

Статьи деклараціи, посвященныя защитѣ личной свободы,—

въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, слѣдующихъ за его заключеніемъ. *А. Р.* т. VIII. стр. 478—470, и др.

[1]) *А. Р.* т. VIII. стр. 283—285.

[2]) „Principes avoués“ и „Questions sur lesquelles l'universalité des Cahiers ne s'est point expliquée d'une manière uniforme“.

VII-я, VIII-я и IX-я были вотированы единогласно въ засѣданіи 22-го августа [1]).

Онѣ гласятъ слѣдующее:

Подлинный текстъ.

Art. 2. Le but de toute association politique est la conservation des droits naturels et imprescriptibles de l'homme. Ces droits sont la liberté, la propriété, la sûreté, et la résistance à l'oppression.

Art. 7. Nul homme ne peut être accusé, arrêté, ni détenu que dans les cas déterminés par la loi et selon les formes qu'elle a prescrites. Ceux qui sollicitent, expédient, exécutent ou font exécuter des ordres arbitraires, doivent être punis: mais tout citoyen appelé ou saisi en vertu de la loi doit obéir à l'instant; il se rend coupable par la résistance.

Art. 8. La loi ne doit établir que des peines strictement et évidemment nécéssaires, et nul ne peut être puni qu'en vertu d'une loi établie et promulguée, antérieurement au délit, et légalement appliquée.

Art. 9. Tout homme étant présumé innocent jusqu'à ce qu'il ait été déclaré coupable, s'il est jugé indispensable de l'arrêter, toute rigueur qui ne serait pas nécessaire pour s'assurer de sa personne doit être sévèrement réprimée par la loi.

Переводъ [2]).

Ст. 2. Цѣль всякаго политическаго союза есть охрана естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Эти права суть свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію.

Ст. 7. Ни одинъ человѣкъ не можетъ быть подвергнутъ обвиненію, задержанію или заключенію, иначе какъ въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ и согласно предписаннымъ имъ формамъ. Кто испрашиваетъ, изготовляетъ, исполняетъ или заставляетъ исполнять произвольные приказы, подлежитъ наказанію; но всякій гражданинъ, вызываемый или задерживаемый въ силу закона, долженъ немедленно повиноваться: сопротивляясь, онъ совершаетъ преступленіе.

Ст. 8. Законъ долженъ устанавливать только строго и очевидно необходимыя наказанія. Никто не можетъ быть наказанъ иначе какъ въ силу закона, изданнаго и обнародованнаго до совершенія проступка и законнымъ образомъ примѣненнаго.

Ст. 9. Всякій человѣкъ предполагается невиннымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не объявленъ виновнымъ. Посему, если будетъ сочтено необходимымъ задержать его, всякая мѣра строгости, не являющаяся неизбѣжной для того, чтобы воспрепятствовать ему скрыться, должна быть сурово караема закономъ.

---

[1]) Деклараціи были посвящены засѣданія 20, 24 и 26 авг. Подписана Королемъ 5-го окт., обнародована—3-го ноября. 14-го мая 1901 г. въ засѣданіи Палаты Депутатовъ было единогласно постановлено повѣсить Декларацію во всѣхъ школахъ.

[2]) См. „Тексты конституцій". Сборникъ I-ый. Пер. Ѳ. Кокошкина М. 1905. стр. 27—29.

Творцы Декларацiи были чрезвычайно довольны результатами своей работы. Декларацiя возбуждала въ нихъ самыя восторженныя ожиданiя. «7-я, 8-я и 9-я статьи—писалъ Барерь—останутся навсегда палладiумомъ французской свободы» [1]). Дѣйствительность не оправдала этихъ ожиданiй. Ниже мы увидимъ, что, несмотря на Декларацiю 89 г., рядъ позднѣйшихъ декларацiй и другихъ законодательныхъ актовъ, личная свобода вплоть до самаго послѣдняго времени никогда не имѣла во Францiи прочной защиты. Что представляютъ изъ себя, въ самомъ дѣлѣ, три статьи Декларацiи, которыми Конституанта думала навсегда покончить съ злоупотребленiями стараго режима, обратившими личную свободу въ игрушку администрацiи? Ст. 7-ая грозитъ наказанiемъ всякому, кто бы отнынѣ испрашивалъ, изготовлялъ, исполнялъ или заставлялъ исполнить произвольные приказы. Ст. 8-ая гласитъ, что никто не можетъ быть наказанъ иначе какъ въ силу закона, предшествующаго по времени совершенному преступленiю. Эта же статья говоритъ о закономъ установленныхъ формахъ для примѣненiя наказанiя. Наконецъ, ст. 9-ая и послѣдняя отказывается отъ той презумпцiи виновности для каждаго обвиняемаго, которая была столь характерной и тяжкой особенностью процедуры стараго порядка. Поэтому, въ этой же статьѣ мы находимъ категорическое воспрещенiе всякихъ—не необходимыхъ мѣръ строгости при задержанiи кого бы то ни было.

Таковы принципы! Они—гуманны и справедливы. Но даетъ ли Декларацiя какую-либо юридическую защиту тѣмъ гарантiямъ, которыя она столь торжественно возвѣщаетъ? Нѣтъ! Все это — обѣщанiя, способныя вселить довѣрiе къ новому порядку, но безсильныя провести какiя-нибудь дѣйствительныя улучшенiя въ этой области. За сжатыми и ясными формулами Декларацiи нѣтъ реальной силы, которая была бы призвана осуществлять новыя правила и которая только одна и могла бы дать имъ практическую цѣнность. Было необходимо установить ту исковую охрану «естественныхъ правъ», о которой говорили еще и наказы, рекомендуя дать пострадавшимъ право иска и уголовнаго преслѣдованiя противъ лицъ, виновныхъ въ произвольномъ арестѣ или

---

[1]) См. *Blum.* o. c. стр. 202.

заключеніи [1]). И въ этомъ смыслѣ дѣятелямъ Конституанты не приходилось бы затѣвать что-либо новое. Къ ихъ услугамъ былъ готовый образецъ—Англіи и Америки, гдѣ право судебнаго обжалованія и иска являются, какъ показалъ обширный историческій опытъ, достаточно серьезной гарантіей въ рукахъ потерпѣвшихъ [2]). Особенно рѣзко бросается въ глаза разница между строго опредѣленнымъ англійскимъ закономъ и ст. 9-ой Французской Деклараціи. Статья 9-ая осуждаетъ всякую не нужную «rigueur», не оправдываемую обстоятельствами. Но Декларація не дѣлаетъ никакихъ попытокъ объяснить эластичный и туманный терминъ «rigueur», допускающій очевидно, широкія субъективныя толкованія. Наоборотъ, англійское законодательство разумѣетъ подъ этимъ понятіемъ совершенно конкретные опредѣленные факты, какъ вторженіе ночью въ жилище, отказъ въ замѣнѣ ареста поручительствомъ, чрезмѣрное требованіе залога или совершенное его недопущеніе и т. п. [3]).

То же самое видимъ мы и по вопросу объ отвѣтственности власти. Организація административной юстиціи является самымъ больнымъ мѣстомъ революціоннаго творчества.

---

[1]) Правильную оцѣнку гражданской свободы, какъ юридическаго института мы находимъ въ этюдѣ одного изъ русскихъ изслѣдователей: „Во-первыхъ, гражданская свобода, какъ *юридическій институтъ*, представляетъ собою средство не противъ ошибокъ законодателя, а противъ злоупотребленій судебной и административной власти. Во-вторыхъ, развитіе этого института зависитъ не столько отъ провозглашенія правъ свободы въ конституціяхъ, сколько отъ подробной регламентаціи карательной, полицейской и финансовой власти государства въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ законодательства. Въ-третьихъ, практическая обезпеченность права гражданской свободы обусловливается существованіемъ судовъ, которые могли бы разсматривать споры между гражданами и органами государственной власти о предѣлахъ полномочій, ввѣренныхъ послѣднимъ,—другими словами—широко организованной системой административной юстиціи“. *Ѳ. Кокошкинъ.* Гражданская свобода, какъ понятіе государственнаго права. Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. т. VIII. М. 1898. стр. 246.

[2]) *М. Ковалевскій.* о. с. т. II. стр. 67.

[3]) *М. Ковалевскій.* о. с. т. II. стр. 78 или „Юридич. Вѣстникъ“ 1889. № 8. стр. 462—463. Справедливаго критика нашла Декларація въ Банкалѣ, представившемъ въ 93-мъ году въ Жирондистскій комитетъ, занятый выработкой конституціи, обширный трактатъ: „Du nouvel ordre social“. Банкаль очень основательно критикуетъ декларацію за ея неточность и неполноту. См. *A. P.* т. LV. стр. 409—423.

Въ эпоху Стараго Порядка существовалъ цѣлый рядъ учрежденій, стоявшихъ на стражѣ законности: судебно-законодательныя учрежденія, какъ Парламентъ, отъ котораго уже въ XIII в. отдѣляется такъ-называемая «Счетная Палата» (Chambre des Comptes); судебно-административныя учрежденія, какъ возникающія съ половины XIV вѣка—cours des aides, «trésoriers» и «bureaux des finances», «tables de marbre» и «maîtrises» и мн. др. Одни изъ нихъ вѣдали налоговую юстицію, другіе—дѣла по доменамъ, третьи—дѣла по мѣстному управленію и т. д. [1]).

Дѣлопроизводство этихъ органовъ административной юстиціи можетъ быть характеризуемо тѣми же чертами, что и процедура другихъ судебныхъ и административныхъ учрежденій дореволюціонной Франціи: и здѣсь неимовѣрная волокита, сложность, тяжкіе поборы сообщали защитѣ частныхъ интересовъ полумиѳическій характеръ.

Революціонный порядокъ смелъ безъ остатка всѣ эти учрежденія смѣшаннаго характера. Въ основу новаго законодательства было положено начало раздѣленія властей. Процитируемъ соотвѣтствующія статьи Декларацій и Конституціи 1791 г.

Декларація [2]).

Art. 15. La société a le droit de demander compte à tout agent public de son administration.

Ст. 15. Общество имѣетъ право требовать у всякаго государственнаго агента отчета въ его управленіи.

Art. 16. Toute société dans laquelle la garantie des droits n'est pas assurée, ni la séparation des pouvoirs déterminée, n'a point de constitution.

Ст. 16. Всякое общество, въ которомъ не обезпечена гарантія правъ и не опредѣлено раздѣленіе властей, не имѣетъ конституціи.

---

[1]) См. *P. Dareste.* La justice administrative en France. 2 éd. Paris. 1898. *E. Lafferière.* Traité de la juridiction administrative et des recours contentieux. T. 1—2. Paris. 1887. *М. Ковалевскій.* Опыты по исторіи юрисдикціи налоговъ во Франціи съ XIV в. до смерти Людовика XIV. Т. I. вып. I. Москва. 1876. *Н. Куплевасскій.* Административная юстиція въ Западной Европѣ. Т. I. Адм. юстиція во Франціи. Харьковъ. 1879.

[2]) Перев. по вышецит. изд. „Тексты конституцій“ пер. Ѳ. Кокошкина.

Конституція 1791.

Titre III. Des pouvoirs publics.

Art. 3. Le Pouvoir législatif est délégué à une Assemblée Nationale composée de représentants temporaires, librement élus par le peuple, pour être exercé par elle, avec la sanction du Roi, de la manière qui sera déterminée ci-après.

Art. 4. Le gouvernement est monarchique: le Pouvoir exécutif est délégué au Roi, pour être exercé sous son autorité, par des ministres et autres agents responsables, de la manière qui sera déterminée ci-après.

Art. 5. Le Pouvoir judiciaire est délégué à des juges élus à temps par le peuple.

Титулъ III. О государственныхъ властяхъ.

Ст. 3. Законодательная власть ввѣряется національному собранію, состоящему изъ срочныхъ представителей, свободно избранныхъ народомъ, и осуществляется этимъ собраніемъ, съ утвержденіемъ короля, порядкомъ, который будетъ опредѣленъ ниже.

Ст. 4. Правительство имѣетъ монархическую форму: Исполнительная Власть ввѣряется королю и осуществляется подъ его начальствомъ министрами и другими отвѣтственными агентами порядкомъ, который будетъ опредѣленъ ниже.

Ст. 5. Судебная власть ввѣряется судьямъ, избраннымъ на срокъ народомъ.

Titre III. Chapitre II. Section IV.

Art. 5. Les ministres sont responsables de tous les délits par eux commis contre la sûreté nationale et la Constitution;—De tout attentat à la propriété et à la liberté individuelle;—De toute dissipation des deniers destinés aux dépenses de leur département.

Титулъ III. Глава II. Секція IV.

Ст. 5. Министры отвѣтственны за всѣ проступки, совершенные ими противъ національной безопасности и конституціи, за всякое посягательство на личную собственность и свободу, за всякую растрату денегъ, назначенныхъ на расходы по ихъ вѣдомству.

Titre III. Chapitre IV. Section II.

Art. 2. Les administrateurs n'ont aucun caractère de représentation.—Jls sont des agents élus à temps par le peuple, pour exercer, sous la surveillance et l'autorité du Roi, les fonctions administratives.

Art. 3. Ils ne peuvent, ni s'immiscer dans l'exercice du pouvoir législatif, ou suspendre l'exécution des lois, ni rien entreprendre sur l'ordre judiciaire, ni sur les dispositions ou opérations militaires.

Титулъ III. Глава IV. Секція II.

Ст. 2. Администраторы отнюдь не имѣютъ характера представителей.—Они суть агенты, избираемые на срокъ народомъ, для осуществленія административныхъ функцій, подъ надзоромъ и начальствомъ короля.

Ст. 3. Они не могутъ ни вмѣшиваться въ осуществленіе законодательной власти или пріостанавливать исполненіе законовъ, ни вторгаться въ судебное вѣдомство, ни въ область военныхъ распоряженій и дѣйствій.

Titre III. Chapitre V.

Art. 3. Les tribunaux ne peuvent ni s'immiscer dans l'exercice du pouvoir législatif, ou suspendre l'exécution des lois, ni entreprendre sur les fonctions administratives, ou citer devant eux les administrateurs pour raison de leurs fonctions.

Титулъ III. Глава V.

Ст. 3. Суды не могутъ ни вмѣшиваться въ осуществленіе законодательной власти или пріостанавливать исполненіе законовъ, ни вторгаться въ административныя функціи, или вызывать на разбирательство администраторовъ по поводу осуществленія ими ихъ функцій.

Такимъ образомъ, и Декларація и Конституція возгласили принципъ раздѣленія властей и признали начало отвѣтственности должностныхъ — административныхъ лицъ. Но теорія раздѣленія властей получила у французовъ чрезвычайно своеобразное истолкованіе; она была понята въ смыслѣ абсолютной независимости одной власти отъ другой. Отсюда администрація была объявлена свободной отъ чьего бы то ни было контроля надъ ея дѣятельностью и администраціи было предоставлено судить самоё себя.

Для организаціи административной юстиціи Конституанта могла избрать одну изъ слѣдующихъ системъ: или создать спеціальные административные трибуналы, или передать административную юстицію въ вѣдѣніе общихъ судовъ, или, наконецъ, отдать ее въ руки самой администраціи. За первую систему высказался конституціонный комитетъ. Противъ нея одинъ изъ депутатовъ Пезонъ говорилъ: «On vous propose l'établissement de 83 Cours des aides. C'est couvrir la France de juges, c'est accabler les peuples de frais et les tourmenter encore par des questions de compétence». Это соображеніе, живо напомнившее Собранію только-что пережитую эпоху, рѣшило участь проекта. Вторая система, хотя и имѣла за себя въ Собраніи краснорѣчивыхъ защитниковъ, имѣла еще меньше шансовъ на успѣхъ, такъ какъ судебное сословіе находилось, вообще на подозрѣніи у революціонно настроеннаго Собранія. «....En géneral— говорилъ Турэ въ засѣданіи 24-го Марта 1790 г.—l'esprit des grandes corporations judiciaires est un esprit ennemi de la régénération......, il faut que le cours de l'administration ne soit pas entravé par la justice...» [1]) Въ концѣ концовъ, была избрана третья система.

---

[1]) См., напр., *М. Ковалевскій.* о. с. т. II. стр. 73. Léon Cahen въ своей рецензіи на работу Seligman'а „La justice en France pendant la Révolution" справедливо замѣчаетъ: „Ce n'est pas seulement l'organisation des tri-

Дѣла по «contentieux administratifs» поступали въ директорію департамента. По закону 22-го сентября 89 г. административная организація департамента представлялась въ слѣдующемъ видѣ: во главѣ стоялъ «Conseil d'administration» изъ 36 членовъ, назначенныхъ на 4 года избирателями департамента. Рядомъ съ этимъ распорядительнымъ органомъ функціонировалъ органъ исполнительный—«directoire», который фактически и управлялъ департаментомъ. Директорія состояла изъ 8 членовъ, избранныхъ Совѣтомъ изъ своей среды. Именно эта директорія и должна была вѣдать отнынѣ административную юстицію. Директорія дистрикта состояла изъ 4-хъ лицъ.

Правда—замѣчаетъ Пуату въ превосходной работѣ о «Гражданской свободѣ»—согласно конституціи 91 г. все управленіе департаментомъ и дистриктомъ было выборное; черезъ каждые 4 года наступалъ избирательный контроль, что было извѣстнымъ коррективомъ... Но, все же самъ принципъ—недопустимъ; въ сущности, это—система Стараго Порядка, абсолютной монархіи. Мѣсто интендантовъ заняли директоріи. Лица перемѣнились, но принципъ остался тотъ же»[1]).

---

bunaux, la procédure, le code criminel, que combattent et critiquent les philosophes réformateurs; ils s'en prennent aux juges eux—mêmes; s'ils veulent établir un ordre de choses nouveau, ce n'est pas seulement à cause des dénis de justice qu'ils ont flétris, de martyre de Calas, et de la Barre; c'est encore que les magistrats sont entre eux étroitement solidaires, qu'ils sont animés d'un *esprit de corps* néfaste, et que par là ils constituent un véritable danger pour l'unité et la liberté nationales...“ *Léon Cahen.* Comptes Rendus. „Revue d'histoire moderne et contemporaine“. Tome IV. Paris. 1902—1903 стр. 289.

[1]) *Eug. Poitou.* La liberté civile et le pouvoir administratif en France. Paris. 1869. стр. 34—37, 142. Ср. также *М. Ковалевскій* о. с. т. II. стр. 491 и дал. Наконецъ, само Національное Собраніе было органомъ административной юстиціи. Оно разрѣшало конфликты между судомъ и администраціей, оно вѣдало всѣ дѣла по заявленіямъ о нарушеніи законовъ, оно занималось повѣркой государственныхъ счетовъ и т. п. Неудивительно, что Вивьенъ писалъ про систему, созданную Конституантой: „...Cette organisation, qui avait plutôt le caractère d'un expédient que d'une solution de principe, confondait ou l'action avec le jugement ou le pouvoir administratif avec le pouvoir législatif. Sous la Convention, la confusion de ces deux pouvoirs devient encore plus profonde. Les Comités de la Convention se saisirent, en même temps que de l'administration presque entière, du jugement du contentieux“. *M. Vivien.* Etudes administratives. 2 éd. Paris. 1852. т. I. стр. 153.

И все послѣдующее развитіе законодательства шло неизмѣнно по пути, начертанному Конституантой [1]).

Слѣдующія Собранія не внесли принципіально ничего новаго. Конституція Директоріи занялась только реорганизаціей установленныхъ властей, сохранивъ основной принципъ [2]).

Лаферрьеръ своеобразное преломленіе принциповъ Монтескье объясняетъ политическими задачами момента: «cette préoccupation constante de soustraire l'administration et les actes de ses agents à toute ingérence des corps judiciaires—пишетъ онъ—cette revendication de l'indépendance administrative, s'expliquent par la haute mission que l'Assemblée Constituante réservait aux corps administratifs, au Gouvernement, à elle-même dans l'oeuvre de la régéneration nationale. L'unité politique et administrative du royaume lui paraissait être le premier résultat à atteindre...» [3]).

---

[1]) Законъ 22-го Декабря 89 г. гласилъ, что „administrateurs de département et de district ne pourraient être troublés dans l'exercice de leurs fonctions administratives par aucun acte du pouvoir judical". (Секція 3, ст. 7). Законъ 16—24 Августа 1790 г., ярко отражая французское пониманіе теоріи раздѣленія властей, гласилъ: „Les fonctions judiciaires sont distinctes et demeureront toujours separées des fonctions administratives: les juges ne pourront à peine de forfaiture, de troubler, de quelque manière que ce soit, les opérations de corps administratif, ni de citer devant eux les administrateurs pour raison de leurs fonctions". (Титулъ 2 ст. 13). Законъ 7—14 Октября 1790: „Aucun administrateur ne peut être traduit devant les tribunaux pour raison de ses fonctions publiques, à moins qu'il n'y ait été renvoyé par l'autorité supérieure, conformément aux lois" (Высшей властью для муниципальныхъ чиновниковъ была департаментская администрація; для департаментской администраціи—законодательный корпусъ). Правильно писалъ вышецитированный Пуату: „...Революція только утвердила безотвѣтственность администраціи, какъ она сложилась при Старомъ Порядкѣ". *Poitou* o. c. стр. 103, 140—141.

[2]) „C'est ainsi—замѣчаетъ Дарестъ—que la justice administrative sortit transformée et agrandie, du renouvellement de 89. Son ressort était peutêtre moins étendu qu'autrefois, mais les limites en étaient mieux marquées. Elle avait surtout ce qui lui avait manqué jusque-là, une théorie..." *P. Dareste.* o. c. стр. 150—161. См. т. *René Jacquelin.* Les principes dominants du contentieux administratif. Paris. 1899, горячо осуждающаго революціонную систему (особ. стр. 177—178).

[3]) *E. Lafferière* o. c. т. I. стр. 151. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и другой изслѣдователь въ объясненіи революціонной организаціи административной юстиціи: „...Un gouvernement improvisé, mal assis, en lutte avec une partie de la nation, ne peut avoir qu'une préoccupation: celle de renforcer son autorité. N'ayant pas pour lui la vertu que le temps donne aux institutions,

Но какими бы историческими соображеніями ни мотивировалась подобная система административной юстиціи, мы не можемъ не признать ея уродливой, ибо она создаетъ полную безотвѣтственность исполнительной власти и оставляетъ безъ всякой защиты личныя права гражданъ [1]).

Мы увидимъ далѣе, насколько правъ былъ Жане, утверждавшій, что Декларація достаточно защищаетъ личную свободу, которая, если и страдала, то только развѣ въ эпохи политическихъ кризисовъ [2]).

Мы увидимъ, наоборотъ, что отсутствіе практическаго смысла въ этомъ первомъ законодательномъ памятникѣ, взявшемъ на себя задачу гарантировать личную свободу, оставило пагубные слѣды на всемъ послѣдующемъ законодательствѣ, которое и до настоящаго времени интересамъ личности предпочитаетъ интересы государства [3]). Совершенно правъ, поэтому, Пико, когда онъ говоритъ, что индивидуальныя права во Франціи всегда пользовались очень слабой защитой... Ни Декларація 89 г., ни послѣдующія конституціи даже и не пытались утвердить право личности на прочныхъ основаніяхъ. Личную свободу возглашали, вписывали въ конституцію, кодексы... но и только. «Les textes n'ont été qu'une apparence: derrière cette façade, le monument n'existait pas; c'était un mensonge officiel..» [4]).

---

il tente d'y remédier par une excessive centralisation". *P. E. Allard.* Etude des principes d'existence et d'organisation de la juridiction administrative. Paris 1903. стр. 29.

[1]) Въ засѣданіи 22-го Августа 89 г. Мирабо говорилъ: „...Tout subalterne est responsable, et vous ne serez jamais que des esclaves si depuis le premier vizir jusqu'au dernier sbire, la responsabilité n'est pas établie"... *А. Р.* т. VIII. стр. 471.

[2]) *P. Janet.* o. c. стр. XLIII и LVI.

[3]) Непонятными представляются слова Фагэ, когда онъ говоритъ: „On ne peut pas être plus liberal radical, plus liberal intransigeant que les Constituants et les Conventionnels sur ce point (liberté individuelle). Pour eux en matière de liberté individuelle, le droit de l'Etat n'existe pas". *Faguet* o. c. стр. 57—58. Фагэ правъ развѣ лишь постольку, поскольку и въ Деклараціи и въ преніяхъ во время ея обсужденія ни разу не упоминалось ни о какихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ когда соображенія государственнаго интереса властно пріостанавливаютъ гарантіи личной свободы.

[4]) *Georges Picot.* o. c. стр. 244. Никогда еще—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—нарушенія личной свободы не были причиной ни паденія какого либо изъ французскихъ правительствъ.., ни причиной народнаго ропота.

Такимъ образомъ, величайшій документъ свободы, который создала Конституанта, оставилъ личную свободу незащищенной. И Конституція 91 г. не исправила этого положенія.

Конституція, по мысли ея творцовъ, должна была быть развитіемъ принциповъ, изложенныхъ въ Декларацін. «Чтобы Конституція была хороша—говорилъ Мунье, представляя первый докладъ отъ имени конституціоннаго комитета въ засѣданіи 9-го іюля 1789 г.—необходимо, чтобы въ ея основѣ лежали права личности; необходимо, слѣдовательно, установить принципы, составляющіе базу всякаго общежитія, чтобы каждая статья конституціи непосредственно вытекала изъ этихъ принциповъ... Однимъ словомъ, комитетъ высказался за предвареніе Конституціи Декларацiей Правъ людей...» [1]).

Разумѣется, въ порывѣ творческаго энтузіазма будущіе авторы конституціи не только представляли грандіозность предстоявшей имъ задачи, но нерѣдко и преувеличивали ея значеніе. «...Вы призвали насъ—говорилъ, напримѣръ, 27-го іюля отъ имени комитета архіепископъ Бордосскій—Шампіонъ де Сиссе́—положить первые камни въ основаніе того зданія, которое Вы водружаете свободѣ. Слѣдовательно, мы отвѣчаемъ передъ Вами—представителями великаго государства, предъ всей Европой, ожидающей отъ насъ образца, достойнаго подражанія, передъ потомствомъ, которое скоро потребуетъ отчета въ нашихъ работахъ...» [2]).

Наряду съ этимъ, быть можетъ, преувеличеннымъ сознаніемъ своей отвѣтственности творцы конституціи превосходно понимали и тѣ практическія нужды, которымъ они были призваны удовлетворить. Въ засѣданіи 8-го августа 91-го года, когда устанавливалась окончательная редакція конституціи, передъ обсужденіемъ перваго титула о «Dispositions fondamentales garanties par la Constitution», Бюзо произнесъ замѣчательную рѣчь [3]), въ которой обращалъ вниманіе Конституанты на недостаточность предположенныхъ ею гарантій личной свободы. «... Чтобы обезпечить гражданскія и естественныя права—говорилъ онъ—въ конституцію была внесена статья изъ нашего Уголовнаго Кодекса. Но ея одной недостаточно.

---

[1]) *А. Р.* т. VIII. стр. 214—216.
[2]) *А. Р.* т. VIII. стр. 280—283.
[3]) *А. Р.* т. XXIX. стр. 271—272.

Сравнивая отдѣльныя статьи нашей конституціи съ англійской, я пришелъ къ заключенію, что, обѣщая защиту гражданскихъ и естественныхъ правъ—вы, на самомъ дѣлѣ, ея не даете.. Вы предоставляете каждому изъ насъ пользоваться политическими правами безъ достаточныхъ гарантій противъ нарушеній ихъ со стороны самой законодательной власти. Поэтому, слѣдуетъ здѣсь же помѣстить если не всѣ статьи, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе важныя изъ вашего законопроекта о полиціи безопасности..... Необходимо внести въ конституцію спеціальныя статьи объ отвѣтственности всѣхъ, кто вздумаетъ покуситься на чью-либо свободу..., иначе она не будетъ имѣть достаточной защиты противъ посягновеній на нее со стороны законодательной или исполнительной власти.... Въ вашемъ законѣ о безопасности вы гарантируете, по примѣру англичанъ и американцевъ, личную свободу, освобождая отъ предварительнаго заключенія подъ условіемъ внесенія залога или поручительства...., но ваша конституція не гарантируетъ ничего....» Въ заключеніе Бюзо требуетъ внесенія въ конституцію соотвѣтствующихъ статей. Бюзо былъ поддержанъ Буттевиллемъ-Дюмецомъ, который находилъ, что—недостаточно только заявить, что конституція гарантируетъ личную свободу...., необходимо также опредѣленно установить тѣ наказанія, которыя будутъ примѣняться со всей строгостью ко всѣмъ, кто бы позволилъ въ какой бы то ни было формѣ покуситься на свободу другого [1]).

Взглянемъ теперь на тѣ статьи конституціи, которыя имѣли своей задачей защиту личной свободы:

Текстъ конституціи.	Переводъ [2]).
Titre I. Dispositions fondamentales garanties par la constitution.	**Титулъ I. Основныя положенія, гарантированныя Конституціей.**
....	....
....	....
La Constitution garantit pareillement, comme droits naturels et civils: La liberté à tout homme d'aller, de re-	Конституція гарантируетъ равнымъ образомъ, какъ естественныя и гражданскія права: Свободу всякому человѣку

[1]) *А. Р.* т. XXIX. стр. 273.

[2]) См. *„Тексты конституцій“*. Сборн. первый. Пер. Ѳ. Кокошкина. Москва 1905.

ster, de partir, sans pouvoir être arrêté, ni détenu, que selon les formes, déterminées par la Constitution......

итти куда угодно, оставаться въ любомъ мѣстѣ и оставлять его, не опасаясь быть задержаннымъ или арестованнымъ, иначе какъ согласно формамъ, опредѣленнымъ Конституціей....

Titre III. Chapitre II. Section IV.

Art 5. Les ministres sont responsables.... de tout attentat à la propriété et à la liberté individuelle.....

Титулъ III. Глава II. Секція IV.

Ст 5. Министры отвѣтственны ... за всякое посягательство на личную собственность и свободу......

Chapitre V. Du pouvoir judiciaire.

Art 4. Les citoyens ne peuvent être distraits des juges que la loi leur assigne, par aucune commission, ni par d'autres attributions et évocations que celles qui sont déterminées par les lois.

Art 9. En matière criminelle, nul citoyen ne peut être jugé que sur une accusation reçue par des jurés, ou décrétée par le Corps législatif, dans les cas où il lui appartient de poursuivre l'accusation................

Art 10. Nul homme ne peut être saisi que pour être conduit devant l'officier de police; et nul ne peut être mis en état d'arrestation ou détenu, qu'en vertu d'un mandat des officiers de police, d'une ordonnance de prise de corps d'un tribunal, d'un décret d'accusation du Corps législatif [1]) dans le cas où il lui appartient de le prononcer, ou d'un jugement de condamnation à prison ou détention correctionnelle.

Глава V. О судебной власти.

Ст. 4. Граждане не могутъ быть изъяты изъ подсудности судьямъ, которыхъ имъ назначаетъ законъ, никакими препоручительными указами, ни иными распоряженіями о передачѣ или вытребованіи дѣла, кромѣ опредѣленныхъ законами.

Ст. 9. Въ уголовномъ порядкѣ ни одинъ гражданинъ не можетъ быть судимъ иначе, какъ на основаніи обвиненія, принятаго присяжными или постановленнаго Законод. Корпусомъ въ случаяхъ, когда возбужденіе обвиненія предоставляется ему..............

Ст. 10. Всякій арестованный человѣкъ долженъ быть препровождаемъ къ полицейскому чиновнику. Никто не можетъ быть подвергнутъ задержанію или заключенію иначе, какъ въ силу полномочія полицейскихъ чиновниковъ, предписанія суда о взятіи подъ стражу, обвинительнаго постановленія Законодательнаго Корпуса въ случаяхъ, когда ему предоставлено издавать таковое, или въ силу судебнаго приговора, присуждающаго къ тюремному заключенію или къ исправительному аресту.

---

[1]) Въ первоначальномъ проектѣ словъ „d'un décret d'accusation du C. législ." не было.

Art 11. Tout homme saisi et conduit devant l'officier de police, sera examiné sur-le-champ, ou au plus tard dans les vingt-quatre heures [1].— S'il résulte de l'examen qu'il n'y a aucun sujet d'inculpation contre lui, il sera remis aussitôt en liberté; ou s'il y a lieu de l'envoyer à la maison d'arrêt, il y sera conduit dans le plus bref délai, qui en aucun cas ne pourra excéder trois jours.

Ст. 11. По дѣлу всякаго человѣка, арестованнаго и препровожденнаго къ полицейскому чиновнику, производится дознаніе немедленно или, самое позднее, въ 24 часа. Если изъ дознанія оказывается, что противъ него нѣтъ никакихъ поводовъ къ обвиненію, онъ тотчасъ освобождается; если же представляется надобность отправить его въ арестный домъ, онъ препровождается туда въ самый короткій срокъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать трехъ дней.

Art 12. Nul homme arrêté ne peut être retenu s'il donne caution suffisante, dans tous les cas où la loi permet de rester libre sous cautionnement.

Ст. 12. Никакой арестованный человѣкъ не можетъ быть удерживаемъ въ заключеніи, если онъ представитъ достаточное обезпеченіе, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда законъ дозволяетъ оставаться на свободѣ подъ условіемъ обезпеченія.

Art 13. Nul homme dans le cas où sa détention est autorisée par la loi, ne peut être conduit et détenu que dans les lieux légalement et publiquement désignés pour servir de maison d'arrêt, de maison de justice ou de prison.

Ст. 13. Всякій человѣкъ, подвергаемый заключенію на основаніи закона, можетъ быть препровождаемъ и заключаемъ только въ такое мѣсто, которое законно и оффиціально назначено для того, чтобы служить арестнымъ домомъ, судебнымъ помѣщеніемъ или тюрьмой.

Art 14. Nul gardien ou geôlier ne peut recevoir ni retenir aucun homme qu'en vertu d'un mandat ou ordonnance de prise de corps, décret d'accusation, ou jugement mentionnés dans l'art 10 ci-dessus, et sans que la transcription en ait été faite sur son registre.

Ст. 14. Никакой стражъ или тюремщикъ не можетъ ни принимать, ни удерживать въ заключеніи когонибо иначе, какъ въ силу вышеупомянутыхъ въ ст. 10: полномочія или предписанія о взятіи подъ стражу, обвинительнаго постановленія или судебнаго приговора, при чемъ копіи этихъ актовъ должны быть заносимы въ его книгу.

Art 15. Tout gardien ou geôlier est tenu, sans qu'aucun ordre puisse l'en dispenser, de représenter la per-

Ст. 15. Всякій стражъ или тюремщикъ обязанъ—и никакой приказъ не можетъ освободить его отъ этой

[1] Во время обсужденія этой статьи, напр., въ засѣданіи 22 Авг. 1791 г., нѣкоторые предлагали вмѣсто 24 ч.—ввести въ законъ терминъ „incessament". Докладчикъ Туре видѣлъ неудобство этого термина въ неизбѣжности частаго нарушенія закона, а слѣдовательно, необходимости многочисленныхъ оговорокъ.

sonne du détenu à l'officier civil ayant la police de la maison de détention, toutes les fois qu'il en sera requis par lui. — La représentation de la personne du détenu ne pourra de même être refusée à ses parents et amis, porteurs de l'ordre de l'officier civil, qui sera toujours tenu de l'accorder à moins que le gardien ou geôlier ne représente une ordonnance du juge, transcrite sur son registre, pour tenir l'arrêté au secret.

обязанности—представлять заключеннаго гражданскому чиновнику, надзирающему за домомъ заключенія, по всякому требованію послѣдняго. Въ свиданіи съ заключеннымъ, равнымъ образомъ, не можетъ быть отказано его родственникамъ и друзьямъ, если они предъявятъ приказъ гражданскаго чиновника (всегда обязаннаго выдать таковой), за исключеніемъ только случая, когда стражъ или тюремщикъ предъявитъ занесенную въ его книгу копію приказа судьи о недопущеніи свиданій съ заключеннымъ.

Art 16. Tout homme, quelle que soit sa place ou son emploi, autre que ceux à qui la loi donne le droit d'arrestation, qui donnera, signera, exécutera ou fera exécuter l'ordre d'arrêter un citoyen, ou quiconque, même dans les cas d'arrestation autorisée par la loi, conduira, recevra ou retiendra un citoyen dans un lieu de détention non publiquement et légalement désigné, et tout gardien ou geôlier qui contreviendra aux dispositions des articles 14 et 15 ci-dessus, seront coupables du crime de détention arbitraire.

Ст. 16. Всякій человѣкъ, каково бы ни было его мѣсто и должность, кромѣ лицъ, имѣющихъ право ареста по закону, который выдастъ, исполнитъ или прикажетъ исполнить предписаніе о задержаніи гражданина или кого-бы то ни было, даже въ случаяхъ, когда задержаніе разрѣшается закономъ,—который приметъ или будетъ удерживать гражданина въ мѣстѣ заключенія, законно и оффиціально для того не предназначенномъ, и всякій стражъ или тюремщикъ, который нарушитъ постановленія предшествующихъ 14 и 15 статей, виновны въ преступленіи самоуправнаго лишенія свободы.

Titre IV. (De la force publique).

Титулъ IV. (О государственной вооруженной силѣ).

Art 8. Aucun corps ou détachement de troupes de ligne ne peut agir dans l'intérieur du royaume sans une réquisition légale.

Art 9. Aucun agent de le force publique ne peut entrer dans la maison d'un citoyen, si ce n'est pour l'exécution des mandements de police et de justice, ou dans les cas formellement prévus par la loi.

Ст. 8. Никакая часть или отрядъ общихъ войскъ не можетъ дѣйствовать внутри королевства безъ законнаго призыва.

Ст. 9. Никакой агентъ государственной вооруженной силы не можетъ войти въ домъ гражданина, иначе какъ для исполненія полицейскихъ и судебныхъ предписаній или въ случаяхъ, въ точности предусмотрѣнныхъ закономъ.

Art 10. La réquisition de la force publique dans l'intérieur du royaume appartient aux officiers civils, suivant les règles déterminées par le pouvoir législatif.

Ст. 10. Призывъ вооруженной силы внутри королевства предоставляется гражданскимъ должностнымъ лицамъ, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ Законодательной Властью.

Art 11. Si les troubles agitent tout un département, le Roi donnera, sous la responsabilité de ses ministres, les ordres nécessaires pour l'exécution des lois et le rétablissement de l'ordre, mais à la charge d'en informer le Corps législatif, s'il est assemblé, et de le convoquer s'il est en vacance.

Ст. 11. Если цѣлый департаментъ охваченъ волненіями, Король даетъ, подъ отвѣтственностью его министровъ, приказанія, необходимыя для исполненія законовъ и возстановленія порядка, но обязанъ увѣдомить о томъ Законодательный Корпусъ, если онъ въ сборѣ, а въ противномъ случаѣ созвать его.

Наконецъ, специальныя постановленія, касающіяся депутатовъ Законодательнаго Собранія.

Titre III. Chap. I. Sect. V.

Art 7. Les représentants de la Nation sont inviolables: ils ne pourront être recherchés, accusés ni jugés en aucun temps pour ce qu'ils auront dit, écrit ou fait dans l'exercice de leurs fonctions de représentants.

Art 8. Ils pourront, pour faits criminels, être saisis en flagrant délit, ou en vertu d'un mandat d'arrêt; mais il en sera donné avis, sans délai, au Corps législatif; et la poursuite ne pourra être continuée qu'après que le Corps législatif aura décidé qu'il y a lieu à accusation [1].

Титулъ III. Глава I. Секція V.

Ст. 7. Представители Народа неприкосновенны; они не могутъ быть подвергаемы ни въ какое время слѣдствію, обвиненію или суду за что-либо сказанное, написанное или сдѣланное ими при отправленіи ихъ функцій, какъ представителей.

Ст. 8. Они могутъ быть арестуемы за уголовныя дѣянія на мѣстѣ преступленія или въ силу приказа о задержаніи; но объ этомъ немедленно доводится до свѣдѣнія Законодательнаго Корпуса, и преслѣдованію можетъ быть данъ дальнѣйшій ходъ лишь послѣ того, какъ Законодательный Корпусъ рѣшитъ, что есть основанія къ возбужденію обвиненія.

---

[1]) Въ различныхъ проектахъ Конституціи, составленныхъ отдѣльными лицами, нѣтъ ничего оригинальнаго, чего бы не было въ самой Конституціи 91 г. Въ „*Charte contenant la constitution française dans ses objets fondamentaux*“ депутатъ, бывшій парламентскій адвокатъ Сегье, требуетъ полнаго уничтоженія l. d. c., l. closes, министерскихъ приказовъ, государственныхъ тюремъ (§ 37), свободы передвиженій (§ 15), сохраненія письмовной тайны (§ 38). *A. P.* т. VIII стр. 400—403. Въ „*Idées sur les bases de toute*

Всѣ вышеприведенныя статьи представляютъ достаточно полный сводъ гарантій личной свободы.

Ст. 4-я главы 5-ой ставила крестъ на тѣ многочисленныя изъятія изъ общей подсудности, которыми злоупотреблялъ старый судебный порядокъ. Ст. 9-я устанавливаетъ чрезвычайно важную гарантію, требуя рѣшенія присяжныхъ или Законодательнаго Корпуса для преслѣдованія кого-либо въ уголовномъ порядкѣ [1]). Не менѣе важныя гарантіи находимъ мы въ статьяхъ съ 10-ой по 15-ую. Онѣ подробно регулируютъ случаи и формы задержанія и заключенія. Въ интересахъ скорѣйшаго освобожденія задержаннаго неправильно или безъ достаточныхъ основаній устанавливается строго опредѣленный срокъ для дознанія. Статья 12-я устанавливаетъ также право для каждаго арестованнаго получить немедленное освобожденіе при условіи представленія залога въ закономъ предусмотрѣнныхъ случаяхъ. Усмотрѣнію судьи, такимъ образомъ, согласно новому закону, былъ положенъ предѣлъ. Наконецъ, конституція точно указываетъ мѣста для заключенія и обязанности стражей и тюремщиковъ [2]). Титулъ IV-й регулируетъ дѣйствія военной силы, ст. 11-я предусматриваетъ чрезвычайныя обстоятельства, при чемъ, подобно большинству современныхъ законодательствъ, король или исполнительная власть получаетъ право прибѣгнуть къ чрезвычай-

---

constitution", такъ же какъ и въ „*Principes de toute constitution soumis à l'Assemblée Nationale*" —Рабо С. Этьенна мы находимъ лишь общія мѣста. *А. Р.* т. VIII стр. 403—406, 406 - 407. Въ „*Considérations sur les gouvernements et principalement sur celui qui convient à la France.*" Мунье обстоятельно разсуждаетъ о границахъ разумной свободы, организаціи закономѣрной власти, деспотизмѣ абсолютнаго монарха и народныхъ массъ, но совсѣмъ не касается вопроса о дѣйствительныхъ гарантіяхъ личной свободы. *А. Р.* т. VIII. стр. 407—422. Ничего нѣтъ и въ „*Projet de constitution soumis à l'Assemblée Nationale*" Сійеса, о которомъ мы говорили выше.

[1]) Постановленіе Законод. Корпуса было необходимо для уголовнаго преслѣдованія министра. *Тит. III. Глава II. Секція IV. Ст. 8.* „Никакой министръ, состоящій въ должности или въ отставкѣ, не можетъ подвергнуться уголовному преслѣдованію по поводу своего управленія безъ постановленія Законодательнаго Корпуса".

[2]) Въ конституцію вошли въ общихъ чертахъ всѣ важнѣйшія пріобрѣтенія новаго уголовнаго законодательства. Для насъ было важно отмѣтить сейчасъ именно эти общіе принципы, ниже мы займемся болѣе детальнымъ разборомъ судебной реформы.

нымъ средствамъ для возстановленія порядка лишь подъ условіемъ немедленнаго извѣщенія Законодательнаго Корпуса.

Но въ то же время новое законодательство страдало и существенными пробѣлами. Такъ, ст. 10-я трактуетъ о «задержаніи или заключеніи ... въ силу полномочія полицейскихъ чиновниковъ», но ни въ этой, ни въ послѣдующихъ статьяхъ нѣтъ указаній на то, въ какихъ именно случаяхъ полицейскій чиновникъ располагаетъ подобными полномочіями. Ст. 11-я поручаетъ полицейскому же чиновнику произвести дознаніе «по дѣлу всякаго арестованнаго человѣка», при чемъ чиновникъ можетъ или освободить послѣдняго, или отправить въ арестный домъ. Ни слова при этомъ не говорится о необходимости доставленія задержаннаго безъ письменнаго постановленія о томъ судьи къ судебной власти. Такимъ-образомъ, полицейскій чиновникъ оказался надѣленнымъ громадной властью, въ извѣстныхъ отношеніяхъ равносильной власти судебнаго органа. Ст. 15-я весьма неопредѣленно говоритъ о крайне важной функціи надзора за тюрьмами и арестными помѣщеніями. Мы не находимъ вовсе въ новомъ законодательномъ актѣ статей, трактующихъ о неприкосновенности жилища, объ осмотрахъ и обыскахъ, почтовой тайнѣ. Накопецъ, конституція совершенно не упоминаетъ о порядкѣ возбужденія жалобъ по поводу нарушеній какъ должностными, такъ и частными лицами гарантій личной свободы, установленныхъ закономъ [1]).

---

[1]) Декларація и Конституція пользуются цѣлымъ рядомъ терминовъ для обозначенія различныхъ видовъ полицейскаго принужденія: „arreté, détenu, saisi". Правильный анализъ этихъ понятій данъ *проф. Тарасовымъ* въ его изслѣдованіи „Личное задержаніе какъ полицейская мѣра безопасности". Кіевъ. 1875. ч. I стр. 167—168. Терминъ „saisi"—онъ понимаетъ какъ полицейскій арестъ, „arreté"—предупредительный и „détenu" какъ предварительный судебный арестъ. Кстати, нельзя не отмѣтить неправильнаго замѣчанія В. М. Гессена, что „изъ русскихъ полицеистовъ только проф. В. В. Ивановскій останавливается на разсмотрѣніи отдѣльныхъ видовъ полицейскаго принужденія, хотя достаточно полнаго анализа этихъ видовъ и онъ не даетъ". См. *В. М. Гессенъ.* Исключительное положеніе. СПБ. 1908. стр. 4 пр. 1. Этотъ вопросъ разсматривался проф. Тарасовымъ не только въ его „Учебникѣ" и „Очеркѣ науки полицейскаго права", но и въ только что упомянутомъ спеціальномъ изслѣдованіи. Замѣчаніе В. М. Гессена тѣмъ болѣе странно, что и проф. Ивановскій самъ цитируетъ это изслѣдованіе. См. *Проф. В. В. Ивановскій* Учебникъ административнаго права. Казань. 1904 стр. 184. Ср. т. *И. И. Люблинскій.* Свобода личности въ уголовномъ процессѣ. СПБ. 1906. стр. 253, 680—681 и др.

Перейдемъ къ ознакомленію съ судебной реформой.

Въ коренной реорганизаціи судебной власти Конституанта видѣла одну изъ главныхъ и насущнѣйшихъ своихъ задачъ. И въ этой области ея дѣятельность поражаетъ неутомимостью и разносторонностью. За два съ небольшимъ года она переформировала весь старый судебный строй, не оставивъ камня на камнѣ отъ прежней организаціи.

На первую очередь была поставлена реформа уголовной процедуры. Первый законопроектъ былъ внесенъ отъ имени конституціоннаго комитета Бергассомъ еще 17-го Августа. Изготовленный въ нѣсколько дней, онъ представлялъ изъ себя добросовѣстную сводку изъ пожеланій наказовъ въ соотвѣтствующей области и намѣчалъ въ общихъ чертахъ основные принципы будущаго судоустройства. Дальнѣйшаго движенія законопроектъ не получилъ, такъ какъ до судебной реформы предстояло совершить еще нѣкоторыя необходимыя предварительныя работы, вродѣ раздѣленія территоріи и т. п. 29-го сентября былъ внесенъ новый проектъ, который и послужилъ матеріаломъ для перваго декрета Собранія въ области судебной реформы. Это—декретъ 8—9 октября [1]).

«Національное Собраніе—гласило введеніе къ декрету—полагаетъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ правъ человѣка, подвергающагося уголовному преслѣдованію является пользованіе свободой въ той мѣрѣ, въ какой это согласимо съ интересами общества»..

Этими вступительными словами опредѣляется духъ всего декрета. Сознавая нецѣлесообразность быстрой ломки вѣками сложившихся учрежденій, Конституанта высказывается за необходимость солидной подготовки къ судебной реформѣ. Тѣмъ не менѣе, Собраніе думаетъ, что и не ломая сразу всего существующаго уже можно сейчасъ внести нѣкоторыя улучшенія въ дѣйствующій порядокъ. Эти улучшенія должны заключаться въ слѣдующемъ: a) приказы—«d'ajournement personnel» (о личной явкѣ) и «prise de corps» (о взятіи подъ стражу) не могутъ быть выдаваемы однимъ судьей, какъ прежде, а должны быть подписаны, по крайней мѣрѣ, тремя судьями. b) приказъ о взятіи подъ стражу не можетъ быть данъ противъ лица, имѣющаго постоянное мѣсто жительства, за исключеніемъ тѣхъ

---

[1]) *А. P.* т. IX. стр. 387.

случаевъ, когда по характеру обвиненія и уликъ обвиняемый могъ подлежать тѣлесному наказанію. c) полицейское личное задержаніе можетъ имѣть мѣсто въслучаяхъ «flagrant délit» или сопротивленія предписанію судебной власти (ст. 9.) d) всякое лицо, задержанное въ силу приказа «prise de corps», независимо отъ рода преступленія, содѣяннаго имъ, имѣетъ право избрать себѣ одного или нѣсколькихъ защитниковъ, съ коими можетъ имѣть совѣщанія по своему дѣлу въ любое время. Входъ въ тюрьму для защиты долженъ быть открытъ всегда. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый не можетъ самъ заручиться защитой, судья долженъ озаботиться прііисканіемъ ему соотвѣтствующаго защитника, въ противномъ случаѣ вся процедура можетъ быть признана ничтожной. e) Съ того момента, какъ обвиняемый подвергается заключенію или появляется передъ судьей въ силу приказовъ «d'assigné pour être ouï» или «d'ajournement personnel» всѣ слѣдственные акты должны производиться въ его присутствіи и гласно (ст. 11.). Каждый обвиняемый, подвергнутый заключенію, въ теченіе сутокъ долженъ быть препровожденъ къ судьѣ, который обязанъ огласить ему содержаніе жалобы, сообщить имя истца, предъявить протоколы и слѣдственные акты, имѣющіеся при дѣлѣ (ст. 12). g) Допросъ можетъ быть назначенъ не ранѣе, какъ на слѣдующій день по задержаніи. h) Приведеніе къ присягѣ обвиняемаго должно быть отмѣнено.

Таковы—важнѣйшія гарантіи, которыя мы находимъ въ новомъ декретѣ.

Декретъ этотъ произвелъ цѣлый переворотъ въ судебной организаціи. Онъ покончилъ разъ навсегда съ инквизиціонной процедурой. Тайное и письменное судопроизводство уступило мѣсто устному и публичному [1]). На всѣхъ ступеняхъ судебнаго про-

---

[1]) Только процедура до выдачи приказа продолжала быть секретной, но и здѣсь съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ гарантій, именно: въ этой процедурѣ, согласно ст. 6-ой декрета („Linformation qui précédera le décret, continuera d'être faite secrétement, mais en présence de deux adjoints qui seront également appelés par le juge, et qui assisteront à l'audition des témoins), должны были участвовать особые „adjoints". Послѣдніе избирались изъ гражданъ „добрыхъ нравовъ и общепризнанной честности". Они должны были быть въ возрастѣ не менѣе 25 лѣтъ, грамотные. Въ коммунѣ они приносили присягу, что будутъ честно исполнять свои обязанности и строго хранить тайну всѣхъ актовъ процедуры. Они, какъ замѣчаетъ Эсменъ, должны были пред-

цесса была допущена адвокатская защита [1]). Инквизиціонные пріемы, вродѣ допросовъ «съ пристрастьемъ», обращавшіе судъ въ своеобразную и неравную охоту исчезаютъ [2]). Наконецъ, судья отнынѣ утратилъ тѣ неограниченныя полномочія, которыя ему предоставлялъ Ордоннансъ 1670 г. Для выдачи двухъ наиболѣе важныхъ видовъ приказовъ требовалось теперь уже рѣшеніе судейской коллегіи и это было важной гарантіей. Въ вопросахъ, касавшихся слѣдствія и допроса обвиняемаго, этотъ декретъ вообще былъ либеральнѣе всего послѣдующаго законодательства. Онъ былъ достойнымъ отвѣтомъ на вопли наказовъ [3]).

Второй законъ Конституанты, регулирующій правосудіе, появился въ слѣдующемъ году. Это — законъ 16 — 24 Августа 1790 г. [4]). Онъ внесъ цѣлый рядъ новыхъ радикальныхъ измѣненій въ судебную процедуру.

Упразднены были продажность и наслѣдственность судейскихъ должностей; правосудіе было объявлено безплатнымъ.

Новый законъ санкціонировалъ начало раздѣленія властей. Отнынѣ суды не могли уже вмѣшиваться на подобіе старыхъ парламентовъ въ законодательную дѣятельность. За ними осталась лишь безмолвная обязанность регистраціи. Но, съ другой стороны,

---

ставлять родъ своеобразной „защиты". Ст. 11-я, напр., гласила: „Aussitôt que l'accusé sera constitué prisonnier ou se sera présenté sur le décret d'assigné pour être ouï, ou d'ajournement personnel, tous les actes de l'instruction seront faits contradictoirement avec lui, publiquement, et les portes de la chambre d'instruction étant ouvertes: dès ce moment *l'assistance des adjoints cessera*". Ср. *A. Esmein.* Histoire de la procédure criminelle en France etc. стр. 411. Зелигманъ видитъ въ этихъ „notables - adjoints" зарожденіе института присяжныхъ (jury criminel). *Seligman.* o. c. стр. 203.

[1]) Правамъ защиты особенно посвящены ст. 14, 15, 17, 19, 20, 21.

[2]) „Sellette" и „Question" были уничтожены вовсе (ст. 24). Смертный приговоръ могъ быть вынесенъ только большинствомъ четырехъ пятыхъ голосовъ судей последней инстанціи (ст. 25).

[3]) Эсменъ находитъ его „harmonieusement combiné". „C'est qu'en réalité—добавляетъ онъ—elle était prête depuis longtemps"... *A. Esmein.* o. c. стр. 415.

[4]) Собраніе *Duvergier.* т. I. стр. 361—372. Обсужденіе его началось 24-го Марта 90 г. Анализъ отдѣльныхъ проектовъ, представленныхъ Собранію (Туре, Дюпора, Сійеса) см. у *Seligman.* o, c. гл. VI. Проекты Туре—конституціоннаго комитета отъ 22 Дек. и 5 Іюля перепечатаны въ *A. P.* т. X. стр. 725 и дал., проектъ Сійеса—*A. P.* т. XII. стр. 249—258.

законъ призналъ администрацію не подлежащей отвѣтственности въ общихъ судахъ. Здѣсь было положено начало той уродливой системѣ административной юстиціи, о которой мы уже говорили выше.

Всѣ были объявлены равными передъ закономъ; привилегіи и исключенія отмѣнялись.

Судьи избирались населеніемъ [1]). Кантональные мировые судьи на два года, окружные—на шесть лѣтъ. Дистриктный трибуналъ состоялъ изъ пяти судей. Каждый такой трибуналъ являлся апелляціонной инстанціей для другого окружнаго суда. Кантональный судья рѣшалъ безапелляціонно дѣла до 50 ливровъ включительно, трибуналъ до тысячи франковъ.

Кассаціонный судъ, члены котораго также подлежали избранію, возобновлялся каждые четыре года. Верховный Судъ вѣдалъ спеціально государственныя преступленія.

Въ уголовный судъ былъ введенъ институтъ присяжныхъ.

Адвокатская корпорація (l'ordre des avocats), носившая замкнутый, узко-сословный характеръ, упразднялась; защита была объявлена свободной.

Разрушеніе старой юстиціи было довершено закономъ 7—11 сентября 1790 г. Отнынѣ парламенты, президіалы, бальяжи, сенешоссеи и всѣ исключительныя и привилегированныя юрисдикціи болѣе не существовали.

Парламенты сошли со сцены незамѣтно. Попытки отдѣльныхъ парламентовъ протестовать противъ новаго курса кончились полнымъ неуспѣхомъ. Ни указанія на свои прежнія заслуги, ни вопли о нарушеніи «исконной конституціи» страны не могли вернуть имъ той популярности, которую они утратили своей откровенной защитой сословныхъ интересовъ [2]).

---

[1]) Въ судьи могли быть избраны неопороченные граждане, достигшіе 30-ти лѣтняго возраста и имѣвшіе за собой пять лѣтъ юридической практики. Избирательныя собранія составлялись изъ активныхъ гражданъ, т. е. лицъ, достигшихъ 25-ти лѣтняго возраста, проживавшихъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе года въ городѣ, гдѣ происходятъ выборы, платившихъ налогъ въ размѣрѣ трехдневнаго заработка и неопороченныхъ, т. е. не бывшихъ банкротами, неоплаченными должниками и пр. См., напр., *Charavay E.* о. с. т. I. Введеніе.

[2]) Дѣятельность парламентовъ была пріостановлена еще 5-го ноября 1789 г. Оставлены были только „chambres de vacations". О сопротивленіи

Превотальная юрисдикція, вызвавшая столько нелестныхъ замѣчаній по своему адресу еще во время обсужденія ордоннанса 1670 г., въ 1789 г. пользовалась извѣстнымъ престижемъ, такъ какъ превоты вѣдали всѣ дѣла о крестьянскихъ бунтахъ въ 89-мъ году. Наряду съ ожесточенными противниками ея, вродѣ Мирабо, въ стѣнахъ Собранія находились и не менѣе горячіе ея защитники въ лицѣ, напримѣръ, Мори или Амара де-Бонвулуара.

Послѣдній въ засѣданіи 16-го Декабря 89 г. представилъ Собранію спеціальный докладъ о превотальной юрисдикціи, въ которомъ энергично защищалъ ее отъ обычныхъ нападокъ [1]).

Уже одно имя превотальной юстиціи—говорилъ ораторъ—вызываетъ нежелательныя представленія въ умѣ слушателей. Между тѣмъ, такое отношеніе къ ней—частью предразсудокъ, частью результатъ плохого знакомства съ ея организаціей. Ее обычно смѣшиваютъ съ военной. Между тѣмъ, превотальный судъ состоитъ изъ 7 судей, иногда ихъ бываетъ даже отъ 12 до 15, и одного военнаго офицера, который очевидно, не можетъ оказать большого вліянія на весь остальной судъ. Формы уголовнаго судопроизводства соблюдаются въ немъ еще съ бо́льшей щепетильностью, чѣмъ въ общихъ судахъ, такъ какъ дѣятельность его протекала всегда подъ усиленнымъ контролемъ со стороны парламентовъ. Раздѣлить власть — разсуждалъ ораторъ — значило бы ее ослабить, а, слѣдовательно, сдѣлать ее менѣе способной оказать надлежащее воздѣйствіе. Въ этомъ смыслѣ, уничтоженіе превотальной юрисдикціи могло бы имѣть гибельныя послѣдствія для безопасности и свободы гражданъ. Наконецъ, она имѣетъ за собой почтенную традицію; въ томъ видѣ, какъ она функціонируетъ сей-

---

парламентовъ см. *Seligman.* о. с. стр. 221—226. Противъ Августовскаго закона 90 г. активно выступилъ лишь одинъ Тулузскій парламентъ. Въ напыщенной прокламаціи отъ 27 сентября 90 г. онъ писалъ, между прочимъ: „. . .la destruction des parlements blesse essentiellement la Constitution, viole les droits et privilèges des provinces auxquelles ils appartenaient. . . . ., le droit d'avoir parlement et de ne ressortir qu'en icelui fut toujours regardé par les habitants du Languedoc comme un de leurs plus précieux privilèges. . . .“ etc. etc. См. *A. P.* т. XIX. стр. 516. Члены парламента были привлечены Конституантой къ отвѣтственности за преступленіе „lèse-nation“. Но въ 1791 г. они были амнистированы. Населеніе относилось все время къ парламентамъ совершенно равнодушно.

[1]) *A. P.* т. X. стр. 620—622.

часъ, она существуетъ уже съ XVI вѣка. Свой докладъ Бонвулуаръ заключилъ предложеніемъ сохранить превотальную юрисдикцію, оставить ей прежнюю компетенцію и реформировать лишь ея процедуру.

Докладъ этотъ дальнѣйшаго движенія не имѣлъ и вопросъ о превотальной юрисдикціи вновь занялъ вниманіе Конституанты уже въ засѣданіи 6-го марта 1790 года. Въ этомъ засѣданіи былъ прочитанъ адресъ Парижской коммуны, въ которомъ она горячо протестовала противъ превотальнаго суда, разбиравшаго дѣло о безпорядкахъ жителей «de Brive en Limousin». Безпорядки—по мнѣнію коммуны—были раздуты. Бривскіе граждане сами никого не убили, между тѣмъ при ихъ усмиреніи убили 30 человѣкъ. Затѣмъ начались немилосердныя репрессіи: нѣсколькихъ повѣсили, нѣсколькихъ приговорили къ позорящимъ наказаніямъ, многіе съ трепетомъ еще ждутъ рѣшенія своей участи. Коммуна протестуетъ противъ чрезмѣрной и безполезной жестокости превотальнаго суда и проситъ Національное Собраніе обратить вниманіе на всю эту возмутительную исторію. Въ обсужденіи, открывшемся послѣ чтенія этого адреса, голоса раздѣлились. Одни возмущались превотальной процедурой, другіе защищали ее въ виду исключительныхъ обстоятельствъ времени. Въ заключеніе большинство голосовъ собрало предложеніе Ламета—ходатайствовать передъ королемъ о пріостановкѣ приведенія въ исполненіе всѣхъ окончательныхъ приговоровъ превотальныхъ судовъ [1]. Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій (18-го марта) Національное Собраніе внесло важную поправку въ это постановленіе. Одинъ депутатъ указалъ, что постановленіе 6-го марта могло быть истолковано въ томъ смыслѣ, что и всѣ приговоры превотальныхъ судовъ объ освобожденіи подсудимыхъ также не должны быть временно приводимы въ исполненіе, что, конечно, не входило въ намѣренія Собранія. Послѣ этого въ декретъ была внесена поправка, что временная пріостановка приведенія въ исполненіе рѣшеній превотальныхъ судовъ не имѣетъ отношенія какъ къ приговорамъ объ оконча-

[1] *A. P.* т. XII. стр. 62. Въ засѣданіи 20-го апрѣля Національное Собраніе постановило, что декретъ 6-го марта не касается „prévôté de l'hôtel", функціи котораго остаются неизмѣнными.

тельномъ освобожденіи, такъ и временномъ освобожденіи въ цѣляхъ дослѣдованія. Не менѣе важная поправка была внесена въ засѣданіи 30-го марта. Лепеллетье Санъ-Фаржо указалъ Собранію на спеціальныя неудобства, возникающія при исполненіи обоихъ послѣднихъ декретовъ. Многіе изъ осужденныхъ превотальными судами ждутъ приведенія приговоровъ въ исполненіе, благодаря отсрочкѣ, установленной Собраніемъ, въ тюремномъ заключеніи. Послѣднее можетъ стать настолько продолжительнымъ, что тяжестью своей превыситъ самое наказаніе, наложенное превотальнымъ судомъ. Такимъ образомъ, декреты Собранія могутъ повести къ отягченію участи осужденныхъ. Конституанта, согласившись съ доводами оратора, декретировала временное освобожденіе всѣхъ осужденныхъ превотами, за исключеніемъ тѣхъ, которые приговорены къ позорящимъ наказаніямъ.

Такимъ образомъ, фактически превотальной юрисдикціи былъ нанесенъ смертельный ударъ еще мартовскими декретами. Она была деморализована и бездѣйствовала, когда вышелъ законъ 7—11 сентября 90 г., упразднившій наряду съ превотальной и всѣ другія исключительныя юрисдикціи [1]).

Едва ли, впрочемъ, у Конституанты, какъ и у всякаго правительства, стоящаго у власти въ эпоху политическаго кризиса, можно намѣтить строго опредѣленную линію поведенія въ интересующей насъ сейчасъ области. Отвергая исключительную юрисдикцію принципіально, она тѣмъ не менѣе прибѣгала къ ней, когда обычные рессурсы власти ей казались недостаточными.

Такъ 5-го марта 91-го года Національное Собраніе организуетъ въ Орлеанѣ временный чрезвычайный трибуналъ для сужденія въ послѣдней инстанціи по всѣмъ дѣламъ, касающимся «lèse—nation». Трибуналъ состоялъ изъ пятнадцати членовъ окружныхъ судовъ, ближайшихъ къ Орлеану. Онъ долженъ былъ функціонировать до организаціи «haute cour nationale». 9-го марта Національное Собраніе декретировало перевести всѣхъ обвиняемыхъ

---

[1]) Военные трибуналы, вѣдающіе исключительно служебныя преступленія и проступки военныхъ, были организованы декретомъ 22 сент. — 29 октября 90 г.

въ преступленіи «lèse—nation» въ Орлеанскія тюрьмы для преданія вновь установленному трибуналу [1]).

Наоборотъ, когда 22-го іюля 91 года соединенные комитеты «dès rapports» и «dès recherches» [2]) подъ вліяніемъ бурныхъ событій, которыя переживала тогда Франція, предложили Собранію проектъ «временнаго безапелляціоннаго трибунала» изъ 12 судей— по одному отъ каждаго окружнаго суда—для сужденія по всѣмъ государственнымъ преступленіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ Парижѣ съ 15-го іюля сего года, одинъ изъ членовъ Собранія квалифицируетъ предложеніе, какъ желаніе вернуться къ превотальной юрисдикціи. На другой день, т.-е. 23-го іюля Національное Собраніе отвергло этотъ проектъ, подтвердивъ, что ни одинъ обвиняемый не можетъ быть лишенъ права апелляціи на первый приговоръ, его

---

[1]) *А. Р.* т. XXIII. стр. 678—679. См. т. наиболѣе крупныя дѣла по „lèse-nation“ у *Seligman.* о. с. стр. 260—279.

[2]) „Comité des rapports“—былъ установленъ Національнымъ Собраніемъ въ засѣданіи 28-го іюля 89 года для того, чтобы направлять въ него для предварительнаго разслѣдованія всѣ мелкія дѣла, жалобы и доклады, тормозившіе главныя работы Собранія. Комитетъ состоялъ изъ 30 членовъ. *А. Р.* т. VIII. стр. 293. Въ этомъ же засѣданіи Дюпоръ внесъ предложеніе объ организаціи особой комиссіи изъ четырехъ лицъ, которая вѣдала бы всѣ чрезвычайныя дѣла, вродѣ Брестскаго заговора, волновавшаго въ это время Францію. Предложеніе Дюпора вызвало горячіе дебаты. Одни энергично протестовали противъ установленія какихъ бы то ни было чрезвычайныхъ судилищъ, сближали проектируемую комиссію съ тайной инквизиціей, утверждали, что она поведетъ къ полному смѣшенію властей и т. п. и т. п. (См. особенно рѣчь Гр. де Вирье). Другіе, защищая проектъ, обвиняли противниковъ въ преувеличеніяхъ, объясняли, что всѣ операціи такой комиссіи будутъ заключаться въ собираніи свѣдѣній относительно подозрительныхъ лицъ, что, наконецъ, рѣшеніе судьбы послѣднихъ будетъ зависѣть отъ приговора компетентнаго суда. Защитники комиссіи одержали верхъ и Національное Собраніе постановило организовать „Розыскной комитетъ“ (Comité d'informations) изъ 12 членовъ, ежемѣсячно смѣняемыхъ. *А. Р.* т. VIII. стр. 295. „Comité des recherches“ или - что то́ же—„Comité d'informations“, какъ и предсказывали, выродился въ тайное судилище, не брезгавшее никакими средствами для преслѣдованія своихъ политическихъ враговъ. „Comment souffrez-vous—писалъ аббатъ Рэйналь въ 1791 году—une commission qui sert de modèle et de prétexte à toutes les inquisitions subalternes qu'une inquiétude factieuse a semées dans toutes les parties de l'Empire...“ *Nigon de Berty.* o. c. стр. 248.— „Depuis le retour du Roi—писалъ К. Демуленъ въ своемъ журналѣ 8 августа 91 г.—les 7 Comités de l'Assemblée Nationale sont plus monarchistes, plus ennemis de la liberté publique, plus contre-revolutionnaires que jamais.... Comité des Recherches, aux ordres de tous les conspirateurs, opère dans les

осудившій. Поэтому, не можетъ быть никакихъ спеціальныхъ или чрезвычайныхъ судовъ въ первой инстанціи[1]).

Однако, Конституанта знала двѣ чрезвычайно своеобразныхъ формы исключительнаго суда: такъ-называемыя мировыя бюро (bureaux de paix et de conciliation) и семейные трибуналы (tribunaux domestiques).

Мировыя бюро были организованы въ каждомъ округѣ (дистриктѣ). Они состояли изъ шести членовъ, избиравшихся Генеральнымъ Совѣтомъ коммуны на два года. Избранію подлежали только граждане, зарекомендовавшіе себя патріотизмомъ и честностью. Двое изъ нихъ должны были имѣть юридическое образованіе[2]).

Задачей мировыхъ бюро—было примирить тяжущіяся стороны

---

ténebres, reçoit avec transport toutes les dénonciations contre les plus excellens patriotes, et sur les accusations les plus vagues, les plus ridicules, expédie des l. d. c. aussi facilement qu'autrefois La Vrillière et la Sabotin. Ce Comité rédoutable sert admirablement les desseins de la Cour". *Cam. Desmoulins*. Révolutions de France et de Brabant. P. 1789. № 87. стр. 10—11. Комитетъ, писалъ одинъ изъ представителей праваго центра—монархистъ Мунье, схватываетъ людей по самому легкому подозрѣнію. *Mounier*. Recherches sur les causes qui ont empêché les François de devenir libres. Одинъ изъ комитетовъ конституанты—пишетъ г-жа Сталь—осмѣлился назвать себя „Comité des recherches". Онъ не прибѣгалъ ни къ шпіонству, ни къ другимъ средствамъ, потому что не располагалъ и надлежащими средствами. Но все же самое учрежденіе его вызвало „aversion universelle" и президентъ его Войдель, не сдѣлавшій, въ сущности, никому никакого зла, тѣмъ не менѣе не могъ попасть ни въ одну партію. *Madame la baronne de Staël*. Considérations sur les principaux évenemens de la révolution française. т. 1. стр. 294.

Дѣлопроизводство комитета—неопубликовано и потому сужденія о немъ затруднительны. Но самый фактъ существованія такого комитета идетъ вразрѣзъ съ свободолюбивыми стремленіями Конституанты.

[1]) *А. Р.* т. XXVIII. стр. 526—527. Когда „Comité de jurisprudence criminelle" представилъ Національному Собранію свой проектъ декрета о военныхъ судахъ, организація ихъ вызвала горячее осужденіе со стороны Робеспьера, который доказывалъ, что солдаты, какъ и прочіе граждане должны быть судимы равными имъ судьями. Ни для кого не тайна, говорилъ Робеспьеръ, что въ наше время интересы офицеровъ и солдатъ—нерѣдко противоположны. Быть можетъ, въ судахъ начнутъ судить и за патріотизмъ и за преданность революціи? Робеспьеръ предлагалъ создать военный судъ изъ равнаго числа офицеровъ и солдатъ. Рѣшеніе этого вопроса было отложено Національнымъ Собраніемъ до окончанія работъ конституціоннаго и военнаго комитетовъ.

[2]) Титулъ X-й закона 16—24 Августа 1790 г. (особ. ст. 1, 4 и др.). См. *Duvergier*. т. I. стр. 372.

до ихъ обращенія въ общій судъ. Эта цѣль оказалась не достигнутой. Повсюду находили, что этотъ вынужденный арбитражъ замедляетъ процедуру и вызываетъ излишніе расходы. Постепенно онъ исчезаетъ изъ жизни. При Легислативѣ арбитражные суды уже болѣе не существуютъ.

Еще болѣе оригинальный характеръ носили семейные трибуналы [1]).

Если между супругами—гласилъ декретъ—родителями и дѣтьми, родственниками въ различныхъ степеняхъ родства, опекаемыми и опекунами по дѣламъ опеки возникнетъ споръ, обѣ заинтересованныя стороны должны избрать родственниковъ, а при отсутствіи ихъ друзей или сосѣдей въ качествѣ арбитровъ, которые, выслушавъ ихъ заявленія и собравъ необходимыя дополнительныя свѣдѣнія, должны постановить рѣшеніе. Каждая сторона представляетъ двухъ арбитровъ. Если одна изъ нихъ откажется, другая можетъ просить мирового судью назначить посредниковъ для отказавшейся стороны. При раздѣленіи голосовъ поровну можетъ быть избранъ суперъ-арбитръ, голосъ котораго даетъ перевѣсъ тому или другому мнѣнію. Сторона, считающая себя обиженной, можетъ подать на рѣшеніе арбитровъ апелляціонную жалобу въ окружный судъ, который является въ дѣлахъ подобнаго рода послѣдней инстанціей (ст. 12—14). Слѣдующія статьи относятся уже прямо къ организаціи домашняго суда и являются прямымъ отвѣтомъ на запросы нѣкоторыхъ наказовъ. Если родители — гласитъ, напримѣръ, ст. 15-я — или опекунъ имѣютъ причины быть недовольными поведеніемъ своихъ дѣтей или опекаемыхъ, они могутъ жаловаться на нихъ въ домашній судъ, который долженъ состоять изъ восьми или, по крайней мѣрѣ, изъ шести ближайшихъ родственниковъ. Послѣдніе при недостаткѣ ихъ или отсутствіи могутъ быть замѣнены друзьями или даже сосѣдями. Такой судъ можетъ приговорить дѣтей, обвиняемыхъ въ особо предосудительномъ поведеніи, если они не старше двадцатилѣтняго возраста, къ заключенію на срокъ не свыше одного года. Приговоръ семейнаго суда не можетъ быть приведенъ въ исполне-

---

[1]) Наряду съ терминомъ „tribunal domestique" существовали еще—„tribunal de famille", „conseil de famille", „assemblée de famille". Текстъ декрета см. *Duvergier*. т. I. стр. 373.

ненie безъ представленія президенту мѣстнаго окружнаго суда, который, по выслушаніи заключенія королевскаго коммиссара, можетъ или отказать жалобщикамъ, или утвердить ихъ приговоръ, или, наконецъ измѣнить его (ст. 15—17).

Семейный судъ долженъ былъ, конечно, удовлетворить тѣхъ, которые и до революціи и въ наказахъ громко вопіяли о необходимости усиленія отеческой власти и мечтали о спасеніи семьи отъ разложенія путемъ обузданія непокорныхъ родительской волѣ. Но какъ бы ни былъ раціонально организованъ контроль въ такихъ случаяхъ, какъ бы внимательно и осторожно ни относились къ семейнымъ спорамъ королевскій коммиссаръ и президентъ суда, санкціонировавшіе постановленіе семейнаго трибунала, вышеуказанныя постановленія могли открыть широкій просторъ для злоупотребленій и личная свобода несовершеннолѣтнихъ осталась столь же уязвимой, какъ была и раньше [1]). Наконецъ, семейные трибуналы не пріобрѣли въ населеніи того довѣрія, какое ожидалось въ законодательныхъ сферахъ и окружные суды были первоначально завалены апелляціонными жалобами. Постепенно отъ нихъ отвыкаютъ такъ же какъ и отъ посредническихъ бюро.

Таковы были первые камни, заложенные Конституантой въ основаніе новой судебной организаціи. Повсюду ее привѣтствовали съ энтузіазмомъ. Разумѣется, нелегко было наладить сразу новую машину и еще въ концѣ 90-го года раздаются отовсюду жалобы на недостатокъ судей и судовъ [2]). 18-го ноября 90 г. мэръ

---

[1]) Саньякъ въ своей любопытной монографіи, на нашъ взглядъ, слишкомъ оптимистически оцѣниваетъ этотъ декретъ. Отмѣтивъ громадное значеніе отеческой власти въ семьѣ Старой Монархіи (см. особ. кн. II гл. IV разд. II стр. 302—305), онъ замѣчаетъ, между прочимъ, по поводу декрета, что отнынѣ „отеческой власти" болѣе не было мѣста, такъ какъ рядомъ съ ней выростаетъ и материнскій авторитетъ. Въ совѣтѣ родственниковъ, установленномъ декретомъ, Саньякъ видитъ серьезное умѣряющее начало противъ прежнихъ исключительныхъ правъ родителя. Отмѣтивъ еще позднѣйшій декретъ уже Легислативы отъ 20 сентября 92 г., въ силу котораго родители могли воспротивиться браку ихъ дѣтей до 21 лѣтняго возраста, Саньякъ усматриваетъ во всемъ законодательствѣ „....limitations et des restrictions en vue d'assurer la liberté et l'égalité..." *Ph. Sagnac.* La législation civile de la révoluton française (1789—1804). Essai d'histoire sociale. Paris. 1898. стр. 307—311.

[2]) Провинціальные города горячо спорили изъ за права имѣть судъ въ своихъ стѣнахъ. См., напр., *Marcel Bruneau.* o. c. стр. 197—202.

Парижа-Бальи является въ Собраніе съ спеціальнымъ сообщеніемъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя повсемѣстно испытываетъ населеніе изъ за недостатка судебныхъ учрежденій. Тюрьмы—переполнены, говорилъ онъ, заключенные сбиты въ кучу, невинные подолгу томятся въ напрасномъ ожиданіи своего оправданія. Бальи указалъ даже на повышеніе процента заболѣваемости и смертности въ связи съ переполненіемъ тюремъ[1]). Подавленная бездной заботъ, Конституанта могла отвѣчать на такія жалобы въ то время только полумѣрами. Такъ 20-го ноября она приказала, напримѣръ, открыть двери военной тюрьмы и для уголовныхъ преступниковъ. Ниже мы познакомимся подробнѣе съ заботами Конституанты о тюремномъ режимѣ.

Новые законодательные акты, имѣвшіе своей задачей судебную реформу, относятся уже къ 1791 году.

Наиболѣе замѣчательнымъ изъ нихъ является законъ 29-го сентября, которому суждено было оказать крупное вліяніе на все послѣдующее законодательство. Многія изъ его положеній съ незначительными измѣненіями воспроизводились и въ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ[2]).

Основаніемъ для закона послужилъ чрезвычайно обстоятельный, хоть и страдающій нерѣдко чрезмѣрнымъ многословіемъ, докладъ конституціоннаго комитета. Докладчикомъ былъ избранъ Дюпоръ[3]).

Мы не хотѣли рабски копировать судебной организаціи англичанъ—говорилъ Дюпоръ—но воспользовались опытомъ свободнаго и просвѣщеннаго народа... Наша непосредственная задача заключалась въ томъ, чтобы изыскать наилучшія формы для преслѣдованія всѣхъ нарушителей общественной или частной свободы... Свобода и миръ — таковы два основныя блага, которыя обезпечиваетъ намъ наша Конституція... Въ нихъ—нашъ общественный порядокъ и ихъ мы призваны защищать... Но при

---

[1]) *А. Р.* т. XX. стр. 521—522.

[2]) „*Décret concernant la politique de sûreté, la justice criminelle et l'établissement de jurés*". См. *Duvergier* т. III. стр. 331—348.

[3]) „*Rapport fait au nom des comités de constitution et de jurisprudence criminelle de la loi sur la police de sûreté, la justice criminelle et l'institution des jurés*". См. *Proc.-Verb*—приложеніе къ засѣданію 27-го Ноября 90 г. (№ 484 стр. 1—79, 1—59) или *А. Р.* т. XXI. стр. 42—72. См. т. Вступленіе у *Buchez et Roux.* т. VIII. стр. 242—256.

этомъ слѣдуетъ бояться двухъ опасностей: произвола со стороны власти и возможности нарушенія ею закона... Чтобы избѣжать этого — необходимо заботливо организовать самую власть, точно опредѣлить ея функціи, указать границы ея компетенціи... Слѣдуетъ поставить ей цѣлью—служеніе общему благу, но затѣмъ надо оставить ее дѣйствовать со всей энергіей, въ которой только можетъ встрѣтиться надобность... Послѣ обстоятельнаго анализа всѣхъ положеній, которыя должны были составить содержаніе новаго законодательнаго акта, Дюпоръ сравнивалъ французскій законъ съ англійскимъ «Habeas Corpus Act'омъ» и отдавалъ рѣшительное предпочтеніе первому[1]).

Проектъ имѣлъ въ Собраніи большой, заслуженный успѣхъ.

Мы не будемъ останавливаться долѣе ни на самомъ проектѣ, ни на преніяхъ, послѣдовавшихъ во время его обсужденія [2]). Въ существенныхъ частяхъ проектъ былъ принятъ цѣликомъ [3]). Отмѣ-

---

[1]) „...Vous verrez—говорилъ онъ—dans notre travail que nous les (effets de l'habeas corpus)—rendrons *plus certains encore et plus efficaces*". Приблизительно то́же говорилъ Дюпоръ, и представляя „Principes fondamentaux de la politique et de la justice" отъ имени конституціоннаго комитета 22 Декабря 1789 г. „Pour que le droit de s'assurer d'un homme—гласилъ § 24—avant qu'il n'ait été condamné, ne nuise pas à la liberté individuelle, il faut deux choses: la première que ce pouvoir soit confié à des hommes choisis par le peuple, intègres et humains et qu'il soit organisé de la manière la plus propre a en prévenir les abus; la seconde qu'un homme arrêté soit sur le champ remis à la justice". При этомъ Дюпоръ замѣчалъ: „On ne parle pas ici de l'Habeas Corpus institution sur laquelle il nous est possible de surpasser encore les Anglais". Только такимъ образомъ—говорилъ въ заключеніе Дюпоръ, вдохновляемый Руссо—и можетъ быть разрѣшена великая соціальная проблема: „trouver comment avec la moindre gêne possible de la part de chaque individu, on peut assurer à tous la jouissance la plus entière de leurs facultés, de leurs moyens et de leurs droits" *А. Р.* т. X. стр. 744—746.

[2]) При обсужденіи проекта Собраніе раздѣлилось па двѣ рѣзко враждебныя группы. Одна отстаивала старую уголовную процедуру, другая стояла за реформу. Многіе выставляли Ордоннансъ 1670 г., какъ образецъ, достойный подражанія. Муженъ видѣлъ въ немъ, напримѣръ, „un ensemble de vues, une netteté de principes, capables de rassurer la société entière pour la protection de l'innocence et la découverte des crimes..." Большинство Собранія стояло, однако, за жюри и всѣ попытки отстоять прошлое были заранѣе осуждены на безплодіе. См. *Esmein.* о. с. стр. 419, 431—432.

[3]) См. напр., особенно интересный для насъ титулъ о „Moyens d'assurer la liberté des citoyens contre ces détentions illégales ou autres actes arbitraires".

тимъ лишь главное, что принесъ съ собой новый законодательный актъ.

Функціи полиціи безопасности дѣлились между мировыми судьями и жандармскими офицерами (капитанами и лейтенантами).

Полномочія послѣднихъ были ограничены, особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣлось болѣе одного мирового судьи [1]).

Въ распоряженіи органовъ полиціи безопасности были двѣ формы приказовъ: mandat d'amener (приказъ о приводѣ) и mandat d'arrêt (приказъ о задержаніи, устанавливающій предварительное заключеніе). Mandat d'amener долженъ былъ быть не только подписанъ лицомъ, давшимъ приказъ, но къ нему должна быть приложена и его печать. Въ приказѣ должны быть точно обозначены имя и примѣты обвиняемаго [2]); послѣднему должна быть вручена копія приказа. Ни одинъ гражданинъ не можетъ отказаться отъ явки для дачи объясненій по поводу тѣхъ правонарушеній или проступковъ, въ совершеніи коихъ онъ обвиняется; если же онъ не повинуется или, изъявивъ первоначально согласіе на явку, пытается потомъ уклониться, исполнитель приказа можетъ принудить его къ повиновенію силой, но долженъ пользоваться ей умѣренно и гуманно (avec modération et humanité). Если у органа полиціи безопасности, давшаго приказъ, является убѣжденіе, что обвиняемаго слѣдуетъ преслѣдовать въ уголовномъ порядкѣ, онъ можетъ дать приказъ о заключеніи его въ арестный домъ. Этотъ приказъ долженъ удовлетворять тѣмъ же условіямъ, что и приказъ о приводѣ. Въ mandat d'arrêt должны быть указаны не только имя обвиняемаго и его примѣты, но и его мѣстожительство, если онъ его объявилъ. Наконецъ, въ немъ долженъ быть непремѣнно указанъ мотивъ задержанія, иначе тюремная администрація не можетъ его принять подъ угрозой уголовнаго преслѣдованія [3]).

Титулъ 3-ій трактуетъ объ общихъ функціяхъ полиціи безопасности. Какъ только компетентный органъ получаетъ извѣщеніе или узнаетъ какимъ-либо другимъ способомъ о совершеніи гдѣ либо преступленія, причины коего остаются невыясненными, онъ

---

[1]) Titre I. art. 1—3. Ср. также законъ 16-го февраля 91 г. объ организаціи національной жандармеріи (art. I, 4).

[2]) „...Le plus clairement qu'il sera possible"—гласитъ Декретъ.

[3]) *Titre* II. *art.* 1—7.

долженъ немедленно отправиться въ соотвѣтствующее мѣсто для производства дознанія; если же преступники или соучастники преступленія извѣстны, онъ можетъ дать противъ нихъ соотвѣтствующій приказъ. Онъ можетъ также воспретить мѣстнымъ жителямъ оставлять домъ или мѣсто, гдѣ совершилось преступленіе, до составленія протокола [1]). Въ случаяхъ «flagrant délit» полицейскій чиновникъ (l'officier de police) можетъ немедленно и безъ выслушанія свидѣтелей дать приказъ о приводѣ. Не только любой представитель власти, но и всякій гражданинъ можетъ задержать человѣка, котораго онъ засталъ въ «flagrant délit» и представить его ближайшему органу полиціи безопасности. Точно также можетъ быть поступлено со всякимъ, у котораго будутъ найдены украденные предметы или какія-либо орудія преступленія, позволяющія заподозрить въ держателѣ ихъ лицо причастное къ нему. Однако, подлежатъ отвѣтственности тѣ, кто дѣйствуетъ въ этихъ случаяхъ съ злымъ умысломъ или желая навредить другому. Въ зависимости отъ тѣхъ данныхъ, которыя обнаружитъ слѣдственный матеріалъ, задержанный или освобождается, или вчиняется противъ него mandat d'arrêt [2]). Всякій, считающій себя обиженнымъ или пострадавшимъ въ какомъ бы то ни было отношеніи отъ поступка другого, можетъ принести на него жалобу полиціи, мировому судьѣ или вышеуказаннымъ чинамъ жандармской полиціи, которые и могутъ дать противъ обвиняемаго приказъ о приводѣ для полученія соотвѣтствующихъ объясненій. Въ силу этого приказа обвиняемый можетъ быть принужденъ явиться только въ теченіе двухъ дней, слѣдующихъ за выдачей приказа, а позже лишь при условіи нахожденія его не далѣе 10 льё отъ мѣстожительства чиновника, подписавшаго приказъ. Если же обвиняемый будетъ находиться далѣе, то лицо, давшее приказъ должно быть немедленно извѣщено объ этомъ и обвиняемый или будетъ отданъ подъ надзоръ полиціи или арестованъ, при чемъ мандатъ долженъ быть визированъ мѣстнымъ компетентнымъ органомъ полиціи безопасности. Въ этомъ случаѣ, жюри надлежитъ высказаться есть ли основанія преслѣдовать обвиняемаго [3]).

---

[1]) *Titre* III. *art.* 1, 4, 5, 6.

[2]) *Titre* IV. *art.* 2—6.

[3]) Эта статья имѣетъ цѣлью, какъ поясняетъ спеціальная инструкція 21-го октября 91 г., оградить интересы обвиняемаго, который иначе по про-

Если жалоба принесена была офицеру жандармской полиціи, то явка по приказу о приводѣ должна быть назначена къ мировому судьѣ или по мѣсту жительства обвиняемаго, или по мѣсту совершенія преступленія. Только мировой судья можетъ дать, въ этомъ случаѣ, приказъ о задержаніи. Если органы полиціи безопасности отказываются дать по тѣмъ или другимъ соображеніямъ приказъ противъ того лица, на которое принесена жалоба, жалобщикъ можетъ направить ее непосредственно къ окружному жюри по мѣсту совершенія преступленія [1]). Всякій гражданинъ, бывшій свидѣтелемъ покушенія на свободу другого лица или на его жизнь или вообще нарушеніе общественной или частной безопасности, долженъ немедленно дать знать объ этомъ полиціи. По такому заявленію компетентный полицейскій органъ можетъ дать приказъ о приводѣ. Если объясненія обвиняемаго неудовлетворительны, mandat d'amener можетъ быть обращенъ въ mandat d'arrêt. Обвиняемый можетъ быть отпущенъ на поруки, если преступленіе, въ коемъ онъ обвиняется, не влечетъ за собой позорящаго наказанія [2]). Если же объясненія обвиняемаго удовлетворительны и разсѣиваютъ предъявленное обвиненіе, обвиняемый немедленно получаетъ свободу, но за обвинителемъ остается право направить свое обвиненіе въ окружный судъ. Если частный обвинитель, откажется скрѣпить своей подписью обвиненіе — органы полицейской власти могутъ произвести собственное разслѣдованіе и дать приказы какъ о приводѣ, такъ и взятіи подъ стражу [3]).

Вторая часть законодательнаго акта посвящена вопросамъ уголовной юстиціи и организаціи жюри.

Каждый судъ выдѣляетъ изъ своей среды одного судью, кото-

стому подозрѣнію могъ бы быть высылаемъ съ одного конца государства на другой.

[1]) *Titre* V *art.* 7—9, 14, 20. *Titre* I отдѣла „*De la justice criminelle et de l'institution des jurés*“ *art.* 12.

[2]) Такимъ образомъ, Конституанта признала обязательность предварительнаго заключенія только для тѣхъ, кто, по характеру своего преступленія, могъ быть подвергнутъ „позорящему“ наказанію (peine afflictive); тѣ же которые могли подвергнуться наказанію „безчестящему“ (peine infamante) могли получить свободу, при условіи представленія залога. Размѣры его указаны не были. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ свобода была безусловнымъ правомъ каждаго.

[3]) *Titre* VI. *art.* 1, 4, 6—8.

рый получаетъ званіе директора жюри (directeur du jury) и на обязанности котораго лежитъ провѣрка въ теченіе сутокъ всякой поступившей въ обвинительное жюри жалобы. Если обвиненіе влечетъ за собой по отношенію къ обвиняемому примѣненіе безчестящаго или позорящаго наказанія—директоръ представляетъ обвинительный актъ жюри (le jury d'accusation). Послѣднее состоитъ изъ восьми судей; для обвинительнаго вердикта требуется большинство голосовъ. Если жюри выскажется противъ обвиненія, обвиняемый не можетъ быть болѣе преслѣдуемъ за тó же самое дѣяніе, если не явится какихъ-либо новыхъ уликъ. Если жюри поддерживаетъ обвиненіе, директоръ долженъ дать немедленно «ordonnance de prise de corps», въ случаѣ, если обвиняемому грозитъ «позорящее» наказаніе. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ обвиняемый можетъ пользоваться свободой при условіи внесенія залога [1]).

Если жюри высказалось за обвиненіе, дѣло поступаетъ въ уголовный судъ. Въ теченіе сутокъ обвиняемый долженъ быть выслушанъ президентомъ суда или однимъ изъ назначенныхъ имъ судей въ присутствіи прокурора. Обвиняемый можетъ выбрать себѣ защитника; если онъ затрудняется это сдѣлать, защитникъ можетъ быть назначенъ президентомъ. Но защита ни въ коемъ случаѣ не можетъ входить въ общеніе съ обвиняемымъ, прежде чѣмъ онъ не будетъ выслушанъ [2]). Въ случаѣ, если послѣдуетъ обвинительный приговоръ, осужденный имѣетъ право подать въ теченіе трехъ дней, слѣдующихъ за приговоромъ, кассаціонную жалобу. Тѣмъ же правомъ жалобы на приговоръ суда пользуется и коронный комиссаръ въ теченіе 3 дней. При оправдательномъ вердиктѣ коронный комиссаръ располагаетъ для подачи кассаціонной жалобы одними сутками. На рѣшеніе присяжныхъ апелляціи принесено быть не можетъ. Если, тѣмъ не менѣе, судъ единогласно пришелъ къ заключенію, что жюри присяжныхъ впало въ ошибку, онъ можетъ постановить о присоединеніи трехъ дополнительныхъ присяжныхъ къ обычному составу. Для рѣшенія тогда требуется большинство четырехъ пятыхъ всѣхъ голосовъ [3]).

---

[1]) *II-я часть. Titre* I. *art.* 1, 2, 4, 5, 27—30.

[2]) *Ibidem. Titre* VI. *art.* 1, 10, 13.

[3]) *Ibidem. Titre* VIII. *art.* 14—17, 27. Эсменъ въ своей общей оцѣнкѣ новаго законодательнаго акта замѣчаетъ, что установленіемъ jury de jugement,

Титулъ XIV-ый былъ посвященъ тюрьмамъ и арестнымъ домамъ. Новый законъ различаетъ: a) «maisons d'arrêt», имѣющіеся при каждомъ окружномъ судѣ для тѣхъ, противъ которыхъ были даны приказы о взятіи подъ стражу органами полиціи безопасности, b) «maisons de justice»—при каждомъ уголовномъ судѣ, для тѣхъ, противъ которыхъ былъ данъ «ordonnance de prise de corps» и c) «prisons» для осужденныхъ по суду.

Всякій исполнитель приказовъ о задержаніи или взятіи подъ стражу или приговора, присуждающаго къ тюремному заключенію, долженъ въ присутствіи арестованнаго или осужденнаго вписать въ реэстръ актъ, на основаніи котораго послѣдній доставленъ. Принятіе и заключеніе кого бы то ни было безъ соотвѣтствующаго мандата преслѣдуется уголовнымъ закономъ. Въ реэстрѣ долженъ быть отмѣченъ и день выхода заключеннаго. Мѣстные муниципальные чиновники должны, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю ревизовать мѣста заключенія, и въ случаѣ какихъ либо замѣченныхъ ими злоупотребленій они могутъ не только оштрафовать тюремнаго смотрителя или сторожа, но и отставить ихъ отъ должности, что не исключаетъ возможности особаго судебнаго преслѣдованія [1]). Если заключенный грозилъ чѣмъ либо тюремнымъ надзирателямъ, сторожамъ или другимъ заключеннымъ, оскорбилъ ихъ или учинилъ насиліе, муниципальный чиновникъ можетъ посадить его въ одиночное заключеніе и даже наложить оковы въ случаяхъ бѣшенства или тяжкихъ насилій [2]).

Титулъ XV-ый трактовалъ о наиболѣе интересномъ для насъ вопросѣ—именно, гарантіяхъ личной свободы противъ незаконныхъ арестовъ и другихъ произвольныхъ актовъ.

Всякій человѣкъ, какое бы мѣсто или должность онъ ни занималъ, (за исключеніемъ тѣхъ, кто имѣетъ законное право ареста), давшій, подписавшій или исполнившій приказъ объ арестѣ или

Собраніе подарило Францію великолѣпнымъ учрежденіемъ, но въ области дознанія и предварительнаго слѣдствія Собраніе дезорганизовало старыя учрежденія, замѣнивъ ихъ сложнымъ и неудовлетворительнымъ механизмомъ. *Esmein.* o. c. стр. 437—438.

[1]) Тюремные надзиратели и сторожа должны обращаться съ заключенными „avec douceur et humanité“. *Titre XIV. art.* 2.

[2]) *Titre XIV. art.* 1, 4—11.

дѣйствительно арестовавшій безъ немедленнаго представленія арестованнаго полиціи, будетъ преслѣдуемъ въ уголовномъ порядкѣ. Арестованный можетъ быть подвергнутъ заключенію только въ домахъ, указанныхъ для этой цѣли закономъ. Всякій, кто знаетъ о незаконномъ заключеніи кого либо, долженъ сообщить объ этомъ одному изъ муниципальныхъ чиновниковъ или мѣстному мировому судьѣ. Послѣдній долженъ немедленно явиться въ домъ заключенія и освободить незаконно арестованнаго. Въ противномъ случаѣ, какъ тотъ, такъ и другой отвѣчаютъ за небрежность и могутъ быть преслѣдуемы за нарушеніе личной свободы, если будетъ доказано, что они знали про заключеніе. Въ подобныхъ случаяхъ никто не можетъ воспретить войти въ свой домъ; въ случаѣ сопротивленія муниципальный чиновникъ или мировой судья могутъ прибѣгнуть къ силѣ и всякій гражданинъ долженъ оказать имъ въ этомъ необходимое содѣйствіе. При посѣщеніи тюремъ и арестныхъ домовъ, муниципальный чиновникъ долженъ ознакомиться какъ съ заключенными, такъ и мотивами ихъ заключенія; стража и тюремный надзиратель обязаны ему безпрекословнымъ повиновеніемъ. Если при такомъ осмотрѣ муниципальный чиновникъ убѣдится, что заключеніе кого либо произошло съ несоблюденіемъ условій, предписанныхъ закономъ, онъ долженъ немедленно представить неправильно заключеннаго въ муниципалитетъ, который, установивъ фактъ неправильнаго заключенія, возвращаетъ заключенному свободу и возбуждаетъ преслѣдованіе противъ тюремнаго надзирателя и сторожа. Родственники или друзья, испросивъ соотвѣтствующій ордеръ у муниципальнаго чиновника, могутъ всегда имѣть свиданіе съ заключеннымъ и тюремная администрація не можетъ въ этомъ имъ препятствовать подъ угрозой уголовнаго преслѣдованія, если только президентъ или директоръ жюри не дадутъ особаго предписанія держать заключеннаго въ секретѣ. При поступленіи обвиняемаго въ арестный домъ, копіи приказа должны быть направлены: одна въ мѣстный муниципалитетъ, другая въ мѣсто постояннаго жительства обвиняемаго для оповѣщенія его родственниковъ или друзей. Директоръ жюри долженъ отправить подъ страхомъ отрѣшенія отъ должности копію съ ордоннанса «de prise de corps» въ муниципалитетъ. Туда же должны быть препровождаемы копіи со всѣхъ судебныхъ приговоровъ президентомъ уголовнаго суда.

Муниципалитетъ долженъ вести этимъ копіямъ особый реэстръ [1]).

Наконецъ, новый законъ защищаетъ и домовую неприкосновенность. Никто не смѣетъ—гласитъ онъ—не исключая и представителей власти, проникнуть въ частный домъ безъ полицейскаго приказа (mandat de police) или судебнаго постановленія (ordonnance de justice) [2]).

Мы исчерпали все наиболѣе значительное въ новомъ законодательномъ актѣ. Несмотря на нѣкоторые существенные недостатки, новый законъ представлялъ, несомнѣнно, замѣчательную попытку дать впервые возможно полный сводъ реальныхъ гарантій личной свободы.

Прежде всего онъ строго очертилъ кругъ лицъ, которыя могутъ давать приказы о задержаніи. Таковыми могли быть только или выборные мировые судьи, за плечами которыхъ, какъ мы видѣли выше, должно было стоять нѣсколько лѣтъ судебной практики, или оберъ-офицерскіе чины національной жандармеріи. Низшіе полицейскіе агенты такого права не имѣли [3]).

Далѣе законъ точно опредѣлилъ сущность обоихъ приказовъ—«mandat d'amener» и «mandat d'arrêt». Онъ указалъ на необходимыя формальности, которыя должны быть выполнены при выдачѣ каждаго приказа. Приказъ долженъ носить строго индивидуальный характеръ—въ немъ должно быть обозначено какъ лицо, противъ котораго направленъ приказъ, такъ и лицо его дающее, что должно, съ одной стороны, обезпечить обвиняемаго отъ возможности какой либо ошибки, съ другой дать ему надежное орудіе противъ неправомѣрно поступившаго агента полицейской власти. Наконецъ, законъ требуетъ, чтобы въ «mandat d'arrêt», какъ имѣющемъ особенно важное значеніе, были точно обозначены и мотивы задержанія; при несоблюденіи этого приказъ не имѣетъ силы и тюремная

---

1) II-я часть: *Titre XV. art.* 1—13.

2) I-я часть. *Titre II. art.* 8.

3) Многіе изъ членовъ Собранія протестовали во время обсужденія закона противъ роли, предоставленной „officiers de gendarmerie“. Одинъ изъ ораторовъ говорилъ, что новый законъ вручаетъ имъ „les deux despotismes les plus terribles, le despotisme judiciaire et le despotisme militaire“... Робеспьеръ находилъ даже, что старая процедура въ этомъ смыслѣ имѣла большія преимущества и, что едва ли сама превотальная юрисдикція была такъ одіозна, какъ вновь установленный порядокъ. *Esmein.* о. с. стр. 433.

администрація не можетъ его принять подъ страхомъ уголовной отвѣтственности. Такимъ образомъ, законодатель съ величайшимъ вниманіемъ слѣдитъ съ первыхъ шаговъ за дѣятельностью агентовъ полиціи безопасности, ставя цѣлый рядъ ригорическихъ условій, невыполненіе которыхъ влечетъ за собой уголовное преслѣдованіе.

Дальнѣйшіе раздѣлы закона, трактующіе объ общихъ функціяхъ полиціи безопасности, относятся также съ вниманіемъ къ гарантіямъ личной свободы. Позволяя, напримѣръ, каждому гражданину задержать лицо, противъ котораго имѣются серьезныя улики въ совершеніи преступленія, законъ грозитъ отвѣтственностью тѣмъ, кто поступилъ бы въ данномъ случаѣ не bona fide, а съ злымъ умысломъ. Объ ошибкахъ, возможныхъ при такого рода задержаніяхъ, законъ, однако, не говоритъ ничего. Пятый раздѣлъ устанавливаетъ гарантіи для тѣхъ на кого принесена жалоба офицеру жандармской полиціи. Послѣдній назначаетъ своимъ приказомъ явку къ мировому судьѣ или по мѣсту жительства обвиняемаго или по мѣсту совершенія преступленія. И только мировой судья даетъ въ этомъ случаѣ «mandat d'arrêt».

Но наиболѣе важныя гарантіи мы находимъ въ титулахъ 14-мъ и 15-мъ. 14-ый титулъ, какъ мы видѣли, до мельчайшихъ подробностей регламентируетъ положеніе заключенныхъ или взятыхъ подъ стражу въ тюрьмахъ и арестныхъ домахъ съ момента ихъ заключенія до выхода. Строгой квалификаціей тюремныхъ помѣщеній былъ устраненъ тотъ возмутительный порядокъ, который царилъ въ дореволюціонную эпоху, когда въ одну безпорядочную кучу сбивали и лицъ, противъ которыхъ имѣлось только подозрѣніе, и подслѣдственныхъ, и задержанныхъ полиціей, и осужденныхъ уже въ судахъ, нерѣдко даже и государственныхъ преступниковъ, отбывавшихъ наказаніе по l. d. c. Отнынѣ всѣ тюремныя и арестныя помѣщенія были разбиты на строго опредѣленныя категоріи и дальнѣйшее ихъ смѣшеніе было невозможно [1]).

---

[1]) Инструкція 91 г., на которой мы подробно остановимся ниже, также удѣляетъ много мѣста различенію тюремъ и арестныхъ домовъ. Заключеніе въ тюрьму — гласитъ она — есть наказаніе или исправительная мѣра, въ арестный домъ—мѣра предосторожности. Въ „*Décret concernant la conservation et le classement des places de guerre et postes militaires, la police des*

Лица, коимъ было ввѣрено управленіе тюрьмой или арестнымъ домомъ, были обязаны передъ муниципалитетомъ строгой отчетностью; муниципальные чиновники должны были производить правильныя періодическія ревизіи, которыя при старомъ режимѣ обращались въ рѣдкіе и случайные наѣзды. При этомъ муниципальные ревизоры не только получили въ новомъ законѣ своеобразную инструкцію, опредѣлявшую ихъ права и обязанности, но и были надѣлены широкими полномочіями по части преслѣдованія злоупотребленій въ тюремныхъ стѣнахъ. Эти полномочія можно признать даже чрезмѣрно широкими; они, въ свою очередь, могли порождать злоупотребленія. Едва ли раціонально было, напримѣръ, предоставлять муниципальному чиновнику право налагать оковы на арестанта, хотя бы и въ случаяхъ буйства. Наоборотъ, чрезвычайно удачной представляется та статья закона, въ силу которой муниципальный чиновникъ долженъ былъ немедленно сообщать муниципалитету о каждомъ случаѣ заключенія безъ соблюденія закономъ указанныхъ условій, а муниципалитету предоставлялось уже право немедленнаго освобожденія такого заключеннаго. Гуманнымъ новшествомъ было разрѣшеніе частыхъ свиданій съ родственниками, если только не имѣлось на этотъ счетъ спеціальнаго запрещенія президента или директора жюри. Послѣдніе также могли предписать держать заключеннаго въ секретѣ. Позже намъ еще придется вернуться къ этому негуманному способу воздѣйствія на заключеннаго, державшемуся довольно долго во французской судебной практикѣ. Это право секретнаго заключенія звучало мрачнымъ диссонансомъ въ актѣ, настроенномъ вообще гуманно и стремившемся укрѣпить гарантіи личной свободы на прочныхъ основаніяхъ. Но за три года и преисполненный лучшихъ намѣреній законодатель не могъ отказаться отъ тѣхъ долгихъ, вѣками слагавшихся порядковъ, которые представлялись тогда единственно-раціональными и находили себѣ убѣжденныхъ и краснорѣчивыхъ защитниковъ въ рядахъ идеологовъ и практиковъ.

Во всякомъ случаѣ, этотъ законъ остается однимъ изъ лучшихъ памятниковъ дѣятельности Конституанты. И какъ бы мы ни

---

fortifications et autres objets" отъ 8—10 іюля 91 г. мы читаемъ: „Les prisons militaires, autant qu'il sera possible, seront toujours separées des prisons civiles" (art. 53).

были далеки отъ идеаловъ этой эпохи, мы не можемъ не присоединиться къ словамъ Бюзо: *«Le nouvel ordre judiciaire criminel est un des plus grands bienfaits de la Révolution.* C'est de l'institution des jurés que dépend essentiellement la liberté individuelle, sans laquelle la liberté politique elle-même est souvent inutile au bonheur des citoyens...» [1]).

Этотъ замѣчательный законодательный актъ былъ вскорѣ дополненъ особой «Инструкціей» — 21-го октября 91 г., которая является своего рода руководствомъ для лицъ полицейскаго и судебнаго вѣдомства при примѣненіи соотвѣтствующихъ статей уголовнаго кодекса [2]).

Введеніе къ инструкціи очерчиваетъ роль и предѣлы полномочій полицейской власти.

Общественная безопасность—гласитъ инструкція—достижима лишь при взаимодѣйствіи двухъ властей: полицейской и судебной. Сущность полицейской дѣятельности — въ бдительности; ничто не должно ускользать отъ ея вниманія. Но она должна дѣйствовать съ умѣренностью, чтобы не нарушить интересовъ тѣхъ, кого она призвана защищать, чтобы со стороны послѣднихъ не было жалобъ на то учрежденіе, которое создано въ ихъ же выгодахъ, чтобы мѣропріятія, предпринятыя въ ихъ пользу, не были для нихъ тяжеле того зла, отъ котораго они должны были-бы избавить.... [3]). Если принципы дѣятельности полицейской власти — болѣе или менѣе постоянны, то проведеніе ихъ въ жизнь можетъ модифицироваться тысячью обстоятельствъ, ускользающихъ отъ предвидѣнія закона. Поэтому, представители этой власти должны быть облечены такимъ довѣріемъ, которое может быть оказано лишь людямъ съ незапятнанной репутаціей (mandataires infiniment [4])

---

[1]) *Jacques Hérissay.* Un Girondin. François Buzot 1760—1794. Paris. 1907. стр. 161. Курсивъ—мой. А. Б.

[2]) *„Décret en forme d'instruction pour la procédure criminelle“.* См. *Duvergier.* о. с. т. III. стр. 478—515.

[3]) Вотъ—это любопытное мѣсто въ подлинникѣ: „—mais son action (de la police) doit être assez modérée, pour ne pas blesser l'individu qu'elle atteint. Il ne faut pas qu'il ait à regretter l'institution d'un pouvoir constitué pour son avantage; et que les précautions prises en sa faveur soient plus insupportables, que les maux dont elles doivent l'affranchir“.

[4]) У другихъ невѣрно—„extrêmement“. См., напр., *Coffinières.* о. с. т. I. стр. 350.

purs)... И декретъ указываетъ, что наиболѣе подходящей къ вышеуказаннымъ условіямъ является должность мирового судьи— избранника народа, хорошо знающаго ввѣренный ему небольшой районъ и хорошо въ немъ извѣстнаго. Однако, одни мировые судьи не могутъ удовлетворить потребности въ полицейской службѣ. Полиція безопасности требуетъ отъ своихъ слугъ не только безпристрастія и неустрашимости, но и энергіи, она требуетъ ихъ присутствія на самомъ мѣстѣ преступленія, требуетъ, чтобы они шли по горячимъ слѣдамъ, дабы легче установить виновниковъ совершившагося преступленія. Эти соображенія побудили Національное Собраніе передать нѣкоторыя изъ функцій полиціи безопасности королевской жандармеріи, которая должна разслѣдовать преступленія, совершенныя внѣ городовъ. Національное Собраніе питаетъ прочную увѣренность, что почтенные избраніемъ со стороны народныхъ же избранниковъ, въ виду высокой важности ввѣренныхъ имъ функцій — они сумѣютъ оправдать это довѣріе глубокимъ уваженіемъ къ закону и свободѣ своихъ согражданъ. Въ чемъ же должны заключаться функціи органовъ полиціи безопасности? Инструкція ихъ опредѣляетъ такъ: a) принимать жалобы и заявленія, b) составлять протоколы и производить полицейское дознаніе, c) допрашивать преступника или обвиняемаго и примѣнять къ нему въ случаѣ надобности задержаніе въ качествѣ мѣры обезпеченія. Обсуждая вопросъ о приказахъ, инструкція рекомендуетъ крайнюю осторожность въ пользованіи mandat d'amener, такъ какъ уже требованіе явки представляетъ существенное нарушеніе личной свободы гражданина. Однако—добавляетъ декретъ— одинъ законъ можетъ обезпечить свободу всѣмъ; поэтому, никто не можетъ отказать въ явкѣ къ закономъ установленной и общественнымъ довѣріемъ облеченной власти, чтобы облегчить задачу правосудія [1]). Право призыва и привода гражданъ не можетъ быть произвольнымъ; полицейская власть подчиняется здѣсь спеціальнымъ правиламъ, отъ исполненія коихъ она уклониться не можетъ... Она не должна тревожить спокойствія гражданъ изъ за

---

[1]) „...Cet hommage—читаемъ въ инструкціи—à la puissance uniforme de la loi, est tout à la fois le prix et la sauve-garde de la liberté de chaque individu...“

незаслуживающей довѣрія жалобы. Исполнители приказа о приводѣ должны сперва предложить гражданину добровольно явиться на призывъ власти, и, если онъ подчинится этому требованію, роль предъявителя мандата сводится къ простому сопровожденію вызваннаго; если же онъ откажетъ въ повиновеніи, къ нему должна быть примѣнена сила, но принужденіе не должно переходить границъ умѣренности [1]). Объяснивъ намѣренія законодателя относительно дальнѣйшей процедуры по выдачѣ mandat d'amener, инструкція останавливается подробно на освобожденіи арестованнаго подъ условіемъ представленія залога. Величина залога не можетъ быть опредѣлена неизмѣнно разъ навсегда; она должна быть предоставлена усмотрѣнію судебной власти. Но послѣдняя должна имѣть въ виду, что залогъ не долженъ быть иллюзорнымъ или имѣть своей задачей вырвать обвиняемаго изъ рукъ правосудія. Онъ долженъ быть значительнымъ, чтобъ люди берущіе на себя поручительство были убѣждены, что лицо, за которое они ручаются, неспособно злоупотребить ихъ довѣріемъ [2]).

Вторая часть инструкціи посвящена судебной организаціи. Здѣсь подробно истолковывается новая система судебныхъ инстанцій и объясняется роль: полицейско-судебной власти по заключеніи предварительнаго слѣдствія, обвинительнаго жюри и уголовнаго суда. Здѣсь же инструкція толкуетъ о мѣрахъ, направленныхъ къ улучшенію тюремнаго режима. Мы не будемъ останавливаться на этомъ пунктѣ, такъ какъ говорили о немъ выше, да и инструкція въ этой области не сообщаетъ ничего новаго.

---

[1]) „...L'emploi même de cette force doit être sagement modéré; elle doit contraindre l'individu, mais non pas l'accabler"—гласитъ декретъ. Въ этомъ смыслѣ инструкція 91 г. стоитъ на уровнѣ современной теоріи. „По существу—читаемъ мы въ изслѣдованіи Люблинскаго—приводъ не является принудительнымъ актомъ. Основное его отличіе отъ призыва—требованіе немедленности явки. Для обезпеченія такой немедленности особому органу поручается наблюденіе надъ исполненіемъ ея съ правомъ прибѣгнуть къ принужденію въ случаѣ невыполненія этого предписанія. Принужденіе слѣдовательно зависитъ отъ соблюденія приводимымъ предписанія суда". *П. И. Люблинскій.* о. с. стр. 268.

[2]) „...C'est un contrat sacré—говоритъ инструкція—que celui qui se forme par le cautionnement, entre le prévenu qui évite ainsi le malheur de la détention, et les amis qui, en le cautionnant, lui donnent la plus haute preuve de leur confiance et de leur éstime".

Она только усиленно подчеркиваетъ, что надзоръ муниципалитета долженъ осуществляться въ мягкихъ и гуманныхъ формахъ. Гуманное отношеніе—гласитъ инструкція—способно болѣе воздѣйствовать на людей, уже достаточно несчастныхъ, благодаря лишенію свободы, чѣмъ безполезная суровость. Чрезмѣрная строгость была бы не только противной намѣреніямъ законодателя, но была бы поставлена въ вину представителю власти, злоупотребившему своей миссіей. Онъ никогда не долженъ упускать изъ виду, что лица, отъ которыхъ общество защищаетъ себя ихъ заключеніемъ, находятся все же подъ покровительствомъ закона [1]). Гуманное отношеніе къ заключеннымъ нисколько не исключаетъ возможности твердыхъ и настойчивыхъ требованій къ нимъ, когда въ этомъ окажется надобность. Самымъ детальнымъ образомъ регламентируетъ инструкція и поведеніе тюремной администраціи, начиная съ низшихъ ея агентовъ. Каждый шагъ ихъ въ отношеніи къ заключеннымъ долженъ быть запротоколированъ. Реэстры должны быть всегда открыты для ревизій компетентной власти. По мѣрѣ заполненія ихъ они поступаютъ въ судебную канцелярію, гдѣ визируются президентомъ суда. Цѣль всѣхъ этихъ мѣръ предосторожности — гласитъ инструкція—заключается въ стремленіи предупредить случаи незаконнаго лишенія свободы... Уваженіе къ свободѣ есть первый долгъ законодателя свободнаго народа. Мало того, чтобы широкимъ народнымъ массамъ были дарованы конституціей блага политической свободы, необходимо, чтобы и всѣ другія учрежденія страны оказывали покровительство свободѣ личной.

Эта инструкція, наряду съ закономъ, къ которому она относится, останется однимъ изъ самыхъ мощныхъ и чистыхъ памятниковъ Конституанты. Нигдѣ она не отнеслась съ такимъ вниманіемъ и щепетильностью къ гарантіямъ личной свободы, какъ въ этихъ законодательныхъ актахъ [2]). Принципы, освященные ими,

---

[1]) „...L'officier municipal—продолжаетъ декретъ—ne doit donc paraître aux yeux des détenus que comme un consolateur toujours disposé à entendre leurs plaintes, à satisfaire à leurs besoins, à arranger leurs querelles s'il s'en élevait parmi eux; enfin, à leur procurer tous les moyens possibles et convenables d'adoucir le désagrément de leur détention...."

[2]) „...Il est permis de regretter—писалъ Coffinières про инструкцію—que la plupart des instructions... n'aient pas été reproduites sous une forme

нашли себѣ защиту и въ уголовномъ кодексѣ (Code pénal) Конституанты [1]). За покушеніе на личную свободу гражданина были установлены суровыя кары—отъ 6 до 12 лѣтъ тюремнаго заключенія. Ст. 19-я (2-я часть, раздѣлъ II-ой) грозила 6-ти лѣтнимъ одиночнымъ заключеніемъ (la gêne) всякому, независимо отъ званія или положенія, кто, не имѣя закономъ установленнаго права, дастъ, подпишетъ или исполнитъ приказъ о задержаніи кого бы то ни было, или самостоятельно арестуетъ, не передавъ немедленно задержаннаго полицейской власти. Ст. 21-я грозитъ тѣмъ же наказаніемъ, что и ст. 19-я, тюремнымъ смотрителямъ и надзирателямъ, которые примутъ арестанта безъ спеціальнаго приказа объ арестѣ, приговора суда или другого, закономъ установленнаго акта. Ст. 22-я грозитъ тѣмъ же наказаніемъ всѣмъ, давшимъ или исполнившимъ приказъ о заключеніи въ какомъ либо иномъ помѣщеніи, чѣмъ то, которое указано закономъ. Наказаніе увеличивается вдвое, если соотвѣтствующій приказъ подписанъ органомъ исполнительной власти. Наконецъ, всякое покушеніе на личную свободу члена законодательнаго собранія кодексъ считаетъ квалифицированнымъ преступленіемъ и караетъ его смертной казнью (ст. 4). Нарушеніе письмовной тайны влечетъ за собой лишеніе правъ состоянія.

Такимъ образомъ, личная свобода получила въ уголовномъ кодексѣ серьезную судебную защиту. Вмѣстѣ съ тѣмъ новый кодексъ рѣзко отличается отъ стараго уголовнаго законодательства своимъ гуманнымъ настроеніемъ [2]).

Судебной организаціи Конституанты не суждено было жить долго. Наступившія революціонныя бури были сильнѣе ея свободолюби-

---

quelconque dans notre législation; car il nous paraît impossible de concibler d'une manière plus parfaite ce que préscrit la justice avec ce que réclame l'humanité". *Coffinières*. o. c. т. I. стр. 364.

[1]) *А. P.* т. XXXI. стр. 326—339. *Duvergier*. т. III. стр. 403—419.

[2]) Нѣкоторыя наказанія, какъ высылка изъ одной провинціи въ другую, рѣшетки, позорные столбы и т. п. исчезли вовсе. Впрочемъ, приговоренные къ лишенію правъ состоянія, каторжнымъ работамъ (la peine des fers), одиночному тюремному заключенію до приведенія приговора въ исполненіе выставлялись на извѣстное время на общественной площади. Пытокъ болѣе не существовало. Смертная казнь была оставлена за слѣдующія преступленія: государственную измѣну, покушеніе на ниспроверженіе государственнаго строя, заговоръ противъ короля, поддѣлку кредитныхъ билетовъ, умышленный поджогъ, оскопленіе, продажу голоса членомъ легислатуры.

выхъ стремленій. Конституанта сама стала отступать отъ своихъ принциповъ, когда поднявшіяся волны демократическаго движенія грозили затопить въ своемъ бурномъ стремленіи и правительство и созданныя имъ учрежденія. Защищаясь, она вступаетъ на почву чрезвычайныхъ законовъ, исключительныхъ положеній, которыя при слѣдующихъ революціонныхъ режимахъ обращаются въ систему. Идеи свободы, торжественно возглашенныя Деклараціей и прочими законодательными актами Конституанты, постепенно обращаются въ миѳъ. «Естественныя, неотчуждаемыя и священныя» права отдаются на закланіе государству, которое для своего упроченія не останавливается ни передъ какими жертвами.

Ниже мы остановимся подробно на чрезвычайномъ законодательствѣ Конституанты, а сейчасъ бросимъ бѣглый взглядъ на ея практику въ области защиты личной свободы. Здѣсь наиболѣе интересной страницей является ея борьба противъ пережитковъ lettres de cachet.

Еще 9-го Октября 89 г. въ засѣданіи Собранія было прочитано письмо нѣкоего духовнаго лица, давно томящагося въ тюрьмѣ въ силу l. d. c., въ которомъ онъ предлагаетъ на нужды отечества двѣсти ливровъ ежегодной ренты при условіи, что онъ получитъ свободу[1]). Письмо это вызвало сильнѣйшее возбужденіе: Собраніе постановило немедленно ходатайствовать передъ королемъ объ отмѣнѣ этого l. d. c. Графъ Монморанси при этомъ резонно замѣтилъ, что не имѣетъ смысла толковать объ одномъ l. d. c., а слѣдуетъ поставить общій вопросъ на одномъ изъ ближайшихъ засѣданій объ отмѣнѣ всѣхъ вообще приказовъ такого рода. Собраніе встрѣтило это предложеніе сочувственно и въ вечернемъ засѣданіи 12-го октября приступило уже къ обсужденію вопроса о l. d. c.

Обсужденіе открылось рѣчью Кастеллана, который, напомнивъ Собранію о седьмой статьѣ Деклараціи, замѣтилъ, что, не смотря на принципы, возглашенные ею, еще очень многіе граждане, не подвергавшіеся никакому судебному преслѣдованію, томятся въ тюрьмахъ и являются, такимъ-образомъ, жертвами министерскаго

---

[1]) *A. P.* т. IX. стр. 390.

деспотизма, хотя—казалось-бы—послѣдній не долженъ болѣе имѣть мѣста... Въ тюрьмахъ вообще можно найти немало какъ жертвъ администраціи, такъ и жертвъ семейныхъ ходатайствъ. И Кастелланъ внесъ слѣдующее предложеніе: Національное Собраніе, полагая, что важнѣйшимъ правомъ человѣка является свобода и что лишеніе свободы можетъ послѣдовать только въ закономъ установленныхъ случаяхъ и съ соблюденіемъ закономъ указанныхъ формъ... постановляетъ—немедленно вернуть всѣмъ изгнаннымъ или заточеннымъ въ силу l. d. c. и другихъ произвольныхъ приказовъ, свободу, а также просить Его Величество дать приказы губернаторамъ и начальникамъ государственныхъ тюремъ, чтобы они освободили безъ промедленія всѣхъ заключенныхъ, кромѣ тѣхъ, кто обвиняется по закону; послѣдніе должны быть направлены къ ихъ «juges naturels»[1]).

Предложенія Кастеллана были горячо поддержаны и слѣдующимъ ораторомъ Баррeромъ де Вьезакомъ, который обрушился, главнымъ образомъ, на государственныя тюрьмы, доказывая ихъ полную безполезность и требуя ихъ немедленнаго превращенія изъ административнаго мѣста заключенія въ законныя тюрьмы (prisons légales)[2]). Новое предложеніе внесъ Дешанъ, именно: истребовать отъ администраціи полный списокъ всѣхъ заключенныхъ съ изложеніемъ мотивовъ ихъ задержанія. Для оцѣнки этихъ мотивовъ долженъ быть избранъ спеціальный комитетъ. Противъ предложенія Дешана выступилъ Робеспьеръ, доказывая, что проектъ его какъ-бы признаетъ косвенно систему l. d. c. и тѣмъ самымъ противорѣчитъ первоначальному проекту Кастеллана. Поэтому, онъ высказывается за раздѣленіе обоихъ предложеній. Въ виду поздняго времени засѣданіе было закрыто и вопросъ о l. d. c. былъ отложенъ на неопредѣленный срокъ. Только 23-го октября о немъ вспоминаетъ графъ де-Дортанъ, который и предлагаетъ Собранію, въ виду отсутствія у послѣдняго свободнаго времени, образовать спеціальную комиссію изъ четырехъ лицъ, которая могла бы сдѣлать предварительную работу, т. е. установить точный списокъ всѣхъ за-

[1]) *А. Р.* т. IX. стр. 412—413. *М.* т. II. стр. 52—даетъ неполный отчетъ.

[2]) *А. Р.* т. IX. стр. 413—414.

ключенныхъ и ознакомиться съ мотивами ихъ задержанія. Собраніе согласилось и комиссія была избрана. Однако, поглощенное важными государственными заботами, Собраніе не скоро вспоминаетъ о судьбѣ своей комиссіи и прошло слишкомъ два мѣсяца, прежде чѣмъ послѣдняя обнаружила первые признаки своего существованія. 2-го января 90 г. Кастелланъ выступаетъ въ Собраніи съ докладомъ отъ имени комитета (Comité des l. d. c. [1]). Онъ сообщаетъ, что министръ Сенъ-Пристъ одушевленъ тѣми-же чувствами, что и Собраніе, но что онъ не могъ дать комитету удовлетворительныхъ разъясненій относительно государственныхъ заключенныхъ, хотя бы уже потому, что онъ, по бо́льшей части, не знаетъ даже ихъ именъ. Комитетъ въ виду крайней важности имѣть возможно точныя свѣдѣнія относительно всѣхъ незаконно заключенныхъ вноситъ въ Собраніе слѣдующій проектъ: предложить всѣмъ губернаторамъ, королевскимъ лейтенантамъ, начальникамъ тюремъ и монастырямъ въ недѣльный срокъ по полученіи настоящаго декрета представить въ Національное Собраніе полный списокъ именъ и прозвищъ всѣхъ заключенныхъ съ указаніемъ причинъ и датъ ихъ заключенія. Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній Собраніе одобрило этотъ проектъ, пополнивъ свой декретъ постановленіемъ о доставленіи вмѣстѣ съ спискомъ заключенныхъ и экстрактовъ приказовъ, которые были противъ нихъ даны.

Переписка и сношенія съ администраціей, повидимому, отняли опять не мало времени, потому что только 20-го февраля, т. е., слѣдовательно, почти черезъ два мѣсяца, Кастелланъ представилъ Собранію докладъ отъ имени комитета [2]). Кастелланъ объяснялъ проволочки чрезвычайной трудностью задачи: невинные и виновные были перемѣшаны вмѣстѣ; было очень трудно разобраться въ этомъ хаосѣ. Комитетъ предлагаетъ всѣхъ заключенныхъ разбить на четыре группы: 1) тѣхъ, которые вовсе не подвергались судебному преслѣдованію. 2) лишившихся употребленія разсудка 3) осужденныхъ въ судебномъ порядкѣ и заключенныхъ для смягченія наказанія и 4) арестованныхъ по приговору суда. Относительно первой группы комитетъ представилъ слѣдующія соображенія.

---

[1]) *А. Р.* т. XI. стр. 66—67.
[2]) *А. Р.* т. XI. стр. 661—663.

Было бы справедливо всѣхъ, принадлежащихъ къ этой группѣ, немедленно отпустить на свободу, но какъ собственные интересы заключенныхъ, такъ и интересы общественнаго порядка рекомендуютъ задержать ихъ еще на нѣкоторый промежутокъ времени: вопервыхъ, чтобы дать возможность ихъ родственникамъ обезпечить ихъ существованіе; вовторыхъ, чтобы тѣ, которые были задержаны полиціей, въ мертвый сезонъ за отсутствіемъ работы не совершили какихъ либо новыхъ правонарушеній, влекущихъ за собой болѣе тяжкое наказаніе. Комитетъ отлично понимаетъ—гласилъ докладъ—суровость рекомендуемой имъ мѣры, въ особенности по отношенію къ тѣмъ, которые могли-бы быть освобождены немедленно. Но освобожденіе членовъ первой группы могло-бы состояться лишь въ силу общаго рѣшенія; пусть-же и невинно пострадавшіе ждутъ терпѣливо этого срока и надѣются на скорое освобожденіе. Во второй группѣ — по мнѣнію комитета — несомнѣнно, есть и такіе, которые вовсе не сходили съ ума. Очень часто лица, прибѣгавшія къ помощи l. d. c. для заточенія родственниковъ, выставляли ихъ безумными, и такъ какъ послѣдніе не могли опротестовать заявленій своихъ родственниковъ, ибо всѣ ихъ письма къ государственному секретарю, какъ обнаружили Бастильскіе Архивы вскрывались, то представляется совершенно невозможнымъ опредѣлить сейчасъ дѣйствительное состояніе каждаго заключеннаго. Поэтому, Собраніе — по мнѣнію комитета — должно предложить дистриктамъ назначить докторовъ для освидѣтельствованія всѣхъ заключенныхъ. И такъ какъ у страдающихъ психическимъ разстройствомъ бываютъ свѣтлые промежутки (lucida intervalla), то необходимо докторамъ дать достаточное время для оцѣнки истиннаго состоянія ихъ паціентовъ. Наконецъ, Собраніе должно подумать и объ обезпеченіи въ той или иной формѣ дальнѣйшей судьбы этихъ несчастныхъ; возможно, что многіе обязаны теперешнимъ своимъ состояніемъ долговременному заключенію и мукамъ, которыя они тамъ претерпѣли. Гораздо труднѣе рѣшить судьбу тѣхъ, которыхъ комитетъ отнесъ къ третьей группѣ. Если въ этой группѣ есть невинные, то, конечно, они должны быть объявлены таковыми и немедленно получить свободу. Виновные, наоборотъ, не могутъ быть освобождены отъ отвѣтственности и комитетъ не желалъбы лишать общество законнаго удовлетворенія. Но пожелало-ли бы само

общество отправить на эшафотъ несчастныхъ, которые въ теченіе долголѣтняго тюремнаго заключенія, быть можетъ, не разъ уже жалѣли о казни, къ которой были присуждены... Наступившая эра свободы не можетъ вернуть ихъ къ смерти. Эта мысль возмутила-бы человѣчество! Слѣдуетъ, поэтому, легализировать смягченіе наказанія, предоставивъ, однако, всѣмъ желающимъ возможность подвергнуться тяжести судебнаго приговора вмѣсто того безсрочнаго тюремнаго заключенія, которое было имъ даровано, какъ милость. Наконецъ, лица принадлежащія къ четвертой и послѣдней группѣ, должны получить возможность документировать свою невинность. Суды, передъ которыми предстанутъ преступники послѣдней категоріи, выскажутся относительно ихъ виновности. Національному же Собранію предстоитъ озаботиться изданіемъ спеціальнаго закона, который долженъ установить наказанія для этой категоріи преступниковъ. По убѣжденію комитета наказаніе не должно превышать двѣнадцатилѣтняго тюремнаго заключенія, считая и то время, которое они уже пробыли въ тюрьмѣ.

Въ заключеніе Кастелланъ прочелъ обширный законопроектъ изъ девяти параграфовъ. Отмѣтимъ наиболѣе важные.

§ 1-ый предписываетъ начальникамъ государственныхъ тюремъ и другихъ мѣстъ, служившихъ таковыми, освободить въ теченіе шестинедѣльнаго срока всѣхъ, за исключеніемъ подвергнутыхъ тюремному заключенію въ силу судебнаго рѣшенія или по причинѣ безумія и арестованныхъ по приговору суда.

§ 2-ой предписываетъ произвести въ трехмѣсячный срокъ медицинскую экспертизу всѣхъ, считающихся больными.

§ 3-ій разрѣшаетъ всѣмъ, находящимся въ заключеніи въ силу смягченія судебнаго приговора, или отбыть срокъ наказанія, указанный въ приказѣ (максимальная норма—12 лѣтъ, считая и то время, которое они уже пробыли въ тюрьмѣ) или подвергнуться тяжести того наказанія, которое было установлено судебнымъ приговоромъ.

§ 4-ый предписываетъ немедленно перевести въ «законныя тюрьмы» всѣхъ, осужденныхъ въ первой инстанціи или арестованныхъ по приговору суда и т. д. и т. д.

Докладъ комитета имѣлъ громадный успѣхъ. Обсужденіе его началось 27-го февраля 90 г. Въ этомъ засѣданіи были внесены

лишь незначительныя поправки [1]). Фрето, выступивъ въ защиту предразсудковъ стараго режима, предлагалъ исключить изъ 1-го параграфа комитетскаго проекта всѣхъ тѣхъ, которые были заключены по жалобамъ и просьбамъ родственниковъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ организованъ «семейный судъ» (tribunal domestique). Пеллеренъ предлагалъ замѣнить всѣ 9 параграфовъ декрета однимъ, по которому всѣ заключенные въ государственныхъ тюрьмахъ должны были быть представлены въ общіе суды немедленно по простому требованію ихъ. Послѣднее должно быть сообщено и родственникамъ, которые могутъ представить свой отзывъ въ двухнедѣльный срокъ. При отсутствіи таковаго заключенные должны быть освобождены немедленно [2]).

Пренія продолжались и въ засѣданіи 13-го марта[3]). Аббатъ Мори категорически высказывается противъ комитетскаго законопроекта. Сперва—говоритъ онъ—слѣдуетъ организовать суды и судебную власть, а тогда уже приступать къ освобожденію тѣхъ, которые могутъ ими воспользоваться, не нарушая интересовъ общества... Конечно, среди заключенныхъ много такихъ, которые осуждены не на законныхъ основаніяхъ: напримѣръ, мужья отравившіе женъ, сыновья—отцовъ и т. п., но почему нужно ихъ немедленно возвращать обществу? Я не требую для нихъ вѣчнаго заключенія, но не слѣдуетъ заниматься ими раньше, чѣмъ мы покончимъ съ общими интересами. Тогда пусть каждый взываетъкъ правосудію. Кто будетъ молчать признаетъ этимъ самъ свою виновность. Робеспьеръ, наоборотъ, возмущается медленностью предпринятой работы. Шесть мѣсяцевъ мы засѣдаемъ, восклицаетъ онъ, и все еще не можемъ вернуть свободы несчастнымъ жертвамъ произвола... Толкуютъ о людяхъ, заключенныхъ въ силу семейныхъ ходатайствъ, и забываютъ, что лучше помиловать 100 виновныхъ,

---

[1]) *А. Р.* т. XI. стр. 731.

[2]) Герцогъ Левисъ предлагалъ раздѣлить всѣхъ заключенныхъ въ государственныхъ тюрьмахъ на слѣдующія 4 группы: а) люди, неугодившіе „aux gens en place"; такихъ должно быть очень много, полагалъ герцогъ, потому что „gens en place"—въ смыслѣ пользованія l. d. c.—были всѣ, начиная съ перваго министра до любовницы послѣдняго канцеляриста. b) заключенные по просьбѣ родственниковъ или за полицейскіе проступки, c) по причинѣ безумія. d) по причинѣ смягченія наказанія. *Lameth.* o. c. т. II. стр. 46—48.

[3]) *А. Р.* т. XII. стр. 160—161.

чѣмъ наказать одного невиннаго. Декретъ долженъ быть опубликованъ въ недѣльный срокъ и съ опубликованіемъ его всѣ должны получить свободу... Большой шумъ вызываетъ неожиданный протестъ Дюваля д'Епремениля противъ «сыскныхъ комитетовъ» (comités des recherches) Конституанты. Необходимо положить конецъ—говорилъ Епремениль—инквизиторскимъ розыскамъ комитетовъ и ихъ произвольнымъ арестамъ... Они заключаютъ людей безъ всякаго допроса; заключаютъ больше, чѣмъ старый деспотизмъ. Шапелье выступилъ въ защиту комитетовъ, доказывая ихъ необходимость въ смутное время, переживаемое страной. Вопросъ, поднятый д'Епременилемъ былъ оставленъ безъ послѣдствій и Собраніе перешло къ обсужденію комитетскаго проекта, успѣвъ разсмотрѣть въ этомъ засѣданіи только одинъ первый параграфъ. Но въ него были внесены очень важныя измѣненія[1]). Именно, къ числу не подлежащихъ немедленному освобожденію были причислены: 1) тѣ, на которыхъ были принесены жалобы по поводу преступленій, влекущихъ за собой позорящія наказанія, и 2) тѣ, заключенія которыхъ требовали отецъ, мать, дѣдъ или бабка на основаніи соображеній, опирающихся на «очень важные факты.» Благодаря этой поправкѣ, одно изъ вопіющихъ злоупотребленій Стараго Порядка проскользнуло и въ новый законъ Конституанты. Самый способъ выраженій новаго декрета долженъ быть признанъ въ высшей степени неудачнымъ. Такой законодательный терминъ какъ «очень важные факты», могъ конечно, подлежать самымъ разнообразнымъ субъективнымъ толкованіямъ.

Остальныя статьи законопроекта обсуждались въ засѣданіи 16-го марта. Послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній онѣ были приняты въ слѣдующемъ видѣ: Ст. 2-я лишала милостей новаго закона всѣхъ нищихъ и бродягъ, заключенныхъ рѣшеніемъ судьи или предписаніемъ полицейской власти [2]). Ст. 3-я воспроизводила 4-ю статью

---

[1]) *A. P.* т. XII. стр. 162. Декрету предшествовалъ обширный „préambule", въ которомъ нашли мѣсто руководящія начала, вдохновившія Собраніе на этотъ актъ.

[2]) Отношеніе Конституанты къ нищенству и бродяжничеству заслуживаетъ вниманія. 21-го янв. 90 г. она образовала особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ герц. де-ла Рошфуко-Ліанкура (de la Rochefoucauld-Liancourt), которому и было поручено изысканіе средствъ для борьбы съ нищенствомъ

проекта комитета. Ст. 4-я гласила, что лица, относительно коихъ не состоялось судебнаго рѣшенія, но на которыхъ была принесена жалоба въ совершеніи какого-либо преступленія, должны быть отданы правосудію, если пожелаютъ этого сами и въ послѣднемъ случаѣ могутъ получить свободу только въ силу судебнаго приговора. Если

(comité de mendicité). Комитетъ къ осени 91 г. успѣлъ изготовить семь докладовъ, имѣющихъ серьезное значеніе. Прежде всего комитетъ призналъ, что наличныя формы призрѣнія находятся въ отчаянномъ положеніи. Госпитали не удовлетворяютъ самымъ снисходительнымъ требованіямъ. Воздухъ, вода, чистота—понятія имъ незнакомыя. Въ одной постели спятъ нерѣдко по 4 или даже по 8—здоровыхъ и больныхъ безразлично. Скудная и плохая пища. Жестокія дисциплинарныя наказанія. Заразительныя болѣзни свирѣпствуютъ. Шестая часть заключенныхъ вымираетъ ежегодно. Значительно позже Мишле такъ характеризовалъ госпитали Стараго Порядка: „Nos anciens hôpitaux ne différaient en rien des maisons de correction. Le malade, le pauvre, le prisonnier, qu'on y jetait, était envisagé toujours comme un pécheur frappé de Dieu, qui d'abord devait expier. Il subissait de cruels traitements. Une charité si terrible épouvantait. Les noms si doux d'Hôtel-Dieu, de Charité, de Pitié, de Bon Pasteur etc. ne rassuraient personne. Les malades se cachaient pour mourir, de peur d'y être trainés. Dans les famines qui, sous Mazarin et Colbert, eurent lieu de trois ans en trois ans, rien ne pouvait décider les affamés à aller se faire nourrir à l'Hôpital Général... Les sains et les malades couchaient pêle-mêle quatre, six, dans un lit. Cette promiscuité hideuse avec les galeux et les vénériens, des gens couverts d'ulcères, faisait frémir. Il y eut des scènes terribles. *R. Fenner.* o. c. стр. 38—39 и дал.

Доклады комитета Конституанты устанавливаютъ совершенно новую точку зрѣнія на вопросъ. Уничтоженіе нищенства есть важнѣйшая соціальная проблема, требующая немедленнаго разрѣшенія—говорится въ 4-мъ докладѣ. „La où il existe une classe d'hommes sans subsistances, là il existe une violation des droits de l'humanité; là l'équilibre social est rompu". Поэтому, на призрѣніе бѣдныхъ—по мнѣнію комитета—нельзя смотрѣть, какъ на благодѣяніе со стороны государства. Оно—его долгъ. Если государство не въ состояніи дать работу всякому желающему работать, оно само повинно въ нищенствѣ и бродяжничествѣ и преступленіяхъ, отъ сего проистекающихъ. Помощь со стороны государства можетъ быть только трудовой. Въ согласіи съ этими принципами комитетъ выработалъ и соотвѣтствующій законопроектъ. Призрѣніе бѣдныхъ было объявлено долгомъ государства. Испрашивалась ежегодная субсидія въ 50 милл. ливровъ. Больные должны были получать врачебную помощь, безпріютные дѣти размѣщены въ деревняхъ, старцы и инвалиды получать небольшую ренту. Для здоровыхъ должны быть открыты мастерскія. Проектъ комитета сталъ закономъ 27 сент. 1790 г. Были открыты мастерскія, но онѣ не оправдали возлагавшихся на нихъ ожиданій. Работы не нашлось въ томъ количествѣ, которое было необходимо для многочисленной кліентелы. Начались злоупотребленія и декретъ 16 Іюня 1791 г. постановилъ закрыть мастерскія. Вопросъ остался открытымъ. *Ibidem.* стр. 47—53.

эти лица отказались отъ обращенія въ судъ, заключеніе ихъ должно продолжаться, но подъ условіемъ, чтобы оно въ общемъ не превысило шестилѣтняго срока. Ст. 5-я разъясняла, что всѣ, подлежащіе суду въ силу двухъ предшествующихъ статей и осужденные, не могутъ быть приговорены болѣе чѣмъ къ 15-ти лѣтнему тюремному заключенію, за исключеніемъ случаевъ убійства, отравленія или поджога. Въ этихъ случаяхъ заключеніе можетъ быть безсрочнымъ. Смертная казнь и безсрочныя галеры—недопустимы. При назначеніи срока тюремнаго заключенія засчитываются и тѣ года, которые уже были проведены въ тюрьмѣ или другихъ мѣстахъ заключенія. Ст. 6-я предписываетъ освободить всѣхъ заключенныхъ по семейнымъ жалобамъ, если только въ трехмѣсячный срокъ по изданіи декрета въ судъ не поступитъ новыхъ жалобъ по поводу инкриминируемыхъ имъ дѣяній. Ст. 7-я устанавливаетъ тотъ же принципъ, что и ст. 4-я. Она касается только тѣхъ, которые за свое дѣяніе могли быть подвергнуты какому-либо «позорящему» наказанію (исключаются смертная казнь, безсрочныя галеры, пожизненная ссылка). Максимальный срокъ ихъ заключенія считается въ десять лѣтъ, при чемъ засчитываются и тѣ года, которые были уже проведены въ тюрьмѣ. Ст. 8-я предписываетъ немедленное освобожденіе всѣхъ, противъ которыхъ не будетъ поддержано обвиненіе. Ст. 9-я трактуетъ о медицинской экспертизѣ заключенныхъ по причинѣ безумія. Врачи должны высказаться, кого изъ нихъ можно было бы освободить, кого помѣстить въ госпиталь. Ст. 10-я является центральной. Она упраздняетъ разъ навсегда l. d. c. и подобные имъ незаконные приказы. Пострадавшимъ отъ послѣднихъ немедленно возвращается свобода. Ст. 12-я предписываетъ немедленно по освобожденіи направлять всѣхъ несовершеннолѣтнихъ къ ихъ родителямъ или опекунамъ. Въ случаѣ нужды имъ могутъ быть выдаваемы изъ спеціальныхъ средствъ домовъ заключенія или дистриктовъ денежныя пособія. Ст. 13-я обнаруживаетъ заботу въ отношеніи къ тѣмъ, которые по выходѣ изъ тюрьмы не имѣли бы средствъ существованія. Въ этихъ случаяхъ муниципалитетъ долженъ озаботиться пріисканіемъ для нуждающихся работъ въ благотворительныхъ мастерскихъ. Остальныя три статьи—14-я, 15-я и 16-я предписываютъ тюремной администраціи составить въ подвѣдомственныхъ имъ учрежденіяхъ полный списокъ всѣхъ за-

ключенныхъ, хранить эти списки въ архивахъ, наконецъ, устанавливаютъ отвѣтственность за неисполненіе этого декрета[1]).

Таковъ—первый законъ Конституанты, непосредственно направленный въ защиту личной свободы. Какіе онъ могъ дать практическіе результаты?

Работая надъ нимъ Конституанта, была, несомнѣнно, одушевлена гуманными намѣреніями. Она хотѣла ликвидировать систему, оставшуюся въ наслѣдство ей отъ Стараго Порядка, хотѣла положить конецъ тѣмъ незаслуженнымъ страданіямъ, которымъ одни подвергались, вслѣдствіе беззастѣнчивости администраціи, другіе, благодаря семейнымъ суевѣріямъ. Но Конституанта мечтала создать и такой порядокъ, при которомъ были бы немыслимы прежнія злоупотребленія. Поэтому, задача, стоявшая передъ ней заключалась: съ одной стороны, въ ликвидаціи стараго порядка, при которомъ никто не могъ быть гарантированъ отъ произвола администраціи, съ другой, въ организаціи такого порядка, при которомъ личная свобода покоилась бы на прочныхъ основаніяхъ и прежнее самоуправство администраціи стало невозможнымъ.

Что касается первой задачи, она была поставлена и разрѣшена Конституантой вполнѣ удовлетворительно.

Первая статья, напримѣръ, комитетскаго проекта правильно намѣчаетъ тѣ категоріи, которыя должны были быть исключены изъ общаго положенія. Къ сожалѣнію, Собраніе, настроенное болѣе консервативно, чѣмъ комитетъ, внесло еще новыя категоріи и своими добавленіями въ значительной мѣрѣ обезцѣнило всю статью. Если можно было бы еще мириться съ первой частью добавленія, хотя безъ надлежаще организованной судебной процедуры при такомъ порядкѣ вещей невинный человѣкъ могъ долгіе мѣсяцы провести въ предварительномъ заключеніи, то вторая часть, воскрешавшая старые порядки и вмѣшивавшая семейные счеты и интриги въ теченіе правосудія, конечно, заслуживаетъ полнаго осужденія. Въ извѣстной сте-

[1]) Собраніе не удовлетворилось этимъ декретомъ и поручило конституціонному комитету разработать проектъ еще новаго закона, коимъ бы устанавливалось право для каждаго требовать въ случаѣ задержанія предъявленія судейскаго приказа и представленія въ опредѣленный срокъ къ компетентному судьѣ. Это было своеобразной попыткой пересадить Habeas Corpus Act на французскую почву. Но порученіе такъ и осталось только порученіемъ.

ции могла парализовать вредныя послѣдствія этой статьи статья 6-я. Но и она пріобрѣтала реальное значеніе лишь при наличности «скораго» суда, котораго у Конституанты еще не было. Серьезное улучшеніе въ положеніе заключенныхъ вносили статьи 3-я, 4-я, 5-я и 7-я—во-первыхъ, сокращеніемъ срока наказанія на все время, проведенное въ предварительномъ заключеніи, во-вторыхъ, смягченіемъ нѣкоторыхъ наказаній (см. особенно ст. 5-ю). Особеннаго же вниманія заслуживаетъ ст. 13-я, въ которой Конституанта оставляетъ точку зрѣнія исключительно уголовной репрессіи и пытается разрѣшить одинъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ уголовной политики. Разумѣется, эта статья менѣе чѣмъ какая либо другая могла разсчитывать на практическое осуществленіе.

Что касается тѣхъ статей, которыми законъ думалъ создать новый порядокъ вещей, онѣ страдаютъ тѣмъ же кореннымъ недостаткомъ, который лишилъ реальнаго значенія и статьи Деклараціи, посвященныя защитѣ личной свободы. Ст. 10-я, напримѣръ, воспрещаетъ на будущее время пользованіе какими-либо незаконными приказами, вродѣ l. d. c. Но какія гарантіи даетъ законъ потерпѣвшему? Никакихъ! Ибо онъ не устанавливаетъ исковой охраны и жертва произвола, такимъ образомъ, не располагаетъ никакими дѣйствительными средствами для защиты своей личной неприкосновенности. Ст. 11-я ограничивается платоническимъ требованіемъ къ министрамъ представленія всѣмъ заключеннымъ тѣхъ инструкцій и соображеній, на основаніи коихъ противъ нихъ были даны приказы о заключеніи. Но ст. 11-я не обмолвливается ни единымъ словомъ о способахъ преслѣдованія лицъ, нарушившихъ эту законодательную норму [1]). Кромѣ того, какъ справедливо замѣтилъ еще

---

[1]) Въ Moniteur'ѣ за 90 г., въ № 113 отъ 23-го Апрѣля, въ отдѣлѣ „Variétés" была помѣщена, между прочимъ, слѣдующая любопытная замѣтка. „Жертва министерскаго деспотизма спрашиваетъ: 1) отвѣтственны ли министры стараго правительства за незаконные приказы, опорочившіе репутацію и разстроившіе положеніе гражданина? 2) Можетъ ли новое правительство узнать имена доносчиковъ, бывшихъ главными виновниками выдачи этихъ приказовъ? Вопросы эти предлагаетъ человѣкъ, сидѣвшій въ Бастиліи въ 1787-мъ году по совершенно неизвѣстнымъ ему мотивамъ; онъ знаетъ виновниковъ своего заключенія, но послѣдніе обвиняютъ министра, а министръ бѣжалъ за границу. Какимъ путемъ можно было бы добиться правосудія"? *M.* т. IV. стр. 184. Отвѣтъ появился скоро. Въ томъ-же Moniteur'ѣ, въ № 124 отъ 4-го Мая неизвѣстный авторъ объяснилъ вопрошавшему, что „при всякой формѣ правитель-

современный критикъ декрета, самое выраженіе «ministres»—недостаточно, такъ какъ многіе l. d. c., какъ обнаружили архивы Сальпетріера, Бисетра, и др., исходили непосредственно отъ полиціи. Наконецъ, разбираемая статья совершенно не объясняетъ, что слѣдуетъ понимать подъ «инструкціями и соображеніями министровъ», обезпечивая удобное поле отступленія всѣмъ уклоняющимся отъ точнаго исполненія закона [1].

Такимъ образомъ, если декретъ о l. d. c. и могъ доставить извѣстное нравственное удовлетвореніе жертвамъ произвола, томившимся въ тюрьмахъ старой монархіи, то онъ ничѣмъ не обезпечивалъ отъ возможности возвращенія къ прежнимъ злоупотребленіямъ [2]). Конституанта была на высотѣ задачи, разрушая старое; ей не подъ силу оказалось созиданіе новаго. Практика показала, что бороться съ предразсудками и злоупотребленіями, которыя глубоко въѣлись не только въ старый административный механизмъ, но и въ нравы всего общества, было не легко. Система l. d. c. и ея жертвы исчезаютъ не сразу [3]).

ства существуютъ обычаи, какъ бы имѣющіе силу закона. Агенты стараго правительства пользовались ввѣренной имъ властью, согласно правиламъ и обычаямъ прошлаго режима, а, слѣдовательно, не могутъ быть обвиняемы въ нарушеніи закона. Давать закону обратную силу значило-бы не понимать первыхъ основаній правосудія... Привлекать къ отвѣтственности старую администрацію на основаніи новыхъ законовъ было бы чудовищной нелѣпостью. Авторъ заканчиваетъ свой отвѣтъ ссылкой на девятую статью Виргинской Декларація, отрицающую за закономъ обратную силу. *Ibidem.* т. IV. стр. 275—276. Этотъ отвѣтъ вызвалъ, въ свою очередь, нѣкоторыя замѣчанія. См. *Ibidem.* т. IV. стр. 711—712.

[1]) См. замѣтку *Peuchet* въ отдѣлѣ „Législation“. *M.* 1791. № 3. стр. 18.

[2]) Коффиньеръ слишкомъ снисходительно, на нашъ взглядъ, оцѣниваетъ этотъ актъ: „La Sagesse de cet acte législatif—пишетъ онъ—nous parait remarquable, à une époque où le désir de réformer d'anciens abus, entraîna, plus d'une fois des hommes honorables à consacrer des abus contraires“. Coffinières o. c. т. I. стр. 308.

[3]) Съ извѣстнымъ предразсудкомъ стараго общества, что судебное наказаніе одного изъ членовъ семьи кладетъ позорное пятно на всю семью, Конституанта пыталась бороться путемъ спеціальнаго постановленія. Въ засѣданіи 21-го Января 90 г. Конституанта, по предложенію Гильотэна, одобрила, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: „Les délits et les crimes étant personnels, le supplice d'un coupable et les condamnations infamantes quelconques n'impriment aucune flétrissure à sa famille; l'honneur de ceux qui lui appartient n'est nullement entaché et tous continuent d'être admissibles à toutes les sortes de professions, d'emplois et de dignités“.

«...Я запертъ въ одиночной камерѣ съ 18 лѣтъ—пишетъ одинъ заключенный Бисетра. Меня четыре раза пытались отравить; я видѣлъ самъ, какъ умеръ человѣкъ отъ яда, приготовленнаго для меня. Король, наконецъ, сжалился надо мной, и даровалъ мнѣ свободу—вотъ уже шесть лѣтъ, но я все еще продолжаю сидѣть въ заключеніи въ силу неизвѣстныхъ мнѣ причинъ... Я требую разслѣдованія моего дѣла во имя Конституціи, во имя Деклараціи Правъ... Пора обратить вниманіе на тюремный режимъ, на тѣ учрежденія, которыя такъ неудачно (fort mal à propos) называются «исправительными домами (maisons de correction)» [1]). Подобнаго рода письма и дѣла направлялись для разсмотрѣнія и соотвѣтствующихъ заключеній въ «Comité des l. d. c.». Когда, напримѣръ, 28-го Апрѣля 90 г. въ засѣданіи Конституанты было доложено письмо военнаго министра Латуръ-Дюпена, просившаго разъяснить, имѣетъ ли въ виду мартовскій декретъ и проститутокъ, задержанныхъ съ солдатами и посаженныхъ въ «dépôts de mendicité», письмо было отправлено безъ обсужденія прямо въ комитетъ. Еще 2-го Іюля 90 г. аббатъ Грегуаръ указалъ Собранію, что немало французовъ въ силу приказовъ старыхъ министровъ томится въ заграничныхъ тюрьмахъ, напримѣръ, въ Вюртембергѣ, Помераніи, Шпандау, Штеттинѣ и другихъ мѣстахъ. Онъ прочелъ горячее письмо одного изъ заключенныхъ, въ которомъ тотъ проситъ подвергнуть его какому угодно наказанію, хоть послать на эшафотъ, лишь бы вернуть въ отечество. Грегуаръ предлагаетъ поручить комитету произвести спеціальное разслѣдованіе насчетъ всѣхъ заключенныхъ въ заграничныхъ тюрьмахъ и представить отчетъ Собранію. Предложеніе было одобрено. [2]) Комитетъ, повидимому, не всегда удовлетворялъ обращавшихся къ нему. Такъ, напримѣръ, въ засѣданіи Якобинцевъ 13-го Іюня 91 г. нѣкто Шепи заявилъ, что «общество пострадавшихъ отъ l. d. c.» (société des victimes des l. d. c.) нѣсколько разъ обращалось въ комитетъ Національнаго Собранія съ разными запросами, но каждый разъ

---

[1]) *Marquis de Luchet* (d'après Barbier). Mémoires pour servir à l'histoire de l'année 1789 par une Société de gens de Lettres. Paris 1790. т. IV. стр. 243—245.

[2]) *А. Р.* т. XVI. стр. 607—608.

комитетъ отказывался отвѣчать подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Можетъ-ли комитетъ изъ четырехъ лицъ—спрашивалъ Шени—брать на себя рѣшеніе такихъ важныхъ вопросовъ? Конечно нѣтъ! И необходимо, чтобы тѣ изъ членовъ общества, которые, состоятъ въ то же время и членами Національнаго Собранія—заставили-бы комитетъ серьезнѣе относиться къ заявленіямъ всѣхъ пострадавшихъ отъ произвола исполнительной власти! [1]).

Послѣднее l. d. c., по отзыву одного компетентнаго писателя, было изготовлено 15-го Марта 90 г. [2]) и было дано С. Пристомъ для отправленія въ госпиталь какого-то дворянина Фонталора [3]).

Сохранились интересные матеріалы, показывающіе, какъ осуществлялись на практикѣ декреты Конституанты.

Первая ревизія тюремъ была предпринята еще 29-го Марта 90 г. Въ ней участвовали мэръ Бальи, Дюпоръ и одинъ изъ старшихъ полицейскихъ чиновниковъ. Въ результатѣ обозрѣнія Парижскихъ тюремъ они освободили до сотни лицъ, заключенныхъ въ силу l. d. c. [4]) Но на этомъ дѣло и остановилось. По крайней мѣрѣ, въ бумагахъ парижской коммуны за революціонную эпоху мы находимъ въ высшей степени любопытную переписку между Національнымъ Собраніемъ и муниципалитетомъ по поводу небрежнаго отношенія домовъ заключенія къ январскому и мартовскому декретамъ Конституанты.

24-го ноября 90 г. Comité des lettres de cachet обратился къ Парижскому муниципалитету, съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «...Нашъ долгъ обязываетъ напомнить вамъ о декретахъ Національнаго Собранія въ пользу лицъ, пострадавшихъ отъ незаконныхъ приказовъ. Одинъ изъ этихъ декретовъ былъ данъ въ январѣ, другой въ мартѣ. Намъ прискорбно констатировать, что до сихъ поръ изъ шестидесяти мѣстъ заключенія Парижскаго округа, нѣсколько еще не приступили къ исполненію январскаго декрета и ни одно—мартовскаго. Мы просимъ принять всѣ завислящія отъ васъ мѣры, чтобы возможно скорѣе привести въ исполненіе оба

---

[1]) *Aulard* (ред.). La Société des Jacobins. т. II. стр. 501. Такихъ пострадавшихъ Шени насчитывалъ всего—14 человѣкъ.

[2]) Было открыто въ реэстрахъ Бисетра.

[3]) *Chassin Ch. L.* Le Génie de la révolution. т. II. стр. 29. Прим.

[4]) См. *Seligman*. о. с. стр. 233—234.

декрета. Жалобы на «Maison des Frères de la Charité de Charenton», которыя дошли до насъ, слишкомъ серьезны, чтобы оставить ихъ безъ вниманія. Камеры тамъ—грязны и нездоровы, онѣ расположены болѣе чѣмъ на 50 футовъ ниже помѣщеній монаховъ. Заключенные нуждаются въ самомъ необходимомъ. Среди нихъ имѣется цѣлый рядъ лицъ, даже и не упомянутыхъ въ томъ спискѣ, который настоятель дома прислалъ въ Національное Собраніе... Необходимо немедленно и безъ всякаго шума обревизовать эту тюрьму и обстоятельно познакомиться съ способами обращенія съ тамошними заключенными. Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на содержаніе безумныхъ и т. д. и т. д. [1]).

Муниципалитетъ немедленно по полученіи письма назначилъ трехъ комиссаровъ для обревизованія указанныхъ въ письмѣ домовъ заключенія [2]). Отчетъ, подписанный Леру, Реньолемъ и Манжи, былъ представленъ 28-го декабря 90 г. [3]). Комиссары сообщали, что ревизія была ими произведена внезапно — сперва въ «maison de la Charité», потомъ въ «maison de Valdosne» и длилась нѣсколько дней. Въ отчетѣ мы находимъ сперва обстоятельное описаніе мѣстности, въ которой расположенъ Шарантонскій домъ. Мѣстоположеніе оказалось очень красивымъ [4]). Затѣмъ слѣдовало описаніе самаго дома. Послѣдній раздѣляется на «maison libre» и «maison fermée». Въ первомъ помѣщены страдающіе тихимъ умопомѣшательствомъ, во второмъ — буйные. Обычные слухи о Шарантонѣ совершенно неосновательны. Заключенные содержатся очень чисто, бѣлье имъ отпускается хорошее... Камеры ничего ужаснаго не представляютъ. Всѣ онѣ надъ землей. Совершенная выдумка, что онѣ на пятьдесятъ футовъ ниже общаго жилья. Пища здоровая и обильная... Всего въ Шарантонѣ содержится сейчасъ 89 заключенныхъ: 18 — въ «maison libre» и 71 — въ «maison fermée».

---

[1]) Письмо подписано Баррером. *Sigismond Lacroix* (*réd*). о. с. 2-я серія. т. I. стр. 625—627.

[2]) Объ избраніи комиссаровъ Бальи поспѣшилъ извѣстить Баррера письмомъ отъ 26-го ноября.

[3]) *Ibidem*. т. I. стр. 627—630.

[4]) Изъ Шарантона открываются красивые виды на Сену и Марну. „...La réflexion—разсуждаютъ комиссары—souvent si funeste dans l'état de faiblesse ou d'aliénation d'esprit, se porte sur les flots, elle en suit le mouvement continuel et reçoit des sensations agréables...“.

Изъ числа всѣхъ заключенныхъ не страдаетъ умопомѣшательствомъ въ той или иной формѣ только семь человѣкъ. Большинство изъ нихъ (?) свободны уйти по усмотрѣнію, но остаются сами по собственнымъ соображеніямъ (sic!). Слѣдуетъ обратить вниманіе только на нѣкоего Перре, заключеннаго въ силу королевскаго приказа съ 22-го іюля 88 г. Нѣкоторое время онъ сидѣлъ въ Бастиліи. Пенсіонъ выплачивается Королемъ. Заключенъ онъ, подобно нѣсколькимъ другимъ, по подозрѣнію въ поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ. Улики противъ него были очень сильны; однако, въ силу особыхъ соображеній (raisons particulières) онъ не былъ преданъ правосудію. Сидитъ онъ въ тюрьмѣ уже три года; это—достаточный срокъ и слѣдовало бы его освободить. Въ «maison Valdosne» всего — четыре сумасшедшія женщины. Докладъ этотъ муниципалитетъ постановилъ въ своемъ засѣданіи 28-го декабря 90 г. отослать въ комитетъ Національнаго Собранія и высказался въ пользу немедленнаго освобожденія Перре, согласно ст. 6-ой декрета 13-го марта [1]). Дальнѣйшая судьба этого Перре — мало извѣстна. Имени его не встрѣчается въ протоколахъ Конституанты. Извѣстно только—пишетъ Лакруа—что 16-го марта 91 г., мэръ Парижа еще разъ напомнилъ въ особомъ письмѣ Барреру де Вьезаку о судьбѣ Перре, отсидѣвшаго уже четыре года [2]).

Судебная реорганизація, предпринятая Конституантой, и отсутствіе свободныхъ денегъ способствовали болѣе всего переполненію тюремъ. О какихъ-либо удобствахъ для заключенныхъ нечего было и думать [3]). Конституантѣ было просто не подъ силу очистить эти Авгіевы конюшни. Ея декреты были безсильны измѣнить порядокъ вещей, складывавшійся вѣками. И во Фреронов-

---

[1]) *Ibidem.* т. I. стр. 618.

[2]) *Ibidem.* т. I. стр. 630.

[3]) „Prisons de Bourges, de Châteauroux ou d'Issoudun—пишетъ M. Bruneau на основаніи архивныхъ данныхъ—toutes restèrent ou tombèrent dans le plus mauvais état... A Bourges accusés et condamnés de toute espèce continuèrent de s'entasser dans une promiscuité affligeante dont gémissaient à la fois „l'humanité, la morale et les lois". *Marcel Bruneau.* o. c. стр. 307. Вслѣдствіе переполненія тюремъ надзоръ за заключенными ослабъ и тюрьмы постепенно превращаются въ настоящіе очаги разврата. См. *Seligman.* o. c. стр. 403—405.

скомъ журналѣ мы находимъ слѣдующую характеристику порядковъ Конституанты: «Бастилія была метрополіей деспотизма, но... и теперь еще существуютъ: maisons de force, maisons de Santé, maisons de correction, Bicêtre, Charenton, la Salpetrière etc. etc.,—тѣ же маленькія Бастиліи, гдѣ долгіе годы стонутъ въ недоступныхъ свѣту темницахъ несчастныя жертвы старыхъ тирановъ... Національное Собраніе гордится своимъ декретомъ, но кому оно ввѣрило его исполненіе?.. Оно полагаетъ, что никто болѣе не страдаетъ подъ игомъ деспотизма, а сколько еще несчастныхъ, оплакивающихъ своихъ мужей, дѣтей, родителей!..» [1]).

Муниципалитетъ по тѣмъ же причинамъ, что и Конституанта, могъ ограничиться только полумѣрами. Такъ 14-го октября 90 г. онъ, по собственной иниціативѣ, отрядилъ четырехъ лицъ, чтобы они посѣтили Консьержери и принесли заключеннымъ «les consolations et l'espoir que l'état actuel des choses peut leur donner..» [2]). Довольно характерно отношеніе Парижскаго муниципалитета и къ изданію печатнаго органа, посвященнаго спеціально защитѣ интересовъ заключенныхъ. Въ засѣданіи 14-го декабря 89 г. муниципалитету были доложены результаты совѣщаній двухъ дистриктовъ—«Notre Dame» и «Saint Louis de la Culture», которые просили закрыть вредный листокъ, выходящій подъ заглавіемъ «Journal des citoyens détenus». Администрація муниципалитета отнеслась къ этому ходатайству съ полнымъ сочувствіемъ, видя въ изданіи такого листка «abus de confiance et une sorte de violation du droit des prisonniers qui ne doivent compte qu'à la loi et non aux journalistes de leur conduite» [3]).

---

[1]) *„L'orateur du Peuple“* par *Fréron*. т. IV. № 19. стр. 148. L²c. 390. Ср. также т. I. стр. 172—176, 250—252, гдѣ Фреронъ разсказываетъ о возмутительныхъ преслѣдованіяхъ его типографа муниципальной администраціей, и т. III. стр. 503—510, гдѣ Фреронъ негодуетъ на „attentats inouis contre la liberté et la propriété“ и „indignes vexations“ департамента полиціи (по поводу гоненій на „l'Ami du Peuple“ и „l'Orateur du Peuple“).

[2]) *Sigismond Lacroix*. о. с. II-я серія. т. I. стр. 43—44.

[3]) *Ibidem*. I-я серія. т. III. стр. 184—191. Лакруа поясняетъ, что въ излагаемомъ нами эпизодѣ рѣчь идетъ собственно о „Journal de tranquillité publique“, который тогда еще не выходилъ, но въ проспектѣ къ которому его издатель—Прюдоммъ писалъ, что съ 1-го декабря 90 г. онъ имѣетъ намѣреніе публиковать списки заключенныхъ вмѣстѣ съ указаніемъ мотивовъ ихъ заключенія и судебныхъ приговоровъ по ихъ дѣламъ. За отказомъ департа-

Но если Конституанта и была безсильна провести въ жизнь свои новые принципы, все же она — далека отъ характеристики Калонна, который писалъ, что «за 15 лѣтъ королевства l. d. c. было меньше, чѣмъ за 15 мѣсяцевъ существованія Національнаго Собранія..., что даже въ эпохи самаго суроваго деспотизма не практиковалось столько незаконныхъ заключеній, изгнаній, насилій!.. La liberté n'existe donc nulle part» — патетически заключаетъ онъ [1]). На самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ «чрезвычайныхъ обстоятельствъ», когда Конституанта фактически пріостанавливала дѣйствіе общихъ законовъ и прибѣгала къ своему исключительному законодательству (о которомъ рѣчь ниже), она очень внимательно относилась къ случаямъ нарушенія личной свободы и принимала немедленно энергичныя мѣры, чтобы положить конецъ злоупотребленіямъ [2]). Гуманность и терпимость она обнаруживала

мента полиціи давать проектировавшемуся журналу необходимыя свѣдѣнія, журналъ не выходилъ вовсе. Вышеупомянутые же дистрикты, очевидно, ходатайствовали не о закрытіи несуществующаго органа, а объ отказѣ въ выдачѣ ему разрѣшенія.

[1]) *De Calonne.* De l'état de la France présent et à venir. Londres. Octobre. 1790. L*b*³⁹. 4294. стр. 206—211, 431. Тэнъ, не брезгавшій ничѣмъ для посрамленія ненавистной ему революціи сочувственно цитируетъ „Mercure de France“ — „..la liberté individuelle est dans le droit réduite à rien et dans le fait livrée à l'arbitraire de 60.000 assemblées constitutionnelles...“ или „Qu'on nous présente la Liberté et toute la France sera à jenoux devant elle... mais la liberté sans crimes, la liberté qui se soutient sans cachots, sans inquisiteurs, sans incendiaires, sans brigands, sans serments forcés, sans coalitions illégales, sans supplices populaires...“ или одно частное письмо къ президенту Національнаго Собранія 1-го іюля 91 г. „..Dans le royaume de la liberté nous vivons sous la tyrannie la plus cruelle et l'anarchie la plus complète...“ *Taine.* o. c. стр. 292, 393 пр. I, 402 пр. I. Ср. т. для болѣе ранняго времени—*Marcellin Pellet.* o. c. стр. 46—47.

[2]) См. напр., хотя бы, *A. P.* т. IX. стр. 444—445. т. X. стр. 529—548. т. XV. стр. 737. т. XVI. стр. I. Широкую огласку получило во всей странѣ дѣло Моретона. Въ засѣданіи 16-го іюля 90 г. въ Собраніе была представлена обширная „Réclamation... par J. Henri de Moreton—Chabrillan, contre sa destitution arbitraire de la charge de colonel du régiment d'infanterie de la Fère“. Въ этой жалобѣ—„..солдатъ—гражданинъ, жертва министерскаго деспотизма“ ищетъ правосудія. Моретонъ жалуется на Ломени де Бріенна, смѣстившаго его съ занимаемой имъ должности простымъ письмомъ, не предъявивъ ему никакихъ обвиненій. Моретонъ указываетъ, что онъ требовалъ военнаго суда съ первой минуты этой вынужденной отставки, но не могъ его добиться... Напрасны были протесты, ходатайства. Цѣлая нація заинтересова-

нерѣдко даже по адресу своихъ открытыхъ политическихъ противниковъ [1]).

лась его дѣломъ, ибо Моретонъ разослалъ свою просьбу по избирательнымъ собраніямъ и болѣе 75 бальяжей включили въ свои наказы его просьбу. Моретонъ проситъ Собраніе разсмотрѣть его дѣло и вернуть ему прежнее его положеніе, котораго онъ не можетъ быть лишенъ иначе, какъ по постановленію законнаго суда. Комитетъ по военнымъ дѣламъ представилъ свой докладъ по дѣлу Моретона 5-го августа 90 г. Докладчикомъ былъ Мену. Комитетъ пришелъ къ заключенію, что 1) отставка Моретона была произвольной, 2) Моретонъ не переставалъ протестовать противъ учиненной съ нимъ несправедливости 3) что въ его пользу высказываются почти всѣ высшіе офицеры арміи и большая часть бальяжей. Поэтому, комитетъ высказывается за возвращеніе Моретона къ его прежней должности. Національное Собраніе постановило просить короля обсудить это дѣло въ военномъ совѣтѣ. *A. P.* т. XVII. стр. 139—161, 624—626. См. далѣе *A. P.* т. XVIII. стр. 513—514. т. XX. стр. 343. т. XXVII. стр. 534—535. Ср. т. *Coffinières.* о. с. т. I. стр. 315—316.

[1]) Такъ, напр., когда въ концѣ февраля 91 г. разыгрался извѣстный эпизодъ съ тетками короля (Mesdames), желавшими ѣхать заграницу на основаніи паспортовъ, выданныхъ имъ королемъ, Національное Собраніе, несмотря на свои антипатіи къ королевскимъ родственницамъ, оказалось на стражѣ законности. Въ чрезвычайно бурномъ засѣданіи одни доказывали, что свобода есть право каждаго и разъ гражданинъ не лишенъ ея по опредѣленію компетентнаго суда, всякое посягательство на нее есть преступленіе и нарушеніе основныхъ правъ, гарантируемыхъ конституціей. Другіе возмущались на самоуправство общины. Нельзя терпѣть — говорилъ, напр., Мори — чтобы народъ „exerce le pouvoir dont il est la source, mais dont l'autorité royale et le Corps législatif sont les réservoirs“. Мирабо находилъ поступокъ Mesdames, быть можетъ, неблагороднымъ, неполитичнымъ, но не незаконнымъ и, потому, не находилъ повода для совѣщаній. Нѣкоторые оправдывали поступокъ общины исключительными обстоятельствами и усматривали въ немъ лишь „преувеличенный патріотизмъ“ (patriotisme exagéré). Наконецъ, были депутаты, которые при страшномъ шумѣ собранія утверждали, что поведеніе общины есть блестящій образчикъ патріотизма, такъ какъ заграницу ѣдутъ, чтобы подымать враговъ революціи. Послѣ ожесточенныхъ преній большинство получаетъ формула Мирабо: Нац. Собр., находя, что ни одинъ изъ существующихъ законовъ не говоритъ противъ свободы передвиженія тетокъ короля, передаетъ дѣло исполнительной власти. *A. P.* т. XXIII. стр. 492—500. Когда рѣшеніе Собранія стало извѣстнымъ, огромная толпа направилась къ дворцу съ протестами противъ отъѣзда тетокъ. Пришлось прибѣгнуть къ помощи національной гвардіи, которая и разсѣяла толпу. *M.* т. VII. стр. 473. См. этотъ эпизодъ также у *Buchez et Roux.* о. с. т. IX. стр. 45. Дѣло о Mesdames вновь занимало собраніе 2-го марта 91 г., такъ какъ община игнорировала постановленіе Національнаго Собранія и отказалась пропустить тетокъ. Король предписалъ министру юстиціи возбудить преслѣдованіе противъ всѣхъ, отказавшихъ въ повиновеніи принятому Собраніемъ рѣшенію.

Съ чрезвычайнымъ вниманіемъ относилась Конституанта и къ другимъ видамъ личной свободы: домовой неприкосновенности и почтовой тайнѣ.

Въ конституцію вошла специальная статья о неприкосновенности жилища [1]). Декретъ «объ организаціи муниципальной и исправительной полиціи» также говоритъ объ этой гарантіи [2]). Чины муниципальной и общей полиціи могутъ входить въ частные дома только въ случаяхъ, строго опредѣленныхъ закономъ. Исключеніями являются: кафэ, питейные дома, распивочныя лавочки и публичные дома, въ которые полиція имѣетъ постоянное право входа для исполненія своихъ обязанностей. Нарушеніе неприкосновенности жилища безъ специальнаго на то полномочія отъ судебной власти или полиціи безопасности, помимо общей уголовной отвѣтственности влечетъ за собой право гражданскаго иска со стороны потерпѣвшаго (ст. 8—11).

Вопросъ о почтовой тайнѣ сдѣлался предметомъ обсужденія въ одномъ изъ самыхъ раннихъ засѣданій Конституанты. 25-го іюля 89 г. президентъ сообщилъ Собранію, что онъ получилъ письмо за подписью нѣсколькихъ членовъ Парижскаго «Comité permanent» и пакетъ съ однимъ закрытымъ и тремя открытыми письмами на имя графа д'Артуа. Президентъ доводитъ до свѣдѣнія Собранія, что, признавая неприкосновенность почтовой тайны, онъ не читая этихъ писемъ, отослалъ ихъ обратно. Сообщеніе президента вызвало жаркія пренія. Одни рѣшительно высказывались за возможность вскрыванія писемъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Въ военное время распечатываютъ письма—говорили они. Франція, окруженная врагами «Національной свободы» переживаетъ те-

---

Ср. аналогичныя дѣла о задержаніи герцога де Вогюйона, путешествовавшаго подъ чужимъ именемъ (засѣданіе 1-го августа 89 г.) и двухъ маршаловъ, путешествовавшихъ безъ паспортовъ (засѣданіе 1-го марта 91 г.). *А. Р.* т. IX. стр. 314.

[1]) *М. Ковалевскій* видитъ здѣсь вліяніе Монтескье (12 кн. гл. XXIII). Происхожденіе современной демократіи. т. I. стр. 620—624.

[2]) „*Décret relatif à l'organisation d'une police municipale et correctionnelle*". *Duvergier*. т. III. стр. 133. Неприкосновенность частнаго жилища защищаетъ и § 5 закона 16-го февраля 91 г.—объ организаціи національной жандармеріи: „...Elle (la gendarmerie nationale), ne pourra jamais saisir un citoyen dans sa propre maison si ce n'est en vertu d'un mandement de justice....." См. т. art. 6 дополнительнаго декрета отъ 22-го іюня 91 г.

перь именно такое время. Въ высшей степени важно знать всѣхъ враговъ народа; еще болѣе важно, чтобы народъ зналъ, что мы занимаемся всѣмъ, касающимся его интересовъ. Нѣкоторые проектируютъ даже спеціальное учрежденіе для храненія захваченныхъ и вскрытыхъ писемъ[1]). Противъ этихъ предложеній горячо возражаетъ Камюсъ, напоминая Собранію почти единогласные завѣты наказовъ о строгомъ соблюденіи почтовой тайны. Могучую поддержку онъ находитъ въ громовой рѣчи Мирабо. «....Приличествуетъ—ли народу, желающему стать свободнымъ—восклицаетъ онъ—заимствовать принципы и примѣры у тираніи? Можетъ ли онъ оскорблять мораль послѣ того, какъ самъ былъ долго жертвой тѣхъ, кто ее оскорблялъ? Пусть плоскіе политики, осмѣливающіеся ставить въ своихъ жалкихъ расчетахъ надъ справедливостью то, что они дерзаютъ назвать общественнымъ благомъ, скажутъ намъ, по крайней мѣрѣ, какіе интересы можетъ оправдать подобное оскорбленіе національной честности? Чему можемъ мы научиться постыдной инквизиціей писемъ?... Въ Европѣ будутъ говорить о насъ: во Франціи подъ предлогомъ общественной безопасности гражданъ лишаютъ права на почтовую неприкосновенность, на ненарушимость почтовой тайны—этого сокровища сердечнаго довѣрія! Послѣднее убѣжище свободы было бы осквернено тѣми, кому нація ввѣрила охрану своихъ правъ[2]). Пренія по вопросу о почтовой тайнѣ возобновились въ засѣданіи 27-го іюля 89 г. Большинство ораторовъ стоитъ за то, что основные принципы, которыми должны руководиться представители народа—суть интересы послѣдняго. Все остальное должно быть имъ подчинено. Нечего считаться и съ пожеланіями наказовъ, если они направлены во вредъ имъ. Тѣ же рѣчи раздаются въ Собраніи и на другой день по поводу предложенія объ организаціи «Comité de recherches». Комитетъ былъ организованъ, но Собраніе воздержалось отъ какихъ бы то ни было прямыхъ постановленій по по-

---

[1]) Д'Арси предлагаетъ, напримѣръ, слѣдующій проектъ постановленія: „L'assemblée Nationale, prenant en considération les événements actuels, a arrêté et arrête: que tous les papiers relatifs aux circonstances doivent être mis en dépôt et communiqués quand le cas l'exigera à l'Assemblée Nationale“ *A. P.* т. VIII. стр. 274.

[2]) *A. P.* т. VIII. стр. 274—275.

воду почтовой тайны. Въ дальнѣйшей практикѣ оно, однако, всегда осуждаетъ учрежденія или лица, ее нарушающія[1]). Въ своемъ декретѣ о главномъ управленіи почтой 90-го года[2]) Конституанта принимаетъ мѣры и къ охраненію почтовой тайны. Ст. 2-ой почтовымъ комиссарамъ и служащимъ въ управленіи почтъ предписано въ извѣстный срокъ принести присягу оберегать почтовую тайну и доводить немедленно до свѣдѣнія суда о всякомъ случаѣ ея нарушенія. Департаментамъ, дистриктамъ, муниципалитетамъ такъ же, какъ и судьямъ, строго воспрещалось какое бы то ни было вмѣшательство въ почтовую организацію[3]). Случаи нарушенія почтовой тайны, конечно, не исчезли и послѣ этого декрета и въ «чрезвычайныхъ» обстоятельствахъ, которыя переживала тогда Конституанта, она нерѣдко закрывала глаза на злоупотребленія въ этой области[4]), но, какъ только непосредственная опасность проходила, она стремилась встать на путь строгой законности. Такое впечатлѣніе, на насъ производитъ, напримѣръ, «Projet de décret

[1]) См., напр., *А. Р.* т. X. стр. 407—408, декретъ 10—14 августа 90 г., которымъ Національное Собраніе строго порицаетъ муниципалитетъ С. Обэна за вскрытіе частной корреспонденціи: „L'Assemblée Nationale—гласитъ декретъ—après avoir entendu le rapport de son Comité des recherches, considérant que le secret des lettres est inviolable, et que sous aucun prétexte il ne peut y être porté atteinte, ni par les individus, ni par les corps, décrète, qu'elle improuve la conduite de la municipalité de Saint-Aubin, pour avoir ouvert un paquet adressé à M. d'Ogny, intendant-général des postes, et plus encore pour avoir ouvert aux adressés au ministre des affaires étrangères, et aux ministres de la cour de Madrid. Elle charge son président de se rétirer de vers le Roi, pour le prier de donner les ordres nécessaires, afin que le courrier, porteur de ces paquets, soit mis en liberté, et pour que le ministre du Roi soit chargé de témoigner à M. l'ambassadeur d'Espagne les regrets de l'Assemblée de l'ouverture de ses paquets". См. текстъ *Duvergier.* т. I. стр. 323.

[2]) „*Décret sur la direction et administration générale des postes*". 26—29 августа 90 г. *Duvergier.* т. I. стр. 392.

[3]) См. ст. 1-ю раздѣла объ „Attributions des vérifications, contestations et plaintes sur le service des postes aux lettres des postes aux chevaux et des messangeries".

[4]) „Votre lettre du 17 Septembre—читаемъ мы въ одномъ письмѣ современника—me tire d'inquiétude sur le sort de ma lettre des 3 et 6 aussi courant. Je ne devine pas le motif du retard, ayant été mise de bonne heure à la poste. Vous ne me marquez pas si le cachet vous a paru sain et entier. D'après l'établissement inquisitorial des comités de recherches, on prétend le secret des postes habituellement violé". *Pierre de Vaissière.* о. с. стр. 392.

rélatif au secret et a l'inviolabilité des lettres», представленный Мюге де Нанту отъ «Comité des rapports» Національному Собранію 10-го іюля 91 г. Докладъ отмѣчаетъ случаи нарушенія почтовой тайны въ моментъ полученія извѣстій объ отъѣздѣ короля и останавливается на случаяхъ вмѣшательства муниципальныхъ чиновниковъ въ почтовое дѣло. Тогда это оправдывалось чрезвычайными обстоятельствами — гласитъ докладъ — теперь же нѣтъ поводовъ къ подобному положенію вещей... Поэтому, комитетъ предлагаетъ Собранію новый законопроектъ о ненарушимости почтовой тайны [1]). Проектъ былъ одобренъ въ слѣдующемъ видѣ: Національное собраніе, находя,.., что предосторожности, принятыя имъ въ цѣляхъ государственной безопасности, сего 21-го іюня, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были слишкомъ преувеличены (exagerées), что въ чрезмѣрномъ усердіи администрація и муниципалитеты сочли возможнымъ допустить даже вскрытіе частной корреспонденціи, что аресты нѣкоторыхъ почтовыхъ курьеровъ, выемки почтовыхъ пакетовъ, задержки при разсылкѣ писемъ адресатамъ препятствуютъ правильности коммерческихъ сношеній, что эти чрезвычайныя средства, *терпимыя лишь въ моменты общаго возбужденія (d'alarme universelle) и въ случаяхъ неизбѣжной опасности*, не должны быть болѣе употребляемы... постановляетъ, чтобы администрація ни въ коемъ случаѣ не позволяла себѣ выходить изъ рамокъ, указанныхъ декретами 10-го и 26-го Августа 90 г.[2])

Уголовный Кодексъ Конституанты также включилъ въ себя постановленіе противъ нарушенія почтовой тайны. «Всякій—гласила ст. 23-я—кто добровольно и сознательно уничтожитъ письмо, ввѣренное почтѣ, или, взломавъ печать, вскроетъ письмо, нарушивъ, такимъ образомъ, письмовную тайну, подвергается лишенію гражданскихъ правъ. Если однородное преступленіе имѣло мѣсто въ силу предписанія исполнительной власти, то лицо, давшее подобное предписаніе или подписавшее его, а также лицо, исполнившее данное предписаніе, наказуются двухгодичнымъ тюремнымъ заключеніемъ».

---

[1]) *„Décret concernant le secret et l'inviolabilité des lettres“*. 10—20 іюля 91 г. *Duvergier*. т. III. стр. 117.

[2]) Курсивъ—мой. А. Б.

Но если общее законодательство Конституанты отличается гуманностью и проникнуто стремленіемъ дать реальную защиту правамъ личности, то не надо забывать, что въ жизни Конституанты было немало и тревожныхъ минутъ, когда обычный ея исполнительный аппаратъ казался ей слишкомъ слабымъ и она надѣляла администрацію чрезвычайными полномочіями, чтобъ оградить себя отъ надвигавшейся опасности. Эта законодательная сфера Конституанты—чрезвычайно обширна и мы остановимся на наиболѣе выдающихся ея эпизодахъ.

Еще на зарѣ своей дѣятельности Конституанта должна была высказаться по поводу безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто въ Парижѣ въ концѣ іюля 89 г. [1]). Конституанта выпустила прокламацію, въ которой указывала народу на довѣріе, утвердившееся въ послѣднее время между королемъ и національными представителями, на рядъ уступокъ, сдѣланныхъ первымъ, вродѣ отозванія войскъ, возвращенія министра, наконецъ, появленія въ Собраніи. Всякій актъ, который можетъ нарушить это довѣріе, пагубно отразится какъ на интересахъ частныхъ лицъ, такъ и на общенародныхъ интересахъ. Поэтому, граждане должны дрожать при одной мысли о безпорядкахъ, которые могутъ принести такой непоправимый вредъ. Прокламація зоветъ всѣхъ гражданъ къ миру, поддержанію порядка и общественнаго спокойствія, довѣрію къ королю и представителямъ націи, къ уваженію къ закону, безъ коего не можетъ быть истин-

---

[1]) Старый Порядокъ въ такихъ случаяхъ реагировалъ быстро и энергично. Отъ него осталось немалое количество соотвѣтствующихъ декларацій, ордоннансовъ и т. п. Не восходя къ болѣе раннему времени, можно отмѣтить, напримѣръ, „*Déclaration concernant les attroupements avec port d'armes*“— 9-го мая 1780 г. Декларація угрожала суровымъ преслѣдованіемъ въ превотальномъ порядкѣ всѣмъ, кто будетъ захваченъ въ скопищѣ, состоящемъ не менѣе какъ изъ четырехъ человѣкъ, съ оружіемъ въ рукахъ (ст. 2). Для разсѣянія скопищъ по первому требованію должна являться жандармерія (ст. 3). Участники скопищъ, захваченные съ оружіемъ въ рукахъ, подлежали галерамъ и смертной казни въ случаяхъ вооруженнаго сопротивленія (ст. 4). *Isambert.* т. XXVI. № 1281. стр. 278—280. Декларація получила подтвержденіе въ „*Ordonnance du roi concernant les attroupements*“ — 11-го мая 89 г., изданномъ по случаю безпорядковъ около Парижа. См. т. „*Déclaration du roi relative aux émeutes et attroupements*“ — 21-го мая 89 г. *Chassin.* о. с. т. IV. стр. 120—122. (Извл. изъ Arch. Nat. AD'. 1088).

ной свободы. Національное Собраніе укажетъ въ конституціи компетентные суды, которымъ будутъ преданы всѣ виновные [1]).

Но наступало время, когда прокламаціи подобнаго рода были уже безсильны. Народъ не удовлетворялся болѣе ссылками на гармонію, якобы существовавшую между старымъ, давно дискредитировавшимъ себя правительствомъ и новыми носителями власти. Народъ нетерпѣливо требовалъ реализаціи тѣхъ соблазнительныхъ обѣщаній, которыя въ такомъ изобиліи расточались для него за послѣднее время. Отвлеченностей, вродѣ «общаго интереса», для него не существовало, да и не могло существовать. Онъ ждалъ, что революція принесетъ ему немедленное крушеніе феодальныхъ повинностей, измѣненіе налоговой системы, новыя политическія права, о которыхъ онъ говорилъ въ своихъ наказахъ. Всего этого сразу Конституанта дать не могла. И страстное нетерпѣніе и голодъ народа невольно разряжались въ безпорядкахъ. Горѣли феодальные замки, сжигались документы, разбивались обозы и магазины [2]).

3-го августа Саломонъ читалъ въ Собраніи докладъ, въ которомъ, указывая на всюду начавшіеся безпорядки, предлагалъ Со-

---

[1]) *А. Р.* т. VIII. стр. 267.

[2]) Сигналомъ къ повсемѣстнымъ массовымъ движеніямъ послужило, какъ извѣстно, паденіе Бастиліи. Ожесточеніе по отдѣльнымъ мѣстамъ съ обѣихъ сторонъ достигало чудовищнаго напряженія. Бордъ рисуетъ, напр., въ своей книгѣ о взятіи Бастиліи—цѣлую эпопею слезъ, страданій, насилій, разореній, неистовствъ. Многое, правда, требуетъ провѣрки. См. *Gustave Bord.* La prise de la Bastille et les conséquences de cet événement dans les provinces jusqu'aux journées des 5 et 6 Octobre 1789. Paris. 1882. II часть „Les émeutes en province". Немаловажную роль въ движеніяхъ этого времени сыграла также та знаменитая паника, которая охватила французскія деревни въ самомъ началѣ революціи. См., напр., хотя бы *Ch. L. Chassin.* Etudes documentaires sur Vendée et la Chouannerie. Table générale alphab. et analyt. des 3 séries: 1) La préparation de la guerre de Vendée 2) La Vendée patriote 3) Les Pacifications de l'Ouest. Paris. 1900. т. I. стр. 77. *Marcel Bruneau.* o. c. стр. 51—54, 57—66. Вотъ какъ характеризуется эта эпоха въ одномъ частномъ письмѣ отъ 12-го октября 89 г.: „Les droits de l'homme décrétés par l'Assemblée nationale ne sont pas encore un catéchisme connu de tous, puisqu'au moment même de la promulgation, on manque à ce qu'il y a de plus sacré des devoirs les uns envers les autres. Des courriers sont arrêtés, leurs paquets ouverts; on ne peut aller diner à une lieue de Paris sans passeport. Voilà pour la liberté individuelle tant prônée". См. *Pierre de Vaissière.* Lettres d'„aristocrates". La Révolution racontée par des correspondances privées. 1789—1794. 2 éd. Paris. 1907. Du comte de Quélen à M. le président de Saint-Luc. стр. 25.

бранію отъ имени «Comité des rapports» немедленно принять рѣшительныя мѣры. Собраніе отнеслось сочувственно къ предложенію и вечернее засѣданіе 4-го августа открылось чтеніемъ соотвѣтствующаго проекта [1]). Докладчикъ Тарже старался провести только ту мысль, что существующіе законы какъ и налоговая система должны быть уважаемы до тѣхъ поръ, пока не будутъ отмѣнены Національнымъ Собраніемъ. На этотъ разъ Собранію, однако, не суждено было удержаться на почвѣ обсуждаемаго декрета. Послѣ рѣчей слѣдующихъ ораторовъ—Виконта де Ноайля, герцога Эгильонскаго, де Керангаля—Собраніемъ овладѣваетъ энтузіазмъ. Въ почти истерическомъ экстазѣ, не знающемъ себѣ равнаго въ лѣтописяхъ міровой исторіи, всѣ присутствующіе стремятся принести на алтарь отечества свою лепту... Это—то историческое засѣданіе 4-го августа, въ которомъ одни видятъ грандіознѣйшую изъ всѣхъ революцій, которыя когда либо переживало человѣчество, ...«разрывъ со всѣмъ прошлымъ Франціи и не одной только Франціи, но и всего Стараго Порядка» [2]), другіе, какъ Тэнъ, собраніе пьяныхъ людей [3]), третьи—невольную ликвидацію стараго, изъ за невозможности дальнѣйшаго сохраненія привилегій, изъ боязни дальнѣйшихъ насилій [4]).

---

[1]) *„Projet d'arrêté relatif à la sûreté du royaume"*. *A. P.* т. VIII. стр. 343—350.

[2]) *М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи. т. II. стр. 101. „...Cette nuit mémorable—пишетъ одинъ изъ историковъ революціи—où la constitution se fit comme la révolution s'était faite au 14 Juillet, et où tous les abus furent enlevés d'assaut, comme l'avait été la Bastille"... *F. Emmanuel Toulongeon.* Histoire de France depuis la Révolution de 1789. Paris. 1801. т. I. стр. 59.

[3]) „...Dans la nuit du 4 Août—пишетъ Тэнъ—personne n'est plus maître de soi... l'Assemblée offre le spectacle d'une troupe de gens ivres.. A dire vrai, ce sont des femmes nerveuses, et, d'un bout à l'autre de la Révolution, leur surexcitation ira croissant". *Taine.* Les origines de la France contemporaine. La Révolution. т. I. стр. 150. Montlosier называетъ ночь 4-го августа „une bacchanale d'insensés ou d'ivrognes". Это засѣданіе, по словамъ Дареста, „donne la mesure de ce que peuvent l'imprévoyance humaine et l'effervescence d'une assemblée. Il fallait au moins plusieurs mois pour remplacer ce qu'on venait de détruire.." Мирабо, не присутствовавшій въ этомъ засѣданіи, строго осудилъ этотъ „tourbillon électrique". *Dareste.* o. c. т. VII. стр. 190.

[4]) Ривароль называетъ ночь 4-го августа—„la Saint—Barthélemy des propriétés", Минье—„la Saint—Barthélemy des abus". Жоресъ считаетъ иниціативу дворянъ въ эту историческую ночь чрезвычайно мудрымъ политиче-

Теперь уже извѣстно, что многое, отъ чего такъ великодушно, въ порывѣ искренняго самозабвенія, отказывались дворяне и духовенство, фактически не принадлежало имъ больше. Зарево горѣвшихъ замковъ было маякомъ, свѣтившимъ депутатамъ на новыхъ путяхъ ихъ соціальнаго творчества; оно соткало героическія мантіи участникамъ Собранія; оно украсило мирнаго, ничего не подозрѣвавшаго суверена пышнымъ титуломъ «Restaurateur de la liberté française» [1]).

Если бы Собраніе въ силу неизвѣстнаго еще человѣчеству психологическаго фокуса, могло остаться навсегда на высотѣ своего первоначальнаго настроенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на высотѣ пониманія историческаго момента, конечно, оно съ спокойствіемъ мудрости взглянуло бы на поднявшіяся народныя волны, увидѣло бы въ нихъ необходимый результатъ долголѣтнихъ страданій и гнета и поняло бы, что бороться съ ними можно только быстрой и всесторонней соціальной реформой. Но, увы! остываютъ самые горячіе порывы и творческій энтузіазмъ 4-го августа уступилъ мѣсто повседневнымъ будничнымъ заботамъ. Пареніе на высотахъ было оставлено; законодатели спустились на землю.

скимъ шагомъ. „Il valait mieux — пишетъ онъ — par une manoeuvre hardie, prendre devant l'Assemblée l'initiative du mouvement. A cette initiative les nobles avaient tout à gagner, rien à perdre. D'abord ils pouvaient du coup se refaire dans les campagnes une popularité qui leur assurait une reprise d'influence et de pouvoir". *J. Jaurès.* o. c. т. I. стр. 283. „Если 4-го августа— пишетъ Кропоткинъ — аристократія продѣлала красивую комедію „принесенія въ жертву своихъ правъ на алтарь отечества"—это объясняется тѣмъ, что.... вся Франція была объята возстаніемъ: крестьянское населеніе не платило податей и подымалось противъ сеньеровъ; городскіе бѣдняки „la canaille des grandes villes", были уже готовы къ окончательному взрыву....". *П. Кропоткинъ.* Рѣчи бунтовщика. Спб. 1906 г. стр. 141—142 прим. 1.

[1]) Наконецъ, вся эта неожиданно вспыхнувшая „любовь къ ближнему" приняла съ открытіемъ феодальнаго комитета, на который пала забота ликвидаціи феодальныхъ правъ, чрезвычайно скромные размѣры. Умный и ловкій Тронше, игравшій главную роль въ комитетѣ, откровенно стоялъ на точкѣ зрѣнія классовыхъ интересовъ и защищалъ сеньеріальныя права, подлежавшія выкупу. Декреты 1790 и 1791 гг. не только не могли внести успокоенія въ крестьянскія массы, но подлили масла въ огонь и сами стали источникомъ новыхъ волненій. Лишь радикальные декреты Легислативы и особенно Конвента положили конецъ соціальному феодализму во Франціи.

Въ эту же „историческую" ночь были намѣчены и основные пункты будущей судебной реформы: уничтоженіе сеньеріальной юстиціи, продажности должностей, безвозмездности правосудія и т. д.

На другой уже день Національное Собраніе вернулось къ своей тяжелой обязанности—изысканію мѣръ противъ народныхъ волненій и мятежей. Прежде всего оно рѣшило обратиться къ населенію съ заявленіемъ слѣдующаго содержанія: «...Національное Собраніе, занятое Конституціей, узнаетъ постоянно съ новой горестью о частыхъ нарушеніяхъ правъ собственности и личной свободы и *особенно* о нападеніяхъ, совершаемыхъ на мучные обозы, назначенные для продовольствія различныхъ городовъ... Оно полагаетъ, что муниципалитеты должны всѣми мѣрами бороться съ этимъ печальнымъ явленіемъ и приглашаетъ правительство оказывать необходимую помощь при подавленіи безпорядковъ, не останавливаясь передъ употребленіемъ военной силы»...

Не ограничиваясь этимъ заявленіемъ, Національное Собраніе заслушало и одобрило проектъ декрета «о возстановленіи общественнаго спокойствія и клятвѣ для войскъ», который былъ предложенъ Тарже отъ имени «Comité de rédaction» въ засѣданіи 10-го августа [1]).

«Національное Собраніе—гласилъ декретъ—въ виду того, что враги народа [2]), потерявъ надежду воспрепятствовать силой деспотизма общественному возрожденію (la régénération publique) и утвержденію свободы, возымѣли преступный замыселъ достичь той же цѣли возбужденіемъ безпорядковъ и анархіи, что между прочими средствами они рѣшили въ одно и то́ же время и почти въ одинъ и тотъ же день, распространять ложную тревогу въ различныхъ частяхъ королевства, что, пуская слухи о нападеніяхъ и разбойничествахъ, на самомъ дѣлѣ не существовавшихъ, они вызываютъ буйства и преступленія, ...потрясающія общественный порядокъ и заслуживающія самаго суроваго наказанія; что люди эти въ своей дерзости дошли до распространенія фальшивыхъ приказовъ и даже эдиктовъ короля, возмущающихъ одну часть населенія противъ другой въ то самое время, когда Національное Собраніе занято законодательной работой въ интересахъ всего народа.., что подобный безпорядокъ можетъ быть прекращенъ только единеніемъ всѣхъ силъ, дѣятельнымъ сотрудничествомъ

---

1) *А. Р.* т. VIII. стр. 378—379.

2) Въ декретѣ: „nation royale“.

властей, использованіемъ всѣхъ наличныхъ средствъ и рвеніемъ всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ... постановляетъ, что всѣ муниципалитеты, какъ городскіе, такъ и деревенскіе должны имѣть заботу о поддержаніи общественнаго спокойствія, что по первому ихъ требованію войска должны оказать помощь національной милиціи и жандармеріи въ преслѣдованіи и поимкѣ нарушителей общественнаго спокойствія.., что всѣ схваченные, такимъ образомъ, должны быть немедленно отданы въ руки правосудія и немедленно же подвергнуты допросу, но, произнесеніе приговора и исполненіе его должны быть отложены относительно тѣхъ, кто будетъ обвиненъ въ распространеніи лживыхъ слуховъ и въ подстрекательствѣ къ грабежамъ и насиліямъ.., что весь слѣдственный матеріалъ и судебное производство должны быть непосредственно направлены въ Національное Собраніе, дабы оно по ознакомленіи съ слѣдственнымъ матеріаломъ, могло уяснить истинный источникъ безпорядковъ и озаботиться тѣмъ, чтобы главные виновники всѣхъ происшедшихъ безпорядковъ были подвергнуты примѣрному наказанію.., что всякія сборища и въ городахъ и въ деревняхъ даже подъ предлогомъ охоты должны быть немедленно разгоняемы національной милиціей, жандармеріей и войсками, по первому требованію муниципалитетовъ.., что повсемѣстно должны быть составлены списки людей, не имѣющихъ опредѣленнаго мѣстожительства и опредѣленныхъ занятій, послѣдніе должны быть обезоружены и отданы подъ бдительный надзоръ.., что члены національной милиціи должны принести присягу вѣрно служить поддержанію мира въ цѣляхъ защиты гражданъ противъ нарушителей общественнаго спокойствія; къ таковой же присягѣ должны быть приведены солдаты и офицеры всѣхъ чиновъ [1].., что городскіе и деревенскіе священники должны прочесть настоящее постановленіе своимъ прихожанамъ въ церквахъ и употребить все свое вліяніе для возстановленія общественнаго спокойствія и возвращенія гражданъ къ порядку и повиновенію, которымъ они обязаны законнымъ властямъ....»

---

[1] Офицеры, помимо клятвы въ вѣрности народу, королю и закону, должны были принести еще присягу въ томъ, что они никогда не направятъ людей, отданныхъ подъ ихъ начальство, противъ гражданъ иначе, какъ по требованію гражданской или муниципальной власти. Послѣднее должно быть прочитано войскамъ.

Декретъ этотъ былъ утвержденъ королемъ немедленно [1]). Но какъ и слѣдовало ожидать, новая мѣра не принесла желаннаго успокоенія. Было наивнымъ приписывать волненія, являвшіяся естественнымъ результатомъ колоссальныхъ потрясеній, испытанныхъ страной, злой волѣ какихъ-то таинственныхъ возмутителей. Конечно, по мѣстамъ были и таковые, но ихъ отдѣльные голоса тонули въ могучемъ народномъ морѣ. Тамъ, гдѣ въ столкновеніе пришли самые разнородные общественные интересы, гдѣ предстояло смыть вѣками установившійся порядокъ и водворить новый—было бы напраснымъ ждать спокойствія и общаго довольства. Жертвы и побѣдители по своему реагировали на новыя отношенія и силы. Буржуазія, призванная къ власти, не могла и не хотѣла удовлетворить народныхъ требованій. Крайніе же элементы—и съ той и съ другой стороны—могли развѣ только случайно использовать въ своихъ цѣляхъ разбушевавшееся народное море. Къ тому-же, какъ это призналъ и самъ декретъ, смутьяны и бунтовщики шли къ той же цѣли, что и Національное Собраніе,—утвержденію свободы, но другими путями—путемъ «безпорядковъ и анархіи». Эти пути были понятнѣе и ближе народнымъ массамъ, которыя въ своемъ законномъ нетерпѣніи хватались за всякій якорь спасенія, кто бы и откуда его имъ не бросалъ. И если спокойная парламентская работа можетъ удовлетворить «политически» культурнаго, а главное обезпеченнаго человѣка, то «политически» невоспитанныя и голодныя народныя массы депутатскія рѣчи, призывавшія къ терпѣнію и органической работѣ, могли скорѣе раздражить, чѣмъ настроить на мирный ладъ. Безпорядокъ и бунтъ давали чувство немедленнаго успокоенія, въ нихъ выливалась мятущаяся душа, подогрѣтая пустымъ желудкомъ. Волненія были, поэтому, психологически неизбѣжными и августовскій ордоннансъ былъ палліативомъ, который могъ оказать развѣ временную услугу стоявшей у власти части общества. Такой ордоннансъ не могъ никого накормить, не могъ помѣшать гвардейскому банкету 1-го октября, не могъ остановить и голодныхъ толпъ, когда 5-го

---

[1]) *Duvergier*. т. I, стр. 42—43.

и 6-го октября онѣ пошли добывать своего «хлѣбопека» въ Версаль [1]).

Волненія, которыя пережило Національное Собраніе и «монархія» за эти бурные дни [2]) не могли пройти безслѣдно и всего черезъ два мѣсяца послѣ августовскаго ордоннанса Мирабо—этотъ первый «государственный» умъ великой революціи, вступая въ рѣшительную борьбу съ все выше и выше вздымающимися демократическими волнами, читаетъ свой проектъ закона о мятежныхъ скопищахъ [3]).

Мирабо отдавалъ рѣшительное предпочтеніе своему проекту закона передъ англійскимъ «riot-act». Я вручаю—говорилъ онъ—военную власть судьямъ, избраннымъ народомъ, въ Англіи же во всѣхъ городахъ, не имѣющихъ судейскихъ корпорацій, судьи назначаются Королемъ. Но проекты Мирабо и конституціоннаго комитета приняты не были, и въ засѣданіи 21-го октября Собраніе поручаетъ комитету немедленно озаботиться окончательной редакціей законопроектовъ о мятежныхъ скопищахъ и спеціальномъ трибуналѣ, для сужденія по всѣмъ дѣламъ о «lèse-nation». Вмѣстѣ съ тѣмъ было поручено «Comité des recherches» приступить къ энергичнымъ розыскамъ всѣхъ наиболѣе виновныхъ въ безпорядкахъ послѣдняго времени. Наряду съ репрессивными мѣрами Собраніе предложило министрамъ представить свои соображенія относительно способовъ, пригодныхъ для обезпеченія продовольствія въ странѣ и особенно въ Парижѣ.

Комитетъ блестяще выполнилъ возложенное на него порученіе и въ тотъ же день представилъ Собранію проектъ новаго закона. Послѣ весьма непродолжительныхъ преній, въ которыхъ против-

---

1) „C'etaient de bonnes et vaillantes femmes—пишетъ Жоресъ—dont le grand coeur maternel avait trop souffert de la plainte des enfants mal nourris"... *J. Jaurès.* o. c. т. I. стр. 340.

2) См. особенно *„Exposé de la conduite de Mounier dans l'Assemblée Nationale et motifs de son retour en Dauphiné"* *A. P.* т. IX стр. 557—588. *„Extrait de la procédure criminelle instruite au Châtelet de Paris sur la dénonciation des faits arrivés à Versailles dans la journée du 6 octobre 1789"*. *M.* т. II. стр. 521—569. *A. P.* т. XIX. стр. 338—393.

3) *A. P.* т. IX. стр. 442—444. Въ это же время пылкій Демуленъ, не боявшійся уже контръ-революціи, писалъ свое знаменитое: „Consummatum est!"

ники законопроекта доказывали безсмысленность репрессій противъ голодной толпы и старались убѣдить воинствующее большинство, что съ обезпеченіемъ народнаго продовольствія исчезнетъ необходимость и въ самомъ законѣ, послѣдній былъ вотированъ Собраніемъ [1]).

Національное Собраніе—гласитъ введеніе къ новому декрету [2])—полагаетъ, что свобода укрѣпляетъ государства, а распущенность ихъ губитъ, что свобода заключается не въ правѣ «все дѣлать» (de tout faire), но и въ повиновеніи законамъ... Въ эпохи же, когда народы становятся орудіемъ преступныхъ интригъ... является необходимость въ примѣненіи чрезвычайныхъ мѣръ для обезпеченія общественнаго спокойствія. Когда послѣднее подвергается опасности, мѣстный муниципалитетъ, въ силу ввѣренныхъ ему полномочій, обязанъ объявить, что для возстановленія общественнаго порядка будетъ немедленно употреблена военная сила (ст. 1). Въ окнѣ думы должно быть выставлено красное знамя; послѣднее торжественно проносится по всѣмъ улицамъ и площадямъ. Съ этого момента всякія скопища и мирныя и вооруженныя, становятся преступными и для разсѣянія ихъ употребляется военная сила (ст. 2 и 3). Національная гвардія, регулярныя войска и жандармерія должны явиться по первому требованію муниципалитета во главѣ съ своимъ начальствомъ и предшествуемыя красными знаменами (ст. 4). Ст. 5-я и 6-я устанавливаютъ порядокъ объявленія чрезвычайнаго положенія. Сперва муниципальнымъ чиновникомъ должно быть сдѣлано предложеніе толпѣ разойтись, избравъ депутатовъ, которые бы изложили власти ея требованія. Въ случаѣ отказа чиновникъ

---

[1]) Робеспьеръ—одинъ противился loi martiale. „Quand le peuple meurt de faim—il s'attroupe"— говорилъ онъ. Тогда онъ еще не былъ—замѣчаетъ про него Пажесъ—ни человѣкомъ Конвента, ни Комитета Общественнаго Спасенія, а другомъ народа (de la multitude). См. *Fastes civils de la France.* т. II. стр. 303. Наоборотъ, Ламетъ, останавливаясь на словахъ Робеспьера: „...lorsque vous aurez organisé un tribunal pris dans votre sein vous vous occuperez de tous les complots de toutes les trames contre la chose publique et la liberté nationale" — замѣчаетъ, что, повидимому, Ребеспьеръ уже съ этого момента задумалъ Комитетъ Общ. Спасенія. Рѣчь Робеспьера въ Конституантѣ прошла незамѣтно. *A. Lameth.* о. с. т. I. стр. 193.

[2]) *A. P.* т. IX. стр. 475—476. „*Décret contre les attroupements ou loi martiale*".

дѣлаетъ троекратное предупрежденіе [1]), послѣ чего можетъ быть употреблено оружіе. Администрація является неотвѣтственной за послѣдствія (ст. 7). Ст. 8-я, 9-я и 10-я трактуютъ объ отвѣтственности, коей подлежатъ участники скопищъ. Если толпа разойдется мирно, преслѣдованіе возбуждается только противъ подстрекателей и вожаковъ. Послѣдніе подлежатъ трехлѣтнему тюремному заключенію, если скопище было безоружнымъ, и смертной казни въ обратномъ случаѣ. Если же толпа не разошлась мирно послѣ троекратнаго предупрежденія или учинила какое-либо насиліе во время этихъ предупрежденій, то, захваченные участники скопищъ, не пострадавшіе непосредственно отъ употребленія вооруженной силы, подлежатъ одному году тюремнаго заключенія—безоружные, тремъ годамъ—взятые съ оружіемъ въ рукахъ. Учинившіе насиліе подвергаются смертной казни. Трехлѣтнему тюремному заключенію подлежатъ тѣ изъ воинской команды, кто отказалъ въ повиновеніи; смертной казни, кто самъ принялъ участіе въ той или иной формѣ въ мятежѣ. По возстановленіи спокойствія муниципалитетъ издаетъ декретъ о прекращеніи loi martiale, красное знамя въ недѣльный срокъ должно быть замѣнено бѣлымъ (ст. 12) [2]).

Новый законъ является эпохой въ свободолюбивомъ законодательствѣ Конституанты. Если обычныхъ законовъ достаточно для обезпеченія спокойствія гражданъ въ обычное время—гласило введеніе къ декрету—то неспокойное время не можетъ довольствоваться общимъ законодательствомъ и требуетъ мѣръ чрезвычайныхъ. Впервые въ законодательномъ актѣ прозвучалъ тотъ принципъ, который позже обошелъ всѣ европейскія законодательства и вошелъ въ практику всѣхъ европейскихъ государствъ. Принципъ, являющійся государственнымъ софизмомъ, ввѣряющій слабѣющей власти подъ маской лицемѣрныхъ заботъ объ общемъ благѣ страшное оружіе, которымъ она мститъ своимъ политическимъ и личнымъ врагамъ [3]).

---

[1]) Предупрежденіе должно заключаться въ слѣдующемъ: „Avis est donné que la loi martiale est proclamée, que tous attroupements sont criminels; on va faire feu, que les bons citoyens se retirent“. Второе и третье обращенія могутъ начинаться прямо со словъ: „on va faire feu“ etc.

[2]) Король въ тотъ же день санкціонировалъ законъ.

[3]) Нерѣдко при этомъ пускаютъ въ ходъ затрепанное мѣсто изъ Монтескье: „J'avoue pourtant que l'usage des peuples les plus libres qui aient

Если страна вступаетъ въ періодъ такого остраго возбужденія, это свидѣтельствуетъ или о начавшемся глубокомъ общественномъ разложеніи, или неспособности даннаго порядка удовлетворить назрѣвшимъ потребностямъ народа или извѣстной его части. Первое ведетъ къ перевороту и не можетъ быть остановлено никакими исключительными мѣрами, второе можетъ быть излѣчено лишь немедленнымъ обращеніемъ къ народу съ планомъ соотвѣтствующихъ реформъ. Проницательное и «благоразумное» правительство, желающее удержать власть въ своихъ рукахъ, должно смотрѣть на народныя волненія не близорукими полицейскими глазами, но глазами преданнаго его интересамъ слуги. Это долженъ подсказать ему неумирающій инстинктъ самосохраненія. Практически, однако, правительство вырабатывается въ самостоятельный аппаратъ, стоящій надъ народомъ или классомъ, призвавшимъ его къ власти, не слугой, а хозяиномъ, самовластно распоряжающимся судьбами «народа», игнорирующимъ его желанія и стремленія. И всѣ извѣстные намъ конституціонные режимы въ критическіе моменты жизни, когда, казалось, нельзя утишить поднявшееся волненіе обычными рессурсами, вступали и вступаютъ на путь исключительныхъ мѣръ, чтобъ силой убѣдить мятежниковъ, если не въ справедливости, то въ превосходствѣ своей соціально-политической позиціи. Этотъ путь — безпощадный и жестокій и самый опасный, въ конечномъ счетѣ, для того правительства, которое къ нему прибѣгаетъ, но онъ позволяетъ, при преданности войска и дисциплинированности полиціи отсрочить ему минуту его гибели [1]).

---

jamais été sur la terre me fait croire qu'il y a des cas où il faut mettre pour un moment un voile sur la liberté, comme l'on cachoit les statues des dieux". *Montesquieu.* Esprit des Lois. Кн. XII. гл. XXI. стр. 187 или пробавляются общеупотребительными выраженіями, вродѣ: „Salus populi suprema lex esto" (*Cicero.* De legibus III. 4. § 8), „Aux grands maux il faut de grands remèdes", „Чрезвычайныя обстоятельства требуютъ чрезвычайныхъ мѣръ" и т. п. Ср. *Théodore Reinach.* De l'état de siège. Etude historique et juridique. Paris. 1885. Introduction. стр. 7.

[1]) Знаменитое выраженіе Кавура—„Le premier imbécile venu peut gouverner avec l'état de siège" свидѣтельствуетъ не о глубокой проницательности этого политическаго дѣятеля, какъ это обычно принято думать, а скорѣе обратно—его полной близорукости. Именно только „imbécile" и могъ бы

Именно на этотъ путь вступила Конституанта, издавая свой драконовскій законъ. Время было трудное. Ни новые законы, ни краснорѣчивыя прокламаціи Національнаго Собранія не могли успокоить мятущійся голодный народъ, которому «бунтовщики» подсказывали болѣе близкія и понятныя рѣшенія. Надо было спасать «государство», оградить буржуазію, отдѣлить хорошихъ гражданъ отъ дурныхъ-неблагонамѣренныхъ и Конституанта рѣшилась [1]). Наказы, категорически отвергавшіе самую мысль о возможности пользованія войсками для подавленія внутреннихъ безпорядковъ, были забыты. Войска отнынѣ должны были нести полицейскую службу, декретъ узаконялъ гражданскую войну. Репрессіи были чудовищны. Особенно выдѣляется ст. 8-я, способная сама провоцировать безпорядокъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда скопище мирно расходилось и дѣло, такимъ образомъ, могло быть предано полному забвенію, законъ устанавливалъ для зачинщиковъ и подстрекателей тяжкія наказанія до смертной казни включительно.

править, да и то самое ограниченное время съ помощью „état de siège", потому что править имъ невозможно. Исключительное положеніе въ любой его формѣ есть лучшее свидѣтельство несостоятельности и безсилія прибѣгающаго къ нему правительства. Для здороваго организма—писалъ когда-то Велькеръ—не можетъ быть нужды въ исключительныхъ мѣрахъ, а больной организмъ нельзя лѣчить средствами, быть можетъ, очень важными для врача—правительства, но убивающими самого больного. *Rotteck und Welcker.* Staatslexicon. Leipzig. 1858. т. II. стр. 281. И въ этомъ смыслѣ насъ совершенно не удовлетворяетъ теоретическое обоснованіе исключительнаго положенія, которое мы находимъ въ изслѣдованіи В. М. Гессена. „Только явленія, угрожающія государственному и общественному порядку—пишетъ онъ—только „крамольныя посягательства" могутъ служить объектомъ чрезвычайнаго на нихъ воздѣйствія. Всякое такое воздѣйствіе должно быть разрѣшаемо власти подъ однимъ и тѣмъ же, постояннымъ и общимъ условіемъ: поскольку это необходимо для охраны общественной безопасности и государственнаго порядка". *В. М. Гессенъ.* о. с. стр. 125. Ср. т. стр. 110—111. Но какой-же режимъ и какое правительство, прибѣгающіе къ исключительному положенію, не подписались бы подъ такими удобными для нихъ формулами? Именно эти основанія служили и служатъ всегда источникомъ злоупотребленій.

Гораздо болѣе послѣдовательны тѣ, которые, подобно якобинцамъ, воспитаннымъ на доктринѣ Руссо, готовы всегда сознательно жертвовать интересами личности ради интересовъ цѣлаго. Но они и говорятъ о „salut public", какъ высшей государственной цѣли.

[1]) „Loi martiale" особенно подчеркнулъ буржуазный характеръ Конституанты. Ср. *Block. M.* Dictionnaire de la politique. т. I, стр. 146.

Что же оставалось въ этихъ случаяхъ толпѣ, какъ незащищать своихъ вождей и, слѣдовательно, оказывать упорное сопротивленіе, проливать свою и чужую кровь и вызывать все болѣе и болѣе суровыя репрессіи [1]).

Но у новаго закона нашлись горячіе сторонники.

Молодой талантливый адвокатъ Лусталло—редакторъ Прюдомовскаго журнала «Les Révolutions de Paris», рискуя потерять свою популярность, смѣло выступилъ въ защиту «loi martiale». Въ длинномъ отвѣтѣ на письмо неизвѣстнаго въ редакцію онъ подвергаетъ обстоятельному разбору новый законъ и сличаетъ его съ англійскимъ [2]). «Можно ли разсматривать—писалъ онъ—loi martiale какъ актъ деспотизма, если самые свободные народы прибѣгали къ такимъ же мѣропріятіямъ.. Такіе законы были и въ Аѳинахъ, и въ Римѣ и въ Англіи... Loi martiale—полезное и необходимое нововведеніе даже и въ хорошо устроенномъ государствѣ (état bien constitué)... Онъ служитъ исключительно для защиты свободы и конституціи противъ мятежниковъ и бунтовщиковъ...» [3]). Лусталло забылъ, что нельзя одновременно защищать личную свободу и loi martiale, нельзя называть «хорошо устроеннымъ» то государство, которое требуетъ примѣненія исключительныхъ мѣръ, свидѣтельствующихъ о наличности глубокаго внутренняго недовольства.

Другіе современники осуждали новый законъ [4]). Раздались

---

[1]) Любопытно отмѣтить, что Калоннъ, горячо порицавшій Конституанту за то, что она привела государство къ „débordement de la licence la plus effrénée" и считавшій „loi martiale" необходимымъ продуктомъ новой конституціи, замѣчаетъ, однако: „законъ (loi martiale) могъ бы еще соотвѣтствовать своей печальной задачѣ, если бы не ненужныя формальности тамъ, гдѣ прежде всего требуется быстрота и рѣшительность." *De Calonne.* o. c. стр. 122—123. Интересно, куда бы еще дальше могла идти кровожадная изощренность законодателя? Къ сожалѣнію, Калоннъ не оставилъ подробнаго разбора этого закона; быть можетъ, полицейскій геній ex-министра былъ выше финансоваго?

[2]) „*Révolutions de Paris, dédiées a la nation et au District des petits Augustins*". (*Prudhomme édit*). Du 24 au 31 octobre 1789. № XVI стр. 6—18. См. т. *Marcellin Pellet.* Elysée Loustallot et les Révolutions de Paris (Juillet 1789—Sept. 1790). Paris. 1872. стр. 75—76.

[3]) „*Révolutions de Paris*". № XVI стр. 6 и 17.

[4]) S'il est une loi—писалъ La Vicomterie—qui favorise un tyran et ses barbares satellites, c'est celle là; s'il est une loi qui dise: obéis ou meurs, c'est celle là....

протесты и со стороны самого населенія. Три или четыре дистрикта рѣшили вовсе не повиноваться закону, а одинъ изъ нихъ—«Saint-Martin des champs» постановилъ даже, что только коммуна рѣшаетъ вопросъ о возможности примѣненія мѣръ высшей полиціи безопасности (mesures de haute police), что до тѣхъ поръ, пока новый законъ не будетъ отмѣненъ, дистриктъ не будетъ по-

C'est ce Mirabeau qui après avoir tenté la ruine de la liberté par le veto absolu, est encore le rédacteur de cette loi funeste". *Louis La Vicomterie*. o. c. стр. 97—103. Горячо осуждала „loi martiale" и M-me Roland. „. . . Je n'aime point la l. m.—писала она Боску 20-го октября 89 г.—proposée par Mirabeau; elle serait digne de Dracon, et elle me semble prématurée dans les circonstances. Punir de mort dans tel cas d'attroupements, est inutile pour prévenir des complots d'hommes puissants, dont la cabale n'agirait qu'à force ouverte et se mettrait au dessus de la loi; et c'est cruel dans un temps d'orage où le peuple n'a souvent que ce moyen pour faire échouer une trahison". *Mme Roland*. Lettres de M. R. publiées par Claude Perroud. т. I – II. 1900—1902. т. II. стр. 70—71. Де-Феррьеръ въ своихъ мемуарахъ передаетъ какъ слухъ, что Лафайетъ и Бальи въ согласіи съ Мирабо сами подогрѣли народное волненіе. чтобы добиться закона „qui muselât le peuple". При всякомъ „gouvernement populaire—добавляетъ онъ—le peuple est l'instrument aveugle des factions". Де.Ф. былъ дворянскимъ депутатомъ на Генеральныхъ Штатахъ. 10-го августа былъ арестованъ. „*Mémoires du Marquis de Ferrières*". Collection des mémoires relatifs à la Révolution française par Berville et Barrière. т. 1—3. Paris 1821—1822. т. I. стр. 342. Но наиболѣе сильную отповѣдь l. m. далъ Маратъ. Въ №№ 34 и 35 „Ami du Peuple" онъ разражается громовыми филиппиками противъ него. „. . . Il n'est point de malheurs qu'on n'ait sujet d'attendre de ce funeste décret; point d'attentats dont il ne soit la source. En ordonnant aux troupes de marcher contre les citoyens assemblés, il anéantit la nation, qui n'existe que par la réunion des individus. . . La l. m. qui proscrit les attroupements n'a donc été proposée que par un ennemi du bien public; elle n'a été arrachée que par des traîtres à la patrie, elle n'a été accordée que par des suppôts de la tyrannie... Une l. m. contre les attroupements est bonne, excellente, admirable, lorsque la Constitution consacrée est juste et sage, nous allions dire parfaite et que les dépositaires de l'autorité se renferment dans le devoir... Mais lorsqu'une nation travaille à rompre ses fers, lorsqu'elle se débat contre les ennemis publics qui cherchent à la livrer à l'anarchie ou à la replonger dans la servitude pour la tyranniser à leur gré, une l. m. devient un mur d'airain élevé autour de l'abîme où elle est plongée..." См. *Chevremont*. Jean Paul Marat. Esprit politique accompagné de sa vie scientifique, politique et privée. т. 1—2. Paris. 1880. т. I. стр. 184, 187—188. Ср. также любопытное столкновеніе Марата и защищавшихъ его Кордельеровъ съ Національнымъ Собраніемъ и муниципалитетомъ, закончившееся разгромомъ жилища Марата. Маратъ бѣжалъ. См. *Afred Bougeart*. Les Cordeliers. Documents pour servir à l'histoire de la Révolution française. Caën. 1891. стр. 177—196. *Chevremont*. o. c. т. I. стр. 235—236.

сить формы національной гвардіи и что принятыя рѣшенія должны быть доведены до свѣдѣнія Національнаго Собранія черезъ особую депутацію. Свое постановленіе мятежный дистриктъ разослалъ въ 59 другихъ съ приглашеніемъ присоединиться. Противъ воинственнаго дистрикта были приняты энергичныя мѣры. Главные вожаки были арестованы и волненіе понемногу улеглось. Дистриктъ взялъ постановленіе обратно, а его національные гвардейцы принесли присягу строго исполнять новый законъ[1]).

Такъ вошелъ въ жизнь этотъ законъ, который навсегда хоронилъ гарантіи личной свободы, убивая своими чудовищными устрашеніями свободныя проявленія народной воли[2]). И тѣмъ не менѣе, ему не удалось добиться главной цѣли—прекратить недовольство и безпорядки. Весь январь и февраль 90 г. протекли въ безпрерывныхъ волненіяхъ[3]).

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ король счелъ нужнымъ подчеркнуть свою солидарность съ Національнымъ Собраніемъ. 4-го февраля онъ появляется въ засѣданіи и произноситъ рѣчь, возбуждающую энтузіазмъ Собранія: «..Ne professons tous—говорилъ король—à

---

[1]) *Droz.* o. c. т. III. стр. 57.

[2]) Трезвый и спокойный Рихтеръ горячо вооружается по поводу l. m. противъ исключительныхъ законовъ: „...Sie sollen—пишетъ онъ—Schrecken verbreiten durch ihr blosses Dasein auf dem Papiere, aber nie durch ihnen entsprechende Thaten ihre Fürchtbarkeit bewahrheiten... In schwachen Händen verspotten sie selbst nur die Gewalt und in starken werden sie zu einer Ungerechtigkeit; aus Verdächtigen werden im Augenblick Verurtheilte, aus Verurtheilten im selben Augenblick Gerichtete..." *Carl Richter.* o. c. т. I. стр. 91—93.

[3]) Реакція власти на такого рода безпорядки въ Парижѣ отличалась, повидимому, чрезвычайной энергіей. Такъ, напр., въ одномъ изъ утреннихъ засѣданій Парижской Коммуны полицейскимъ комитетомъ было доложено, что на улицахъ собираются скопища. Коммуна немедленно дѣлаетъ постановленіе, въ коемъ угрожаетъ судомъ въ превотальномъ порядкѣ всѣмъ захваченнымъ участникамъ скопищъ. См. *Sig. Lacroix (réd).* o. c. 1-я серія. т. I. стр. 298.

О безпорядкахъ въ провинціи см., напр., докладъ виконта Мирабо въ засѣданіи 28-го января 90 г. Новый законъ о мѣстномъ управленіи былъ источникомъ частыхъ волненій. Со второй половины января особенно въ Бретани усилилось движеніе противъ помѣщиковъ. Опять горятъ замки, феодалы бѣгутъ въ города, по деревнямъ буйствуютъ голодныя толпы. Къ этой же эпохѣ относится манія федерацій. См., напр., *Buchez et Roux.* o. c. т. I. стр. 308—311. О примѣненіи l. m. въ провинціи См. *Jacques Hérissay.* o. c. стр. 262—264.

compter de ce jour, ne professons tous, je vous en donne l'exemple, qu'une seule opinion, qu'un seul intérêt, qu'une seule volonté, l'attachement à la Constitution Nouvelle et le désir ardent de la paix, du bonheur et de la prosperité de la France»[1]). Окрыленные этими словами, депутаты сочиняютъ длиннѣйшее посланіе къ народу[2]).

Въ этомъ посланіи, исполненномъ патетическихъ восторговъ передъ успѣхами революціи, Національное Собраніе какъ бы подводитъ итоги своимъ трудамъ. Въ торжественныхъ фразахъ оно перечисляло свои заслуги: «...Среди бурь Національное Собраніе начертало твердой рукой принципы конституціи, навсегда утвердившей принципы свободы... Права человѣка были неизвѣстны и попирались въ теченіе вѣковъ; они возглашены въ декларацін, которая отнынѣ—военный кличъ противъ угнетателей и законъ для самихъ законодателей!»... Послѣ длиннѣйшаго перечисленія своихъ отдѣльныхъ мѣропріятій Конституанта останавливается на упрекахъ, которые обращены къ ней съ разныхъ сторонъ: «...Можно ли упрекать Собраніе въ несчастіяхъ, обрушившихся на народъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ? Упрекать Собраніе, которое хотѣло ихъ предупредить, остановить силою своихъ декретовъ и которыя исчезнутъ чрезъ единеніе властей и непобѣдимое сотрудничество всѣхъ національныхъ силъ...» И далѣе Конституанта рисуетъ необъятные горизонты счастья и славы, которые должны открыться передъ страной. «..Остается сдѣлать немного шаговъ... Не будьте опрометчивы, остерегайтесь насилій, ибо всякій безпорядокъ можетъ стать пагубнымъ для свободы. ... Въ царствѣ законности слово месть не должно быть болѣе произносимо!.» Заканчивалось это краснорѣчивое посланіе неумѣреннымъ панегирикомъ монарху [2]).

Это воззваніе — необычайно характерно для Конституанты. Одушевленная лучшими намѣреніями, желая искренно «облагодѣтельствовать» народъ, Конституанта въ своемъ законодательномъ

---

[1]) *А. Р.* т. XI. стр. 429—431. О впечатлѣніи, произведенномъ рѣчью короля на Собраніе, см. особенно въ *Journal des Débats*. № 165 или въ протоколахъ засѣданія „Assemblée des représentants de la Commune. Municipalité de Paris". *М.* т. III. стр. 294. Наоборотъ, на умѣренныхъ членовъ Собранія рѣчь короля произвела далеко не такое благопріятное впечатлѣніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, писалъ объ этомъ Мунье въ своихъ „Recherches".

[2]) *М.* т. III. стр. 352—354, 360—362.

ослѣпленіи не замѣчала пропасти, которая лежала между ея декретами и практикой. Она не замѣчала глубокаго разлада между законодательной и исполнительной властями, который инстинктивно чувствовалъ народъ. И если воззванія и прокламаціи Законодательнаго Собранія вѣрно отражали его собственныя настроенія, то они грѣшили въ то же время страшной близорукостью, такъ какъ исходили изъ убѣжденія, что эти настроенія стали уже общими, стали достояніемъ народа. На самомъ же дѣлѣ законодательное творчество Конституанты было само по себѣ, народъ самъ по себѣ. Конституанта творила и вѣрила, народъ слушалъ, но не вѣрилъ. Поэтому, никакія прокламаціи Національнаго Собранія не могли успокоить народа; онѣ были слишкомъ метафизичны для его реальныхъ страданій. И Конституанта должна была считаться съ этимъ. Рядомъ съ своими мирными деклараціями она подумывала и о другихъ средствахъ, которыя должны были поддержать упадавшій престижъ власти.

18-го февраля 90 г. Шапелье отъ имени конституціоннаго комитета внесъ законопроектъ, имѣвшій задачей «прекращеніе безпорядковъ, происходившихъ въ провинціяхъ»[1]).

Введеніе къ законопроекту опять констатировало наличность повсемѣстныхъ безпорядковъ, опять говоритъ о недостаточности гарантій личныхъ правъ и права собственности. Поэтому, законопроектъ рекомендуетъ: 1) Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мятежная толпа нарушаетъ права личности или право собственности или препятствуетъ взиманію налоговъ, представители муниципальной власти должны немедленно возгласить loi martiale, подъ угрозой въ противномъ случаѣ отрѣшенія отъ должности, лишенія возможности получить какое либо мѣсто на государственной или общественной службѣ, отвѣтственности за бездѣйствіе власти и спеціальнаго вознагражденія (ст. 1 и 2). Всѣ граждане должны содѣйствовать возстановленію нарушеннаго спокойствія; на всякую общину возлагается отвѣтственность въ размѣрѣ двухъ третей убытковъ, понесенныхъ каз-

---

[1]) „*Projet de loi ayant pour objet d'arrêter les troubles qui se produisent dans les provinces*“ изъ 11-ти статей. *A. P.* т. XI стр. 641—642. 20-го февраля была представлена новая редакція законопроекта изъ 9-ти статей. Она мало отличается отъ первой. Мы останавливаемся въ текстѣ на послѣдней редакціи.

ной (ст. 4). Всякій гражданинъ можетъ обратиться съ письменнымъ требованіемъ въ муниципалитетъ объ опубликованіи loi martiale и муниципальные чиновники подлежатъ отвѣтственности, если будетъ доказано, что они уклонились отъ принятія требуемой мѣры по недостаточнымъ основаніямъ. Заявившіе надлежащее требованіе подлежатъ освобожденію отъ штрафа, налагаемаго на другихъ гражданъ коммуны; если же требованіе заявлено безъ достаточныхъ основаній, виновный приговаривается къ штрафу (ст. 5 и 6). Если муниципальные чиновники почему либо отсутствуютъ—ихъ функціи должны исполнять нотабли; первый изъ нихъ немедленно собираетъ товарищей, и собранный совѣтъ функціонируетъ на тѣхъ же основаніяхъ, что и муниципальный (ст. 7). Регулярныя войска, вызванныя на мѣсто безпорядковъ, должны во всемъ, касающемся объявленія и примѣненія l. m., подчиняться требованіямъ муниципальныхъ чиновниковъ (ст. 9).

Новый законопроектъ прежде всего расширялъ сферу примѣненія l. m. Массы лицъ отнынѣ обладали правомъ его возглашенія. Затѣмъ въ законопроектъ былъ введенъ новый одіозный принципъ—покровительство шпіонству и доносамъ, принципъ развращавшій населеніе и вооружавшій однихъ на другихъ [1]).

Неудивительно, что проектъ варварскаго закона вызвалъ страстные дебаты въ Собраніи. Первымъ выступилъ Барнавъ, предостерегавшій Собраніе, что новый законъ не только не послужитъ возстановленію общественнаго спокойствія, но самъ еще вызоветъ «анархію». Особенно опасной казалась Барнаву статья, вручавшая право объявленія l. m. представителямъ судебной власти. Отъ этого, по его мнѣнію, существенно страдало начало раздѣленія властей. Право пользованія вооруженной силой можетъ быть предоставлено судьѣ только для приведенія въ исполненіе его приказовъ. Другіе ораторы возражаютъ противъ слишкомъ суровой отвѣтственности муниципальныхъ чиновниковъ за неисполненіе буквы закона. Нѣкоторые, вродѣ Деменье, защищаютъ законопроектъ, какъ временную мѣру. Мирный ходъ преній былъ нару-

---

[1]) Ст. 4-я, устанавливавшая отвѣтственность общины за преступленія, совершенныя на ея территоріи.

шенъ Казалесомъ, внесшимъ новое предложеніе [1]). Ссылаясь на практику Англіи, не довольствующейся въ случаяхъ повсемѣстныхъ и серьезныхъ волненій объявленіемъ «riot act'a», но прибѣгающей къ болѣе дѣйствительной мѣрѣ—временной пріостановкѣ «Habeas Corpus Act'a», Казалесъ предлагаетъ облечь короля на три мѣсяца всей полнотой исполнительной власти, вручить ему неограниченныя полномочія до окончательнаго возстановленія общественнаго порядка. Мирабо почувствовалъ опасность, грозившую въ предложеніи Казалеса и вооружился всѣми силами противъ проекта королевской диктатуры, настаивая, что Казалесъ выходитъ изъ предѣловъ обсуждаемаго вопроса. Мирабо, однако, едва ли могъ выйти побѣдителемъ изъ этого столкновенія и Казалесъ справедливо парируетъ его удары замѣчаніемъ, что онъ трактуетъ вопросъ по существу (il traite le fond de la question). За Дювалемъ д'Епременилемъ, поддерживавшимъ предложеніе Казалеса, на трибуну входитъ Малуэ [2]). Послѣ довольно длинныхъ разсужденій общаго характера Малуэ обращаетъ вниманіе Собранія на частое, но недопустимое смѣшеніе исполнительной власти съ властью собственно короля. Въ монархіи — разсуждаетъ онъ—всѣ вѣтви исполнительной власти находятся подъ верховнымъ руководительствомъ монарха... Если бы этого не было, если бы французское правительство утратило свой монархическій характеръ, то нѣтъ гарантій, что гражданскія права будутъ пользоваться достаточной защитой и самое государство останется неприкосновеннымъ. Тогда были бы утрачены всѣ выгоды настоящей правительственной системы, ибо въ единствѣ направленія, отвѣтственности агентовъ власти и постоянной бдительности Законодательнаго Собранія лежитъ залогъ и общественной безопасности и свободы гражданъ. Въ заключеніе Малуэ предлагаетъ собственный проектъ декрета, въ которомъ первыя три статьи говорятъ о безпрекословномъ подчиненіи волѣ монарха всѣхъ гражданскихъ — исполнительныхъ властей, а статьи 4-я и 5-я предоставляютъ королю предупреждать и подавлять безпорядки всѣми мѣрами, которыя онъ сочтетъ нужными. Въ случаѣ принятія исполнительной властью чрезвычайныхъ мѣръ, въ нихъ

---

[1]) *А. Р.* т. XI. стр. 655.
[2]) *Ibidem.* стр. 656—658. *М.* т. III. стр. 431—неполно.

долженъ быть данъ отчетъ Законодательному Собранію, которое одно можетъ судить въ этихъ случаяхъ администрацію. Наконецъ, ст. 6-я предоставляла военной власти объявить l. m., если гражданскія власти почему-либо были поставлены въ невозможность это сдѣлать.

Таково—предложеніе Малуэ [1]). Подобно Казалесу, онъ хотѣлъ перенести на французскую почву англійскую форму исключительнаго положенія—пріостановку Habeas Corpus Act'a. Но между порядкомъ, проектированнымъ французскими депутатами и англійской практикой, есть разница и притомъ очень существенная. Въ Англіи пріостановка вводится исключительно съ согласія парламента. Поскольку можетъ, слѣдовательно, актъ произвола носить «закономѣрный» характеръ, онъ его носитъ. Ст. же 6-я декрета Малуэ проектируетъ автоматическую диктатуру исполнительной власти, какъ только безпорядки начинаютъ угрожать общественному порядку и безопасности. Ст. 5-я пытается воспроизвести англійскую систему, при которой судебно-исковая отвѣтственность органовъ администраціи за нарушеніе частныхъ интересовъ за все время пріостановки Habeas Corpus Act'a парализуется такъ называемыми биллями объ амнистіи, обычно сопровождающими пріостановки. Эти билли, въ сущности, ведутъ къ полной безотвѣтственности администраціи [2]). То же проектировалъ и Малуэ въ полной увѣренности,

[1]) Любопытно сопоставить разсужденія Малуэ въ этомъ засѣданіи съ его „Мнѣніемъ", приложеннымъ къ докладу дипломатическаго, военнаго и розыскного комитетовъ о „средствахъ обезпеченія внѣшней и внутренней безопасности государства", представленному въ засѣданіе Національнаго Собранія 28-го января 91 г. „....Самое надежное средство положить конецъ интригамъ и агитаціямъ—читаемъ мы въ немъ—и сократить вообще число недовольныхъ, это—обезпечить безопасность и личную свободу.... Какъ можемъ мы быть привязаны къ новому порядку, когда онъ держитъ насъ въ постоянномъ страхѣ, оставляетъ вѣчно висѣть мечъ надъ нашими головами... Прежде можно было опасаться насилій со стороны какого-нибудь знатнаго лица.., но можно было не бояться проскрипцій десяти тысячъ клубовъ или всѣхъ кафе. Бастилія была только въ въ С. Антуанскомъ предмѣстьѣ, а l. d. c. не находились въ распоряженіи всѣхъ муниципалитетовъ королевства". *А. Р.* т. XXII. стр. 542—547. Среди ламентацій консервативнаго Малуэ мѣстами прорывается здравая критика порядковъ Конституанты, указанія на ея неспособность обезпечить личную свободу граждан.

[2]) Дайси, восторженный поклонникъ „англійской конституціи", все время твердящій о господствѣ права, какъ о моментѣ, отличающемъ ее отъ конти-

что въ тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, которыя переживала Франція, податливая Конституанта не задумается покрыть

нентальныхъ конституцій, долженъ былъ, однако, признать, что „пріостановка Habeas Corpus Act'a въ соединеніи съ надеждой на актъ о снятіи отвѣтственности открываетъ въ дѣйствительности для исполнительной власти возможность большого произвола". *А. В. Дайси.* Основы государственнаго права Англіи. Введеніе въ изученіе англійской конституціи. Пер. подъ ред. проф. Виноградова. М. 1905. стр. 263. Правда, онъ старается сейчасъ же затушевать вырвавшееся у него признаніе, но доводы, которые онъ приводитъ — малоубѣдительны. Такъ онъ указываетъ, что акты объ амнистіи покрываютъ только тѣ дѣйствія исполнительной власти, которыя совершались съ государственными цѣлями. Но не говоря уже о томъ, что исторія англійскихъ пріостановокъ знаетъ массу случаевъ, когда амнистировался такой произволъ администраціи, который не могъ быть оправданъ никакими государственными соображеніями, амнистія, вопреки утвержденію Дайси, увѣнчивала дѣятельность администраціи за время пріостановки во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда именно это ей представлялось нужнымъ. Хотя билли объ амнистіи и не были неизмѣннымъ спутникомъ каждой пріостановки, но насколько можно судить по обильному матеріалу, который привелъ въ своей любопытной книгѣ проф. Дерюжинскій, акты объ объ амнистіи являлись слѣдствіемъ петицій и исковъ со стороны пострадавшихъ. *Дерюжинскій.* Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временныя ограниченія. Юрьевъ. 1895. Именно по этимъ петиціямъ и искамъ правительство могло судить о дѣйствіяхъ администраціи и биллями объ амнистіи соотвѣтствующаго содержанія покрывать ихъ. Извѣстны многочисленные случаи, когда въ парламентѣ непосредственно передъ обсужденіемъ билля объ амнистіи разсматривались и самыя жалобы потерпѣвшихъ. Вотъ почему билли объ амнистіи имѣютъ разное содержаніе, вотъ почему и не всѣ пріостановки сопровождались соотвѣтствующими актами. Далѣе Дайси замѣчаетъ, что „актъ о снятіи отвѣтственности хотя и представляетъ узаконеніе беззаконія, все же есть самъ по себѣ законъ..." (стр. 265). Въ высокой степени сомнительно, чтобы наличность *такого закона* давала бо́льшія гарантіи личной свободы, чѣмъ любая диктатура или любое *неузаконенное беззаконіе.* Сомнительно, чтобы такими софизмами можно было бы утѣшать и потерпѣвшихъ. Наконецъ, если актъ о пріостановкѣ, какъ правило, долженъ былъ примѣняться исключительно противъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ, то на практикѣ—во-первыхъ, наблюдались всевозможныя отступленія отъ этого принципа, во-вторыхъ, издавались, какъ въ 1795 г., дополнительные акты о полномъ прекращеніи всякихъ общественныхъ собраній, въ-третьихъ, и самое понятіе государственной измѣны толковалось настолько широко, что подъ него можно было подвести самыя разнообразныя проявленія оппозиціи. Петиціи и жалобы отмѣтили слѣдующіе факты, имѣвшіе мѣсто во время пріостановокъ: къ ограниченіямъ гарантій личной свободы присоединяли ограниченіе извѣстныхъ имущественныхъ правъ, ночные обыски совершались съ необычайной жестокостью, слѣдствіемъ которой бывали болѣзни, полная неспособность къ труду и даже смерть, не говоря уже объ имущественномъ разореніи арестованныхъ. Среди

своимъ авторитетомъ любыя административныя репрессіи, лишь бы онѣ задушили безпорядки, неудобные для устраивавшейся буржуазіи.

репрессивныхъ мѣръ фигурировали такія, какъ лишеніе пищи, заковываніе въ кандалы больныхъ людей, продолжительные перегоны изъ одной тюрьмы въ другую и даже изъ одного города въ другой, долгое одиночное заключеніе въ сырыхъ и мрачныхъ камерахъ и т. п. (*Дерюжинскій.* о. с. стр. 323—333). Такого рода мѣры неоднократно примѣнялись къ совершенно невиннымъ „по неосновательному подозрѣнію въ государственной измѣнѣ“ (*Ibidem.* стр. 333). Многочисленные иски оставлялись при этомъ безъ вниманія, кромѣ исключительныхъ случаевъ, вродѣ иска учителя французскаго языка Райта, жестоко высѣченнаго по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ, ничѣмъ не подтвердившемуся. Неудивительно послѣ этого, что въ самомъ парламентѣ изъ рядовъ оппозиціи раздавались голоса, осуждавшіе, по существу, дѣятельность администраціи за время пріостановки Habeas Corpus Act'a. Такъ въ 1817 г. во время обсужденія билля о пріостановкѣ, одинъ изъ ораторовъ палаты общинъ— Баргэмъ говорилъ: „...Когда H. C. A. пріостанавливается, нѣтъ разницы между нашимъ правленіемъ и правленіемъ самаго деспотическаго государя. Принадлежащее въ такихъ случаяхъ министру право подвергать заключенію столь же велико и столь же опасно, какъ и l. d. c., такъ давно и столь справедливо порицаемыя“. И дѣйствительно, если припомнить, что нѣкоторыми актами, какъ, напр., актомъ 1689 г., иски не только дѣлались ничтожными, но въ пользу отвѣтчиковъ причитывались еще издержки въ двойномъ размѣрѣ, а кромѣ того многіе акты объ амнистіи покрывали не только время пріостановки, но еще и нѣкоторое время до нея (въ 1794 г. амнистія была распространена еще на цѣлый годъ до введенія пріостановки), остается согласиться съ ораторомъ оппозиціи, что на время пріостановки исполнительной власти въ Англіи вручается почти неограниченная власть. Станутъ понятными петиціи 1818 г. Лондонскаго Городского Совѣта, протестовавшаго „противъ незаконныхъ и произвольныхъ дѣяній правительства и требовавшаго отказа въ актѣ объ амнистіи“. „Актъ объ амнистіи—гласила петиція— обратилъ бы въ пустой звукъ пресловутую отвѣтственность министровъ и отнялъ бы у невинныхъ жертвъ притѣсненія и преслѣдованія возможность апеллировать къ законамъ страны. (*Ibidem.* стр. 323, 326). Исторія англійскихъ амнистій ярко подчеркиваетъ необоснованность утвержденія Mittermaier'a, что въ Англіи ни одинъ министръ не осмѣлится предпринять отмѣны одного изъ священныхъ правъ Англіи безъ согласія парламента“. *Mittermaier.* Die Gesetzgebungen über Belagerungsstand, Kriegsrecht, Standrecht und Suspension der Gesetze über persönliche Freiheit. Archiv des Criminalrechts. Neue Folge. 1849.

Мы не можемъ, поэтому, согласиться съ проф. Дерюжинскимъ, который вслѣдъ за Дайси, видитъ различіе между континентальнымъ „осаднымъ положеніемъ“ и пріостановкой Habeas Corpus Акта. На нашъ взглядъ, оба института носятъ равно репрессивный характеръ и утвержденіе проф. Дерюжинскаго, что основная черта пріостановки—заключается въ ея „предупредительномъ характерѣ“ представляется намъ недостаточно мотивированнымъ. По крайней мѣрѣ, цѣнный матеріалъ, собранный проф. Дерюжинскимъ въ его

Продолженіе преній было перенесено на 22-е февраля. Собраніе открылось горячей рѣчью Робеспьера[1]). Ораторъ говоритъ, что слухи о волненіяхъ и безпорядкахъ — преувеличены, что на народъ клевещутъ, обвиняя его въ варварствѣ, что ни одна революція не стоила такъ мало крови и т. п. Я не понимаю—говорилъ онъ—какъ можно утверждать свободу деспотическими средствами... Отвергнемъ loi martiale! Не потерпимъ, чтобы солдаты избивали добрыхъ гражданъ подъ предлогомъ ихъ защиты, не отдадимъ судьбы революціи въ руки военныхъ начальниковъ![2]). За Робеспьеромъ послѣдовалъ цѣлый рядъ ораторовъ. Въ энергичной рѣчи Клермонъ-Топнерръ протестуетъ противъ лести народу. Я буду говорить народу—восклицаетъ графъ, дѣлая выпадъ по адресу Робеспьера—не то, что ему нравится, а то, что ему полезно... Еще придетъ день, когда народъ пойметъ, что права покоятся на сознаніи обязанностей, но до этого... долгій путь и для этого необходимо національное воспитаніе. Въ заключеніе ораторъ рекомендуетъ одобрить комитетскій проектъ [3]). Клермонъ-Тоннерра на ораторской трибунѣ смѣняетъ Дюпонъ де Немуръ, высказывающійся за необходимость утвержденія порядка какими-бы то ни было средствами[4]). Послѣ длиннаго ряда блѣдныхъ рѣчей, повторяющихъ уже

изслѣдованіи, ничѣмъ не оправдываетъ такого утвержденія, если, конечно, не основываться на собственныхъ заявленіяхъ правительства. (См. *Дерюжинскій.* о. с. стр. 243. Уясненію различія между пріостановкой и осаднымъ положеніемъ посвящена гл. V-я стр. 369—392. См. т. популярный очеркъ *А. Горбуновъ.* Гарантіи личной свободы въ Англіи. Ростовъ на Дону. 1905. стр. 44—47). Мы не видимъ также, вопреки Дайси, никакихъ преимуществъ въ узаконенномъ беззаконіи передъ простымъ беззаконіемъ. И то и другое является одинаково грубымъ произволомъ. Если же тутъ и приложима какая-либо этическая мѣрка, то едва ли въ пользу перваго института.

[1]) *А. Р.* т. XI. стр. 665—666. Ср. т. стр. 673—674 (изъ журн. „Le point du Jour").

[2]) Любопытно сопоставить эту великолѣпную рѣчь съ обычнымъ, впрочемъ, для Робеспьера позерствомъ съ его послѣдующей дѣятельностью въ эпоху Конвента.

[3]) *А. Р.* т. XI. стр. 666—667.

[4]) Дюпонъ предлагаетъ еще болѣе рѣшительный проектъ диктатуры, чѣмъ комитетъ. Если отдѣльные граждане—аргументировалъ предложеніе Дюпонъ—въ правѣ препятствовать совершенію преступленія на ихъ глазахъ, то и войска не только могутъ, но и должны въ нужныхъ случаяхъ по собственной инціативѣ поддерживать порядокъ. И ст. 1-я Дюпоновскаго проекта предоставляетъ право начальству національной гвардіи и регулярныхъ

высказанную аргументацію, говорили Мирабо и Бленъ. Положеніе Мирабо было нѣсколько двусмысленно въ виду того, что онъ былъ иниціаторомъ loi martiale. Тѣмъ не менѣе съ свойственной ему силой онъ обрушился на проектъ диктатуры, доказывая ея невозможность для страны съ 24-мя милліонами жителей. По его мнѣнію, для подавленія безпорядковъ достаточно и loi martiale; необходимо лишь установить формы отвѣтственности за его неисполненіе [1]. Невѣроятную бурю въ Собраніи вызываютъ слова Блена: тѣ, кто предлагаетъ диктатуру, хотятъ послать въ провинцію убійцъ для усмиренія убійцъ! Слова Блена покрыты страшнымъ шумомъ. Напрасно Бленъ пытается ихъ объяснить, протесты слышатся со всѣхъ сторонъ. Пришлось закрыть засѣданіе и назначить продолженіе преній на 23-е февраля. Въ этомъ засѣданіи ничего существенно новаго сказано не было и Собраніе перешло къ постатейному обсужденію проекта, предложеннаго Буссіономъ.

Въ окончательномъ видѣ законъ получилъ слѣдующую формулировку [2]). Согласно ст. 3-й, муниципальные чиновники должны всѣми средствами, находящимися въ ихъ распоряженіи, охранять общественную и частную собственность, личную свободу гражданъ и принимать мѣры къ обезпеченію правильнаго поступленія налоговъ. Если возникшіе безпорядки затрудняютъ выполненіе этой задачи, муниципальные чиновники должны объявить loi martiale. Въ противномъ случаѣ они несутъ на себѣ отвѣтственность за могущія быть послѣдствія (ст. 4). Ст. 5-я и послѣдняя перелагаетъ отвѣтственность за убытки, причиненные мятежной толпой, на общину, если послѣдняя могла что либо предпринять для прекращенія безпорядковъ. Иски и споры объ отвѣтственности разсматриваются въ мѣстныхъ судахъ. Такимъ образомъ, новый декретъ, противно ожиданіямъ сторонниковъ диктатуры, вышелъ въ значительно урѣзанномъ видѣ противъ первоначальной ре-

---

войскъ, безъ особаго приглашенія муниципальныхъ чиновниковъ, употребить въ случаѣ нужды ввѣренную ему команду для подавленія безпорядковъ. Ст. 3-я вручаетъ право самостоятельнаго возглашенія loi martiale. *A. P.* т. XI. стр. 667—669.

[1]) *Ibidem.* стр. 670—671. Мирабо кончилъ свою рѣчь изложеніемъ проекта дополнительнаго закона къ loi martiale.

[2]) *„Décret concernant la sûreté des personnes, des propriétés et la perception des impôts“. Duvergier.* т. I. стр. 120.

дакціи. Исчезли статьи, предоставлявшія право объявленія loi martiale цѣлымъ категоріямъ гражданъ, претерпѣла измѣненія и статья, устанавливавшая отвѣтственность общины за правонарушенія, совершенныя на ея территоріи.

Конституантѣ не пришлось, однако, поставить точки и на этомъ законодательномъ актѣ. Поднявшіяся стихійныя силы революціи не могли быть успокоены репрессивными мѣрами Собранія. Волненія и безпорядки во Франціи не прекращались. Въ маѣ Конституанта знакомится съ волненіями въ По, Тулонѣ, Монпелье, Валенціи, Монтобанѣ[1]), Нижнемъ Лимузенѣ[2]). Въ маѣ и Парижъ становится ареной безпорядковъ[3]). Въ іюнѣ происходятъ Нимскіе безпорядки[4]). Въ іюлѣ—Ліонскіе. Усиливается деморализація въ войскахъ; случаи неповиновенія и военные бунты учащаются.

Въ началѣ іюня Тарже, доложивъ Собранію о грозныхъ безпорядкахъ въ цѣломъ рядѣ департаментовъ, вноситъ отъ имени соединенныхъ конституціоннаго и розыскного комитетовъ проектъ новаго декрета, который и былъ принятъ Собраніемъ[5]). Декретъ рекомендуетъ рядъ общихъ и частныхъ мѣръ, необходимыхъ для утвержденія общественной безопасности. Было воспрещено не только ношеніе оружія, но и палокъ въ

---

[1]) См. засѣданіе 26-го іюля 90 г.

[2]) Въ Собраніе былъ представленъ обширный „*Mémoire des députés de la ville de Tulle relatif aux troubles du Bas—Limousin, pour être mis sous les yeux de l'Ass. Nat.*“, повѣствующій о бандѣ грабителей въ 800 человѣкъ, разбивавшей замки, собиравшей денежныя контрибуціи, уничтожавшей продовольственные запасы. Банда при ея преслѣдованіи оказала вооруженное сопротивленіе жандармеріи. *А. Р.* т. XVI. стр. 51—85.

[3]) См. напр., докладъ Бальи въ засѣданіи 26-го мая 90 г. Въ концѣ мая среди Парижскаго населенія распространяется слухъ, что изъ „Châtelet“ выпустили государственныхъ измѣнниковъ и на ихъ мѣсто хотятъ водворить „патріотовъ“.. Возбужденная толпа вырываетъ у правосудія нѣсколькихъ мелкихъ мошенниковъ и учиняетъ надъ ними самосудъ. Лустало обрушился на убійцъ. „....Lorsque vous avez immolé — писалъ онъ въ XLVI-мъ № своего журнала—les de Launey, les Flesselles, les Beausset, les Voisins, vous usiez du droit de *légitime défense*, vous sauviez l'Etat et vous... Mais lorsque pour un vol d'argenterie ou de mouchoirs, vous vous faites juges et bourreaux des accusés, ne vous dissimulez pas que vous n'êtes que des meurtriers...“ „*Révolutions de Paris*“. №. XLVI. стр. 432.

[4]) См. докладъ Пардіэ. *А. Р.* т. XVI. стр. 481—483, т. стр. 685—687.

[5]) *А. Р.* т. XVI. стр. 41—42.

какихъ-либо публичныхъ собраніяхъ. Подобно предыдущимъ законамъ, декретъ грозилъ суровыми репрессіями за всякое нарушеніе правъ собственности и личной безопасности [1]). Въ іюлѣ разражаются знаменитые Нансійскіе безпорядки. Они вызвали жестокія репрессіи, при которыхъ погибло до трехъ тысячъ человѣкъ [2]). И такъ какъ броженіе еще долго не затихало, Національное Собраніе въ засѣданіяхъ 6-го и 16-го августа вотировало новый декретъ, въ которомъ грозила безпощаднымъ преслѣдованіемъ всѣмъ, кто будетъ уличенъ въ участіи въ Нансійскихъ безпорядкахъ [3]). Въ августѣ же происходятъ военные безпорядки въ Мецѣ и Тулонѣ [4]),

---

[1]) См., напр., *M. Bruneau*. o. c. стр. 135. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, впрочемъ, Конституанта обнаруживала достаточное чутье и понимала характеръ протекавшихъ событій. Когда, напр., Парижскій „Cour des aides" возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ лицъ, расташившихъ и сжегшихъ еще въ іюлѣ 89 г. Парижскія таможенныя заставы. Конституанта, заслушавъ докладъ Мюгэ, напомнившаго Собранію, что руки, сломавшія заставы, сломили и Бастилію, постановила дѣло прекратить и всѣхъ обвиняемыхъ отпустить на свободу. *A. P.* т. XVI. стр. 605—607.

[2]) *A. P.* т. XVIII. стр. 92—93. См. т. подробное изложеніе Нансійскихъ событій съ сочувственнымъ отношеніемъ къ пострадавшимъ у *Buchez et Roux*. o. c. т. VII. стр. 59—87.

[3]) 1-го сентября 90 г., вслѣдствіе новыхъ безпорядковъ въ Нанси, Національное Собраніе, по предложенію Барнава, одобряетъ прокламацію, въ которой приглашаетъ солдатъ повиноваться закону. „Правосудіе будетъ оказано не раньше—гласитъ прокламація—чѣмъ будетъ возстановленъ порядокъ". *A. P.* т. XVIII. стр. 472. 3-го сентября Собраніе вотируетъ благодарность Нансійскому муниципалитету за „patriotisme et bravoure civique", обнаруженныя имъ при возстановленіи порядка въ Нанси. Только въ засѣданіи 7-го декабря Собраніе постановило дѣло о Нансійскихъ безпорядкахъ прекратить и всѣмъ осужденнымъ вернуть свободу. *A. P.* т. XXI. стр. 319.

[4]) Докладчикъ Дюкенэ усматриваетъ главную причину безпорядковъ въ томъ, что народу привыкли льстить, постоянно толкуютъ объ его правахъ, но забываютъ напоминать объ его обязанностяхъ. Собраніе ограничилось декретомъ, аналогичнымъ съ тѣмъ, который оно издало по поводу Нансійскихъ безпорядковъ. *A. P.* т. XVIII. стр. 168—169. *M.* т. V. стр. 438—непополонъ. Предложеніе Мирабо—въ виду отсутствія какихъ-либо внѣшнихъ опасностей—распустить армію, вызвало негодующія реплики со стороны крайней лѣвой. Маратъ писалъ: „Ici je vois la nation entière se soulever contre cet infernal projet. Si les noirs et les ministres gangrenés et archigangrenés sont assez hardis pour le faire passer, citoyens, élevez huit cents potences, pendez-y tous ces traîtres et à leur tête l'infâme Riquetti l'ainé..." Мирабо выразился про этотъ пасквиль, что это—„paragraphe d'homme ivre". *A. P.* т. XXIII. стр. 213.

въ сентябрѣ въ Брестѣ [1]). 91-й годъ не принесъ спокойствія. Въ засѣданіи 17-го января былъ поднятъ вопросъ о безпорядкахъ въ Бри-Контъ-Роберѣ, февраль прошелъ въ обсужденіи Нимскихъ безпорядковъ [2]), волненій въ Юзесѣ [3]) и др. [4]); въ мартѣ идетъ разговоръ о безпорядкахъ въ Дуэ, Масоннэ [5]), Тулузѣ, на Верхнемъ Рейнѣ.

Въ маѣ была предпринята попытка, инниціатива которой исходила отъ Парижскаго департамента, внести нѣкоторое усовершенствованіе въ конституціонный механизмъ, которое могло бы, хотя въ извѣстной степени, внести успокоеніе въ волнующіяся массы. Попытка эта заключалась въ изданіи спеціальнаго закона о правѣ петицій [6]). Ходатайство департаментовъ было передано въ конституціонный комитетъ, который и представилъ соотвѣтствующій проектъ декрета [7]). Послѣдній вызвалъ въ Собраніи горячія пренія. Особенно ожесточенно напали Петіонъ и Робеспьеръ на тотъ § проекта, коимъ право петицій предоставлялось исключительно активнымъ гражданамъ. Въ конечномъ счетѣ, право петицій было признано правомъ каждаго. Делегація этого права не допускалась [8]). Въ этомъ правѣ петицій члены Національнаго Собранія видѣли и, конечно, не безъ основанія своего рода громоотводъ. Петиціи должны были дѣйствовать успокоительно на народныя

---

[1]) Въ концѣ ноября 90 г. Собраніе было занято Мартиникскими безпорядками, въ концѣ декабря—въ Э.

[2]) См. докладъ Алкье— *А. Р.* т. XXIII. стр. 299—366. Въ засѣданіи 22-го февр. 91 г. произноситъ длинную оправдательную рѣчь Нимскій мэръ— Тейссье де Маргериттъ: *Ibidem.* стр. 406—431, 470—487. Тѣмъ не менѣе, въ засѣданіи 26-го февраля Собраніе признало виновникомъ безпорядковъ муниципалитетъ. Послѣдній постановлено отставить, начатыя процедуры отмѣнить. *Ibidem.* стр. 545—546.

[3]) 23-го февраля 91 г. Нац. Собр. отправило въ Юзесъ войска и комиссаровъ, облеченныхъ чрезвычайными полномочіями. Послѣднимъ было предоставлено право учинять обыски и реквизиціи и принимать любыя мѣры для возстановленія порядка.

[4]) См. доклады 12-го февраля—о безпорядкахъ въ Эльзасѣ, 14-го въ Морхибанѣ.

[5]) *А. Р.* т. XXIV. стр. 287—288. Движеніе носило антиномѣщичій характеръ.

[6]) См. докладъ Пасторе. *А. Р.* т. XXV. стр. 352.

[7]) *Ibidem.* стр. 681—682.

[8]) *Ibidem.* стр. 700—701.

массы, выкачивая въ формѣ ходатайствъ и жалобъ то, что въ иныхъ условіяхъ могло бы вылиться въ бурную форму протеста. Въ іюнѣ Національное Собраніе издаетъ декретъ, коимъ грозитъ смертной казнью за участіе въ заговорахъ противъ государственнаго порядка и за подстрекательство къ гражданской войнѣ [1]).

Событія шли своимъ чередомъ. Приближалось 17-е іюля. Ничто не могло уже остановить демократическихъ волнъ, вызывавшихъ истинктивный страхъ въ слояхъ буржуазіи, хотѣвшихъ сохранить монархію. Въ воздухѣ носятся страшныя слова—«suffrage universel», референдумъ, контроль народа надъ законодательнымъ собраніемъ. Броженіе идетъ crescendo, особенно послѣ королевскаго бѣгства, дискредитировавшаго окончательно въ глазахъ народныхъ массъ, если не монархическій принципъ вообще, то монархію Людовика XVI-го. Съ 14-го іюля начинаются народныя нашествія на Національное Собраніе, ведущія къ взаимному озлобленію, все болѣе насыщающія атмосферу. За одно съ народомъ идутъ якобинцы, утратившіе свои первоначальныя монархическія симпатіи. Среди якобинцевъ, какъ извѣстно, зародилась впервые и идея петиціи, сперва не носившей вовсе республиканскаго характера и считавшейся только съ фактомъ отказа самого Людовика XVI-го. Петиція, составленная позже, исходила уже отъ республиканцевъ. Но хотя петиціонеры, по справедливому замѣчанію Олара, и не нарушили никакого закона и никакихъ статей конституціи, а, слѣдовательно, не подавали повода и ни къ какимъ репрессіямъ, буря должна была разразиться и разразилась. Дѣло было, конечно, не въ петиціи. Буржуазія, стоявшая у власти, инстинктивно почуяла въ петиціонерахъ и всѣхъ, солидарныхъ съ ними, безпощаднаго врага, новое враждебное ей міросозерцаніе и чувство самосохраненія продиктовало ей рѣшительныя средства [2]). Сраженіе буржуазіи съ демократіей произошло на Марсовомъ полѣ. Быть можетъ, никогда не удастся вполнѣ возстановить истинный харак-

---

[1]) *Proc. Verb.* т. LVIII. № 674. *A. P.* т. XXVII. стр. 52—53.

[2]) „C'est contre les republicains démocrates à la fois—пишетъ Оларъ въ своей исторіи—que la bourgeoisie fit le coup de force du 17 Juillet 1791“..или „..La journeé du 17 Juillet 1791 a une grande importance historique. C'est un coup d'état de la bourgeoisie contre le peuple, contre tous les démocrates, républicains ou non. C'est un acte de guerre civile“. *Aulard.* o. c. стр. 146, 153.

теръ событій, разыгравшихся въ этотъ день. Большинство историковъ передаетъ ихъ, согласно своимъ личнымъ симпатіямъ. [1]). Ближайшимъ поводомъ къ столкновенію послужило убійство двухъ подозрительныхъ субъектовъ, найденныхъ въ тотъ день утромъ подъ алтаремъ, воздвигнутымъ на полѣ. Національное Собраніе приписало это убійство демократамъ и республиканцамъ [2]) и Парижскій мэръ получилъ соотвѣтствующія инструкціи. Луи Бланъ, который главную вину въ побоищѣ на Марсовомъ полѣ возлагаетъ на Бальи, разсказываетъ такъ исторію этого дня [3]). Къ двумъ часамъ на Марсово поле были отправлены три муниципальныхъ чиновника въ сопровожденіи національной гвардіи. Къ своему удивленію они нашли тамъ полный порядокъ; петицію, которую подписывали бунтовщики, они признали вполнѣ законной и даже заявили, что они и сами бы ее подписали, если бъ не находились при отправленіи служебныхъ обязанностей. Все это нашло мѣсто и въ ихъ деклараціи, которая буквально гласила слѣдующее: «Les citoyens assemblés au champ de Mars n'avaient en rien manqué à la loi; qu'ils demandaient seulement le temps de signer leur pétition avant de se retirer; que la foule avait témoigné aux commissaires tous les égards imaginables et donné des marques de soumission à la loi et à ses organes». Послѣ этого чиновники удалились, отпустивъ войско и выбравъ двѣнадцать депутатовъ. Но взбудораженное настроеніе, въ которомъ находились Національное Собраніе во главѣ со своимъ президентомъ Ш. Ламетомъ и муниципальный

---

[1]) „... Cette affaire, où tout fut confusion, obscurité, mystère... Un épisode, encore si peu connu et si mal défini, de nos guerres civiles...“ См. *Paul d'Estrée*. Le Père Duchesne. Hébert et la commune de Paris (1792—1794). D'après des publications récentes et des documents inédits. Paris. 1909. стр. 55, 60 и вообще гл. VIII-я.

[2]) Оларъ указываетъ, что ихъ убили не петиціонеры, а жители сосѣдняго квартала. *Aulard*. о. с. стр. 152.

[3]) Мишле, по словамъ Л. Блана, сочувствуя Бальи, старательно затушевываетъ все, что можетъ бросить хотя какую-нибудь тѣнь на него. Ламартинъ обходитъ вопросъ о немъ молчаніемъ, другіе—какъ Тьеръ, Болье, Бертранъ де Молевилль только и толкуютъ, что о „factieux du Champ de Mars“, „séditieux“ и т. п. *L. Blanc*. о. с. т. V. стр. 488—489. Мишле всю вину въ massacre на Марсовомъ полѣ сваливаетъ на роялистовъ, которые, по его мнѣнію, одни могли быть заинтересованы въ этомъ. *J. Michelet*. о. с. т. II. стр. 356.

совѣтъ, въ особенности подъ вліяніемъ вѣсти о несчастномъ покушеніи на Лафайета, не могло улечься. Національная гвардія также считала себя оскорбленной. Достаточно было сигнала, чтобы устроить бойню; этотъ сигналъ былъ данъ муниципалитетомъ. Въ пять часовъ онъ объявляетъ loi martiale. Напрасно вернувшіеся съ Марсова поля муниципальные чиновники протестуютъ противъ loi martiale, указывая, что ихъ будутъ считать «traîtres, gens sans foi», если выкинутъ красное знамя. Муниципалитетъ—подъ гипнозомъ Національнаго Собранія, а послѣднее—въ ужасѣ передъ надвигающимися республиканскими волнами[1]). И національная гвардія была двинута на Марсово поле. Здѣсь, быть можетъ, провокаторскіе выстрѣлы вызываютъ немедленныя репрессіи и войско открываетъ огонь, не успѣвъ даже сдѣлать трехъ узаконенныхъ воззваній [2]). Поле обагрилось невинной кровью. На другой день депутація отъ Парижскаго муниципалитета, съ мэромъ Бальи во главѣ, давала отчетъ въ своихъ дѣяніяхъ благосклонно слушавшему ее Національному Собранію [3]). Насъ нельзя судить за строгость—говорилъ Бальи—она была необходима... Отечество—въ опасности, враги его создаютъ лиги и заговоры... Они стрѣляли въ представителей власти и преступленіе ихъ пало на ихъ виновныя головы... При приближеніи войска на него посыпались камни, раздались ружейные и пистолетные выстрѣлы; по необходимости должны были прибѣгнуть къ объявленію loi martiale... Убитыхъ и раненыхъ—всего 24 человѣка.

---

[1]) „...Tout cela—писалъ графъ Луи де Бомонъ 9-го ноября 91 г.—est fort désagreable et même incroyable, que les officiers municipaux soient les auteurs de tous ces désordres qui se passent..“ *Taine.* Les origines de la France contemporaine, т. I. стр. 416 пр. 1.

[2]) *L. Blanc.* о. с. т. V. стр. 487—489.

[3]) *А. Р.* XXVIII. стр. 398—401. „Lafayette ne fut que leur épée—замѣчаетъ Л. Бланъ—et Bailly que leur éditeur responsable“. *L. Blanc.* о. с. т. V. стр. 502. Въ громаднѣйшей рѣчи, которую произнесъ Демуленъ у якобинцевъ „sur la situation politique de la nation à l'ouverture de la seconde session de l'assemblée nationale“ 21-го октября 91 г. онъ говорилъ, между прочимъ: „....le héros des deux mondes (Lafayette) et le philosophe Bailly assassinaient lâchement des femmes, des enfants et une multitude sans armes et sans défiance...Quelle horrible loi que cette loi martiale qui tue arbitrairement des citoyens qu'elle pouvait arrêter et faire juger“. „*La Société des Jacobins*“. (réd. par Aulard). т. III. стр. 218. прим. I. Фреронъ называетъ Бальи: „petit despote provisoire“. „*L'orateur du peuple*“. т. I. стр. 498—501.

Муниципалитетъ рѣшилъ продлить дѣйствіе loi martiale до полнаго возстановленія порядка и общественнаго спокойствія [1]).

Національное Собраніе не только одобрило всѣ распоряженія муниципалитета, но немедленно занялось также разсмотрѣніемъ новаго законопроекта—о «Désignation et la punition des délits commis dans la vue de provoquer la désobéissance à la loi et d'empêcher le maintien ou le rétablissement du bon ordre». Послѣ недолгихъ препирательствъ съ крайней лѣвой, отъ которой выступилъ Петіонъ, проектъ былъ принятъ въ слѣдующемъ видѣ [2]). Лица, призывающія другихъ къ убійствамъ, грабежамъ, поджогамъ, неповиновенію закону, путемъ расклейки афишъ или произнесенія рѣчей въ общественныхъ мѣстахъ, должны быть трактуемы, какъ мятежники и нарушители общественнаго порядка. По задержаніи они немедленно отдаются въ руки правосудія (ст. I). Подстрекательство къ убійству карается трехлѣтними каторжными работами, если убійства не произошло; въ противномъ случаѣ, оно наказуемо какъ соучастіе въ убійствѣ. Попытка склонить національную гвардію отказаться отъ употребленія оружія карается двумя годами тюремнаго заключенія (ст. 3).

Обезпокоенная буржуазія не почила, однако, на лаврахъ и послѣ этого кроваваго усмиренія. Ей нужно было довершить побѣду [3]). Противъ манифестантовъ 17-го іюля были открыты

---

1) Протоколъ муниципалитета—говоритъ Л. Бланъ—былъ сплошной ложью. „...La vérité s'y trouvait outragée presque à chaque paragraphe, tantôt par voie d'affirmation, tantôt par voie de réticence, par voie de réticence, sur tout..“ *L. Blanc.* о. с. т. V. стр. 497. Въ „*Adresse de la société des amis de la Constitution séante aux Jacobins de Paris, aux sociétés affiliées sur les événements du Champ de Mars 17 Juillet 1791*“,—заключавшемъ въ себѣ и исторію петиціи 15-го іюля, сгруппированы, между прочимъ, нѣкоторыя данныя, имѣющія цѣлью доказать, что никакихъ безпорядковъ не было и что, если нѣкоторые и бросали камни въ національную гвардію, то, во всякомъ случаѣ, стрѣлять начали раньше, чѣмъ были сдѣланы узаконенныя „loi martiale“ предупрежденія. „*La Société des Jacobins*“ (réd. par Aulard). т. III. стр. 72—79.

2) *A. P.* т. XXVIII. стр. 404.

3) „C'est bien à la démocratie et surtout à la république—пишетъ Оларъ qu'on fait le procès.. L'Amnistie générale votée par la Constituante le 14 Septembre, mit fin à ce procès intenté à la bourgeoisie contre la démocratie et le républicanisme, procès qui parut hypocrite et sans base légale“. *Aulard.* о. с. стр. 156—157.

преслѣдованія, а въ Собраніе былъ внесенъ обширный докладъ Деменье отъ имени конституціоннаго комитета «sur la réquisition et l'action de la force publique dans l'intérieur du royaume» [1]). Онъ былъ немедленно подвергнутъ обсужденію и принятъ послѣ непродолжительныхъ преній. Національное Собраніе—гласило введеніе къ закону — признавая, что свобода состоитъ единственно въ томъ, чтобы дѣлать то, что не вредитъ другому и въ повиновеніи закону, что право собственности есть священное и неприкосновенное право, что необходимость обезпеченія правъ человѣка и гражданина обусловливаетъ примѣненіе организованной силы, постановляетъ: всѣ захваченные на мѣстѣ преступленія или тѣ, на которыхъ падаетъ общее подозрѣніе въ совершеніи онаго, должны быть немедленно арестованы и переданы полицейской власти. Всѣ граждане, независимо отъ того, занесены они или нѣтъ въ списки національной гвардіи, должны оказать немедленное содѣйствіе національной жандармеріи, городской стражѣ и всякому органу общественной власти, какъ только будутъ произнесены слова: «force à la loi» (ст. 1). Если для поимки разбойниковъ, грабителей или воровъ представители власти сочтутъ необходимымъ прибѣгнуть къ силѣ оружія, они не отвѣчаютъ за послѣдствія (ст. 5). Если бы силы жандармеріи или наружной полиціи оказались недостаточными, то по первому требованію ихъ имъ должно быть послано подкрѣпленіе муниципальными властями, мѣстнымъ прокуроромъ, мировымъ судьей. (ст. 6). Если законному требованію властей оказываютъ сопротивленіе нѣсколько лицъ или мятежная толпа, принудительная сила должна получить соотвѣтствующее подкрѣпленіе и при возгласѣ: «force à la loi» всѣ граждане должны оказать содѣйствіе законной власти (ст. 8) [2]). Ст. 10—13 пере-

---

[1]) A. P. т. XXVIII. стр. 647—655, 656, 659, 698—700. *Duvergier*. т. III. стр. 162—167. „Въ конституціонномъ комитетѣ—писалъ Демуленъ въ № 87 „*Révolutions de France et de Brabante*"—подготовляется декретъ, задача котораго заключается въ томъ, чтобы свести на нѣтъ Декларацію правъ и все то, что составляло досселѣ славу Національнаго Собранія. Въ розыскномъ комитетѣ практикуется гнусная инквизиція, собираются доносы противъ „патріотовъ" и разсылаются подъ самыми ничтожными предлогами новыя lettres de cachet". *М. Ковалевскій*. Происхожденіе современной демократіи. т. III. стр. 288.

[2]) Ст. 9-я поясняетъ, что подъ „мятежной толпой" слѣдуетъ понимать

числяютъ случаи, въ которыхъ примѣняется законъ (сопротивленіе взиманію налоговъ, отказъ отъ отбыванія какой-либо государственной или общественной повинности, бунтъ противъ Законодательнаго Собранія или судебныхъ учрежденій и т. д.). Ст. 25-я регулируетъ употребленіе оружія войсками, призванными для оказанія содѣйствія гражданскимъ властямъ. Оружіе можетъ быть пущено въ ходъ: 1) если насилія мятежной толпы направлены непосредственно по адресу войскъ 2) если послѣднія не могутъ иными средствами отстоять мѣсто, которое они занимаютъ или постъ, который имъ порученъ 3) если они формально къ этому приглашены гражданской властью. Ст. 26 и 27, подобно loi martiale, говорятъ о необходимости троекратнаго предупрежденія толпы передъ употребленіемъ оружія. Если послѣ таковаго останется на мѣстѣ хотя бы 15 человѣкъ, противъ нихъ должно быть употреблено оружіе. И пока loi martiale находится въ силѣ, всякое скопище свыше 15 человѣкъ, вооруженное или нѣтъ, приравнивается къ «мятежной толпѣ» (ст. 30).

Этотъ громадный законъ, состоящій изъ 47 статей, не представляетъ, по существу, ничего новаго. Онъ былъ лишь болѣе категорическимъ утвержденіемъ loi martiale [1]). Подобно первому, и этотъ законъ, не считаясь съ безпокойными запросами времени, ввѣрялъ чрезвычайныя полномочія не только гражданской, но и военной власти при подавленіи волненій и безпорядковъ. Военная власть, напримѣръ, согласно ст. 25-ой, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставалась единственнымъ судьей въ вопросѣ объ употребленіи оружія. Все было предоставлено ея личному усмотрѣнію;

скопище болѣе чѣмъ изъ 15 человѣкъ, сопротивляющееся исполненію закона или судебнаго приговора.

[1]) Въ засѣданіи 28-го августа 91 г. Шабру — докладчикъ военнаго комитета—представляетъ проектъ декрета на случай безпорядковъ въ войскахъ. Къ солдатамъ, согласно проекту, должно быть обращаемо слѣдующее воззваніе: „..Avis est donné que la force publique va être déployée pour le soutien de la loi militaire; il est enjoint aux soldats révoltés de déposer leurs armes et de rentrer dans l'obéissance à peine d'être traités comme ennemis publics...“ (ст. 5) Это воззваніе повторяется 3 раза при боѣ барабановъ (ст. 6). Наказанія имѣютъ различныя градаціи. Если оружіе было уже употреблено, офицеры и унтеръ-офицеры караются смертной казнью, солдаты 20-ю годами тюремнаго заключенія. *A. P.* т. XXX. стр. 4—12.

особенную опасность представлялъ второй случай, тѣмъ болѣе, что законъ не предписывалъ здѣсь никакихъ предварительныхъ извѣщеній бунтующей толпы о грозящей ей репрессіи. Гарантіи, вродѣ ст. 20-й, воспрещающей употребленіе линейныхъ войскъ безъ законнаго требованія, тонутъ въ морѣ безпощадныхъ мѣръ, которыми грозила Конституанта всѣмъ нарушителямъ порядка.

Законъ 26 іюля—3 августа 91 г. былъ послѣднимъ законодательнымъ актомъ Конституанты въ области исключительныхъ мѣръ [1]).

Идея свободы, возглашенная въ 89 г., поблекла при первомъ соприкосновеніи съ суровой дѣйствительностью. Вставшая у власти послѣ долгой и страстной борьбы съ абсолютизмомъ, французская буржуазія прежде всего стремилась укрѣпить свое положеніе и обезпечить страну отъ возможности возвращенія къ пережитымъ феодальнымъ порядкамъ. Революціонная въ принципахъ, она была умѣренной на практикѣ, стремясь мирнымъ образомъ преобразовать громадный государственный строй. Она полагала, что народъ будетъ спокойно, съ вѣрой въ будущее ждать конца ея работъ, чтобы быть счастливымъ. Она забыла, что, разбивъ его цѣпи, она дала ему надежды и надежды несбыточныя, лишивъ навсегда его рабскаго спокойствія, въ которомъ жилъ онъ подъ опекой феодаловъ. Несоотвѣтствіе между надеждами, проснувшимися въ немъ, и мрачной дѣйствительностью, въ которой онъ продолжалъ пребывать, дало толчекъ тѣмъ волненіямъ, въ кото-

---

[1]) Въ Moniteur'ѣ отъ 8-го августа 91 г. стр. 330 — 331 напечатаны, между прочимъ, объявленіе отъ Парижскаго муниципалитета о снятіи loi martiale и приглашеніе Парижскаго населенія къ спокойствію и единенію въ виду близкаго завершенія Національнымъ Собраніемъ Конституціи. Красное знамя было снято 7-го августа и замѣнено бѣлымъ, которое должно было остаться до 14-го числа. Однако 27-го іюля 91 г. былъ заслушанъ докладъ относительно „recensement des personnes qui se trouvent actuellement dans la capitale“. Параграфъ 1-й этого проекта предписывалъ заявлять въ секціяхъ объ именахъ и родѣ занятій всѣхъ французовъ, временно проживающихъ въ Парижѣ, а также всѣхъ иностранцевъ. *A. P.* т. XXVIII, стр. 700—701. Проектъ былъ отголоскомъ доклада о „moyens de prévenir dans les temps de troubles seulement, l'abus de la liberté qu'à tout citoyen d'aller, venir et s'absenter comme bon lui semble“, представленнаго еще 7-го іюня 91 г. Однако, этотъ проектъ, ограничивавшій право свободнаго передвиженія въ случаяхъ необходимой защиты государственной безопасности, дальнѣйшаго хода не получилъ.

рыхъ жила Конституанта [1]). Немалую роль, конечно, играли въ нихъ и прямые враги революціи, Конституанты и новыхъ порядковъ, но не имъ принадлежала доминирующая роль [2]). Потревоженная въ своей органической работѣ, Конституанта во всѣхъ возмутителяхъ порядка увидѣла враговъ, работающихъ на пользу реакціи, и начала жестоко мстить имъ. Революціонная въ Декларація, гуманная въ своихъ основныхъ настроеніяхъ, она становилась безпощадной всякій разъ, какъ протесты населенія выходили за черту спокойнаго выжиданія конца парламентскихъ работъ и вспыхивали мятежами и бунтами. На этой почвѣ выросли ея исключительные законы [3]).

Подведемъ итоги нашему очерку о личной свободѣ въ эпоху Конституанты.

---

[1]) Нѣкоторые понимали уже и тогда, какъ глубоко консервативна масса въ своихъ движеніяхъ, какъ она привержена къ порядку и власти: „..Quand lassé de ses maux—писалъ про народъ Лусталло, менѣе всего привыкшій ему льстить—il lève la tête avec fureur contre les despotes, il ne lui suffit pas de secouer le joug, il le leur fait porter et devient despote lui-même. Mais le despotisme du peuple n'est qu'un essai qu'il fait de ses forces, les inconvéniens de l'anarchie le frappent bientôt par tous les sens; il éprouve le besoin d'un gouvernement, et il se presse d'en créer un nouveau, ou de rendre à celui qu'il veut bien conserver une portion d'autorité assez forte pour qu'il puisse faire renaître l'ordre, sans attenter à sa liberté.“ „*Révolutions de Paris*“. 1789. № VI. стр. 2.

[2]) См. т., напр., любопытный очеркъ о соціальномъ законодательствѣ Конституанты у *М. Ковалевскаго.* о. с. т. II. стр. 176—199. М. Ковалевскій, противно Тэну, видитъ главный источникъ мятежей и жакерій 1789—1791 г. въ „неимущемъ крестьянствѣ“. Справедливо замѣчаетъ Тарле по поводу слуховъ о „тайныхъ махинаціяхъ“ и заговорахъ, что тогда „стихійный характеръ массовыхъ вспышекъ еще меньше понимался и принимался во вниманіе, нежели теперь“. *Е. Тарле.* Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. ч. I-я. СПБ. 1909. стр. 43 и дал.

[3]) „Qu'est ce que des séditieux?“ спрашиваетъ К. Демуленъ въ своемъ журналѣ. „...Если послушать деспотовъ, то всякій актъ, выражающійся въ сопротивленіи ихъ насиліямъ.... есть уже sédition... Декларація правъ считаетъ законнымъ и естественнымъ „résistance à l'oppression“..; отказъ повиноваться тиранническимъ законамъ—вовсе не есть бунтъ (acte séditieux), а „mouvement légitime, le plus saint des devoirs, l'insurrection“.... Но законъ не объяснилъ, должно-ли быть возстаніе противъ деспотизма непремѣнно общимъ, чтобы стать законнымъ; мы думаемъ, что всякое „insurrection partielle est nulle,“ на него всегда будутъ смотрѣть, какъ на „sédition“, если только его не одобритъ большинство; тогда оно станетъ общимъ...“ *Cam. Desmoulins.* Révolutions de France et de Brabant. Paris. № 89 отъ 22 авг. 91 г. стр. 6—7.

Конституанта уничтожила сеньеріальную юстицію, исключительные и привилегированные суды. Она покончила съ дореволюціонной инквизиціонной процедурой. Процессъ сталъ гласнымъ. Обвиняемый болѣе не походилъ на загнанную дичь, которая ежеминутно рискуетъ попасть въ хитрую западню, разставляемую искусными и заранѣе предубѣжденными инквизиторами-судьями. Отнынѣ обвиняемый могъ пользоваться всѣми доступными для него средствами защиты. Онъ могъ требовать оглашенія необходимыхъ и важныхъ для его дѣла документовъ, могъ вызывать свидѣтелей, наконецъ, могъ—и это было самымъ главнымъ при юридической безпомощности обвиняемаго и сложности тогдашней процедуры—пользоваться услугами защиты, которая въ эту лихорадочную эпоху реформъ получила такія прерогативы, которыхъ не имѣла и впослѣдствіи. Конституанта изгнала разъ навсегда изъ уголовной процедуры пытку. Она покончила—по краспорѣчивому выраженію «Fastes civils»—съ пытками, обращавшими судей въ палачей и съ превотальными комиссіями, обращавшими палачей въ судей [1]). Она положила конецъ системѣ l. d. c. и внѣсудебнымъ арестамъ; она возгласила неприкосновенность частной корреспонденціи. Мѣсто сословныхъ и безапелляціонныхъ парламентовъ заняли близкіе къ населенію жюри. Начало продажности судейскихъ должностей уступило мѣсто избирательной системѣ [2]). Компетенція военныхъ судовъ отнынѣ простиралась исключительно на преступленія, совершенныя военными въ военное же время. Наконецъ, была строго разграничена компетенція различныхъ судовъ и отдѣльныхъ представителей судебной и полицейской власти въ вопросахъ, такъ или иначе касающихся положенія личной свободы [3]).

---

1) *Fastes civils de la France depuis l'ouverture de l'assémblée des notables.* т. II, стр. 435.

2) Лабулэ, подобно многимъ другимъ, осуждаетъ избирательную систему, какъ несогласимую съ независимостью суда. „Нельзя ставить—замѣчаетъ онъ—судью въ необходимость выбирать между долгомъ и личной выгодой“. Избирательная система исчезаетъ уже въ конституціяхъ III-го и VIII-го года. Но судьи стали смѣняемы. *Э. Лабулэ.* о. с. стр. 51—53.

3) Вопросамъ судебной организаціи и судебной практики, такъ же какъ и изслѣдованію самаго процесса водворенія въ жизнь новыхъ судебныхъ учрежденій въ эпоху Конституанты, посвящена большая часть изслѣдованія Seligman'a, особенно гл. V—X.

Конституанта открылась при исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Она выросла на почвѣ всеобщаго энтузіазма; въ нее вошло лучшее, что имѣла тогдашняя Франція. Едва ли можно было бы назвать другое политическое собраніе, которое считало бы въ своихъ рядахъ такую богатую плеяду блестящихъ талантовъ, одушевленныхъ желаніемъ служить роднпѣ. Но передъ Конституантой стояла грандіозная, быть можетъ, неразрѣшимая задача. Она не только должна была съ корнемъ вырвать учрежденія, терзавшія вѣками старую Францію, но и навсегда похоронить традиціи и пріемы абсолютной монархіи. Ей предстояло открыть новую жизнь, которая въ такихъ соблазнительныхъ, хотя и смутныхъ чертахъ, рисовалась на страницахъ просвѣтительной философіи. Она должна была внести въ обиходъ повседневной жизни то, что было лишь теоріями «gens de lettres», «метафизическими тонкостями», она должна была облечь въ плоть и кровь абстрактные принципы «естественнаго права». Разумъ былъ возглашенъ главной правящей силой [1]). Не только современники съ восторгомъ вспоминаютъ время Конституанты— эпоху, въ которой, по словамъ Токвиля, «равенство и свобода были одинаково дороги сердцу французовъ..., время молодости, энтузіазма, гордости, великодушія и искреннихъ страстей, время, память о которомъ, несмотря на всѣ его ошибки, люди сохранятъ навсегда» [2]), но и позднѣйшіе историки охотно закрываютъ глаза на ошибки и заблужденія Конституанты и превозносятъ ея освободительное творчество [3]). Пламенныя ея слова и завѣты принимаются

[1]) „Tous préjugés—писала г-жа Сталь — disparurent en un jour. L'autorité de la raison est immense, dès qu'elle peut se montrer sans obstacles. L'on a beau faire depuis quinze ans, rien ne relèvera plus dans l'opinion nationale les abus que la force seule avoit maintenus". *Madame de Staël.* o. c. т. I. стр. 282.

[2]) *Токвиль.* o. c. стр. 12. „La Constituante—вспоминалъ время своей молодости Лафайетъ—respecta les principes de l'inviolabilité dans le monarque, de la liberté individuelle dans la nation, d'une jurisprudence impartiale envers ses ennemis, de la liberté de la presse pour tous les partis...; jamais aucune réunion d'hommes n'a été conduite par un dévouement plus vrai pour tout ce qui tient à la liberté et par conséquent au véritable honneur d'une nation.." *Lafayette.* Mémoires, correspondance et manuscrits du Géneral L., publiés par sa famille. Paris. 1837. т. III стр. 119. „L'Assemblée constituante—читаемъ въ „Fastes civils"—a proclamé toutes nos libertés, ce qui nous en reste encore est son ouvrage". *„Fastes civils"*. т. II. стр. 444.

[3]) „Je ne saurais assez dire—пишетъ Шампіонъ—l'admiration que j'ai

за дѣйствительныя гарантіи; вопіющія противорѣчія между ея принципами и практикой не замѣчаются вовсе [1]). Между тѣмъ, если Конституанта въ своихъ творческихъ порывахъ, несомнѣнно, искреннихъ и сильныхъ, и мечтала снести до основанія ненавистные пережитки Старой Монархіи, то съ другой стороны, она властно и рѣшительно лишала гражданъ благодѣтельныхъ послѣдствій своихъ реформъ во всѣхъ случаяхъ, когда это ей представлялось нужнымъ. Трудно, поэтому, указать болѣе рѣзкій разладъ между словомъ и дѣломъ, чѣмъ въ общей дѣятельности энтузіастической, но быстро остывающей Конституанты [2]). Она стремилась возгласить міру великія моральныя истины, хотѣла облагодѣтельствовать все человѣчество, но дѣлала изъ этого свой доменъ и жестоко оскорблялась, если кто-либо въ своихъ стремленіяхъ шелъ дальше ея и независимо отъ нея. Въ народѣ она хотѣла видѣть послушнаго, терпѣливаго, вѣрящаго въ ея авторитетъ ученика, съ благодарностью заучивающаго ея соціально-политическія максимы. И она становилась безпощадной, если кто-либо понималъ вещи иначе, чѣмъ она. Конечно, можно искать извиненій ошибкамъ Конституанты въ ея неопытности, трудностяхъ ея исключительнаго положенія, въ ея всегда искреннемъ стремленіи къ счастью «людей» и т. п. [3]), но, несомнѣнно, что Конституанта внесла въ свой зако-

---

ressentie en étudiant l'oeuvre de la Constituante". *Edme Champion.* Esprit de la révolution française. Paris. 1887. стр. 150. 1790-ый годъ, самый органическій годъ революціи—пишетъ Жоресъ—далъ ей „élan décisif." *J. Jaurès.* o. c. т. I. стр. 549.

[1]) „La Constituante—пишетъ, напр., Рабо въ своемъ панегирикѣ революціи—entoura chaque citoyen de toutes les précautions qui garantissent sa liberté individuelle et qui le préservent des actes arbitraires, de l'autorité et de la vexation des tyrans subalternes, souvent plus cruels et toujours plus insupportables que leurs chefs..." *J. P. Rabaut.* Almanach historique de la révolution française. Paris. 1792. стр. 192.

[2]) „Jamais les lois n'avaient consacré d'une manière plus formelle—справедливо пишетъ Коффиньеръ—le respect des personnes et des propriétés; mais jamais peut-être les propriétés et les personnes ne furent moins respectées. La liberté était l'objet d'une sorte de culte public et en son nom, les hommes les plus honorables, étaient jetés dans les fers." *Coffinières.* o. c. т. I. стр. 285.

[3]) См. напр., *Droz.* o. c. т. III. стр. 512. Конституантѣ все приходилось создавать вновь, вплоть до внѣшнихъ формъ парламентской техники. См. объ этомъ интересныя замѣчанія у Олара. *Aulard.* L'éloquence parlementaire

подательный обиходъ такія формы воздѣйствія на общество, которыя ничѣмъ не отличались отъ самаго разнузданнаго деспотизма. Намъ приходилось уже говорить о защитѣ Дайси системы «узаконеннаго беззаконія». Мы думаемъ, что подобная система является несравненно сильнѣйшимъ попраніемъ права, чѣмъ односторонній капризъ диктатора. Послѣдній вызываетъ ненависть и протесты, первую поддерживаютъ благонамѣренные элементы общества.

Если Конституанта впервые бросила сѣмена свободы въ возрождающееся общество, она же создала loi martiale, выдвинула принципъ отвѣтственности однихъ за преступленія другихъ, утвердила полную безотвѣтственность администраціи.

Мы позволимъ себѣ привести выдержки изъ любопытной характеристики начальнаго періода Великой Революціи—Мунье, которая, несмотря на явную тенденціозность, заключаетъ въ себѣ и много справедливаго. «Возвѣстивъ принципы свободы—писалъ онъ—Конституанта обратила ихъ въ игрушку, нарушая свою собственную Декларацію... Она сказала, что никто не можетъ быть обвиненъ или задержанъ иначе какъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ и согласно предписаннымъ имъ формамъ, и... организовала комитетъ инквизиторовъ, хватавшій гражданъ по тайнымъ доносамъ, въ силу нелѣпыхъ подозрѣній, безъ всякихъ доказательствъ, заковывавшій ихъ въ цѣпи, бросавшій въ темницу, гдѣ они по нѣскольку мѣсяцевъ томились безъ допроса, гдѣ всякое общеніе съ родителями или друзьями было строго воспрещено. Она говорила о равенствѣ закона для всѣхъ и въ то же время утверждала безнаказанность своихъ членовъ, заявляя, что они не могутъ быть арестованы безъ ея согласія. Она провозгласила, что все, что не запрещено закономъ—дозволено и что никто не можетъ быть наказанъ въ силу законовъ, обнародованныхъ позже, сама же преслѣдовала гражданъ всякаго пола и возраста за мнимыя преступленія въ lèse-nation.... Она высказалась за свободу мнѣній даже и религіозныхъ и преслѣдовала людей, не совершившихъ другого преступленія, кромѣ публичнаго исповѣданія своихъ убѣжденій, противныхъ ея интересамъ... Положивъ конецъ произволу короны, она сама совершала

---

pendant la révolution française. Les orateurs de l'Assemblée Constituante. стр. 31.

произвольные акты, чтобы заточать тѣхъ, которые впали въ немилость... Въ число правъ гражданина она включила право петицій, но видѣла преступника во всякомъ, кто въ петиціи указывалъ на отрицательныя стороны ея постановленій... Чтобы лишить общество поддержки арміи и чтобы послѣдней не воспользовались для цѣлей, противныхъ ея интересамъ, Конституанта постановила, что войска могутъ дѣйствовать исключительно по требованію гражданской и муниципальной власти, что первоначально разумѣло судейскіе трибуналы, а кончилось все тѣмъ, что муниципальныя и иныя власти пользовались войскомъ для исполненія своихъ капризовъ... Она широко пользовалась жалкимъ сбродомъ, сидѣвшимъ на галлереѣ, который апплодировалъ, шикалъ или угрожалъ ораторамъ, согласно полученнымъ имъ приказамъ или условленнымъ знакамъ. Только одно совѣщаніе и было тайнымъ, это—то, въ которомъ обсуждался вопросъ о содержаніи депутатовъ и, какъ будто, Конституанта имѣла спеціальное намѣреніе изображать собой сборище всѣхъ гнусныхъ и пошлыхъ чувствованій, она приходила въ ярость каждый разъ, какъ раздавалось предложеніе удѣлить что-нибудь въ пользу бѣдныхъ... Она не считалась съ мандатами своихъ избирателей, не позволяла ссылаться на наказы, хотя большая часть ея членовъ дала клятвенное обѣщаніе согласоваться съ желаніями тѣхъ, кто ихъ избралъ... Она разрушала все, чему была обязана своимъ существованіемъ... Она запретила провинціальнымъ штатамъ собираться изъ опасеній, что они положатъ предѣлъ ея узурпаціямъ... Даже отъ короля она требовала лишь послушанія раба... За исключеніемъ имени—она овладѣла всѣми его прерогативами, дозволяя народу и собственнымъ членамъ тысячу разъ его оскорблять. И въ то же время съ 6-го октября 89 года она не переставала безстыдно утверждать, что король, котораго она держала плѣнникомъ въ Парижѣ, былъ свободенъ... Объявивъ народъ сувереномъ, признавъ, что законъ есть выраженіе общей воли, она обязала всѣхъ гражданъ клятвенно поддерживать ея Конституцію подъ угрозой лишенія всѣхъ правъ... Новый религіозный культъ вводила она оружіемъ, преслѣдуя тѣхъ, кто хотѣлъ исповѣдать старую религію и твердила о вѣротерпимости, вырывая у народа его храмы и его священниковъ.... Она смѣняла судей, чтобы замѣнять ихъ ей угодными... Она оставляла безнаказанными преступленія... Убійцъ и

поджигателей она называла «заблуждающимися» (des citoyens trompés). Она сдѣлала все, чтобы задушить истину по поводу Нимскихъ или Монтобанскихъ безпорядковъ... Въ своихъ декретахъ о феодальныхъ правахъ она играла собственностью такъ же, какъ играла личной безопасностью... Она создала дефицитъ въ восемь разъ бóльшій, чѣмъ онъ былъ до Генеральныхъ Штатовъ, увеличивъ налоги. Нѣтъ ни одного изъ естественныхъ или гражданскихъ правъ, которыя можно было бы осуществлять послѣ декретовъ Національнаго Собранія и которыя не могли бы быть отняты безнаказанно во всякое время. Развѣ можетъ существовать личная или имущественная безопасность безъ прочной судебной организаціи? Между тѣмъ, гдѣ она? Весь судейскій персоналъ состоялъ изъ ставленниковъ толпы (juge-esclave de la multitude).... Какія условія были нужны, чтобы стать судьей? Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ быть неопороченнымъ по закону, да умѣть собрать большинство голосовъ. Двадцати лѣтъ едва достаточно, чтобы образовать судью, а у Конституанты въ судьи попадали люди безъ всякихъ знаній и ихъ выбирали на цѣлые 6 лѣтъ!.. Какого героизма можно было ждать отъ людей зависимыхъ отъ толпы, безъ состоянія, трепетавшихъ, что ихъ забаллотируютъ въ слѣдующій разъ [1]). Конституанта делегировала исполнительную власть и она должна была осуществляться подъ ея авторитетнымъ контролемъ министрами и другими отвѣтственными чиновниками, но... все это было лишь обманомъ народа!—На самомъ дѣлѣ, исполнительная власть короля была фикціей, ибо она ограничивалась исключительно обнародованіемъ рѣшеній Собранія.... Министры были болѣе слугами законодательнаго корпуса, чѣмъ короля. Собраніе всегда могло ихъ осудить, арестовать, изгнать и т. д. Законодательныя собранія—гласила конституція—могли только сами отсрочить или отложить свои засѣданія. Но такія собранія неизбѣжно парализуютъ всякую другую власть..., члены ихъ могутъ быть судимы лишь съ ихъ же согласія, администрація въ ихъ рукахъ. Суспензивное veto короля становится иллюзорнымъ!..

[1]) Прежній судебный порядокъ—говоритъ предубѣжденный Мунье въ другомъ мѣстѣ—несмотря на продажность судейскихъ должностей, несмотря на многочисленность судовъ, недостатки въ ихъ организаціи, путаницу въ компетенціи—былъ своего рода chef d'oeuvr'омъ рядомъ съ новой судебной организаціей. *Mounier*. о. с. т. II. стр. 142.

Спросите у всякаго, заключалъ Мунье свои страстныя тирады, кто рожденъ «noble»—свободенъ ли онъ? Прислушайтесь къ крикамъ жертвъ!... Что всѣ ограниченія личной свободы въ эпоху Стараго Порядка сравнительно съ ненавистнымъ рабствомъ настоящаго! Такой порядокъ долженъ рухнуть!...» [1]).

Оставляя въ сторонѣ все слишкомъ субъективное, противорѣчивое, близорукое или явно несправедливое, вырвавшееся изъ подъ пера Мунье, оставляя на его политической совѣсти выходки противъ мощныхъ освободительныхъ реформъ Конституанты, которыя могло оправдать одно лишь время, мы все же должны признать, что характеристика его, во многомъ мѣткая и справедливая, не утратила своей цѣнности и по сію пору.

Мунье правъ, когда онъ говоритъ, что Конституанта нарушала свою собственную Декларацію, не исполняя своихъ обѣщаній, создавая свои комитеты, издавая драконовскіе законы. Мунье правъ, утверждая, что Конституанта не знала свободы мнѣній, что она безжалостно попирала право петицій, ею же самой утвержденное. Онъ правъ, утверждая, что по законамъ Конституанты войско могло служить капризамъ муниципальной власти, что суверенитетъ народа былъ фикціей, потому что съ сувереномъ безжалостно расправлялись каждый разъ, какъ онъ осмѣливался открыто заявить свою волю, не считаясь съ формами, установленными на этотъ случай единственнымъ реальнымъ сувереномъ—Національнымъ Собраніемъ. Онъ правъ, наконецъ, протестуя противъ деспотизма Собранія и заявляя, что Конституанта не знала свободы [2]).

Не менѣе любопытной является другая характеристика Конституанты, принадлежащая еще болѣе заинтересованному лицу—Калонну. Но и въ ней много горькой правды. «Никогда не было

---

1) *Mounier*. Recherches sur les causes qui ont empêché les François de devenir libres. т. II. особ. гл. XXXII. стр. 42—56, гл. XXXIII—XXXVI.

2) „...Я также ненавижу—писалъ Мунье въ другомъ своемъ сочиненіи—тиранію и произволъ массы, какъ и произволъ одного.... Свобода принадлежитъ всѣмъ людямъ, но для чтобы всѣ ею могли пользоваться, необходимо, чтобы никто не могъ безнаказанно нарушать правъ другого. Свобода состоитъ въ правѣ дѣлать все, что не вредитъ другимъ“. *Mounier*. Considérations sur les Gouvernements et principalement sur celui qui convient à la France par M. membre du Comité chargé du travail relatif à la Constitution. Paris. 1789. L39 b. 2247. стр. 2—3.

бо́льшихъ нарушеній личной свободы, писалъ Калоннъ, чѣмъ при Конституантѣ... Она дала цѣлый рядъ законовъ и декретовъ, уничтожающихъ свободу... Это—законы, которые химерической догмой всеобщаго равенства вскружили головы и открыли двери произволу.., законы, которые, подъ предлогомъ организаціи властей, сконцентрировали ихъ всѣ въ рукахъ Законодательнаго Собранія, узурпировавшаго у исполнительной власти право распоряженія военной силой и всѣ административныя функціи, присвоившаго судебную власть, отрѣшавшаго отъ должности, устранявшаго судей по усмотрѣнію.., законы, которые создали инквизиціонный комитетъ, законы, одно имя которыхъ говоритъ о рабствѣ, организовавшіе чрезвычайныя коммиссіи, занявшіеся преслѣдованіемъ еще неслыханнаго дотолѣ преступленія—«lèse-nation»..., законы, разрѣшавшіе нарушать письмовную тайну.., усилившіе строгости паспортной системы, сдѣлавшіе обычными произвольные обыски.., уничтожившіе въ самомъ Собраніи свободу мнѣній.., преслѣдовавшіе за пользованіе законнымъ правомъ петицій.., благосклонные къ прибѣгавшимъ къ внѣсудебнымъ арестамъ.., поощрявшіе шпіоновъ, все совращавшіе и подкупавшіе!..» [1]).

Какъ ни относиться къ этимъ характеристикамъ, нельзя не признать, что вопли Мунье и брюзжаніе Калонна—цѣнный историческій документъ не только потому, что въ нихъ вылилось міросозерцаніе роялиста начальной эпохи революціи или уязвленное самолюбіе потерпѣвшаго крушеніе царедворца, но и потому, что они вѣрно рисуютъ ту пропасть, которая отдѣляла принципы революціи отъ ихъ практическаго осуществленія. Конституанта—этотъ признанный вождь революціи, въ конечномъ счетѣ сама боялась того могучаго переворота, которымъ не могла овладѣть. Творецъ свободы, она сдѣлалась первымъ же ея цензоромъ. Она хотѣла остановиться, когда революція ушла дальше и увлекла въ своемъ неудержимомъ стремленіи плоды ея трезвой органической работы. Она вступила съ революціей въ борьбу и революція сдѣлалась ея врагомъ [2]).

---

[1]) *De Calonne.* o. c. стр. 200—206.

[2]) Карно, полемизируя противъ установившагося взгляда, что постановленіе Конституанты не входить въ слѣдующее законодательное собраніе—было

Справедливо Бюшезъ и Ру видятъ главную ошибку Конституанты въ томъ, что она смотрѣла на революцію, какъ на помѣху (obstacle) въ ея творческой дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ—говорятъ они—Конституанта ничѣмъ не отличалась отъ режимовъ, смѣнявшихъ послѣдовательно другъ друга съ эпохи Людовика XIV. Поэтому, и завѣщаніе Учредительнаго Собранія испытало ту же участь, что и королей предшественниковъ; оно было почти непосредственно кассировано наслѣдниками его власти. Вторая крупная ошибка Конституанты, фатально вытекавшая изъ первой, заключалась въ неумѣньи выбрать средства для защиты революціи отъ ея враговъ. Конституанта предполагала, что ея конституція можетъ быть атакована лишь со стороны внутреннихъ враговъ и она окружила ее чудовищной защитой (défense formidable)—создала loi martiale, законы о безопасности и энергично примѣняла ихъ... Она хотѣла обезоружить революцію и ея желаніе исполнилось, но—увы—революціей была сама Франція...» [1]).

Но и соглашаясь съ справедливостью отдѣльныхъ критическихъ замѣчаній, приведенныхъ выше, нельзя не отдать должнаго тому, что можетъ быть названо «дѣломъ» Конституанты. Наслѣдіе, оставленное ею—громадно. Ни одна законодательная палата не мо-

---

неразумно, такъ какъ лишало собраніе опытныхъ, искусившихся въ законодательной работѣ дѣятелей, замѣчаетъ, что Конституанта своимъ рѣшеніемъ, наоборотъ, предупредила лишь общее желаніе. Революція переростала Конституанту и Конституанта медленно умирала. Съ ней прощались безъ всякаго сожалѣнія, потому что видѣли въ ней уже скорѣе тормазъ, чѣмъ помощь общему движенію. *Hippolite Carnot.* Mémoires sur Carnot par son fils. т. I. стр. 182.

[1]) *Buchez et Roux.* o. c. т. XI. стр. 485—486. „La Constituante—пишутъ они въ другомъ мѣстѣ—n'eût ni le sentiment ni la science du principe révolutionnaire..., elle ne découvrit ni le centre de l'ancien régime, ni le centre du nouveau..., elle ne sut jamais où frapper pour détruire, où fouder pour bâtir...". *Ibidem.* т. XII. стр. 36—37. Консервативный Дарестъ иначе оцѣниваетъ Конституанту. „Національное Собраніе—пишетъ онъ—было слишкомъ революціонно. Оно слишкомъ потакало и льстило народу, слишкомъ считалось съ трибунами, клубами, депутаціями..." *Dareste* o. c. т. VII. стр. 296. Приблизительно ту же оцѣнку дѣятельности Конституанты мы находимъ у Мортимера-Терно. „Pendant que l'Assemblée Constituante — пишетъ онъ— n'osait s'attaquer aux 2 nouveaux souverains: la presse et les Jacobins, elle désorganisait sans le vouloir, la dernière force qui pouvait résister à l'envahissement progressif de la démagogie..." *Mortimer-Ternaux.* Histoire de la Terreur 1792—1794 d'après des documents authentiques et inédits. Paris. т. I. стр. 30.

жетъ быть даже и отдаленно сравниваема съ ней по работоспособности [1]). Конечно, далеко не все можетъ быть отнесено непосредственно на долю творческой работы самой Конституанты; многое изъ того, что формулировала она, нашло себѣ мѣсто еще въ наказахъ. Наказы предрѣшили декларацію, они говорили о личной неприкосновенности, отвѣтственности администраціи и т. п. Но Конституанта сдѣлала то, что могла, что позволяли ей—ея буржуазное міропониманіе, привычки, унаслѣдованныя отъ стараго порядка, хаосъ политическихъ воззрѣній, желаніе согласить индивидуальную свободу съ государственной необходимостью. Конституанта возгласила новые принципы. Проведеніе ихъ въ жизнь должно было стать дѣломъ ея наслѣдниковъ.

---

[1]) Конституанта, по выраженію Дареста, находилась въ постоянной законодательной лихорадкѣ. Она санкціонировала всего двѣ съ половиной тысячи законодательныхъ актовъ. Ни одно изъ политическихъ собраній—пишетъ Оларъ—не реализовало столькихъ реформъ и не вотировало столько полезныхъ законовъ, какъ Конституанта, которую часто называютъ „si gauche et si naive“. *Aulard.* L'éloquence parlementaire. стр. 59. Любопытно сопоставить эту оцѣнку Конституанты съ отзывомъ Тэна: „...en tout ce qui regarde les institutions politiques et l'organisation sociale, elle a opéré comme une académie d'utopistes et non comme une législature de praticiens“. *Taine* o. c. т. I. стр. 277.

ГЛАВА IV.

Легислатива.

Тяжелое наслѣдство досталось на долю «Законодательнаго Собранія». Конституанта разошлась, безсильная справиться съ пожаромъ, охватившимъ Францію. Она обѣщала слишкомъ много, чтобы то немногое, что удалось ей осуществить, могло удовлетворить волнующіяся народныя массы. Она удалилась, начертавъ принципы [1]), но провести ихъ въ жизнь она не сумѣла.

Легислативѣ предстояло консолидировать революцію... Страна переживала полное экономическое разстройство. Народъ страдалъ отъ безработицы, отъ дороговизны хлѣба. Нищета по отдѣльнымъ мѣстамъ достигла крайнихъ предѣловъ [2]).

Вопросъ о продовольствіи, который игралъ значительную роль въ народныхъ волненіяхъ еще съ 89 г. и былъ при Конституантѣ причиной постоянныхъ безпорядковъ, всплылъ опять съ особенной

---

[1]) Легислатива оцѣнила дѣятельность Конституанты въ засѣданіи 5 октября 91 г., гдѣ она вотировала ей благодарность: „L'Assemblée Nationale reconnaissant qu'une Constitution libre est le plus grand bien qu'un peuple puisse recevoir de ses représentants, vote et décréte des remerciements aux membres de l'Assemblée Nationale qui ont fait un fidèle usage des pouvoirs que le peuple français lui avait délégués". *A. P.* т. XXXIV. стр. 88.

[2]) *Buchez et Roux.* o. c. т. XI стр. 484. Легислатива, подобно Конституантѣ, образовала спеціальный комитетъ для изысканія средствъ борьбы съ нищенствомъ. Докладъ, прочитанный отъ имени этого комитета въ засѣданіи 13-го іюня 92 г., въ значительной мѣрѣ воспроизводилъ принципы де Ла-Рошфуко. Пунктъ 1-й проекта декрета гласилъ: „tout homme a droit à sa subsistance par le travail s'il est valide; par des secours gratuits, s'il est hors d'état de travailler"; пунктъ 2-й: „le soin de pourvoir à la subsistance du pauvre est une charge nationale..." Легислатива постановила напечатать законопроектъ, предложенный комитетомъ, но обсужденіе его было отложено и не состоялось вовсе. *Fenner* o. c. стр. 53—54.

остротой. На сѣверѣ Франціи урожай былъ посредственный, на югѣ—совсѣмъ плохой. Недовольство все шире распространялось въ народныхъ массахъ; центральная и мѣстная администрація были безсильны справиться съ глухимъ броженіемъ, перешедшимъ къ веснѣ 92 года въ настоящую жакерію [1]).

Къ этой главной причинѣ недовольства присоединился цѣлый рядъ другихъ: неудовлетворительность избирательнаго закона, гражданское устройство духовенства, декреты Конституанты о выкупѣ феодальныхъ правъ, [2]) грозные слухи объ агитаціонной дѣятельности эмигрантовъ заграницей, о будущемъ нашествіи иностранцевъ и т. п.

На фонѣ этого всеобщаго недовольства и пришлось первоначально дѣйствовать Легислативѣ. Неизбѣжно должна она была вступить на тотъ же путь, какимъ шла Конституанта—путь самозащиты, борьбы съ народомъ во имя группъ, призвавшихъ ее къ власти. Далекая отъ служенія демократическимъ идеаламъ [3]), Легислатива

[1]) *Ch. Gomel.* Histoire financière de la Législative et de la Convention. Paris. 1902. т. I. стр. VI—VII, стр. 40—41. См. т., напр., *Jacques Herissay.* o. c. стр. 169 и дал. Послѣ чрезвычайно тяжелаго 89-го г. слѣдующіе два года были сравнительно легкими. Въ нихъ и жалобъ рабочихъ на безработицу было гораздо меньше, чѣмъ въ предшествующемъ году. Этимъ относительнымъ улучшеніемъ въ положеніи рабочаго класса объясняется и стачечное движеніе 91 г. Безработные исчезаютъ изъ городовъ. См. *Е. Тарле.* o. c. стр. 116—122 и гл. V-я passim.

[2]) „C'est seulement en principe—пишетъ Оларъ—que la Constituante, dans la nuit du 4 Août 1789, avait détruit entiérement le régime féodal... Et elle établit un mode de rachat qui rendit ce rachat très difficile, parfois impossible. Le mécontentement des paysans fut très vif: il y eut, çà et là, des jacqueries..." *Aulard* o. c. стр. 259.

[3]) „...Elle aura l'air—пишетъ Оларъ про Легислативу—de céder tour à tour, selon l'impression du moment, a deux tendances, l'une qu'on pourrait prendre pour démocratique et républicaine, l'autre bourgeoise et modérée. Sa majorité est tantôt à gauche, tantôt à droite, jusqu'au 10 Août. En réalité elle ne veut a aucun moment, tant que le trône est débout, faire aucune concession à la démocratie ni à la republique, et son dessein reste entiérement monarchique.... Les Jacobins étaient alors monarchistes et les rares républicains qui furent élus à l'Assemblée cachèrent leur drapeau, ou même, comme Condorcet, renoncèrent provisoirement à établir la république en France". *Aulard* o. c. стр. 174—175. Легислатива—пишетъ Мортимеръ-Терно—состоявшая изъ людей случайныхъ, малоизвѣстныхъ, безъ всякаго политическаго опыта, провозглашала самые высокіе принципы и сама нарушала ихъ на каждомъ шагу. *Mortimer-Ternaux* o. c. т. I. стр. 38. „La Constituante—писала еще M-me de Сталь—ne persécuta jamais ni les individus, ni les classes, mais la Législative ne fit que des décrets de circonstance..." *M-me de Staël* o. c. т. II. стр. 33.

въ то же время не сумѣла осуществить и тѣхъ буржуазныхъ свободъ, которыя были обѣщаны Конституантой. Ея политика представляла изъ себя пестрый конгломератъ мѣръ, на которыхъ ярко отразилась борьба засѣдавшихъ въ ней партій и которая рано или поздно, какъ это случилось послѣ 10-го августа 92 года, должна была привести къ полному торжеству принципа неограниченной «государственной» власти и управленію «народомъ» помощью террора.

Репрессивная политика Легислативы началась съ неприсяжныхъ священниковъ [1]). Уже въ первый мѣсяцъ своего существованія—въ октябрѣ 91 г. Законодательное Собраніе имѣло цѣлый рядъ сужденій о нихъ. 24-го октября Легислатива заслушала докладъ о волненіяхъ, вызываемыхъ неприсяжными священниками, а 27-го октября Горгеро доказывалъ, что эмигранты и неприсяжные священники, въ сущности, живутъ одними и тѣми же интересами, почему въ нихъ слѣдуетъ видѣть не ослушныхъ священниковъ только (prêtres-réfractaires), но смутителей общественной тишины и спокойствія (perturbateurs du repos et de la tranquillité publique) [2]). Однако, всѣ проекты необходимыхъ мѣръ противъ ослушнаго духовенства, предложенные тогда же Собранію, казались ему неудовлетворительными и оно отвергло ихъ одинъ за другимъ [3]). Большой успѣхъ имѣла только блестящая рѣчь Инара въ засѣданіи 14-го ноября. «Point de pension ni traitement—гово-

---

[1]) Законъ „о гражданскомъ устройствѣ духовенства" былъ отрицаніемъ „свободы совѣсти", возвѣщенной Декларацiей. Изъ духовенства, являющагося всегда и вездѣ однимъ изъ наиболѣе консервативныхъ элементовъ, онъ воспиталъ глубоко реакціонную массу, которая становится отнынѣ открытымъ врагомъ правительства и его реформаторскихъ стремленій: „Voilà une plaie nouvelle—говоритъ Мирабо про этотъ законъ—mais la plus envenimée de toutes, qui va ajouter encore un foyer de gangréne à tous ceux qui rongent, corrodent et dissolvent le corps politique". *L'abbé Sicard.* o. c. т. II. стр. 501. Оставался лишь одинъ шагъ до „государственной религіи" Конвента, религіи болѣе деспотической, чѣмъ какая-либо другая.

[2]) *A. P* т. XXXIV. стр. 441. Изъ рѣчей, произнесенныхъ въ этомъ Собраніи, наиболѣе замѣчательна обширная рѣчь епископа Торне́, выступившаго въ защиту терпимости. „L'exercice de tout culte est permis, et il sera public"—такъ заканчивался пар. 1-й предложеннаго имъ проекта. *Ibidem.* стр. 443—449.

[3]) Въ засѣданіи 14-го ноября 91 г. былъ отвергнутъ и проектъ законодательнаго комитета — „*Sur les mesures à prendre pour réprimer les troubles occasionnés par les prêtres non assermentés*". *A. P.* т. XXXV. стр. 64—65.

рилъ онъ—à tous les ministres, de quelque culte religieux que ce puisse être, qui refuseront de prêter serment civique. Expulsion de la société, c'est-à-dire hors de la France, des ministres qui voudront exercer dans le royaume, les fonctions religieuses de leur culte sans avoir prêté le serment civique, attendu que ces fonctions donnent des moyens si puissants de troubler la société, qu'il est de toute justice que celui qui veut exercer s'engage d'être soumis à la loi et signe le pacte social». И Инаръ требовалъ немедленнаго изгнанія всѣхъ духовныхъ лицъ, которые своими рѣчами, печатными произведеніями или поступками нарушаютъ общественное спокойствіе и неуклоннаго примѣненія къ нимъ смертной казни во всѣхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ Уголовнымъ Кодексомъ [1]). Вся вторая половина ноября была также посвящена обсужденію новаго закона противъ неприсяжныхъ священниковъ и только 29-го ноября онъ получилъ окончательное утвержденіе Собранія [2]). Въ недѣльный срокъ по изданіи новаго закона—гласилъ декретъ—всѣ священники должны явиться въ муниципалитеты по мѣсту своего жительства и тамъ принести гражданскую присягу, согласно § 5 титула II-го Конституціи (ст. 1). По истеченіи этого срока муниципалитеты должны составить списки духовныхъ лицъ, принесшихъ присягу или отказавшихъ въ ней (ст. 2). Послѣдніе лишаются отнынѣ какого бы то ни было содержанія—жалованія или пенсіи изъ казны и должны находиться подъ неустаннымъ надзоромъ компетентной власти (ст. 4 и 6) [3]). И, если въ общинѣ, въ которой живетъ неприсяжный или отказавшійся отъ принесенной первоначально присяги [4]) священникъ, произойдутъ безпорядки или волненія на религіозной почвѣ, священникъ можетъ быть временно высланъ изъ мѣста жительства директоріей по заявленію дистрикта (ст. 7). Ослушавшіеся постановленія директоріи подвергаются судебному преслѣдованію и

[1]) *А. Р.* т. XXXV. стр. 68.

[2]) Законодательный комитетъ былъ раздѣленъ на 4 секціи для выработки соотвѣтствующаго законопроекта. Постатейное обсужденіе началось въ засѣданіи 16-го ноября. Новый законъ назывался „*Décret relatif aux troubles excités sous prétexte de religion et aux ecclésiastiques, qui ont prêté ou refusé le serment*". См. *Duvergier*. т. IV. стр. 23—26.

[3]) Какъ „réfusés suspects de révolte contre la loi et de mauvaise intention contre la patrie"—гласитъ законъ.

[4]) Въ силу декрета 27-го ноября 90 г.

караются тюремнымъ заключеніемъ на срокъ не свыше одного года (ст. 8). Духовное лицо, уличенное въ подстрекательствѣ къ неповиновенію закону и установленнымъ властямъ, подлежитъ двухлѣтнему заключенію (ст. 9) [1]. Новый законъ отдавалъ такимъ образомъ неприсяжное духовенство не только въ руки мѣстной власти, которая могла по желанію толковать этотъ декретъ распространительно или ограничительно, но въ руки вообще всѣхъ, кто по тѣмъ или другимъ причинамъ могъ быть настроенъ противъ него. Довольно было создать извѣстное настроеніе въ дистриктѣ, чтобы получить желанное ходатайство, а тогда судьба духовнаго лица была рѣшена. Естественно, что новый законъ долженъ былъ взволновать и не одну только католическую Францію. Противъ него протестовали не только духовенство и сочувствующіе ему круги, но и мѣстные органы, на которые законъ возлагалъ такую неблагодарную и щекотливую задачу. По крайней мѣрѣ, 5-го декабря 91 года директорія Парижскаго департамента обратилась къ королю съ ходатайствомъ отказать въ санкціи новому закону, обѣщая поддерживать въ то же время его противъ «всѣхъ безумцевъ, которые съ такой наглостью осмѣливаются угрожать французскому народу» [2]. Эта петиція стала

---

[1] Въ послѣдней статьѣ своего закона Легислатива, однако, показала, что она понимала и значеніе просвѣтительной пропаганды. „Comme il importe—гласитъ ст. 18-я—surtout d'éclairer le peuple sur les pièges qu'on ne cesse de lui tendre au sujet d'opinions prétendues religieuses, l'Assemblée nationale exhorte tous les bons esprits à renouveler leurs efforts, et à multiplier leurs instructions contre le fanatisme; elle déclare qu'elle regardera comme un bienfait public, les bons ouvrages à la portée des citoyens des campagnes, qui lui seront adressés sur cette matière importante; et d'après le rapport qui lui en sera fait, elle fera imprimer ces ouvrages aux frais de l'Etat, et récompensera leurs auteurs".

[2] Свобода совѣсти—говорилось далѣе въ петиціи—наиболѣе важная форма свободы. Она освящена разъ навсегда Декларацiей и основными статьями Конституціи. „Elle est donc hors de toutes les atteintes". *А. Р.* т. XXXV. стр. 668—670 или т. L. стр. 243—245. Въ томѣ L-мъ *А. Р.* напечатано вообще не мало любопытныхъ документовъ по вопросамъ о гражданскомъ устройствѣ духовенства и объ отношеніяхъ церкви къ государству. См., напр., стр. 375—426, 501—556. Между прочимъ, имѣется любопытное сужденіе нѣкоего Буаро-Делакура—„sur les plaintes, portées par certains prêtres non assermentés et sur les moyens à employer pour les faire cesser". Буаро указываетъ, что законъ о присягѣ былъ „loi de circonstance", нарушившимъ свободу совѣсти, установленную Декларацiей. *Ibidem*. стр. 501—503.

извѣстной Національному Собранію, благодаря цѣлому ряду контр-петицій. Представленная въ Собраніе 11-го декабря 91 г., она вызываетъ взрывъ негодованія. Засѣданіе превращается въ сплошную манифестацію по адресу неприсяжныхъ священниковъ [1]). Читается рядъ петицій, направленныхъ противъ нихъ; депутаціи одна за другой выступаютъ съ порицаніемъ ходатайства Парижской директоріи.

Никогда еще улица такъ шумно не врывалась въ законодательную работу и Собраніе достойно оцѣнило эту поддержку. По предложенію Лагреволя, оно постановляетъ отпечатать протоколъ засѣданія и разослать его во всѣ департаменты [2]). Парижскій департаментъ долженъ былъ смириться. Параллельно съ волненіями, происходившими на религіозно-политической почвѣ, вниманіе Легислативы невольно занимали и другія движенія возникавшія, по преимуществу, на почвѣ экономической. Начиная со второй половины октября 91 г. Законодательное Собраніе неустанно занимается колоніальными безпорядками на С. Доминго [3]);

[1]) *A. P.* т. XXXVI. стр. 1—22. Депутація отъ секціи Моконсейль называетъ неприсяжныхъ священниковъ „ennemis d'autant plus coupables et d'autant plus à craindre, qu'ils prêchent au nom du ciel, la rebellion, la vengeance et les assassinats"...

[2]) Лагреволь, поздравляя Національное Собраніе съ этимъ засѣданіемъ, называетъ его „la plus précieuse récompense de ses travaux... Jamais l'Assemblée Nationale n'a reçu d'aussi grands témoignages de confiance, de zèle et de dévouement... Cette séance obtiendra le plus vif interêt dans toutes les parties de l'Empire et nous devons aux Français, qui n'ont pas pu y prendre part, de leur en offrir le tableau fidèle..."

[3]) 1 и 3 декабря 91 г. Бриссо произнесъ обширную рѣчь, въ которой подробно выяснялъ причины возмущенія черныхъ въ С. Доминго. Одну изъ главныхъ причинъ онъ усматривалъ въ преслѣдованіяхъ, которымъ бѣлые деспоты подвергаютъ цвѣтныхъ людей. *A. P.* т. XXXV. стр. 474—490, 536—542. См. также докладъ колоніальнаго комитета отъ 10-го декабря 91 года—*A. P.* т. XXXV. стр. 701—710, доклады Тарбе и относящіеся сюда документы—*A. P.* т. XXXVII, стр. 222—229, 240—333; т. XXXIX, стр. 198—209, особое мнѣніе Горранъ-Кулона о колоніальныхъ безпорядкахъ—*A. P.* т. XXXIX, стр. 209—220. Въ концѣ марта 92 года, послѣ продолжительнаго обсужденія былъ изданъ „*Décret relatif aux moyens d'apaiser les troubles des colonies*", коимъ избирательныя права отнынѣ распространялись въ колоніяхъ на цвѣтныхъ людей и негровъ, согласно съ декретомъ и инструкціей Конституанты отъ 8-го и 28-го марта 90 г. Колоніальныя собранія должны немедленно высказаться въ особыхъ наказахъ относительно лучшей для колоній формы правленія и лучшихъ способовъ управленія (les assemblées coloniales émet-

27

въ ноябрѣ его вниманіе привлекаютъ безпорядки въ Саёп [1]), Haute-Marne [2]), Авиньонѣ и др. мѣстахъ.

21-го декабря Коде выступаетъ съ проектомъ рѣшительныхъ мѣръ, способныхъ, по его мнѣнію, положить конецъ безпорядкамъ, остановить эмиграцію и обезпечить внутреннее спокойствіе. Онъ рекомендуетъ полное воспрещеніе выѣзда заграницу; свобода передвиженія можетъ быть обусловлена въ видѣ исключенія только купцамъ и представителямъ иностранныхъ державъ. Вывозъ звонкой монеты и оружія воспрещается вовсе, путешественники должны быть снабжены паспортами [3]). Проектъ былъ встрѣченъ крайне неодобрительно и шумно провалился. Сторонники крутыхъ мѣръ, однако, не потеряли надежды его провести. Въ засѣданіи 24-го января Лемалльо читаетъ, напримѣръ, письмо одного изъ прокуроровъ департамента Морхибанъ, въ которомъ тотъ признаетъ рѣшительно необходимымъ для успокоенія страны возстановленіе паспортной системы. Отсутствіе паспортовъ, по мнѣнію прокурора, чрезвычайно облегчаетъ возможность грабежей, свободнаго передвиженія вооруженныхъ бандъ, дезертирствъ въ полкахъ и т. п. [4]). Это заявленіе компетентнаго администратора въ связи съ слухами

---

tront, au nom de chaque colonie, leur voeu particulier sur la constitution, la législation et l'administration qui conviennent à sa prospérité et au bonheur de ses habitans § 9). Колоніи должны избрать также своихъ представителей въ Легислативу. Одновременно декретъ поручалъ семи спеціально назначеннымъ гражданскимъ комиссарамъ разслѣдовать волненія, происходившія въ колоніяхъ. *A. P.* т. *XL*, стр. 577—578. *Duvergier* т. *IV*, стр. 107—108.

10-го апрѣля 92 г. Пасторе предлагаетъ Собранію послѣдовать благородному начинанію англичанъ, увѣнчавшемуся блестящимъ успѣхомъ—совершенно прекратить торговлю неграми. Нѣкоторые возражаютъ, что подобная мѣра безъ должной постепенности можетъ нанести ущербъ французской торговлѣ. Предложеніе Пасторе было передано въ комитеты — колоніальный и торговый. *A. P.* т. XLI стр. 412—413. См. т. обширный матеріалъ для знакомства съ безпорядками, происходившими на французской территоріи С. Доминго. *A. P.* т. XLIV. стр. 499—540.

[1]) Окончательное опредѣленіе Легислативы относительно безпорядковъ въ Саёп состоялось только 24-го января 92 г.

[2]) Грабежи на почвѣ недостатка хлѣба и неудачной продовольственной кампаніи.

[3]) *A. P.* т. XXXVI. стр. 288—289.

[4]) „Ce moyen (т. е. возстановленіе паспортной системы) —писалъ прокуроръ—pourra peut-être affliger les mauvais citoyens; mais les vrais amis de la liberté supporteront *avec plaisir cette petite gêne*". (Курсивъ—мой. А. Б)

о волненіяхъ въ полкахъ, остававшихся до сихъ поръ вѣрными правительству, сломило упорство тѣхъ, которые враждебно относились къ проекту Коде, и Легислатива приняла рѣшеніе возстановить паспортную систему. Черезъ три дня Коде отъ имени законодательнаго комитета читалъ уже соотвѣтствующій проектъ декрета [1]). Комитетъ въ проектѣ хотѣлъ рѣшить задачу невозможную: согласить уваженіе къ индивидуальной свободѣ съ исключительными требованіями общественной безопасности. Лемонтэ въ засѣданіи 30-го января, когда проектъ поступилъ на обсужденіе Собранія, справедливо замѣтилъ, что паспортная система есть вопіющее нарушеніе Конституціи. Намъ говорятъ, что законъ о паспортахъ будетъ временнымъ закономъ, но какая же это Конституція, которой можно руководиться или нѣтъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ? [2]). Лекозъ выступилъ, наоборотъ, горячимъ защитникомъ проекта. Новый законъ, по его мнѣнію, не только не противорѣчитъ свободѣ, но становится въ текущихъ обстоятельствахъ истиннымъ палладіумомъ общественной безопасности, а, слѣдовательно, хранителемъ и индивидуальной свободы... Истинная свобода заключается въ томъ, чтобы не вредить интересамъ другихъ. Но въ этомъ и заключается задача новаго закона!.. Я не понимаю — восклицалъ Лекозъ—въ чемъ видятъ его инквизиторскій характеръ? Онъ не говоритъ о правѣ врываться въ чужой домъ, не поощряетъ шпіонства; онъ хочетъ только, чтобы во Французской Имперіи— «священномъ убѣжищѣ свободы»—всякій человѣкъ открыто заявлялъ, кто онъ таковъ! Новый законъ—заключалъ побѣдоносно Лекозъ—есть «loi de prudence, de police, de sûreté générale» [3]). Началось постатейное обсужденіе проекта. Послѣ ряда бурныхъ засѣданій съ страстными дебатами законъ получилъ слѣдующую форму: Національное Собраніе, принимая во вниманіе настоящія обстоятельства и полагая, что необходимо принять всѣ мѣры, которыя могли бы содѣйствовать государственной безопасности,

---

[1]) *А. Р.* т. XXXVII. стр. 691—693.

[2]) *А. Р.* т. XXXVIII. стр. 16—18.

[3]) *А. Р.* т. XXXVIII. стр. 19—21. Воспаривъ необыкновенно высоко въ своихъ восхваленіяхъ паспортной системы, Лекозъ договаривался до курьезовъ. „Si je me trouve—говорилъ онъ—avec un étranger, avec un inconnu, nous nous montrerons respectivement nos certificats de probité et la confiance et la fraternité s'établiront entre nous“.

высказывается за срочность и постановляетъ.—Всякое лицо, желающее путешествовать по странѣ должно быть снабжено паспортомъ, выдаваемымъ исключительно муниципальными властями (ст. 1). Въ паспортѣ должны быть точно указаны—имя, возрастъ, профессія, особыя примѣты, мѣстожительство и подданство лица, которому выданъ паспортъ (ст. 2). Французы или иностранцы, желающіе выѣхать изъ предѣловъ государства, должны сообщать объ этомъ мѣстному муниципалитету для соотвѣтствующихъ помѣтокъ въ ихъ паспортѣ (ст. 5). Путешественникъ, не снабженный паспортомъ долженъ быть немедленно доставленъ въ муниципалитетъ, опрошенъ и арестованъ, если онъ не укажетъ въ качествѣ поручителя кого-либо, имѣющаго опредѣленное мѣстожительство (ст. 9). Въ зависимости отъ матеріала, добытаго дознаніемъ, муниципальные чиновники или подвергаютъ заключенію путешественника или освобождаютъ его. Въ послѣднемъ случаѣ онъ получаетъ паспортъ (ст. 10). Арестъ не долженъ превышать мѣсячнаго срока, если не обнаружится какихъ-либо новыхъ фактовъ, инкриминируемыхъ арестованному (ст. 11). Если по истеченіи мѣсячнаго срока арестованный не будетъ въ состояніи дать удовлетворительныхъ разъясненій, онъ долженъ будетъ указать мѣсто, куда онъ направляется, и въ выданномъ ему паспортѣ должны быть отмѣчены мотивы его ареста и точный маршрутъ, которому онъ обязанъ слѣдовать подъ угрозой новымъ задержаніемъ въ случаѣ его нарушенія (ст. 14 и 15). Назвавшійся въ паспортѣ чужимъ именемъ передается исправительной полиціи, могущей подвергнуть его заключенію на срокъ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года (ст. 17). Въ послѣдней статьѣ Легислатива указывала, что она отмѣнитъ настоящій декретъ сейчасъ-же, какъ исчезнутъ обстоятельства, его вызвавшія и общественная безопасность будетъ достаточно обезпечена (ст. 19). [1]).

Этимъ закономъ Легислатива вступила на путь правительственнаго террора. И какими бы соображеніями ни оправдывала Легислатива своего чрезвычайнаго акта—необходимостью ли консолидаціи революціи, исключительной-ли напряженностью момента—нельзя однако, оправдать мѣръ, отдававшихъ во власть малень-

[1]) *„Décret relatif aux passeports“*. *A. P.* т. XXXVIII, стр. 64—65. *Duvergier* т. IV, стр. 65—66. См. также *„Collection officielle des ordonnances de police 1415—1860“*. т. III. № 197. стр. 237.

кихъ чиновниковъ свободу гражданъ, неудобныхъ правительству своими политическими убѣжденіями. Отнынѣ свободой передвиженія могли пользоваться только тѣ, которые были угодны правительству. Новый законъ, такимъ образомъ, былъ однимъ изъ самыхъ тяжкихъ нарушеній личной свободы [1]), притомъ нарушеній, на которое не существовало права жалобы, ибо чиновники, конечно, неукоснительно должны были чинить предписанія правительства [2]).

Однако, въ томъ остромъ революціонномъ кризисѣ, который переживала Франція, спастись только такими мѣрами было нельзя. Борьба разнородныхъ интересовъ продолжала свое дѣло и Легислатива оказывалась безсильной съ своимъ аппаратомъ чрезвычайныхъ и временныхъ мѣръ.

6-го марта 92 г. Легислатива, по предложенію Тардиво, образуетъ спеціальную комиссію изъ двѣнадцати чиновниковъ для изысканія и разработки наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ въ цѣляхъ возстановленія общественнаго спокойствія [3]), а 23-го апрѣля министръ внутреннихъ дѣлъ—Роланъ читаетъ обстоятельный мемуаръ о «внутреннихъ смутахъ въ государствѣ» [4]). Роланъ нарисовалъ своей аудиторіи мрачную картину [5]). Распущенность и анархія, по-

---

1) См. напр. *Gomel.* о. с. т. I. стр. 103.

2) Уже значительно позже, въ эпоху Второй Реставраціи, 6-го августа 1822 г. во время обсужденія палатой бюджета, Станиславъ-де-Жирарденъ, ратовавшій противъ паспортной системы, вспомнилъ, между прочимъ, и этотъ революціонный законъ 92 г. Въ эту эпоху—говорилъ Жирарденъ—изъ Франціи хотѣли сдѣлать обширную тюрьму. За короткое сравнительно время примѣненія этого закона (онъ былъ отмѣненъ 8-го сент. 92 г.) была совершена масса арестовъ... Мотивы закона были ясны; паспортъ долженъ былъ носить на себѣ отмѣтку муниципальной власти о политическихъ убѣжденіяхъ владѣльца. Такимъ образомъ, администрація облегчала себѣ надзоръ за всѣми скомпрометированными въ политическомъ отношеніи. *А. Р.* II série т. XXXVIII. стр. 129, 132.

3) По два члена отъ шести комитетовъ: „de pétition, d'agriculture, de commerce, de surveillance, militaire, de législation“. *А. Р.* т. XXXIX. стр. 426—428.

4) *А. Р.* т. XLII. стр. 307—310.

5) Мартъ 92 г. былъ особенно тяжелымъ для Франціи. Бюшезъ и Ру утверждаютъ, что даже эпоха террора не была такой ужасной, какъ февраль и мартъ 92 г. Населеніе волновалось повсюду; ждали войны. На дорогахъ бродили разбойничьи банды, фальшивыя ассигнаціи дѣлались даже въ тюрьмахъ, жатва была дурная. Болѣе спокойны были сѣверные департаменты. *Buchez et Roux.* о. с. т. XIII. стр. 320—325.

рождаемыя фанатизмомъ—говорилъ онъ—съ каждымъ днемъ дѣлаютъ новые успѣхи... Законы—не въ состояніи болѣе сдерживать ослѣпленныхъ массъ... Корень всего зла—аристократы и особенно священники. Какой смыслъ имѣетъ религіозная терпимость рядомъ съ амбиціей и жадностью священниковъ? Ничего не страшась они только растятъ свою партію... Необходимо принять рѣшительныя мѣры, чтобы покончить съ несогласіями, раздирающими Францію.

Рѣчь Ролана была лишь отдаленнымъ раскатомъ грома надъ головами враговъ революціи, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, кого таковыми считали члены Законодательнаго Собранія. Истинная гроза разразилась въ громадныхъ докладахъ Франсэ изъ Нанта, представленныхъ отъ имени комиссіи 12-ти. Первый докладъ былъ на ту же тему, что и Ролана, т.-е. по поводу «внутреннихъ безпорядковъ» (troubles intérieurs) [1]. Франсэ началъ его съ очень успокоительныхъ заявленій.

Возбужденіе, поднявшееся въ департаментахъ—завѣрялъ онъ Собраніе—почти совсѣмъ улеглось; волненія продолжаются лишь въ нѣсколькихъ департаментахъ. Народъ повсюду единодушно высказывается за конституцію... Но мало еще стать свободнымъ, надо научиться быть имъ... Несомнѣнно, что въ безпорядкахъ послѣдняго времени извѣстная доля вины падаетъ на народъ, многое можетъ быть отнесено на долю его испорченности.., но во многомъ виновато и само правительство, упорно не желающее мѣняться въ теченіе двухъ лѣтъ, когда мѣняется все вокругъ... Законы создавали свободные люди, а примѣняютъ ихъ старые рабы.. Нѣкоторая вина, наконецъ, падаетъ и на муниципалитеты, осмѣлившіеся ослушаться велѣній Законодательнаго Собранія...

Но послѣ мирнаго и добродушнаго вступленія Франсэ съ жаромъ обрушился на сословіе, въ которомъ онъ видитъ самаго непримиримаго врага новой Франціи. Этотъ врагъ—духовенство съ его жестокой себялюбивой политикой. Новая Франція создала свободную конституцію, духовенство замышляетъ заговоры противъ нея; Франція провозгласила братство и равенство, духовенство противъ нихъ протестуетъ... Отъ него требуютъ присяги, чтобы этимъ самымъ пріобщить его къ другимъ дѣтямъ отечества, боль-

[1]) *А. Р.* т. XLII. стр. 415—426.

шинство уклоняется... Мало этого—въ свои интриги оно желаетъ впутать еще Римъ и настроить его противъ Франціи. Послѣ продолжительнаго перечисленія разныхъ козней, затѣваемыхъ духовенствомъ противъ новаго порядка, Франсэ предложилъ принять самыя безпощадныя мѣры противъ тѣхъ, кто отказался бы принести закономъ установленную присягу. Такія лица должны быть отданы подъ надзоръ полиціи; по первому подозрѣнію они могутъ быть задержаны, а въ случаѣ сопротивленія—высланы изъ страны. Только такимъ путемъ—восклицалъ Франсэ—вы очистите деревни отъ бича, ихъ опустошающаго.

Покончивъ съ духовенствомъ, Франсэ перешелъ къ вопросу объ обществахъ и союзахъ, которые, могутъ, по его мнѣнію, различно влiять на общественную жизнь въ зависимости отъ направленія, которое имъ будетъ дано. Единственнымъ средствомъ оздоровленія всѣхъ этихъ обществъ является широкое просвѣщеніе народныхъ массъ. Безпорядки могутъ возникнуть и на почвѣ той ужасной безработицы, отъ которой давно страдаетъ Франція и ораторъ попутно набрасываетъ интересный планъ общественныхъ работъ. Оставляетъ желать многаго, наконецъ, и организація судовъ. Особенно строго надо карать—по мнѣнію Франсэ—покушенія на право частной собственности—этотъ фундаментъ благоустроеннаго общежитія [1]). Франція должна искать спасеніе въ согласіи и взаимномъ довѣріи членовъ Собранія, въ его храбрости и твердости. Власть, основанная на силѣ, можетъ всегда погибнуть отъ другой—сильнѣйшей; но власть, опирающаяся на уваженіе къ ней, на вѣру въ ея авторитетъ, никогда не погибнетъ...

Второй докладъ съ проектомъ декрета былъ представленъ Франсэ въ засѣданіи 5-го мая 92 г. [2]). Въ немъ Франсэ старался доказать, что деспотизмъ всегда и всюду опирался на два класса: армію и церковь. Армія со времени революціи не служитъ болѣе деспотизму; церковь же покрываетъ именемъ Бога самыя мрачныя

[1]) „Notre devoir—говорилъ Франсэ—est surtout de veiller à la conservation des propriétés, condition première de l'établissement de toute société, base de la déclaration des droits, qu'on devrait retraçer encore dans une déclaration des devoirs qui nous manque". *А. Р.* т. XLII. стр. 424. Какъ эти слова характерны для буржуазной революціи!

[2]) *А. Р.* т. XLIII. стр. 22—27.

преступленія. И Франсэ подробно останавливается на сплоченности духовенства, указываетъ, что оно уже въ теченіе тридцати мѣсяцевъ усердно работаетъ на пользу контръ-революціи, фанатизируя деревни, агитируя противъ финансовыхъ мѣропріятій правительства. Опасность велика; нужны серьезныя средства, чтобы справиться съ ней, но средства должны быть таковы, чтобы не пострадалъ невинный. Собраніе имѣетъ безспорное право создать и новую полицію и новыхъ судей, ибо никакое свободное государство не можетъ мириться съ нетерпимой религіей.... Законопроектъ, предложенный Франсэ[1]), заключался въ слѣдующемъ: Національное Собраніе объявляетъ врагами народа и конституціи всѣхъ, кто 1) споспѣшествуетъ образованію мятежныхъ скопищъ или подстрекаетъ ихъ къ насиліямъ путемъ афишъ возмутительнаго содержанія, распространенія подложныхъ декретовъ, приговоровъ суда или предписаній администраціи, 2) своими дѣяніями, рѣчами или памфлетами угрожаетъ личной безопасности или призываетъ къ раздѣлу, грабежу, опустошенію или поджогу какъ національной, такъ и частной собственности, 3) не будучи облеченъ какими-либо полномочіями, назначаетъ произвольную таксу на съѣстные припасы и продукты на рынкахъ или произвольнымъ обыскомъ нарушаетъ право домовой неприкосновенности, 4) подъ какимъ бы то ни было предлогомъ облагаетъ частныхъ лицъ сборами, не установленными закономъ, 5) кто позволяетъ себѣ чинить насиліе надъ органомъ администраціи при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей. Далѣе законопроектъ устанавливалъ разнообразную скалу наказаній въ зависимости отъ формъ нарушенія общественнаго порядка, попустительства или превышенія власти [2]). Въ качествѣ общей мѣры, долженствующей дѣйствовать успокоительно на возбужденныя народныя массы, Франсэ рекомендовалъ ежемѣсячно издавать спеціальную инструкцію отъ Національнаго Собранія. Этой утопической мѣрой и оканчивался законопроектъ [3]).

---

[1]) *А. Р.* т. XLIII. стр. 25—27.

[2]) Духовенству были посвящены статьи 26—28, предоставлявшія мѣстной власти самостоятельно или по требованію не менѣе 20 активныхъ гражданъ высылать духовныхъ лицъ изъ мѣста постояннаго жительства и помѣщать въ спеціально для нихъ предназначенные дома, гдѣ они подлежали суровому режиму.

[3]) „Il sera adressé tous les mois au peuple, par l'Assemblée nationale,

Конечно, такого рода инструкціями едва ли можно было удовлетворить молодое жирондистское министерство [1]), мечтавшее какими бы то ни было средствами водворить у себя внутренній порядокъ. Оно только что вырвало у короля войну [2]) и боялось отсылать войска къ границѣ, не справившись съ внутреннимъ пожаромъ.

Съ 13-го мая началось обсужденіе проекта новаго декрета, представленнаго комиссіей 12-ти, образованной по предложенію Тардиво 6-го марта. Большинство стояло за исключительныя мѣры. Лекуантъ-Пюйраво для искорененія бунтовщиковъ и контръ-революціонеровъ, подъ которыми онъ разумѣлъ неприсяжныхъ священниковъ, рекомендуетъ одно средство—высылку всѣхъ безъ исключенія (déportation de tous indistinctement) [3]) и настаиваетъ, чтобы эта мѣра была примѣнена немедленно, ибо чрезъ два мѣсяца будетъ уже поздно. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ Верньо [4]). Депортація, по его мнѣнію, наиболѣе справедливая и подходящая мѣра борьбы съ фанатизмомъ. Съ одной стороны, она должна подѣйствовать успокоительно на населеніе, съ другой, оставляетъ сравнительно много свободы и самимъ наказаннымъ. Не слѣдуетъ лишь злоупотреблять правомъ наказанія. Чѣмъ болѣе будетъ мучениковъ, тѣмъ болѣе фанатиковъ! Поэтому, высылка должна имѣть мѣсто только въ силу судебнаго приговора.

Послѣ продолжительныхъ преній, растянувшихся еще на два дня—24 и 25 мая, окончательная редакція декрета была принята въ засѣданіи 27-го мая [5]). Въ введеніи къ декрету законодатель

une instruction pour le garantir des écrits ou discours séditieux, rappeler à tous les citoyens le respect dû aux lois et aux autorités constituées et ramener tous les esprits à l'unité de principe et de sentiment" (§ 30).

[1]) Съ 24-го марта 92 г.

[2]) Цѣлый рядъ пограничныхъ мѣстностей былъ объявленъ въ это время, согласно закону 10-го іюля 91 г., на военномъ положеніи. См. предложеніе военнаго министра, оглашенное въ засѣданіи 7-го мая 92 г., и докладъ военнаго комитета въ отвѣтъ на это предложеніе. *А. Р.* т. XLIII. стр. 60, 112, 242. *Logographe* т. XVII. стр. 499—500, т. XVIII. стр. 13, 143.

[3]) *А. Р.* т. XLIII. стр. 434—435.

[4]) *Ibidem.* стр. 435—438.

[5]) *А. Р.* т. XLIV. стр. 168—169. „C'était—говоритъ Мартэнъ про законъ—s'engager dans la voie fatale des lois d'exception". *Martin.* o. c. т. I. стр. 275.

указывалъ на преступную агитацію священниковъ, противъ которой безсильны обычные законы. Съ изданіемъ декрета для высылки неприсяжнаго священника изъ предѣловъ кантона, департамента или даже страны было достаточно заявленія двадцати активныхъ гражданъ и утвержденія его мѣстными властями (ст. 3 и 11). Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣянія неприсяжнаго священника могли послужить источникомъ безпорядковъ было достаточно заявленія нѣсколькихъ или даже одного активнаго гражданина (ст. 5). Неисполненіе постановленія о высылкѣ каралось тюремнымъ заключеніемъ до десяти лѣтъ (ст. 16).

Новый законъ былъ логической необходимостью для правительства, стремившагося къ единому и цѣльному напряженію всѣхъ силъ страны. Чтобы выступить побѣдоносно противъ внѣшняго врага, оно считало необходимымъ раздавить внутри гидру недовольства, парализовать растлѣвающее вліяніе духовенства, вмѣшавшагося въ политику. Оно неизбѣжно должно было вступить на путь доносовъ и преслѣдованій, ибо само было борющейся стороной, защищавшей революцію противъ монархіи. И чѣмъ далѣе развертывается революціонный процессъ, чѣмъ болѣе приходятъ въ столкновеніе жизненные интересы разнородныхъ общественныхъ группъ, тѣмъ меньше остается мѣста личной свободѣ отдѣльныхъ гражданъ. Она открыто приносится въ жертву государственнымъ инстинктамъ очередныхъ держателей власти [1]).

Положеніе же Легислативы съ каждымъ днемъ становилось все болѣе затруднительнымъ. Эмигранты агитировали за границей, общество волновалось страхами и слухами о государственной измѣнѣ. Существованіе «австрійскаго комитета» не возбуждало ни въ комъ сомнѣній [2]). Цѣлыя засѣданія Собраніе проводитъ въ выслу-

---

[1]) Поэтому, самое рѣшительное отвращеніе къ политикѣ насилія не можетъ не признать висящимъ въ воздухѣ замѣчанія Бире о декретѣ 27-го мая: „..Ce décret—l'oeuvre capitale des Girondins; ils sont là tout entiers avec leur mépris de la liberté, leur haine contre les prêtres, leur culte pour la délation..“ и далѣе „..Toute leur loi repose sur une base unique, la dénonciation“. *Biré Edm.* La légende des Girondins. Genève. 1881. стр. 68.

[2]) Жоресъ обстоятельно останавливается на вопросѣ объ измѣнѣ, особенно Маріи Антуанеты. Разобравъ ея письмо къ Мерси отъ 26-го марта, онъ пишетъ: „Il n'y a pas d'excuse et il n'y aura pas d'autre sanction pos-

шиванiи и обсужденiи различныхъ слуховъ и сообщенiй о заговорахъ противъ государственной безопасности [1]). Его уже не удовлетворяютъ дѣйствующiе исключительные законы и оно занимается изысканiемъ новыхъ чрезвычайныхъ мѣропрiятiй [2]). Таковъ, на-

---

sible que l'échafaud..." *J. Jaurès.* o. c. т. II. стр. 958. Многочисленные документы, найденные въ знаменитомъ „armoire de fer" въ Тюльери послѣ возстанiя 10-го августа, показываютъ, какъ широко были организованы шпiонство и подкупы съ контръ-революцiонными цѣлями. См. *Buchez et Roux.* o. c. т. XVII. стр. 265—266. Чрезвычайно любопытно прослѣдить настроенiе Парижанъ въ маѣ 92 г. къ дѣлу объ убiйствѣ трехъ офицеровъ своими же солдатами. Аббатъ Ройю—редакторъ листка „l'Ami du Roi" писалъ 3-го мая, что убiйство, конечно, ужасно, но оно можетъ оказаться спасительнымъ для Францiи. Офицеры покинутъ армiю, послѣдняя разсѣется и Европа силой оружiя возстановитъ во Францiи порядокъ. „Puissions nous—заключалъ онъ—du moins retirer cet avantage d'un de plus vils attentats qui aient souillé ce qu'on appelle notre Révolution!" Наоборотъ, Маратъ въ своемъ „l'Ami du Peuple", № 646 отъ 31-го апрѣля 92 г. писалъ, что генералы—придворные хамы (bas valets de la Cour) предадутъ народъ и откроютъ врагу границы Францiи. Я надѣюсь, продолжалъ онъ, что у солдатъ откроются, наконецъ, глаза и они поймутъ, что ихъ начальники должны пасть первыми для общественнаго спасенiя. Въ № 649 онъ писалъ: „Ces scélérats qui sont à la tête de nos troupes vont enfin expier leurs perfidies, comme Dillon et Chaumont... Puissent ces exemples salutaires se multiplier, d'une manière effrayante pour la cour! Puissent nos généraux payer bientôt de leur sang la trame criminelle de leurs longues machinations..." Въ засѣданiи 3-го мая Легислатива оживленно обсуждаетъ, какiя мѣры слѣдуетъ принять противъ аббата и Марата. Одни отстаиваютъ полную свободу печати, другiе, какъ Ласурсъ, говорятъ, что взывать къ армiи, чтобы она дезертировала или избивала своихъ генераловъ—преступленiе и, поэтому, надо судить обоихъ. Въ засѣданiи 21-го мая оба они были осуждены Легислативой, какъ „prévenus d'attentat contre la sûreté générale de l'Etat et contre la Constitution". *A. P.* т. XLII. стр. 706—714, т. XLIII. стр. 622—623. *Logographe.* т. XVII. стр. 332—334, 356.

[1]) См. напр. сообщенiе Шабо въ засѣданiи 28-го мая 92 г. объ открытiи имъ важнаго государственнаго заговора. 4-го iюня Шабо читаетъ докладъ, въ которомъ доказываетъ существованiе австрiйскаго комитета. Онъ вызываетъ бурю негодованiя, когда, говоря о Лафайетѣ, относитъ и его къ числу участниковъ грязныхъ комплотовъ. Не меньшiй шумъ вызываетъ сумасшедшая рѣчь Реймонда Риба въ засѣданiи 4-го iюня. Ее такъ и называютъ—„acte de folie" и т. д. *A. P.* т. XLIV. стр. 544—550, 552—558, 559—563, 576.

[2]) 18-го мая были декретированы новыя мѣры относительно спецiальной охраны Парижа. Отнынѣ каждый иностранецъ или вновь прибывавшiй на жительство въ городъ долженъ былъ дать точныя свѣдѣнiя о себѣ или предъявить свой паспортъ въ теченiе первой недѣли мѣстной полицiи. Домохозяева должны немедленно сообщать въ мѣстную секцiю о всѣхъ вновь прибывающихъ жильцахъ. За нарушенiе новыхъ правилъ были установлены штрафы размѣромъ отъ

примѣръ, проектъ Жепсоннэ объ организаціи полиціи общественной безопасности [1]). Жансоннэ находилъ слишкомъ недостаточными средства, сосредоточенныя въ рукахъ общей полиціи, мировыхъ судей, жандармеріи, а также прокурора и президента уголовныхъ судовъ. При настоящемъ положеніи вещей необходимо создать самостоятельную, облеченную широкими полномочіями власть, которая бы вѣдала исключительно дѣла общественной безопасности и составъ которой пополнялся бы въ зависимости отъ указаній самого Законодательнаго Собранія. Для осуществленія этого плана Жепсоннэ предлагалъ надѣлить управленія департаментовъ, дистриктовъ и муниципалитеты городовъ, имѣющихъ болѣе двадцати тысячъ жителей, функціями полиціи общественной безопасности (§ 1). Высшей инстанціей, связующей мѣстныя организаціи, долженъ служить «Comité de surveillance», переименовываемый въ «Comité de police de sûreté générale» (§§ 11, 12) [2]). Новые органы полиціи безопасности должны быть облечены самыми широкими полномочіями по части изданія обязательныхъ постановленій и подавленія всякаго рода безпорядковъ. Высшей мѣрой наказанія, согласно проекту декрета, должно быть тюремное заключеніе на срокъ не свыше одного года (§ 16). Однако, событія шли гораздо быстрѣе, чѣмъ законодательная работа. Проекты декретовъ старѣли раньше, чѣмъ переходили къ ихъ обсужденію. Каждый день приносилъ что-либо новое, что предусмотрѣть не было возможности.

27-го мая Собраніе было оглушено извѣстіемъ, что король наложилъ veto на декретъ противъ неприсяжныхъ священниковъ [3]).

---

300 до 1000 ливровъ и заключеніе продолжительностью отъ 3—6 мѣсяцевъ. *А. Р.* т. XLIII. стр. 591—592.

[1]) *А. Р.* т. XLIV. стр. 352—356. *Logographe.* т. XIX стр. 511—523.

[2]) Организаціей „Comité de surveillance"—Легислатива, по выраженію Мортимера-Терно, установила „vaste système d'espionnage" во всѣхъ частяхъ королевства вплоть до самаго дворца. Въ засѣданіи 18-го мая 92 г. одинъ изъ членовъ комитета—Фоше признался, что большинство доносовъ на короля поступаетъ отъ лицъ, не открывающихъ своего имени, якобы изъ опасеній потерять мѣсто. „Il ne s'agit pas ici—прибавилъ ораторъ—de discuter la moralité de ces dénonciations, mais leur utilité à la chose publique". *Mortimer-Ternaux.* о. с. т. I. стр. 39 и пр. 1.

[3]) Практически это veto не имѣло никакого значенія. Народъ и муниципальныя власти расправлялись съ враждебными революціи элементами, не считаясь съ законами, ни тѣмъ болѣе королевскимъ veto. Король наложилъ

Сразу выросла новая пропасть междуувереномъ и представителями націи. Г-жа Роланъ пишетъ королю свое знаменитое письмо, полное грозныхъ предостереженій. Отвѣтомъ былъ роспускъ министерства жирондистовъ; новые министры были фельянами, не пользовавшіеся довѣріемъ Собранія. Парижское населеніе, день за днемъ проходившее революціонную школу на митингахъ, въ клубахъ, жившее въ атмосферѣ, насыщенной политическимъ электричествомъ, не могло не реагировать на новый конфликтъ между короной и избранниками народа [1]), тѣмъ болѣе, что и мирные, по существу, жирондисты, на этотъ разъ были не прочь сорганизовать какую нибудь шумную манифестацію, чтобы наказать короля. Но и жирондисты не могли предвидѣть того, что произойдетъ 20-го іюня. Парижскій народъ врывается въ дворецъ и играетъ здѣсь съ сувереномъ, то заставляя его пить за здоровье націи, то надѣвая на него красный колпакъ.

---

veto еще на другой декретъ Собранія отъ 8-го іюня объ организаціи подъ Парижемъ лагеря федералистовъ, взамѣнъ распущенной декретомъ 29-го мая королевской гвардіи. Но послѣднее veto разбилось о желѣзную рѣшимость Собранія, которому на пользу послужило 20-е іюня. Легислатива зоветъ федералистовъ въ Парижъ, не взирая на королевское veto, и послѣдній былъ вынужденъ дать санкцію. Точное число федералистовъ осталось неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ было не менѣе 4000 человѣкъ. См. соображенія по этому поводу у *Aulard*. Histoire politique de la révolution française. стр. 200.

[1]) Въ засѣданіи 12-го іюня читаютъ, между прочимъ, выдержки изъ одного памфлета, характернаго для эпохи—„*La chute de l'idole des Français*". Тамъ попадаются слѣдующіе пассажи: „C'est le monstre (Людовикъ XVI) qui n'emploie le pouvoir qui lui est confié, que pour anéantir la nation . . . , il veut vous armer les uns contre les autres et porter dans la France la désolation, les ravages et la mort... Foulons aux pieds ce vain simulacre de royauté, qui a voulu, qui a prétendu anéantir les lois émanées de la volonté de 25 millions d'hommes. Ecrasons cette idole des Français, qui en se faisant déclarer inviolable, a avili la majorité nationale. . . ." Законодательное Собраніе постановляетъ передать все дѣло исполнительной власти съ тѣмъ, чтобы „Comité de législation" представилъ не позже чѣмъ черезъ три дня проектъ декрета относительно свободы печати. *А. Р.* т. XLV. стр. 106—119. *Logographe* т. XX. стр. 492—495.

[2]) Накануиѣ этого перваго открытаго возстанія противъ короля якобинцы обсуждали у себя въ клубѣ вопросъ о возстаніи. Реаль, напомнивъ аудиторіи выраженіе Лафайета—„L'insurrection est le plus saint des devoirs", ставитъ вопросъ—не должны ли якобинцы въ подобныхъ обстоятельствахъ подумать о практической реализаціи этой максимы. Но какъ осуществлять это право? Если Конституанта ничего не сказала объ этомъ, то должна сказать

20-е іюня было чисто-народнымъ взрывомъ; оно было выступленіемъ пролетаріата безъ непосредственной иниціативы буржуазіи [1]) и событія 20-го іюня были роковыми; оскорбленіе, нанесенное королю, не могло быть забыто ни имъ, ни тѣми, кто такъ или иначе стоялъ за интересы короны. Примиреніе было невозможно. Скрывавшаяся прежде по дипломатическимъ и инымъ соображеніямъ вражда между дворомъ и Собраніемъ выступаетъ теперь наружу и переходитъ въ открытую борьбу, которая должна кончиться катастрофой. Извиненія же Легислативы и мѣры, принятыя во время безпорядковъ [2]), не могли, разумѣется, успокоить короля и его сто-

---

Легислатива. Съ „insurrection", указываетъ слѣдующій ораторъ—С. Андре, связывается обычно представленіе о бойнѣ, кровопролитіи (carnage). И это было бы вѣрно по отношенію къ народу, не вышедшему еще изъ рабства; „insurrection" же свободнаго народа выражается въ стремленіи общенародной воли измѣнить тѣ или другія статьи конституціи. Національное Собраніе должно созвать Конвентъ, который бы и занялся ея пересмотромъ. См. „*La Société des Jacobins*". Aulard (réd). т. IV. стр. 18—19. 20-го іюня, очевидно, подъ вліяніемъ событій дня, Моррисъ, посланникъ въ Сѣв. Америк. Соед. Штатахъ пишетъ въ одномъ письмѣ: „L'anarchie existe à un dégré presque sans exemple. Telles sont l'horreur et l'apréhension universellement inspirées par les sociétés licencieuses, qu'il y a quelque raison de croire que la grande masse de la population française regarderait le despotisme lui-même comme un bienfait, s'il était accompagné de cette sécurité des personnes et des propriétés que l'on possède sous les plus mauvais gouvernements de l'Europe". *Taine.* Les origines de la France contemporaine. т. II. стр. 141. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что событія 20-го іюня были подготовлены заранѣе, независимо отъ королевскихъ veto. См., напр., *Mortimer-Ternaux.* o. c. т. I. стр. 129.

[1]) „Ce fut.... un événement considérable—пишетъ Оларъ про 20-е іюня—une entrée en scène du prolétariat, non plus farouche et émeutier, comme aux journées d'octobre 1789, mais calme, fort, joyeux de sa force, capable de s'organiser. La bourgeoisie en trembla". *Aulard.* o. c. стр. 187.

[2]) Въ засѣданіи Собранія 20-го іюня происходили горячіе дебаты по вопросу о безопасности короля. Національное Собраніе отправляетъ къ нему три депутаціи одну за другой, чтобы оказать королю моральную поддержку и охладить нѣсколько горячность народа. Всѣ три депутаціи, вернувшись въ Собраніе, докладываютъ ему о совершенномъ спокойствіи и безопасности короля. На другой день послѣ возстанія король имѣлъ разговоръ съ Петіономъ, относительно котораго существуетъ много версій. Считается, однако, установленнымъ, что Людовикъ XVI велъ разговоръ въ несвойственномъ ему энергичномъ тонѣ и приказалъ даже Петіону замолчать, когда тотъ отвѣтилъ на одну изъ его репликъ. Онъ былъ очень раздраженъ. *Buchez et Roux.* o. c. т. XV. стр. 186—188.

ронниковъ, тѣмъ болѣе, что шумный и оскорбительный характеръ антимонархической демонстраціи усилилъ ряды, сочувствующихъ монарху [1]).

Въ Собраніе, напримѣръ, поступила петиція со многими тысячами подписей, протестовавшая противъ Іюньскихъ безпорядковъ. Лафайетъ отъ имени арміи требуетъ наказанія зачинщиковъ 20-го іюня. Самъ король, пишетъ націи свое обращеніе по поводу іюньскихъ событій,[2]), въ которомъ указываетъ, что угрозамъ и оскорбленіямъ бунтовщиковъ онъ могъ противопоставить только свою совѣсть и заботу о благѣ всѣхъ. Я не знаю—писалъ Людовикъ—гдѣ они соблаговолятъ остановиться, но я считаю долгомъ заявить всему французскому народу, что никакія насилія не вырвутъ у меня никогда согласія на то, что я считаю противнымъ общему интересу... Въ тяжелое переходное время (l'état de crise) до послѣдней минуты король будетъ давать установленнымъ властямъ живой примѣръ мужества и твердости, которыя однѣ могутъспасти государство...

Прокламація была составлена искусно. Король весьма недвусмысленно заявлялъ народу, что онъ считаетъ мѣропріятія Законодательнаго Собранія противорѣчащими общему благу и что на стражѣ народныхъ интересовъ стоитъ лишь онъ одинъ. Такая прокламація, распространяемая въ смутное время по самымъ отдаленнымъ закоулкамъ Франціи, бросала новыя искры въ огонь и еще болѣе будоражила народныя массы [3]). Къ тому же Франція терпѣла неудачи

---

[1]) Мадамъ де Сталь пишетъ про Людовика XVI послѣ описанія событій 20-го іюня: „...rien ne pouvait l'humilier, puisque toute sa vie n'etait qu'un sacrifice continuel". *Madame de Staël.* Considérations sur les principaux événemens de la révolution françoise. т. II. стр. 47—52.

[2]) „*Proclamation du roi sur les évenements du 20 Juin*". Du 22 Juin 1792, l'an IV-e de la liberté. *A. P.* т. XLV. стр. 512, т. XLVI. стр. 75.

[3]) Въ засѣданіи 23-го іюня Базиръ сообщаетъ Собранію, что прокламація Короля является по мѣстамъ источникомъ безпорядковъ. Несомнѣнно, напр., что эпизодъ, съ „L'arreté du directoire du département de la Somnie" былъ однимъ изъ слѣдствій прокламаціи. Это постановленіе заключалось въ слѣдующемъ. Директорія департамента въ засѣданіи 22-го іюня рѣшила отправить къ королю спеціальныхъ комиссаровъ, главная задача которыхъ должна была состоять въ охранѣ короля и королевской семьи. Эти комиссары должны были ежедневно доставлять директоріи свѣдѣнія о возможныхъ комплотахъ противъ ввѣренныхъ ихъ охранѣ лицъ. Такъ какъ комиссары сообщили, что

на театрѣ военныхъ дѣйствій. Повсюду шли толки о несчастной войнѣ. Легислатива всѣми силами стремилась овладѣть движеніемъ. И на первомъ планѣ стояли, конечно, чрезвычайныя мѣропріятія. 30-го Іюня Дебри представляетъ докладъ о чрезвычайныхъ мѣрахъ, которыя надлежитъ принять, если «отечество будетъ въ опасности» [1]). Національное Собраніе—гласило введеніе къ декрету—находя, что непрестанныя усилія враговъ порядка и подстрекательства ихъ къ волненіямъ и мятежамъ въ моментъ, когда нація для защиты свободы должна была объявить войну, могутъ создать крайнюю опас-

въ Парижѣ спокойствіе возстановлено и король и Законодательное Собраніе находятся въ полной безопасности, и, такъ какъ комиссары, находившіеся въ Парижѣ, не имѣли въ своемъ распоряженіи никакихъ средствъ, чтобы самостоятельно разслѣдовать происходившія смуты, Директорія отозвала ихъ обратно, полагая, что министерство внутреннихъ дѣлъ и Парижскій департаментъ энергично займутся розысками по этому дѣлу. Директорія уполномочила также своихъ комиссаровъ ознакомить министерство внутреннихъ дѣлъ съ содержаніемъ постановленія. Постановленіе оказалось отпечатаннымъ въ королевской типографіи. Среди членовъ Національнаго Собранія циркулировали слухи, что министръ внутреннихъ дѣлъ распорядился разсылкой постановленія по всѣмъ департаментамъ. Въ бурномъ засѣданіи 2-го іюля министру внутреннихъ дѣлъ былъ представленъ запросъ, на какомъ основаніи постановленіе печаталось въ королевской типографіи и было ли оно разсылаемо министромъ во всѣ или хотя бы нѣкоторые департаменты. Министръ всячески старался увильнуть отъ прямого отвѣта, что вызывало по его адресу бурю оскорбительныхъ замѣчаній со стороны членовъ Собранія. Его обвиняютъ въ государственной измѣнѣ, въ подстрекательствѣ къ гражданской войнѣ и т. п. Во время самаго засѣданія къ министру подходитъ какой-то неизвѣстный и шепчетъ ему что-то на ухо. Со всѣхъ сторонъ раздаются крики о немедленномъ арестѣ никому неизвѣстнаго лица. Однако, президентъ Собранія объявляетъ его свободнымъ, чѣмъ, въ свою очередь, вызываетъ протесты и негодованіе. Въ заключеніе было рѣшено, что министръ долженъ дать черезъ день письменный отвѣтъ. Въ этомъ отвѣтѣ министръ сообщилъ, что постановленіе директоріи было отпечатано въ королевской типографіи въ числѣ другихъ бумагъ, имѣющихъ отношеніе къ событіямъ 20 Іюня, но что онъ—министръ не давалъ никакихъ распоряженій относительно разсылки документа по департаментамъ. Повидимому, эта исторія не имѣла дальнѣйшаго продолженія. *А. Р.* т. XLVI. стр. 38—44, 74.

[1]) *А. Р.* т. XLV стр. 707—709. Докладу Дебри предшествовалъ докладъ Пасторе отъ „чрезвычайной комиссіи 12-ти“ объ общемъ положеніи страны. Въ рѣчи блѣдной и ничѣмъ не замѣчательной Пасторе говоритъ, между прочимъ, о неприкосновенности наслѣдственнаго представителя націи. Его патетическіе призывы къ единенію: „Aimons-nous, unissons nous et la patrie est sauvée....“, имѣли, однако, большой успѣхъ. См. *А. Р.* т. XLV стр. 702—706. Въ *Logographe* т. XXII стр. 264—277—редакція доклада нѣсколько иная.

ность и подорвать самую вѣру въ возможность политическаго возрожденія... постановляетъ, что при наличности угрозы для внутренней или внѣшней безопасности государства, правительство, если сочтетъ нужнымъ принять чрезвычайныя мѣры, будетъ вводить ихъ распубликованіемъ слѣдующей формулы: «Граждане! Отечество въ опасности!» (§ 1) [1]). Въ случаѣ такого объявленія всѣ выборныя власти (департаментовъ, дистриктовъ и муниципалитетовъ) должны засѣдать непрерывно (§ 2). Граждане, способные носить оружіе, должны вооружиться и шествовать на защиту отечества по первому требованію власти (§§ 3 и 8). Возмущеніе противъ установленнаго такимъ образомъ порядка карается смертью; гражданинъ не донесшій во́-время о случаяхъ такого неповиновенія, будетъ судимъ, какъ соучастникъ преступленія (§ 17). Собраніе постановило отпечатать докладъ Дебри и разослать его въ 83 департамента; 4-го іюля оно приступило къ подробному обсужденію законопроекта, а 5-го приняло его съ незначительными редакціонными поправками [2]).

Но еще ранѣе—въ засѣданіи 3-го іюля, т. е. наканунѣ обсужденія доклада комиссіи, Верньо выступилъ съ самостоятельнымъ проектомъ чрезвычайныхъ мѣръ [3]). Внутреннія смуты — по его мнѣнію—имѣютъ два источника: или «manoeuvres nobiliaires» или «manoeuvres sacerdotales». Противъ первыхъ достаточно и общей полиціи, противъ вторыхъ необходимо дѣйствовать особыми средствами. Если король, прячась за конституцію, наложилъ veto на декретъ Собранія [4]), то министры головой должны отвѣчать за смуты, источникомъ которыхъ является религія. Верньо предлагаетъ—объявить немедленно «отечество въ опасности», признать

---

[1]) Это чрезвычайное состояніе прекращается тѣмъ же способомъ, что и вводится, т. е. возвѣщеніемъ формулы: „Citoyens, la patrie n'est plus en danger". (§ 19).

[2]) *A. P.* т. XLVI стр. 133—134. Были выброшены вовсе §§ 15 и 16 проекта.

[3]) *Ibidem.* стр. 78—83.

[4]) „Son veto—говорилъ, между прочимъ, Верньо—a répandu non cette morne stupeur sous laquelle l'esclave affaissé dévore ses pleurs en silence, mais ce sentiment de douleur généreuse qui chez un peuple libre éveille les passions et accroît leur énergie. Hâtez - vous de prévenir une fermentation dont les effets sont hors de la prévoyance humaine...".

министровъ отвѣтственными, какъ за безпорядки, происходящіе на религіозной почвѣ, такъ и за вторженіе иностранцевъ на французскую территорію, наконецъ, обратиться къ націи съ воззваніемъ къ единенію.

Рѣчь Верньо, имѣвшая въ Собраніи громадный успѣхъ, послужила какъ бы сигналомъ къ цѣлому каскаду подобныхъ же рѣчей. Такъ на другой уже день послѣ принятія декрета о способахъ объявленія «отечества въ опасности», т. е. 5-го іюля, Торне произноситъ обширную рѣчь и опять на тему о мѣрахъ обезпеченія государственной безопасности [1]). Торне мечетъ громы противъ свободоубійственной войны, которую ведетъ исполнительная власть противъ Законодательнаго Собранія. Внутренніе безпорядки, раздирающіе Францію, являются въ значительной мѣрѣ плодомъ провокаціи. Во Франціи народилось множество различныхъ политическихъ сектъ, которыя ненавидятъ свободу и равенство, а называютъ себя друзьями конституціи. Пришелъ моментъ, когда необходимо объявить отечество въ опасности, ибо конституція гибнущаго народа можетъ быть вся выражена въ словахъ: «Le salut du peuple est la loi suprême». Прочь полумѣры (petites mesures), которыя въ моменты политическихъ кризисовъ лишь губятъ государства!... Горе народу, если онъ такъ трусливъ, что и въ крайней опасности не осмѣливается прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ!... Конституція безпомощна! Ея рессурсы для самосохраненія сводятся къ отвѣтственности министровъ — одному изъ тѣхъ конституціонныхъ палліативовъ (demimoyens constitutionnels), которые въ эпохи крупныхъ государственныхъ переломовъ, въ великихъ битвахъ между сувереномъ и правительствомъ, являются слабой плотиной противъ всесокрушающаго потока общественныхъ бѣдствій... Опираться на это средство для спасенія государства было бы то же—аргументировалъ краснорѣчивый защитникъ чрезвычайныхъ мѣръ,—что заливать пожаръ тѣмъ количествомъ воды, которое представляетъ обычную порцію домашняго потребленія. Если мы будемъ держаться подобныхъ воззрѣній, мы не должны говорить, что конституція — для народа, а обратно—народъ для конституціи. Мы не смѣемъ кричать:

---

[1]) *А. Р.* т. XLVI. стр. 134—143.

конституція или смерть, а смерть народу через конституцію. На этомъ мѣстѣ ораторъ прерванъ протестами значительной части Собранія. Жидкіе хлопки лѣвой и трибунъ заглушены криками: «къ порядку!» «къ порядку!» [1]). По водвореніи тишины Торне обратился къ исторической аргументаціи въ защиту своего предложенія. Поучимся у древнихъ—говорилъ онъ—спасать государство въ моменты крайней опасности!... Возьмемъ примѣръ съ древнихъ, прибѣгавшихъ въ такихъ случаяхъ къ чрезвычайной магистратурѣ. Франція имѣла своихъ констэблей, Лакедемонъ — эфоровъ, Коринѳъ — стратеговъ, Сиракузы — мекаглей, Англія — протектора, Римъ—диктаторовъ. Они должны служить намъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ нарушать конституцію, чтобы ее спасти.

Этотъ рядъ искусно написанныхъ софизмовъ, обычныхъ въ устахъ защитниковъ чрезвычайныхъ мѣръ, попирающихъ законность, чтобъ утвердить ее, былъ встрѣченъ Собраніемъ не только холодно, но и неодобрительно, тѣмъ болѣе, что Торне, не стѣсняясь, задѣвалъ политическія убѣжденія многихъ присутствовавшихъ въ аудиторіи. Въ отвѣтной рѣчи Пасторе при аплодисментахъ лѣвой, поощрявшей только что Торне, указывалъ, что не для того освободилась Франція отъ деспотизма, чтобы попасть подъ иго анархическихъ ораторовъ (orateurs anarchiques), что революція совершается для всѣхъ французовъ, а не для однихъ безстыдныхъ вождей неистовствующей демагогіи (quelques chefs, sans pudeur, de la démagogie en délire)[2]). Послѣ этого предложенія Торне были оставлены безъ послѣдствій.

Но отнынѣ Легислатива всѣ вопросы откладываетъ въ сторону, занимаясь исключительно изысканіемъ мѣръ обезпеченія государственной безопасности. На другой день послѣ Торне на ту же тему говоритъ Кондорсе, но прибѣгая къ иной аргументаціи и рекомендуя иныя средства[3]). Кондорсе обѣщаетъ указать средства, не противорѣчащія конституціи, ибо послѣдняя не можетъ, по его мнѣнію, служить «орудіемъ въ рукахъ исполнительной власти для подавленія свободы». Центръ тяжести рекомендуемыхъ имъ мѣръ

---

[1]) *А. P.* т. XLVI. стр. 141.
[2]) *Ibidem.* стр. 143.
[3]) *Ibidem.* стр. 172—179.

лежитъ въ широкомъ просвѣщеніи массъ, въ раціональной организаціи благотворительныхъ учрежденій. Но и онъ рекомендуетъ проявить неослабную энергію въ борьбѣ съ врагами народа. Покажите ему—восклицалъ онъ—что вы думаете также о его безопасности, какъ и объ его счастіи [1]). Истинный же энтузіазмъ вызываетъ Ламуреттъ рѣчью примирительнаго характера. Члены Собранія, напуганные громовыми рѣчами Верньо или Торне противъ короля и исполнительной власти, съ удовольствіемъ слушаютъ призывы Ламуретта къ единенію. Въ его высокопатетической рѣчи вырывается блестящій ораторскій эпизодъ, гдѣ онъ приглашаетъ всѣхъ поклясться вѣчнымъ братствомъ. Происходитъ сцена неописуемаго экстаза. Собраніе встаетъ какъ бы въ одномъ порывѣ. Летятъ вверхъ шляпы, депутаты лѣвой и правой обнимаются. Волненіе Собранія передается и трибунамъ. Рѣчь Ламуретта постановлено расклеить во всѣхъ департаментахъ. Бриссо, за которымъ было слово, отказывается говорить... Явившійся въ Собраніе король былъ встрѣченъ кликами: «Vive le roi! Vive la liberté!» [2]). Собраніе, подогрѣтое воспоминаніями о 20-мъ Іюня, какъ бы въ испугѣ, что оно зашло слишкомъ далеко въ своей критикѣ трона, становится на одинъ день монархическимъ. Но день прошелъ и Собраніе терпѣливо слушаетъ громадную рѣчь Бриссо, который изъ области превыспреннихъ мечтаній переноситъ вопросъ, волнующій Собраніе, на землю [3]). Чтобы спасти отечество надо забыть о партіяхъ, — говоритъ онъ — забыть о братствѣ и помнить только о народѣ, который ввѣрилъ Собранію защиту своихъ интересовъ. Будемъ принадлежать всѣ къ одной партіи—партіи народа [4])! Борьба, въ которой мы живемъ—борьба принциповъ: монархіи и свободы...

---

[1]) Кондорсе заключилъ свою рѣчь рядомъ проектовъ; изъ нихъ одинъ спеціально посвященъ вопросу объ отвѣтственности министровъ. *Ibidem.* стр. 180—181.

[2]) *А. Р.* т. XLVI. стр. 211—212. Одинъ изъ тѣхъ ослѣпительныхъ парламентскихъ дней, которыми богата конституціонная исторія Франціи, которые такъ въ духѣ народа, легко воспламеняющагося, впечатлительнаго, яркаго во всѣхъ проявленіяхъ, но быстро остывающаго и бросающагося изъ одной крайности въ другую.

[3]) *А. Р.* т. XLVI. стр 261—273.

[4]) „...Soyons tout pour le peuple—говоритъ онъ и въ концѣ своей рѣчи—rien pour les individus; soyons tout pour la loi, rien pour l'homme. A ce prix nous sommes tous frères!...“

Война объявлена противъ декларацiи, противъ суверенныхъ правъ народа. Намъ остается или похоронить конституцiю или раздавить тирановъ. Средины нѣтъ! Мы должны напрячь всѣ усилiя, рѣшиться на крайнiя средства, объявить отечество въ опасности. . Каждая минута драгоцѣнна, надо спѣшить. И далѣе Бриссо разражается грознымъ обвинительнымъ актомъ по адресу исполнительной власти. Она—корень всѣхъ золъ. Но съ этимъ зломъ можно бороться конституцiонными средствами. Конституцiя гласитъ, что король, нарушившiй присягу, считается отказавшимся отъ короны. Слѣдуетъ подумать, что хочетъ сказать конституцiя этими словами?.. [1]) Бриссо совѣтуетъ Собранiю немедля декретировать, что отечество въ опасности (§ 1), что отвѣтственность за внутреннiе безпорядки, которые могутъ послѣдовать въ случаѣ отказа въ санкцiонированiи декретовъ Собранiя, падаетъ на министровъ (§ 5), вотировать недовѣрiе настоящему министерству (§ 6), избрать специальную комиссiю изъ семи членовъ подъ именемъ «Commission de sûreté générale» для изысканiя чрезвычайныхъ мѣръ, необходимыхъ для обезпеченiя общественной безопасности (§ 10), вмѣстѣ съ образованiемъ новой комиссiи упразднить комитеты «de surveillance» и «des Douze» и передать въ нее ихъ дѣлопроизводство (§ 11)[2]).

Попытка Ламуретта вторично предостеречь Собранiе отъ при-

---

[1]) Далѣе Бриссо говоритъ: „Il faut frapper sur le cabinet des Tuileries.... La nation est le jouet de ce cabinet...“ Интересно сопоставить эти заявленiя съ вчерашними восторгами и миролюбiемъ Собранiя.

[2]) Въ этомъ же засѣданiи министръ внутреннихъ дѣлъ—Террье представилъ Собранiю, согласно его постановленiю, отчетъ о внутреннемъ состоянiи государства. Террье указывалъ на отсутствiе религiозной терпимости, питающее фанатизмъ, доказывалъ неконституцiонность нѣкоторыхъ циркуляровъ его предшественника Ролана. Циркуляры эти самымъ беззастѣнчивымъ образомъ нарушали личную свободу. Сами департаменты признаютъ незаконность нѣкоторыхъ своихъ постановленiй, которыя они стараются оправдать лишь исключительными обстоятельствами. Такъ, напр., директорiя одного департамента — указываетъ министръ — предписала, чтобы всѣ неприсяжные священники, не достигшiе 70 лѣтняго возраста, въ 24 часа оставили свое мѣстожительство и вернулись къ своимъ семействамъ (dans le sein de sa famille). Въ другихъ директорiяхъ были прямо указаны мѣста, куда должны были выбыть неприсяжные священники. Одно изъ постановленiй въ Вандеѣ гласило, что неподчинившiеся распоряженiю мѣстной власти будутъ удалены изъ предѣловъ департамента принудительнымъ путемъ и т. п. *А. Р.* т. XLVI. стр. 279—284.

нятія чрезвычайныхъ мѣръ на этотъ разъ успѣхомъ не увѣнчалась; призывы къ единенію, наэлектризовавшіе Собраніе нѣсколько дней тому назадъ, оставили его на этотъ разъ холоднымъ [1]). Слѣдующій же ораторъ Ламаркъ рисовалъ, наоборотъ, Собранію мрачныя переспективы, на тотъ случай если оно удовольствуется общими мѣрами, не прибѣгая къ объявленію отечества въ опасности. Послѣдняго страшиться нечего; это не крикъ ужаса, ибо его требуютъ именно смѣлые граждане, друзья свободы, патріоты, которые не желали бы жить, если бы отечество погибло. [2])

На другой же день отъ имени чрезвычайной коммиссіи 12-ти и соединенныхъ комитетовъ—военнаго и дипломатическаго Собранію былъ представленъ докладъ, въ которомъ мотивировалось необходимость немедленнаго объявленія отечества въ опасности [3]). Послѣ непродолжительныхъ преній президентъ возгласилъ желанную формулу при гробовомъ молчаніи Собранія. [4])

Теперь у Собранія въ рукахъ была дѣйствительная диктатура и съ ней мы вступаемъ въ послѣдній, наиболѣе лихорадочный періодъ жизни Легислативы. [5])

Объявленіе отечества въ опасности развязало руки элементамъ, настроеннымъ враждебно къ королю и его министрамъ. Оно отпѣвало королевскій тронъ при жизни. Нельзя было болѣе дискредитировать королевскую власть въ глазахъ народа [6]). Съ этого

---

[1]) Между прочимъ, Ламуреттъ высказывалъ опасеніе, что объявленіе отечества въ опасности вызоветъ въ деревнѣ, вслѣдствіе близкой жатвы, страхи и волненія и отразится неблагопріятно на всемъ крестьянскомъ хозяйствѣ. *А. Р.* т. XLVI. стр. 311—313.

[2]) *Ibidem.* стр. 313—316.

[3]) Мотивировка не представляетъ ничего оригинальнаго, воспроизводя сказанное раньше Верньо, Бриссо и другими. *Ibidem* стр. 335—337. Въ адресѣ къ арміи, который былъ составленъ въ этомъ же засѣданіи было сказано, между прочимъ: „N'oubliez pas que c'est votre Constitution qu'on attaque“. *Ibidem* стр. 344.

[4]) Оффиціальное объявленіе въ Парижѣ послѣдовало 22-го іюля.

[5]) Сейчасъ же вслѣдъ за объявленіемъ отечества въ опасности былъ изданъ декретъ, ограничивающій свободу передвиженія. Отнынѣ строго воспрещалось кому бы то ни было покидать французскую территорію. Паспорта, выданные до 28-го іюля, симъ упразднялись. Нарушившіе постановленіе декрета приравнивались къ эмигрантамъ (§ 5). *А. Р.* т. XLVII стр. 225—226.

[6]) Оларъ глубокомысленно замѣчаетъ, что объявленіе отечества въ опасности не было только „belle parole“ или „beau geste“, но мѣропріятіемъ, мѣ-

момента катастрофа виситъ въ воздухѣ; вожди Іюньскаго движенія готовятъ новый антимонархическій взрывъ и королю предстояло погибнуть въ неравной борьбѣ съ революціонно настроеннымъ Парижемъ. Въ самомъ Собраніи непрерывно раздаются требованія то солидарной отвѣтственности министровъ за все время, на которое объявлено отечество въ опасности, то ихъ отставки, то полной реорганизаціи исполнительной власти [1]). 25-го іюля Бриссо напоминаетъ Собранію о предложеніи Женсонэ объ организаціи специальной полиціи общественной безопасности, оставленномъ въ маѣ безъ послѣдствій... [2]) Бриссо заявляетъ, что необходимость въ мѣрахъ, указанныхъ Женсоннэ не только не прошла, но еще усилилась. Отрицать это могутъ или враги революціи или слѣпые и безумные. Конечно, революція сдѣлала свое дѣло; бояться возвращенія короля-деспота или Кромвеля болѣе нечего, свобода живетъ въ сердцахъ всѣхъ французовъ, но... безпорядки раздираютъ еще Францію; бунты неприсяжныхъ священниковъ, измѣна въ рядахъ нашихъ войскъ—не химера. Толкуютъ еще о республиканцахъ, но Бриссо отказывается вѣрить въ ихъ реальное существованіе. Правда, конституція даетъ законной власти исключительное право преслѣдованія и суда за преступленія противъ общественной безопасности, но, что касается самыхъ формъ розыска или преслѣдованія виновныхъ, то о нихъ нѣтъ даже и намека въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Мы можемъ наблюдать конспираціи и не имѣемъ никакихъ средствъ задушить ихъ. Прежде при Конституантѣ суще-

---

явившимъ политическую структуру Франціи, „Les français—пишетъ онъ—voient, que dans cette grave crise, ils ne peuvent, ils ne doivent compter que sur eux—mêmes. La France se sauvera donc, puisque le roi n'a pu la sauver. Quelle leçon de républicanisme!“ *Aulard.* Histoire politique de la révolution française. стр. 191.

[1]) 23-го іюля въ Національномъ Собраніи была декретирована солидарная отвѣтственность министровъ. 21-го іюля Національное Собраніе постановило довести до свѣдѣнія короля, что „le salut de la patrie commande imperieusement de recomposer le ministère“. Требованіе „отмѣны исполнительной власти“ было предъявлено Собранію одной изъ депутацій 28-го іюля. Требованіе вызвало страшное возбужденіе! 26-го іюля Бриссо дѣлаетъ предложеніе „que commission extraordinaire soit tenue d'examiner les autres qui peuvent entraîner la déchéance du trône, si ces actes ont été commis par le roi...“ *A. P.* т. XLVII. стр. 14, 80, 163.

[2]) См. выше стр. 427—428.

ствовалъ такой порядокъ. Доносъ на кого бы то ни было поступалъ въ одинъ изъ двухъ «Comités de recherches» вмѣсто теперешняго «Comité de surveillance». Доносъ долженъ былъ быть подписанъ; лицо, указанное въ немъ, вызывалось въ комитетъ и здѣсь допрашивалось. Отбирались показанія отъ свидѣтелей; протоколъ подписывался наличными членами комитета. Если противъ заподозрѣннаго открывались серьезныя улики, его временно помѣщали въ арестный домъ [1]), а прокуроръ данной общины возбуждалъ противъ него судебное преслѣдованіе. [2]) Легислатива не имѣетъ такого механизма. Если въ «Comité de surveillance» и поступаетъ доносъ, то самъ комитетъ не чинитъ никакихъ допросовъ, не занимается обезпеченіемъ вещественныхъ доказательствъ и т. п., словомъ, не занимается разслѣдованіемъ преступленія. При этомъ подобные комитеты, по самой своей природѣ, должны быть тайными, иначе они теряютъ всякій смыслъ; между тѣмъ комитетъ Легислативы вершаетъ всѣ свои дѣла гласно, ибо дѣлаетъ спеціальныя сообщенія о поступившихъ къ нему доносахъ собранію депутатовъ. Предложеніе Женсоннэ, поэтому, о предоставленіи новыхъ функцій полиціи безопасности муниципалитетамъ предпочтительно передъ мировыми судьями, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Первые пользуются среди населенія гораздо бо́льшимъ престижемъ. Принципъ же раздѣленія властей нисколько не страдаетъ, такъ какъ функціи полиціи безопасности существенно отличны отъ судебныхъ функцій. Нечего бояться того, что новыя учрежденія могутъ воскресить lettres de cachet. Вѣдь, муниципалитеты не будутъ судить того, кого они арестуютъ; судьи же попрежнему пользуются правомъ привода и ареста. Наконецъ, дѣло проходитъ черезъ цѣлый рядъ инстанцій; муниципалитетъ долженъ сообщить о начатомъ дѣлѣ директоріи дистрикта, послѣдняя — директоріи департамента. Можно бояться не того, что эта организація станетъ деспотической, а того, что и она можетъ оказаться недостаточно сильной, чтобы предупредить преступленія противъ государственной безопасности. [3])

---

[1]) Для этихъ цѣлей служилъ „maison d'arrêt de l'Abbaye".
[2]) Дѣло поступало въ „tribunal du Châtelet".
[3]) *A. P.* т. XLVII. стр. 134—139.

Горячимъ противникомъ предложенія Бриссо-Женсоннэ выступилъ Бекэй [1]). Авторы предложенія—говорилъ онъ—хотятъ создать новую чудовищную власть. Полиція безопасности, имѣющая задачей раскрытіе и преданіе въ руки правосудія преступниковъ, конечно, принадлежитъ къ судебной власти. Такъ, именно, смотрѣла на дѣло Конституанта, передавъ ея функціи органамъ судебной власти подъ надзоромъ прокурора департамента (l'accusateur public). Если же фактически полицію безопасности вѣдаютъ сейчасъ и мировые судьи и жандармерія, то послѣдняя не играетъ никакой серьезной роли, она можетъ давать исключительно приказы о приводѣ (mandats d'amener) и только мировые судьи могутъ учинять допросъ, подвергать задержанію и отпускать на свободу подозрѣваемыхъ... Не было ли бы смѣшеніемъ властей, уклоненіемъ отъ началъ, завѣщанныхъ намъ Декларацiей правъ, если бы мы поручили функціи полиціи безопасности какимъ либо инымъ органамъ, кромѣ судебныхъ. Наконецъ, Женсоннэ и Бриссо забываютъ про существованіе закона 29-го сентября, возлагающаго на полицейскихъ чиновниковъ (officiers de police) розыскъ по всѣмъ покушеніямъ на общественную и частную безопасность, не исключая тѣхъ, въ коихъ функціи обвинительнаго жюри несетъ само Законодательное Собраніе. Словомъ, существующее законодательство далеко не такъ недостаточно, какъ это стараются показать. Въ Собраніи перебывало уже множество дѣлъ по подозрѣнію въ нарушеніи общественной безопасности; не мало вынесли вы уже обвинительныхъ приговоровъ по заключеніямъ мировыхъ и прочихъ судовъ. При слухѣ о заговорѣ у насъ торопятся какъ можно скорѣй и больше доносить и арестовывать. Вамъ самимъ не разъ приходилось останавливать не въ мѣру усердствовавшихъ чиновниковъ. Было бы, поэтому, болѣе чѣмъ странно создавать еще новую спеціальную полицію, когда и существующей вполнѣ достаточно. Главная же опасность въ предложеніи Женсоннэ заключается въ предоставленіи права ареста муниципальнымъ чиновникамъ. Сколько на этой почвѣ можетъ быть сводимо личныхъ счетовъ!... Отвѣтственность же является фиктивной. Одинъ судья можетъ бояться закона или контроля общественнаго мнѣнія, но цѣлое выборное учрежденіе

---

[1]) *A. P.* т. XLVII. Стр. 193—196.

никогда не бываетъ фактически отвѣтственнымъ. Подобного права не зналъ даже и старый порядокъ съ его министерской узурпацiей права ареста, якобы во имя «ordre public»... Революцiя избавила насъ отъ тиранiи и вы бы нанесли смертельный ударъ вашей конституцiи, отдавъ индивидуальную свободу гражданъ въ жертву капризамъ и страстямъ диктаторскаго режима.

Слѣдующiй ораторъ—Геро де Сешелль, признавая необходимымъ усилить средства для защиты общественной безопасности, тѣмъ не менѣе также возражаетъ противъ проекта Женсоннэ.[1]) Онъ кажется ему и неконституцiоннымъ и нецѣлесообразнымъ. Современное законодательство, предоставляющее полную свободу мировымъ судьямъ и полицейскимъ чиновникамъ рѣшать вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли преслѣдовать данное лицо, задержать его или нѣтъ—является, по его мнѣнiю, слишкомъ опаснымъ. Де Сешелль рекомендуетъ измѣнить этотъ порядокъ такъ, чтобы полицейскiе чиновники, руководствуясь въ выдачѣ приказовъ первыми двумя главами второй части Уголовнаго Уложенiя [2]), не имѣли бы рѣшающаго голоса въ дѣлахъ о государственной безопасности, а направляли бы ихъ непосредственно въ судъ. Надо различать высшую полицiю безопасности и высшiй надзоръ (haute surveillance), который осуществляется всякимъ департаментомъ въ предѣлахъ своей территорiи. Конечно, Законодательное Собранiе осуществляетъ этотъ надзоръ только путемъ делегацiи, иначе бы онъ сводился на-нѣтъ. Делегировать же высшiй надзоръ можно только муниципальнымъ и административнымъ учрежденiямъ, потому что общественная безопасность, глубоко отличаясь отъ безопасности частной, не можетъ и находится въ вѣдѣнiи органовъ судебной власти. Высшая же полицiя безопасности не можетъ принадлежать органамъ мѣстнаго управленiя или самоуправленiя.

Пасторе, подобно Бекэю, протестуетъ противъ проекта Женсоннэ—обратить въ судей членовъ директорiи и муниципальныхъ чиновниковъ. [3]) Какъ и Бекэй, онъ видитъ въ этомъ возвращенiе къ порядкамъ абсолютной монархiи. Протестуетъ онъ также и про-

[1]) *А. Р.* т. XLVII стр. 196—199. Рѣчь де-Сешелля представляетъ тщательный детальный анализъ французской полицiи и судебной власти.

[2]) *„Attentats à la sûreté générale et à la Constitution“*.

[3]) *А. Р.* т. XLVII. стр. 229—232.

тивъ реорганизаціи «Comité de surveillance» въ «Comité de police de sûreté générale». Политическая свобода—замѣчаетъ онъ—существуетъ только при условіи раздѣленія и равновѣсія властей, иначе наступитъ олигархія. Не все ли равно, отъ какой тираніи страдать—монархической, олигархической и т. п? Между тѣмъ, присвоить слѣдственныя функціи органу, который выполняетъ въ то же время функціи жюри—значило бы похоронить свободу.

Было бы излишнимъ подробно излагать послѣдующіе pro и contra проекта Женсоннэ, занимавшіе Собраніе еще цѣлое засѣданіе 4-го августа. Противники проекта основывались, по преимуществу, на томъ, что проектъ нарушаетъ принципъ раздѣленія властей и является излишнимъ при наличности дѣйствующаго законодательства [1]), защитники утверждали, наоборотъ, что, съ одной стороны, учрежденіе новой полиціи безопасности не уменьшаетъ дѣйствительныхъ гарантій личной свободы, съ другой, что въ критическія эпохи, какъ революціонная, временное пожертвованіе гарантіями бываетъ необходимо, чтобы тѣмъ прочнѣе утвердились онѣ на будущія времена [2]).

---

[1]) Торильонъ, напр., подвергаетъ чрезвычайно тщательному анализу законодательство Конституанты и указываетъ, что созданныя ею „police municipale, police correctionnelle и police de sûreté“ вѣдали вопросы, касающіеся свободы и собственности. Для сужденія по вопросамъ о государственной безопасности Конституанта создала „Haute—Cour Nationale“, куда Собраніе отсылало всѣ дѣла, кончавшіяся обвиненіемъ (décret d'accusation). Такимъ образомъ, дѣла по „troubles ordinaires“ вѣдала муниципальная полиція, „troubles ordinaires, mais plus graves“ — исправительная полиція, „troubles accompagnés de crimes“—уголовные суды, „troubles qui intéressent l'Etat“—Верховный Національный Судъ. Эта система вполнѣ удовлетворяла Конституанту. Предложеніе-же Женсоннэ о делегаціи Законодательнымъ Собраніемъ своихъ функцій въ области полиціи государственной безопасности—невозможно уже потому, что оно не имѣетъ права делегировать что либо изъ своей компетенціи. „Ни народъ, ни конституція не дали ему на это права“. *А. Р.* т. XLVII стр. 462—465. Разумѣется, при вышеуказанной системѣ, которой держались и Конституанта и Легислатива, самая процедура отличалась крайней медленностью, и лицамъ, заподозрѣннымъ въ государственной измѣнѣ, приходилось подолгу дожидаться разсмотрѣнія своего дѣла Верховнымъ Національнымъ Судомъ. Въ приложеніи, напр., къ засѣданію 15-го декабря 91 г. имѣется интересное—„*Reclamation faite à l'Ass. Nat. au nom de l'humanité et de la justice*“ *par Allard député.* Алларъ ходатайствуетъ объ ускореніи дѣла одного старика, заподозрѣннаго въ сношеніяхъ съ эмигрантами и заключеннаго въ тюрьму уже давно. *А. Р.* т. XXXVI. стр. 129.

[2]) „Le résultat de la liberté générale—говорилъ, напр., Гойе—doit être

Былъ представленъ Собранію и цѣлый рядъ проектовъ [1]), но взрывъ, котораго ждали всѣ, который готовилъ народъ въ Парижскихъ секціяхъ и лагерѣ федералистовъ внезапно разразился, круто оборвавъ работу Легислативы. [2])

Сорганизовавшіеся Парижскіе федералисты, частью открытые республиканцы (Марсельцы), ведутъ въ іюлѣ и августѣ 92 г. правильную осаду Собранія, требуя низложенія короля, если не не-

---

sans doute le bonheur de tous les individus, mais il faut établir cette liberté générale sur des fondements solides et ce n'est qu'en lui sacrifiant momentanément la liberté individuelle qu'elle peut être consolidée dans un moment de révolution...." *А. Р.* т. XLVII. стр. 466.

[1]) Гойе представилъ два проекта: 1) одинъ объ организаціи полиціи государственной безопасности, повторявшій основные принципы проекта Жансоннэ, т. е. передававшій полицейскія функціи выборнымъ учрежденіямъ—муниципалитетамъ, директоріямъ дистриктовъ, директоріямъ департаментовъ. Высшей инстанціей являлось Національное Собраніе. 2) другой—о немедленномъ обезоруженіи всѣхъ, кто не призванъ въ число защитниковъ отечества. За скрытіе оружія, тайное ношеніе или устройство складовъ налагаются тяжкія наказанія отъ заключенія на все то время, пока отечество будетъ находиться въ опасности, до смертной казни включительно. *А. Р.* т. XLVII стр. 470—471. Проектъ организаціи полиціи безопасности, представленный Бержера былъ построенъ на иныхъ основаніяхъ. Здѣсь функціи полиціи безопасности дѣлились между мировыми судьями и окружными судами (трибуналомъ дистрикта). Если послѣдніе признаютъ ничтожнымъ или обратно утвердятъ приказъ объ арестѣ, данный мировымъ судьей, или дадутъ сами предписаніе объ арестѣ, они должны направить все дѣлопроизводство въ Національное Собраніе, отъ котораго и зависитъ или передача его въ случаѣ обвиненія въ Верховный Національный Судъ, или совершенное прекращеніе процедуры. *А. Р.* т. XLVII. стр. 471—472.

[2]) Наканунѣ взрыва министръ юстиціи Дежоли жалуется, что безпорядки растутъ съ неудержимой силой и заявляетъ Собранію, что безъ энергичнаго содѣйствія (secours le plus prompt) Законодательнаго Собранія правительству невозможно отвѣчать за общественную безопасность и спокойствіе. *А. Р.* т. XLVII. стр. 602. Возстаніе подготовлялось давно; объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣнный матеріалъ, собранный Buchez и Roux, но ближайшей побудительной причиной къ взрыву было отрицательное рѣшеніе Легислативы по вопросу о преданіи Лафайета суду. (Зас. 8-го Августа 406 голосовъ противъ 224). *Ibidem* стр. 563—577. Освобожденіе Лафайета было жестокимъ испытаніемъ для „патріотизма" тогдашнихъ Парижанъ. Законодательное Собраніе этимъ актомъ дискредитировало себя въ глазахъ населенія. Наконецъ, якобинцы, ставшіе между монтаньярами и народомъ, имѣли свою собственную армію изъ федералистовъ, созданную жирондой на мѣсто распущенной „конституціонной гвардіи" короля. Такимъ образомъ, все было готово для удара. См. *Buchez et Roux* о. с. т. XVI. стр. 399—431, т. XVII. стр. 53—54. Легислатива оставалась въ сторонѣ.

медленной отмѣны королевской власти. Въ то время какъ Законодательное Собраніе еще торгуется съ королемъ, предостерегая его отъ грозящей ему опасности и совѣтуя устами Гаде «спасти отечество и корону, взявъ хорошихъ министровъ» (bons ministres). Парижскія секціи являются въ Собраніе, съ требованіемъ низложенія династіи. Крайнимъ срокомъ онѣ назначаютъ 9-е августа. Собраніе не поспѣло съ своимъ отвѣтомъ. 10-го августа народъ самъ двинулся въ походъ противъ ненавистной ему династіи[1]).

Соціально политическое творчество перешло къ народу. Парламентъ, заигрывавшій съ королемъ, и ожидавшій, что онъ возьметъ «хорошихъ министровъ», отнынѣ долженъ былъ играть пассивную роль, быть безмолвнымъ свидѣтелемъ истинно-народной революціи.[2])

10-е августа было генеральнымъ сраженіемъ революціи со всѣмъ, что такъ или иначе тянуло къ Старому Порядку, низложеніемъ монархіи, торжествомъ демократіи[3]). Всѣ послѣдующія

---

[1]) *Aulard.* o. c. стр. 204—206, 210—213.

[2]) Якобинцы въ своемъ клубѣ за двѣ недѣли до августовскихъ событій ведутъ тѣ же разговоры, что они подымали и наканунѣ 20-го Іюня (см. выше стр. 429 прим. 2). 27-го іюля неизвѣстный ораторъ (M. . fédéré) говоритъ о необходимости „insurrection générale". Всѣ признаютъ, что нація погибнетъ, если она оставитъ хотя-бы еще на 2 недѣли исполненіе законовъ въ тѣхъ рукахъ, которымъ она ихъ ввѣрила. Но какъ поступить? Ораторъ напоминаетъ собранію обычай римлянъ, которые избирали диктатора когда отечеству грозила опасность. Послѣдуемъ за ними, не будемъ бояться диктатуры — звалъ ораторъ — она будетъ окружена народомъ. Только она можетъ спасти отечество. Другіе останавливаются на опасностяхъ диктатуры. Симонъ утверждаетъ, что для возстанія время—благопріятно. Французскій народъ готовъ встать повсюду и только ждетъ сигнала. Если поднимется Парижъ, за нимъ пойдутъ всѣ департаменты, какъ въ 89-мъ году. Споры продолжались и 1-го августа. „*La Société des Jacobins*". *Aulard (réd).* T. IV. стр. 149—151, 165.

[3]) „Le 10 Août 92 fut joué—писалъ Прудонъ—entre les hommes du mouvement et ceux de la résistance, le second acte de la Révolution. De ce moment la volonté du peuple ne rencontrant plus d'obstacle, la Révolution parut s'établir en souveraine". *P. J. Proudhon.* Oeuvres complètes. т. IX. Les confessions d'un Révolutionnaire. стр. 34. „La journée du 10 Août—пишетъ Валлонъ—est la journée suprême de l'ancienne monarchie . . . est déjà l'avènement de la République . . ." *H. Wallon.* La terreur. Etudes critiques sur l'histoire de la Révolution française. Paris. 1873. т. I. стр. 17—19. . . . . La déchéance de Louis XVI—пишетъ современный изслѣдователь—était le but depuis longtemps poursuivi. Le coup avait complètement échoué le 17 Juillet 1791; il avait presque réussi le 20 juin 1792; il fallait maintenant en assurer le succès définitif". *Paul d'Estrée.* o. c. стр. 95.

событія, даже Сентябрьскіе дни были лишь логическимъ ходомъ, неизбѣжно вытекавшимъ изъ этого революціоннаго взрыва.

Съ взятіемъ Тюльерійскаго дворца пала и самая монархія. [1]) Король сталъ плѣнникомъ Парижа, не только не довѣрявшаго въ его революціонныхъ слояхъ «бывшему» суверену, но и глубоко враждебнаго ему, видѣвшаго въ немъ главный источникъ золъ и бѣдствій, обрушившихся на страну[2]). «Мы взяли вторую Бастилію, отнынѣ Франція—свободна»—говорили якобинцы. [3])

---

[1]) Защитники короля 10-го августа были подвергнуты судебному преслѣдованію, какъ виновные въ „conspiration contre la sûreté de l'Etat" спеціальнымъ декретомъ 9-го сентября 92 г. *А. Р.* т. XLIX стр. 507.

[2]) Въ введеніи къ проекту декрета о „пріостановкѣ исполнительной власти и созваніи Національнаго Конвента", представленному чрезвычайной комиссіей 12-ти, мы читаемъ: „. . . les maux dérivent principalement des défiances qu'a inspirées la conduite du chef du pouvoir exécutif dans une guerre entreprise en son nom contre la Constitution et l'indépendance nationale". „Le peuple — пишетъ Жоресъ—sentait d'instinct la trahison du roi: c'est donc à travers le roi qu'il fallait frapper l'étranger". *Jaurès.* o. c. т. II. стр. 1207. Нелюбовь и глубокое раздраженіе къ королю со стороны Парижанъ выразились, между прочимъ, и въ томъ, что они обвиняли его въ слишкомъ хорошемъ аппетитѣ въ роковой день 10-го августа. Шометтъ, мемуары котораго Оларъ называетъ „surtout un document sur l'état d'âme des Parisiens patriotes en 1792. Il (Chaumette) exprime facilement leurs impressions en face des intrigues, des trahisons de la cour, leur foi admirable dans la raison, leur amour généreux de la Révolution" пишетъ про 10-е августа: „pendant ce temps Louis XVI comme un être dégradé accoutumé au crime buvait et mangeait comme à l'ordinaire . ." *Aulard* (éd.) *Mémoires de Chaumette sur la Révolution du 10 Août 1792* avec une introduction et des notes par Aulard. Société de l'histoire de la Révolution française. Paris. 1893. стр. II и 66.

[3]) См., напр., рѣчь Антуана 12-го августа 92 г.: съ 10-го августа—говорилъ онъ—открывается новая эра „de la liberté réconquise". „*La société des Jacobins*" т. IV. стр. 195. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается гоненіе на все „королевское". „. . . Le mot royal—пишутъ Гонкуры—est poursuivi, traqué, effacé, démoli, détruit, déchiré, lacéré, anéanti. En tout ce qui tient à la famille ou à l'ascendance auguste des Bourbons, royal est biffé. Bureaux de loteries, enseignes, tout est purifié du mot royal . . " etc. etc. *E. et J. de Goncourt.* o. c. стр. 271—273. „Le 10 Août avait été l'agonie de la royauté"—пишетъ роялистъ Нейвилль. *Hyde de Neuville.* Mémoires et souvenirs. La Révolution. Le Consulat. L'empire. Paris. 1888. стр. 21. „*Haine à la royauté* devient le cri général"—писалъ De Norvins. См. *De Norvins.* Essai sur la révolution française depuis 1789 jusqu'à l'avènement au trône de Louis Philippe d'Orléans le 7 Août 1830. I—II. Paris 1832. т. I. стр. 164.

Исполнительная власть была пріостановлена. На личныя бумаги министровъ наложены печати. Народъ приглашался созвать Національный Конвентъ, которому и предстояло указать средства, могущія утвердить суверенныя права народа, господство свободы и равенства[1]. И Легислатива лихорадочно работаетъ, чтобы облегчить роды новаго близящагося порядка. Ей приходится серьезно считаться и съ Парижской коммуной, стремившейся узурпировать власть надъ всей страной [2]. Уничтожено было дѣленіе гражданъ на активныхъ и неактивныхъ. На другой день послѣ 10-го Августа прошелъ съ ничтожными измѣненіями проектъ Женсоннэ, вызывавшій еще недавно такія страстныя возраженія [3]. Теперь молчали всѣ, подавленные величіемъ и темпомъ событій, протекавшихъ у всѣхъ на глазахъ.

Новый законъ, отдававшій личную свободу гражданъ на усмотрѣніе администраціи и коммуны, былъ актомъ, дававшимъ революціи возможность наносить безпощадные удары своимъ врагамъ [4]. Власть становилась деспотической для «спасенія отечества». Въ моменты остраго возбужденія, рѣшительной борьбы не разсуждаютъ о правахъ и гарантіяхъ, говорятъ лишь о средствахъ, коими

---

[1] *А. Р.* т. XLVII. стр. 647—648 ст. 2-я декрета. Ср. рѣчи Торне, Лафона, Женсоннэ, Террона. *Ibidem.* стр. 678—700.

[2] О поведеніи коммуны въ дни ближайшіе за 10-мъ Августа см. напр., *Paul d'Estrée.* о. с. гл. XV. особ. стр. 105—109. Изслѣдованіе d'Estrée даетъ цѣнный матеріалъ для исторіи Парижской коммуны и за эпоху Конвента.

[3] *А. Р.* т. XLVIII. стр. 37—38, 41—42. Новый законъ назывался „Décret qui charge spécialement les municipalités des fonctions de la police de sûreté générale".

[4] Новый декретъ—пишетъ Декуртэ—былъ „proclamation de l'arbitraire et de la destruction de la libérté individuelle". *Decourteix.* La libérté individuelle et le droit d'arrestation. Paris 1879. стр. 36. Столь-же сурово осудилъ новый законъ Мортимеръ — Терно. Хотя декретъ—замѣчаетъ онъ—и требуетъ, чтобы муниципалитеты давали строгій отчетъ въ своей дѣятельности совѣтамъ дистрикта, дистрикты департаментамъ, послѣдніе, наконецъ, законодательному корпусу, но всѣ эти гарантіи становятся фиктивными, благодаря безконечнымъ и неизбѣжнымъ проволочкамъ (lenteurs interminables). Кромѣ того, очевидно, что новый законъ давалъ страшную власть именно Парижской коммунѣ. Это вскорѣ должны были признать и сами творцы закона. Парижская коммуна постепенно становится государствомъ въ государствѣ. Ея „Conseil général"—„pouvoir constituant", „comité de surveillance"—„pouvoir exécutif". *Mortimer—Ternaux* о. с. т. III. стр. 22—26, 91—93 и дал.

можно обезпечить себѣ побѣду и погубить своихъ враговъ. Такъ дѣйствуютъ творческія, живыя силы въ процессѣ соціально-политической борьбы [1]. И рѣшивъ бороться съ врагами революціи всѣми средствами, Легислатива принимаетъ одну чрезвычайную мѣру за другой. Новымъ декретомъ она отдаетъ всѣхъ родственниковъ эмигрантовъ поголовно подъ надзоръ муниципальныхъ чиновниковъ; безъ спеціальнаго разрѣшенія они не могли болѣе покидать мѣста своего постояннаго жительства [2]. 15-го августа временный судъ, установленный для сужденія о преступныхъ дѣяніяхъ, связанныхъ съ событіями 10-го августа былъ признанъ безапелляціоннымъ [3].

---

[1]) 13-го августа Кондорсе отъ имени комиссіи 12, представляетъ Собранію обстоятельный докладъ съ изложеніемъ мотивовъ, руководившихъ Національнымъ Собраніемъ въ принятіи чрезвычайныхъ мѣръ со времени августовскихъ событій. Въ докладѣ былъ обстоятельно описанъ процессъ борьбы революціи съ монархіей, неприсяжными священниками, эмигрантами, лигой королей. Вопросъ о низложеніи короля назрѣлъ—говорилъ Кондорсе—его хотѣли трезво обсудить; народный взрывъ рѣшилъ иначе. Низложеніе королевской власти—единственное средство спасти Франціи свободу. *А. Р.* т. XLVIII. стр. 94—98.

[2]) *Ibidem.* стр. 181.

[3]) Ст. 6-я закона гласитъ: „Le délai de trois jours accordé par la loi entre le jugement et l'éxecution, ayant pour objet de donner aux condamnés le temps de se pourvoir en cassation est supprimé attendu que la loi du 17 de ce mois abroge le recours au tribunal de cassation". *А. Р.* т. XLVIII, стр. 384. Законодательное Собраніе долго колебалось, прежде чѣмъ принять этотъ законъ. См. *W. Blos.* Die Französische Revolution. Stuttgart. 1889. стр. 176. Бире въ своей любопытной книжечкѣ подвергъ безпощадному разбору этотъ законъ „de circonstance". Вся національная комиссія—пишетъ онъ—составилась изъ людей, дѣлавшихъ 10-е августа, и, такимъ образомъ, была одновременно и стороной въ дѣлѣ и судьей. Именно къ этому закону относятся слова Бриссо; „il ne reste donc rien à désirer ni *pour la célérité*, *ni pour la justice*". Далѣе Бире подробно останавливается на процессѣ популярнаго писателя Казотта, кончившемся присужденіемъ этого невиннаго, по мнѣнію Бире, человѣка къ смерти. *Edm. Biré.* Journal d'un bourgeois de Paris pendant la terreur. Paris. 1884. стр. 30—43. Какъ только законъ былъ изданъ, коммуна расклеила повсюду слѣдующую афишу: „Peuple souverain, suspends ta vengeance; la justice endormie reprendra aujourd'hui ses droits; tous les coupables vont périr sur l'échafaud". *Lavisse et Rambaud.* о. с. т. VIII. стр. 151. Уже въ Конвентѣ 15-го ноября 92 г. министръ юстиціи Гара жалуется на незаконное расширеніе компетенціи этого суда. По словамъ Гара, онъ вѣдаетъ не только преступленія, связанныя съ 10-мъ августа, но и тѣ, которыя вѣдали прежде „tribunal criminel du département de Paris" и „tribunal de police correctionnelle". Такимъ образомъ—замѣчаетъ Гара—временный исключительный

19-го августа Лекиніо сообщаетъ Собранію, что нѣкоторые департаменты уже прибѣгли къ спасительной и неизбѣжной мѣрѣ (mesure salutaire et indispensable)—высылкѣ неприсяжныхъ священниковъ изъ предѣловъ своей территоріи [1]). Нѣкоторые же департаменты боятся это дѣлать. По мнѣнію Лекиніо, необходимо, чтобы Собраніе уполномочило департаменты принимать любыя мѣры (mesures de sagesse et d'énergie), которыя имъ могутъ подсказать—патріотизмъ, данныя обстоятельства и мѣстныя условія. Еще въ болѣе радикальномъ духѣ говорилъ Камбонъ. Въ результатѣ Легислатива поручила чрезвычайной комиссіи представить общій докладъ о мѣрахъ, которыя можно было бы принять противъ неприсяжныхъ священниковъ [2]).

Докладъ этотъ служитъ предметомъ горячихъ преній 23, 25 и 26-го августа. Докладъ проектировалъ высылку всѣхъ неприсяжныхъ священниковъ въ теченіе 24 часовъ изъ предѣловъ дистрикта, въ теченіе 3-хъ дней изъ предѣловъ департамента и не болѣе чѣмъ двухъ недѣль—предѣловъ королевства [3]). Но и этотъ законопроектъ казался многимъ недостаточнымъ. Одни требуютъ его распространенія также на шапуановъ и монаховъ—«espèce si dangereuse», другіе, какъ Камбонъ, убѣждаютъ выслать всѣхъ священниковъ въ французскую Гвіану, чтобы они не могли агитировать въ Европѣ противъ Франціи. Ребуль называетъ это предложеніе варварскимъ. Лассурсъ, протестуя противъ него, говоритъ, что ссылать свя-

---

судъ разсматриваетъ самые легкіе проступки и выноситъ безапелляціонные приговоры. Конвентъ постановилъ: реставрировать судъ исправительной полиціи, признать приговоры исключительнаго суда подлежащими кассаціи, наконецъ, заслушать спеціальный докладъ объ условіяхъ совершеннаго закрытія временнаго трибунала. *А. Р.* т. LIII. стр. 427—428. Первое засѣданіе этого суда было 25-го августа, послѣднее 30-го ноября 92 г. Изъ 50 разобранныхъ въ немъ дѣлъ политическихъ было только 13. См. *Ch. Berriat Saint—Prix*. La justice révolutionnaire à Paris, Bordeaux, Lyon, Nantes, Orange, Strasbourg d'après les documents originaux. Paris. 1861. стр. 7—8.

[1]) Въ Іюлѣ 92 г. движеніе противъ неприсяжнаго духовенства по отдѣльнымъ мѣстамъ достигло крайняго напряженія. Въ Бордо происходили избіенія, въ Анжерѣ и Лавалѣ арестовали до 800 неприсяжныхъ священниковъ. Такія же преслѣдованія имѣли мѣсто въ Дижонѣ, Греноблѣ и другихъ мѣстахъ. *Buchez et Roux*. о. с. т. XVI. стр. 258—260.

[2]) *А. Р.* т. LXVIII. стр. 367.

[3]) *Ibidem*. стр. 667.

щенниковъ въ Гвіану—значило бы послать на вѣрную смерть отъ 50 до 60 тысячъ человѣкъ. Въ концѣ концовъ, поправка Камбона была отклонена и былъ принятъ проектъ комиссіи лишь съ измѣненіемъ въ срокахъ высылки. Суточные и трехдневные сроки для оставленія территоріи дистрикта и департамента были замѣнены недѣльнымъ срокомъ. Изъ другихъ статей этого декрета [1]) обращаютъ на себя вниманіе ст. 3-я и 5-я, которыя гласятъ, что неприсяжные священники, не сдѣлавшіе въ указанные сроки мѣстнымъ властямъ соотвѣтствующихъ декларацій и не взявшіе у нихъ паспортовъ, высылаются по этапу во французскую Гвіану, тѣ же, которые, выправивъ паспорта, останутся или вновь вернутся на покинутую ими территорію, будутъ подвергнуты 10 лѣтнему тюремному заключенію [2]).

29-го августа былъ изданъ декретъ о производствѣ повальныхъ обысковъ во всѣхъ коммунахъ для конфискаціи скрытаго оружія; тѣ, у которыхъ было бы найдено оружіе, зачислялись въ категорію «suspects». Обыски было предписано совершить съ возможной быстротой не болѣе чѣмъ въ недѣльный срокъ по опубликованіи декрета [3]). 12-го сентября былъ изданъ декретъ о конфискаціи дви-

---

[1]) *A. P.* т. XLIX. стр. 8—9.

[2]) 17-го сентября былъ изданъ новый декретъ, превосходившій своей суровостью августовскій законъ. Новый декретъ категорически воспрещалъ неприсяжнымъ священникамъ, покидающимъ французскую территорію въ силу закона 26 августа 92 г., эмигрировать въ тѣ страны, которыя вели войну съ Франціей. Нежелавшіе подчиниться этому требованію по задержаніи могли быть подвергнуты высылкѣ въ Гвіану. *A. P.* т. L. стр. 85—86. Законъ 26 августа исполнялся неукоснительно. Объ этомъ можно судить по докладу Ролана, представленному въ Конвентъ въ январѣ 93 г. Ролапъ говоритъ, что этому закону Франція обязана искорененіемъ фанатизма. Роланъ предполагаетъ, что добровольно покинуло предѣлы Франціи отъ 10 до 11 тысячъ человѣкъ. „Пусть нападаютъ на этотъ законъ, называютъ его „arbitraire, inquisitoriale“ и т. п., я—заключилъ Роланъ—всегда рекомендовалъ точное и строгое его исполненіе“. *A. P.* т. LVI. стр. 633—704.

[3]) *A. P.* т. XLIX стр. 78, 90. Въ мотивахъ къ новому декрету мы читаемъ: „..le salut public exige impérieusement de nouvelles mesures de sûreté générale...“ Въ Парижѣ обыски производились въ ночь съ 29 на 30 августа и продолжались до вечера 31-го. Тюрьмы были переполнены арестованными, но точное ихъ число установить невозможно. Отдѣльные изслѣдователи указываютъ цифры между 3000 и 8000. Главную массу составляли священники. Вмѣсто 80.000 ружей, обѣщанныхъ Дантономъ, нашли только 200. См. *Dareste* о. с. т. VII стр. 369—370., *Martin.* о. с. т. I стр. 336., *Mortimer-Ternaux.* о. с. т. III. стр. 136—142.

жимаго и недвижимаго имущества эмигрантовъ. Рядомъ съ мѣрами общаго характера былъ предпринятъ и цѣлый рядъ чрезвычайныхъ мѣръ, имѣвшихъ чисто мѣстное значеніе [1]).

Въ такой лихорадочной атмосферѣ, напоенной подозрительностью и злобой, живутъ Парижъ и Франція послѣднихъ дней передъ Конвентомъ [2]). Правительство обращается въ одушевленную, страстную партію, защищающую свое дѣло, свои политическіе идеалы, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями и не брезгая никакими средствами. Спасеніе страны отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ становится лозунгомъ его; для него оно воздвигаетъ многочисленныя гекатомбы, для него не щадитъ оно жертвъ. Увлеченные идеей спасенія, фанатически настроенные, члены Законодательнаго Собранія живутъ великой исторической минутой, отдавая ей всѣ свои помыслы, мечтая о новой счастливой эпохѣ, которую они откроютъ слабому или заблуждающемуся человѣчеству, не боясь никакой отвѣтственности и творя, разрушая. Никакія жертвы имъ — въ одно время любящимъ и ненавидящимъ — не страшны. Таковы были Дантонъ, Маратъ, С. Жюстъ, отчасти Робеспьеръ. И сентябрьскія убійства—лишь кровавая иллюстрація къ этой фанатической творческой психикѣ.

До сихъ поръ исторія не могла дать точнаго отвѣта на вопросъ, кто является истиннымъ виновникомъ сентябрьскихъ дней?

Они стали настолько мрачнымъ пятномъ въ жизни Легислативы, что позже всѣ стремились снять съ себя тяжесть этого историческаго грѣха и перенести его на другихъ. Сентябрьскія

---

[1]) Такъ, напр., въ засѣданіи 29 августа Лекуантъ-Пюйраво сообщаетъ Собранію, что въ дистриктѣ „Châtillon“ департамента „Deux-Sèvres“ мятежъ объясняется исключительно присутствіемъ громаднаго числа неприсяжныхъ священниковъ. Собраніе немедленно постановляетъ, что уголовные суды упомянутаго департамента являются послѣдней инстанціей и обжалованіе ихъ приговоровъ—невозможно. *А. Р.* т. XIX. стр. 84.

[2]) Приподнятое настроеніе накануне сентябрьскихъ событій чувствуется и въ петиціяхъ, направляемыхъ въ Національное Собраніе. Такъ, напримѣръ, въ „pétition des domestiques“, редактированной Анахарзисомъ Клотцемъ и представленной Собранію 28-го августа 92 г., слуги, требуя гражданскихъ правъ, между прочимъ, пишутъ: „...Notre civisme ne s'est pas démenti depuis le commencement de la Revolution. Nous sommes des *sans-culottes enragés*“. (Курсивъ—мой А. Б.). *А. Р.* т. L. стр. 671—672.

убійства стали рисовать, какъ анонимное дѣло, не имѣющее опредѣленныхъ вдохновителей [1]).

Громадное большинство историковъ, однако, склонно обвинять правительство, если не въ прямой организаціи сентябрьской бойни, то, по крайней мѣрѣ, въ попустительствѣ [2]). Бюшезъ и Ру, называя однимъ изъ главныхъ виновниковъ сентябрьскихъ дней Марата, квалифицируютъ ихъ какъ «une affaire administrative» [3]). Весьма многіе возлагаютъ вину за сентябрьскіе дни на Дантона или Марата. Кинэ, напримѣръ, находитъ, что даже самая форма сентябрьскихъ убійствъ носитъ на себѣ печать Маратовскаго генія [4]).

---

[1]) Фабръ д'Еглантинъ въ засѣданіи Якобинскаго клуба 5-го ноября 92 г., возвращаясь къ событіямъ 2-го сентября, говорилъ, между-прочимъ: „ce sont les hommes du 10 Août qui ont enfoncé les prisons de l'Abbaye, et celles d'Orléans et celles de Versailles.“ „*La Société des Jacobins*“. Aulard (red) т. IV. стр. 462. „L'horrible massacre—пишетъ Э. Оливье—est une convulsion anonyme, telle que les journées de juin 1848. La préméditation est évidente, et cependant on ne peut remonter à son origine, qui reste mystérieuse. Les partis manquent de justice en essayant de se souiller réciproquement de cette honte et de ce sang“. *Emile Ollivier.* 1789 et 1889. Paris. 1889. стр. 114—115.

[2]) „Il parait donc que dans cette crise terrible, tout ce qu'on n'a pas fait on l'a laissé faire...“ *Dubois Crancé.* Analyse de la Révolution française depuis l'ouverture des Etats Généraux jusqu'au 6 Brumaire an IV de la République. Paris. 1885 стр. 100. „...Tous les pouvoirs—пишетъ Жоресъ—sont intervenus ou tardivement ou mollement. , il n'y eut aucune action commune et forte des pouvoirs constitués...“ *Jaurès* o. c. т. III. стр. 52—53. Гара въ своихъ мемуарахъ о революціи пишетъ про сентябрьскихъ убійцъ: „Легислатива, которая не могла имъ помѣшать, ничего не сдѣлала, чтобы ихъ наказать.... Конвентъ хранилъ то́-же молчаніе... Les tribunaux étaient muets et immobiles; la nation entière avait frémi et elle se taisait....“ *Buchez et Roux.* o. c. т. XVIII. стр. 300. „Laissez faire, laissez tuer“ c'était, ce semble, le 3 au matin, la pensée de la Commune“—пишетъ Мишле. *J. Michelet.* Histoire de la Révolution française. т. III. стр. 398. Коммуна и Робеспьеръ, въ частности, пишетъ Мартэнъ—были настроены „tout laisser faire“. *Martin.* т. I. стр. 340.

[3]) *Buchez et Roux.* o. c. т. XVII. стр. 404—405. Въ сентябрьскихъ убійствахъ—писалъ Валлонъ—on ne voit pas une fureur qui enivre et emporte, c'est une besogne qui s'éxécute, c'est un égorgement à froid, régulier, méthodique, exécuté sous l'oeil de l'administration“. *H. Wallon.* o. c. I. стр. 36.

[4]) „Les massacres de Septembre—пишетъ онъ—sont une idée de Marat; ces journées gardèrent jusqu'au bout la trace de leur auteur. On devait y voir ce mélange de panique et de fureur, de crédulité et de prétention aux Coups

Оларъ, благосклонно настроенный къ Дантону, стремится доказать, что послѣдній пробовалъ предупредить сентябрьскіе дни, предложивъ цѣлый рядъ мѣръ, способныхъ направить безпокойную жажду дѣятельности парижанъ на что либо иное. Дантонъ требовалъ, напримѣръ, немедленнаго и строгаго осужденія вождей побѣжденной партіи, чтобы лишить народъ предлога къ тому безпощадному массовому избіенію, которое отстаивалъ Маратъ. Не успѣвъ помѣшать избіенію—замѣчаетъ Оларъ—онъ не хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, преслѣдовать его виновниковъ, чтобы не возбуждать гражданской войны, въ которой правительство должно было быть неминуемо побѣждено и утратило бы свой престижъ... Во всякомъ случаѣ, Дантонъ не былъ ни провокаторомъ, ни участникомъ убійствъ. Вина лежитъ на Маратѣ или, быть-можетъ, еще болѣе на Старомъ Порядкѣ, который не пріучилъ цѣнить человѣческую жизнь [1]). Наоборотъ, другіе полагаютъ, что именно Дантонъ былъ

---

d'Etat, de férocité et de moquerie, de sophisme dans l'extermination, de sécurité dans le délire, en un mot, cet appel au crime au nom du droit, qui est tout Marat". *Edgar Quinet.* La Révolution. Paris. 1865. т. I. стр, 379—380.

[1]) *Aulard.* Etudes et leçons sur la Révolution française. I série. Paris. 1893. т. II. стр. 104—106. *Его-же.* Taine historien de la révolution française. стр. 159—162. Въ одной изъ своихъ раннихъ работъ Оларъ называетъ Дантона „l'organisateur de ce grand mouvement patriotique qui souleva la France, en septembre 92, contre l'invasion". „l'homme d'Etat de la Révolution". „Parmi les héros de la Révolution française—пишетъ онъ даже про него—nul ne fut plus moral, plus instruit, plus humain, plus pur d'argent, plus pur de haine... Cet homme d'Etat fut, à tous égards,... un véritable homme de bien.." Въ изображеніи Олара—Дантонъ боялся, чтобы Парижане не осквернили своихъ побѣдъ кровавыми репрессаліями и не расправились сами съ многочисленными заключенными. Поэтому, онъ приложилъ всѣ старанія къ скорѣйшей организаціи суда 17 августа 92 г., призваннаго судить роялистскихъ заговорщиковъ. „Mais, hélas!—кончимъ мы подлинными словами Олара—il était trop tard: cette institution ne rendit pas le calme aux coeurs inquiets et l'aveugle colère des Parisiens salit un instant la Révolution par les massacres des 3.4 et 5 septembre". См. *F. A. Aulard.* Les grands Français. Danton. Bibliothèque d'éducation nationale. Collection Picard. Paris. 11 édition. стр. 5—6, 32—33, 37, 60. Жоресъ, осуждая сентябрьскія убійства, всячески выгораживаетъ Дантона. „Il ne crut pas de son devoir de ministre révolutionnaire—пишетъ онъ про него—et patriote d'entrer en lutte avec ces forces populaces égarées. Comment épurer le metal des cloches quand elles sonnent le tocsin de la liberté en péril". *Jaurès.* o. c. т. III. стр. 77. Противорѣчіе, являющееся результатомъ одновременнаго преклоненія предъ государственностью и свободой. Madame de Staël объясняетъ неслыханный взрывъ жестокости долгими

главнымъ творцомъ бойни и утверждаютъ, что онъ лишь впослѣдствіи стремился придать этому дѣлу нѣкоторый ореолъ, связывая его съ глубокими политическими комбинаціями[1]).

Чтобы искать виновныхъ въ сентябрьскихъ дняхъ, необходимо вернуться къ тѣмъ событіямъ, которыя имъ непосредственно предшествовали. Справедливо говорятъ Бюшезъ и Ру, что сентябрьскіе дни были подготовлены общимъ состояніемъ Парижа. Въ самомъ дѣлѣ: непрестанные обыски для розыска оружія, приготовленія къ отъѣзду почти въ каждой семьѣ, многочисленныя афиши на стѣнахъ, въ которыхъ то министры, то Легислатива, то коммуна, то секціи, то, наконецъ, простые граждане обращались къ народу[2])—

страданіями французскаго народа. „Qu'aucun peuple n'avait été aussi malheureux depuis cent ans que le peuple français. Si les nègres de Saint-Domingue ont commis plus d'atrocité encore, c'est qu'ils avaient été plus opprimés". *M. de Staël.* „Considérations sur les principaux événemens de la Révolution Française" т. II стр. 118. *Marrast* и *Dupont* въ своихъ „*Fastes de la Révolution*", называя сентябрьскіе дни даже „grand acte de justice populaire", считали ихъ „spontanées, necessaires, en quelque sorte fatales..." Нѣкоторые органы періодической печати отозвались такимъ же образомъ на это событіе. „*Bulletin de tribunal criminel*" говоритъ, напр., о сентябрьскихъ дняхъ, какъ „d'un évenement imprévu et que le bien de la chose publique a malheureusement rendu indispensable.." Другіе говорятъ про „justice terrible, mais nécessaire, mais nécessitée". Нѣкоторые, наконецъ, говорятъ объ избіеніи съ ледянымъ хладнокровіемъ. См. *Mortimer-Ternaux.* о. с. т. IV, стр. 413—424. Особенно неистовствовалъ „*Le Père Duchesne*", которому сентябрьскихъ жертвъ казалось мало и который науськивалъ народъ также на „les feuillantins, royalistes, fayettistes, signataires de pétitions.." См. *Paul d'Estrée.* о с. гл. XVI-ую passim.

[1]) „Danton—пишетъ Карне—enchaîné à ce crime par une chaîne d'airain,.. s'efforca de l'ennoblir en le liant à une combinaison profonde..." Самъ Карне видитъ въ немъ лишь „calcul d'escrocs et un coup de main de voleurs". *Le Comte Louis de Carné.* Etudes sur l'histoire du Gouvernement Représentatif en Françe de 1789 à 1848. Paris. 1855. т. I стр. 196. Мортимеръ-Терно, называющій виновниками сентябрьскихъ дней Marat, Danton, Robespierre, Manuel, Hébert, Billaud-Varennes, Panis, Sergent, Fabre d'Eglantines, C. Desmoulins и дюжину другихъ подозрительныхъ (plus obscurs) членовъ „Comité de surveillance" и „Conseil général de la Commune" сочувственно цитируетъ Л. Блана: „Entre Danton, concourant aux massacres parce qu'il les approuve et Robespierre, ne les empêchant pas, quoiqu'il les déplore, je n'hésite pas à déclarer que le plus coupable, c'est Robespierre..." *Mortimer-Ternaux.* о. с. т. III. стр. 188—190. Нейвилль называетъ Дантона „l'instigateur, le témoin impassible et complaisant des massacres du 2 septembre.." *Hyde de Neuville.* о. с. стр, 106.

[2]) Уже въ іюлѣ, когда начинается особенно лихорадочная дѣятельность Парижскихъ секцій въ республиканскомъ смыслѣ, повсюду стали расклеиваться

одни, рекомендуя ему довѣріе къ власти и приглашая къ спокойствію, другіе, взывая къ его энергіи, третьи, просто сѣя возбужденіе, навязывая одни имена, настраивая противъ другихъ; непрестанное зрѣлище вооруженныхъ людей, то готовящихся къ походу, то уже отправляющихся [1]), слухи о непрерывныхъ арестахъ и убійствахъ въ провинціи... все это, конечно, должно было энервировать населеніе, легко вызывая у него то взрывъ энтузіазма, то порывы отчаянія [2]). Наконецъ, сюда присоединилось также и то, что послѣ 10-го августа повсюду шли безконечные аресты. Брали въ домахъ, на улицахъ, площадяхъ, садахъ; не хватало экипажей, чтобы развозить арестованныхъ по тюрьмамъ [3]). Безчисленные приказы объ арестахъ, исходившіе отъ муниципальныхъ чиновниковъ, и являются главной причиной сентябрьскаго взрыва [4]). Какъ объяснить убійства, про-

плакаты подъ общимъ именемъ: „avis aux Parisiens“, въ которыхъ народъ грозитъ местью своимъ врагамъ и гарантируетъ, наоборотъ, личную безопасность и охрану собственности тѣмъ, кто встанетъ на защиту его правъ. 2-го сентября въ 12 часовъ дня „Cons. Géner. de la Commune“ выпустилъ афишу, въ которой зоветъ народъ къ оружію, ибо „l'ennemi est à nos portes“, приглашаетъ запереть заставы, обезоружить подозрительныхъ. Начинаютъ стрѣлять изъ пушекъ, бьютъ въ набатъ; всеобщее смятеніе и возбужденіе. *Buchez et Roux* т. XVI. стр. 239—251, т. XVII. стр. 407—408.

[1]) Военный министръ Серванъ въ своей исторіи войны 1792 г. указываетъ, что вплоть до первыхъ неудачъ пруссаковъ изъ Парижа отправлялось ежедневно не менѣе 1800 вооруженныхъ и экипированныхъ людей.

[2]) *Buchez et Roux.* o. c. т. XVII стр. 333, 396—397.

[3]) См. *M. de Staël.* o. c. т. II стр. 63. Особенно, какъ было указано выше, много арестовъ было произведено въ ночь съ 29 на 30-е августа въ исполненіе декрета 29-го августа. Наконецъ, 13-го августа Парижская коммуна издала общее распоряженіе о паспортахъ, возстановивъ свободу передвиженія изъ Парижа и обратно, но 29-го числа отмѣнила это распоряженіе. *Buchez et Roux.* o. c. т. XVII стр. 192—193.

[4]) Парижская коммуна имѣла свой Comité de Surveillance“, въ которомъ господствовалъ Маратъ. Въ засѣданіи 12-го августа 92 г. коммуна дѣлаетъ слѣдующее постановленіе: „Le Conseil—général arrête, que les empoisonneurs de l'opinion publique, tels que les auteurs des divers Journaux seront arrêtés, et que leurs presses, caractères et instruments seront distribués entre les imprimeurs patriotes, qui seront mandés à cet effet... L'Assemblée nomme MM. C.., P.., et R.. commissaires, à l'effet de se rendre au bureau de l'administration et d'envoi de la poste, pour arrêter l'envoi des papiers aristocratiques entre autres, le Journal Royaliste, l'Ami de Roi, la Gasette Universelle, l'Indicateur, le Mercure de France, le Journal de la Cour et de la Ville, la Feuille du Jour, ouvrages flétris dans l'opinion publique, dont ils empêcheront l'envoi dans les provinces“. (Procès—verbal de la Commune de Paris, séance

должающіяся нѣсколько дней на глазахъ у всѣхъ, въ присутствіи властей, притомъ въ Версали по тому же плану, что и въ Парижѣ,какъ не тѣмъ, что министры, магистратура, законодатели были безсильны бороться съ разразившейся бурей и она одна повелѣвала событіями [1]). Однако, въ другомъ мѣстѣ Бюшезъ и Ру даютъ нѣсколько иное объясненіе сентябрьскимъ убійствамъ. Несомнѣнно, говорятъ они, первоначальной цѣлью всѣхъ арестовъ было стремленіе — поставить всѣхъ «подозрительныхъ» предъ лицомъ закона. Но возможно, что сосчитавъ число плѣнныхъ и сообразивъ, на сколько времени могутъ затянуться судебные процессы, невольно задумались о способахъ скорѣйшаго избавленія отъ нихъ. Прежде всего въ Парижѣ стали подумывать о высылкѣ и, дѣйствительно, неприсяжныхъ священниковъ выслали.., но постепенно родилась ужасная мысль и когда она, повидимому, созрѣла вполнѣ, «Comité de surveillance» вновь допросилъ заключенныхъ и многихъ освободилъ. Если провѣрить регистратуру, оказывается, что maximum освобожденій падаетъ на 31-е августа и 1-е сентября. Наконецъ, есть еще одно любопытное свидѣтельство. Уже въ послѣднихъ числахъ августа былъ

---

du 12 août 1792). Цит. изъ *Collection de matériaux pour l'histoire de la révolution de France depuis 1787 jusqu'à ce jour. Bibliographie des journaux.* Par *M. Deschiens.* Paris 1829. стр. VII прим. 1 .

[1]) *Buchez et Roux* o. c. т. XVIII стр. 309. „*Mémoires sur la Révolution par D.-J. Garat*“. Дюваль разсказываетъ о любопытномъ столкновеніи между „Conseil général“ коммуны Герэ и директоріей департамента 2-го сентября 92 г. Conseil занесъ въ число „подозрительныхъ“, въ домахъ которыхъ было рѣшено произвести обыскъ, четырехъ членовъ директоріи. Послѣдняя выступила съ энергичнымъ протестомъ. Дѣло объяснялось слѣдующимъ: непосредственно за событіями 10-го августа директорія имѣла по поводу текущихъ событій тайное совѣщаніе, не занесенное изъ предосторожности въ реестры. На этомъ собраніи высказывались опасенія за прочность самой центральной власти. „D'après les premières nouvelles qui nous parviennent—говорилось тамъ, напримѣръ,—nous croyons pouvoir douter de la liberté de l'Assemblée nationale elle même“. Наоборотъ, Conseil général съ энтузіазмомъ принялъ извѣстіе о революціи 10-го августа. Inde irae. Аресты производились наспѣхъ. Многихъ хватали случайно. Одинъ инженеръ, напримѣръ, жалуется: „L'a-t-on jamais entendu déclamer contre la liberté et l'égalité? Il n'a au contraire montré qu'obéissance et soumission aux Corps Constitués: il est l'enfant et l'ami de la République“. Такіе случаи лучше всего показываютъ, какая страшная сила находилась въ рукахъ у муниципалитетовъ. *Louis Duval.* Archives révolutionnaires du département de la Creuse 1789—1794. Guéret. 1875. стр. 127—140.

данъ приказъ о томъ, чтобы заключенныхъ ни въ чемъ не стѣсняли и разрѣшали даже самимъ заказывать ужинъ. И дѣйствительно, по отзыву немногихъ спасшихся за эти дни, столъ въ послѣдніе два, три дня былъ «servie avec une délicatesse inusitée...» Между тѣмъ, извѣстно, что система ни въ чемъ не отказывать заключенному, пускается обычно въ ходъ передъ осужденіемъ на смерть [1]). Такимъ образомъ, здѣсь Бюшезъ и Ру склоняются уже къ тому, что ужасная мысль покончить сразу со всѣмъ живымъ грузомъ, обременявшимъ администрацію, принадлежала самому правительству. Оно и подготовило ударъ.

Послѣдняя версія представляется и намъ наиболѣе правильной. Какъ мы уже говорили выше, Парижъ и Франція были неспокойны. Народъ давно жилъ въ такомъ напряженіи, что достаточно было искры, чтобы вызвать страшный пожаръ. Каждый день приносилъ слухи о новыхъ опасностяхъ, новыхъ заговорахъ. Возможность реализаціи того благоденствія, которое нѣкогда сулила революція, отодвигалась все дальше и дальше. Ожесточеніе, подозрительность, ненависть достигли крайнихъ предѣловъ. Если теряла голову масса, то центральное правительство давно уже утратило всякое самообладаніе. Электризуя себя своими чрезвычайными мѣропріятіями, упоенное внѣшнимъ могуществомъ своей власти, оно ставитъ себѣ грандіозную задачу—спасти страну. Средства спасенія оно видитъ въ нанесеніи быстрыхъ и рѣшительныхъ ударовъ своимъ врагамъ, не считаясь ни съ ихъ послѣдствіями, ни съ ихъ характеромъ [2]). Сентябрьскіе дни были необходимымъ завершеніемъ 10-го августа. Законъ объ организаціи «полиціи государственной безопасности» обратилъ чуть-ли не всѣ учрежденія страны въ спеціальные аппараты для уловленія «подозрительныхъ». Патріотизмъ и страхи наполнили всѣ тюрьмы и у загипнотизированныхъ руководителей невольно родилась соблазнительная мысль избавить Францію однимъ ударомъ отъ ненавист-

---

[1]) *Buchez et Roux* o. c. т. XVII. стр. 403—404.

[2]) „...Comme un homme attaqué en guet-apens par 1000 assaillants à la fois—пишутъ Бюшезъ и Ру—nous la verrons (la France) frapper en désesperée et frapper sans cesse jusqu'à ce que tout se taise autour d'elle, jusqu'à ce que le silence succède aux cris, l'obéissance à la rébellion, la terreur aux menaces“. *Ibidem.* т. XV стр. 241.

ныхъ элементовъ. Заключенные были принесены въ жертву. Ихъ кровь должна была утолить ту жажду, которой томилась Франція. Безъ подобной диверсіи месть народа легко могла обрушиться на голову самого правительства.

Такимъ образомъ, революціонный народъ былъ исполнителемъ, правительство указующимъ перстомъ [1]).

9-го октября 92 г. въ чрезвычайномъ засѣданіи якобинцевъ подъ предсѣдательствомъ Петіона, нѣкій С., между прочимъ, говоритъ, что они—«провинціалы, патріоты, чистые какъ солнечные лучи», читая «Patriote français» и «Chronique de Paris», полагали, что революцію 10-го августа дѣлали жирондисты... Мы ошибались, ее сдѣлали якобинцы!..» «...Nous avons applaudi—говорилъ онъ при громкомъ одобреніи аудиторіи—n'en déplaise a quelques consciences timorées, à l'événement du 2 Septembre: de grandes crises sont nécessaires pour purifier un corps gangrené; il faut couper des membres pour sauver le corps...» [2]).

---

[1]) Не надо забывать той громадной роли, которую играетъ съ 10-го августа Парижская революціонная коммуна. 10-е Августа, какъ мы видѣли выше, цѣликомъ принадлежитъ ей. Она не боится вступать въ открытыя столкновенія съ менѣе рѣшительной Легислативой. Оларъ, спасая Дантона отъ обвиненій въ прикосновенности къ сентябрьскимъ убійствамъ, утверждаетъ, что коммуна иногда парализовала дѣйствія исполнительнаго совѣта. Ей были ввѣрены и отнятыя у департамента функціи высшей полиціи безопасности. „Cést ce qu'on appelle, parfois la dictature Parisienne, qui ne fut point une veritable dictature, mais une participation de la Commune de Paris aux opérations du Conseil exécutif". *Aulard* o. c. стр. 220. Имѣется также въ высшей степени любопытный документъ, рисующій отношеніе коммуны къ сентябрьской бойнѣ. Этотъ документъ—инструкція нѣкоего „Royau dit Guermeur", оглашенная въ Конвентѣ въ засѣданіи 4-го марта 93 г., по поводу ареста самого Гермёра. Въ инструкціи попадается слѣдующее мѣсто: „...La commune de Paris se hâte d'informer ses frères des départements, qu'une partie de ces conspirateurs, qui étaient dans les prisons, a été mise à mort par le peuple; acte de justice qui lui a paru indispensable pour retenir par la terreur, des légions de traîtres retenus et cachés dans ses murs... La Commune espère que la nation entière après la longue suite de trahisons qui l'on conduite sur le bord de l'abîme, s'empressera d'adopter ce moyen si nécessaire au salut public, le seul d'ailleurs qui puisse sauver la République..." *A. P.* т. LIX. Стр. 600—601. См. т. *Paul d'Estrée.* o. c. стр. 129—130.

[2]) „*La Société des Jacobins*" Aulard (réd) т. IV стр. 372. Отношеніе жиронды было, конечно, иное. „Сентябрьскіе дни—пишетъ г-жа Роланъ въ своихъ мемуарахъ—были дѣломъ лишь немногихъ опьяненныхъ тигровъ". *Роланъ.* Личные мемуары. Пер. Вернадской съ изд. C. A. Dauban. Изд. Истор.

Въ послѣднихъ словахъ—шаблонная философія государственности. Спасеніе цѣлаго достигается принесеніемъ въ жертву индивидуальности. Но и панегиристы этой точки зрѣнія осуждаютъ сентябрьскую бойню, какъ дѣло, способное принести революціи гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы. Жоресъ называетъ сентябрьскіе дни—«brève exaltation de fureur», «un obscurcissement de la raison et de l'humanité» и горячо оспариваетъ тѣхъ, кто видитъ въ сентябрьскихъ дняхъ «экстазъ правосудія». «Acte procède de la peur—говоритъ онъ—et des férocités aveugles que suscite la peur. Par là il est vil; et aussi il est sot, car il a fait à la Révolution, dans le monde, dans l'histoire, infiniment plus de mal que n'en auraient pu faire, même lâches dans Paris, les prisonniers qu'on égorgea...»[1]).

Число жертвъ сентябрьскихъ дней никогда не могло быть опредѣлено съ точностью. Трюшонъ въ своемъ докладѣ Собранію о бойнѣ, происходившей только 2-го числа, считаетъ число погибшихъ за этотъ день въ 400 человѣкъ[2]). Тэнъ пишетъ, что въ теченіе 6 дней и 5 ночей шли безпрерывныя убійства и что въ этой рѣзнѣ погибло всего 1368 человѣкъ[3]). Мартэнъ опредѣляетъ число

Общ. при Имп. С-Пб. Унив. „Историч. Обозрѣніе". 1893 т. VI и 1894 т. VII. стр. 39. Жоресъ, какъ всегда, беретъ подъ свою защиту Дантона, нападая на самоё Роланъ „...Elle ne sortit jamais—пишетъ онъ про нее—de Plutarque et de Rousseau... Elle ne comprit qu'un moment Robespierre et ne comprit jamais Danton. Elle contribua à isoler la Gironde dans un stoïcisme déclamatoire et impuissant... Elle n'avait formé aucun dessein précis..." *Jaurès.* o. c. т. II. стр. 1164.

1) *Jaurès.* o. c. т. III. стр. 51—52.

2) По свѣдѣніямъ Трюшона погибли, главнымъ образомъ, участники событій 10-го августа и поддѣлыватели ассигнацій.

3) Изъ нихъ лицъ духовнаго званія—253. По отдѣльнымъ тюрьмамъ число убитыхъ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: 171—въ „Abbaye", 169—въ „Force", 223—въ „Châtelet", 328—въ „Conciergerie", 73—въ „tour Saint-Bernard", 120—въ „Carmes", 79—въ „Saint-Firmin", 170—въ „Bicêtre", 35—въ „Salpetrière". *Taine.* o. c. т. II стр. 307. См. т. чрезвычайно любопытный матеріалъ для сентябрьскихъ дней—*Buchez et Roux.* o. c. т. XVIII стр. 70—286, гдѣ помѣщены „Documents complémentaires au mois de Septembre 1792". Mortimer-Ternaux также принимаетъ эту цифру въ 1368 чел. Granier de Cassagnac повышаетъ ее до 1458, причемъ, основываясь на архивныхъ данныхъ, указываетъ, что среди убитыхъ было 43 несовершеннолѣтнихъ. *Mortimer - Ternaux.* o. c. т. III. стр. 295—296 пр. 1, 548.

погибшихъ съ 2-го по 6-е Сентября въ 1300 человѣкъ. Одинъ современникъ даже въ 10.000 человѣкъ[1]).

Отвѣтственность за сентябрьскіе дни должна была наступить позже[2]). Легислатива сочла только нужнымъ вмѣшаться и прекратить бойню. 3-го сентября издаетъ она декретъ[3]), въ которомъ приглашаетъ муниципалитетъ, совѣтъ коммуны и начальниковъ Парижской національной гвардіи принять всѣ мѣры, чтобы гарантировать безопасность людямъ и имуществу.

Въ исполненіе этого постановленія министръ внутреннихъ дѣлъ Роланъ 4-го сентября писалъ Сантерру—главному начальнику Парижской національной гвардіи, чтобы онъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры для водворенія въ Парижѣ порядка и спокойствія, оставляя на его личной отвѣтственности всякое покушеніе на личную безопасность кого бы то ни было въ Парижѣ. Сантерръ отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ и сдѣлаетъ все зависящее отъ него, чтобы исполнить предписаніе министра[4]). Но, конечно, Парижъ успокаивается не сразу, разбойничества на улицахъ не прекраща-

---

[1]) *Pierre de Vaissière.* Lettres d'„aristocrates". стр. 549. Эта цифра—невѣроятна.

[2]) Въ засѣданіи Конвента 20-го января 93 г. послѣ горячаго обсужденія отставки Керсэна, назвавшаго большинство собранія „panégyristes et les promoteurs des assassinats du 2 Septembre", было постановлено—привлечь къ суду всѣхъ виновныхъ въ преступленіяхъ, связанныхъ съ сентябрьскими днями. *А. P.* т. LVII. стр. 511.

[3]) Введеніе къ декрету настолько любопытно, что мы приводимъ его in extenso: „L'Assemblée Nationale, considérant que l'un des plus grands dangers de la patrie est dans le désordre et la confusion; que, sûr de résister aux efforts de tous les ennemis, qui se sont ligués contre lui, le peuple français ne peut se préparer des revers qu'en *se livrant aux accès du désespoir et aux fureurs de la plus déplorable anarchie;* que l'instant où la sûreté des personnes et des propriétés serait inéconnue, serait aussi celui où des *haines particulières substituées à l'action de la loi, où l'ésprit des factions* remplaçant l'amour de la liberté et *la fureur des proscriptions se couvrant du masque d'un faux zèle* allumerait bientôt dans tout l'Empire les flambeaux de la guerre civile, nous livreraient sans défense aux attaques des satellites des tyrans, et exposeraient la France entière aux dangers d'une conflagration universelle". *А. P.* т. XLIX. стр. 275—276. (Курсивъ—вездѣ мой. А Б.).

[4]) Бюшезъ и Ру ядовито замѣчаютъ, что Сантерръ былъ beau frère-омъ Паниса—президента „Comité de surveillance" и онъ отвѣтилъ только тогда, когда уже все было кончено. *Buchez et Roux.* о. с. т. XVII. стр. 430—431. То-же утверждаетъ и Мартэнъ.

ются. Многочисленные патрули не достигают цѣли и гарантій личной безопасности не существуетъ вовсе.

8-го сентября Ласурсъ представилъ Собранію докладъ, въ которомъ указываетъ на чрезвычайныя неудобства, проистекающія отъ скопленія въ Парижѣ, вслѣдствіе ограниченій свободы передвиженія, массы лицъ: стариковъ, женщинъ, несовершеннолѣтнихъ и т. д. Продовольствіе благодаря этому становится затруднительнымъ, что, въ свою очередь, порождаетъ волненія. Ласурсъ предлагаетъ возстановить свободу передвиженія, временно пріостановленную закономъ о паспортахъ 28-го марта. Собраніе съ нѣкоторыми ограниченіями приняло это предложеніе[1]).

Одна изъ Парижскихъ секцій для обезпеченія личной безопасности и имущественной неприкосновенности предлагаетъ установить особыя карточки, засвидѣтельствованныя секціей, которыя каждый долженъ имѣть при себѣ. Пикеты и патрули провѣряютъ наличность этихъ карточекъ и неимѣющіе таковыхъ немедленно подвергаются задержанію. 20-го сентября Національное Собраніе спеціальнымъ постановленіемъ ввело эти карты въ употребленіе, установивъ строгія наказанія до шести мѣсяцевъ тюремнаго заключенія включительно за неимѣніе при себѣ такой карты, засвидѣтельствованной полиціей или за поддѣлку ея (§§ 5 и 6.). Одновременно Легислатива устанавливаетъ тяжкія наказанія для виновныхъ въ незаконномъ арестѣ или незаконномъ нарушеніи домовой неприкосновенности, независимо отъ кары, слѣдуемой по Уголовному Кодексу (§§ 16, 17 и 18 [2]). Въ такихъ случаяхъ Національное Собраніе рекомендуетъ каждому гражданину сопротивляться насилію всѣми возможными для него средствами [3]).

Но Легислатива доживала уже послѣдніе дни.

---

[1]) Законъ 28-го марта остался въ силѣ для пограничныхъ мѣстностей и районовъ, занятыхъ иностранной арміей *А. Р.* т. XLIX. стр. 472—473.

[2]) Другой законъ 15-го сентября 92 г. въ качествѣ необходимой гарантіи устанавливалъ обязательность для всѣхъ комиссаровъ муниципалитета или секцій имѣть при обыскахъ и выемкахъ при себѣ соотвѣтствующіе документы, удостовѣряющіе ихъ право произвести въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ соотвѣтствующій актъ. Документы должны быть предъявляемы по первому требованію гражданину, подвергающемуся обыску. См. *Coffinières.* о. с. т. I. стр. 365.

[3]) *„Des mesures de sûreté et de tranquillité publique pour la ville de Paris"*

Прежде чѣмъ перейти къ общему резюме нашего историческаго очерка, попробуемъ оглянуться на дѣятельность Легислативы въ области защиты личной свободы внѣ тѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы ее до сихъ поръ разсматривали.

Въ одномъ изъ ея раннихъ засѣданій, еще 13-го октября 91 г., когда обсуждался вопросъ объ организаціи различныхъ комитетовъ зашла рѣчь и о необходимости комитета, спеціально вѣдающаго дѣла по «lettres de cachet».

Нѣкоторые указываютъ, что такой комитетъ—безполезенъ, если приведены въ исполненіе постановленія Конституанты и ревизія тюремъ поставлена правильно[1]).

Другіе утверждаютъ, что l. d. c. не вышли еще изъ употребленія и что во Франціи найдется немало гражданъ, пострадавшихъ черезъ нихъ. Между прочимъ, разсказываютъ про Ліонское учрежденіе «Filles pénitentes», объ уничтоженіи котораго хлопочутъ мѣстныя департаментскія власти. Дѣвушки, находящіяся тамъ, подвергнуты деспотическому режиму. Въ концѣ концовъ Легислатива постановила избрать четырехъ спеціальныхъ комиссаровъ для ознакомленія съ бумагами, переданными въ архивъ Комитетомъ «des l. d. c.» и представить Собранію отчетъ о томъ, что было сдѣлано министромъ внутреннихъ дѣлъ въ исполненіе §§ 14 и 15 декрета 16-го марта 90 г.[2]). Избраніе комиссаровъ, однако, не состоялось ни въ этомъ, ни въ ближайшія засѣданія. По крайней мѣрѣ, 1-го ноября читаютъ въ засѣданіи любопытное письмо одного изъ членовъ общества «Victimes du pouvoir arbitraire», въ которомъ онъ указываетъ, что обществомъ были отправлены въ «Comité des l. d. c.» нѣсколько петицій, но всѣ онѣ были оставлены безъ отвѣта.

Buchez et Roux. o. c. т. XVII. стр. 44—47. Раздѣлъ 2-ой декрета толкуетъ о временной организаціи спеціальной вооруженной силы по отдѣльнымъ парижскимъ секціямъ для образованія резервовъ, необходимыхъ въ цѣляхъ поддержанія строгаго общественнаго порядка.

[1]) Въ приложеніи къ засѣданію 13-го декабря 91 г. помѣщенъ между-прочимъ: „*Mémoire sur un nouveau principe pour construire des maisons d'inspection et nommément des maisons de force par Jérémie Bentham*“. *A. P.* т. XXXVI. стр. 61—74. Объ ужасномъ состояніи тюремъ при Легислативѣ см. *A. Tuetey.* Répertoire des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution. т. VI. Introduction. Paris. 1902.

[2]) *A. P.* т. XXXIV. стр. 213.

На этотъ разъ Собраніе дѣйствительно рѣшило произвести выборы четырехъ комиссаровъ[1]). Но никакихъ свѣдѣній о работѣ этихъ комиссаровъ не имѣется. Въ протоколахъ Собранія мы не находимъ никакихъ сообщеній объ этомъ. Въ чаду грозныхъ событій, которыми жила Легислатива, въ градѣ исключительныхъ мѣръ, которыми думала она убить своихъ враговъ, она забыла, вѣроятно, о своемъ порученіи, да ей и некогда было думать о призрачныхъ гарантіяхъ личной свободы, которую она сама душила во имя принципа общаго блага[2]).

Однако, и Легислативѣ приходилось откликаться на петиціи, обращенныя къ ней съ жалобой на произволъ администраціи или неисполненіе закона, а иногда принимать жалобы и на самоё себя. Такъ 18-го октября 91 г. въ Собраніе была представлена петиція земледѣльцевъ. Въ ней земледѣльцы указывали, что Конституанта амнистировала всѣхъ «..égarés, qui seraient tombés dans des excès relatifs à la Révolution». Эту мѣру петиціонеры называютъ «aussi sage que nécessaire, aussi juste que bienfaisante». Между тѣмъ законъ Конституанты не исполняется. Болѣе 600 крестьянъ томится еще въ тюрьмахъ. Послѣ горячихъ преній было рѣшено истребовать отъ министровъ юстиціи, военнаго и морского объясненій, почему законъ 14-го сентября до сихъ поръ не приведенъ въ исполненіе. Военному министру былъ сдѣланъ кромѣ того особый запросъ о причинахъ отказа въ амнистіи четыремъ солдатамъ 58-го полка, заключеннымъ въ тюрьму

---

[1]) *Ibidem.* стр. 560. Имена избранныхъ комиссаровъ не были занесены въ протоколъ; это было сдѣлано только послѣ соотвѣтствующаго заявленія въ засѣданіи 29-го ноября.

[2]) У якобинцевъ въ засѣданіи 30-го апрѣля 92 г. Талліенъ говоритъ, что слѣды Стараго Порядка не исчезли, что въ самомъ центрѣ Парижа находится вторая Бастилія. Это—пріютъ, въ которомъ томится нѣсколько несчастныхъ по l. d. c., подписанныхъ еще Ленуаромъ. Между ними имѣется, напримѣръ, одинъ адвокатъ, попавшій въ заключеніе по ходатайству семьи и который, между тѣмъ, не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ душевнаго разстройства. Во главѣ Бастиліи стоитъ нѣкій Эскиросъ, который на приказъ объ освобожденіи заключенныхъ отвѣчаетъ: „je suis en règle“. Такъ какъ муниципалитетъ—добавляетъ Талліенъ—занятъ въ настоящее время изысканіемъ средствъ для уничтоженія деспотическихъ учрежденій, то граждане имѣющіе что-либо сообщить, приглашаются подавать заявленія прокурору коммуны. „*La Société des Jacobins*“. Aulard (réd) т. III. стр. 546—547.

за нарушеніе дисциплины. Послѣднимъ срокомъ для представленія объясненій было назначено 1-е ноября. Въ протоколахъ Собранія имѣются только объясненія военнаго министра, которыя не удовлетворили Собраніе и были, поэтому, переданы для подробнаго заключенія о нихъ въ военный комитетъ [1]). Послѣдній представилъ свои заключенія 22-го ноября [2]). Послѣ общей оцѣнки закона объ амнистіи, который долженъ былъ, по мнѣнію комитета, сблизить гражданъ и дать особенно счастливые результаты въ войскахъ, комитетъ отмѣчалъ въ докладѣ, что солдаты въ общемъ всегда стояли за свободу и равенство, между тѣмъ какъ офицеры были противъ. Отказать въ амнистіи четыремъ солдатамъ, заключеннымъ въ Блуа, не было никакихъ основаній, между тѣмъ одинъ изъ нихъ былъ освобожденъ только 14-го октября, остальные даже 22-го. Комитетъ, не усматривая въ этомъ вины собственно военнаго министра, такъ какъ послѣдній своевременно направилъ текстъ закона съ собственными соображеніями ко всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей, пришелъ къ заключенію, что виновны мѣстныя власти, подвергавшія солдатъ незаконному задержанію и что на нихъ, поэтому, слѣдуетъ наложить взысканіе въ дисциплинарномъ порядкѣ. Комитетъ кстати высказалъ пожеланіе, чтобы «Comité de législation» представилъ въ возможно скоромъ времени законопроектъ объ отвѣтственности министровъ и другихъ органовъ исполнительной власти [3]). Въ засѣданіяхъ 20-го и 24-го марта обсуждался вопросъ относительно петиціи семи гражданъ, изгнанныхъ безъ какого либо законнаго повода изъ Пондишери. Собраніе, разрѣшивъ имъ вернуться обратно, приняло всѣ издержки по возвращенію ихъ на казенный счетъ и вотировало имъ кромѣ того солидное вознагражденіе [4]). Иначе поступила

---

[1]) *А. Р.* т. XXXIV. стр. 267—272.

[2]) *А. Р.* т. XXXV. стр. 297—300.

[3]) Засѣданіе 2-го іюня 92 г. было посвящено Дюпору, бывшему министру юстиціи, обвинявшемуся по цѣлому ряду серьезныхъ пунктовъ (Usurpation du pouvoir législatif, les atteintes portées à la Constitution et aux lois, dont l'éxécution lui était confiée и т. п.) и, между прочимъ, въ „l'attentat à la liberté individuelle“. Саладэнъ въ обвинительной рѣчи указывалъ, что министръ подъ самыми ничтожными и нелѣпыми предлогами (le plus vain.., le plus absurde) продолжалъ заключеніе одного гражданина, который по закону долженъ былъ быть свободенъ. 5-го іюня Дюпоръ былъ признанъ невиновнымъ. *А. Р.* т. XLIV. стр. 469—471.

[4]) *А. Р.* т. XL. стр. 460—461.

Легислатива въ другомъ случаѣ. Въ ноябрѣ 91 г. было вскрыто письмо нѣкоего Деляттра—профессора права къ Калонну. Письмо было оглашено въ Собраніи 24-го ноября. Деляттръ былъ признанъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ. Было постановлено немедленно подвергнуть его тюремному заключенію, описать его бумаги и опечатать все имущество [1]. 25-го декабря Деляттръ-сынъ въ сопровожденіи матери и бабушки явился въ Собраніе защищать отца. Нарушеніе письмовной тайны есть преступленіе—говорилъ Деляттръ—оскорбленіе деклараціи. Письмо должно быть возвращено во имя ненарушимости Конституціи...Конституція и декретъ—говорилъ онъ, обращаясь къ Собранію—не могутъ существовать одновременно; они отрицаютъ другъ друга. И молодой Деляттръ то требуетъ, то молитъ отмѣны постановленія Собранія отъ 24-го ноября и освобожденія отца. Президентъ въ очень мягкихъ выраженіяхъ указалъ ему на невозможность немедленнаго исполненія его просьбы, но обѣщалъ вторично разсмотрѣть дѣло, причемъ замѣтилъ, что декретъ продиктованъ соображеніями «Salut public» и въ критическую для государства эпоху [2].

Такимъ образомъ, права и гарантіи личной свободы становились при Легислативѣ призрачными каждый разъ, какъ онѣ могли представить какую-либо опасность для «общаго блага» въ томъ смыслѣ, какъ его понимало Собраніе. Легислатива выступала на защиту личной свободы лишь тогда, когда пользованіе ею не противорѣчило ея собственнымъ планамъ и интересамъ или когда ограниченіе правъ личности исходило отъ учрежденій и властей, враждебныхъ революціи. Наоборотъ, она не задумывалась передъ разгромомъ всякихъ гарантій, разъ онѣ казались ей препятствіемъ для реализаціи ея предначертаній. Наконецъ, мѣропріятія Легислативы въ значительной мѣрѣ объясняются и той непрестанной борьбой за вліяніе, которую вели наиболѣе могущественныя партіи какъ въ стѣнахъ Собранія такъ и далеко за его предѣлами.

---

[1] *А. Р.* т. XXXV. стр. 356—357.
[2] *А. Р.* т. XXXVI. стр. 376—378.

Большинство Собранія было умѣреннымъ, монархическимъ [1]). Среди депутатовъ демократическаго Парижа было болѣе всего или прямыхъ фельяновъ или приверженныхъ къ фельянству. На 24 Парижскихъ депутата было только 3 или 4 якобинца. Правая была могущественна, сосредоточивъ въ своихъ рядахъ къ февралю 92 г. до 250 членовъ. Они были конституціонными монархистами и любили себя называть—конституціонными роялистами (royalistes constitutionnels). Политикой ихъ была политика фельяновъ, политика весьма двусмысленная, почему революціонеры называли фельяновъ—роялистами, а роялисты—революціонерами [2]). Центръ, любившій называть себя независимыми (indépendants), насчитывалъ въ своей средѣ отъ 250—300 человѣкъ. Лѣвая образовалась изъ жиронди-

---

[1]) Въ Легислативѣ было 730 членовъ вмѣсто 1200 Конституанты. Среди депутатовъ преобладала молодежь въ возрастѣ отъ 25 до 30 лѣтъ. Большинство (до 400 чел.) вышло изъ адвокатской среды, чѣмъ объясняютъ нѣкоторые изслѣдователи страсть Легислативы къ реторикѣ, эффектамъ, патетическимъ сценамъ. „L'Assemblée actuelle—писалъ Баронъ Сталь—n'est presque que le conseil des avocats de toutes les villes et villages de Françe". См. *Taine* o. c. т. II стр. 95 и далѣе. Въ Собраніи жили одновременно два основныхъ настроенія: демократическое, республиканское и буржуазное, умѣренное. Большинство Собранія вплоть до 10 августа склоняется то къ лѣвой, то къ правой, оставаясь по существу монархическимъ. Якобинцы въ эту пору были еще монархистами и рѣдкіе республиканцы, вошедшіе временно въ Легислативу, отказывались отъ своихъ республиканскихъ идеаловъ (Кондорсэ). Война, объявленная 20-го апрѣля 92 г. сыграла большую роль въ смыслѣ распространенія республиканскихъ идей въ широкихъ народныхъ массахъ, а также и въ развитіи и укрѣпленіи республиканской партіи, хотя еще и 20-е іюня отнюдь не было республиканской манифестаціей. Необходимо имѣть въ виду, что и Камиллъ Демуленъ, и Робеспьеръ вплоть до 10-го августа были ярыми врагами республиканизма. Наконецъ, въ исторіи республиканскихъ идей слѣдуетъ строго различать политику департаментовъ, настроенныхъ „буржуазно", умѣренно, одушевленныхъ идеями федерализма и политику коммуны, въ которой преобладали демократическія, антимонархическія ноты. Именно въ коммунѣ зрѣло республиканское настроеніе. Марсельцы, бывшіе наиболѣе яркимъ элементомъ въ средѣ федералистовъ, расположенныхъ подъ Парижемъ, были открытыми республиканцами. См. особ. *Aulard*. Histoire politique de la révolution française. стр. 174—175, 179—184, 192—201.

[2]) Жирондисты, называя себя самихъ „patriotes", называли фельяновъ—„modérés", монтаньяровъ—„enragés". Бриссо въ „Patriote français" отъ 18-го мая 92 г. даетъ слѣдующее опредѣленіе этимъ терминамъ: „Patriote—ami du peuple, ami de la Constitution. Modéré—faux ami de la Constitution, ennemi du peuple. Enragé—faux ami du peuple, ennemi de la Constitution". *Buchez et Roux*. o. c. т. XIV. стр. 232.

стовъ и монтаньяровъ. Здѣсь достаточно указать, что жиронда и монтаньяры, бывшіе или якобинцами или находившіеся подъ вліяніемъ якобинцевъ, были непримиримыми врагами.

Жиронда, вышедшая изъ рядовъ просвѣщенной буржуазіи, состоявшая, по преимуществу, изъ интеллигентовъ и кабинетныхъ теоретиковъ, насчитывавшая въ своихъ рядахъ мыслителей, ученыхъ, артистовъ была далека отъ непосредственной жизни, была слишкомъ идеалистична и абстрактна въ блестящихъ рѣчахъ, задуманныхъ въ кабинетахъ и салонахъ. Монтаньяры—якобинцы были людьми улицы, постоянно якшавшіеся съ ней, знавшіе ее и по своему любившіе ее. У нихъ было больше знанія народа и, невзирая на отвлеченныя умствованія и шумную реторику, которымъ они любили предаваться, больше практическаго смысла, чѣмъ у ихъ политическихъ враговъ. Они исповѣдывали болѣе жестокую, но болѣе жизненную и потому болѣе дѣйствительную мораль, чѣмъ жиронда. Въ то время, какъ послѣдняя, упиваясь теоретическими построеніями, говорила въ неопредѣленное пространство, якобинцы опирались или, по крайней мѣрѣ, стремились опереться на реальныя силы, на людей, которые были у нихъ тутъ—въ Парижѣ подъ рукой и которые не только кричали имъ о своемъ сочувствіи, но, при случаѣ, могли оказать и реальную поддержку въ той или иной формѣ. Въ то время, какъ жиронда грезила о буржуазной республикѣ съ широкой мѣстной автономіей, съ безусловнымъ торжествомъ личнаго начала надъ государственнымъ, якобинцы замышляли также буржуазную, хотя и болѣе демократическую республику, но съ обратнымъ торжествомъ государственнаго начала надъ личнымъ.

Послѣ того какъ бурнымъ революціоннымъ вихремъ были снесены наиболѣе ненавистныя учрежденія Стараго Порядка, жирондисты отстаивали—за отдѣльными исключеніями—идею мирнаго органическаго развитія, требовали торжества закона надъ произволомъ, утвержденія дѣйствительныхъ гарантій индивидуальной свободы. Якобинцы съ своей идеей «общественнаго спасенія» готовы были все принесть въ жертву государственной необходимости, не останавливаясь ни передъ чрезвычайными комиссіями и трибуналами, проскрипціей и гильотиной, ни даже передъ диктатурой. Они пытались даже говорить отъ имени «революціон-

наго пролетаріата», хотя по основнымъ принципамъ они были ему столь же чужды, какъ и жирондисты. И ненависть между тѣми и другими питалась постоянно взаимными опасеніями за стремленіе усвоить себѣ диктатуру. Этотъ глубокій внутренній расколъ, конечно, не могъ не оказать вліянія на всю политику Легислативы. Въ Конвентѣ этотъ расколъ кончается драмой.

Мы тщательно прослѣдили законодательство Легислативы о личной свободѣ въ связи съ ея бурной исторіей. Казалось, Легислатива должна была облечь въ плоть и кровь начала, возвѣщенныя Конституантой, утвердить на прочныхъ основаніяхъ гарантіи личной свободы. На дѣлѣ вышло иначе. Мы не только не знаемъ новаго законодательства, которое бы обратило, наконецъ, слова Деклараціи въ реальную дѣйствительность, но видимъ, наоборотъ, какъ Легислатива фактически отмѣняетъ ее рядомъ чрезвычайныхъ законовъ, лишающихъ свободу всякихъ дѣйствительныхъ гарантій. Законодательство Легислативы не знаетъ недостатка ни въ спеціальныхъ трибуналахъ, ни въ ограниченіяхъ свободы передвиженія, ни пріостановкахъ дѣйствующихъ уже гарантій личной свободы.

Но могло ли быть иначе?

Конституанта всколыхнула широкія народныя массы. Она соблазнила и увлекла ихъ своими возвѣщеніями «естественныхъ правъ», но она же открыла и политику преслѣдованій и Легислатива, послушно принявшая ея наслѣдство, невольно пошла по тому пути, который былъ предрѣшенъ Конституантой. Если Конституанта могла еще иногда проявлять инціативу и проводить свои принципы въ жизнь, то Легислатива въ большинствѣ случаевъ была уже не властна надъ событіями, слѣдовавшими одно за другимъ съ неумолимой послѣдовательностью. Конституанта была силой вырвана у Стараго Порядка. Растерявшееся правительство должно было уступить и новая революціонная власть съ лихорадочной поспѣшностью, не пугаясь ломки старыхъ учрежденій, принялась передѣлывать заново весь строй, оставляя лишь обезсиленную коронованную голову да традиціонную безотвѣтственность администраціи! Среди поклонниковъ и приверженцевъ Стараго Порядка она растила себѣ

многочисленныхъ враговъ, но она не останавливалась предъ этимъ, свято вѣруя въ свою революціонную миссію. Уже Конституантѣ приходилось сдерживать народныя массы и тушить революціонный пожаръ, ибо Конституанта понимала, что консолидація революціи могла быть только буржуазной, а не широко демократической, какъ этого требовали отдѣльные голоса, поддерживаемые смутнымъ, но раздраженнымъ гуломъ народа. Легислативѣ же пришлось выступить активно въ ту пору, когда страсти достигли уже высокаго напряженія, когда было ясно всѣмъ, что открывается послѣдняя рѣшительная борьба между новымъ и старымъ, борьба, въ которой та и другая сторона будутъ равно безпощадны. Къ этому времени сформировались партіи и клубы съ опредѣленной политической программой, громаднымъ агитаціоннымъ аппаратомъ, дѣйствовавшимъ на всю страну, какъ у якобинцевъ. Мы видимъ, какъ постепенно недовѣріе и ненависть къ королю эволюціонируютъ въ республиканскія убѣжденія, сперва въ секціяхъ революціоннаго Парижа, его коммунѣ, затѣмъ у якобинцевъ, а черезъ нихъ въ народѣ [1]).

Легислатива жила въ атмосферѣ борьбы и ненависти. Она была несвободна [2]). Ею руководила улица, руководили партіи и клубы, руководили трибуны [3]). И ея законодательныя мѣропріятія—

---

[1]) 23-го января 92 г. Парижская національная гвардія представила Легислативѣ адресъ, въ которомъ требовала закрытія Парижскихъ клубовъ. „Клубъ якобинцевъ—говорилось въ адресѣ—убѣжище всѣхъ преступниковъ, пытающихся скрыться отъ руки правосудія... О королѣ и королевѣ, которыхъ мы обожаемъ, тамъ отзываются въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ... Въ Palais-Royal собираются разбойники всѣхъ странъ (les brigands de tous les pays)“. *А. Р.* т. L. стр. 320—321.

[2]) „L'Assembleé Législative a été taxée d'impuissance et d'irrésolution“—писалъ Карно. *Hippolite Carnot.* о. с. т. I. стр. 271.

[3]) Въ засѣданіи 24-го января 92 г. Собраніе сдѣлало попытку бороться противъ „неистовствующихъ трибунъ“—этой „арміи меньшинства“, по выраженію Тэна. Засѣданіе этого дня могло служить иллюстраціей полнаго безсилія Собранія передъ трибуной, которая не стѣсняясь освистывала или одобряла рѣчи отдѣльныхъ депутатовъ. Протесты нѣкоторыхъ, вродѣ Дюкастеля, напомнившаго Собранію о декретѣ Конституанты 21-го іюня 91 г., воспрещавшемъ лицамъ, находившимся на трибунѣ, выражать какими-либо знаками одобреніе или неодобреніе подъ угрозой удаленія изъ Собранія, были заглушены свистомъ трибуны. Собраніе приходитъ въ крайнее возбужденіе. Одни поддерживаютъ Дюкастеля, другіе требуютъ перехода къ очереднымъ дѣламъ. Дюкастель:

не есть спокойная органическая работа. Худо или хорошо она боролась за революцію, какъ она ее понимала. Постоянно она находилась въ положеніи самообороны [1]). Ея законы были оружіемъ противъ враговъ. Въ этихъ условіяхъ отсутствіе гарантій личной свободы было въ ея рукахъ самымъ надежнымъ оружіемъ.

„J'entends demander l'ordre du jour. En ce cas l'Assemblée n'est pas libre. Elle est libre pour ceux qui aiment cette liberté—là; elle ne l'est pas pour moi.. En ce cas il faut sortir et retourner dans nos départements!" Послѣ непродолжительныхъ преній былъ принятъ декретъ, запрещавшій всякіе знаки одобренія и неодобренія на трибунахъ. *A. P.* т. XXXVII стр. 615—616. Декретъ, конечно, не могъ имѣть серьезнаго значенія. Въ театральномъ засѣданіи 9-го апрѣля 92 г., гдѣ парадировала національная гвардія, Собраніе—сдержано, трибуна шумно апплодируетъ. Въ засѣданіи 5-го августа 92 г. несдержанность трибуны вызываетъ новое спеціальное постановленіе. Ср. также *Taine.* o. c. т. II стр. 105—106, 110—113.

[1]) Упреки, которые расточаетъ M-me de Staël Легислативѣ за то, что она „ne fit que des décrets de circonstance", обнаруживаетъ полное непониманіе той исторической обстановки, въ которой приходилось дѣйствовать Легислативѣ. См. *Madame la baronne de Staël* o. c. т. II. стр. 33.

